

МОЛОДЕЖНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 5

Гомель 2025

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский дом в Гомеле

МОЛОДЕЖНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей

Основан в 2021 году

Выпуск 5

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

ISBN 978-985-32-0141-3

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

Молодежный филологический вестник [Электронный ресурс] : сборник научных статей. Выпуск 5 / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский дом в Гомеле ; редкол. : О. М. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. данные (7,06 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа: <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

В сборнике представлены научные статьи аспирантов, магистрантов, бакалавров и студентов, посвященные системному, функциональному и историческому исследованию языковых единиц, проблемам сопоставительного изучения языков и лингвокультур, художественного перевода, вопросам методики преподавания языков.

В центре внимания молодых исследователей фразеологическое и паремиологическое наследие, семантика слова в синхронии и диахронии, филологический анализ художественного текста, специфика языковой личности и текста в цифровую эпоху, особенности интернет-коммуникации, проблемы экологии языка в условиях глобализации, своеобразие межкультурной коммуникации.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам-филологам, специалистам в области языкознания, литературоведения, коммуникологии и методики преподавания филологических дисциплин.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке
Филиала представительства Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русского дома в Гомеле

Редколлегия:

О. Н. Мельникова (отв. ред.), Е. И. Холявко (зам. отв. ред.),
Л. М. Шецко (отв. секр.), О. И. Солодкая, Н. И. Лапицкая

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
кандидат филологических наук Л. В. Поплавная

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ГГУ имени Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104
Тел.: 50-49-03, 51-21-47
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абаева О. В.</i> Возмущение как реакция на социально значимые проблемы: лингвокультурологический и прагмалингвистический аспекты (на материале комментариев в русскоязычных и англоязычных СМИ).....	7
<i>Алимбаева А. Н., Головаха В. С., Дубинина А. В.</i> Пословицы с зоонимами в немецком языке	10
<i>Амирбекова А. А.</i> Лингвокультурологический потенциал пословиц и поговорок народов Дагестана (на материале пословиц с компонентом-этнолингвомаркером)	13
<i>Артемяева А. И.</i> Лингвокультурное декодирование концепта «Рыба» в поэтическом дискурсе Светланы Кековой	17
<i>Артемяева Д. М.</i> Русские и итальянские паремии с компонентом <i>mpu/tre</i>	20
<i>Архипова Е. Н.</i> <i>Сосиска</i> как компонент русских сравнительных конструкций	23
<i>Ашурова Д. Д.</i> Слова-реалии в немецком языке	27
<i>Багдасарян А. К., Мартиросян Л. В.</i> Духовно-нравственный потенциал русских пословиц с семантикой семьи	29
<i>Барадаўка К. М., Лебедзева В. С.</i> Назвы малой радзімы ў паэзіі Міхася Башлакова...	32
<i>Белова О. Д.</i> Текстобразующие мотивы и образы в романе К. М. Симонова «Товарищи по оружию»	34
<i>Берёзко Н. В.</i> Имена апостолов как символы богопроявленности (на материале библейских текстов).....	37
<i>Бескровная В. А.</i> <i>Сарделька</i> как эталон формы в русских адъективах с элементами <i>-видный, -образный</i> и <i>-подобный</i> : реализация в текстах при описании человека	40
<i>Бибикова А. Е.</i> Темпоральные синтаксически несвободные сочетания с лексемами с фазисным значением в романе В. Каверина «Два капитана»	43
<i>Бисенова С. Р.</i> Стихотворение А. Блока «О, я хочу безумно жить...»: социолингвистическая и лингвокультурологическая интерпретация	46
<i>Ванюшина Д. Ю.</i> Роль фразеологизмов в цикле Д. Н. Мамина-Сибиряка «Аленушкины сказки».....	48
<i>Варсонофьева Е. С.</i> Несобственно-прямая речь как средство художественной образности в произведении Анны Джейн «Восхитительная ведьма»	51
<i>Васильева Е. В.</i> Образ волка в русской лингвокультуре	54
<i>Вахтеева О. А., Пинжакова Я. А.</i> Об английских фразеологических заимствованиях в немецком языке.....	57
<i>Величко У. А.</i> Функционирование претеритальных действительных причастий в списке (РНБ, Q.I.1447, л. 124–155 об.) Стишной редакции Жития Димитрия Прилуцкого	60
<i>Водолазов Е. Н.</i> Гендерные особенности вербализации в интернет-пространстве ...	63
<i>Волкова А. Н.</i> Язык болельщицкого баннера: прецедентный текст и его трансформация	66
<i>Воробьев Р. С.</i> Речевая характеристика персонажа и языковая картина мира нанайцев в романе Н. П. Задорнова «Амур-батюшка».....	68
<i>Гарусова Т. В.</i> Геймификация как инструмент формирования орфографической и пунктуационной зоркости учащихся средней школы	71
<i>Голуб Я. П.</i> Интродуктивная функция ретроспекции в романе Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе»	74
<i>Гостев С. П.</i> Поэтика военной прозы О. Ермакова в цикле «Афганские рассказы»	76
<i>Гридневская-Кокина Т. К.</i> Особенности интерпретации В. Набоковым романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Предисловие» к переводу на английский язык).....	78

<i>Грищенко Е. И.</i> Лингводидактическая игра как инструмент раскрытия страноведческого потенциала паремий на уроке РКИ.....	81
<i>Громова Е. А.</i> Проявление коллективной и индивидуальной травмы в речи людей, переживших землетрясение.....	84
<i>Гусейнова А. Г.</i> Стилистические особенности устаревших фразеологических оборотов в повести Н. В. Гоголя «Шинель».....	87
<i>Дёмина Е. Ф.</i> Фридрих Гёльдерлин в Чехии в XX веке	89
<i>Денисова А. Р.</i> Сочинение по впечатлениям (на основе виртуальной экскурсии, посвящённой Великой Отечественной войне)	92
<i>Дергач О. Д.</i> Функционирование тавтологии в текстах студенческих СМИ (на материале студенческих пабликов во ВКонтакте и сайтов университетов)	94
<i>Димакова А. А., Панихидина А. Д.</i> Современные бытовые реалии в неопразологизмах в немецком языке	96
<i>Долбина А. А.</i> Система работы по формированию коммуникативной компетенции при изучении глагола и глагольных форм в основной школе.....	99
<i>Дорогань Д. М.</i> Желать vs намереваться.....	102
<i>Ежова М. П.</i> Об отражении гендерной асимметрии в китайской иероглифике...	105
<i>Емельянова Ю. А.</i> Язык еды и кулинарная культура Китая.....	108
<i>Епифанова Е. А.</i> Метафорическая модель «человек ↔ пища» в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»	111
<i>Жаркова А. В.</i> Роль паремий в создании культурно-ценностного содержания лингвокультурного типажа <i>врач</i>	114
<i>Жигунова А. В.</i> Маркеры философского текста в прозе М. М. Пришвина (на примере поэмы «Фацелия»).....	118
<i>Жигунова Н. В.</i> Чеховские мотивы в творчестве Владимира Соколова	120
<i>Заболотская П. В.</i> Языковые средства создания образа Екатерины II в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»	122
<i>Іванюк Г. А.</i> Адметнасці вивучэння інтымнай лірыкі У. Дубоўкі студэнтамі-філолагамі	125
<i>Калинина Е. А.</i> Благословение: слово и понятие.....	128
<i>Капралова О. А.</i> Сакральное пространство малой родины в прозе В. З. Исакова: от элегического настроения к ностальгии	132
<i>Карамышева Е. А.</i> Геймификация как средство формирования орфографической зоркости у младших школьников-билингвов	134
<i>Карпова О. О.</i> Типы вербальных маркеров конфликта в российском медиадискурсе и особенности их функционирования.....	136
<i>Катышева А. Е.</i> Языковая игра как способ создания комического эффекта в произведении Григория Остера «Вредные советы»	139
<i>Кнырэвіч А. С.</i> Лексема <i>бульба</i> : этнакультурны змест	141
<i>Коврегина Г. В.</i> Некоторые особенности речевого портрета Велимира Хлебникова (на материале писем).....	144
<i>Коновалов М. А.</i> Технология РКМЧП как средство формирования читательской грамотности на уроках русского языка и литературы	147
<i>Коровинская Д. К.</i> Особенности психологизма в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад»: функция маски	150
<i>Кравченко В. А.</i> Фразеологизм <i>хромая утка</i> : происхождение и особенности функционирования.....	153
<i>Кузина С. Р.</i> О стилистической окраске феминитива.....	156
<i>Лебедева А. П.</i> Морфологические средства связи предложений в тексте (на материале произведений К. Г. Паустовского)	159

<i>Лещенко Е. Г.</i> Методика адаптации историко-контекстуального метода при работе с иностранными студентами	163
<i>Лимаренко М. Р.</i> Способы номинации местночтимых святых в устных легендах Русского Севера (на материале архива СДК)	166
<i>Лобанович А. В.</i> Мифонимы и мифопоэтические образы в эмпоронимическом пространстве Гомеля	169
<i>Лукьянова В. Э.</i> Термин родства <i>мать/анне</i> в русских и чувашских загадках	172
<i>Лю Э.</i> Аксиологический аспект рассмотрения зооморфизма <i>орел</i> (на материале художественного текста)	175
<i>Макарова М. Н.</i> Рецепция творчества Г. Ибсена в поэзии А. Блока	178
<i>Малинкина Е. В.</i> Оценочность в идиостиле миниатюр Юрия Бондарева	181
<i>Манищкова С. А.</i> Специальная лексика в дискурсе футбольных комментаторов	184
<i>Марченя В. М.</i> К вопросу о лингвокультурологическом анализе названий осенних сезонов в китайском календаре	186
<i>Мауль А. А.</i> Сравнительный анализ пассивных конструкций в современном немецком и английском языках	190
<i>Медведева А. Д.</i> Ось «свой – чужой» в легендарном дискурсе о коренном населении Архангельской области	192
<i>Мередова А. Ш.</i> Особенности представления лексем <i>adam, ynsan, yns</i> и <i>человек</i> в толковых словарях русского и туркменского языков	195
<i>Мизитова К. С.</i> Лексика тактильности в рассказах В. Набокова «Месть» и «Удар крыла»	198
<i>Михайлова А. Р.</i> Слова и образы памяти в романе Марии Степановой «Памяти памяти»	200
<i>Моисеенко К. А.</i> Русские паремии с компонентом <i>судьба</i>	202
<i>Морозикова Я. С.</i> «Сказание о древе златом и о златом попугае» XVII века: опыт герменевтического анализа русского средневекового текста	205
<i>Морозова П. Д.</i> Языковые особенности речи героев книги А. А. Черубаева «Приключения Олжика и Вовки»	208
<i>Мункуева И. Ц., Рассолов А. В.</i> Фразеологизмы с колоративами в немецком языке	210
<i>Мухутдинова Г. Ф.</i> Происхождение образа Алексея Кирилловича Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	213
<i>Нгуен Тхань Хай</i> Лингвометодический потенциал российских мультфильмов в процессе обучения русскому языку как иностранному (на примере серии «Вежливость» мультсериала «Просто о важном: про Миру и Гошу»)	217
<i>Нечаева П. А.</i> Библейский образ щегла в романе Донны Тартт «Щегол»	220
<i>Новиков Д. А.</i> Номинация в сфере военной беспилотной авиации: лингвистический аспект	222
<i>Оберюхтина М. П.</i> Дидактический потенциал текстоцентрического подхода для развития критического мышления	225
<i>Останина Е. Ю.</i> Влияние ИИ-инструментов на внутреннюю и внешнюю мотивацию обучающихся русскому языку в 5 классе	227
<i>Парамонова С. Н.</i> Стилистические функции авторской пунктуации как явления в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»	230
<i>Победимова Р. Р.</i> Цифровые нарративы в системе речеведческой подготовки современных школьников	233
<i>Пятницына С. Р.</i> Способы передачи немецких рекламных слоганов при переводе на русский язык	236
<i>Реутова А. В.</i> Конкретно-историческое и художественно-условное в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка»	238

<i>Рябченко Д. И.</i> К истокам семантики слова <i>образ</i>	241
<i>Рязанова А. Е.</i> Формы родительного падежа существительных в Приходной книге Томска 1630-х годов	244
<i>Садовникова М. О.</i> Особенности перевода гастрономических реалий с немецкого языка на русский	247
<i>Симакова А. Д.</i> Репрезентация концепта «Женщина» в современном российском медиадискурсе (на материале новостных интернет-ресурсов и постов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram»)	249
<i>Славгородская Е. Е.</i> Сербские паремиологические единицы с анималистическим компонентом и их варианты	253
<i>Слащева М. Ю.</i> «Я вам покажу Бильдера»: роль речевой характеристики в создании образа главного героя рассказа А. Грина «Капитан Дюк»	258
<i>Сокольников К. С.</i> Невербальная коммуникация как аспект языковой культуры... ..	261
<i>Спектор О. М.</i> О внутренней форме глагола <i>уволить</i> в русском языке.....	264
<i>Ставская М. А.</i> Сложноподчиненные предложения-афоризмы с уступительными отношениями	267
<i>Субинуэр</i> Русские устойчивые сравнения с тематическим компонентом «музыкальные инструменты»: лингвокультурологический аспект	270
<i>Судник Д. М.</i> Постановка закрывающей кавычки при цитации после точки (реплика в связи с развитием информационного дизайна в Интернете)	273
<i>Сун Цинь</i> Орфографическое упрощение в русских и китайских социальных сетях . ..	276
<i>Тарасова М. П.</i> Семантика глагольных безличных предложений в лирике Роберта Рождественского	279
<i>Фенина А. А.</i> От позора к кринжу: семантическая адаптация неологизмов в русском языке	281
<i>Фесенко А. П.</i> Конструкция типа <i>суета сует</i> в русском языке XI–XVII веков....	284
<i>Фролова Д. Е.</i> Термин <i>триггер</i> по данным Национального корпуса русского языка	287
<i>Хопхаян А. А.</i> Ценностные ориентиры концепта «Семья» в современном российском медиапространстве	290
<i>Юрьев Д. Д.</i> Сложное слово как элемент словообразовательной системы немецкого языка.....	293
<i>Яковлева В. А.</i> Функционирование предикатов состояния в социальной журналистике.....	295

О. В. Абаева

Научный руководитель – **О. В. Ширяева-Ширинг**,
д-р филол. наук, доцент

**ВОЗМУЩЕНИЕ КАК РЕАКЦИЯ НА СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ПРОБЛЕМЫ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Аннотация. В статье приводится сравнительно-сопоставительный анализ реализации категории возмущения в русско- и англоязычном медиапространстве на примере группы публикаций и комментариев к ним, касающихся частного вопроса – закрытия ипподрома. Показывается, что категория возмущения в публикациях, не относящихся к универсальным общечеловеческим вопросам, имеет сильную зависимость от социокультурного контекста.

Ключевые слова: медиадискурс, категория возмущения, прагмалингвистический аспект, лингвокультурологический аспект.

Категория возмущения в современном медиадискурсе представляется одной из самых показательных в том смысле, что реализуется, как правило, на нескольких уровнях: сначала в публикации, вызвавшей резонанс, а далее – в многочисленных резонирующих комментариях. Вместе с тем на данный момент нельзя категорию возмущения уверенно назвать достаточно исследованной: бесспорно, научные работы по эмотиологии, касающиеся возмущения, есть (см, например: [1, 2, 3, 4, 5, 6]), однако эти работы носят преимущественно общий характер. Так, до сих пор эмоции в современном медиапространстве являются полем для активной лингвистической исследовательской деятельности, особенно когда мы обращаемся к текстам, написанным на злободневные темы.

Исследуя категорию возмущения в русском и английском медиадискурсах, мы выявили, что, если исключить острые политические вопросы, возмущение носителей обоих языков в медиасфере обычно вызвано универсальным тематическим набором: как для русскоговорящих, так и для англоговорящих людей, как правило, характерно проявление возмущения по поводу, например, жестокого обращения с животными, загрязнения окружающей среды, действий властей и т. д. Может создаться впечатление, что категория возмущения в различных языках схожа во всем – темах, вызывающих возмущение в медиапространстве, лингвистических средствах и т. д.

Однако в данной работе мы хотели бы предложить взгляд на категорию возмущения, преломленный сквозь призму лингвокультурологии, которая исходит из того, что при всем наборе общечеловеческих ценностей в разных лингвокультурах будут иметься различия. Для лингвистического анализа категории возмущения нами была взята одна частная тема – закрытие ипподрома. Материалом исследования стало следующее: на русском языке – серия публикаций о закрытии ростовского ипподрома (6): 28 августа 2025 года, 11 сентября 2025 года, 9 октября 2025 года, 13 октября 2025 года, 15 октября 2025 года, 17 октября 2025 года; на английском языке – серия публикаций о закрытии ипподрома «Голден Гейт Филдс» (Golden Gate Fields), который располагался в городах Олбани и Беркли, штат Калифорния, США (2): 17 июля 2023 года, 1 августа 2023 года. Всего был проанализирован 331 комментарий.

Первое, что стоит отметить в связи с данной выбранной частной темой, – это количество публикаций. Закрытие ипподрома в Ростове-на-Дону отражено по меньшей мере в шести публикациях, тогда как аналогичный случай с ипподромом в штате Калифорния послужил поводом для двух статей (количество подборок указывается в соответствии с выбранными периодами). Этот факт важно учитывать при дальнейшем подсчете проанализированных комментариев: на момент проведения исследования статьи о закрытии ростовского ипподрома стали отправным пунктом для 328 комментариев, тогда как

публикации о «Голден Гейт Филдс» заслужили только 3 комментария, хотя на всех площадках, на которых были размещены статьи, предоставлялась возможность комментирования. Можно сделать вывод о том, что один и тот же объект имеет различную социальную значимость для людей в разных странах, в связи с чем связанные с ним новости получают различный резонанс.

Если сделать социокультурную зарисовку, мы увидим, что, несмотря на тот факт, что далеко не каждый житель Ростова-на-Дону посещал ипподром, его наличие само по себе имеет важное социокультурное значение по ряду причин. Во-первых, ипподром как место локации лошадей в современном большом городе крайне важен для ростовчан. Лошадь для Ростовской области фактически как визитная карточка, связанная с редкими породами диких лошадей (донских мустангов). Во-вторых, ипподром как строение воспринимается как памятник архитектурного наследия (правда, официально им не признанный), возведенный в советскую эпоху (1930 г.), но корнями уходящий в дореволюционную историю. Учитывая вопрос о сохранении исторического облика города, остро стоящий перед Ростовом-на-Дону в связи с большим количеством застройки новыми ЖК, ипподром, находящийся в центральном районе, потенциально рассматривается как желанная земля для элитного жилья. В-третьих, вопрос о закрытии ипподрома подогревается тем, что его текущим собственником является компания из г. Краснодара – неофициального постоянного «соперника» Ростова-на-Дону за звание столицы Юга России. Даже эти немногочисленные социокультурные факты обеспечивают любую новостную публикацию на тему закрытия ростовского ипподрома множеством комментариев, реализующих категорию возмущения.

Параллельно в акте закрытия ипподрома в Калифорнии мы не видим ничего похожего. Скорее наоборот: ипподром не просто имел крайне посредственное значение для жителей городов Олбани и Беркли, но и воспринимался местом, в котором над лошадьми издеваются, заставляя их жить в замкнутом пространстве. Социальное возмущение больше возникало из-за наличия ипподрома, нежели его закрытия: как вид спорта скачки не являются популярным ни в современной России, ни в США, во всяком случае не в указанных локациях, однако как для ростовчанина важен сам факт наличия лошадей в городе с официальной «пропиской» на ипподроме, так и для общественности Олбани и Беркли важно было ликвидировать место жестокого по отношению к лошадям вида спорта: *horse racing is “an outdated industry that profits off gambling and animal cruelty”; a cruel and dying industry* [7, 8]. Другими словами, имея одинаковый инфоповод, мы получаем в целом тот или иной текст с реализуемой в нем категорией возмущения. Но, во-первых, возмущение направлено на противоположные исходные точки; во-вторых, возмущение в одном – как история, закрытая самим фактом ликвидации ипподрома, потому и не порождающая волны комментирования, а в другом – как живая реакция на намерение убрать ипподром, выражающаяся в сотнях возмущенных комментариев.

Удивительно, что реализация категории возмущения в таком частном вопросе, как закрытие ростовского ипподрома, буквально имеет веерную структуру: начинаясь с возмущения от факта закрытия, продолжается возмущением: 1) по поводу уничтожения исторического облика города, 2) из-за факта передачи ипподрома в частные руки, 3) завуалированным, но вполне считываемым возмущением относительно нахождения собственника в Краснодаре, 4) относительно застройки центра очередным ЖК с закрытым, т. е. не доступным всем горожанам, парком вместо открытой для всего города парковой зоны для отдыха, 5) на действия или бездействие властей и т. д.

Приведем примеры:

И кто выносил решение о том, что ипподром не имеет исторической ценности? Его построили в 1902 году, но исторической ценности нет, потому что земля под ним лакомый кусочек. А фонтан это как бусинки для индейцев? Возьмите и радуйтесь? Центр должен остаться историческим! [9].

Бедный наш ипподром! Ведь застроят же его эти нехристи свечками – человекниками в 35 этажей! А о том, что там будет парк – это скорее всего просто сказки! [10].

*А может **Неометрию надо закрыть**? А за одно и заинтересованных в закрытии ипподрома и строительстве члoвeйникoв? [11].*

*Кто-нибудь остановит эту **бесовщину**? [11].*

*Оставьте ипподром на месте, а **Неаметрия пусть отправляется к себе на родину** <в г. Краснодар> [12].*

*... вот все что что-то хотел знать о губернаторе, о жителях, о **культурном наследии о социальном развитии и обо всем**. Как бабок гонять на рынке так все смелые [12].*

*... почему молчит прокуратура? ведь факт передачи объекта, еще Чубом, можно проверить. Возможно, это **незаконно было передано** в частную собственность [13].*

... у автора своеобразное представление об «успехе» Краснодара)) [14].

Таким образом, вместо условной схемы мне не нравится, что закрывают ипподром мы можем наблюдать мне не нравится... + все вышеперечисленные факторы. Фактически ипподром становится отправной точкой для проявления возмущения целым спектром социальных проблем, имеющих место в данном конкретном городе. Далее мы столкнулись со специфическим приемом поддержания эмоционального накала на информационном канале «161.RU. Ростов-на-Дону онлайн», заключающимся в том, что модераторы делают подборку самых эмоционально заряженных комментариев к тому или иному посту, затрагивающему острую социальную тему, и публикуют их в виде самостоятельной статьи. Поскольку изначально отбираются наиболее яркие комментарии, их самостоятельная публикация вызывает новую волну комментирования с реализованной категорией возмущения. Стоит заметить, что данный прием не только возобновляет оживленную дискуссию в медиaprостранстве, но и увеличивает количество просмотров исходной публикации: у ряда людей, пропустивших в новостном потоке пост, например, о закрытии ипподрома, но не прошедших мимо яркой подборки, появляется стремление перейти по ссылке на комментируемую публикацию. Так, прием создания самостоятельной статьи с эмоционально яркими комментариями, их стилистическое оформление в единый материал можно считать эффективной стратегией вовлечения аудитории в дискуссию, во многом завязанной на выражении возмущения теми или иными социальными темами и вопросами. Напротив, закрытие ипподрома в Олбани и Беркли само по себе результат уже вылившегося социального возмущения по поводу жестокого отношения к животным, сродни медленному убийству.

Таким образом, категория возмущения, вербализующаяся при обсуждении в медиaprостранстве закрытия ипподромов в России и США, реализуется по-разному не только из-за языковых различий участников коммуникации, но и из-за сопутствующих социально-культурных факторов, а также из-за природы возмущения, предшествующего описываемому в публикации событию или же, наоборот, возникшего как реакция на описываемое в новости событие. В одном случае возмущение затихает, не способствуя повышению градуса дискуссии в комментариях, в другом – буквально провоцируя коммуникантов на проявление возмущения по сопутствующим социальным больным точкам.

Список использованных источников

1. Конечкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конечкая. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления (Братя Карич), 1997. – 302 с.
2. Шаховский, В. И. Эмоции : долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 128 с.
3. Сидоренко, А. С. Основные направления в исследовании сущности и объема категории эмотивности / А. С. Сидоренко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А : Гуманитарные науки. – 2013. – № 10. – С. 91–97.
4. Щербакова, И. В. Вербальные и невербальные средства объективации эмоции возмущения в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) / И. В. Щербакова, Т. В. Евсюкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2017. – № 3(202). – С. 97–102.

5. Brady, W. J. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks / W. J. Brady, J. A. Wills, J. T. Jost, J. A. Tucker, J. J. van Bavel // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2017. – №. 114(28). – P. 7313–7318.
6. Королева, М. Н. Параинформационные приемы и стратегии СМИ в освещении катастроф природного характера / М. Н. Королева // *Меди@льманах*. – 2020. – № 1(96). – С. 68–78.
7. Austen-Hardy, P. Iconic horse racing track that holds 15,000 set to close as racegoers mourn loss [Электронный ресурс] / P. Austen-Hardy. – Режим доступа : <https://www.dailystar.co.uk/sport/horse-racing/horse-racing-track-15000-closing-30484968>. – Дата доступа : 19.10.2025.
8. Jones, A. The Last Horse Race Track in Northern California is Shutting Down for Good [Электронный ресурс] / A. Jones. – Режим доступа : <https://www.speciesunite.com/news-stories/the-last-horse-race-track-in-northern-california-is-shutting-down-for-good>. – Дата доступа : 19.10.2025.
9. Деркачев, С. «Ситуация разворачивается к нам одним местом» : конники готовятся к новой битве за Ростовский ипподром [Электронный ресурс] / С. Деркачев. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/09/11/76022607/>. – Дата доступа : 19.10.2025.
10. Сухоленко, К. «Там не будет большого ЖК». Юрий Слюсарь – о ростовском ипподроме, который продали застройщику [Электронный ресурс] / К. Сухоленко. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/08/28/76004207/>. – Дата доступа : 19.10.2025.
11. Заярная, А. «Все в панике». Ростовский ипподром закрывается, несмотря на обещания его спасти [Электронный ресурс] / А. Заярная. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/10/09/76067658/>. – Дата доступа : 19.10.2025.
12. Деркачев, С. «Мы жестко настаиваем на своем»: губернатор заявил, что не мог помешать закрытию Ростовского ипподрома [Электронный ресурс] / С. Деркачев. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/10/13/76072453/>. – Дата доступа : 19.10.2025.
13. Заярная, А. «Лакомый кусок» для бизнеса. Архитекторы – о том, что надо строить на территории ростовского ипподрома [Электронный ресурс] / А. Заярная. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/10/17/76076190/>. – Дата доступа : 19.10.2025.
14. Сухоленко, К. «Это история, а вы ее уничтожаете» : ростовчане – о закрытии ипподрома [Электронный ресурс] / К. Сухоленко. – Режим доступа : <https://161.ru/text/gorod/2025/10/15/76073568/>. – Дата доступа : 19.10.2025.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the implementation of the category of indignation in the Russian and English-language media space using the example of a group of publications and comments on them concerning a private issue – the closure of the racetrack. It is shown that the category of indignation in publications that do not relate to universal human issues has a strong dependence on the socio-cultural context.

Keywords: media discourse, category of indignation, pragmatolinguistic aspect, linguocultural aspect.

УДК 811.112.2

А. Н. Алимбаева, В. С. Головаха, А. В. Дубинина
Научный руководитель – **Е. П. Налобина**,
ст. преподаватель

ПОСЛОВИЦЫ С ЗООНИМАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются немецкие пословицы с зоонимами как отражение национального менталитета. Выявлены основные черты немецкого характера, выраженные через образы животных. Проведена классификация зоонимов, и определены их семантические поля. Выполнено также сопоставление немецких и русских пословиц, показавшее как сходство, так и различие культурных традиций.

Ключевые слова: пословицы, зоонимы, культура, семантические поля, сравнения.

Пословицы, являются важной частью фольклора, передающего опыт, мировоззрение и особенности мышления народа. Они отражают национальный характер и закрепляют исторически сложившиеся ценности и нормы поведения. [1, с. 2]. В немецкой культуре пословицы с зоонимами занимают особое место, поскольку животные символизируют человеческие качества и культурные установки. Для немцев характерны любовь к порядку, трудолюбие, рациональность и бережливость [1, с. 3; 2, с. 4]. В практической части исследования данные качества будут проанализированы на примере пословиц, где образы животных служат средством выражения культурных и нравственных установок немецкого народа.

В немецких пословицах с зоонимами эти черты менталитета проявляются особенно ясно, что можно увидеть на следующих примерах. Животные в них выступают понятными символами человеческих качеств. Так, *Wenn die Katze aus dem Haus ist, tanzen die Mäuse* (Когда кошки нет дома – мыши пляшут) подчёркивает важность контроля. Согласно словарю Дуден, кошка олицетворяет порядок и надзор, мыши – нарушение правил при потере контроля [3, с. 404].

В пословице *Den Esel kennt man an den Ohren und an den Worten den Toren* (Осёл узнают по ушам, а глупца – по речам) выражается стремление к разумному подходу. Осёл в пословице символизирует глупость, которую невозможно скрыть так же, как и его уши. Пословица учит не оценивать человека по внешнему впечатлению.

Черты осторожности передаются в выражении *Hüte dich vor Katzen, die vorne lecken und hinten kratzen* (Берегись кошек, которые спереди лизжут, а сзади царапают) – кошка здесь символ хитрости и коварства. Она может быть ласковой, но внезапно проявить агрессию [3, с. 190; 4, с. 20].

В пословице *Erziehst du dir 'nen Raben, wird er dir die Augen ausgraben* (Выкорми ворона – он тебе глаза выклюет) ворон символизирует зло и опасность, поэтому выражение учит не доверять полностью тем, кому делаешь добро, ведь они могут отплатить злом.

Пословицы *Was man spart vom Mund', fressen Katz' und Hund* (Что отрываешь от собственного рта, то съедят кошка и собака) и *Eine Kuh deckt viel Armut zu* (Одна корова покрывает большую бедность) показывают, что немцы ценят разумную экономию: нельзя быть слишком скупым, но важно уметь довольствоваться малым [3, с. 189; 4, с. 34, с. 12].

Выражение *Ein gutes Pferd springt nur so hoch, wie es muss* (Хорошая лошадь прыгает ровно настолько высоко, насколько нужно): **лошадь** символизирует силу и труд, а пословица учит соблюдать меру [4, с. 30–31].

Таким образом, анализ немецких пословиц с зоонимами показывает, что через образы животных народ выражает основные черты своего менталитета.

В представленных пословицах: *Not lehrt den Bären tanzen; wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse; die Katze weiß, wo sie genascht hat; die Arbeit ist kein Bär, sie rennt uns nicht in den Wald weg; wie des Gärtners Hund; bei Nacht sind alle Katzen grau; die Katze im Sack kaufen* [5] встречаются нескольких ключевых персонажей-животных: кот, медведь, мышь и собака. Важно рассмотреть механизмы формирования семантических полей, центром которых выступают образы животных в немецких пословицах, а также возможные классификации самих зооморфных образов. Главные герои пословиц будут находиться в ядрах семантических полей. *Die Katze*: властный, хитрый, умный. На периферии образа медведя находятся признаки: неловкий, большой, сила. *Der Hund*: эгоизм, чувство собственности. Образ мыши служит для акцентуации определённых характеристик кота. Классифицировать зооморфные образы можно по различным признакам: трусливые и смелые, положительные и отрицательные, главные и второстепенные. Как свидетельствует рассмотренный нами языковой материал, немецкий язык наделяет животных определёнными устойчивыми, узнаваемыми характеристиками в пословицах для описания окружающего мира, социальных ситуаций и человеческих отношений.

Проведём сравнительный анализ пословиц на русском и немецком языке, который продемонстрирует как параллели, так и заметные различия в языковой культуре народов.

Вышеприведенные пословицы можно разделить на три группы: к первой группе относятся пословицы, которые совпадают в немецком и русском языках как по смыслу, так и по наличию соответствующего компонента-зоонима. Пословица *Zwei Bären können nicht in einer Höhle wohnen* (Два медведя в одной берлоге не уживутся). Прямой перевод сохраняет все компоненты, кроме слов *нещера* и *берлога*, что усиливает природный контекст. Пословицы *Die Katze im Sack kaufen, Wie des Gärtners Hund* (Собака на сене) и *Der Katze Scherz, der Mäuse Tod* относятся к первой группе.

Ко второй группе относятся пословицы, где сохраняется общее значение, но при этом есть различия в зоониме или в образе, например: пословица *Not lehrt den Bären tanzen* (Нужда научит и калачи есть) или (При нужде и медведь пляшет). При этом оба варианта подчеркивают, что крайняя необходимость ломает природные ограничения. Ярким примером различия зоонимов при сохранении смысла является пословица *Die Arbeit ist kein Bär, sie rennt uns nicht in den Wald weg* (Дело не медведь, в лес не убежим/Работа не волк, в лес не убежим).

К третьей группе относятся пословицы, в которых нет устоявшегося эквивалента с тем же зоонимом, поэтому смысл передается описательно, при помощи других образов. Например, пословица *Der Wolf ändert wohl das Haar, doch bleibt er, wie er war* содержит глагол, который переводится как 'линять', в русском языке такой пословицы нет. Поэтому ближайшая по смыслу пословица – *Горбатого могила исправит*. Проведенный анализ немецких и русских пословиц с зоонимами демонстрирует удивительное единство при национальном своеобразии образных систем. Несмотря на различия в зоонимах, большое количество пословиц находят точные смысловые эквиваленты в русском языке, что подтверждает универсальность человеческого опыта, где одинаковые жизненные ситуации транслируются через различные зоонимы, отражающие культурные особенности каждого народа.

На основании проведенного анализа можно отметить, что среди зоонимов в немецких пословицах наиболее часто встречаются *кошка, собака, лошадь, корова* и *осёл*. Эти животные близки человеку в быту и сельском хозяйстве, поэтому именно они становятся символами привычных человеческих качеств. Кошка олицетворяет порядок, хитрость и наблюдательность; собака – верность и экономность; лошадь – труд и умеренность; корова – достаток и стабильность; осёл – упрямство и неразумие. Такое распределение отражает практический и рациональный характер немецкой культуры, где человеческие черты осмысляются через знакомые образы домашних животных. Классификация пословиц по семантическим полям показала, что зоонимы в паремиологическом фонде немецкого языка функционируют как устойчивые образы-символы для персонификации и типизации ряда человеческих качеств, социальных отношений и жизненных ситуаций. Сопоставление с русскими пословицами выявило как совпадения, так и различия: многие выражения имеют прямые эквиваленты по смыслу и образу, однако встречаются и уникальные образы, отражающие национальные особенности мышления. В целом пословицы с зоонимами демонстрируют общечеловеческие ценности, но при этом сохраняют своеобразие немецкой культурной традиции, где каждое животное становится языковым символом менталитета народа.

Список использованных источников

1. Миронова, Е. Е. Особенности национального характера немцев в языковом сознании / Е. Е. Миронова, Е. Б. Симонова // Молодой учёный. – 2018. – № 8(194). – С. 2–4.
2. Архипкина, Г. Д. Национально-культурные особенности немецкого делового общения / Г. Д. Архипкина, Н. А. Колядина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 5(125). – С. 4.
3. Петлеванный, Г. П. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок / Г. П. Петлеванный, О. С. Малик. – М. : Высш. шк., 1990. – 48 с.

4. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 5., überarb. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2020. – S. 189, 190, 404.

5. Skorogovorki.com : сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://skorogovorki.com/poslovitsyi/o-zhivotnyih-na-nemetskom-yazyike/> – Дата доступа : 10.10.2025.

Abstract. The article analyzes German proverbs with zoonyms as a reflection of the national mentality. The main features of the German character, expressed through images of animals, are revealed. The classification of zoonyms is carried out and their semantic fields are determined. A comparison of German and Russian proverbs was also performed, showing both similarities and differences in cultural traditions.

Keywords: proverbs, zoonyms, culture, semantic fields, comparisons.

УДК 81:39

А. А. Амирбекова

Научный руководитель – **Е. М. Дубровская**,
канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОЛИНГВОМАРКЕРОМ)

Аннотация. В статье рассматриваются паремиологические единицы, отражающие своеобразие дагестанской культуры. Особое внимание при рассмотрении лингвокультурологического потенциала паремий уделяется этнолингвомаркерам. Исследование показывает, что пословицы и поговорки народов Дагестана отражают религиозное мировоззрение, коллективные ценности и социальную организацию общества.

Ключевые слова: пословица, поговорка, этнолингвомаркер, языковая картина мира, паремиологический фонд, этнокультурная специфичность.

Язык является важным средством человеческого общения, выступает в качестве зеркала национальной культуры и её хранителя. В. В. Воробьев, признавая взаимосвязь языка и культуры, считает, что «язык – нация – культура» – это центральная триада лингвокультурологии, в которой язык является одним из главных признаков нации, представляя собой «главную форму выражения и существования национальной культуры» [1, с. 12]. Изучение пословиц и поговорок непосредственно связано с изучением культуры, истории и языковой картины мира народа.

Национальная специфичность паремиологического фонда того или иного народа основана «на национально-языковом своеобразии и национально-культурной маркированности как уникальных (на фоне других языков), так и общих с другими языками пословиц» [2, с. 1001]. Паремиологические единицы хранят глубокие корни социальных норм и ценностей, а также способствуют сохранению культурного наследия, открывая перед нами возможность лучше понять характер и дух того или иного народа.

Россия, обладая богатым культурным и языковым наследием, а также сложным исторически-территориальным развитием представляет собой уникальный объект для исследования паремиологического фонда. Дагестан олицетворяет собой настоящую мозаику культур, поскольку является одним из наиболее многонациональных и культурно разнообразных регионов России. На его территории проживает более 30 коренных народов, до 110 наций и народностей, с самостоятельными языками и диалектами. Каждый народ сохраняет свои обычаи, традиции и важнейшие ценности. Следовательно, особый интерес представляет рассмотрение паремиологического фонда народов Дагестана, обзор которого представляет собой фрагмент национально-культурного мировоззрения.

Анализ дагестанских народных пословиц открывает перед нами богатую палитру национально-культурных особенностей, которые продолжают играть важную роль в жизни современных горцев, сохраняя и передавая мудрость предков о патриархальном укладе в семье, своеобразии сельской общины (джамаат), мужестве и об остальных важных аспектах жизни.

По вопросу дефиниции пословиц и поговорок существуют разные точки зрения. Западные и отечественные ученые акцентируют внимание на разнообразных аспектах пословиц, что способствует разным подходам и взглядам в данной научной области, однако затрудняет единство понимания этого феномена.

По словам М. М. Гасанова, горцы Дагестана рассматривают пословицы и поговорки как «драгоценное словесное богатство, заключающее в себе испытанную, проверенную в жизненной практике народную мудрость» [3, с. 10]. Придерживаясь, данного положения, мы тем не менее склонны следовать за мыслью В. П. Аникина, который предлагает следующую дефиницию пословицы: «краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт» [4, с. 14]. Поговорку мы будем понимать вслед за Ю. Г. Кругловым как «поэтически, широко употребляющиеся в речи устойчивые, краткие, часто образные, иногда многозначные, имеющие переносное значение выражения, как правило, оформляющиеся в речи как часть предложения, иногда бывающие ритмически организованными, не обладающие свойствами поучать и обобщать социально-исторический опыт народа» [5, с. 107].

Выполняя различные функции, паремии, не только накапливают опыт, мудрость и информацию о ценностных ориентирах народа, но и участвуют в процессах предметного восприятия и формирования представлений, умозаключений. Помощь в реконструировании этноспецифичности языкового знака как репрезентанта картины мира играет исследование этнолингвомаркеров. В современный филологический обиход О. В. Ломакина ввела термин «этнолингвомаркер», компоненты которого «отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» (рисунок 1).

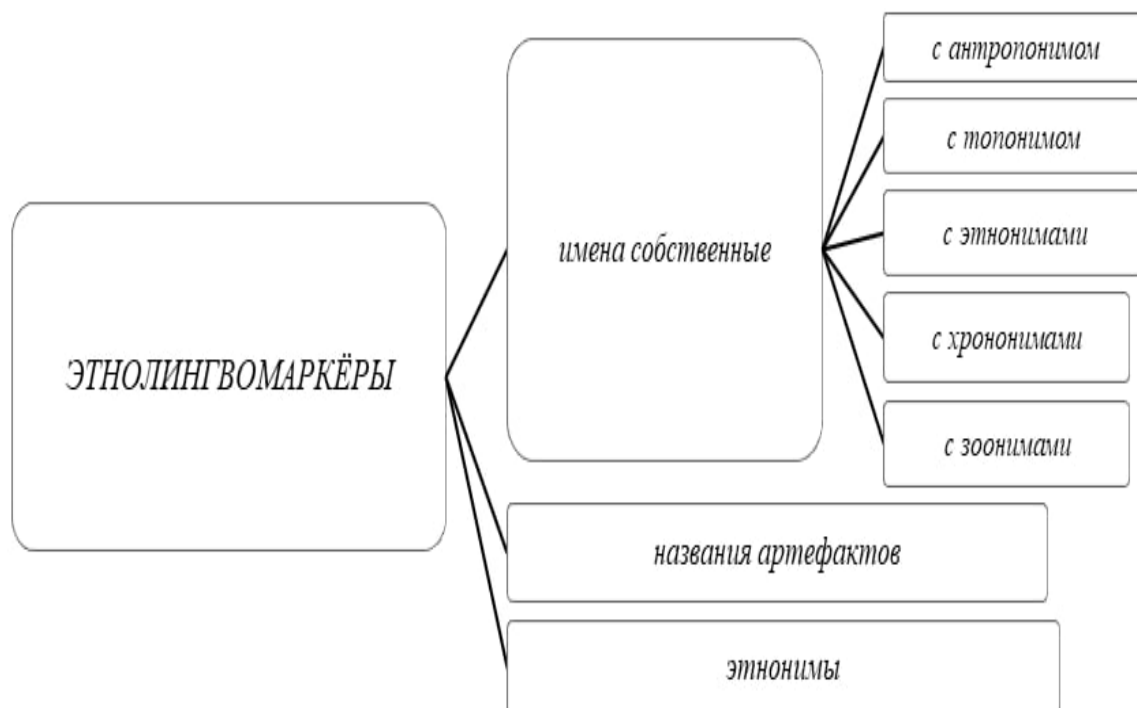

Рисунок 1 – Этнолингвомаркёры [6, с. 121]

Этнолингвомаркеры играют особую роль в реализации познавательной функции паремии, поскольку отражают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему и раскрывается этноспецифичность языкового знака [6, с. 120].

Понятие языковой картины мира строится на изучении представлений человека о мире. По словам Г. Ф. Гибатовой, языковая картина мира «обусловлена особенностями культуры и связана с реконструкцией определенной ценностной подсистемы знаний человека и включает в себя как коллективные, так и индивидуальные ценности» [7, с. 128]. Отметим, что языковая картина мира дагестанского народа во многом отражает особенности кавказской картины мира в целом.

Пословицы и поговорки народов Дагестана содержат ключевые компоненты языковой картины мира, выражаемые этнолингвомаркерами и раскрывающие следующие национальные черты.

1. Глубокая сплочённость народа (*Джамаат за каждого – и каждый за джамаатом; Слово Джамаата – сильнее, чем сабля героя* [8, с. 69]). *Джамаат* – этнолингвомаркер-этноним («названия народов и племен» [6, с. 121]); «образ народа, как олицетворения мощи коллектива» [3, с. 36]. Важную роль в возникновении данных пословиц также играет исламское мировоззрение, в котором считается, что жизнь человека невозможна без объединения с другими людьми: «Если б твой Господь захотел, то Он сделал бы человечество единой общиной» (сура 11, аят 118).

2. Уважение к труду и хозяйству (*О кумгане думает тот, кто держит за ручку, об овечьем стаде заботится тот, кто держит ярыгу* [8, с. 49]; *Даже опрокинувший кумган не поднимет* (о бездельнике) [9, с. 8]). *Кумган* – это «горский кувшин для воды, используемый в быту для омовения» [8, с. 49], ключевой этнолингвомаркер с компонентом-названием артефакта, присущего материальной культуре народов Дагестана. Формирование пословицы связано с аграрным укладом жизни кавказского народа, где традиционно развивалось земледелие и скотоводство в сложных горных условиях. Пословица транслирует ценности трудолюбия и бережного отношения к хозяйству.

3. Мужество и героизм (*Пуля не знает Хаджи Мурата; Когда появилось ружье, исчез Кер-оглу; Шелк крепок в узле, джигит в слове* [8, с. 71]). Этнолингвомаркеры с именем собственным (*Хаджи Мурат, Кер-огду, джигит*) непосредственно указывают на кавказскую культуру и её идеалы. Однако горцы обладали не только выдающимися физическими способностями, но и моральными качествами – честностью, храбростью и желанием защитить слабых, чувством собственного достоинства. Формирование пословиц связано с традиционными ценностями горских мужчин, такими как верность слову, сила характера, любовь к Родине.

4. Глубокая связь человека с природой (*Виноград бери в Голотле, бобы в – Хунзахе; Пусть прослышу скупым в Цоре, чем не имеющим что сеять в родном ауле!; На реку Игали Интиб-речка набросилась*). Использование этнолингвомаркеров с компонентами-топонимами (*Игали, Интиб, Голотль, Хунзах, Цор, аул*) отражает особенности быта и мировосприятия народов Дагестана, где природные объекты часто становятся символами, а также указывают на национальную принадлежность, что подчеркивает локальную идентичность и связь с природой. Пословица *На реку Игали Интиб-речка набросилась* содержит этнолингвомаркеры с компонентами-топонимами – *Игали* и *Интиб*, указывающие на конкретные географические объекты, ручьи Дагестана: Андийское Койсу и Аварское Койсу, связанные тем, что при слиянии образуют реку Сулак (Сулакский каньон), знаменитую событиями сражений во время Кавказской войны, где данный каньон был центром геополитических событий. В переносном значении, по мнению А. Ф. Назаревича, пословица означает: «новое несчастье» [8, с. 62].

5. Религиозное мировоззрение (*Свершится то, что предписано Аллахом; Аллах – аллахом, а сыт будешь, если в хурджунах запасешь еды; Тому, кому Аллах не дал, пайхамар, что может дать?; Аллах дал, Аллах забрал*). Аллах – этнолингвомаркер, имя собственное, соответствующее истинному Богу, символизирующий «Создателя и Творца» в мусульманской религии. Он иллюстрирует религиозные представления дагестанского народа, а также формирует уникальную картину мира, основанную на гармонии между духовным и материальным. Важной концепцией в исламе является предопределение, согласно которому все, что происходит в небесах и на земле, происходит по воле Аллаха и ничто не случается без его соизволения. «Нас постигнет только то, что предписано нам Аллахом. Он – наш Покровитель» (Коран, 9:51).

Таким образом, пословицы и поговорки народов Дагестана выступают как репрезентанты картины мира, как живые носители национально-культурной памяти, отражающие его уникальное культурное наследие и духовные ценности, тем самым обеспечивая передачу традиционных знаний и ценностей от поколения к поколению. Они играют важную роль в формировании и поддержании этнокультурной самобытности, что особенно актуально для России с ее многонациональными регионами, богатыми культурным многообразием.

В целом проведенная работа подтверждает важность комплексного лингвокультурологического подхода к изучению пословиц и поговорок как ключевого инструмента для понимания национального характера и культурной идентичности народов Дагестана. Рассмотрение их специфики необходимо для взаимообогащения культур всех народов такой многонациональной страны, как Россия.

Список использованных источников

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
2. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда : основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – № 12(4). – С. 996–1035.
3. Гасанов, М. М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки / М. М. Гасанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1971. – 80 с.
4. Аникин, В. П. Русские пословицы и поговорки / В. П. Аникин. – М. : Худ. лит., 1988. – 432 с.
5. Круглов, Ю. Г. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Ю. Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1990. – 335 с.
6. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2016. – № 3(45). – С. 119–128.
7. Гибатова, Г. Ф. Аксиология в языке / Г. Ф. Гибатова // Вестник ОГУ. – 2011. – № 2 (121). – С. 127–132.
8. Назаревич, А. Ф. Пословицы и поговорки народов Дагестана / А. Ф. Назаревич. – Махачкала : Издат. дом «Эпоха», 2006. – 111 с.
9. Гаджихмедов, Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок / Н. Э. Гаджихмедов. – Махачкала : Дагестанск. гос. ун-т, 2015. – 350 с.

Abstract. The article examines the national and cultural specificity of the peoples of Dagestan through paremiological units. The author emphasizes their role in preserving cultural heritage and shaping the linguistic worldview. Special attention is paid to ethnolinguistic markers that reflect the uniqueness of Dagestani culture. The study shows that paremias reflect religious worldview, collective values, and the social organization of society. The paremiological fund is considered as a source for transmitting the people's experience and understanding their national mentality.

Keywords: proverb, saying, ethnolinguistic marker, linguistic worldview, paremiological fund, ethnocultural specificity.

А. И. Артемьева
Научный руководитель – Е. И. Холявко,
канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ДЕКОДИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «РЫБА» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СВЕТЛАНЫ КЕКОВОЙ

Аннотация. В данной статье на примере концепта «Рыба» в поэтическом дискурсе Светланы Кековой выявляются пути интерпретации образа в поэзии. Описывается, как предметный образ может раскрывать смысл концепта, задействовать различные модальности восприятия, иметь исключительно прямое или переносное значение, содержать в себе параллельные значения одновременно и допускать возможность субъективных интерпретаций.

Ключевые слова: концепт, современная поэзия, интерпретация, значение, образ, культура, поэтическое декодирование.

Язык является составной частью культуры, но в рамках культуры в целом он функционирует как ее подструктура, фундамент и универсальное средство. Некоторые своеобразные черты естественного языка связаны с тем особым местом, которое занимает язык по отношению к культуре.

Говоря о культурных кодах, мы должны различать два разных аспекта. Во-первых, нас может интересовать сам код, первичные значения его элементов, их культурные (символические) потенции, условия и возможности их переноса на другие денотативные области. Показательным здесь будет сам набор этих других областей. Во-вторых, нас должны интересовать свойства «принимающей стороны», причины и условия применения к ней каждого конкретного кода и сам набор используемых по отношению к ней кодов.

Но наиболее важны взаимные семантические переключки донорской и реципиентной областей, само сближение двух разных сфер действительности и соответствующих ментальных представлений и интерпретаций [1, с. 23–31].

Кекова Светлана Васильевна – поэт, литературовед. По образованию филолог. Доктор филологических наук (2010). Как поэт печатается с 1981 г. Автор более 10 поэтических сборников и книг по литературоведению. Лауреат Новой Пушкинской (2014) и других литературных премий [2].

В ее произведениях, опубликованных на сайте журнала «Плавучий мост» [2], концепт «Рыба» встречается 10 раз и «Рыбак» – 2 раза: концепт вербализуется в лексемах и предикативных единицах, таких как *рыба-ангел*; *рыба на мели*; *рыба бьется грудью* и пр. Концепт «Рыбак» рассматривается по смежности.

Актуальность рассматриваемого концепта «Рыба» связана с многократным использованием образа рыбы в текстах XXI века. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка насчитывает 48 текстов и 62 примера употребления леммы *рыба* за период с 2001 по 2021 годы (в период с 2022 по 2025 годы поэтический подкорпус не обновлялся) [3].

Сердце хочет любви – и не может себя превозмочь.

Рыба-ангел в воде выгибает узорную спину [2].

В поэтическом тексте как в дискурсивном целом ангел представлен как *рыба-ангел*, пересекаясь с такими образами как *вода чёрных небес* (т. е. ночное небо) и *волна, набегаящая в волнении светлом* (т. е. небо перед рассветом). Первичная семантика воды и рыбы как обитателя водной среды стирается, остаётся только периферийная часть концептуальной сферы, т. е. ассоциации, связанные с явлением. Таким образом, само понятие «рыба» утрачивается, переходя в инструмент для создания подтекста путём сохранения впечатления о реалии, но вкладывая новое значение в понятие.

Рыбаки не дождались улова,

снялись вещи с насиженных мест... [2]

Рыба и улов имеют тождественное значение по отношению к рыбаку, однако как *рыбак*, так и *улов* (рыба) выступают не только в своём первичном значении. С одной стороны, метафоризация образов берёт из концепта функцию реалии: *рыбак* – тот, кто ждёт *улов*, *улов* – и доход, и то, из-за чего и для чего существует *рыбак*; и причина, и цель, и результат (в данном случае отрицательный), с другой – насиженное место напрямую связано с образом *рыбака*, т. е. конкретное место, занимаемое *рыбаком* долгое время, а также насиженное место – место, к которому привыкли, с которым освоились, где комфортно. Все раскрываемые семантические слои сосуществуют одновременно, дополняя и усиливая значения друг друга.

Щука ходит по кругу в горячей и мутной воде. <...>

как рыбак у воды рыбе маленький рот проколол.

Рыбе рот проколол, а судьбу проворонил свою. <...>

то не щука была, то была золотая форель [2].

В общей теме личных переживаний лирического героя можно проследить реминисценцию сразу на два культурно значимых образа: Золотая Рыбка из сказки А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» и Щука из народной сказки «По щучьему веленью», объединенных одной номинацией: *рыба*, при этом Золотая Рыбка гиперболизируется, называясь золотой форелью, а Щука, также по сюжету сказки исполняющая желания, выступает в качестве банального существа в данном контексте. Ни тот, ни другой образ не употреблён в первичном значении, а *рыбе* присваиваются черты двух данных образов, сближая их с фразеологической единицей *поймать рыбу на крючок*, т. е. держать человека или группу людей в затруднительном положении, из которого им трудно выбраться. Так поэтический дискурс охватывает широкий культурный пласт.

<...> рыба бьется грудью о плотины,

так что слезы катятся из глаз [2].

Тема смерти в данном примере раскрывается следующим образом: рыбе для жизни необходима вода – рыба на суше обречена на смерть, тем не менее *рыба бьётся грудью о плотины*, что перекликается с фраземой *бить себя в грудь*, т. е. клятвенно уверять в чём-то, плотина же в метафорическом значении – часто препятствие, которое ограничивает поток эмоций, энергии или информации. Возвращаясь к рыбе, ключевым признаком которой является немота, плотина становится не только своеобразной поэтической «декорацией», но и описанием, эмоционального состояния. Так, взаимные семантические переклички донорской области, сближение нескольких сфер действительности и соответствующих ментальных представлений и интерпретаций работают на максимальное раскрытие ядерных и околюдерных концептуальных значений, что, в свою очередь, влияет на усиление общего плана понимания и многозначность в интерпретации дискурсивного целого.

Как свет, играет рыба на мели... [2]

Одной из особенностей поэтического дискурса является выраженная субъективность в некоторых из множества интерпретаций. Как автор имеет возможность вкладывать в образ собственные смыслы, так и читатель способен декодировать эти образы в новом ключе, опираясь на свой жизненный опыт и свои ассоциации. В данном случае на поверхности лежит только само сравнение рыбы со светом, которое оставляет за собой зрительное впечатление: зная, что чешуя рыбы имеет свойство переливаться (играть) на свету, мы воспринимаем образ как явную визуальную картину.

Серыми стаями рыбы стояли во льду,

снова Россия была завоевана снегом [2].

В данном стихотворении зима представляется монголо-татарским игом, где рыбы, стоявшие во льду – это русская армия. С другой стороны, рыбы стоят во льду, значит, рыбы собираются в проруби для поиска кислорода, поскольку зимой подо льдом его не

хватает. Таким образом, один концепт объединяет в себе два содержания, при этом описывая не только сами две реалии, но и общее настроение, единство природы, человека и государства на фоне переживаний лирического героя.

Покоряясь водам смутным, серебром сиюминутным

на мели играет рыба,

обернувшись шаром ртутным.

Тот, кто рыбы кости гложет, умереть никак не может,

он уснуть не может, ибо

рыбы смерть его тревожит [2].

В данном контексте образ рыбы выступает лишь как элемент, вызывающий к чувствам и совести лирического героя/человечества. Так, один концепт порождает связи с любыми иными подобными ассоциациями. С одной стороны, здесь *рыба* – образ свободы и невинности, с другой – пища для жизни, с третьей – причина внутренних терзаний. Один концепт используется в рамках одного дискурса, но на разных уровнях декодирования в разных смыслах.

Племя слов меня больше не радует.

Племя рыб исчезает во мгле [2].

В данном примере немаловажную роль играет синтаксис. *Племя слов* – представители человечества, *племя рыб* – представители немого племени, противопоставленного племени слов. Однако точка в конце первого предложения не даёт возможности утверждать, что это противопоставление, поскольку *племя* может относиться как к двум разным реалиям, так и быть одним и тем же племенем. У читателя появляется свобода выбора интерпретации: интерпретировать *племя* как два разных, как один и тот же или же как два параллельно возможных варианта. *Рыба* же оставляет за собой только свойство: немоту.

Таким образом, на примере декодирования концепта «Рыба» в поэтическом дискурсе Светланы Кековой мы продемонстрировали широкую возможность интерпретации поэтического образа. Предметный образ может раскрывать как изначальное, центральное значение концепта, так и метафорическое понимание данного, описывать своими свойствами связанные поэтическим дискурсом иные концепты с данным, задействовать различные модальности восприятия, описывать общую картину поэтического мира, а также генерировать личные ассоциации воспринимающего поэтический текст; иметь исключительно прямое или переносное значение, содержать в себе параллельные значения одновременно и допускать возможность субъективных интерпретаций.

Список использованных источников

1. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов : сб. статей к 60-летию А. К. Байбурина. Сер. : Studia Ethnologica [Электронный ресурс] / С. М. Толстая ; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб. : Изд-во Автономн. некоммерч. образоват. организац. высш. образов. «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2009. – 23–31. – Режим доступа : <https://www.rastko.rs/rastko/delo/13594>. – Дата доступа : 09.06.2025.
2. Кекова, С. В. Стихотворения [Электронный ресурс] / С. В. Кекова // Плавающий мост. – 2015. – № 4(8). – Режим доступа : <https://www.plavmost.org/> – Дата доступа : 14.10.2025.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 14.10.2025.

Abstract. This article, using the concept of "fish" in Svetlana Kekova's poetic discourse as an example, explores ways in which images are interpreted in poetry. It describes how an object image can reveal the meanings of a concept, engage various modalities of perception, have a purely literal or figurative meaning, simultaneously contain parallel meanings, and allow for subjective interpretations.

Keywords: concept, contemporary poetry, interpretation, meaning, image, culture, poetic decoding.

Д. М. Артемьева
Научный руководитель – Е. В. Ничипорчик,
д-р филол. наук, профессор

РУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ *три/tre*

Аннотация. Определяется состав русских и итальянских паремий с компонентом *mpu/tre*, зафиксированных в тематически организованных паремиологических словарях. Выявляются сходства и различия в компонентном составе и семантике русских и итальянских паремий с данным компонентом. Вскрывается символичный смысл числовых кодов *mpu/tre*.

Ключевые слова: лингвокультурный код, культурная специфика, паремия, пословица, паремиологическая картина мира, число, нумератив.

В настоящее время – время активных межкультурных контактов – большое значение приобретают сопоставительные исследования паремиологических фондов разных языков. Такие исследования позволяют выявить как универсальные, так и этноспецифические черты в интерпретации мира носителями обыденного сознания. Любая паремиологическая картина мира богата образами, как правило, именно в образах раскрывается специфика видения и интерпретации мира человеком. Для создания образов привлекаются различные лингвокультурные коды: телесный, пищевой, числовой, зоонимический, флористический и др. Наш исследовательский интерес связан с употреблением числового кода в русских и итальянских пословицах.

Использование числового кода в устойчивых выражениях уже неоднократно становилось предметом изучения в лингвистике (1; 2; 3; 4; 5 и мн. др.). Однако паремиологические единицы с числовым компонентом *mpu/tre* в русском и итальянском языках ранее не становились объектом специального исследования.

Материал для настоящего исследования извлечен путем сплошной выборки из авторитетных паремиологических собраний: «Пословицы русского народа» В. И. Даля (более 30 тысяч паремиологических единиц) [6] и «Raccolta di proverbi toscani» Дж. Джустини (около 7,5 тысяч паремий) [7]. В словаре В. И. Даля 129 паремий с компонентом *три*, в итальянском словаре зафиксировано 78 пословиц с компонентом *tre*.

С древних времен до современности число *три* сохраняет свое сакральное значение в мифологии и культуре. *Три* является первым нечетным простым числом и единственным числом, которое можно получить, сложив два предыдущих натуральных числа. В древних культурах число *три* считалось уникальным и наделялось особыми свойствами. Одним из наиболее распространенных символических значений числа *три* является тройственность, смысл которой заключается в объединении трех единиц для создания целостного и гармоничного целого [8, с. 629].

Тройственность отмечается в сказках разных народов: герои, к примеру, должны исполнить три желания, разгадать три загадки, пройти три испытания. Количество персонажей и волшебных предметов в сказках также часто составляет три: три царевича, три богатыря, три перышка и др. В итальянской культуре символика числа *три* нашла свое проявление в знаменитой «Божественной комедии» Данте Алигьери [9]: произведение разделено на три части (Ад, Чистилище, Рай), каждая из которых состоит из 33 песен.

Цель нашего исследования – выявление общих и специфических черт в употреблении числового кода *mpu/tre* в русских и итальянских паремиях.

В первую очередь определим, для обозначения каких объектов используется числовой код *mpu/tre* в русском и итальянском паремиях. В русских паремиологических единицах компонент *три* фиксируется чаще всего в сочетаниях с наименованиями временных промежутков (38 единиц) и с наименованиями денежных единиц (14 единиц):

Не страшны злыдни в три дни, страшны в три года (вперед); Этот грех – и всего-то три пятницы молока не хлебать; Старуха три года на мир сердилась, а мир того и не знал; Не узнавай друга в три дня, узнай в три года; Три года – не три века; Три дня – не три года; На него лапти черт по три года плел (не мог угодить); Торгу на три алтына, а долгу на пять; Три деньги в день – куда хочешь, туда день; Продали с хохла пояс за три деньги, а хохол нипочем в придачу пошел; Эка шаль: по три деньги шваль (т. е. дрянь дешева); Пиво добро – по три деньги ведро: пьют похваляют.

Немногочисленны пословицы, в которых компонент *три* используется с наименованиями лиц: *Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын; Три друга: отец да мать, да верная жена; Три жены имел, а ото всех беды терпел.*

Эпизодичны количественно-именные сочетания для обозначения расстояния: *До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо; На Семен день ужжи выходят на берег, ходят по лугам на три версты; Прошла кума в три села – не ночевать голубушке дома; Завтра в поход: три версты без привалу да на своих харчах; готовься, суши сухари.*

Концепция триединства, имеющая глубокие мифологические и религиозные корни (например, деление мира на небесное, земное и подземное царства или христианский догмат о Троице), находит свое отражение и в структуре итальянских паремий с компонентом *tre*. Она проявляется не как прямое цитирование сакральных текстов, а как универсальная модель категоризации мира, организующая перечисление ключевых элементов, определяющих ту или иную ситуацию. Так, в итальянском паремиологическом фонде выявлено 28 единиц с компонентом *tre*, которые актуализируют данную модель. Приведем примеры: *Tre cose non si possono tener nascoste, donne in casa, fusi in sacco e paglia nelle scarpe* (Три вещи нельзя скрыть: женщин в доме, веретено в мешке и солому в обуви); *Tre D rovinan l'uomo, diavolo, danaro e donna* (Три Д разрушают человека: дьявол, деньги и женщина); *Tre cose fan l'uomo accorto, lite, donna e porto* (Три вещи делают человека мудрым: ссора, женщина и порт); *L'uomo si conosce in tre congiunture, alla collera, alla borsa ed al bicchiere* (Человек познается в трех ситуациях: в гневе, в деньгах и за рюмкой); *Di tre cose il diavolo si fa insalata, di lingua d'avvocati, di dita di notaj, e la terza è riservata* (Из трех вещей дьявол делает салат: из языка адвокатов, из пальца нотариусов, а третья – остается в резерве); *A Roma ci vogliono tre cose: pane, panni e pazienza* (В Риме нужны три вещи: хлеб, одежда и терпение). В приведенных примерах триединство символизирует взаимосвязанность трех элементов, хотя ситуативно только один их элементов может оказаться значимым для человека. В русском паремийнике также отмечаются случаи использования триединства, однако гораздо эпизодичнее: *В нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина; В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.* Наличие в русском паремиофонде выражения *За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену* объясняется, скорее всего, заимствованием либо образованием по заимствованной модели. К такому выводу можно прийти, исходя из того, что в итальянском и немецком языках, в отличие от русского, пословицы с количественно-именным сочетанием *Tre cose* ('три вещи') и *Drei Dinge* ('три вещи') отнюдь не эпизодичны (см., например, в немецком: *Drei Dinge leiden keinen Genossen: Regiment, Liebe, Geheimnis; Drei Dinge sind lästig: ein Wurm im Ohr, ein Rauch im Aug, ein zänkisch Weib im Hause; Drei Dinge treiben den Mann aus dem Hause, ein Rauch, ein übel Dach und ein böses Weib* [10]).

При анализе итальянских пословиц с компонентом *tre* выявляется частотное использования данного нумератива для обозначения промежутков времени (19 единиц): *Nessuna meraviglia dura più di tre giorni* (Ни одно чудо не длится дольше трех дней); *L'ospite e il pesce in tre giorni puzza* (И гость и рыба через три дня воняют); *Le donne hanno quattro malattie all'anno, e tre bei mesi dura ogni malanno* (У женщин бывает четыре болезни в году, и каждая болезнь длится три хороших месяца); *Marzo ha comprata la pelliccia a sua madre, e tre giorni dopo e l'ha venduta* (Март купил шубу для своей матери, а через три дня продал ее). В ряде

пословиц компонент *tre* фиксируется в составе сочетаний с наименованиями лиц: *Tre fratelli, tre castelli* (Три брата – три замка); *Tre figlie e una madre, quattro diavoli per un padre* (Три дочери и мать – четыре дьявола для отца).

Паремиологические единицы с компонентом *tre* в итальянском паремийнике демонстрируют значительное семантическое разнообразие, входят в 32 тематические группы. В свою очередь, русские пословицы с числовым компонентом *три* также не уступают в тематическом разнообразии, представляя 45 различных тематических объединений. Сопоставительный анализ показал, что в русском паремийнике среди паремий с компонентом *три* преобладают пословицы, связанные с темой «Двор – Дом – Хозяйство» (7 единиц), в итальянском паремийнике – паремии, представляющие тематическую группу “Meteorologia, Stagioni, Tempi dell’anno” («Метеорология, Сезоны, Времена года») (10 единиц).

Сопоставительный анализ русских и итальянских паремиологических единиц с нумеративом *три/tre* выявляет взаимодействие универсального и национально-специфического в репрезентации смежных тематических объединений; сравним: пословицы о земледелии: *До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо* (т. е. в сапогах); *In agosto мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять*; *Tre cose vuole il campo: buon lavoratore, buon seme e buon tempo* (Три вещи нужны полю: хороший работник, хорошее семя и хорошая погода); об удаче: *Раз, два, три – обчелся*; *La fortuna vien tre volte (e non più)* (Удача приходит трижды (и не больше)); о дружбе и взаимоотношениях между людьми: *Не узнавай друга в три дня, узнай в три года*; *Chi vuol conservare un amico, osservi tre cose: l’onori in presenza, lo lodi in assenza, l’ajuti ne’bisogni* (Если хочешь сохранить друга, соблюдай три вещи: почитай его в присутствии, хвали его в его отсутствие, помогай ему в его нуждах).

Содержательно отличаются русские и итальянские пословицы о трудолюбии и осуждении праздности: *Три дня молот, а в полтора съел*; *Хоть три дни не есть, а с печи не лезть*; *Chi fugge fatica, non fa la casa a tre solai* (Кто избегает труда, не построит дом с тремя этажами); *Far primiera con tre carte* (Победить с тремя картами (о благе, достигнутом без труда и усилий)). Несмотря на общую тематику трудолюбия, содержащуюся в данных пословицах, наблюдается различие в акцентах, присущих русской и итальянской культурам. Русские пословицы акцентируют внимание на диспропорции между затраченным трудом и достигнутыми результатами, подчеркивая, что усилия могут не всегда приводить к ожидаемому успеху. В то же время итальянские пословицы акцентируют необходимость упорного труда как ключевого элемента для достижения значительных целей.

Как в русских, так и в итальянских пословицах ясно прослеживается саркастическое отношение к женщине как существу крикливому и болтливому. Данные пословицы отражают укоренившиеся в культуре стереотипные мнения о женской природе, подчеркивают склонность к конфликтам и спорам: *Где две бабы, там суём (сейм, скодка), а где три, там содом*; *Три бабы – базар, а семь – ярмарка*; *За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену*; *Tre donne fanno un mercato, e quattro fanno una fiera* (Три женщины – базар, а четыре – ярмарка); *Tre cose son cattive magre, oche, femmine e capre* (Три вещи плохи: гуси, женщины и козы).

Анализ паремиологических единиц с числовым компонентом *три/tre* в русском и итальянском языках позволяет сделать следующие выводы. В обоих языковых традициях данный нумератив преимущественно используется для выражения неопределенного количества, однако обнаруживает существенные различия в семантической и тематической наполненности. В русских паремиях для компонента *три* характерна сочетаемость с наименованиями временных промежутков (38 единиц) и денежных единиц (14 единиц), тогда как в итальянских паремиях нумератив *tre* чаще актуализируется значение тройственности (28 единиц). При этом итальянские паремии также демонстрируют значительное количество использования компонента *tre* для обозначения временных отрезков (19 единиц). Наблюдаемое тематическое разнообразие русских паремий с компонентом *три*

свидетельствует о его более широкой сочетаемости в рамках русского паремиологического фонда, что может объясняться особой значимостью данного числового кода в русской языковой картине мира. В свою очередь, итальянские поговорки с компонентом *tre* демонстрируют более выраженную тенденцию к символизации и концептуализации числового значения.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6 – С. 38–40.
3. Бредис, М. А. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, А. С. Борисова, О. В. Лазарева // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 276–293.
4. Мечковская, Н. Б. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии / Н. Б. Мечковская // Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduirung; Red: Helmut Yachnow, Tina Drechsler, Zilka Idrizović. – Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2005. – С. 58–153.
5. Ничипорчик, Е. В. Нумеративы в поговорках о предпочтительности / Е. В. Ничипорчик // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург, 12–17 марта 2007 г. – Вып. 19 : Фразеология в тексте и словаре. – СПб. : Филол. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С. 96–102.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2005. – 616 с.
7. Giusti G. Raccolta di proverbi toscani [Электронный ресурс] / G. Giusti. – Edited by Teodor Flonta, 1996. – Режим доступа : <https://www.proverbi-italiani.org/pdf/1871.pdf>. – Дата доступа : 03.07.2025.
8. Топоров, В. Н. Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 629–631.
9. Alighieri, D. La Divina Commedia [Электронный ресурс] / D. Alighieri. – 1321. – Режим доступа : <https://www.liberliber.it/online/autori/autori-a/dante-alighieri/la-divina-commedia-2/> – Дата доступа : 22.06.2025.
10. Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter / K. Simrock ; Einleitung von W. Mieder. – Düsseldorf, 1881. – 631 s.

Abstract. This article identifies the composition of Russian and Italian proverbs containing the component *mpu/tre* recorded in thematically organized paremiological dictionaries. Similarities and differences in the component composition and semantics of Russian and Italian proverbs containing this component are identified. The symbolic meaning of the numerical codes *mpu/tre* is revealed.

Keywords: linguacultural code, cultural specificity, proverb, paremia, proverbial worldview, number, numera

УДК 811.161'362'373

Е. Н. Архипова

Научный руководитель – И. В. Кузнецова,
канд. филол. наук, доцент

СОСИСКА КАК КОМПОНЕНТ РУССКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье анализируется роль компонента *сосиска* в составе русских сравнительных оборотов. Рассматриваются семантика, прагматика и лингвокультурные основания конструкций, построенных по модели «как сосиска». Данные сравнения являются продуктивным способом экспрессивной характеристики внешности человека, а также различных неодушевленных объектов.

Ключевые слова: русский язык, компаративная конструкция, образ сравнения, сосиска.

Фразеологизмы с глуттонимом (лат. *gluttonare* ‘есть, употреблять в пищу’) – достаточно популярный объект лингвистических исследований. Названия блюд из мяса тоже не остались без внимания: рассматривались на фоне славянского материала немецкие ФЕ с компонентом *колбаса* [1], сравнительные конструкции со словом *сарделька* [2] и устойчивые сравнения (УС) с названиями южнославянских мясных блюд [3, с. 50–53]. Наша цель – проанализировать потенциал слова *сосиска* в русских компаративных конструкциях. Материал взят из Национального корпуса русского языка [4], текстов литературных порталов и других интернет-источников.

В синтаксических компаративизмах основной элемент сравнения – союз. При характеристике комплекции человека *сосиска* используется авторами для описания противоположных параметров, указывая прежде на приземистость и полноту: *Не женитесь на курсистках, Они толсты, как сосиски...* (Г. Г. Белых, А. И. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)) [4], а в наши дни – на худощавость и высокий рост: *Один маленький, кругленький, ... второй – длинный, ростом со жлоба, но в отличие от него тощий как сосиска* (Бачеригов Г. Вальс для принцессы (2015) [4]; *Ну какой же булкой она была А сейчас худая как сосиска.*

Еда как образ уподобления вызывает конкретные ассоциации, поэтому в воображении складывается определенная картинка; уточнение вида колбасного изделия путем ввода прилагательного конкретизирует образ сравнения: *Продавищица, тощая, как венская сосиска, женщина неопределяемого даже под пыткой возраста...* (Бару М. Б. «Не пишется проза, не пишется» // «Волга», 2011) [4] (венские сосиски – длинные и тонкие, в отличие, например, от мюнхенских). Заметим, что УС *толстый как сосиска* и *худой (тощий) как сосиска* не зафиксированы в основных словарях русских устойчивых сравнений ([5], [6]) и в «Словаре русской пищевой метафоры» [7].

«Сосиска выступает эталоном для характеристики частей тела человека (преимущественно пальцев), имеющих подобную форму в виде удлиненного цилиндра» [7, с. 264], и связана с негативной оценкой: *Охватив пальцами, толстыми, как сосиски, ручки кресла, он попробовал поднять непослушное тело...* (Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 2 (1928); *Пальцы толстые, как сосиски, и шевелятся, шевелятся, как тараканы в банке. Разве можно верить человеку с такими руками?* (Полякова Т. Тонкая штучка (1997)); *Толстыми и пятнистыми, как загнившие сосиски, пальцами он держался за железные прутья* (Ярмолинец В. А. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86–89» // «Волга», 2008) [4].

Текст помогает понять причину, из-за которой пальцы стали толстыми: *Где ваша воля? Растолстели, пальцы, как сосиски...* (Гиллер В. Из наблюдений врача // «Огонек». № 9, 1970); *Ой, какая ты опухшая! – говорила девочка. У тебя пальцы стали как сосиски. Ты такая толстая теперь!* (Трауб М. Приживалка (2009)); *Он обрюзг. У него толстые, как сосиски, пальцы на синих, распухших руках* (Сычев П. А. У Тихого океана); *Вчера ушиб руку на волейболе, и к утру пальцы распухли, как сосиски в кипятке* (Даниэль Ю. Письма из заключения); *Девочка думала и обматывала веревку вокруг запястья. Очень скоро онемела кисть ... Вон пальцы, как сосиски, ничего не чувствуют* (Щербакова Г. Мальчик и девочка (2001)) [4]. Даже в сочетании со стилистически нейтральным прилагательным *пухлый* ‘округлый и мягкий, несколько вздутый’, ‘полный, располневший’ [8, с. 566] образ сравнения вызывает отрицательные эмоции: *...рассматривая свои холеные руки с пухлыми, как сосиски, пальцами, спросил...* (Курочкин В. В. Записки народного судьи Семена Бузыкина (1962)); *И больше всего боялась Люба, что пухлые, как сосиски, пальцы коснутся ее* (Горбачев В. В. По зрелой сенокосной поре (1972)) [4]. В сочетании с адъективом *круглый* оценка пальца нейтральна: *Круглый живот, круглая спина, округлые ляжки, круглые, как сосиски, пальцы – все это с первого раза делало впечатление, что вот-вот этот человек сейчас засеменит ногами и побежит, куда приказано* (Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи (1872–1876)) [4].

Уподобление других частей тела этому мясному продукты единичны: ...*передо мной смешной уродец ... огромный, толстый, и как будто на нем маска: глаза как бу-синки, большущий нос, большущий рот, большущие щеки, губы как сосиски...* (Окуневская Т. Татьянин день (1998)) [4].

Сравнение выражается и лексически – с помощью прилагательного *похожий*: *Руки больше среднего размера, толстые у основания кисти, пальцы мясистые, похожие на сосиски, с выпуклыми, широкими ногтями, с грубой красной кожей...* (Шахиджанян В. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501–1001) (1999)) [4]; *Его пальцы, в которых он вертит твой рапорт, похожи на разваренные в микроволновке сосиски* (Черепанов М. Космос, истребитель, девушка (2014)) [4].

Метафорически название мясного продукта описывает худого высокого человека: *Наедине она называет его «сосиской» (за длинный рост и худобу), а он ее – «курочкой»...* (Налбандян З. Юмор, лошади и внуки // Труд-7, 23.11.2007) [4]; *Таиска еще как-то округляется, а Машунька, как была длинная тощая «сосиска», так и осталась* (Крысы: болталка (2006–2017)). Но использование кавычек, уточняющих слов, «расшифровка» значения говорят о том, что существительное не стало метафорой. Об этом свидетельствует и употребление в близком контексте соматизма и колбасного изделия: *Из-под бинтов вместо пальцев выглядывали опухшие, побуревшие от грязи сосиски с белесоватыми, как мокрый мел, ногтями* (Чигир В. Марцелл // «Дальний Восток», 2019) [4]. Жарг. *сосиска* – 1) мужской половой орган; 2) ирон. обращение к *толстому* человеку; 3) пальцы: *Не цапь мой чистый плащик своими жирными сосисками* [9, с. 442]. С *сосиской* ассоциируется и человек в состоянии опьянения: *пьян (пьяный, кривой) в сосиску; упиться в сосиску* [2, с. 442; 8, с. 647].

«Варианты УС, представляющие собой сложные слова, встречаются в случаях предельно узкого “диапазона” объекта образной характеристики, когда этот компонент – нечто конкретное» [9, с. 34]: *Синяя шея и красные сосиски-пальцы, распухшие от воды...* (Куваев О. М. Зажгите костры в океане (1964)); *Вначале ее считали просто безобразной: руки до колен, длинные сосиски-ноги, шея как у жирафа, низкая грудь* (Что едят балерины // Коммерсант, 02.12.2001) [4].

Хотя «параметрические прилагательные антропоцентричны по самой своей сути» [10, с. 139], они могут относиться и к неживым объектам: *У западного крыла гостиницы «Россия» выстроилась длинная сосиска очереди* (Комсомольская правда, 16.11.2001); *...пассажиры не могут войти в вагон, один за другим пропуская мимо себя поезда полные, как мюнхенские сосиски, человеческим мясом* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году (2008)) [4]. Это касается и УС с глаголом в основании сравнения: *Думаю если бы 5тый iphone действительно имел какие то новые преимущества, а не только вытянулся бы как сосиска я бы на нем бы и остался* (Форум: BlackBerry Z10 (2013)) (орфография источника). В начале XX в. с этим продуктом сравнивали боеприпасы: *Русский консул получил из Порт-Артура письмо, сообщающее подробности относительно употребления японцами особого снаряда в форме сосиски...* (Вести // «Русское слово», 21.11.1904) [4].

Устойчивой стала фраза Н. С. Хрущёва (1960 г.) о межконтинентальных баллистических ракетах, которые в СССР *делают как сосиски*, т. е. создают быстро, легко и в большом количестве. Она довольно частотна: *Уже передавали слова Хрущёва (крестного отца...): «Да мы теперь ракеты делаем как сосиски на конвейере»* (Солженицын А. И. На изломах (1996)); *Вы учтите, Никита только грозился, что будет делать ракеты, как сосиски, деньги на космос будто бы не жалел; Для их вооружения ракеты потребовалось делать действительно «как сосиски»* (Черток Б. Е. Ракеты и люди (1999)); *Илон Маск сделал космос безопасным для инвесторов, но пока не решил проблему запусков. Мы же хотим делать ракеты так же просто, как сосиски, и запускать их*

в космос сотнями штук (Окашин Р. Ракетный стартап Vector обещает «**клепать ракеты, как сосиски**» (2018)); Тем не менее Никита Сергеевич создавал образы массового изготовления в СССР МБР, заявляя, что «...советские заводы могут **производить ракеты, как сосиски**» (Кошкин А. Путин, Хрущев, ракеты и сосиски (2018)) [4]. Глаголы, реализующие семантику ‘делать что-л. по готовым образцам и во множестве’, варьируются: **Штамповать ракеты как сосиски** (<https://dzen.ru>); **Кто сейчас печёт ракеты как сосиски**, Роскосмос или SpaceX? (Макухин С. SpaceX, Роскосмос (2020)) [4]; ...еще в мае 2024 года в заявлении МИД РФ фигурировал «Рубеж». Мол, если вы [Запад] не подписываете договор о ракетах, мы его будем **как сосиски клепать** (<https://dzen.ru/news/by>); **РФ начнет клепать ракеты, как сосиски** (<https://weekjournal.ru/world>) и др. Под ракетой подразумевается беспилотный космический аппарат или боевой реактивный снаряд (напр., ракета РС-26 «Рубеж»). А УС образованы по модели «готовить + как + еду»: как калач испечь (устар.); печь что как блины; [делать что] как блины печь; печь/выпекать (штамповать) что как горячие/свежие пирожки; штамповать (стряпать, шлёпать) что как гамбургеры [11, с. 59–60].

Список использованных источников

1. Вальтер, Х. Почему немцам «всё колбаса», а не «до колбасы» / Х. Вальтер // *Frazeologické štúdie V: Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. – Ružomberok : Katolícka univerzita v Ružomberoku, 2007. – Р. 303–313.
2. Кузнецова, И. В. Русские сравнительные конструкции с компонентом *сарделька* / И. В. Кузнецова, К. О. Кириллова // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2025. – № 1(126). – С. 29–37.
3. Кузнецова, И. В. Названия блюд из мяса и риса ориентального генезиса в устойчивых сравнениях южных славян / И. В. Кузнецова // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2025. – № 3(128). – С. 49–58.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 20.10.2025.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
6. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.
7. Словарь русской пищевой метафоры. – Т. 1 : Блюда и продукты питания / Под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2015. – 428 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – Т. 3. – М. : Русский язык, 1987. – 752 с.
9. Елистратов, В. С. Словарь московского арго : Материалы 1980–1994 гг. / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 1994. – 700 с.
10. Михеева, С. Л. Параметрические прилагательные русского языка : антропоцентричность семантики и каузативный потенциал / С. Л. Михеева // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2019. – № 3(103). – С. 133–140.
11. Кузнецова, И. В. Славянские устойчивые сравнения с семантикой ‘продаваться/раскупаться нарасхват’ (на фоне других языков) / И. В. Кузнецова // *Идеографическая картина современной фразеологической неологии : коллективная монография*. – СПб : ЛЕМА, 2025. – С. 54–59.

Abstract. The article analyzes the role of the sausage component in the composition of Russian comparative phrases. The semantics, pragmatics, and linguistic and cultural foundations of constructions based on the “like a sausage” model are considered. These comparisons are a productive way of expressive characterization of human appearance, as well as various inanimate objects.

Keywords: Russian, comparative construction, image of comparison, sausage.

Д. Д. Ашурова
Научный руководитель – Е. П. Налобина,
ст. преподаватель

СЛОВА-РЕАЛИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу слов-реалий в немецком языке, которые отражают современное состояние общества и его бытовую жизнь. Рассматриваются различные тематические группы, такие как технологии, экология, культура и образ жизни. Обсуждаются источники происхождения слов-реалий и их значение для понимания культурных и социальных изменений.

Ключевые слова: слова-реалии, немецкий язык, современная лексика, культурные изменения, языковая динамика.

Язык является живой системой, постоянно изменяющейся под воздействием социальных, культурных и технологических факторов. Для понимания современного состояния языка важно изучать слова-реалии – лексические единицы, которые отражают специфические аспекты жизни носителей языка. В данной статье мы рассмотрим слова-реалии в немецком языке, которые возникли или приобрели новое значение в результате изменений в обществе.

По определению С. И. Влахова и С. В. Флорина реалиями являются слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и временной колорит [1]. Некоторые исследователи утверждают, что слова-реалии не подлежат переводу. Однако реалии является частью исходного текста, поэтому корректная передача соответствующей лексики является одним из условий адекватности перевода.

С функционально-коммуникативной точки зрения каждую культуру и язык можно охарактеризовать в качестве довольно разветвленной системы, в рамках которой содержания различного вида способны обладать либо универсальными качествами и смыслом (т. е. иметь интернациональный характер), либо культурно-специфическими (специфика и актуальность ограничиваются рамками конкретной культуры). В случае межъязыкового преобразования понятий редко удается избежать потерь, поскольку текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным адекватным тексту оригинала. Цель переводчика заключается в том, чтобы сделать эту адекватность наиболее полной (с минимальными лексико-семантическими потерями).

Слова-реалии можно определить как «лексическую единицу, которая обозначает специфический объект, явление или концепцию, характерные для определенной культуры или общества» [1, с. 45]. Эти слова часто не имеют точных аналогов в других языках и служат важными маркерами культурной идентичности.

Слова-реалии могут возникать в результате различных процессов: заимствования из других языков, создания новых слов на основе существующих корней или метафорического переноса значений. Они могут быть связаны с конкретными аспектами жизни: традициями, технологиями, политикой и экономикой.

Слова-реалии можно классифицировать по нескольким критериям: социальным, культурным, историческим и экономическим.

1. Социальные слова-реалии.

Социальные реалии включают слова, связанные с социальной структурой и общественными нормами. Например, *Biergarten* – пивной сад, популярное место отдыха в Германии. *Oktoberfest* – Октоберфест, знаменитый фестиваль пива в Мюнхене.

Эти термины отражают важные аспекты социальной жизни и досуга немецкоязычных народов [2, с. 78].

2. Культурные слова-реалии.

Культурные реалии отражают традиции и обычаи народа: *Weihnachten* – Рождество с его уникальными традициями. *Karneval* – карнавальные празднования, характерные для многих регионов Германии.

Эти слова помогают понять, как немцы отмечают праздники и какое значение они придают своим традициям [3, с. 102].

3. Исторические слова-реалии.

Исторические реалии охватывают слова, связанные с историческими событиями и личностями: *Mauerfall* – падение Берлинской стены в 1989 году. *Wiedervereinigung* – воссоединение Германии в 1990 году.

Знание этих терминов позволяет лучше понять контекст современного немецкого общества [4, с. 56].

В нашей статье критериями отбора материала для анализа слов-реалий в немецком языке будут новизна, устойчивость в употреблении, связь с культурными или социальными изменениями. Проведя анализ научной литературы, современных медиа, постов в социальных сетях и на форумах, а также обратившись к специализированным ресурсам, нам удалось выделить несколько ключевых слов-реалий:

1. Слова-реалии, связанные с технологиями.

Smartphone – «умный телефон». Этот термин стал неотъемлемой частью повседневной жизни и отражает изменения в способах коммуникации и доступе к информации. Использование смартфонов изменило способы взаимодействия между людьми и доступ к ресурсам. Другими примерами служат названия гаджетов и устройств: *Siemens*, *Gigaset* и т. д.

Streaming – «потокковая передача». Это слово описывает новый способ потребления медиа-контента, который стал популярным благодаря платформам.

2. Слова-реалии, связанные с экологией.

Nachhaltigkeit – устойчивое развитие. Это слово стало обозначением одного из центральных понятий в дискуссиях о защите окружающей среды и социальной ответственности. Оно отражает стремление общества к более экологичному образу жизни.

Plastikmüll – пластиковые отходы. Увеличение использования пластика привело к возникновению этого термина, который подчеркивает проблему загрязнения окружающей среды и необходимость поиска альтернатив.

Другими примерами могут служить названия экологически чистых автомобилей (*das E-Auto (Elektroauto)*, *das E-Mobil (Elektromobil)*).

3. Слова-реалии, связанные с культурой.

Kaffeekultur – культура кофе. Это слово описывает не только привычку пить кофе, но и целый социальный феномен, связанный с общением и отдыхом. Оно подчеркивает значение кофе как элемента повседневной жизни в Германии.

Feierabend – время после работы. Это слово обозначает время отдыха после трудового дня и связано с культурными традициями баланса между работой и личной жизнью. Оно отражает ценности, связанные с отдыхом и социальной активностью.

Слова-реалии играют важную роль в отражении культурных и социальных изменений в обществе. Их изучение позволяет глубже понять динамику языка и его связь с реальной жизнью носителей языка. В условиях быстрого развития технологий важно фиксировать новые лексические единицы, которые становятся частью повседневной коммуникации.

Список использованных источников

1. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Высш. шк., 1986. – 384 с.

2. Бурмистрович, Ю. А. Лексикология : теория и практика / Ю. А. Бурмистрович. – М. : Наука, 2005. – 240 с.
3. Громова, Н. В. Лексикология немецкого языка / Н. В. Громова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2020. – 300 с.
4. Шевченко, О. А. Язык как отражение культуры / О. А. Шевченко. – М. : Изд-во НГПУ, 2018. – 220 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 320 с.

Abstract. The article focuses on the analysis of realia words in the German language that reflect the current state of society and everyday life. It examines various thematic groups, such as technology, ecology, culture, and lifestyle. The article discusses the sources of these words and their significance for understanding cultural and social changes.

Keywords: realia words, German language, modern vocabulary, cultural changes, and language dynamics.

УДК 811.161.1

А. К. Багдасарян, Л. В. Мартиросян
Научный руководитель – **Л. Б. Кацюба**,
канд. филол. наук, доцент

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С СЕМАНТИКОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье рассматривается духовно-нравственный потенциал русских пословиц, анализируемый с позиций восстановления традиционных семейных ценностей. Актуальность исследования связана с современными социальными переменами, обусловившими обращение к традиционной культуре как источнику нравственных ориентиров.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, традиционная культура, русские пословицы, духовно-нравственные ценности, культурное наследие.

Семья – одна из самых важных ценностей русской народной культуры. Именно через семью человек получал главные нравственные ориентиры. Эта народная мудрость лучше всего отражена в пословицах, которые хранят в себе опыт и моральные принципы народа. Пословицы представляют собой богатейший материал для исследования, что подтверждается их многогранной природой и универсальностью (см. работы [1; 2]). Л. Б. Кацюба, анализируя работу Л. Б. Савенковой, вслед за ней отмечает, что «именно семья, строящаяся на морально-нравственных началах, опирающаяся на традиции, является прочным объединением «своих», близких, родных людей и средоточием всего «своего». И как будет устроен этот «свой» дом, так и будет жить человек: *Каково на дому, таково и самому; Горевать тому, у кого беспорядок в дому*» [3, с. 118].

Наша работа посвящена анализу пословиц с семантикой семьи: мы хотим выяснить, какие ценности они несут. Сейчас эта тема особенно актуальна, в условиях перемен мы всё чаще обращаемся к традиционным ценностям, в том числе и семейным, и пословицы помогают нам глубже понять их значение. Пословица как богатое наследие народа выступает универсальным инструментом для передачи многовекового опыта народа из поколения в поколение. В рамках данной статьи, с лингвистической точки зрения, мы рассматриваем пословицы как «краткое образное устойчивое высказывание <...>, отражающее обобщенную формально закрепленную ситуацию <...>, излагающую важную истину, наставление, <...>, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [4, с. 4]. Таким образом, пословицы содержат мудрые советы, наставления, а также отражают духовно-нравственный потенциал русской культуры.

Семантика «семейных» пословиц раскрывается через три центральных понятия: «семья», «нравственный» и «духовный». Их точное понимание является основой для корректного анализа. В качестве рабочей основы мы взяли толковый словарь, опираясь на лексикографические толкования: *семья* (в 1-м значении) – ‘группа живущих вместе близких родственников’ [5, с. 711]; *нравственный*, относящийся к слову *нравственность* ‘внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами’ [5, с. 423]; *духовный*, относящийся к слову *духовность* ‘свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными’ [5, с. 183]. Эти определения раскрывают внутреннюю связь понятий, формируя общую систему взглядов. Так, «семья» определяется через единство, взаимную поддержку и моральную сплоченность. Это понимание семьи как общности со взаимными обязательствами и заботой имеет сходство с «нравственными» ориентирами, которые подразумевают следование высоким моральным принципам и требованиям добродетели. Нравственность, поэтому, является тем внутренним законом, который регулирует отношения внутри семейной общности. Наконец, «духовное» начало наполняет эти отношения особым, глубоким смыслом, уходящим корнями в традиции, где семья – это место, где рождаются и живут вечные ценности: долг, любовь и верность.

На следующем этапе нашей работы мы выбрали 160 пословиц с семантикой семьи, из которых отобрали наиболее интересные, по нашему мнению, для рассмотрения, ярко демонстрирующие ключевые аспекты народного понимания семьи и объединенные общей мыслью-пословицей:

1. *Дерево держится корнями, а человек семьёй*: семья – основа человеческого существования, опора и поддержка человека. Как дерево не может существовать без корней, чахнет и падает от ветра, так и человеку трудно жить без крепкой семейной связи. Он теряет опору, ощущает себя одиноким. Положительная коннотация здесь проявляется в идее семьи как источника жизненных сил, нравственной устойчивости и преемственности поколений. Семья даёт человеку не только кров и пищу, но и духовную почву, то есть чувство принадлежности, защищённости и идентичности: *Вся семья вместе, так и душа на месте; Родители – корни, дети – цветы; Человек без семьи, что дерево без плодов; Русский человек без родни не живет; И в раю жить тошно одному.*

2. *Семейные нелады доведут до беды*: проявление равнодушия, отсутствие душевной близости и взаимопонимания в семье, ссоры ведут к одиночеству, когда самые сильные переживания одного члена семьи остаются не замеченными другими. Пословицы с негативной коннотацией показывают последствия разрушения духовного единства в семье. В такой ситуации семья перестает выполнять свою главную функцию – быть «тихой гаванью», где делятся радостями и печалью. *В недружной семье добра не бывает; Кому от чужих, а нам от своих; Одно сердце страдает, а другое не знает; С родней не без хлопот.* В то же время подобным пословицам противостоят единицы с положительной коннотацией, говорящие, что не все потеряно: *Семейные недра зла не помнят; Ссора в семье до первого взгляда; На что и клад, коли в семье лад.*

3. *Дочерью красуются, сыновьями в почете живут* – эта пословица говорит о важности продолжения рода и отражает традиционное разделение социальных функций: дочери рассматривались как «визитная карточка» семьи, чья красота, скромность и умение вести хозяйство повышали ее социальный престиж. Сыновья были продолжателями рода, добытчиками и защитниками, чьи успехи напрямую определяли общественное положение и «почет» семьи. Такова была сложившаяся веками реальность: *Сын – отцовская надежда, дочь – материнская отрада; Дурному сыну и отец ума не купит; Корми сына до поры: придет пора – сын тебя покормит; Добрый сын всему свету завидище; Кто детям потакает, тот потом слезу проливает.*

Проведенный анализ позволил также распределить пословицы на несколько содержательных групп:

1. О семейной гармонии и взаимопомощи: главное в семье – это мир и взаимопонимание: *Муж да жена – одна душа; На что и клад, когда в семье лад; За мужнину жену есть кому вступиться; Всякому мужу своя жена милее.*

2. О выборе невесты и жениха: показывает серьезность решения, которое нужно принять своевременно и осознанно: *Красота до венца, а ум до конца; Женишься раз, а плачешься век; Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье.*

3. О родителях и детях: раскрывает особую связь между разными поколениями: *При солнышке тепло, при матери добро; У доброго батьки добры и дитятки; Родителей чти – не собьешься с истинного пути.*

4. О доме, очаге – символе энергии, жизненной силы семьи: *Изба жилим пахнет; Дом красится хозяином; Дом – полная чаша.*

Большинство пословиц тематической группы «Семья» имеют положительную коннотацию, подчеркивающую важность семьи, основанной на любви, согласии и взаимопомощи: *Согласную семью и горе не берет; В дружной семье и в холод тепло; Где любовь да совет, там и горя нет.*

Пословицы с отрицательной коннотацией встречаются реже и обычно служат предостережением, показывая, к каким разрушительным последствиям могут привести раздоры, ссоры, нарушение нравственных устоев в семейной жизни, например, распаду семейных связей, душевному одиночеству и депрессии. Так, пословица *В семье не без урода, а на урода все не в угоду* отражает понимание того, что в любой семье могут возникнуть конфликты и недоразумения из-за тяжелого характера одного из членов семьи. Только терпение и мудрость помогут пережить семейные бури, ведь *Вместе тошно, а розно скучно*. Более резкие по своей образности высказывания, типа *Лучше жить со змеёю, чем со злою женою; Досталась гадине виноградная ягода*, демонстрируют, как отсутствие взаимного уважения и гармонии между супругами способно подорвать саму основу семейной жизни, превращая брак в источник непрерывных страданий. Особенно показательны в этом ряду пословицы *Замуж идёт – песни поёт, а вышла – слёзы льёт; В девках сижено – плакано; замуж хождено – выто*, которые представляют собой драму – от светлых ожиданий до горького разочарования, подчёркивая трагизм брака без любви (особенно в старые времена) и неосмотрительного выбора спутника жизни (в настоящее время).

Таким образом, пословицы хранят в себе опыт и моральные принципы народа, выступая инструментом передачи главных нравственных ориентиров, которые человек получает через семью. Анализ русских семейных пословиц позволяет выявить идеал крепких отношений и предлагает вековую мудрость для решения современных проблем. Пословицы с семантикой семьи помогают противостоять негативным тенденциям в семейной жизни и следовать традиционным русским ценностям, основанным на любви, взаимопомощи и уважении. Они также учат строить гармоничные отношения, основанные на понимании и терпении, и передают важные моральные уроки, формирующие нравственные ориентиры. Пословицы показывают, что семья – это главная школа и пример правильной жизни, где формируется личность и передаются культурные традиции. «Семейные» пословицы остаются важными и сегодня, напоминая о вечных ценностях и помогая укреплять семейные отношения.

Список использованных источников

1. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 240 с.
2. Лиманзо, В. А. Духовно-нравственный потенциал русских пословиц с семантикой дружбы (на материале сборника пословиц В. И. Даля) / В. А. Лиманзо, Н. А. Плотникова // Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин : сб. статей участников Всерос. науч.-практ. конф., Арзамас, 20–21 апр. 2023 г. – Арзамас : Арзам. филиал ННГУ, 2023. – С. 229–233.
3. Семья в русской лингвокультуре : коллективная монография / Л. В. Адонина, М. А. Дударева, Л. Б. Кацюба [и др.] ; под ред. С. С. Хромова. – М. : Перо, 2017. – 170 с.

4. Кацюба, Л. Б. Русские пословицы : концептосферы, ассоциативные поля, семантизация переносного значения, контекстное употребление : учеб. пособие / Л. Б. Кацюба. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 228 с.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выраж. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2003. – 944 с.

Abstract. The article examines the spiritual and moral potential of Russian proverbs with the semantics of the family. The relevance of the research is related to modern social problems. Traditional culture is considered as a source of moral guidance. The purpose: to identify the values of the family in Russian proverbs and to show their importance for strengthening family relations in modern society.

Keywords: family, family values, traditional culture, Russian proverbs, spiritual and moral values, cultural heritage.

УДК 811.161.3'373.2:821.161.3

К. М. Барадаўка, В. С. Лебедзева
Навуковы кіраўнік – **В. Р. Слівец**,
канд. філал. навук

НАЗВЫ МАЛОЙ РАДЗІМЫ Ў ПАЭЗІІ МІХАСЯ БАШЛАКОВА

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца асаблівасці інтэрпрэтацыі вобраза малой радзімы сродкамі анамастычнай лексікі ў паэзіі Міхася Башлакова. Выяўлена, што ключавую ролю адыгрывае выкарыстанне рэгіянальных тапонімаў як канкрэтных геаграфічных маркёраў. Ужыванне паэтонімаў іншых лексіка-семантычных разрадаў (антрапонімаў, хранонімў) дазваляе паглыбіць гісторыка-культурны кантэкст твораў і ўзбагаціць іх вобразна-эстэтычныя вартасці.

Ключавыя словы: малая радзіма, вобраз, анамастыкон, тапонім, антрапонім, хранонім.

Не сакрэт, што для многіх творцаў асноўнай крыніцай натхнення была і застаецца малая радзіма, адкуль бяруцца ўсе вытокі – і яркіх успамінаў, і глыбокіх пачуццяў, і непаўторных вобразаў. Не выключэнне і паэтычная творчасць Міхася Башлакова, якая таксама вызначаецца асаблівай блізкасцю з родным краем. Яго вершы – гэта не толькі асабістыя перажыванні, але і адлюстраванне моцнай сувязі з мясцінай, якая абумовіла вобразны свет яго паэтычнага стылю.

У паэзіі М. Башлакова, ураджэнца Гомельшчыны, назвы родных мясцін – неад’емны кампанент мастацкай прасторы: яны выступаюць як сімвалы памяці, тугі па мінулым і любові да зямлі, дзе ён нарадзіўся і вырас; апісваюць не толькі прыроду і культуру рэгіёна, але і ствараюць адчуванне сувязі паміж мінулым і сучаснасцю, паміж чалавекам і яго каранямі.

Намі быў прааналізаваны анамастыкон паэтычных зборнікаў М. Башлакова “Дні мае залатыя” (1993) і “Матчыны грыбы перабіраю” (2000), у якім вылучаны ўласныя імёны, што задзейнічаны ў стварэнні вобраза яго малой радзімы. Пераважная іх большасць – тапонімы.

Станцыя *Церуха*, дзе аўтар правёў сваё маленства, становіцца цэнтрам яго паэтычнага свету, напоўненага настальгічнымі матывамі: *Церуха, Церуха... Успаміны / Забялеюць, нібыта снягі... // Як з крыніцы, з маленства сцяжыны, / Выцякаюць мае ўсе шляхі...* [1, с. 67]; *Завечарэла. Дымкай зацягнула. / Чакаю я цягнік на Церуху. / Жыццё, як хуткі поезд, прамільгнула. / Калі і як? Паверыць не магу. // І хоць ніхто мяне там не чакае. / І хоць чужыя агеньчык там гарыць, / У Церуху да бэзавага мая / Асенні мой цягнік загрузаціць...* [2, с. 17]. Вершы, прысвечаныя гэтай мясцовасці, напоўнены глыбокімі эмоцыямі і ўспамінамі, якія адлюстроўваюць не толькі пейзажы, але і душэўны стан аўтара. У аўтабіяграфіі паэт прызнаецца: “Мая Станцыя Церуха. Тут я спазнаваў таямніцы прыроды, вучыўся асэнсоўваць жыццё. Тут складаліся мае першыя вершаваныя радкі” [3, с. 30]. Дарэчы, у газеце “Гомельскі

ўніверсітэт” ад 31 снежня 1971 года змешчаны вельмі красамоўны ў гэтых адносінах верш М. Башлакова, тады яшчэ студэнта 4 курса гісторыка-філалагічнага факультэта, пад загалоўкам “Бусел”: *Буслом цярушскім называюць. / З мянушкамі ўсе мы раслі. / Вясной у Церуху прыезджаю, / Калі прылятаюць буслы. // Калісьці насіў я са студні / Паўнюткія вёдры дамоў. / І выраслі рукі нячутна / Даўгія, як крылы буслоў. // Даўно сваю вёску пакінуў, / А клічка мая ўсё жыве. / Здаецца, што клёкат бусліны / Мяне, нібы брата, заве.*

Намі падлічана, што тапонім *Церуха* ў зборніку “Дні мае залатыя” ўжываецца 7 разоў, у зборніку “Матчыны грыбы перабіраю” – 6.

Яшчэ больш частотным тапонімам у анамастыконе М. Башлакова з’яўляецца *Палессе*. У прааналізаваных зборніках ён сустракаецца больш за 40 разоў.

Палессе – гэта не проста геаграфічная назва, гэта культурны і гістарычны кантэкст, у межах якога фарміраваўся светапогляд паэта. “Палессе – самая заповітная мая песня. <...> Менавіта тут, на Палессі, недзе за Лельчыцамі, у лясных і балотных нетрах, жыве, як мне здаецца, мой добры Бог, мой Дух, мой Лясун – з цёмнымі задумнымі вачыма і густой калматай барадой, які дапамагае мне тварыць,” – шчыра прызнаецца М. Башлакоў [3, с. 38]. І шматлікія вершаваныя радкі пацвярджаюць гэта: *На Палессе / Душою імкнуся, / Дзе гагочуць / У Лельчыцах гусі / І ля Убарці / Хлопаюць крыламі* [1, с. 57–58]; *Палессе... Як чаруючая песня, / Запаланіла музыкай мяне* [1, с. 88]. Пішучы пра *Палессе*, паэт падкрэслівае самабытнасць гэтага краю: “Нідзе, напэўна, не захаваліся такія, як тут, старажытныя язычніцкія абрады і звычай, а таксама даўнія, задумліва-пранізлівыя песні...” [3, с. 38]. Адсюль, відаць, у яго паэтычных радках і хрананімы – назвы свят народнага каляндара, якія з’яўляюцца адбіткам духоўнага жыцця народа, яго старажытных вераванняў: *Вадзілі карагоды на Купалле. / Скакалі праз языцкія кастры. / Вянкі дзяўчаты на вадзе пускалі, / Каб прыплылі каханнем на зары* [1, с. 89]; *На Ўзвіжанне спаўзаюцца вужы / Па сцежках таямнічых на паляны. / Гадзюкі свае чорныя крыжы / На гультышча нясуць неспадзявана* [2, с. 42].

Вандроўкі па палескім краі паўплывалі на тое, што геаграфію тапанімічнай прасторы паэзіі М. Башлакова папоўнілі айконімы *Гарнастаеўка, Лельчыцы, Ліпляны, Тартак, Тураў, Хатынь, Церахоўка* і інш. назвы: *Ёсць на свеце дарога ў Лельчыцы / Між дрымотных палескіх бароў...* [1, с. 16]; *Дзе верасовы пах духмяны, / Дзе горыч восеньскіх кастроў, / Ёсць вёска ціхая Ліпляны / У суцёмках сівых бароў* [1, с. 124]. Родным лічыць паэт і Гомель, яго ваколіцы, дзе вучыўся і жыў доўгі час, дзе прайшла залатая пара юнацтва: *Мне прыснілася зноў Навабеліца / І на вуліцы Сонечнай дом, / Дзе вясной цвет вішнёвы мяцеліца / За маім адзіночым акном* [1, с. 23]; *За горадам пасвяцца коні / На ўскрайку квяцістых лугоў. / У грывах заблытаўся Гомель / З таемным святлом ліхтароў* [2, с. 7].

Адметнай часткай ландшафту Беларусі з’яўляюцца яе водныя аб’екты. Таму натуральным бачыцца наяўнасць гідронімаў *Прыпяць, Сож, Убарць, Сьвіга, Славечна* ў анамастыконе паэта, якія дапаўняюць прыродны “партрэт” Палесся: *Над Прыпяцю, надвечаровай / Крычала кнігаўка ў цішы...* [1, с. 41]; *На Убарць туманам апусціцца вечар. / Праскача гяспутаны конь за сяло. / І сэрца, як восеньскі ліст, затрапеча. / І ў хатах над рэчкай запаліць святло* [1, с. 43]; *Я часта прыходжу да Сожа. / Прымерз ён да лазнякоў. / І лодкі прымкнуты марозам / Надоўга да берагоў* [2, с. 20]. Самыя частотныя – патамонімы *Прыпяць* і *Убарць*. Яны маюць 16 і 11 ужыванняў адпаведна.

Малая радзіма – гэта яшчэ і людзі – сваякі, суседзі, сябры, – без якіх нельга ўявіць свой радзінны куток і якія кожны па-свойму паўплывалі на станаўленне асобы аўтара. Як правіла, з імі звязаны лепшыя ўспаміны. Так, антрапанімікон твораў М. Башлакова ўтрымлівае рэальныя ўласныя імёны, якія называюць сваякоў і знаёмых паэта (маці *Пелагея Міхееўна Ступакова*, бацька *Захар/Зорык*, Домна *Дзянісаўна*, бабуля *Ульяна*, бабуля *Прося*, дзед *Міхей*, дзед *Карней*, цётка *Хрысця*, дзед *Мікіта*, дзядзька *Жэня*, брат *Валянцін*, *Фядос* і інш.): *Калісьці жыў у вёсцы дзед Мікола / Пчала і бортнік быў такі адзін... / Звіняць і сёння залатыя пчолы / Над борцамі ў суцёмках галін...* [2, с. 35]; *І, здаецца, пачую голас бабулі Ульяны, / З ёю побач прысядзе яе ціхі Міхей. / Прыйдзе бабуля Захар, дзядзька Федзя загляне. / І зноў чарка па крузе ўсіх абыйдзе людзей* [2, с. 59].

Дарэчы, паэтычны зборнік “Матчыны грыбы перабіраю” мае і дакладнае прысвячэнне – “*Маці Пелагеі Міхееўне Ступаковай прысвячаю*”. Некаторыя імёны вынесены аўтарам у загаловкі да твораў, напрыклад, “Дзед Фядос”, “Яніна”, “Зорык”.

Такім чынам, назвы малой радзімы ў паэзіі Міхася Башлакова – неад’емны кампанент мастацкай прасторы яго паэтычных твораў. Сярод іх пераважаюць рэгіянальныя тапонімы, геаграфічна суадносныя з палескім рэгіёнам, што абумоўлена фактамі біяграфіі паэта. Аднак у рэпрэзентацыі вобраза малой радзімы задзейнічаны паэтонімы і іншых лексіка-семантычных разрадаў (антрапонімы, хранонімы і інш.), што дазваляе аўтару не абмяжоўвацца стварэннем толькі лакальна-геаграфічных “прывязак”, а значна паглыбіць гісторыка-культурны кантэкст і ўзбагаціць мастацка-эстэтычныя вартасці сваіх твораў.

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (дагавор Г24М-047).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Башлакоў, М. Дні мае залатыя: Кніга паэзіі / М. Башлакоў. – Гомель: Сігма, 1993. – 174 с., іл.
2. Башлакоў, М. Матчыны грыбы перабіраю: Вершы / М. Башлакоў. – Мінск: Ураджай, 2000. – 86 с.
3. 3 росных сцяжын: аўтабіяграфія пісьменнікаў Беларусі / уклад. М. Мінзер. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2009. – 464 с.

Abstract. The article examines the peculiarities of interpreting the image of the small homeland by means of onomastic system of Mikhas Bashlakov’s poetry. It is revealed that the key role is played by the use of regional toponyms as specific geographical markers. The use of toponyms of other lexical-semantic categories (anthroponyms, chrononyms) allows to deepen the historical and cultural context of the works and enrich their figurative and aesthetic values.

Keywords: small homeland, image, onomastic system, toponym, anthroponym, chrononym.

УДК 821.161.1:82.311-6”20”-31*К.М.Симонов

О. Д. Белова

Научный руководитель – В. А. Редькин,
д-р филол. наук, профессор

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНЕ К. М. СИМОНОВА «ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ»

Аннотация. В статье рассматриваются текстообразующие образы и мотивы в романе К. М. Симонова «Товарищи по оружию». Делается вывод о том, что текстообразующими героями являются П. Артемьев и К. Климович. В последующих романах фокус авторского внимания сместится. Возникает сквозной для творчества К. Симонова тип персонажа. Отмечается также, что текстообразующими являются мотив памяти, мотив дороги.

Ключевые слова: К. М. Симонов, русская проза XX в., роман, тема войны, мотивы, образы, текстообразующая функция.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) – советский писатель, поэт, драматург, военный корреспондент. Произведения К. Симонова активно изучались в советское время. Так, В. Барлас писал, что К. Симонов-поэт опирался на уже сложившиеся традиции и в то же время он схватывал дух времени [1]. И. Вишневская в монографии «Константин Симонов: Очерк творчества» также отмечала связь творчества писателя со временем [2].

В 1990-е годы в изучении творческого наследия писателя наметился спад. Вновь к произведениям К. Симонова исследователи стали обращаться уже в XXI веке, и в этих исследованиях, как правило, внимание было сосредоточено на лирике. Таким образом, творческое наследие К. Симонова активно осваивается с 60-х годов XX века по настоящее время.

Роман «Товарищи по оружию» редко становился объектом исследования. П. Н. Савилов провёл военно-исторический анализ описания боевых действий в романе [3]. Л. Лазарев, исследуя тему войны в творчестве К. Симонова, отмечал, что «Так называемая личная жизнь», трилогия «Живые и мёртвые», «Товарищи по оружию», «Случай с Полыниным» и «Дни и ночи», являясь самостоятельными произведениями, образуют единый художественный мир. Перед читателем предстаёт подлинно эпическая картина одного из самых грозных и значительных периодов [4].

Становление «оборонной» литературы происходило в 1930-е годы, когда приближение войны становилось всё более ощутимым. В истории это период «малых войн»: хасанский (1938) и халхин-голский конфликты (1939), советско-финляндская война (1939–1940). Именно об этом периоде повествуется в романе «Товарищи по оружию» (1950–1965; впервые опубликован в 1952 г.).

Роман «Товарищи по оружию» посвящён теме войны. Эта тема двойственна. В центре внимания вооруженный конфликт, произошедший в 1939 году в районе реки Халхин-Гол между советско-монгольскими и японскими войсками. Но это столкновение кажется только предвестником другой, большой войны.

Надвигающуюся трагедию ощущают многие герои. О предстоящем противостоянии с Гитлером думает Климович, читая в газете о захвате Чехословакии. *Для него [Климовича], военного человека, война была экзаменом, который неизвестно когда состоится, но к которому надо быть готовым* [5, с. 239]. Читая в подшивках газет о строительстве Куйбышевских гидроэлектростанций, Люба вдруг думает о том, что закончат их строить, *если только не будет войны* [5, с. 245]. В представленном после халхин-голских боев докладе Ворошилова, звучала *мысль о необходимости быть готовыми к войне*, притом к войне жестокой. [5, с. 492]

Не все герои чувствуют надвигающуюся беду. Так, Маше бои на Халхин-Голе кажутся рядовыми приграничными конфликтами.

Роман «Товарищи по оружию» знакомит читателя с героями, которые появляются в других произведениях писателя о войне: трилогии «Живые и мёртвые», романе «Так называемая личная жизнь», повести «Случай с Полыниным».

В «Товарищах по оружию» в центре внимания автора оказываются два персонажа – капитан Павел Артемьев и капитан Константин Климович. Они вместе учились в семилетке, потом служили в одном гарнизоне, под Халхин-Голом их пути пересеклись вновь.

Артемьева направляют в штаб Дальневосточного после окончания военной Академии имени Фрунзе. В отличие от него, Климович живет в Монголии второй год, является участником событий, произошедших у озера Хасан. Они оба честно служат, храбро и мужественно сражаются с врагом.

Во время боя Артемьев *словно привороженный, <...> не мог оторвать взгляда от дымящейся воронки и потом еще несколько раз оглядывался на нее, чувствуя, что это и есть смерть и что он ее боится* [5, с. 310]. Однако он перебарывает это чувство, сражается храбро и мужественно.

Климович ранен в самом начале боя, остальные члены экипажа убиты. Он не может одновременно вести и стрелять, потому давит танком позиции противника. Но выходит из боя он, только чувствуя, что теряет сознание. А после перевязки возвращается в бой.

С этими двумя героями связана ещё одна тема, затрагиваемая в романе, – тема семьи. Если Климович и Артемьев с честью проходят испытание войной, их избранницы

по-разному проявляют себя: живет в гарнизонах вместе с мужем понимающая, заботливая Люба Климович, расстаётся с Артемьевым меркантильная Надя Караваева, не готовая разделить возможные многолетние скитания. Перед отъездом на Дальний Восток Павел узнает, что Надежда собирается выйти замуж за полковника Козырева.

Еще один товарищ Артемьева – Иван Синцов. В романе «Товарищи по оружию» он живёт в Вязьме, работает корреспондентом. Интересно, что Синцов предчувствует грядущую трагедию, в беседе с Артемьевым он говорит, что *морально готов к войне* [5, с. 257]. А военный корреспондент Лопатин, бывший под Халхин-Голом, считает маловероятным столкновение с немцами.

В жизни Синцова происходит важное событие: Маша Артемьева соглашается выйти за него замуж. Когда Синцов узнает о беременности Маши, он «безоблачно» счастлив. Но эта безоблачность оказалась недолгой: Синцов получает повестку. Бронь с него снята, он отправляется в Гродно. Мировая война все ближе к Советскому Союзу. Эта сюжетная линия получит дальнейшее развитие в трилогии.

Важно отметить, что в текстах последующих романов фокус авторского внимания сместится. В трилогии «Живые и мертвые» главным героем станет Иван Синцов, в романе «Так называемая личная жизнь» – Василий Лопатин. Разные типы героев – это разные этапы осмысления судьбы Советского Союза, подвергшегося страшным вызовам эпохи.

В тексте романа «Товарищи по оружию» обнаруживается сквозной тип персонажа, являющийся сквозным для творчества К. Симонова, – сильная личность, способная в трудную минуту повести за собой людей. Таковым оказывается командир 84-го стрелкового полка – майор Панченко. Во время боя осколком ему оторвало два пальца на ноге, но он, понимая, что обстановка не позволяет отправиться в госпиталь, приказывает сделать из одних носилок костыли и продолжает работу. Таков и командир 117 полка – полковник Баталов. На Лопатина *произвело глубокое впечатление то, как Баталов переживал, когда два вырвавшихся вперед танка на глазах у всех были забросаны бутылками с бензином, как он потом сам поднимал и поднял людей в атаку и как после взятия сопки вдвоем со своим комиссаром Саенко стыдил командира батальона Красюка, непосредственного виновника дневной неудачной атаки* [5, с. 433].

Если в романе-эпопее Л. Толстого «Война и мир» присутствуют подробные описания, то в тексте романа К. Симонова «Товарищи по оружию» образы героев, пейзажи создаются штрихами, пунктирными линиями. Это продиктовано временем, стремительно развивавшимися событиями в истории страны. Сказался и литературный опыт К. Симонова в качестве военного корреспондента. Многим текстам писателя – в том числе поэтическим – присуща некоторая очерковость. Произведения К. Симонова – это скоропись, «скоропись войны».

В «Товарищах по оружию» звучат мотивы, возникавшие в текстах военных очерков К. Симонова. Вновь находит отражение мотив памяти. Когда Баталова застрелили, Саенко и Худяков, принимающие командование, решили сообщить в политотдел, чтобы до конца боев их продолжили называть *бойцами Баталова* [5, с. 438]. Звучит и мотив дороги. Дорога Артемьева и Климовича лежит в Монголию, дорога Синцова – в Гродно, но все они стоят в самом начале пути – долгого и трудного, полного испытаний пути к победе в Великой Отечественной войне.

Таким образом, в романе «Товарищи по оружию» текстообразующими героями выступают Павел Артемьев и Константин Климович. Главные действующие лица последующих романов – Иван Синцов и Василий Лопатин – появляются лишь в качестве второстепенных персонажей. Вновь возникает тип персонажа, являющийся сквозным для творчества писателя, – сильная личность, способная в трудную минуту повести за собой людей. Звучит тема войны, семьи, мотив памяти, мотив дороги.

«Товарищи по оружию» предшествуют трилогии К. М. Симонова «Живые и мертвые» и роману «Так называемая личная жизнь», в которых образы, темы и мотивы получают новое развитие.

Список использованных источников

1. Барлас, В. Я. Глазами поэзии : Об открытиях искусства и современных поэтах / В. Я. Барлас. – М. : Советский писатель, 1986. – 286 с.
2. Вишневская, И. Л. Константин Симонов : Очерк творчества / И. Л. Вишневская. – М. : Советский писатель, 1966. – 184 с.
3. Савилов, П. Н. Краткий анализ описания «Баинаганского побоища» в романе К. М. Симонова «Товарищи по оружию» / П. Н. Савилов // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX–начала XXI в. : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. к 30-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана, Стерлитамак, 27 сент. 2019 г. / Отв. ред. Д. П. Самородов. – Стерлитамак : Башкирск. гос. ун-т, 2019. – С. 313–320.
4. Лазарев, Л. И. Константин Симонов : Очерк жизни и творчества / Л. И. Лазарев. – М. : Худож. лит., 1985. – 343 с.
5. Симонов, К. М. Собр. соч. : в 10 т. / К. М. Симонов. – Т. 3 : Товарищи по оружию. Повести. Пьесы. – М. : Худож. лит., 1980. – 630 с.

Abstract. The article examines text-forming images and motifs in K. M. Simonov's novel "Comrades in Arms". It is concluded that the text-forming characters are P. Artemyev and K. Klimovich. In subsequent novels, the focus of the author's attention will shift. There is a type of character that is end-to-end for K. Simonov's work. It is also noted that the motive of memory and the motive of roads are text-forming.

Keywords: K. M. Simonov, Russian prose of the XX century, novel, theme of war, motifs, images, text-forming function.

УДК 81'373.231:27-312.55]:27-225

Н. В. Берёзко

Научный руководитель – **Н. И. Лапицкая**,
канд. филол. наук, доцент

ИМЕНА АПОСТОЛОВ КАК СИМВОЛЫ БОГОПРОЯВЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. В статье приводятся значения имен четырех апостолов, авторов Евангелий, рассматриваются примеры употребления в библейских текстах лексем, непосредственно связанных с толкованиями имен апостолов, предпринимаются попытки истолковать закономерное символическое употребление имен в Библии.

Ключевые слова: библейский текст, оним, имя собственное, личное имя, теоним, Матфей, Марк, Лука, Иоанн, символ, переносное значение.

Библейские имена собственные вызывают научный интерес сразу в нескольких аспектах. Одним из них является вопрос инокультурной интерпретации и перевода, о чем говорил, например, А. Ф. Фефелов [1, с. 95–126]. Многие библейские онимы – например, *Каин* (комплекс *Каина*), *Иерусалим* (*Иерусалимский синдром*), *Соломон* (*парадокс Соломона*) и некоторые другие – нашли свое отражение в медицинской литературе [2, с. 83–87]. Теонимы как разновидность онимов рассматриваются в работе В. И. Алексеева [3, с. 28–35]. Он же говорит о необходимости выделения теонимов как особого пласта ономастической лексики [4, с. 9–19]. Наконец, диалогичность и особая информационная экспрессивность имени собственного в библейских текстах позволяет воспринимать их как особую семантически и концептуально наполненную реальность с целым рядом дополнительных смыслов [5, с. 65–72].

Библейский текст включает в себя значительное количество имен собственных, определяющих его хронотоп и позволяющих несколько иначе взглянуть на образы их носителей.

Лексема *Евангелие* – религ. ‘одна из священных книг у христиан, часть Библии (Нового Завета), содержащая раннехристианское повествование о жизни и учении Иисуса Христа и являющаяся основой христианского вероучения’ – представляет собой номинацию книг, в которых раскрываются наиболее важные принципы веры и мировоззрения христианина как последователя данного учения.

Лексема *апостол* ((др.-греч. *ἀπόστολος* – «посланник, проповедник» ← *ἀποστέλλω* – «посылать»)) ‘каждый из двенадцати учеников Христа’, в более широком смысле – ‘любой христианин, проповедующий Евангелие’; перен. ‘последователь, проповедник какого-либо учения, идеи и т. п.’) отражает наиболее тесную связь данного библейского персонажа с Богом, в связи с чем может служить непосредственным выражением божественной воли и промысла. Достаточно важными в этом смысле видятся личные имена каждого из четырех апостолов, являющихся авторами Евангелий, т. е. имена *Матфей*, *Марк*, *Лука* и *Иоанн*.

Имя собственное, или оним, *Матфей* (от древнеевр. *מתי* (*matityāhū*)) имеет значение ‘дар Божий, дар Яхве, Божий человек’. В основе данного имени лежит идея Бога дарящего, дарующего, награждающего. Лексема *дарить* (‘с вин. п. и, реже, с твор. п. передавать кому-либо какой-либо объект в собственность с уведомлением о совершаемом действии’) имеет прямое отношение к одной из наиболее значимых христианских ценностей – безвозмездного преподнесения чего-либо другому: *Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте; бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Евангелие от Матфея 10:8). Ценность дарения как акта жертвования показана и в другом отрывке из данного текста: *... и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, нав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну* (Евангелие от Матфея 2:11). Кроме того, одной из значимых особенностей акта дарения как такового могут считаться чистота мыслей, позитивное мировосприятие, а также ориентир на решение проблем во взаимоотношениях с ближними: *Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Евангелие от Матфея 5:23–24). Имя *Матфей* достаточно тесно связано с созданным апостолом евангельским текстом, поскольку является непосредственным отражением принципа дарения, в основе которого находится установление глубоких и доверительных взаимоотношений с Богом (подобно ветхозаветным волхвам, продемонстрировавшим свое почтение Младенцу), неукоснительное следование указанному принципу в отношениях с окружающими людьми, стремление исключить негативное восприятие со стороны ближних вследствие материальных и иных претензий.

Оним *Марк* связан с именем бога Марса, изначально покровительствующего людям и стадам. Лишь впоследствии он начал ассоциироваться с войнами. По другой версии, рассматриваемое имя восходит к латинскому *marcus* ‘молот’, что находит свое отражение в Библии: *Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?* (Книга Пророка Иеремии 23:29) Что касается интерпретации имени как покровителя «стада», паствы, то данная идея достаточно часто находит свое отражение в библейских текстах, например: *Не бойся, малое стадо!* (Евангелие от Луки 12:32) Полисемантичность имени апостола Марка тесно соотносится с изменением восприятия бога Марса, что позволяет найти в нём идеи верности и преданности, покровительства, а также защиты, воинственности, однако не агрессивности. На наш взгляд, в данном случае важно избегать толкования лексемы *стадо* в переносном значении – ‘пренебр. большая неорганизованная группа людей; толпа’. В Библии лексема имеет значение ‘группа млекопитающих, птиц, рыб одного вида, держащихся вместе’. На первый план выходит значение единства, совместности, коллективных действий. Указанная сема также может иметь непосредственное отношение к имени апостола Марка. Несмотря на отсутствие общепринятого толкования данного онима и существования сразу нескольких вариантов его интерпретации, анализируемое имя собственное приобретает сразу несколько смыслов, непосредственно связанных с Божьим промыслом: защита и покровительство.

Кроме того, сема воинственности также находит свое отражение в библейском тексте, притом не только в прямом значении, как показывает приведенный выше пример из Книги Пророка Иеремии, но и в переносном.

Оним *Лука* (от лат. *lux* – свет) может толковаться как ‘светлый, светящийся или родившийся на рассвете’. По другой версии, указанное личное имя связано с происхождением его носителя, родившегося в области Лукания на юго-востоке Италии. Упоминание света присутствует даже в самом Евангелии от Луки при упоминании об Иисусе Христе. Задачей апостола стало «*по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира*» (Евангелие от Луки 1:78–79). Оним *Лука* связан не только с надеждой и радостью мировосприятия, но и знанием, т. е. познанием Бога. Прослеживается определенная связь и с маяком или путеводной звездой, являющимися ориентирами в непростых жизненных ситуациях.

Оним *Иоанн* восходит к древнееврейскому יוֹחָנָן (Йоханан), что обозначает ‘Господь сжалился, милость Божия, помилован Богом’. Об этом отличительном признаке божественной любви неоднократно упоминается в Псалтири: *Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его* (Псалтирь 135:1) и *Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его* (Псалтирь 102:13). Лексемы *милость* – ‘доброе (в противоположность жестокому) отношение к кому-либо, обращение с кем-либо’; устар. ‘благодеяние, дар или одолжение’; разг. ‘благожелательность, благосклонность, расположение и доверие к кому-либо (заслуженное, приобретённое кем-нибудь у кого-нибудь)’, а также *миловать* – устар. ‘прощать кому-либо вину, освобождать от наказания; избавлять или предохранять от чего-либо неприятного (бед, пороков, болезней и т. п.); не причинять вреда кому-либо’, связанные с онимом *Иоанн*, – непосредственно указывают на то, что Бог не имеет никаких намерений подвергать людей лишениям и долгосрочным наказаниям. Он не приемлет жестокого обращения с теми, кто в Него верует. Несмотря на тот факт, что человек далеко не всегда получает все желаемое им – как минимум, не в то время и не в том виде, в котором он изначально намеревался, – у Всевышнего нет тайных планов относительно неуважительного, надменного обращения с человеком.

Таким образом, имена библейских апостолов *Матфей*, *Марк*, *Лука* и *Иоанн* имеют отношение к целому ряду качеств и проявлений Бога. Это способность дарить и отдавать (прежде всего, безвозмездно); защищать и покровительствовать, ярко выражать свое присутствие; быть светом, маяком и путеводной звездой, источником знаний и надежды; миловать, а не наказывать (вопреки внутренним установкам некоторых верующих). Речь идет о следующих особенностях:

1. Преподнесение в дар другим людям чего-либо, прежде всего – полученного ранее схожим способом. Более того, перед принесением жертвы Богу необходимо погасить существующие конфликты с другими людьми, если таковые имеются. Лексемы, используемые для толкования онима *Матфей*, присутствуют и в Евангелии от Матфея.

2. Обеспечение покровительства и защиты верующих. Бог постоянно наблюдает за человеком и не допускает страданий, угнетения, несправедливого и жестокого обращения со своей паствой. В Евангелии от Марка упоминается о народе, который был как овцы, не имеющие пастыря, по причине чего Иисус Христос и сжалился над ним.

3. Возможность быть для верующих своего рода путеводной звездой или маяком, познавать Всевышнего. Подобное божественное проявление присутствует и в Евангелии от Луки.

4. Добросердечное и мягкое отношение к своим последователям, что отражено в ониме *Иоанн* и находит свое отражение в разных книгах Библии.

Список использованных источников

1. Фефелов, А. Ф. Библейская ономастика в англо-русско-китайских отражениях и преломлениях / А. Ф. Фефелов // Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе : учеб. пособие / А. Ф. Фефелов. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. – Гл. 5. – С. 95–126.

2. Петросян, М. С. Семантика библеизмов с именем собственным в медицинском дискурсе / М. С. Петросян // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; под ред. А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди [и др.]. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2023. – С. 83–87.

3. Алексеев, В. И. Nomina sacra : теонимы как особый тип ономастического пространства / В. И. Алексеев // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 28–35.

4. Алексеев, В. И. Nomina sacra : философско-богословские обоснования теолингвистического подхода в ономотологии божественного / В. И. Алексеев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 5 (716). – С. 9–19.

5. Алексеев, В. И. Сакральный диалог как структурообразующий принцип в ономотологии божественного / В. И. Алексеев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Т. 11, № 1. – С. 65–72.

Abstract. The article presents the meanings of the names of the four apostles, the authors of the Gospels, examines examples of the use of lexemes in biblical texts that are directly related to the interpretation of the names of the apostles, and attempts are made to interpret the natural symbolic use of names in the Bible.

Keywords: biblical text, onym, proper name, personal name, theonym, Matthew, Mark, Luke, John, symbol, figurative meaning.

УДК 811.161'373

В. А. Бескровная

Научный руководитель – **И. В. Кузнецова,**

канд. филол. наук, доцент

САРЕДЬКА КАК ЭТАЛОН ФОРМЫ В РУССКИХ АДЪЕКТИВАХ С ЭЛЕМЕНТАМИ -ВИДНЫЙ, -ОБРАЗНЫЙ И -ПОДОБНЫЙ: РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ПРИ ОПИСАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В работе рассматривается функционирование в текстах XX–XXI вв. русских прилагательных, производных от лексемы *сарделька*, с элементами *-видный*, *-образный* и *-подобный*, имеющих семантику ‘напоминающий формой и размером объект, названный производящей основой’ и характеризующих внешность человека.

Ключевые слова: русский язык, адъектив, эталон формы и размера, сарделька, стандартизованный показатель сравнения, текст, функционирование, внешность человека.

Способы выражения компаративных отношений в русском языке описаны подробно. Отмечается, что показатель уподобления выражается по-разному, а средства выражения сравнения представлены на всех уровнях языка [1, с. 62–63]. При этом «в морфологических компаративных членах сравнения, представленных прилагательными, сохраняются выраженный на морфемном (словообразовательном) уровне элемент сравнения (суффикс или суффиксоид) и объект сравнения (то, с чем сравнивается)», а многие адъективы со «стандартизованными» показателями сравнения *-образный* и *-видный* взаимозаменяемы [2, с. 95]; этим элементам как «одному из основных средств реализации семантики формы и функционально-семантической категории подобия» посвящена отдельная статья [3, с. 266]. Прилагательные с данными формантами называют атрибутами формы, эталонными именами для которых являются существительные разных тематических групп [4, с. 33–34], в том числе и группы «Еда», так как пищевые образы «ощутимы, зримы, понятны и узнаваемы» [5, с. 12]. Элементы *-видный*, *-образный* определяются как ‘вторая составная часть сложных слов со значением: имеющий вид, форму того

предмета, который назван в первой части' [6, т. 1, с. 174; т. 2, с. 560]; форманта *-подобный* в этом источнике нет, но есть дефиниция слова *подобный* – 'сходный с кем-, чем-л., похожий на кого-, что-л.' [6, т. 3, с. 204].

Метафорический потенциал кулинарно-гастрономической лексики и ее функционирование в компаративных конструкциях современной русской прозы анализировались лингвистами [2; 5]. Рассмотрим адъективы сравнительной семантики, образованные от производящей основы (полной или усеченной) существительного *сарделька* с помощью грамматических элементов *-подобный*, *-видный*, *-образный*. Прилагательных *сарделькообразный* (*сарделеобразный*), *сарделеподобный* (*сарделькоподобный*), *сардельковидный* нет в словарях [6; 7; 8; 9], «но с 90-х гг. XX в. и особенно в наши дни они очень активно употребляются» [10, с. 34], поэтому анализ их сочетаемости в разных текстах интересен. Эти адъективы не встречаются в научных работах, и в этом состоит новизна нашей. Основной материал извлечен из текстов порталов «ЛитКульт», «ЛитМир», «ЛитРес», «ЛитЛайф» и из других интернет-источников; в Национальном корпусе русского языка найдены единичные примеры [11].

Наиболее часто рассматриваемые прилагательные авторы используют при описании пальцев человека: *Взглянула на трепыхающуюся в сарделеподобных пальцах вещателя газету с черно-белым фото ...* (Аверо-Беспалова Г. Коз-з-злы! Из записок провинциалки. 2008); «Т-с-с», – *сарделеобразный палец* Быковалова покачивается, призывая нас к тишине (Степанченко Н. Медсестра. 2009); *И приветливо указал сарделькоподобным пальцем* куда-то вдоль края ущелья (Казанцева М. Стамун. 2010); *Один из собравшейся тридцатки ... показал сарделеподобным пальцем* на художника прощелыгу (Мареев Р. Как на глазу. 2010); *Сарделеобразные пальцы* хозяйки схватили жирный кусок (Донцова Д. Фэн-шуй без тормозов. 2018); *Сарделькоподобным* своим *пальцем* сноровисто набрал номер телефона ... (Чубенко Е. Апостол Петр... Филиппыч. 2022).

Употребление соматизма в форме диминутива передает субъективно-оценочное значение небольшого размера в форме цилиндра: *Колечки на все сарделеподобные пальчики* (Архипова Е. Чужая женщина. 2021). В то же время контекстное окружение показывает, что с сардельками ассоциируются пальцы человека крупной комплекции: *К нам подошла, переваливаясь, толстая женщина ... Я вложил в ее сарделькообразные пальцы* бумажку, выписанную санитаром (Хаецкая Е. Обретение Энкиду // Синие стрелы Вавилона. 1997); *Директор, дородная дама с закованными в кольца сардельковидными пальцами*, в отличие от продавщицы не удивилась (Ермакова А. Точка радости. 2010); *Пышнотелая гостья* курила длинные тонкие дамские сигареты, которые в ее *сардельковидных пальцах* терялись ... (Романова-Сегень Н. Сроду-роду. 2013); *Сарделькообразный палец*, венчающий *пудовый кулак* Хряка, ткнул за борт ... (Смирнов А. Спортивное пиратство для начинающих. 2019). В 90-е мафиозники и бандюганы носили на своих *бычьих шеях* и *сарделеподобных пальцах* именно вот такие (<https://www.bolshoyvopros.ru/questions/34848>). Стоящие рядом прилагательные уточняют объем или размер, длину описываемой части кисти: – *Ну давай знакомиться, – прогудел «браток» и протянул мне пухлую ладонь, украшенную толстыми, сарделеобразными пальцами* (Донцова Д. Микстура от косоглазия. 2003); *Он был под два метра ростом, крепкого телосложения, с огромными ладонями, толстыми, сардельковидными пальцами* (Бадин А. Терминатор и Дюймовочка. 2003); – *Э-э, это что А-а такое?! – короткий сарделькообразный палец* пистолетным дулом указал на Владимира (Сапегин (Смилодон) А. Знахарь. 2025). В сочетании с устаревшим и возвышенно-поэтическим наименованием данной части ладони усиливается ирония или негативную оценку жеста: *Сардельковидные персты* указывали на трактор (Николаев И., Климова А. ЭпидОтряд. 2020); ... *он указал мясистым пальцем* на растрепанную женщину ... *сарделеобразный перст* перемещался по направлению от одной перекошенной злобой мины к другой (https://vk.com/@ponty_i_sluni-napisannomu-verit).

Соматизм *рука* в сочетании с прилагательным подобия в текстах отмечен лишь два раза: ... *она сгребла их трясущейся сарделькообразной рукой* (Устинова Т. Хроника гнусных времен. 2002); *Броня своими толстыми сарделеподобными руками управлялась одновременно с двумя бочками с невероятным проворством* (Андреев Л. В. Броня, пожалуйста, еще две. 2009).

Анализируемые прилагательные авторы используют для негативной характеристики телосложения, при этом актуализируются параметры объема и роста человека, так как слово *сарделька* семантизируется как 'толстая короткая сосиска' [6, т. 4, с. 29]: *На паспортном контроле некий сарделькообразный тип неожиданно заговорил со мной по-русски* (Беленький А. Газета «Спорт-экспресс». 09.07.2007 г., № 152 (4432), интернет-версия – полоса 10); *В «колбасном» отделе материализовалась сарделеподобная продащица и гаркнула из-под пергидрольной соломы на голове ...* (Волохина Н. Картинки с выставки. 2018); *Наши сарделькообразный, киевский бугор, устал до отрыжки* (Озер В. ВДВ. Начмед дивизии. Постсоветский период. 2018); *Футбол стал двигаться к идеалу. В плане атлетизма: теперь игрока с пузом, вроде Айлтона из «Вердера», не пускают дальше центрального круга – а ведь этот сарделеподобный гений в свою эпоху настрелял две сотни мячей* (Май – лучший месяц футбольного года // sport.rambler.ru. 22.05.2018).

Эталон – перен. 'мерило, стандарт, образец для сравнения' [6, т. 4, с. 769]; в русском языке «существует целый ряд адъективов, чья семантика непосредственно воплощает идею эталонности» [12, с. 183]. Лексема *сарделька* стала «эталонном не только определенной формы, но и размера» [13, с. 51]. При описании внешности человека, как показал количественный анализ, чаще употребляются адъективы *сарделеподобный* – 7 раз, *сарделькообразный* – 6 раз, несколько реже *сарделеобразный* и *сардельковидный* – по 4 примера, прилагательное *сарделькоподобный* зафиксировано в двух случаях, а *сарделевидный* вообще не встречается. Данные прилагательные по отношению к человеку имеют коннотацию эстетического неприятия, отрицательную оценку, стилистически негативно окрашены.

Прилагательные подобия (термин С. Ю. Адливанкина [14]), образованные от существительного *сарделька*, часто используются и по отношению к представителям фауны как в произведениях художественной литературы, так и в научных работах, а также при описании формы плодов, клубней (картофеля, батата и пр.), значительно реже в других случаях, но это уже тема отдельного исследования.

Список использованных источников

1. Огольцева, Е. В. Сравнения в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя // Е. В. Огольцева. – Вестник ГСГУ. Языкознание. – 2022. – № 2(46). – С. 58–70.
2. Леэметс, Х. Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем / Х. Д. Леэметс // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 92–108.
3. Пожарская, А. М. Суффиксоиды -видный и -образный как средство концептуализации семантики формы / А. М. Пожарская // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 166–171.
4. Кобозева, И. М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке / И. М. Кобозева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69, № 6. – С. 31–39.
5. Юрина, Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов / Е. А. Юрина. – Кокшетау : [б. и.], 2013. – 238 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1999. – Т. I–IV.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1084 с.
8. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1980. – 880 с.
9. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : Словари.ру, 2016. – 792 с.

10. Кузнецова, И. В. Русские сравнительные конструкции с компонентом *сарделька* / И. В. Кузнецова, К. О. Кириллова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2025. – № 1(126). – С. 29–37.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 04.10.2025.

12. Михеева, С. Л. Прилагательное *настоящий* в русском языке : воплощение семантики эталонности / С. Л. Михеева // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5(61). – С. 183–187.

13. Боровкова, А. В. Роль пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов / А. В. Боровкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 4, № 4 (64). – С. 47–52.

14. Адливанкин, С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке / С. Ю. Адливанкин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь : [б. и.], 1974. – С. 88–93.

Abstract. The paper examines the functioning of Russian adjectives derived from the lexeme *sausage* with the semantics ‘resembling in shape and size the object named by the stem’ in the texts of the 20th and 21st centuries, with the elements *-vidny*, *-obrazny*, and *-podobny*, when describing a person’s appearance.

Keywords: Russian language, adjective, standard of shape and size, sausage, standardized comparison indicator, text, functioning, human appearance.

УДК 81’367.7

А. Е. Бибилова

Научный руководитель – И. Г. Родионова,
д-р филол. наук, доцент

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИ НЕСВОБОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ЛЕКСЕМАМИ С ФАЗИСНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РОМАНЕ В. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»

Аннотация. Рассматриваются темпоральные синтаксически несвободные словосочетания с лексемами, выражающими фазисное значение (*начало*, *середина*, *конец*). Обращается внимание на частоту и причины употребления компонентов рассматриваемых словосочетаний. Делается вывод об обусловленности применения темпоральных синтаксически несвободных сочетаний данного типа сюжетом произведения, об их значимости.

Ключевые слова: синтаксически несвободные сочетания, темпоральное значение, семантика времени, лексема.

В синтаксической науке по степени семантической спаянности различаются синтаксически свободные и синтаксически несвободные (цельные) словосочетания. Компоненты синтаксически свободного словосочетания выступают как самостоятельные члены предложения, а несвободное словосочетание выполняет роль одного члена предложения [1, с. 46].

Вопросы относительно синтаксически несвободных словосочетаний в лингвистике не решены однозначно. Так, сам термин имеет несколько вариантов. В настоящей статье вслед за Н. С. Валгиной мы будем использовать термин «синтаксически несвободное словосочетание» [2, с. 36].

Несвободные словосочетания могут выражать различную семантику. Так, наиболее часто находит отражение в текстах художественных произведений семантика времени. С помощью темпоральных словосочетаний автор воссоздаёт определённую эпоху, указывает на значимую для жизни героев связь прошлого, настоящего и будущего.

Темпоральные синтаксически несвободные сочетания с лексемами *начало*, *середина* и *конец* активно используются в романе В. Каверина «Два капитана» [3].

В романе были выделены предложения с темпоральными синтаксически несвободными сочетаниями, в состав которых входит лексема *начало*. Частотно её использование в сочетании с именами существительными, называющими время года – зиму и лето, обусловлено сюжетом произведения: наиболее значимые события происходили в это время: *Такая хорошая жизнь была только в начале лета, едва мы переехали в Серебряный Бор; В начале зимы он был серьезно болен.*

Сочетания типа *начало* + *название месяца* в романе ограничены употреблением в их составе названий летних и весенних месяцев: *В начале августа я уговорил командира полка отпустить меня на «свободную охоту» – так называется полет без данных разведки, но, разумеется, в такие места, где наиболее вероятна встреча с немецким конвоем.* Специфика использования сочетаний этого типа тесно связана с сюжетом романа. Отметим предложение, в котором в состав темпорального синтаксически несвободного словосочетания, помимо вышеперечисленных компонентов, входят порядковое числительное и существительное с темпоральным значением, называющие год: *В начале апреля 1913 года мы видели на норд-остовом горизонте резкую серебристую полосу и над ней очень странные по форме облака...* С их помощью автор конкретизирует события, задаёт более точные временные рамки для более полного погружения в описываемые события.

В произведении В. Каверина «Два капитана» некоторые темпоральные синтаксически несвободные сочетания единичны. Одним из них является сочетание *начало учебного года*. При помощи данной синтаксической конструкции автор показывает особенности восприятия времени школьниками: *Я не застал его, – он был в отпуске, – и знакомый женский голос сообщил мне, что он вернется только к началу учебного года.*

Единично использование сочетания *начало полярного дня*. Оно конкретизирует не только время описываемого события, но и местонахождение героя в этот момент: *Конечно, не было бы этих вечеров, этого счастья встреч с Катей, когда на утро она провожала меня и робкое, молодое солнце, похожее на детский воздушный шар, солнце начала полярного дня, как будто нарочно для нас поднималось над линией сопок... не было бы этого душевного подъема или он был бы совершенно другим, если бы радио каждую ночь не приносило известий о наших победах.*

Особую группу составляют темпоральные синтаксически несвободные сочетания с лексемами, называющие какое-либо масштабное событие. Например, в составе некоторых сочетаний выступает лексема *война*. Она повлекла за собой ряд существенных изменений и последствий, поэтому отсчет времени ряда событий ведётся именно с её начала: *Кира с детьми уехала в начале войны, я знал об этом еще из первых Катиных писем.* Встречаются две предложно-падежные формы этого сочетания – *в начале войны* (П. п.) и *с начала войны* (Р. п.): *В начале войны муж отправил ее с дочкой к родителям в М-ов; Доктор служил на флоте совсем недавно, с начала войны.*

Наименее частотно употребление темпоральных синтаксически несвободных сочетаний с лексемой *середина*. Чаще всего в состав таких сочетаний входят названия летних и зимних месяцев: *В мае двенадцатого года он приехал в Энск проститься с семьей, а в середине июня вышел на ихуне «Св. Мария» из Петербурга во Владивосток.* Отметим различия предложно-падежных форм: лексема *середина* в составе представлена в предложном или винительном падежах: *Берта умерла в середине декабря, в один из самых «налетных» дней, когда бомбежка началась с утра, или, вернее, не прекращалась с ночи; Я могла провести с мальчиком только две недели – наш отъезд был назначен на середину июня.*

Синтаксически несвободных словосочетаний с лексемой *конец* в нашей картотеке больше всего. Предложений с сочетаниями типа *конец* + *название месяца* встречались чаще, чем другие сочетания в этой группе. Подчеркнем, что названия месяцев не были ограничены одним или двумя временами года, что говорит о временной связи тех или иных событий преимущественно с концом месяца как наиболее удобным в использовании промежутком времени (не коротким, но и не длинным, т. е. наиболее оптимальным для

описания): Однако в **конце марта** я собрал документы и отправил их в Совет Осоавиахима; **В конце июля** я встретила на Невском Варю Трофимову, жену одного летчика, Героя Советского Союза, с которым Саня служил в «авиации спецприменения»; **В конце октября** командующий ВВС поздравил меня с орденом Александра Невского; **В конце декабря** мне удалось достать немного глюкозы, я искушал себе пальцы, пока нес ее Кате. Отдельно рассмотрим сочетания, в состав которых входит более четырех слов, включая сочетание типа *конец + название месяца*: *Время бежит и останавливается только на один день, в конце августа 1930 года*. Порядковое числительное и существительное дают более точное представление о событии и погружают в конкретную историческую эпоху.

Обратим внимание на словосочетание *в конце полугодия*, встречающееся в произведении один раз: *Словом, в конце полугодия мы с Катей только раз собрались на каток – и то не катались*. Особенность данного словосочетания заключается в условиях его употребления: лексема *полугодие* используется школьниками, для которых учеба занимает большую часть времени, из-за чего время воспринимается в соотношении с ней.

Один раз встречается сочетание *в конце 1914 года*: *Это было в конце 1914 года, только что началась война, и экспедиция капитана Татаринова никого не интересовала*. Частота употребления данной конструкции связана с наличием синонимичных сочетаний (*в конце декабря, в конце полугодия*), а также с лексическим значением: такое событие кажется читателю более масштабным и значимым.

Таким образом, в романе В. Каверина «Два капитана» часто используются темпоральные синтаксически несвободные сочетания, состоящие из двух и более существительных. Чаще встречаются сочетания с лексемами *начало* и *конец*, с лексемой *середина* – реже, что обусловлено спецификой их употребления. Сочетания, в состав которых входит название месяца (чаще – летнего или зимнего), встречаются в каждой группе, так как использование этих лексем при обозначении времени более удобное. Сочетания, в составе которых есть названия времен года, встречаются реже и только в сочетании с лексемой *начало*, ведь их лексическая сочетаемость ограничена. Некоторые сочетания отражают восприятие времени исключительно школьниками (*начало учебного года, конец полугодия*). Особенностью синтаксиса произведения считаем употребление сочетания в начале войны (*с начала войны*), значение темпоральности в которых приобретено контекстуально. Использование синтаксически несвободных словосочетаний в романе позволяет не только определить временной промежуток того или иного действия, события, но и способствовать погружению читателя в эпоху, что, в свою очередь, необходимо для понимания замысла произведения.

Список использованных источников

1. Бабайцева, В. В. Синтаксис русского языка : монография / В. В. Бабайцева. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – 576 с.
2. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : учебник для студ. вузов / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
3. Каверин, В. А. Два капитана : роман / Вениамин Каверин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. – 672 с.

Abstract. Syntactically non-free phrases with indefinite-quantitative numerals expressing temporal meaning are considered. Attention is drawn to the frequency and reasons for the use of the components of the phrases under consideration. The conclusion is made about the specifics of the use of temporal syntactically non-free phrases in V. Kaverin's novel "Two Captains": about the conditionality of their use by the plot of the work; about the importance of using.

Keywords: Syntactically bound phrases, temporal lexicon, temporal syntactically bound phrases, lexeme.

С. Р. Бисенова
Научный руководитель – **М. Л. Лаптева**,
д-р филол. наук, доцент

СТИХОТВОРЕНИЕ А. БЛОКА «О, Я ХОЧУ БЕЗУМНО ЖИТЬ...»: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Александра Блока «О, я хочу безумно жить...» через культурно-социологический анализ, который подразумевает изучение исторического контекста при создании произведения. Особое внимание уделяется отражению конфликтов, настроений и предчувствия войны в начале XX века, когда и было написано стихотворение.

Ключевые слова: культурно-социологический анализ, А. Блок, культурно-исторический контекст, конфликты, жажда жизни, предчувствие, безумное желание.

Филологический анализ текста представляет собой сложный и многоаспектный процесс, направленный на понимание художественного произведения как целостного феномена. Этот вид анализа предполагает многослойную интерпретацию, в ходе которой учитываются как языковые особенности, так и литературоведческие, историко-культурные контексты, а также факторы, связанные с читательским сознанием. Такая комплексность позволяет раскрыть потенциал текста как носителя многообразных смыслов и ценностей [1].

Филологический разбор начинается с общего восприятия текста – определения темы, идеи и эмоционального впечатления. На последующих этапах проводится детальный лингвистический анализ: выявляются особенности грамматической системы, стилистические средства, повторяющиеся лексические единицы, формируется семантическая композиция текста. Такой подход позволяет выявить внутреннюю структуру текста и понять авторский замысел.

Современная филология объединяет три основных направления анализа текста:

1. Лингвистический анализ, который составляет начальный этап филологического анализа.

2. Стилистический анализ, предполагающий рассмотрение не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов в текстовой деятельности (сферы общения, ситуаций, типа мышления, адресата и т. д.), является промежуточным звеном, связывающим лингвистический анализ текста с литературоведческим.

3. Литературоведческий анализ, в рамках которого текст рассматривается в качестве произведения искусства в социально-историческом и литературном контексте эпохи, как отражение особенностей определенной литературной школы и направления, творческого метода, индивидуального стиля автора и т. д. [2, с. 27].

В рамках данной статьи с помощью культурно-исторического анализа [3] выявим внутренние связи между языковыми средствами и идеями, отражёнными в произведении, а также раскроем авторский замысел в контексте определённой исторической эпохи и культурной среды на примере стихотворения А. Блока «О, я хочу безумно жить...»

Данное произведение – отражение социально-культурных настроений эпохи, предчувствия наступающих перемен и осознания трагичности и конечности человеческой жизни. Анализ стихотворения с лингвокультурологических позиций позволяет выявить влияние русской культуры начала XX века на творчество А. Блока. В данной статье стихотворение рассматривается сквозь призму культурных и социальных процессов, акцентируется внимание на отражении в нем русской культуры и социальных проблем, назревших в стране в преддверии Первой мировой войны.

Стихотворение «О, я хочу безумно жить...» было написано в 1914 году, в период нарастающей политической напряженности в Европе и России. Предвестие Первой мировой войны, а также внутренние социальные волнения в российском обществе в виде ухудшения экономического положения широких слоев населения из-за мобилизации ресурсов на нужды войны, серьезных проблем на рынке труда, усиления крестьянских выступлений против помещиков, участвовавших в сёлах социальных конфликтов, связанных с земельными проблемами и военными реквизициями, создавали атмосферу тревоги и неопределенности. Этот период характеризуется обострением чувства скорого конца, уязвимости и стремлением к утверждению жизни вопреки происходящему.

В это время в России становятся популярными идеи Фридриха Ницше о «воле к жизни» и интуитивизм Анри Бергсона. Эти идеи повлияли на формирование мировоззрения многих русских писателей и поэтов, в том числе и А. Блока [4].

Рассмотрим стихотворение «О, я хочу безумно жить...» в контексте описанных социокультурных тенденций.

Уже первая строка стихотворения указывает на его идею – жажду жизни. «Безумное» в данном случае – это не только сильное желание, но и противоречащее здравому смыслу, бросающее вызов. Это желание утвердить себя, проявить свою волю к жизни вопреки всему.

Стихотворение наполнено образами природы: *всё сущее – увековечить, безличное – вочеловечить, несбывшееся – воплотить!*. Поэт стремится к растворению мира в природе, к ощущению единства с окружающей средой. Это стремление к единству можно рассматривать как попытку преодолеть ощущение отчужденности и изоляции, характерное для человека XX века.

Осознание быстротечности времени и стремление к «увековечиванию» всего сущего являются сквозными темами в русской литературе начала XX века. Это связано с ощущением исторического перелома, с предчувствием грядущих перемен и стремлением сохранить жизнеутверждающую картину мира [5].

Стремление к свободной жизни неразрывно связано в лирическом произведении с осознанием конечности человеческой жизни и ее трагичности в условиях политической нестабильности. Строки *Пусть душит жизни сон тяжелый, / Пусть задыхаюсь в этом сне*, указывают на осознание лирическим героем своей смерти и готовности к ней, что придает стихотворению особую глубину и драматизм.

Отметим символы русской культуры в рассматриваемом стихотворении. Образ «безумной» жизни можно интерпретировать как отсылку к ницшеанской идее «сверхчеловека», стремящегося к преодолению ограничений и утверждению своей воли в этом мире. Однако в контексте русской культуры этот образ приобретает и иные интерпретации, связанные с юродством, с бунтом против обыденности и конформизма.

В тексте находит отражение ряд конфликтов. Стихотворение «О, я хочу безумно жить...» отражает не только духовные поиски и философские размышления, но и социокультурные конфликты эпохи.

Во-первых, конфликт между индивидуализмом и коллективизмом. Стремление к «безумной» жизни, к самовыражению и утверждению своей воли является выражением индивидуалистических настроений, характерных для культуры начала XX века. Однако это стремление сталкивается с ощущением социальной несправедливости и трагическими смертями людей, неравенством социальных слоев общества, что отражает конфликт между индивидуальными и коллективными ценностями.

Во-вторых, конфликт между культурой и природой. Стремление к единению с природой является реакцией на урбанизацию и индустриализацию, охватившую Россию в начале XX века. Человек ощущает отчуждение от природы, стремится к восстановлению утраченной гармонии.

В-третьих, конфликт между старым и новым. Предчувствие грядущих кардинальных перемен, осознание разрушения старого мира и рождения нового создает атмосферу паники. Жажду жизни можно рассматривать как попытку преодолеть страх перед непонятным будущим, утвердить свою волю в условиях надвигающегося перелома жизни.

С помощью культурно-социологического анализа удалось выявить отражение опыта в различных сферах жизни людей в лирическом произведении Александра Блока «О, я хочу безумно жить...», показать, как важно знать и учитывать контекст, в котором было написано стихотворение, чтобы его верно интерпретировать. Именно с помощью исторического контекста, анализа ключевых мотивов, символов и ряда конфликтов можно в полной мере раскрыть темы и смыслы лирических произведений.

Список использованных источников

1. Филологический анализ текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://spravochnick.ru/literatura/filologicheskii_analiz_teksta/. – Дата доступа : 12.09.2025.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
3. Методы филологического анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studopedia.su/9_91768_lektsiya--metodi-filologicheskogo-analiza-teksta.html. – Дата доступа : 12.09.2025.
4. Долгополов, Л. К. Прогулки с Блоком : Неизданное и несобранное / Л. К. Долгополов ; публ., сост., вступ. ст. и примеч. В. Э. Молодякова. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 336 с.
5. Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока / Д. Е. Максимов. – Л. : Советский писатель, 1981. – 552 с.

Abstract. This article examines Alexander Blok's poem “Oh, I Want to Live Madly...” through a cultural and sociological analysis, which involves examining the historical context of the work's creation. Particular attention is paid to the reflection of conflicts, moods, and premonitions of war in the early 20th century, when the poem was written.

Keywords: cultural and sociological analysis, A. Blok, cultural and historical context, conflicts, thirst for life, premonition, crazy desire.

УДК 811.161.1

Д. Ю. Ванюшина
Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЦИКЛЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «АЛЕНУШКИНЫ СКАЗКИ»

Аннотация. В статье рассматривается значение и функции фразеологизмов в цикле сказок Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка «Аленушкины сказки». Устойчивые выражения в сказках используются для создания особенной художественной атмосферы, придания образности. Устойчивые выражения в сказках помогают раскрыть характеры персонажей и передать авторское отношение к описываемым событиям.

Ключевые слова: фразеологизмы, «Аленушкины сказки», Д. Н. Мамин-Сибиряк, сказка.

Сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка – это не просто увлекательное чтение, но и искусное воплощение в сказочной форме притчевых смыслов. Цикл «Аленушкины сказки» включает в себя сказки, основанные на фольклорных традициях русской культуры, их герои – звери, птицы, насекомые, каждый со своим характером. Писатель насыщает свои

сказки фразеологизмами, которые становятся главным инструментом для воплощения характеров, юмора и связи с богатой народной мудростью. «Аленушкины сказки» служат ценным материалом для исследований, посвященных развитию связной речи у дошкольников [1], формированию патриотизма [2], а также специфике функционирования имен собственных в этом цикле [3].

Особый интерес для исследования представляют фразеологизмы, содержащиеся в фольклорных произведениях, поскольку они передают эмоционально-оценочные смыслы. Е. И. Алешенко считает, что «фразеология представляет значительный интерес, так как фразеологизмы являются своеобразным «хранилищем» народной культуры, а значит, и одним из важных средств вербализации концептов, репрезентации определенной картины мира. В центре картины мира находится образ человека. Фольклор опирается на народные стереотипы сознания, выработанные традиционной народной культурой» [4, с. 283].

Фразеология и художественное творчество тесно взаимосвязаны, поскольку устойчивые выражения широко применяются в литературных произведениях, в частности в сказках. Фразеологию и сказку роднит то, что это свернутая информация о мире. Не так просто расшифровать эту информацию, поскольку она всегда представлена в переносном смысле. Но парадоксальным является то, что человеческому подсознанию хватает даже таких кодовых, сокращенных информационных узлов для того, чтобы правильно воспринять весь бытийный и ценностный потенциал сказки и фразеологии [5, с. 30].

В цикле сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка животные олицетворяют человеческие качества, высмеивая жадность и лень, трусость, хвастовство, легкомыслие. В статье рассмотрены некоторые произведения из этого цикла [6].

Почти каждый герой в сказке характеризуется особым языком, насыщенным фразеологизмами, что сразу показывает сущность того или иного персонажа. Так, в произведении «Сказка про храброго Зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост» перед нами предстает персонаж, демонстрирующий самоуверенность, ложное хвастовство: *«Никого я не боюсь! – <...> – Вот не боюсь нисколько, и всё тут!»* Когда же он сталкивается с настоящей опасностью – волком, реакция героя совершенно меняется. Автор точно иллюстрирует состояние Зайца разными выразительными оборотами: *у зайчика душа в пятки; тут язык у хвастуна точно примерз; готов был выскочить из собственной кожи*. Эти фразеологизмы описывают страх, сильный испуг [7, с. 215], удивление (потерять вдруг способность говорить) [7, с. 768] и желание спастись любой ценой, не жалея сил [7, с. 116]. В итоге Заяц *задал такого стрекача* (стремительно убежал) от волка. После его «подвига» другие зайцы, которые до этого *веселятся нуще прежнего*, что значит 'еще сильнее, чем было' [7, с. 520], восхищаются им, и он сам начинает верить в свою легенду. Через призму фразеологизмов, используемых автором, хорошо передаются особенности поведения, характер героя.

Аналогичная ситуация наблюдается в сказке «Про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост». Комар Комарович хвастается перед сородичами, что прогонит медведя, который спит у них на болоте: *– Вот я сейчас пойду и прогоню медведя. Очень просто!..* Но усилия оказываются бесполезными, его мучения и полное истощение переданы через ключевые фразеологизмы. Медведь не просто устал – он *выбился из сил*; его рев разносился так, что *за пять вёрст было слышно. Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами...* (неизвестно сколько времени), но без толку. Фразеологизмы, традиционный сказочный зачин в этой сказке служат художественным средством уточнения описаний и передают истинное состояние персонажа.

Гордыню и глупость характеризует главный герой сказки «Умнее всех». Индюк является воплощением самодовольства и особой гордыни. Своей гордостью он перечил всем: *«Просто умных птиц достаточно, а умнее всех – одна, это я»*. Эта убежденность определяет его поведение: он с гордостью ждал, пока хозяйка всех отгонит, чтобы получить корм. Но наш Индюк *начинал испытывать муки голода*. Это демонстрирует его уязвимость – невозможность достичь желаемого приводила к страданиям. Появление неизвестного зверя (Ежа) ставит Индюка в затруднительное положение. Индюк, привыкший

быть авторитетом, когда у него спросили, *долго ломался* (по словарю *ломать голову* – ‘усиленно думать, придумывать что-либо’ [7, с. 352]), пытаясь ответить на вопрос о незнакомце. Сказка показывает, что для Индюка важнее сохранить превосходство, чем признать правду. Финал сказки служит точным выражением идейной иронии, заложенной в сюжете: Индюк, пытаясь сохранить авторитет, изрекает: «– *Но что поделаете, если я – самая умная птица! Меня это иногда даже немного стесняет, но **жила в мешке не утаишь...***». Устойчивое выражение здесь используется для утверждения своей исключительности, хотя на деле оно лишь подтверждает, что фальшь героя сказки в итоге обнаруживается.

Обратимся к следующей сказке из цикла сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про Воронушку – черную головушку и желтую Канарейку». В произведении противопоставлены образы Воронушки и Канарейки, а также их жизненные условия. Воронушка – свободная птица, которая живет на улице сама по себе. Она олицетворяет независимость и самостоятельность. Воронушка презирает лень, упрекая кота: «– *Молчи, лежебок. Ты вот **все бока пролежал...***» Фразеологизм *пролежать все бока* – ‘лежать в бездействии; лениться’ [7, с. 537]. «*Да что я с тобой **даром время теряю**, – некогда мне*», – говорила Воронушка ленивому товарищу, так как не хотела терять свое драгоценное время. Канарейка – полная противоположность: она жила дома, где за ней ухаживали, кормили. Она привыкла к заботе, но оказывается на воле, где ее преследуют воробьи за особенную внешность. Ее состояние передается фразеологизмом *выбилась из последних сил*, что подчеркивает крайнюю истощенность. После спасения Воронушкой они начинают *жить да поживать* – фразеологизм, пришедший из народных сказок, обозначающий ‘жить хорошо, спокойно’. Авторское замечание показывает сущность птиц: *Канарейка не понимала этой жизни на воле, а Ворона не понимала в неволе*. Тяжесть свободы для Канарейки отображают такие фразеологизмы: ***Взяло раздумье** Канарейку: и поесть хочется, и в клетку не хочется; несколько дней крепилась Канарейка, но **голод не тётка***. В этой истории устойчивые выражения не только описывают действия, но и служат средствами психологической характеристики, усиливая эти противопоставления между птицами.

В одной из сказок цикла встречается и народная мудрость в бытовых ситуациях. Д. Н. Мамин-Сибиряк рассказывает не только о животном мире, но также уделяет внимание еде и быту. Например, в «Притче о Молочке, овсяной Кашке и сером котишке Мурке» автор подчеркивает особенность поведения персонажа через использование фразеологизмов. Само название жанра «притча» указывает на поучительный характер истории. Персонажи – Молоко и Крупа – постоянно ругались и соревновались в достоинствах, демонстрируя качества тщеславия и соперничества. А кот Мурка, олицетворяющий хитроумие, все время ***ходил по пятам** за кухаркой*, то есть ‘не отходил ни на шаг’ [7, 727]. Автор также использует яркие выражения, усиливающие эмоциональность текста. Например, перед этим котом *не выдержало бы **каменное сердце*** (т. е. даже бесчувственный, бессердечный [7, с. 610] не смог бы остаться равнодушным). Неутолимый аппетит кошки подчеркивает реплика кухарки: ***Вот-то ненасытная утроба!*** В финале сказки Мурка, насытившись украденным молоком хозяйки, *спал у самой печки сладким сном **как ни в чем не бывало***, что значит ‘совершенно беззаботно, не проявляя никаких признаков вины’. Использование фразеологизмов, а также бытовых деталей позволяет автору не только развлечь читателя, но и передать важные моральные уроки, типичные для народной сказочной традиции.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, создавая свои произведения, следовал традициям народных сказок о животных. Использование фразеологических оборотов в сказках помогает автору глубже раскрыть черты героев. Каждые персонажи со своими характерами: медведь силен, но неуклюж; комар назойлив; заяц трусоват; кот ленивый и упрямый... В то же время животные разговаривают, действуют подобно людям; с ними происходят необычайные, удивительные события.

Фразеологизмы в цикле «Алёнушкины сказки» Д. Н. Мамина-Сибиряка реализуют целый спектр функций. Они помогают распознавать персонажей, раскрывают их символическое значение и отражают поведение, характер и качества людей. Сказки этого цикла

содержат параллели с человеческим миром, предоставляя читателю найти в них грустное, важное, реальное, комичное и привлекательное. Использование фразеологизмов в сказках обогащает художественный язык писателя, способствует созданию ярких образов. Многообразие языковых приёмов делает сказки живыми, доступными и интересными для широкого круга читателей всех возрастов.

Список использованных источников

1. Киркина, Е. Н. Развитие связной речи старших дошкольников на материале произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка [Электронный ресурс] / Е. Н. Киркина, И. А. Биушкина // Вестник науки и творчества. – Казань, 2016. – № 5. – С. 232–236. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-svyaznoy-rechi-starshih-doshkolnikov-na-materiale-proizvedeniy-d-n-mamina-sibiryaka>. – Дата доступа : 10.10.2025.
2. Хомутникова, Е. А. Формирование патриотических чувств у детей и молодежи при изучении «Алёнушкиных сказок» Д. Н. Мамина-Сибиряка [Электронный ресурс] / Е. А. Хомутникова // Сборник материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., Курган, 29 ноября 2024 г. / Отв. ред. Г. М. Федосимов. – Курган : Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2025 – С. 50–53. – Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_82379540_33452737.pdf. – Дата доступа : 14.10.2025.
3. Курылко, М. Э. Функции имён собственных в цикле Д. Н. Мамина-Сибиряка «Алёнушкины сказки». Воспитательный аспект [Электронный ресурс] / М. Э. Курылко // Восточнославянская филология. Литературоведение : сб. науч. тр. – 2025. – №19(43). – 230–239. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-imyon-sobstvennyh-v-tsikle-d-n-mamina-sibiryaka-alyonushkinskazki-vospitatelnyy-aspekt>. – Дата доступа : 10.10.2025.
4. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Алещенко ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 432 с.
5. Туркулец, И. А. О философских аспектах фразеологизмов в русских сказках [Электронный ресурс] / И. А. Туркулец // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ, 2012. – Вып. 14. – [Б. ук. с.]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskih-aspektah-frazeologizmov-v-russkih-skazkah>. – Дата доступа : 12.10.2025.
6. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Алёнушкины сказки / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Сер. : Библиотечка школьника. – М. : Искатель, 2021. – 64 с.
7. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

Abstract. The article examines the meaning and functions of phraseological units in the cycle of fairy tales by Dmitry Narkisovich Mamin-Sibiryak, “Alenushka's Fairy Tales.” The use of fixed expressions in fairy tales helps to create a special artistic atmosphere and add imagery to the stories. Additionally, the use of catchphrases in fairy tales helps to reveal the characters’ personalities and convey the author’s attitude towards the events described.

Keywords: phraseological units, “Alenushka's Fairy Tales,” D. N. Mamin-Sibiryak, fairy tale.

УДК 811.161.1

Е. С. Варсонофьева

Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АННЫ ДЖЕЙН «ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ВЕДЬМА»

Аннотация. Работа посвящена анализу несобственно-прямой речи как важного средства художественной образности в произведении Анны Джейн «Восхитительная ведьма». Анализируются

функции несобственно-прямой речи в диалогах и монологах героев, а также её роль в создании эмоционального фона текста. Особое внимание уделяется раскрытию внутреннего мира персонажей с помощью подобной формы речи.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, образность, Анна Джейн, диалог, монолог.

В процессе создания художественных произведений писатели используют немало различных средств создания художественной образности, благодаря которым удается добиться более легкого восприятия текста. От подробной передачи внутреннего мира персонажей зависит формирование отношения читателя к герою. Одним из способов интерпретации мыслей действующих лиц является прямая и косвенная речь. Авторы добавляют большое количество разговорных моментов для того, чтобы уделить внимание именно речи героев, от которой также зависит и представление об образе персонажа. Существует не только 2–3 способа передачи чужой речи, они не ограничиваются лишь прямой и косвенной видами, ученые считают, что их около 9 [1, с. 75].

Нередко встречается в тексте такой стиль речи, который сочетает в себе как элементы диалога, так и элементы монолога. Используя подобный прием, автор позволяет читателям проникнуть в мысли и чувства героев. Многие писатели активно используют данный вид речи при написании своих произведений, потому что благодаря ему можно идеально передать внутренний мир персонажей, их эмоции, их мысли, не переданные с помощью косвенной и прямой речи,

Несобственно-прямая речь – вид речи, которую ряд исследователей выделяет совместно с самыми популярными: прямой и косвенной. В последнее время появилось много работ, целью исследования которых является углубленное изучение как несобственно-прямой речи в целом, так и ее аспектов. Например, изучаются: данный вид речи в рассказах [2], формы несобственно-прямой речи в художественном тексте [3], эстетический [1] и прагматический [4] аспекты несобственно-прямой речи и др.

Так, по мнению Н. С. Валгиной, несобственно-прямая речь – это «чужая речь, непосредственно включенная в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграничивающаяся от него» [5, с. 385].

Подобный вид речи имеет многочисленные разновидности. В тексте можно встретить не только отдельные слова или словосочетания, но и предложения разных видов. Они могут быть как восклицательные, так и вопросительные. Определить тип несобственно-прямой речи возможно, опираясь не столько на грамматические признаки, сколько на смысловые. Такая речь передает эмоции и мысли героя с сохранением авторского голоса. Отсутствие кавычек, комментариев автора, насыщение именно личными переживаниями действующего лица, простота в восприятии, краткость – все это указывает на то, что перед нами представлен пример несобственно-прямой речи. Перечисленные признаки создают эффект проникновения во внутренний мир персонажа. Текст получается живее и насыщеннее.

Материалом для данного исследования мы выбрали произведение современной писательницы Анны Джейн «Восхитительная ведьма». В этом романе прием использования несобственно-прямой речи стал важным инструментом, за счет которого создается особая художественная образность и точно передается глубина характеров всех главных персонажей.

Данный вид речи не только делает текст богаче, но и усиливает эмоциональность, позволяет человеку, читающему произведение, лучше понять внутренние конфликты героев, например: *... по ним видно, что они отпетые. Божже, зачем я вообще это все затеяла?* [6, с. 200]; *осталось только принять или бороться. Но как бороться с ненавистью?* [6, с. 395]; *оставшуюся дорогу она молча смотрела на заснеженные ночные улицы. И зачем она только наговорила Андрею все это? Так хотела, чтобы и ему было больно?* [6, с. 439]; *это безумно злило Андрея. Чем он хуже? Не умеет элегантно одеваться? Не такой умный?...* [6, с. 251] Подробно описываются чувства, сомнения, переживания.

Анна Джейн умело подбирала те моменты, в которые отлично вписалась несобственно-прямая речь. Благодаря ее использованию становится намного понятнее то, какие именно эмоции переживает на данный момент действующее лицо: что его тревожит, что волнует. Мы принимаем возможность увидеть сложившиеся ситуации с точки зрения героев.

Через несобственно-прямую речь автор дает читателю возможность переместиться в сознание персонажа, почувствовать на себе их переживания или же, наоборот, радости. *Субботний день и шестая пара плохо сочетались друг с другом. И кто только составил такое расписание, заставив бедных студентов-четверокурсников учиться с обеда и до самого вечера?* [6, с. 11]; *а еще была усталость – и в жестах, и в выражении лица, и во взгляде, довольно-таки холодном, надо сказать. По-ноябрьски холодном. И что Васька в нем нашла?* [6, с. 23]; *только вот Олежки среди них не было. Он что, еще не приехал?* [6, с. 48]; *дурой эта девица притворялась весьма умело. Как ее звали?* [6, с. 74] Всё перечисленное позволяет нам мысленно выстроить образ персонажа, делая его более живым и реалистичным.

Не прибегая к прямой цитате, Анна Джейн размывает границы между реальностью и мыслями своих героев, позволяет нам глубоко проникнуть именно в их психологию. Кажется, что человек представляет из себя одно, а из его мыслей становится ясно совершенно другое: этого автор снова добивается с помощью НПР. Создается некий эффект внутреннего монолога с самим собой. *И Илье пришлось согласиться. А куда ему было деваться?* [6, с. 71]; *и Василина согласилась. Почему бы и нет? Какая теперь разница?* [6, с. 435]; *каждая его фраза, звук его голоса, даже его дыхание – все в нем казалось Василине противным. Как вообще могла она влюбиться в него?* [6, с. 437]; *нужно было сразу бросить его, а она упрямо верила, что у них может все получиться. Глупая!* [6, с. 519] Мы становимся очевидцами внутренней борьбы героев, наблюдаем за его переживаниями. Вероятнее всего, это выводит нас на новую связь с персонажами, которые, позволяя нам пережить свои тяготы, создают особую атмосферу доверия и нахождения в близком кругу. Несобственно-прямая речь добавляет некоего напряжения и драматизма в сюжет.

Казалось бы, проще выразить мысли в прямой или косвенной речи, или просто написать, что героя мучает определенный вопрос или действие. Но автор, используя в своем тексте несобственно-прямую речь, погружает нас в особенные эмоции, которые несет произведение и его образы. *Решит ведь, что это Олег ее спол, хотя эта дурочка сама умудрилась напиться. И когда только успела?* [6, с. 275]; *под кожей ощущались чуть выступающие вены... Интересно, кто этот камикадзе?* [6, с. 280]; *не то чтобы он стал бояться, но теперь расслабляться себе не позволял, каждую секунду был начеку. Вдруг этот придурок появится снова?* [6, с. 539]

Наличие несобственно-прямой речи в романе «Восхитительная ведьма» Анны Джейн углубило читателей во внутренние миры героев, дало возможность пережить их некоторые жизненные моменты совместно с ними, почувствовать то, что чувствовали они в определенное время.

Чаще всего, в тексте романа встречаются примеры несобственно-прямой речи именно с короткими вопросительными предложениями, которые передают напряжение героя и быстроту его мыслей.

После прочтения романа Анны Джейн надолго остаются в памяти не только созданные ею образы, но и их моральные переживания в различные периоды жизни.

Несобственно-прямая речь – одно из важнейших средств создания художественной образности. Она является отличным инструментом для писателя, поскольку не только обогащает художественную образность, но и углубляет психологическую характеристику персонажей.

Список использованных источников

1. Афанасьева, Ж. В. Изучение несобственно-прямой речи (эстетический аспект) / Ж. В. Афанасьева // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. : Педагогика и психология. – 2009. – № 2. – С. 75 – 81.
2. Харлова, Н. М. Несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина / Н. М. Харлова // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 97–105.
3. Цзюань, Л. Формы несобственно-прямой речи в художественном тексте / Ли Цзюань // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 2(27). – С. 87–91.
4. Гитинова, И. К. Несобственно-прямая речь : прагматический аспект / И. К. Гитинова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2014. – № 3(145). – С. 31 – 34.
4. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : учебник для студ. вузов / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
5. Джейн, А. Восхитительная ведьма / А. Джейн. – М. : Клевер-Медиа-Групп, 2024. – 543 с.

Abstract. This work is devoted to the analysis of improper-direct speech as an important means of artistic imagery in Anna Jane's novel “The Delightful Witch.” The article examines the features of using this category in the dialogues and monologues of the characters, as well as its impact on the emotional perception of the text. Special attention is given to the disclosure of the characters’ inner world through this type of speech.

Keywords: improper-direct speech, imagery, Anna Jane, dialogue, monologue.

УДК 811.161.1

Е. В. Васильева

Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

ОБРАЗ ВОЛКА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается образ волка как один из ключевых зооморфных символов русской лингвокультуры. На основе анализа паремийного и фразеологического фонда русского языка выявляются основные семантические компоненты и оценочные характеристики образа волка, прослеживается их связь с древними представлениями о природе, морали и социальной иерархии.

Ключевые слова: волк, лингвокультура, пословицы, паремии, фразеологизмы, славянская мифология.

Образ волка в русской лингвокультуре является одной из наиболее актуальных тем для исследования. Издревле волк был одним из самых мифологизированных существ в русской культуре, обладая как положительными, так и отрицательными представлениями. В русской культуре волк долгое время принимался как символ дикости, жестокости, хитрости и силы.

Цель данного исследования – обозначить и проанализировать основные черты и значения образа волка в русской лингвокультуре, а также определить его влияние на формирование языка и народных верований.

Предметом исследования являются лингвокультурные аспекты, связанные с образом волка. Рассматриваются не только языковые единицы, связанные с волком, но и народные представления, пословицы, фразеологизмы, где волк выступает важным символом.

Волк – животное, которое является загадочным, скрытым и неуловимым в понимании людей. Его образ ассоциируется с чертами характера людей, которые превозносились либо же, наоборот, презирались в зависимости от конкретной культуры народа. Волк

символизирует не только силу и хитрость, но и предательство, злобу и безжалостность. Он может одновременно являться символом опасности и защиты. Этот противоречивый образ дает возможность использовать его в различных литературных произведениях, фольклоре, искусстве и даже в речевом общении.

Чтобы получить более полное представление о волке, обратимся к различным толковым словарям.

Волк – муж. ‘хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличимый от собаки’ [1, с. 216].

Волк – муж. ‘хищное животное, одного рода с собакою’ [2, с. 69].

Волк – муж. ‘хищное животное семейства псовых’ [3, с. 98].

На основе данных толкований можно сказать, что волк и собака имеют сходство. Данные животные имеют общих предков, а точнее – собаки произошли от волков. Обе популяции ведут стайный образ жизни и обладают общими способностями. Поэтому можно сказать: волк, как собака, в смысле их общности и близости, олицетворяет связь между дикой природой и человеком. Но при всём этом, волк – это хищник.

Волк как символ. Воспринимаемый как символ силы и дикости, волк долгое время являлся источником вдохновения для мифов, легенд и поверий. Обратимся к книге «Славянские древности» [4, с. 411–418].

В славянской мифологии волк занимает особое место среди других хищников, таких как ворон, рысь, щука, но его связь с медведем является особенно сильной. Волк ассоциируется «с гадами, особенно со змеей». Причем часто волка представляют как «нехристь»: его отпугивают крестом, он испытывает страх перед колокольным звоном, ему запрещено пользоваться освященными предметами, а также разгуливать беспечно.

Рассмотрим фрагмент: «Характерные мотивы и атрибуты, связанные с волком: кровь (мотив крови в этиологических легендах, в оберегах в «волчьи дни», лечение скотины от крови в моче при помощи мяса волка; кровопийца ближайший родственник волка – вампир-вурдалак-волкалак), камень (в различных оберегах, заговорах, табу) и огонь (громничная или сретенская свеча, головешка в оберегах, уголь, необходимый для того, чтобы волчица забеременела, горящие огнем глаза волка)».

В данном фрагменте можно увидеть что, один из главных мотивов, связанных с волком, – это мотив крови. Кровь играет важную роль как символ жизни и смерти. Во многих культурах волк считается оберегом, который защищает от опасностей и прогоняет злых духов. В славянской мифологии в «волчьи дни» особенно ценятся обереги, содержащие капельку крови волка, так как считается, что они приносят удачу и защищают от болезней.

Интересным атрибутом, связанным с волком, является также камень. В различных оберегах и заговорах можно встретить использование камня. Предполагается, что он приносит защиту от вредных сил и привлекает удачу. Однако, камень может быть также символом запрета, или «табу», что позволяет избегать некоторых нежелательных ситуаций или отношений.

Огонь – еще один ключевой атрибут, связанный с волком. «Громничная или сретенская свеча» используются в различных обрядах и ритуалах, связанных с волком, чтобы привлечь его силу или защиту. «Символическая головешка» волка также может служить оберегом от проклятий или сглаза.

Эти мотивы и атрибуты отражают разнообразие верований, легенд, мифов о волке, его значении и его влиянии на человечество.

Рассмотрим следующий фрагмент: «Связь волка с умершими проявляется в южнославянских представлениях о ходячем покойнике-вампира, который может иметь волчий облик и называется *вук*. Некоторые заговоры от волка свидетельствуют о том, что он бывает у мертвых на «том свете»».

Итак, волк в южнославянских представлениях играет особую роль в связи с умершими. Эти создания имеют способность перемещаться между мирами живых

и мертвых. В данном контексте заговоры служат не только для защиты от волка, но и свидетельствуют о том, что эти животные могут появляться в мире мертвых. Волк отражает силу и жестокость, но также и связь с природой и духовными мирами.

Образ волка в русских пословицах.

В словаре пословиц В. И. Даля представлено 307 выражений, в которых встречается слово *волк* и его производные [5].

В пословицах отмечается волчья манера жить и выживать. Не зря говорят, что *Волка бояться – в лес не ходить*, подчеркивая его опасность и непредсказуемость. Эта пословица означает, что если человек боится трудностей или опасностей, то он не сможет достичь своих целей.

Вместе с тем образ волка неразрывно связан с предательством и хитростью. *Волк в овечьей шкуре* – эта пословица, восходящая к библейской притче, указывает на людей со злым умыслом, которые скрывают свои истинные намерения за маской доброты. Волк в зависимости от ситуации меняет свои проявления, чтобы достичь своей цели, и его образ становится символом двуличности.

Работа не волк – в лес не убежит, – для наших предков эта пословица являлась наглядной и живой. Вечно голодный волк наносил ущерб крестьянскому хозяйству: убивал коз, овец, домашнюю птицу и мог наброситься на людей. Поэтому во время нашествия волков женщины с детьми и пожилыми людьми прятались в домах, лишь вооруженные мужчины выходили на борьбу с хищниками. Ясно, что в это время все сельские работы прекращались. Таким образом, данная пословица несет в себе смысл того, что, сколько работу ни откладывая, делать ее все равно придется, так как сама по себе она никуда не денется.

Но волк также понимается в русских пословицах как символ трудолюбия и целеустремленности: *Волка ноги кормят*. Смысл данной пословицы заключается в том, что необходимо использовать навыки, таланты и умения для достижения поставленных целей. Волк, хоть и является хищником, способен обеспечить свое существование, охотясь и приспосабливаясь к окружающей среде, благодаря своей выносливости.

Рассмотрим следующие пословицы.

С волками жить – по-волчьи выть – данная пословица означает, что, попадая в определенный круг, где установлены свои законы, нормы, и правила, человеку придется подчиниться этим правилам, иначе он будет изгнан.

В пословице *Не первая волку зима* говорится об опытном человеке, который не впервые сталкивается с трудностями и препятствиями.

Как волка ни корми, все равно в лес смотрит – значение пословицы заключается в том, что если человек по природе своей склонен к чему-то, то ничто не может его удерживать. Этот смысл восходит к представлению об упрямстве и дикой природе волка.

Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел. В данной пословице волк олицетворяет человека, который совершил преступление или ошибку, а *бьют* означает наказывать. Таким образом, смысл пословицы заключается в том, что люди должны отвечать за свои действия, независимо от того, кем они являются или как выглядят.

У волка всегда одна песня – суть данной пословицы заключается в том, что человек постоянно повторяет одни и те же ошибки или постоянно придерживается одного и того же поведения, несмотря на то, что оно не приносит ему желаемого результата.

Фразеологизмы.

Обратимся к фразеологизмам [6]. Их можно объединить по морфологическому принципу.

Сочетания прилагательное + волк: *старый волк, морской волк, обстрелянный волк, травленный волк* – эти сочетания выражают смысл ‘бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи’.

Сочетания глагол + субстантивированное наречие волком: *хоть волком вой, волком выть, смотреть волком* эти – сочетания выражают смысл ‘выполнять какое-либо действие по-волчьи – от одиночества, от бессилия и отчаяния, или с недобрыми намерениями’.

Сочетания *волчий* + существительное: *волчий билет, волчий паспорт, волчий закон* – выражения, передающие представление о запрете, ограничениях; *волчий аппетит* ‘очень сильный’, *волчье логово* ‘пристанище преступников, врагов’, *волчья яма* ‘глубокая яма с вбитыми на дне острыми колыями’.

В целом образ волка во фразеологизмах является многозначным. Он отражает разные качества и характеристики самого животного, как отрицательные, так и положительные, перенесенные на человека, что делает его наиболее интересным и значимым символом в русской культуре.

Результаты данного исследования могут быть полезными для понимания русской лингвокультуры, ее истории и языка. Они также могут найти применение в образовательных целях, в том числе для разработки учебников и методических пособий.

Таким образом, образ волка в русской лингвокультуре обладает сложными и многогранными значениями. Он символизирует не только силу и хитрость, но и опасность. Волк является одним из наиболее универсальных и запоминающихся образов, который продолжает вызывать интерес. Пословицы, фразеологизмы, устойчивые выражения, связанные с волком, помогают нам лучше понять и интерпретировать его образ в русской культуре.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 1 : А–З / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – 752 с.
2. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : 100 000 слов и словосоч. / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 799 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1990. – 917 с.
4. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. – Т. 1 : А–Г. / Рос. акад. наук ; Ин-т славяновед. и балканист. ; ред. Н. И. Толстой. – М. : Междунар. отнош., 1995. – 577 с.
5. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль – М. : Аргументы недели, 2016. – 544 с.
6. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13 000 фразеол. единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.

Abstract. The article examines the image of the wolf as one of the key zoomorphic symbols of Russian linguoculture. Based on the analysis of the paremiological and phraseological fund of the Russian language, the main semantic components and evaluative characteristics of the wolf image are identified, and their connection with ancient ideas about nature, morality, and social hierarchy is traced.

Keywords: wolf, linguoculture, proverbs, phraseological units, Slavic mythology.

УДК 811.112'373

О. А. Вахтеева, Я. А. Пинжакова
Научный руководитель – **Е. П. Налобина**,
ст. преподаватель

ОБ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются английские фразеологические заимствования в современном немецком языке. Особое внимание уделяется классификациям заимствований, а также их влиянию на структуру и семантику немецкого языка. Целью исследования является выявление и анализ лингвистических механизмов и социокультурных причин проникновения заимствований в немецкий язык.

Ключевые слова: лингвистика, фразеология, заимствования, англицизмы, немецкий язык, фразеологические единицы.

Вопрос о фразеологических заимствованиях из английского языка в немецкий сохраняет свою актуальность, поскольку речь идет не об отдельных словах, а целых устойчивых выражениях, привносящих в речь новые смысловые оттенки, образность и дух международной коммуникации.

Рассматривается проблема воздействия английских фразеологических единиц на немецкий язык; ставится вопрос о том, приводит ли это воздействие к структурным и семантическим изменениям. Целью исследовательской работы является выявление и анализ лингвистических механизмов, особенностей функционирования и социокультурной причины проникновения английских фразеологических заимствований в современный немецкий язык.

Многие ученые определяют фразеологизм (идиому) как общее название слов и предложений, которые связаны семантически. Они воспроизводятся в процессе речи в соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [1].

Термин «заимствование» определяется как иноязычное слово, не только перешедшее, но и полностью освоенное заимствующим языком [2; 3, с. 165]. Фразеологические заимствования – это заимствование целостной единицы. «Фразеологизмы с заимствованными компонентами обогащают лексикологию информацией об изменениях, которым подвергаются слова в составе фразеологических единиц» [4, с. 171].

В настоящее время практически все фразеологические заимствования поступают в немецкий язык из английского. В современной лингвистике их принято называть англицизмами, или англо-американизмами. Заимствование англицизмов вызвано рядом лингвистических и экстралингвистических причин.

Исследователи выделяют несколько типов фразеологических заимствований:

1. Прямые заимствования: фразеологизм переносится в немецкий язык практически без изменений в написании и звучании, например: *lose face, lucky punch, kill time* [4; 5].

2. Кальки: английский фразеологизм подвергается дословному переводу соответствующими словами немецкого языка. Такой фразеологизм внешне не отличается от исконно немецкого [5]. Примером может служить *mit good Cards* (калька с англ. *with good cards*) в значении ‘иметь все шансы на успех’ [6, с. 132].

3. Полукальки: часть фразеологизма переводится, а часть заимствуется, например: *das ist ein No-Brainer*.

4. Экзотизмы: заимствования, воспринимаемые как чужеродные, они не ассимилируются или ассимилируются слабо: *It takes two to tango*.

Как отмечают исследователи, например, М. Б. Раренко, заимствование фразеологизмов вызвано лингвистическими и преимущественно экстралингвистическими причинами. Ассимиляция фразеологических единиц включает два этапа: усвоение (включение в речь) и освоение (интеграцию в систему языка), в результате чего заимствованная единица приобретает формальные признаки языка-реципиента. Публицистика – основной канал проникновения английских фразеологизмов в литературу и разговорную речь. Через СМИ заимствуются обозначения новых артефактов, научных концепций, а также популярные единицы из сферы спорта и техники, распространение которых часто связано с языковой модой [7, с. 175]. Г. И. Каданцева указывает, что СМИ активно пополняют немецкий язык английскими заимствованиями. Рекламные слоганы, например, *Das strahlende Weifi in my life* (из рекламы стирального порошка), становятся популярнее классических цитат [3, с. 167].

Английские фразеологизмы-заимствования выражают семантическую вариативность за счёт расширения значений и роста вариантов употребления. М. Б. Раренко выделяет типы заимствованных фразеологизмов с английскими компонентами:

1. Идиомы, парные слова: *Cheek-to-Cheek* – щека к щеке; *face-to-face* – с глазу на глаз.

2. Пословицы, поговорки, «крылатые выражения»: *first come, first served* – чей черед, тот и берет; *out of Focus* – с глаз долой, из сердца вон.

3. Устойчивые сравнения: *wie im Bear-Garden* – как в зоопарке, *wie gepackte Sardines* – как селетки в бочке [7, с. 176].

Исследование влияния английских фразеологизмов на немецкий язык, проведенное с помощью эмпирических методов (сравнение, описание) на материале фразеологических словарей Роланда Крауса и Collins Gem German Phrasebook, выявило значительное количество англицизмов. Решено классифицировать языковой материал в соответствии с типами фразеологических заимствований, описать каждый из них и провести сравнение с фразеологизмами английского языка.

1. Прямые заимствования.

Fake News – Ложные/сфабрикованные новости. В немецком языке не используется *falsche Nachrichten* в этом контексте. Фразеологизм переносится в немецкий язык практически без изменений в написании и звучании. Немецкий язык не перевел эту конструкцию, а взял ее целиком. Пример употребления: *Fake News erobern das Internet und machen den Eindringling zum Helden* – **Фейковые новости захватывают Интернет и превращают злоумышленника в героя** [8].

Das ist nicht mein Business (англ. *That's not my business*) – Это не моё дело. Данный фразеологизм переносится в немецкий язык практически без изменений в компонентном составе, отсутствуют какие-либо добавочные слова. Слово *Business* (*das*) является заимствованным из английского. Синонимом является немецкое слово *Geschäftsleben*.

Das war ein Game-Changer – Произошло что-то, что полностью изменило правила игры. Английская идиома используется в немецкой речи практически без изменений. Пример употребления: *Viele würden Omikron daher bereits als eine Art Grippe betrachten und damit als einen **Game-Changer*** – Поэтому многие уже рассматривают Омикрон как разновидность гриппа и, следовательно, как **средство, меняющее правила игры** [8].

2. Кальки.

Sie hat einen richtigen Riecher für Trends (калька с англ. *She has a good nose for trends*) – У неё хороший нюх на тренды. Фраза звучит по-немецки, но построена по английской модели. Пример употребления: *Mit Kauf von Kunst bewies sie den **richtigen Riecher*** – Покупая предметы искусства, она доказала, что обладает **правильным нюхом** [8].

Die Zeit totschiagen (калька с англ. *to kill time*) – Убивать время. Фраза звучит по-немецки, но построена по английской модели. Пример употребления: *Viele Asylwerber, die sich hier am Abend **die Zeit totschiagen**, sind seit Tagen, andere seit Monaten in dem Erstaufnahmезentrum untergebracht* – Многие лица, ищущие убежища, которые **убивают** здесь **время** по вечерам, находятся в центре временного содержания уже несколько дней, другие – месяцами [8].

3. Полукальки.

Das ist der nächste Step – Это следующий шаг. Часть фразы включает английское заимствованное слово, а грамматика и остальные слова – немецкие. Слово *step* взято из английского языка (синоним в немецком *Schritt*). Пример употребления: *Er will aber auch **den nächsten Step** machen* – Но он также хочет сделать **следующий шаг** [8].

Ein Check-up machen – Пройти обследование. Часть фразы включает английское заимствованное слово *check-up*. Пример употребления: *Vor allem wer befürchtet, von betroffen zu sein, sollte **ein Check-up** machen* – Особенно тем, кто боится, что они **пострадают, следует пройти обследование** [8].

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что английские фразеологические заимствования прочно укоренились в различных стилях современного немецкого языка, особенно в медиа-дискурсе, рекламе и публицистике. Они интегрируются в немецкую грамматическую систему, при этом часто сохраняя свою исходную форму.

Таким образом, на основе изученных и проведенных исследований можно сделать выводы о том, что английские фразеологические заимствования стали неотъемлемой частью современного немецкого языка, обогащая его новыми выразительными средствами

и отражая динамику межкультурного взаимодействия. Несмотря на иногда звучащие опасения по поводу «загрязнения» языка, процесс заимствования свидетельствует о его способности к развитию в условиях меняющегося мира.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 559–560.
2. Аристова, В. М. О лексических заимствованиях из английского языка в русский язык в XVII–XVIII вв. / В. М. Аристова. – М. : Высш. шк., 1978. – 113 с.
3. Каданцева, Г. И. Ассимиляция англо-американских заимствований в немецкой фразеологии / Г. И. Каданцева // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 165–170.
4. Маринина, Г. И. Ассимиляция заимствованных фразеологических англицизмов в современном немецком языке (переводческий и лингвокультурологический аспекты) : монография / Г. И. Маринина, С. В. Серебрякова. – Ставрополь : Изд-во «Параграф», 2014. – 179 с.
5. Беляева, С. А. Изменение стилистических характеристик как показатель степени семантической ассимиляции заимствованного слова / С. А. Беляева // Филологические науки. – 1984. – № 2. – С. 78–80.
6. Маринина, Г. И. Фразеологические англицизмы в официально-деловой сфере современного немецкого языка / Г. И. Маринина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4(34). – Ч. 2. – С. 132–134.
7. Раренко, М. Б. Типология английских фразеологических заимствований в современном немецком языке / М. Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6 : Языкознание : Реферативный журнал. – 2014. – № 4. – С. 170–176.
8. Wortschatz Leipzig // Wortschatz [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>. – Дата доступа : 07.10.2025.

Abstract. The article examines and analyzes English phraseological borrowings in modern German. Special attention is paid to the classifications of borrowings, as well as their influence on the structure and semantics of the German language. The purpose of the study is to identify and analyze the linguistic mechanisms and socio-cultural reasons for the penetration of these borrowings into modern German.

Keywords: linguistics, phraseology, borrowings, Anglicisms, German, phraseological units.

УДК 81–114.2

У. А. Величко

Научный руководитель – Т. В. Рождественская,
д-р филол. наук, профессор

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕТЕРИТАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В СПИСКЕ (РНБ, Q.I.1447, Л. 124–155 ОБ.) СТИШНОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ ДМИТРИЯ ПРИЛУЦКОГО

Аннотация. Статья призвана описать особенности употребления действительных причастий прошедшего времени на материале текста списка (РНБ, Q.I.1447, л. 124–155 об.) полного варианта Стишной редакции Жития Дмитрия Прилуцкого. Для достижения цели были проанализированы употребления полных и кратких форм причастия, основные синтаксические роли причастий, случаи препозиции и постпозиции действительных причастий относительно финитной формы глагола.

Ключевые слова: действительное причастие, прошедшее время, причастный оборот, «второстепенное сказуемое», именительный самостоятельный, финитная форма глагола, препозиция, постпозиция.

Цель настоящей статьи – анализ особенностей функционирования претеритальных действительных причастий в тексте списка (РНБ, Q.I.1447, л. 124–155 об.) полного варианта Стишной редакции Жития Димитрия Прилуцкого. Выбор памятника обусловлен его слабой изученностью в лингвистическом аспекте. Наиболее близкой к архетипу является Стишная редакция, составленная между второй четвертью XV в. и первой половиной XVI в. [1, с. 65], что стало причиной обращения к ней. Список (РНБ, Q.I.1447, л. 124–155 об.) полного варианта Стишной редакции выбранного памятника, созданный в конце XVI–начале XVII в. и ранее не привлекавший внимания учёных, стал материалом настоящей статьи. Цитаты списка производятся по его опубликованному варианту в [1, с. 97–109].

Общее количество употреблений причастий в тексте анализируемого списка равно 355, 114 из которых относятся к претеритальным причастиям. При этом причастия действительного залога (82) количественно доминируют над страдательными (32). Причастия прошедшего времени в тексте анализируемого списка занимают промежуточное положение между презентными действительными (225) и страдательными (14) причастиями. В силу многочисленности и большого разнообразия функций причастия настоящего времени нуждаются в специальном анализе.

Далее будут рассмотрены функциональные особенности объекта исследования. Так, субстантивация претеритальных причастий чрезвычайно редка. В тексте анализируемого списка обнаружен один пример подобного явления: *Сия подобает нам изыскати здѣ и индѣ и, собравъ, изложити, ова слышахом и ина от ученикъ его увѣдахом, и еже и от видѣвших* его, и елика воспросихом у старых мужей, яко рече Святое Писание: «Воспроси отца твоего, и возвѣстит ти, и старцы твои рекут тебѣ» [1, с. 97].

В препозиции относительно финитной формы глагола претеритальные причастия отмечены в составе конструкции «второстепенное сказуемое», зафиксированной в тексте анализируемого списка 20 раз. Эта конструкция была впервые описана А. А. Потенбёй [2, с. 185], отмечавшим второстепенность действия, выраженного причастием. Подобной точки зрения придерживается, например, В. М. Живов [3, с. 475].

Стоит отметить, что в тексте анализируемого списка связанность причастия и финитной глагольной формы различна. Так, эталонный пример конструкции без союза между причастием и финитной формой глагола представлен в следующем предложении из прижизненного Чуда о расслабленной жене: *Пришед же, преподобный рече ей: «О дщи безстыдная и окаянная, зри и насытися грѣшнаго ми телеси, отречеагося уже мира и прелести суетныя* [1, с. 101]. В этом примере отражена последовательность действий как единичных фактов. В сочетании с финитной глагольной формой, обозначающей единичное действие в прошлом, причастие также может быть носителем результативной семантики, как в следующем предложении из посмертного Чуда об осаде Вологды войсками Дмитрия Шемяки: *И немало время стояще около града, не сотворивше ничтоже зла граду, отъидоша во страну свою без успѣха всячески тамо* [1, с. 109].

Однако в тексте анализируемого списка не все причастия могут пониматься лишь как носители второстепенного действия. В качестве примера можно привести следующее предложение из посмертного Чуда о нашествии на Вологду войск Дмитрия Шемяки: *По прехождении же тоя ноци в другой день Божиим заступлением и молитвами святых Его граждане вельми вооружившися и крѣпко стааха противным сопостатом* [1, с. 108]. В приведённом предложении неочевидна второстепенность действия, выраженного причастием: подготовка к сражению является столь же важной частью, как и сама битва. Аналогичное предложение отмечено в Пермской второй летописи [4, с. 80].

Вариацией конструкции «второстепенное сказуемое» можно считать цепочку однородных причастий, передающих прагматически невыделенную последовательность действий, вершиной которой является финитная форма глагола: *И тако поучив смирениемъ преподобный и сотворив молитву во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и знаменавъ ю крестнымъ // знаменем, и емъ за руку ея, и повелъ ей востати, благословение и прощение подасть ей* [1, с. 101].

В тексте анализируемого списка отмечены случаи употребления причастия в конструкции «второстепенное сказуемое» с глаголом в имперфекте, как в следующем периоде, описывающем пробуждение тяги к чтению у преподобного: *Но божественным книгам издавъся* (Димитрий Прилуцкий. – У. В.) *и желаше о чтении, и внимая о будущем вѣцѣ, и о Судѣ, и о Царствии Небеснѣм, и о праведных радости, и веселия райския пища* [1, с. 98]. Причастие в приведённом отрывке имеет семантику катализатора действия, выраженного финитной формой глагола в консекутивном имперфекте.

Атрибутивная функция причастий чаще всего реализуется в причастных оборотах. В качестве примера причастного оборота, характеризующего прямой объект периода, приведено следующее предложение из эпизода о преставлении святого в монастырской келье: *И се видѣвшие братия, и притекоша къ кѣлии преподобнаго Димитрия, самого уже преставльшася ко Господу паче же наполнена бѣше кѣлия его полна божественаго и боготворнаго добровония благоуханнаго* [1, с. 103]. Пояснительная предикация в нём имеет семантику предшествования с оттенком результата (аналогично у причастий-предикатов придаточных предложений). Стоит отметить, что в тексте анализируемого памятника в подобных оборотах чаще всего доминирует полная форма.

Причастный оборот мог иметь результативную семантику и употребляться в случаях кончины какого-либо лица, как следующий пример: *Поистине бо той Пахомие подражатель житию преподобнаго Димитрия бысть, свято и терпѣливо житие сие пожив* [1, с. 101]. В подобных случаях, примеры которых, в частности, приведены в [3, с. 481], причастие располагается в постпозиции к глаголу. В тексте списка отмечена амбивалентная позиция причастия: препозиция по отношению к финитной форме глагола и постпозиция относительно действительного презентного причастия. В другом случае две позиции причастия совмещены в одном предложении.

Претеритальные причастия также включены в обороты «дательный самостоятельный» (10), однако в силу их специфики рассмотрение этих контекстов остаётся за рамками настоящей работы.

Характерной чертой древнерусского и старорусского синтаксиса является употребление причастий в составе оборота «именительный самостоятельный», под которым А. А. Потебня понимает возможность употребления причастия как единственного предиката в предложении [2, с. 199]. Грамматическая семантика причастий в подобных конструкциях может быть различной, предположительно, коррелирующей с видовой принадлежностью глаголов, от которых были образованы причастия. Так, следующая фраза с эллиптированным субъектом, описывающая желание святого оградить себя от внешнего мира, содержит предикат, обладающий результативной семантикой и образованный от глагола совершенного вида: *И по//читанием же книжным Ветхаго и Новаго Завета разсмотривъ житие свѣта сего маловременное и минующее, яко рѣчная быстрина или яко цвѣтъ травный* [1, с. 98]. Другим значением причастия как единственного предиката является фоновое с оттенком дуративности из посмертного Чуда о нападении вятчан на Вологду: *Шедше* (вятчане. – У. В.) *бо тогда нестройными пути на Заволочие и мало в дамы своя приидоша их* [1, с. 104].

Процент нарушений согласования претеритальных причастий в тексте анализируемого списка составляет 9,76% (8 случаев). Необходимость учёта отклонений, прежде всего нарушений согласования причастия и определяемого слова, связана с определением регистра памятника. В тексте анализируемого списка отмечены два типа нарушений согласования причастий. Первый тип заключается в неверном согласовании по роду, причём имеет место употребление мужского рода на месте женского, как в следующем предложении, повествующем о пробуждении некоей женщины по имени Антонида от видения в одном из посмертных чудес Жития: *Она же воставъ скоро, дивяся видѣнью, и тече с радостию собирати ягоды тѣ* [1, с. 107]. Подобные случаи представляется возможным интерпретировать как трансформацию кратких форм причастий в деепричастия. Во втором типе

причастие неверно согласовано с именем существительным или местоимением в падеже, как в приведённом далее предложении, в котором на месте дательного падежа употреблён родительный: *О, лють ему бысть тогда, тому воину, дерзнувшиаго приступити съ безумиемъ нечистым на святыню Божию!* [1, с. 104] Подобное отступление характерно лишь для датива субъекта, тогда как в случае датива объекта никаких нарушений не обнаружено. В тексте анализируемого списка имеется ещё одно аналогичное предложение.

Таким образом, в тексте списка (РНБ, Q.I.1447, л. 124–155 об.) краткие формы причастий превалируют над полными, за исключением причастного оборота с поясняющей объект семантикой, и количественное превосходство препозиции (20) над постпозицией (6) по отношению к *verbum finitum*, что характерно для нарративных текстов. Предварительно регистр текста списка может быть определён как промежуточный между книжным и гибридным, однако для более точного ответа необходимо проанализировать функциональные особенности презентных действительных причастий.

Список использованных источников

1. Семячко, С. А. Преподобный Димитрий Прилуцкий. Житие и служба / С. А. Семячко, Ф. В. Панченко. – Вологда : Спасо-Прилуцкий мужской монастырь, 2018. – 383 с.
2. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : [Т. I–II] / А. А. Потебня. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1958. – 536 с.
3. Живов, В. М. Позиция причастных оборотов и их дискурсивные свойства в языке русских летописей / В. М. Живов // Слово и язык : сб. статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна ; И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). – М. : Яз. слав. культ., 2011. – С. 473–492.
4. Ермолова, М. В. О соотношении -л-форм и причастий на -ъш/-въш в древнерусском языке / М. В. Ермолова // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 78–100.

Abstract. The article aims to describe the features of the use of active past participles based on the text of the list (Russian National Library, Q.I.1447, pp. 124–155) of the complete version of the Verse Edition of the Life of Dimitry Prilutsky. To achieve this goal, the article analyzes the use of full and short forms of participles, the main syntactic roles of participles, and the cases of pre- and post-position of active participles relative to the finite form of the verb.

Keywords: active participle, past tense, participial phrase, “secondary predicate”, Nominativus Absolutus, finite verb form, preposition, postposition.

УДК [81’33:004]-055.1/3

Е. Н. Водолазов

Научный руководитель – **Н. В. Чайка**,
д-р филол. наук, профессор

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу гендерных особенностей вербализации в интернет-пространстве. Особое внимание акцентируется на выборе лексических средств и эмоциональной насыщенности высказываний. Предполагается, что представительницы женского пола используют эмоционально-экспрессивную лексику, а представители мужского – нейтральную.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, интернет-пространство, языковые средства, средства выразительности, вербализация.

В современном мире интернет-пространство стало неотъемлемой частью жизни общества, выполняя функции не только глобального источника информации, но и универсальной

платформы для реализации процесса коммуникации. С каждым годом всё больше людей используют интернет для получения необходимой информации и взаимодействия с другими людьми. Однако, несмотря на универсальность интернет-пространства, важно учитывать, что способы коммуникации в этой среде могут варьироваться в зависимости от гендерной принадлежности. Изучением данных различий занимается гендерная лингвистика – относительно новая область исследования, сосредоточенная на выявлении гендерных различий в языке и речи [1].

Исходя из определения, понятие *гендер* воспринимается не только как биологическая категория, но и как социальный элемент, который влияет на поведение и восприятие языка и речи представителями разных полов. Американская феминистка Шерри Ортнер в своих исследованиях неоднократно подчёркивала, что гендерные различия зачастую приводят к ущемлению прав женщин, что и стало основой для развития гендерной лингвистики. В России исследованием гендерных особенностей языка занимались такие ведущие специалисты, как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Е. Н. Каменская и О. А. Воронина. Их исследования показали, что язык не является нейтральным инструментом, а активно участвует в формировании гендерных особенностей.

Анализируя гендерные различия языка мужчин и женщин, мы можем выделить ряд факторов, влияющих на появление этих различий:

1) социальный (данный фактор обусловлен уровнем социализации и культурными нормами. Например, с детства мальчиков и девочек по-разному учат общаться: девочкам прививают навыки сотрудничества, эмпатии и вежливости, а мальчикам – прямолинейность и доминирование в речи. Эмоциональная речь женщин может трактоваться мужчинами как признак слабости);

2) религиозный (религия устанавливает нормы поведения, включая и речевые. Например, в исламе и иудаизме существуют нормы, которые ограничивают участие женщин в ритуальных и публичных выступлениях. Данные факторы формируют у женщин образ сдержанности и вежливости);

3) профессиональный (конкретная профессия определяет стиль речи, её лексический состав и коммуникативную стратегию. Например, в профессиях, требующих дипломатичности и эмпатии (педагогика, медицина), преобладают именно женщины, поскольку данные качества свойственны их речи. Мужчины же демонстрируют себя в тех профессиональных направлениях, в которых ценятся директивность, лаконичность и авторитетность (военная, техническая, ИТ-сфера), что способствует формированию соответствующего речевого стиля. Стоит отметить, что при смене профессиональной деятельности границы речевых различий могут стираться. Например, женщины-юристы зачастую используют более *мужской* стиль общения).

Таким образом, факторы, которые оказывают влияние на различие мужской и женской речи, не стабильны. Границы могут быть стёрты из-за влияния социальных условий, в которых происходит формирование мужской и женской речи. Одним из таких социальных условий является интернет-пространство, в котором представитель любого пола может вести себя по-разному.

Интернет-пространство как среда коммуникации предоставляет уникальную возможность проанализировать гендерные особенности языка и речи. В отличие от традиционных форм коммуникации, в которых преобладают устные формы взаимодействия, интернет-пространство характеризуется анонимностью и свободой самовыражения. Именно это создаёт все необходимые условия для изучения использования языка мужчинами и женщинами в цифровом пространстве. Гендерные различия в интернет-коммуникации проявляются на всех языковых уровнях:

1) орфоэпический (гендерные различия на данном языковом уровне значительно ограничены, поскольку в интернет-пространстве преобладает письменная форма общения. Эти различия можно заметить в том случае, когда используются аудио- и видеоконтент (подкасты, YouTube-видео, голосовые сообщения в Telegram/WhatsApp, трансляции,

TikTok). Рассматривая систему ударений, следует учесть обстановку, в которой происходит создание контента: если это профессиональный или образовательный контент, то можно сказать, что и мужчины, и женщины стараются придерживаться нормативного произношения, однако если это неформальный контент (трансляции развлекательного характера), то можно заметить нарушение орфоэпических норм, поскольку в процессе создания неформального контента автор ставит перед собой иную задачу. Говоря про интонацию, можно сказать, что женщины, используя голосовые сообщения, зачастую используют более изменчивую интонацию, повышение тона в конце фразы (интонация вовлечённости), а мужчины придерживаются монотонной интонации. Отсюда появляется гендерный стереотип: *женщины – эмоциональны, мужчины – рациональны*. В письменной речи отмечаются случаи, когда пользователи графически имитируют устную речь (например, *привееет, нуууу, аааа, няш, чо каво*). Такая имитация, как правило, отмечается у женщин. С помощью неё они передают свои эмоции);

2) фонетический (гендерные особенности наблюдаются в тембре и тоне. Женский голос по частоте выше мужского, однако в интернет-пространстве женщины могут сознательно понижать тон для придания авторитетности (например, в новостном контенте), а мужчины могут его повысить для выразительности и юмора, когда создают развлекательный контент);

3) лексический (гендерные особенности на данном языковом уровне выражены ярче всего. Женщины используют лексические единицы следующей направленности: чувства (*радость, обида, тревога, поддержка, любовь*), межличностные отношения (*дружба, семья, конфликт, понимание, забота*), самопрезентация (*макияж, уход, стиль, фото, образ*), бытовая лексика (*рецепты, дети, организация дня, шопинг*), сопереживание (*всё будет хорошо, я тебя понимаю, держись*). Мужская лексика имеет иную направленность: технологии (*процессор, настройка, ПО, железо*), спорт (*матч, результат, тренировка, рекорд*), политика и экономика (*власть, рынок, тактика, анализ*). Стоит отметить и эмоциональную составляющую лексического уровня: женщины используют экспрессивную лексику (*очаровательный, ужасный, невероятный, божественный*), эмоциональные частицы и междометия (*ой, ах, ну, блин, ого*), эвфемизмы и смягчающие выражения (*может быть, никто не хочет обидеть, но*). Мужчины же зачастую прибегают к нейтральной лексике, грубоватому сленгу или жаргону (*заиквар, отжать, треш, позор, отстой*);

4) словообразовательный (женщины используют диминутивные формы (*девчонка, солнышко, зайка, котик, лапочка*), что подчёркивает эмоциональную вовлечённость. Мужчины же, как правило, избегают подобных форм, используя усечённые (*прога (программа), комп (компьютер), тел (телефон), проц (процессор), телек (телевизор)*);

5) морфологический (женщины чаще всего используют сослагательное наклонение (*может быть, стоит подумать, было бы здорово, если бы*), мужчины же используют повелительное наклонение, проявляя доминирование (*прочитай это, не спорь, не игнорируй, слушай*);

6) синтаксический (особенности проявляются в структуре предложений, порядке слов и способах построения высказываний. Женщины зачастую используют вопросительные риторические предложения (*Правда же мило? Вы тоже так чувствуете?*), строят более длинные конструкции, которые осложняются вводными словами (*Честно говоря, я тебя не понимаю, потому что я считаю иначе*), используют парцеллированные конструкции (*Это было странно. Очень странно. Было даже страшно*). Мужчины же используют утвердительные предложения, прибегают к минимальному синтаксису (строят свои предложения более коротко).

Таким образом, гендерные особенности в интернет-пространстве проявляются на всех языковых уровнях, однако наиболее ярко они наблюдаются на лексическом. Это может быть связано с тем, что лексический пласт языка развивается гораздо быстрее. Однако следует акцентировать внимание на том, что средствами вербализации в интернет-пространстве могут являться эмодзи, которые активно используются в социальных сетях.

Вербализация через них служит средством дополнения, замены или усиления текстового сообщения. Несмотря на то, что эмодзи не являются лексическими средствами, они выполняют коммуникативную, эмоциональную и прагматическую функцию. При их использовании также наблюдаются гендерные особенности: женщины значительно часто используют эмодзи для эмоционального оформления текста (эмоциональные, усиленные и редуцированные). Мужчины же используют их избирательно (например, для того, чтобы заменить лексические единицы). Женщины зачастую используют эмодзи следующих типов: выражающие эмоции, связанные с поддержкой и заботой, связанные с красотой и модой. Мужчины же используют их с ироничной и агрессивной окраской. Ими также могут быть использованы эмодзи, связанные с хобби и технологиями. Стоит отметить, что использование эмодзи в интернет-коммуникации позволяет сэкономить речевые средства. Особенно ярко это демонстрируют представители мужского пола, поскольку они придерживаются лаконичности в процессе коммуникации.

Таким образом, гендерные особенности в интернет-пространстве проявляются наиболее ярко. Анализ показал, что данные особенности проявляются на всех языковых уровнях, однако наиболее ярко они проявляются на лексическом. Средствами вербализации в интернет-пространстве служат не только текстовые и голосовые сообщения, аудио- и видеозаписи, но и эмодзи, благодаря которым можно наиболее ярко передать свои чувства и эмоции. Они могут служить средством не только сопровождения текстового сообщения, но и экономия речевых средств.

Список использованных источников

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2349842>. – Дата доступа : 10.10.2025.

Abstract. This article analyzes the gender-specific features of verbalization in the internet space. Special attention is paid to the choice of lexical means and the emotional intensity of utterances. It is believed that female representatives use emotionally expressive vocabulary, while male representatives use neutral vocabulary.

Keywords: gender linguistics, internet space, linguistic means, means of expression, verbalization.

УДК 81'272

А. Н. Волкова

Научный руководитель – Т. С. Садова,
д-р филол. наук, профессор

ЯЗЫК БОЛЕЛЬЩИЦКОГО БАННЕРА: ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ

Аннотация. В настоящей статье трансформация прецедентного текста рассматривается как один из наиболее выразительных приёмов в создании баннеро-плакатного творчества. В работе представлены результаты анализа ряда текстов-лозунгов, размещённых на болельщицких баннерах и плакатах, а также наблюдения о языковой специфике данного малого письменного жанра как формы коммуникации болельщиков на спортивных матчах.

Ключевые слова: речевая субкультура; речевые жанры; языковая игра; прецедентный текст.

Плакат и баннер постепенно стали «неотъемлемой частью новейшего визуального пространства» [1, с. 154], их количество на улицах и других общественных площадках города кратно возросло. Вместе с тем возрос и практический интерес лингвистов к этим малым письменным жанрам. Они оказались в особенности любопытны с точки зрения краткости, выразительности своей формы и вытекающих из этого простоты для прочтения-понимания и эффективности воздействия на зрителя.

В настоящей работе рассматриваются болельщицкие плакаты и баннеры, так как, во-первых, они отображают активные процессы и особенности культуры и языка конкретной закрытой группы лиц – в нашем случае хоккейных болельщиков – и, во-вторых, являются основным инструментом коммуникации этой закрытой группы лиц в момент матча. Так, язык болельщицких баннеров, несмотря на свою внешнюю простоту и ограниченность объема, представляет собой насыщенное пространство экспрессивных, стилистических и прагматических ресурсов. Его изучение позволяет раскрыть особенности фанатской идентичности, креативного мышления и способов реализации речевого воздействия.

Как уже говорилось, в спортивных событиях эти малые письменные жанры выполняют как информационные, эмоциональные, так и коммуникативные функции. Они используются для выражения поддержки своей команды или для критики противников, судей или организаторов, служат важным элементом перформативной стороны боления, участвуют в создании атмосферы на трибунах. Фанатские баннеры и плакаты часто содержат не только простые лозунги, но и острые, порой провокационные фразы, которые отражают индивидуальность болельщицкой группы, её способность к языкотворчеству. Часто при составлении баннеров и плакатов болельщики обращаются к общеизвестным и культурно важным текстам, иначе говоря, прецедентным текстам. Рассмотрим некоторые наиболее яркие примеры таких плакатов и баннеров.

Одним из типичных приёмов трансформации прецедентного текста является прямая или частичная цитата с заменой ключевых компонентов. Так, например, песня группы «Жуки» «Батарейка» подвергается трансформации в связи с переходом хоккеиста Андрея Миронова из «Динамо» (Москва) в «Спартак»: *холодный ветер с дождём усилился стократно / всё говорит об одном, что нет пути обратно / что ты не наш лопушок, что ты не наш андрейка / что у любви у нашей села батарейка* (РИА). В баннере притяжательное местоимение *мой* заменено на *наш*, что подчеркивает коллективную позицию болельщиков, а имя *Андрейка* приобретает конкретную референцию, отсылая к персоне игрока. Подобные трансформации строятся на принципе двойной адресованности: они понятны как членам фанатской субкультуры, так и более широкой аудитории, способной распознать исходный текст.

Трансформация может затрагивать не только лексемы, но и грамматические элементы. Так, изменение предлога, орфографическая или морфологическая ошибка, оставленная намеренно, может придать тексту новое семантическое звучание и служить источником языковой игры [2, с. 56]. Примером может служить баннер, обращённый к команде «Авангард», где предлог *до* получает дополнительную дифференцирующую функцию – показывает направленность послания на конкретный клуб «Авангард», а если быть точнее – на конкретных игроков клуба: *я люблю тебя да слёз #15 #8 #19 #22* (ХК «Авангард»).

Прецедентные тексты могут также комбинироваться с визуальными образами – талисманами клубов, героями фильмов и мультфильмов, известными медийными персонажами. Например, обращение минских фанатов к московскому ЦСКА строится на переосмыслении песни «Конь» группы «Любэ», где *конь* метонимически обозначает армейский клуб. В другом случае баннер с фразой *отведдай силушки от Торпедо* (ХК «Торпедо») заимствует известную реплику из мультфильма «Три богатыря», при этом визуальный образ Ильи Муромца усиливает интертекстуальную иронию и узнаваемость.

Особую коммуникативную ценность представляет практика взаимных баннеров между фанатами разных клубов. Так, в серии баннеров между «Ак Барсом» и «Салаватом Юлаевым» происходит целая дискурсивная игра, где используются отсылки к фильмам «Терминатор 2» и «Убить Билла», а также к политическим и спортивным реалиям. В таких случаях баннеры выступают как полноценные элементы фанатского диалога, где языковая игра служит инструментом идентификации, критики и репрезентации групповой солидарности.

Таким образом, анализ болельщицких баннеров и плакатов позволяет выделить целый ряд языковых стратегий, основанных на трансформации прецедентных текстов. Эти тексты выполняют не только функцию выражения мнения, но и служат средством консолидации болельщического сообщества, маркируя культурные коды и выстраивая сложную сеть символических значений, понятных внутри группы. Языковая игра в данном случае становится неотъемлемой частью субкультурной практики, демонстрируя высокий потенциал городского и фанатского дискурса как пространства творчества и социальной коммуникации.

Список использованных источников

1. Гладун, О. Д. Язык современного плаката : тенденции развития / О. Д. Гладун // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : матер. XXV Международ. заочн. науч.-практ. конф., Новосибирск, 8 июля 2013 г. – Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. – С. 154–159.

2. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Яз. рус. культ., 1999. – 541 с.

Abstract. In this article, the transformation of a precedent text is considered as one of the most expressive techniques in the creation of banner and poster art. The article presents the results of an analysis of a number of slogan texts displayed on fan banners and posters, as well as observations on the linguistic specifics of this small written genre as a form of communication between fans at sports matches. The aim of the article is to conduct a linguistic analysis of a series of slogans displayed on fan banners that contain elements of linguistic play using precedent texts.

Keywords: speech subculture; speech genres; language game; precedent text

УДК 82.09-3

Р. С. Воробьев

Научный руководитель – **В. А. Редькин**,
д-р филол. наук, профессор

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НАНАЙЦЕВ В РОМАНЕ Н. П. ЗАДОРНОВА «АМУР-БАТЮШКА»

Аннотация. В статье анализируется внешняя речь персонажа романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» Ивана Бердышова с целью выявления особенностей мышления, динамики мышления, языкового сознания нанайского народа, в среде которого Бердышов прожил длительное время. Исследуются изменения в личностной религиозно-мифологической знаковой системе и категориальном строе сознания персонажа.

Ключевые слова: Н. П. Задорнов, «Амур-батюшка», Иван Бердышов, мышление, речевая характеристика, динамика мышления, языковое сознание, нанайская культура.

В романе Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» среди многочисленных персонажей особенно выделяется Иван Бердышов – старожил, женатый на нанайке (гольдке) Ангэ. Благодаря ряду укоренившихся в нём местных представлений о домоводстве, рыбалке, охоте и проч. он оказывается таким культурным транслятором и проводником крестьян в специфику жизни коренных народов, в их бесценный для переселенцев опыт.

В связи с этим исследовательский интерес представляет внешняя речь героя, в которой ясно выражаются перенятые им у нанайцев за долгие годы жизни на Дальнем Востоке самобытные мышление, его динамика и языковое сознание.

Тема трансформации языковой личности на материале данного романа рассматривалась только в рамках проблемы национальной идентификации персонажей через проявление

«конкретных черт национальных языков в формируемом новом речевом контенте на базе русского языка» [1, с. 139] у нанайцев в статье О. В. Шаталовой. То есть вопрос перенимания Бердышовым мышления, его динамики и языкового сознания нанайцев в научной литературе ещё не поднимался.

Как мы указали выше, И. Бердышов в процессе продолжительного пребывания в среде автохтонов оказался включённым в нанайскую культурную парадигму, что проявляется как в его речи, так и в его действиях. Речь, в свою очередь, по С. Л. Рубинштейну, «является формой существования мысли» [2, с. 394], поэтому «между речью и мышлением существует единство. Но это единство, а не тождество» [2, с. 394]. Сходным образом рассуждал и Л. С. Выготский: «Отношение между этими процессами [мышления и речи. – Р. В.] не постоянная, неизменная на всём протяжении развития величина, а величина переменная» [3, с. 89]. На основании данных близких по смыслу тезисов можно сделать следующий вывод: мышление и речь имеют точки соприкосновения, в некоторой степени речь обусловлена мышлением человека. О генетической зависимости (тоже частичной) мышления и действий писал П. Я. Гальперин [4, с. 272–317].

Бердышов сушит медвежью жёлчь [5, с. 81], которая служит для местных лекарством, по следам от зубов на рыбьей голове определяет, что «лиса рыбачила» [5, с. 103]. В главе двадцать четвёртой второй книги романа представлена сцена того, как он изгоняет чёрта из больного человека в соломенное чучело, в которое после этого трижды стреляет из револьвера [5, с. 525]. Образцы операций, разворачивающиеся в границах нанайского мироздания, находят выражение в его словах русским крестьянам. Так, он даёт им совет «пороть медведя рогатиной, а ещё лучше ножом» [5, с. 102], просит их принести ему медвежьи кости – те, по нанайскому поверью, следует закоптить и отнести в тайгу, потому что «этим [...] [медведь. – Р. В.] как бы отпускается обратно, чтобы ещё раз нагулял мяса и приходил опять» [5, с. 107].

Но всё это – явные признаки, демонстрирующие видоизменённый под влиянием нанайской культурной среды категориальный строй сознания Ивана Бердышова. Изменения касаются и его личностной религиозно-мифологической знаковой системы, которая дополняется следующими элементами нанайской культуры (православная вера в нём сохраняется): соломенное чучело и стрелковое оружие (в данном случае используется револьвер с патронами) как важные элементы обряда изгнания чёрта из больного человека, при этом револьвер и патроны представлены, вероятнее всего, как переменные атрибуты обряда (до этого наверняка использовался лук), сам чёрт, из-за которого человек болеет (в соответствии с православной верой нечистый дух, вселившийся в человека, может вызвать у него психическое или нервное, но никак не соматическое или телесное заболевание [6]), медвежьи кости, печь, которая, будучи, по Г. Фреге, денотатом (предметом), обретает в контексте обряда (копчение медвежьих костей как его важный этап) трансцендентный, внебытовой сигнификат (смысл) [7, с. 230–246].

При обращении к речевой характеристике персонажа мы обнаруживаем в синтаксической структуре выстраиваемых им предложений те особенности, которые характерны для синтаксиса нанайского языка. Через речь Ивана Бердышова проявляется его языковое сознание – «закреплённый в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке» [8, с. 111–112].

Языковое сознание Бердышова вместило в себя по меньшей мере два культурных пласта, и один из них – нанайский – так или иначе проявляется в его речи. Например, в использовании предложений с резкой сменой действий (*Догонят, к лесине поставят и пристрелят* [5, с. 203]; *А тебя тронь – обида!..* [5, с. 377]), парцелированных конструкций (*У тебя молодую жену отобрали, так ты хочешь на девчонке жениться? Надо тебе! Вутешенье-то!* [5, с. 298]), предложений, не соединяемых союзами, при этом второе заключает результат того, о чём говорится в первом (*...шаманить стану – как в воду посмотрю* [5, с. 203–204]), лингвокультурных маркеров (*нárты* [5, с. 144], *ангá* [5, с. 162] –

‘мешкообразная сеть для подлёдного лова рыбы’, трава *но́кта* [5, с. 318], в которую нанайцы заворачивают ноги в мороз, и проч.), а также в частом использовании глаголов, что видно в вышеприведённых примерах. Некоторые его высказывания характеризуются лексической неполнотой, обрывистостью: *Они переселились, и старую власть по шапке...* [5, с. 437]. Свойственна его речи и препозиция зависимых членов со сказуемым в конце предложения, сравн.: *...простого гольда наши почему-то в такую заслугу произвели* [5, с. 86]; *...другой раз медведь злой будет* [5, с. 106]; *...всякое барахло норовит насовать* [5, с. 124] и т. д. Встречаются в его речи предложения с характерным для нанайского языка синтаксическим образцом: субъект – объект – предикат [9]: *...мы себе ружьё летом на баркасе возьмём* [5, с. 124]; *...сейчас меньшей лавочник, как петух, всех этих баб подряд топочет* [5, с. 143]. Предложения (преимущественно простые) с резкой сменой действий, лексической неполнотой и/или бессоюзной связью, парцелированные конструкции, частотное использование глаголов, в особенности в конце предложений – всё это передаёт динамику мышления, сходную с динамикой мышления нанайца [9]. Прожив в местах развития действия романа длительное время и переняв ряд особенностей мышления и языкового сознания нанайцев, Бердышов теперь думает, как нанец. Показательно в связи с этим то, что китайский купец Гао Да-пу отзывается о нём следующим образом: *Иван – ублюдок, наверное, даже не русский, а какой-нибудь гольд! [...] Говорит по-гольдски...* [5, с. 367].

Важно подчеркнуть, что Бердышов, в свою очередь, оказывает влияние на автохтонов. К примеру, его жена Анга учится доить корову, возвращать сельскохозяйственные культуры (ранее коренные народы не занимались животноводством и растениеводством), говорить по-русски, печь пироги с ягодами и калачи (*раньше, кроме пресных лепёшек, делать ничего не умела* [5, с. 100]). Всё это связано с её стремлением «поскорей стать русской, чтобы Иван не стыдился её» [5, с. 100]. Называя Ангу Анной, он, помимо того, что выделяет её как крещёного человека (имя Анна наверняка было дано ей при крещении), т. е. определяет её православной русской, ещё и разрушает религиозно-мифологический знак-стереотип, укоренившийся в нанайской культуре и обретший, по Г. Фреге, сигнификат (смысл) при ссылке на материальный предмет (денотат) [7, с. 230–246] – ангу: *Чудилы эти гольды, девку «сеткой» назвали... Я спросил как-то Григория [отца Анги. – Р. В.]: «Ты пошто её так назвал?» – «Как же? – говорит, – пусть сеткой зовётся, чтобы счастье ей ловилось»* [5, с. 162]. Главный герой романа Егор Кузнецов, сперва с недоверием относившийся к Анге, позднее произносит: *«Крещёная она – значит, наша»* [5, с. 117].

Таким образом, через взаимоотношения Ивана Бердышова с представителями коренных народов (в частности, с Ангой) Н. П. Задорнов показывает изменения как в мышлении, динамике мышления, языковом сознании Бердышова (русского человека), так и в мышлении и образе жизни нанайцев, тем самым транслируя идею о важности взаимовлияния народов, их приобщения к культурам друг друга в процессе освоения русскими переселенцами Дальнего Востока, его включения в состав Российского государства.

Список использованных источников

1. Шаталова, О. В. Проблема национальной идентификации персонажа художественного произведения : грамматический аспект / О. В. Шаталова // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 2 (46). – С. 132–142.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 712 с.
3. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2 : Проблемы общей психологии. – 504 с.
4. Гальперин, П. Я. Психология как объективная наука : избранные психологические труды / П. Я. Гальперин. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1998. – 480 с.

5. Задорнов, Н. П. Амур-бабушка / Н. П. Задорнов. – СПб. : Азбука, 2023. – 800 с.
6. Митрополит Георгий (Ярошевский). Демонические болезни. Богословско-психологический очерк [Электронный ресурс] / митрополит Георгий (Ярошевский) // Азбука веры : сайт. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Yaroshevskij/demonicheskie-bolezni/. – Дата доступа : 25.09.2025.
7. Фреге, Г. Логика и логическая семантика : сборник трудов / Г. Фреге. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
8. Кабанова, О. Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке / О. Я. Кабанова, П. Я. Гальперин // Управление познавательной деятельностью учащихся. – М. : Издательство МГУ, 1972. – С. 109–133.
9. Нанайский язык [Электронный ресурс] // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения : сайт. – Режим доступа : <https://lingsib.ica.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml>. – Дата доступа : 27.09.2025.

Abstract. The article analyzes the external speech of Ivan Berdyshov, a character from Nikolai Zadornov's novel “Amur Saga”, to determine how it reflects the peculiarities of thinking, the dynamics of thinking, and the linguistic consciousness of the Nanai people, among whom Berdyshov lived for a long time. Additionally, the article identifies changes in the character's personal religious and mythological sign system and the categorical structure of his consciousness.

Keywords: N. P. Zadornov, “Amur Saga”, Ivan Berdyshov, thinking, speech characteristics, dynamics of thinking, linguistic consciousness, Nanai culture

УДК 81'354:37.091.33-028.22:373.5

Т. В. Гарусова
Научный руководитель – **О. Н. Мельникова**,
канд. филол. наук, доцент

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ И ПУНКТУАЦИОННОЙ ЗОРКОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения геймификации в образовательном процессе в средней школе. Основное внимание уделено возможностям использования популярного интернет-ресурса «Грамота.ру» для формирования и развития орфографических и пунктуационных навыков учащихся. Автор анализирует интерактивные задания, доступные на платформе, и оценивает их дидактический потенциал.

Ключевые слова: орфография, пунктуация, метод, зоркость, геймификация, интерактивность.

Орфографическая и пунктуационная зоркость – это два взаимосвязанных навыка, которые составляют основу грамотного письма. Орфографическая зоркость – это умение замечать орфограммы, т.е. те места в слове, где можно допустить ошибку. Пунктуационная зоркость – умение замечать места в предложении, где требуется постановка знаков препинания; иными словами, это «чутьё» на структуру предложения, на интонацию и смысл, которые требуют выделения. Оба навыка обеспечивают безошибочное и осмысленное оформление письменной речи, поэтому развивать их следует параллельно. В основе развития зоркости – как орфографической, так и пунктуационной – лежит принцип осознанности [1]. Теоретическое осмысление проблемы формирования орфографической и пунктуационной зоркости неразрывно связано с дидактической задачей поиска инновационных методов и приёмов обучения орфографии и пунктуации в средней школе.

Современный урок русского языка требует применения новаторских решений и подходов, которые значительно повышают эффективность и доступность образовательного процесса, делают его более гибким и адаптированным к изменениям в социальной и технологической среде. Одним из методических инструментов, позволяющих сделать обучение более эффективным и увлекательным, является геймификация – использование игровых элементов в учебном процессе [2].

Применение этого методического подхода позволяет создать позитивную образовательную среду, в которой учащиеся могут свободно проявлять интерес к изучению орфографии и пунктуации. Принципы геймификации основаны на элементах игры, таких как соревнования, награды и прохождение уровней, что мотивирует учащихся активно участвовать в учебном процессе. Исследования показывают, что такой подход помогает сформировать прочные навыки, так как игровая среда способствует многократному повторению материала и его эффективному усвоению. Подобные занятия развивают навыки самоконтроля и самостоятельности, поскольку ученики видят свои ошибки и могут оперативно их исправить.

По мнению С.В. Ильиных, использование элементов игры на уроке помогает учителю организовать групповую работу и стимулируют сотрудничество между учениками. К примеру, применение различных заданий в соревновательном помогает не только закрепить орфографические и пунктуационные правила, но и развить навыки коммуникации и командного взаимодействия [3]. Совместное участие в игровых заданиях способствует повышению уровня вовлеченности, так как ученики чувствуют поддержку своих одноклассников и испытывают дополнительную мотивацию к достижению общих целей. Таким образом, геймификация формирует у учащихся чувство сопричастности и ответственности, что оказывает положительное влияние на их учебную мотивацию и интерес к предмету.

Геймификация в учебном процессе может осуществляться с применением различных интернет-ресурсов. Одной из наиболее авторитетных цифровых платформ, которая аккумулирует всю информацию о русском языке для широкого круга пользователей, является справочно-информационный портал «Грамота.ру». В его задачи входит предоставление самых актуальных и авторитетных сведений о современном русском языке, его нормах и правилах, стилях, сферах функционирования, истории и развитии, о законодательных актах, регулирующих его использование. Для решения этих задач команда портала опирается на экспертное мнение лингвистов (прежде всего русистов, специалистов по культуре речи, коммуникации) и на возможности современных информационных технологий. Основным партнером Грамоты среди научных организаций является Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

На сайте представлены различные разделы: справочная служба (отвечает на вопросы пользователей, касающиеся всего спектра правил русского языка); словарная база (содержит десятки словарей и более пяти миллионов словарных единиц); библиотека (несколько справочников, составленных сотрудниками Грамоты на основании ответов на самые частые вопросы, задаваемые справочной службе); журнал (профильное медиа, в котором публикуются новости, научно-популярные статьи, интервью с ведущими российскими лингвистами, обзоры книг, журналов, лекций и других источников знаний о русском языке и языке в целом); учебный раздел для школьников, студентов, преподавателей русского языка и иностранцев, изучающих русский язык (содержит правила для разных уровней подготовки, интерактивные упражнения, диктанты и другие тренажеры, материалы для учителей); издательство (представляет выпущенные под брендом Грамоты словари, энциклопедии, справочники, а также учебные пособия и научно-популярные издания). В разделе «Учебник грамоты» пользователь может ознакомиться с интересующим его орфографическим или пунктуационным правилом и проверить свои знания на практике с последующей онлайн проверкой. На сайте также есть раздел «Интерактивные упражнения: от простого к сложному», который можно эффективно интегрировать в урок русского языка. К примеру, упражнение на правописание чередующихся гласных в корне слова представлено на трёх уровнях:

«Азы», «Основы» и «Тонкости» [3]. При этом ученики не просто читают правила, а сразу видят примеры, слышат произношение и могут выполнять задание. Современный интерфейс, наглядные таблицы, аудио – всё это делает изучение сложных тем более доступным.

Учебник можно использовать на разных этапах урока. Так, при объяснении темы «Правописание -н- и -nn- в причастиях и отглагольных прилагательных» работа на уроке может быть построена следующим образом:

- 1) актуализация знаний (устный опрос);
- 2) обращение к ресурсу (соответствующая глава учебника на интерактивной доске);
- 3) совместный разбор (совместное чтение правила с опорой на ключевые примеры, воспроизведение аудиозаписи правильного произношения слов, например, *кованый – подкованный*);
- 4) первичное закрепление (выполнение 1-2 интерактивных упражнений).

На этапе закрепления материала можно использовать как индивидуальные, так и групповые виды работы. Индивидуальная работа в компьютерном классе может быть построена на разработанных учителем карточках с заданиями, например: «Изучите в «Учебнике грамоты» тему «Склонение числительных» и выполните предложенные интерактивные упражнения. Результаты (скриншот или запись в тетради) сдайте на проверку». Работа в группах может осуществляться в соответствии с заданиями: группа 1 работает над темой «Знаки препинания при вводных словах», группа 2 – «Знаки препинания при оформлении прямой речи» (Учебник грамоты, раздел «Пунктуация»). Задание при выполнении подобного вида работы может быть сформулировано следующим образом: «Изучить материал, составить краткий конспект по теме и подготовить 3 своих примера». Следует отметить, что применение данного интернет-ресурса – это эффективный инструмент работы с разноуровневыми группами учеников.

Следует отметить, что учебник грамоты на портале «Грамота.ру» – это не замена традиционному учебнику русского языка, а его современное дополнение, которое позволяет перевести скучное заучивание правил в формат активного, наглядного и увлекательного взаимодействия с языком. Данный ресурс следует использовать как один из источников достоверной информации, тренажёр для отработки навыков и площадку для различных творческих заданий.

Таким образом, применение информационных технологий на уроках русского языка способствует формированию у учащихся навыков орфографической и пунктуационной зоркости. Интерактивные технологии помогают лучше усвоить и закрепить полученные знания.

Список использованных источников

1. Международный педагогический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya/>. – Дата доступа : 07.10.2025
2. Мультиурок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://multiurok.ru/files/ispolzovaniie-innovatsionnykh-tiekhnologhii-na-11.html>. – Дата доступа : 07.10.2025
3. Учебник грамоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gramota.ru/uchebnik>. – Дата доступа : 14.10.2025

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of the use of gamification in the educational process in secondary schools. The main attention is paid to the possibilities of using the popular Internet resource “Gramota.<url>” for the formation and development of spelling and punctuation skills of students. The author analyzes the interactive tasks available on the platform and evaluates their didactic potential.

Keywords: spelling, punctuation, method, vigilance, gamification, interactivity.

Я. П. Голуб
Научный руководитель – **В. П. Дигадюк**,
канд. филол. наук, доцент

ИНТРОДУКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ РЕТРОСПЕКЦИИ В РОМАНЕ АГАТЫ КРИСТИ «ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАЙЛЗЕ»

Аннотация. В статье исследуется интродуктивная функция ретроспекции в романе Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе». Интродуктивная ретроспекция активно формирует ожидания читателя, устанавливает контекст, представляет персонажей, создает атмосферу и зарождает загадку. Рассматриваются различные способы реализации этой функции, демонстрируя ее ключевую роль в нарративном построении и управлении вниманием читателя.

Ключевые слова: лингвистика текста, прагматика текста, ретроспекция, интродуктивная функция, функции ретроспекции.

В последние годы лингвистика текста утвердилась как ключевая дисциплина в языкознании. Важным направлением современной прагматики текста является анализ текстовых категорий, их функций и взаимосвязей. Цель данной работы – исследовать интродуктивную роль ретроспекции в художественном произведении. В качестве материала для анализа служит роман Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе».

Первыми, кто начал изучать ретроспекцию, были литературоведы. Однако и в лингвистике текста существует множество работ, посвященных категории времени. Особый интерес ученых вызывают функции ретроспекции (работы Н. Ф. Ржевской, Н. В. Брусковой, Я. А. Чиговской и других).

Лингвист И. В. Тивьяева, анализируя английскую художественную литературу, выделила следующие функции ретроспективных сверхфразовых единиц (РСФЕ): акцентирующую, эксплицирующую, нарративную, интродуктивную, компаративную, сюжетобразующую, сюжеторазвивающую и интегрирующую. Исследователь отмечает, что «РСФЕ являются полифункциональными текстовыми структурами, в которых одни функции могут перекрывать другие, поскольку ни одна функция не реализуется изолированно в тексте» [1, с. 98–99]. Данная классификация функций РСФЕ основана на доминирующей функции на определенном участке повествования.

Особое внимание в исследовании уделяется интродуктивной функции ретроспекции, которая реализуется в портретных и психологических характеристиках действующих лиц, а также в описаниях места событий. Так, РСФЕ используется для сообщения читателю информации либо о новом действующем лице (предмете, месте и т. п.) при его появлении в произведении, либо об уже известном герое при необходимости ввода дополнительной информации.

Вслед И. Р. Гальпериным, исследователь И. В. Тивьяева считает, что РСФЕ, реализующие интродуктивную функцию, появляются в тексте при необходимости сообщения дополнительной информации об уже известном читателю герое или месте действия, или при вводе в повествование нового персонажа, или при переносе действия в новое место. При этом интродуктивные РСФЕ могут давать всеобъемлющую характеристику героя или места действия или характеризовать их лишь с одной стороны. Как правило, РСФЕ в данной функции выступают как часть описания, однако могут также выступать и как часть повествования (когда автор дает психологическую характеристику героя через его прошлые поступки) или как часть повествования с элементами описания (при представлении читателю нового действующего лица) [1, с. 120].

Следующий фрагмент из Агаты Кристи демонстрирует интродуктивную роль ретроспекции: «– Я, думаю, первое», – сказала миссис Оливер. – То есть тогда я так не

думала, я просто решила, что она смутно напоминает нечто такое, что когда-то видела, и слегка приукрасила, чтобы придать своим словам убедительности. Она очень разволновалась, повторяя: «Я видела это, говорю я вам. Я видела, как это случилось...» И поэтому я пришла к вам, – добавила писательница. – Ибо, как мне представляется, единственным разумным объяснением тому, что ее убили, может быть лишь тот факт, что убийство действительно имело место и она его видела» [2, с. 41]. В этом диалоге интродуктивная функция ретроспекции присутствует не напрямую, а через пересказ миссис Оливер слов другого персонажа (девушки, видевшей «это»). Мы не видим непосредственно «видение» девушки, а слышим интерпретацию этого видения миссис Оливер и её собственные размышления. Это косвенное ретроспективное включение служит для введения читателя в центральную предпосылку романа – убийство и возможного свидетеля. Смутное воспоминание девушки и вывод миссис Оливер постепенно погружают читателя в глубину тайны. Это создает эффект интриги и недосказанности, подготавливая читателя к дальнейшему развитию сюжета и раскрытию тайны произошедшего убийства. Главная цель – не показать само событие, а посеять зерно сомнения и подозрения, побуждая читателя к активному поиску правды.

В данном контексте интродуктивная функция проявляется в следующем: – *Мне с огромным трудом удавалось сдерживать волнение. Сама того не осознавая, Энни предоставила нам важную улику. Как бы она изумилась, если бы узнала, что ее «крупная поваренная соль» оказалась стрихнином, одним из самых смертельных ядов, известных человечеству. Но меня также изумило спокойствие Пуаро. Его сдержанность была поразительна. Я с нетерпением ждал его следующего вопроса, но он разочаровал меня* [2, с. 82]. Как видим, интродуктивная функция ретроспекции реализуется через концентрированную подачу критически важной информации о прошлом, которая устанавливает ключевые факты, вводит важного персонажа и его невольную роль, зарождает центральную загадку и интригу. Наличие интродуктивной функции в данном контексте подготавливает читателя к дальнейшему развитию сюжета, фокусируя его внимание на определенных аспектах дела, а также очерчивает динамику персонажей, предвосхищая последующие ходы расследования. Посредством этого краткого ретроспективного намека читатель получает необходимую «отправную точку» для погружения в детективный сюжет, формируя базовое понимание преступления и ожидая дальнейших откровений.

Таким образом, ретроспекция в «Загадочном происшествии в Стайлзе» не только служит для реконструкции прошлых событий, но и выполняет решающую интродуктивную функцию. Она вводит читателя в мир романа, рассеивая важные сведения, создавая интригу и пробуждая любопытство к грядущим событиям. Ретроспекция, таким образом, является существенным инструментом нарративного построения, который активно вовлекает читателя в процесс поиска истины.

Список использованных источников

1. Тивьяева, И. В. Ретроспективные сверхфразовые единства : формы и функции : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Тивьяева ; Воронежский гос. ун-т. – Тула, 2007. – 172 л.
2. Кристи А. Загадочное происшествие в Стайлзе : роман / А. Кристи ; пер. с англ. А. В. Бушева, Т. С. Бушевой. – М. : Эксмо, 2022. – 320 с.

Abstract. This article examines the introduced function of retrospection in Agatha Christie's novel "The Mysterious Incident at Styles". Introduction retrospection goes beyond communicating information about the past, actively shaping the reader's expectations, establishing context, introducing characters, creating an atmosphere and creating a mystery. The article discusses various ways to implement this function, demonstrating its key role in the narrative construction and management of the reader's attention.

Keywords: linguistics of the text, pragmatics of the text, retrospection, introduction function, functions of retrospection.

С. П. Гостев

Научный руководитель – С. Ю. Николаева,
д-р филол. наук, профессор**ПОЭТИКА ВОЕННОЙ ПРОЗЫ О. ЕРМАКОВА
В ЦИКЛЕ «АФГАНСКИЕ РАССКАЗЫ»**

Аннотация. В статье рассматривается художественное своеобразие цикла О. Ермакова «Афганские рассказы», а также его подход к раскрытию батальной темы в русской прозе. Главная особенность цикла – хронотоп, где противопоставляются мирное и военное время. Глубокая связь индивидуального опыта солдат и коллективной памяти народа подчеркивает важность исторической памяти в контексте военных действий.

Ключевые слова: современная военная проза, О. Ермаков, война, Афганистан, батальная проза.

Вопросы бессмысленности войны, скрытой от восприятия россиян, а также абсурдность самой идеи войны становятся центральными темами современной военной прозы. Эпизодические операции на чужих территориях и изображение участников конфликта, стремящихся провести время в бездействии, чтобы вернуться домой, отражают локальные войны прошлых десятилетий. Главный герой, принявший участие в боевых действиях, изображается как солдат, который, вернувшись, понимает, что его опыт никому не известен. Поскольку воюет не вся нация, многие не понимают состояние, в котором пребывает герой: *Война – это боль, страх и смерть. Но война – это и память. Память о тех, кто не вернулся. Память о тех, кто прошел через ад и вернулся другими, не такими, как прежде. Память о тех, кто еще только идет навстречу этой боли и страху. Война – это память, которая не дает забыть о цене, которую платит человек за право жить в мире* [1, с. 142]. Это создает глубокий разрыв между личным опытом солдат и общественным восприятием войны.

Такой тип героя представлен О. Н. Ермаковым в цикле «Афганские рассказы». Главная особенность этого цикла – хронотоп, где противопоставляются мирное и военное время: «В шести текстах цикла идет постепенное движение от «своего» к «чужому» и отчуждению «своего». Диада «свое» – «чужое», реализуемая на пространственном уровне, мифологична, и эта отсылка неслучайна: уже в «Афганских рассказах» О. Ермаков начинает конструировать свой миф об афганской войне, максимально полно развернутый в романе «Знак зверя», что, однако, не мешает автору быть предельно точным, а порой и натуралистичным в деталях [2, с. 102]. О. Ермаков выстраивает систему лейтмотивов, позволяя читателю прожить жизнь человека, отправившегося на войну. Каждый рассказ следует хронологической последовательности, начиная от «своего» к «чужому», что создает миф об афганской войне, максимально развернутый в романе «Знак зверя». Эта мифологизация не мешает автору быть предельно точным, а порой и натуралистичным в деталях, что усиливает восприятие событий.

Первый рассказ «Весенняя прогулка» подводит читателя к событиям войны в Афганистане. Главный герой, Витя, прощается со своей возлюбленной, проводя последний день перед армией. Их общение пронизано неловкостью, так как они понимают, что вскоре расстанутся. Витя задается вопросом о смысле их прогулки, осознавая, что не успеет показать все свои любимые места. В конце рассказа возникает разговор о войне, который подчеркивает неопределенность и страх перед будущим. В этом контексте О. Ермаков показывает, как личные переживания героев переплетаются с глобальными, не зависящими от них событиями, создавая атмосферу тревоги и ожидания.

Во втором рассказе, охватывающем военные действия, О. Ермаков задает тон всему повествованию. Название «Н-ская часть провела учения» отсылает к тому, как в советской

прессе сообщалось о боях в Афганистане. Повествование ведется в стиле военного репортажа, где основными действующими лицами являются сержант, пулеметчик и пленный. О. Ермаков поднимает вопрос нравственности на войне: стоит ли сопереживать врагу? Этот момент раскрывает человеческую сущность в условиях войны, когда жизнь и смерть зависят от мгновенных решений. Сопереживание пленному становится для одного из героев моральной дилеммой, показывая, что даже в условиях войны сохраняется человечность.

Третий рассказ «Зимой в Афганистане» описывает быт солдат, когда боевых операций практически не было. О. Ермаков акцентирует внимание на внутренней жизни армии и сложных отношениях между военнослужащими. Взаимодействие между солдатами, их споры и конфликты служат отражением более широкой социальной системы. В конце рассказа один из солдат, Стодоля, осознает личную значимость веры, что противопоставляет его другим персонажам, погруженным в безверие. Этот момент подчеркивает, что даже в самых мрачных условиях можно найти свет надежды и смысл.

В рассказе «Марс и солдат» повествование ведется от лица солдата Сорокопутова, который, вернувшись с войны, предается воспоминаниям. О. Ермаков использует символику, противопоставляя мирное время и военное. Образы книги о жизни и опавших листьях представляют собой продолжение рода и утрату. Автор поднимает вопросы бессмысленности войны и ответственности государства перед гражданами, подчеркивая, что в этой войне не было священной цели, ради которой стоило бы отдавать жизнь. Это создает критический взгляд на роль государства в конфликтах, где солдаты становятся жертвами абстрактных интересов.

В художественном мире О. Ермакова человек оказывается в замкнутом пространстве войны, которое проникает и в мирную жизнь, изменяя его. Все шесть текстов, несмотря на различия в сюжете, объединяет тема одиночества. Уже в начале первого рассказа герой стремится к уединению с природой, что воспринимается как желаемое состояние, позволяющее глубже понять себя и окружающий мир. В следующем произведении одиночество становится не только привычным, но и пугающим: находиться рядом с другими не означает быть с ними связанным. В условиях войны, происходящей в «чужом» пространстве, человек испытывает экзистенциальную изоляцию. Стодоля, главный герой рассказа «Зимой в Афганистане», живет в состоянии отчуждения, которое, с одной стороны, является его личным выбором, а с другой – следствием обстоятельств войны, в которую он попал против своей воли. Кульминация темы одиночества достигается в рассказе «Марс и солдат», где оба героя испытывают глубокую изоляцию, что подчеркивается их физическим расположением и внутренними монологами. Сорокопутов заперт в гроте, а старик одинок в своей крошечной квартире, что отражает их внутренние переживания и состояние. Принципы организации повествования и ключевые темы, представленные в этих текстах, становятся основой всей «афганской» прозы О. Ермакова. Они развиваются и изменяются от одного произведения к другому, углубляя понимание человеческой судьбы в условиях войны. Каждый новый рассказ раскрывает различные аспекты одиночества, отчуждения и внутренней борьбы героев.

Цикл «Афганские рассказы» О. Ермакова исследует психологические аспекты войны, акцентирует внимание на сложных взаимоотношениях личности и общества. Глубокая связь индивидуального опыта солдат и коллективной памяти народа подчеркивает важность исторической памяти в контексте военных действий. В произведениях О. Ермакова читатель видит, как война влияет на судьбы людей, их внутренний мир и отношения с окружающими. Это создает многослойный нарратив, в котором каждый элемент служит для раскрытия глубины человеческого опыта.

Список использованных источников

1. Ермаков, О. Н. Афганские рассказы / О. Н. Ермаков. – М. : Вече, 2016. – 358 с.
2. Садовникова, Т. В. Поэтика «Афганских рассказов» О. Ермакова / Т. В. Садовникова // Филологический класс. – 2013. – № 2(32). – С. 102–105.

Abstract. The article examines the artistic originality of O. Ermakov's cycle "Afghan Stories", as well as his approach to exploring the theme of war in Russian prose. The main feature of the cycle is its use of chronotope, which contrasts peaceful and war-torn times. The deep connection between the individual experiences of soldiers and the collective memory of the nation highlights the importance of historical memory in the context of warfare.

Keywords: contemporary military prose, O. Ermakov, war, Afghanistan, battle prose.

УДК 821.161.1

Т. К. Гридневская-Кокина

Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова,**

канд. филол. наук, доцент

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. НАБΟКОВЫМ РОМАНА
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
(«ПРЕДИСЛОВИЕ» К ПЕРЕВОДУ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам интерпретации В. Набоковым текста романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. В. Набокову-критику созвучно мировосприятие М. Ю. Лермонтова, однако его оценки стиля поэта субъективны, необычны акценты в примечаниях перевода. Слову В. Набокова-переводчика присуща высокая образность, уникальны историко-литературные воззрения на отечественную литературу XIX в.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», В. Набоков, «Предисловие» к переводу романа на английский язык, особенности интерпретации текста.

«Предисловие» В. Набокова к переводу романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) на английский язык в отечественном литературоведении изучается почти полвека: [1], [2], [3]. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в исследованиях о Набокове-переводчике в настоящий момент не в полной мере выявлены истоки суждений писателя-критика, его интерпретации классического романа XIX в. в переводе на английский язык. В XXI в. «возрос интерес российских и зарубежных читателей к литературным произведениям русских классиков девятнадцатого века и их переводам» на другие языки [4, с. 328]. Читателям хорошо известна классическая работа В. Г. Белинского, посвященная «Герою нашего времени» [5], в наши дни велик интерес к личности великого поэта [6]. Литературоведение XXI в. генеалогию главного героя Печорина ведет от героев Байрона, прослеживается связь между Печориным и Онегиным, а также с последующими героями (Обломов).

Рассмотрим «Предисловие» Набокова, с точки зрения суждений автора-литературоведа и одновременно как переводчика [7, с. 99]. Источником суждений Набокова-литературоведа является глубокое постижение «смыслов» в поэтических произведениях: привлекается текст стихотворения Лермонтова «Сон», схожего в своем «переплетении пяти рассказов, составивших роман Лермонтова «Герой нашего времени» [8, с. 526] (появляются три рассказчика). Набоков поясняет англоязычному читателю сюжетно-композиционную структуру, хронологию событий: важность «фокуса» спиральной композиции в приближении читателя к главному герою, при этом «размытой» становится временная последовательность. В тексте выявлены «несообразности» – «одна другой примечательнее» [8, с. 528], однако увлеченный читатель не замечает их в стремительности, мощи повествования и ощущения захватывающей цельности произведения. Набоков выделяет роль подслушивания в реализации замысла и объясняет прием стремлением автора «двигать сюжет, а вовсе не тем, как разнообразить и шлифовать его» [8, с. 529].

Принцип мастерства перевода выражается в «верности и адекватности оригиналу» [8, с. 531]: бывает, переводчик «*приносит в жертву требованиям точности целый ряд*

существенных компонентов: *хороший вкус, красоту слога и даже грамматику (в тех случаях, когда в тексте встречается характерный солецизм)*» [8, с. 531]. В восприятии Набокова «проза Лермонтова далека от изящества», *«она суха и однообразна»* [8, с. 531]. С лингвистической точки зрения, Набокову, к примеру, становится очевидной *«масса стилистических «огрехов», «корявых» выражений, речевых штампов»* [7, с. 99] и повторов, которые особенно заметны при дроблении предложений на «составные элементы». Столь пристрастное отношение к точности слова сочетается с интересными наблюдениями: пренебрежение автора к точным оттенкам цветового спектра, что в принципе было свойственно писателям XIX в., а замена их «несколькими курьезными эпитетами», с точки зрения Набокова есть дань литературной традиции.

Трактовка Набоковым «Предисловия» Лермонтова состоит в утверждении созданной автором искусной мистификации, которая на самом деле являет миру «скушающего чудака», как «продукта нескольких поколений, в том числе нерусских» [8, с. 534].

Во-первых, «анализ языковой стороны прозы поэта» [7, с. 99], попытка пояснить англоязычному читателю необычность структуры, субъекта повествования, во-вторых – пояснение своеобразной «неумелости» Лермонтова-прозаика. Тем не менее «в конечном счете <...> общее впечатление возникает благодаря чудесной гармонии всех частей и частных в романе» [8, с. 537].

В переводе романа 1958 г. главный герой произведения «Герой нашего времени» Григорий Александрович Печорин представлен как образ неоднозначный, и поэтому Набоков полагает уместным предостеречь читателя от возможных ошибок в его восприятии. Лермонтову удалось создать тип, склонный к рефлексии, цинизму, романтическим порывам, душевной тонкости, неспособности к дружбе и потребности повелевать, несмотря на то, что в дружбе для него это «труд утомительный» [9, с. 207], а также сочетающего в себе «горячую кровь и холодную голову, ласковость и мрачность, мягкость и жестокость» [8, с. 535], что привлекает читателей разных стран и поколений, увлеченных яркими образами героев приключенческой литературы. «Приключенческий жанр давал ему возможности обобщить романтический опыт, создать русский роман, ввести его в общеевропейское русло и сделать достоянием профессиональной литературы и массового читателя» [10, с. 139]. Набоков указывает на прием случайности, помогающий помогает автору «сочетать традиционное описание романтических приключений (любовные интриги, ревность, мщение и тому подобное) с повествованием от первого лица» [8, с. 529] в сочетании с эпистолярным жанром.

Автор «Предисловия» скрупулезно восстанавливает точную датировку в хронологии событий романа, ведет расследование в процессе комментария текста.

Неточность замечена в «Тамани», где русалка хочет вытолкнуть за борт Печорина. Из главы следует: *«читателю просто не приходит в голову задуматься, из чего, собственно, русалка в “Тамани” заключила, что Печорин не умеет плавать»* [8, с. 529], хотя автор не поясняет, а лишь герой уточняет в журнале после произошедшего, что не умеет плавать. Девушка могла просто иметь намерение утопить героя, видя свои преимущества в избавлении от него таким образом, где она даже ловко смогла вытащить пистолет и выкинуть его в воду.

Специально Набоков анализирует значение темы Судьбы. В лучшем рассказе «Фаталист» происходят события, заставляющие Печорина принять свою «эгоистичность». «Заочная дуэль», о которой пишет Набоков, происходит между Григорием Печориным и Вуличем: *«все предуготовления к смерти берет на себя не фатоватый драгунский капитан, но сама Судьба»* [8, с. 529].

Отмечается Набоковым в «Княжне Мери» особая «перекличка»: Печорин – романтическая тень М. Ю. Лермонтова, а Грушницкий – гротескная тень Печорина, а ещё ниже слуга, напыщенный лакей, Печорина, ранее присутствующий в «Максими Максимыче». Драгунский капитан *«едва ли поднимается выше заурядного комического персонажа»*

[8; 536], раздражает своими частыми тайными интригами, что сравнимо В. Набоковым с не менее раздражительными прыжками и пением «дикарки» в «Тамани». Возвращаясь к части «Княжна Мери», переводчик констатирует очевидные, с его точки зрения, неудачи работы Лермонтова с женскими образами: Мери лишена индивидуальных черт, просто типичная барышня из романов; Вера – *совсем уже придуманная со столь же придуманной родинкой на щеке*; Бэла – *восточная красавица с коробки рахат-лукума* [8 с. 536]. Очевидна ирония: автор не демонстрирует и толики глубины.

Завершается комментарий утверждением целомудрия и бесхитростности повествования в русском романе. Лермонтов постарался отделить себя от героя, но внимательный читатель способен понять, что трагичность судьбы автора проецируется на судьбу Печорина. Переводчик не упускает из вида ни одной детали – выразительной и изобразительной. Ему удастся перевести на английский язык суть лермонтовского приема: внешняя линия (фабульная, изобразительная) взаимодействует с внутренней (психологической) линией сюжета. Набоков являлся пристрастным читателем и проницательным критиком, способным объективно принять реальность, в которой был создан «Герой нашего времени», передать глубину содержания читателю.

Список использованных источников

1. Баканова, М. А. В. В. Набоков – исследователь русской литературы : приемы организации макротекста : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М. А. Баканова ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2004. – 167 с.
2. Гусейнова, Э. Р. Художественные стратегии В. В. Набокова в лекциях по русской и зарубежной литературе как текстопорождающий фактор : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Э. Р. Гусейнова ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2014. – 17 с.
3. Нестерова, Н. М. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова : перевод и комментарий В. Набокова / Н. М. Нестерова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – №6 (75). – С. 98–100.
4. Мирасова, Э. В. Классификация переводческих ошибок (на материале перевода повести А. С. Пушкина «Метель» на французский язык) / Э. В. Мирасова // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов IV Междунар. молод. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г. / Под ред. С. В. Рудаковой. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. – С. 327–334.
5. Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – Т. IV : 1840–1841. Статьи и рецензии. / Текст подгот. и коммент. сост. Л. Н. Назаровой и др. ; ред. Н. Ф. Бельчиков. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 675 с.
6. Погребная, Я. В. Лермонтовский миф как компонент художественного мира В. В. Набокова [Электронный ресурс] / Я. В. Погребная // «lermontov-lit». – Режим доступа : <https://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/pogrebnaaya-lermontovskij-mif.htm>. – Дата доступа : 04.06.2025.
7. Нестерова, Н. М. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова : перевод и комментарий В. Набокова / Н. М. Нестерова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – №6 (75). – С. 98–100.
8. Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода : в 5 т. [Электронный ресурс] / В. В. Набоков ; сост. Н. И. Артеменко-Толстой. – Т. 1. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 815 с. – Режим доступа : <https://imwerden.de/publ-10509>. – Дата доступа : 04.06.2025.
9. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов ; отв. ред. О. В. Миллер ; Ин-т русской лит. (Пушкинский дом) Российской акад. наук. – Т. 4 : Проза. Письма, 1827–1841 / отв. ред. Н. Г. Охотин. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. – 670 с.
10. Вайль, П. Л. Родная речь. Уроки изящной словесности / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – М. : АСТ ; CORPUS, 2022. – 352 с.

Abstract. The article is devoted to current issues of V. Nabokov's interpretation of the text of the novel "A Hero of Our Time", the personality and work of M. Yu. Lermontov. V. Nabokov the critic is

consonant with M. Yu. Lermontov's worldview, however, his assessments of the poet's style are subjective, and the emphasis in the notes to the translation is unusual. Word Nabokov the translator is characterized by a high level of imagery, unique historical and literary perspectives on 19th-century Russian literature.

Keywords: M. Yu. Lermontov's "A Hero of Our Time", V. Nabokov's "Preface" to the English translation of the novel, and interpretation of the text.

УДК 372.881.161.1

Е. И. Грищенко
Научный руководитель – **Е. М. Дубровская**,
канд. филол. наук

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ РАСКРЫТИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПАРЕМИЙ НА УРОКЕ РКИ

Аннотация. Статья раскрывает богатый лингвострановедческий потенциал паремий как эффективного ресурса на уроке РКИ. Рассматриваются методические возможности использования игрового формата для работы с паремиями. Предлагается концепция дидактической игры, которая обладает четко выраженной дидактической целью, характеризуется комплексностью подхода к освоению и отработке материала.

Ключевые слова: паремиология, пословицы, лингводидактика, лингвострановедение, лингвострановедческий потенциал, игровой формат.

Лингвострановедение является неотъемлемой и, без преувеличения, одной из самых увлекательных составляющих в процессе изучения иностранного языка, в том числе русского (далее – РКИ). Цель этого направления – не просто научить лексике и грамматике, а открыть для учащегося мир культуры, менталитета и национальной специфики носителей языка. Центральными объектами изучения в данной парадигме становятся слова и выражения, которые обладают культурно-историческим фоном и требуют комментирования для полного понимания семантики и коммуникативной ценности единицы. В качестве таких единиц могут быть выделены как отдельные лексемы, так и фразеологизмы, паремии, афоризмы и т. д.

В данной работе рассматриваются возможности использования пословиц на уроках РКИ. Паремии, будучи малым жанром народного фольклора, репрезентируют базовые модели устной коммуникации. Работа с такими моделями в ходе урока формирует и закрепляет у студентов важные когнитивные и коммуникативные навыки, связанные с распознаванием и считыванием смысла высказываний различных структур. Иными словами, включение именно паремий в уроки РКИ позволяет приблизить и адаптировать студентов к ситуациям реального общения.

Важно заметить, что лингводидактический потенциал паремиологического фонда русского языка неоднороден. В первую очередь эта черта проявляется в объёме лингвострановедческой информации, носителем которой может являться та или иная пословица. Наиболее богатым в этом плане представляется пласт паремий, в составе которых присутствует безэквивалентная лексика – «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [1, с. 43]. Примечательно, что по своим функциям и характеристикам безэквивалентная лексика схожа с описанными О. В. Ломакиной этнолингвомаркерами, представляющими собой «компоненты паремии (включая фразеологизмы и крылатые выражения), которые запечатлевают национальное своеобразие, “культурную память” народа и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [2, с. 120].

Спроецировав теоретические положения паремиологии на лингводидактику, можно сделать вывод о том, что наиболее объёмным учебным потенциалом обладают паремиологические единицы, в составе которых есть лексемы следующих групп: советизмы, наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, названия географических объектов, имена собственные, клички животных и названия народов.

Паремиологические единицы, в составе которых есть лексемы из перечисленных выше групп, обладают двухуровневым лингвострановедческим потенциалом. Данный феномен заключается в том, что культурная информация в них представлена эксплицитно на уровне общего концепта и имплицитно на уровне компонентов, т. е. этнолингвомаркеры. На уровне концепта усваивается семантика единицы, то есть общая народная мудрость, тогда как на уровне этнолингвомаркера происходит погружение в конкретные культурно-исторические реалии и коннотации, что в совокупности и создаёт эффект глубокого и многогранного усвоения культурного кода.

Методическая ценность паремий признана многими авторами современных учебников по РКИ – составители последовательно включают пословичный материал в разработанные уроки. В качестве примера рассмотрим подход, представленный в серии учебников «Точка ру» (авторы: О. А. Долматова и Е. М. Новачац) [3; 4; 5]. Работа с устойчивыми выражениями, включая паремии, в них построена следующим образом: впервые студент встречает пословицы на обложке учебника уровня А1; дальнейшее знакомство с паремиями происходит уже на следующих уровнях владения языком – каждый урок заканчивается специальным блоком, в котором приводится выражение, его краткая семантизация и дословный перевод на английский язык, а также иллюстрация в виде контекстуального употребления. В качестве дополнительного инструмента интеграции пословиц авторы используют названия уроков, однако только на уровне А2 и выше.

В рамках стандартного урока, цель которого представить или закрепить конкретный грамматический и лексический материал, полноценная работа по декодированию имплицитных смыслов, заключённых в составе пословицы, как правило, остаётся за рамками аудиторной деятельности. Чаще всего паремии служат в качестве иллюстративного материала, а работа с ними проводится только на уровне концепта.

Более полному раскрытию значительного дидактического потенциала паремиологических единиц может способствовать интеграция в процесс урока интерактивных игровых технологий. Большим преимуществом такого решения служит не только возможность подробной детализации лингвострановедческой информации, но и повышенная, в сравнении с классическим уроком, эффективность обучения, поскольку игровые задания предполагают «разнообразные виды (внутригрупповые, межгрупповые) активности обучающихся, которые являются решающим условием игровой эффективности взаимодействия» [6, с. 136].

На современном рынке представлен ряд настольных игр, объектом которых являются паремиологические единицы (напр. «Сумбурный квиз. Пословицы и поговорки»). Правила и суть таких игр может сводиться к следующему: игрок получает карточку, на которой есть пословица и три возможных трактовки единицы. Задача игрока выбрать верный вариант значения паремии. Интеграция подобных игр в урок РКИ может быть затруднительна, в первую очередь потому, что они созданы для носителей языка. Это значит, что материал, предоставляемый игроку, опирается на интуитивное понимание и культурный фон носителя, поэтому паремии и их возможные трактовки могут обладать сложным для иностранца понятийно-образным аппаратом. Так, перед студентом ставится двойная задача: во-первых, самостоятельно расшифровать культурный код и представить его в доступных для себя образах, во-вторых, понять скрытые логические связи, релевантные иной культуре. Всё это необоснованно усложняет игровую задачу и ведёт к снижению мотивации учащегося, в то время как одна из целей интеграции игры в урок заключается в обратном.

Для более эффективной работы с таким типом страноведческого материала необходим дидактический инструмент, который, сохраняя увлекательность игрового формата, обладает чётко выраженной дидактической целью и характеризуется комплексностью подхода к освоению материала. Под последним мы понимаем подробное комментирование и разбор каждого уровня лингвострановедческой информации, представленной в рассматриваемой (или «проигрываемой») паремиологической единице. Разработка такой игры предполагает в первую очередь тщательный отбор пословичного материала, основным критерием которого, на наш взгляд, будет наличие в составе того или иного выражения этнолингвомаркера или лексемы, обладающей богатым культурным фоном.

Так, например, одной из пословиц, используемых в предлагаемой нами концепции, может быть единица *Полетели за море гуси, прилетели тож не лебеди*, прокомментированная по следующей схеме (рисунок 1).

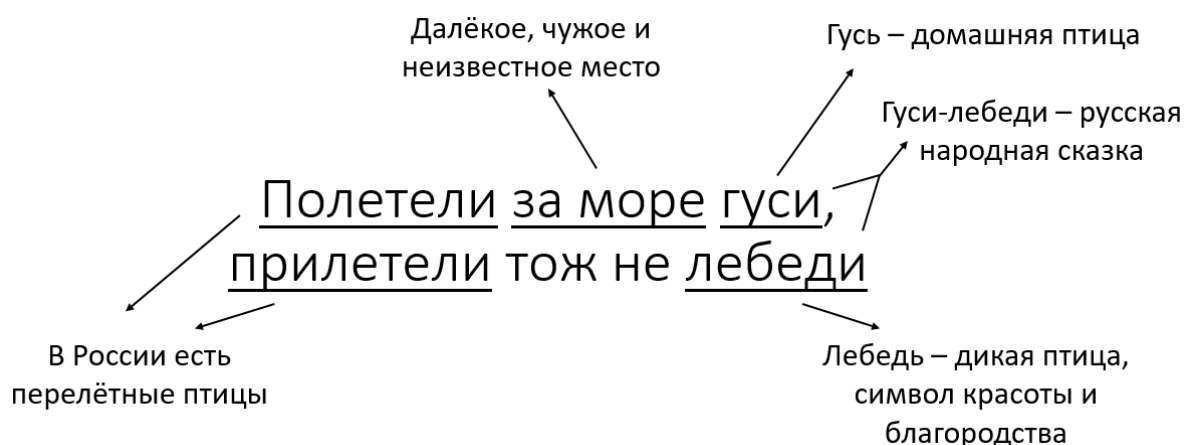

Рисунок 1 – Схема комментария пословицы

Такой подход позволит сконцентрироваться не только на общей семантике единицы, но и на реалиях, характерных для России и нехарактерных для некоторых других стран (наличие видов птиц, улетающих зимовать на юг), культурных феноменах (отсылка к сказке и ассоциации с ней), а также концепциях (представления о «своём» и «чужом», выраженные в восприятии и ощущении пространства).

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что паремии, особенно обладающие двухуровневым лингвострановедческим потенциалом, представляют собой уникальный, но сложный в методической реализации материал для формирования межкультурной компетенции обучающихся РКИ. Существующие подходы к включению пословиц в лингводидактический процесс, такие как аудиторные занятия или настольные игры, не позволяют в полной мере раскрыть богатый потенциал паремий. В связи с этим создание специализированной дидактической игры, целенаправленно работающей со всеми уровнями значения паремиологических единиц и снабженной системным культурологическим комментарием, представляется актуальной и востребованной методической задачей.

Список использованных источников

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1990 – 246 с.
2. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русско-го и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2016. – № 3(45). – С. 119–128.
3. Долматова, О. А. Точка ру. А1 / Л. А. Долматова, Е. М. Новачац. – М. : Бюллер О. А., 2017. – 152 с.

4. Долматова, О. А. Точка ру. А2 : в 2 ч. / О. А. Долматова, Е. А. Новачац. – Ч. 1. – М. : Изд-во «Перо», 2019. – 148 с.
5. Долматова, О. А. Точка ру. В1 / О. А. Долматова, Е. А. Новачац. – Ч. 1. – М. : Издательство «Перо», 2021. – 120 с.
6. Чернышенко, О. В. Игровые технологии как лингводидактическое средство при обучении РКИ // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 6. – С. 136–140.

Abstract. This article explores the rich linguistic and cultural potential of proverbs as an effective resource in the Russian as a foreign language classroom. The methodological possibilities of using a game format to work with proverbs are explored. A concept for a didactic game is proposed that has a clearly defined didactic purpose and is characterized by a comprehensive approach to mastering and practicing the material.

Keywords: paremiology, proverbs, linguodidactics, linguistic and cultural studies, linguistic and cultural potential, game format.

УДК 81'233:159.923.5

Е. А. Громова
Научный руководитель – **Т. И. Попова**,
канд. филол. наук, доцент

ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАВМЫ В РЕЧИ ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Аннотация. Исследование представляет собой лингвистический анализ проявления травмы в речи людей, переживших землетрясение в Нефтегорске. В центре внимания находится анализ языковых средств конструирования общей идентичности. Через интервью с пострадавшими выявлены лингвистические маркеры бессилия, утраты и несправедливости, связанные как с личными переживаниями, так и с коллективным опытом катастрофы.

Ключевые слова: язык травмы, коллективная травма, индивидуальная травма.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению некоторых лингвистических особенностей проявления коллективной и индивидуальной травмы у людей, переживших землетрясение в Нефтегорске. Помимо очевидной разницы между коллективной и индивидуальной травмой в плане масштабности произошедшего К. Эриксон выделяет такие характеристики, как неожиданность и скорость влияния на психику, из-за чего человеку невозможно действенно среагировать. Коллективная травма, по его определению, – это удар по основе социальной жизни, подрывающий чувство общности и разрушающий связи между людьми. В отличие от индивидуальной травмы, она проникает в сознание постепенно и не обладает свойством неожиданности, «которое обычно ассоциируется с “травмой”» [1, с. 154]. Коллективная травма возникает у людей, переживших сильнейшее эмоциональное потрясение в результате терактов, войн, стихийных бедствий или других катастроф [2, с. 637]. Важно заметить, что коллективная травма – не совокупность индивидуальных травм [3]. Однако у коллективной и индивидуальной травм есть сходство.

Р. Айерман замечает, что они обе возникают в результате шока. Более того, он утверждает, что «нанесенные раны в той же степени коллективны и социальны, в какой они индивидуальны» [4, с. 123]. Таким образом, индивидуальная и коллективная травмы могут взаимно усиливать друг друга, обостряя шок и чувство потери.

Несмотря на обширную теоретическую разработку понятий коллективной и индивидуальной травмы, вопрос об их языковой репрезентации, а именно о специфических лингвистических маркерах в естественной речи, остается малоизученным. В основном исследования, посвящённые языку травмы в России, основаны на литературных произведениях [5]

либо письменных дискурсах [6]. Поэтому актуальность работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение связи между языком и травмой, расширяя понимание того, как травматический опыт структурируется в дискурсе. Результаты настоящего исследования также могут помочь улучшить диагностику и терапию посттравматических состояний через устную речь.

Материалом работы послужило интервью «“Отпиливали руки и ноги, чтобы спасти”. Землетрясение, о котором забыли» на YouTube канале «СПЕКТР» (речь участников: 35 минут 38 секунд; 4 746 токенов) о пострадавших в результате землетрясения 28 мая 1995 года. Материал иллюстрирует не только индивидуальные травмы (каждый из героев потерял семью, друзей, жилье), но и коллективную травму, ведь их всех связывает одно масштабное событие – землетрясение.

Так, один из участников интервью – М1 (здесь и далее по всей работе указан говорящий, например, М1, где М – пол, а единица – порядковый номер информанта) в момент происшествия был ребёнком, поэтому в основном он описывает, как его жизнь сложилась уже после землетрясения, а не произошедшую катастрофу, так как он мало, что помнит. Ж1 же не участвовала в спасении других, в отличие от М3 и М2, так как находилась с маленьким сыном под завалом. Однако некоторые ощущения, образы и описания всё же были общими для некоторых участников.

Перейдем к лингвистическому анализу материала. В собранном корпусе было обнаружено 62 случая использования словоформ *мы* в контексте коллективного опыта. Например: *мы ничем не могли помочь / потому что / () мы ничего не могли сделать* (М2). Здесь и далее в настоящем исследовании были использованы некоторые знаки речевых сбоев: паузы (кратковременные – (); более длительные остановки речи – *П; затяжки звуков – (:); гезитации – (...)), дыхательные явления (вдохи – *В) и другие речевые сбои (обрыв фраз – ...). В выше представленном примере повторяется конструкция *мы не могли* через усиление *ничем* и *ничего*, что подчёркивает бессилие людей в момент катастрофы. Пауза – () – может указывать на трудность в проговаривании причины беспомощности.

Более того, было замечено, что некоторые образы, ассоциации, связанные с пережитым событием, совпадали у участников интервью: **П мне казалось / что (:) на (:) наш поселок упала бомба / и началась война* (М1); *первая мысль / такая ассоциация пришла / что началась война* (М3). В этих примерах общей ассоциацией у двоих участников интервью стало сравнение землетрясения с войной.

Следующим маркером коллективного проживания травмы стало общее чувство несправедливости, например: *погибло две с лишним тысяч человек / *П никто нигде... / ни один канал () / ни центральное телеви... / вообще никто / спросите сейчас у молодежи / () практически большинство из них знает про одиннадцатое сентября / () которое к нам вообще никакого отношения не имеет / () все знают / причем не только молодые люди / *П землетрясение? / то есть люди даже не знают / там погибло две с лишним тысячи человек / то есть об этом никто нигде ничего и никак* (М3). Здесь присутствует многократное отрицание и нарастание эмоционального напряжения: *никто нигде, ни один канал, ни центральное телеви* (здесь важно заметить, что это не онлайн-коррекция в середине слова, а обрыв фразы, вызванный возможно нежеланием уточнять дальше, кто не освещал проблему) *вообще никто*. Данное явление подчеркивает масштаб замалчивания. Контраст с 11 сентября (день, когда в США произошла серия скоординированных террористических атак, организованных экстремистской группировкой «Аль-Каида») акцентирует информационную несправедливость и ущемление национальной памяти. Высказывание формирует представление о коллективной информационной изоляции, в рамках которой даже молодое поколение остается не осведомленным о трагических событиях, что является прямым следствием целенаправленного умолчания травматического опыта.

Интересно рассмотреть ещё один пример проявления в речи чувства несправедливости: **В но соответственно если бы (...) / помощь была сразу же в первые сутки оказана / возможно людей бы спаслось больше* (Ж1). Здесь наблюдается контрафактическое

высказывание (*если бы...*). Пример выражает сожаление, вину и горе, направленные на упущенные возможности. Важно заметить, что все участники интервью использовали в своей речи сослагательное наклонение с помощью конструкции *если X, то Y*. В анализируемом материале она встречалась 9 раз. Эта конструкция реализует альтернативные сценарии произошедшего и помогает осветить социальную ответственность.

Более того, примечательным оказалось, что в наиболее эмоциональных моментах речь участников интервью замедлялась. Рассказывая о травматическом опыте, люди в среднем говорили 138 слов в минуту. Однако в наиболее эмоционально-напряжённых фрагментах повествования речевая скорость участников снижалась до 114 слов в минуту.

Что касается проявления индивидуальной травмы, то благодаря вопросам интервьюера о более радостных событиях, например, чем участники занимаются сейчас, как живут, можно было немного представить, как дискурс о травме различается с нейтральным. Так, было замечено, что у М1 и М2 при рассказе о своей настоящей жизни сбои в речи значительно сократились, пауз практически не было. У М3 и Ж1 такой тенденции не наблюдалось. Эту группу участников объединяло то, что они в момент трагедии потеряли свою семью, близких на глазах, в отличие от М1 и М2, которые находились в момент смерти своих родных в других местах. Возможно, для тех, кто видел смерть своих близких, травма усиливается из-за чувства вины или безысходности.

Пример радостного момента у респондента, который не видел смерти близких: *и я вот так смотрел и думал / ни фига себе / вот когда-нибудь *В я вырасту/ у меня точно такая же камера будет* (М1). Здесь можно заметить, что у респондента отсутствуют речевые сбои (только физиологический вдох).

Пример ответа на вопрос о жизни сейчас участника, который потерял семью на глазах: **В Встретился со своей будущей женой / у нас (:) совместная дочь / *В Таисия / значит ей сейчас уже 26 лет* (М3). В этом примере можно заметить большее количество речевых сбоев: затяжку звука и довольно частые вдохи.

Итак, исследование показывает, что травма, пережитая пострадавшими от землетрясения в Нефтегорске, включает как индивидуальные, так и коллективные элементы, которые взаимно усиливают друг друга: коллективное переживание несправедливости усугубляет индивидуальные травмы, связанные с утратой близких и чувством вины, в то время как интенсивность личного горя, в свою очередь, укрепляет и подтверждает общность коллективного травматического опыта. Положения теории К. Эриксона о коллективной травме как разрушении социальной связи находят свое отражение в анализируемом материале, что проявляется, в частности, в регулярном использовании коллективных местоимений и общих ассоциаций, таких как сравнение землетрясения с войной. Это взаимодействие индивидуальной и коллективной травмы усиливает шок и затрудняет процесс восстановления. Таким образом, устный дискурс пострадавших выступает ключевым материалом для изучения того, как травматический опыт не просто отражается в речи, но и продолжает в ней существовать, определяя коллективное восприятие катастрофы и затрудняя процесс исцеления.

Список использованных источников

1. Erikson, Kai. Everything in its path : destruction of community in the Buffalo Creek flood / Kai Erikson. —New York : Simon and Schuster, 1976. — 284 p.
2. Мирзоян, В. Х. Сравнительный анализ стадий переживания индивидуальной и коллективной травмы на примере войны в Арцахе / В. Х. Мирзоян // Пятнадцатая Годишная научная конференция, Ереван, 6–10 дек. 2021г. : сб. науч. статей : гум. и общ. науки. — Ереван : Изд-во РАУ, 2022. — С. 633–644.
3. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер, Д. Ю. Куракин // Социологический журнал. — 2012. — № 3. — С. 5–40.
4. Айерман, Р. Социальная теория и травма / Р. Айерман ; пер. с англ. Д. О. Хлевнюк. — Социологическое обозрение. — 2013. —Т. 12, № 1. — С. 121–138.

5. Вайзер, Т. Травматография логоса : язык травмы и травматизация языка в постсоветской поэзии / Т. Вайзер // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 245–264.

6. Гучинова, Э.-Б. М. «Мертвецы есть?» : язык травмы в нарративах о дороге в Сибирь / Э.-Б. М. Гучинова // Монголоведение. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 303–313.

Abstract. This study analyzes the manifestations of collective and individual trauma in the survivors of the Neftegorsk earthquake through a linguistic approach. The focus is on the use of collective pronouns and shared associations, such as the comparison of the earthquake to war. Through interviews with the victims, feelings of helplessness, loss, and injustice were identified, linked to both personal experiences and the collective experience of the disaster.

Keywords: language of trauma, collective trauma, individual trauma.

УДК 821.161.1

А. Г. Гусейнова
Научный руководитель – **М. Л. Лаптева**,
д-р филол. наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАРЕВШИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»

Аннотация. В статье проводится анализ стилистических функций устаревших фразеологических оборотов в повести Н. В. Гоголя «Шинель». Особое внимание уделяется семантике и стилистическим особенностям фразеологизмов, которые служат инструментом авторской иронии, критики социальной системы. Исследование показывает, как контраст между высоким и низким стилем, бытовым и возвышенным подчеркивает трагизм и абсурдность положения «маленького человека» в условиях чиновничьей иерархии.

Ключевые слова: устаревшие фразеологизмы, стилистические функции, авторская ирония, «маленький человек», социальная критика, семантика.

Анализ фразеологических единиц в повести Н. В. Гоголя «Шинель» позволяет выявить их ключевую роль в создании художественной образности, социально-временного колорита и речевой характеристики персонажей. Целью работы является исследование семантики и стилистических функций данных языковых единиц для раскрытия специфики авторской иронии. В выбранном литературном произведении было обнаружено 5 устаревших фразеологизмов, которые на данный момент не используются в русской речи: *быть под куражем*, *испустил дух*, *против всякого чаяния (паче чаяния)*, *надуло жабу*, *собрать всю горсть присутствия духа*.

Первый рассмотренный фразеологизм – *быть под куражем* прост., устар., ирон. ‘быть навеселе, в состоянии лёгкого алкогольного опьянения; разг. ‘быть в хорошем настроении, испытывать воодушевление’ [1, с. 343]: *Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришёл именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем*, или, как выражалась жена его: *«осадили сивухой, одноглазый чёрт»* [2, с. 108].

Фразеологизм *быть под куражем* в произведении Н. В. Гоголя «Шинель» является ключевой деталью, раскрывающей характер Петровича, к которому пришел главный герой. Данный фразеологизм показывает, что Петрович – это человек низменной натуры, который «требуется подпитки» в виде алкоголя. Фразеологизм обнажает человеческую слабость и ничтожность, которую подмечает и сам Акакий Акакиевич. Мастер, несмотря на свой талант, продает его за дешевую монету из-за алкоголя. Автор высмеивает поведение персонажа через использование данного фразеологического оборота. Этот контраст между низким стилем выражения и талантом персонажа усиливает комический и сатирический эффект.

Далее мы обратили внимание на фразеологизм *испустить дух*, который употребляется в значении ‘умереть’ [3, с. 278]: *Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, ... Кому всё это досталось, бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили* [2, с. 132].

Фразеологизм имеет торжественную и глубокую семантику, обусловленную религиозным характером происхождения. В буквальном смысле выражение означает ‘выпустить из себя дыхание’, что восходит к библейской традиции, согласно которой жизнь напрямую связывается с дыханием, жизнь, которую в человека вдохнул Богом (Библия, Быт. 2:7). Человек «испускает дух», то есть возвращает свою душу Творцу, как и любой другой человек, независимо от его чина и состояния. Данный мотив подготавливает почву для фантастического финала повести, где призрак Акакия Акакиевича является уже не робким титулярным советником, а могучей потусторонней силой, восстанавливающей справедливость. Его смерть становится отправной точкой для этого преобразования.

Н. В. Гоголь описывает смерть Акакия Акакиевича, используя лексику, достойную описания кончины трагического героя или святого, которая является кульминацией этого возвышенного стиля и придает смерти небывалую значимость и почти библейский масштаб. Высокий, патетический фразеологизм применяется в описании бытовой ситуации. Подобный контраст создает мощный эффект трагической иронии. Для маленького человека смерть равноценна утрате царства или жизни сына. Прием заставляет ужаснуться системе, где жизнь человека принесена в жертву вещи, а смерть показывает несоразмерность происходящего: *...исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...* [2, с. 132]. Однако возвышенная смерть осталась незамеченной: величие принадлежит только душе перед Богом, но никак не человеку в Петербурге.

Одним из интересных, используемых в повести устаревших фразеологизмов является сочетание *против всякого чаяния* (*паче чаяния*): *Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей* [2, с. 114].

Устаревшая лексема *чаяние* по происхождению связана с древнерусским глаголом *чаять* ‘надеяться, ожидать, думать, полагать’. Фразеологизм *против всякого чаяния* (*паче чаяния*) имеет значение ‘вопреки ожиданию’ [3, с. 457]. Оно используется в авторской речи и соответствует внутреннему миру главного героя, чья жизнь проходит в переписывании бумаг, в мире книжной, канцелярской лексики. Употребление этого выражения подчеркивает, что событие воспринимается не просто как удача, а как нечто грандиозное, мистическое, выходящее за рамки обыденности. Самая незначительная удача приобретает вселенское значение. Выражение *против всякого чаяния* знаменует собой момент, когда мечта становится реальной и достижимой. Неожиданная премия стала знаком свыше, который превращает несбыточную фантазию в жизненную цель. Данный оборот имеет тонкий религиозный подтекст. Неожиданные деньги не дар, а искушение, которое герой не в силах преодолеть. Высокий стиль оборота тонко намекает на эту метафору.

Следующий рассмотренный фразеологизм *собрать всю горсть присутствия духа* – это авторская контаминация устойчивых выражений: *собраться с духом* – ‘преодолеть робость, решиться на что-то’ и *присутствие духа* – ‘способность не теряться в трудную минуту, сохранять хладнокровие’ [3, с. 529]. Сравн.: *Но, ваше превосходительство, – сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нём была* [2, с. 130].

Присутствие духа – устар. ‘наличие самообладания, хладнокровия, выдержки’ [3, с. 529]. Это устаревшее выражение в сочетании с *собраться с духом* приобретает значение титанического усилия, равносильного подвигу в приведенной ситуации. Автор

гиперболизирует эту борьбу, используя мощный и материальный образ. Читатель понимает, что герой пытается сделать что-то из последних сил, что формирует трагический образ и тем самым вызывает сочувствие. *Горсть присутствия духа* – это язык трагедии. Его используют, говоря о людях, готовящихся к решающим битвам. Н. В. Гоголь же применяет это по отношению к робкому чиновнику, идущему жаловаться на пропажу шинели. Компонент *горсть* передает скудность душевных сил Башмачкина. Мужество оказывается напрасным и разбивается о стену чиновничьего равнодушия и жестокости. Прием у генерала – это не просто обида, это крушение всего, на что он решился.

В тексте Н. В. Гоголя нами был обнаружен некодифицированный фразеологизм *надуло жабу*: *Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка* [2, с. 131].

Выражение подлежит семантической интерпретации с учетом устаревшего значения его компонента: лексема *жаба* имеет значение ‘то же, что ангина’ [4, с. 469]. В приведенном контексте происходит окказиональное замещение физиологической причины психической.

Следовательно, мы трактуем фразеологизм как ‘внезапно почувствовать физическое недомогание в результате психического воздействия’. Автор использует это выражение для реализации принципа взаимосвязи физиологического и психического.

Подводя итоги, можно сказать, что устаревшие фразеологизмы используются в произведении Н. В. Гоголя, чтобы показать всю низменность «маленького человека», противопоставить его идеалы чему-то более возвышенному, а также для того, чтобы высмеять и осудить систему, в которой живут герои «Шинели».

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2013. – 784 с.
2. Гоголь, Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. – М. : АСТ, 2016. – 384 с.
3. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – Т. I : А–Й. – М. : Рус. яз., 1985. – 696 с.

Abstract. This article analyzes the stylistic functions of outdated phraseological units in Nikolai Gogol's short story "The Overcoat". Special attention is given to the semantics and stylistic features of these phraseological units, which serve as a tool for the author's irony and criticism of the social system. The study demonstrates how the contrast between high and low style, between everyday and elevated language, highlights the tragic and absurd situation of the "little man" in the bureaucratic hierarchy.

Keywords: outdated phraseological units, stylistic functions, authorial irony, "little man", social criticism, and semantics.

УДК 821.112.2(437.3)

Е. Ф. Дёмина

Научный руководитель – А. А. Корзинина,
канд. филол. наук

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН В ЧЕХИИ В XX ВЕКЕ

Аннотация. В Чехии творчество Фридриха Гёльдерлина стало известно с 1916 года, однако его широкое признание сдерживалось национальными конфликтами. Первые переводы появились в 1916 году, а знаковым событием стала публикация первого полного сборника "Torso odkazu" в 1944 году. Интерес к поэту поддерживался как его эстетикой, так и использованием его фигуры для критики глобальных исторических событий.

Ключевые слова: рецепция, Фридрих Гёльдерлин, переводы, Чехия, предромантизм.

Фридрих Гёльдерлин – немецкий поэт и философ эпохи предромантизма в Германии. Оставшийся практически неизвестным для своих современников, поэт стал одной из самых значимых фигур в европейской литературе в конце XIX и начале XX веков. Н. фон Хеллингат, близкий друг поэта-символиста Стефана Георге, в 1910 году опубликовал неизданные стихотворения Гёльдерлина и его переводы произведений Пиндара, одного из самых таинственных поэтов Древней Греции. Культурное открытие забытых лирических произведений вызвало широкий интерес к творчеству поэта на последующее столетие во многих европейских государствах.

В Чехии переводы стихотворений Гёльдерлина впервые появились в 1916 году. Поздний и несколько медленный отклик чешской культурной элиты на поэзию Гёльдерлина объясняется национальным конфликтом чехов и чешских немцев. Роль немецкого языка в Чехии значительно ослабела, когда чешский язык стал языком чиновничества наравне с немецким.

После Русской революции 1905 года в Чехии усилилось национально-освободительное движение. Многие чешские писатели заняли антиавстрийскую позицию и активно изучали творчество писателей из России, Англии и Франции. Межнациональный и межязыковой конфликт среди чехов и чешских немцев стал острее, поэтому во время Первой мировой войны немецкая литература не находила отклика у чешского читателя.

Поэтому в Чехии переводы стихотворений Гёльдерлина впервые появились в 1916 году. Три стихотворения поэта вошли в сборник Оттокара Фишера «Из наследия Гёте» (*Z Goethova odkazu*) [1, с. 99]. В этот период творчеству Гёльдерлина обращались известный чешский литературный критик Франтишек Ксавер Шалда, поэт Иржи Карасек и исследователь немецкой литературы Ян Ежек [1, с. 99].

Иржи Карасек был очарован поэзией Гёльдерлина, и ещё в 1912 году посвятил поэту стихотворение, названное в честь него и вошедшее в сборник «Остров изгнанных» (*Ostrov vyhnanců*) [2, с. 53]. Воссозданный образ поэта в стихотворении Карасека символизирует настроение поколения декадентов.

В 1928 году Пётр Безруч, известный чешский поэт, воспевающий в своей лирике Силезию, посвятил Фридриху Гёльдерлину стихотворение «Гёльдерлин над Неккаром» (*Hölderlin nad Nekarem*) [3, с. 80]. В дальнейшем переводы произведений Ф. Гёльдерлина долгое время не появлялись вплоть до 30-х годов.

В 1937 году Оттокар Фишер снова обращается к произведениям Гёльдерлина. Он издал перевод писем Гипериона из одноимённого романа писателя после прихода к власти в Германии национал-социалистов, в котором Гёльдерлин назвал своих соотечественников «варварами, испорченными до мозга костей, оскорбляющими как своим излишеством, так и своим убожеством каждого нравственного человека...» Последнее письмо Гипериона – яростный крик отчаяния самого поэта, направленный против окружающей его фальши и лицемерия [1, с. 101].

Ранее в 1932 году чешский католический поэт Ян Заградничек, бывший также учеником Франтишека Ксавера Шалды, опубликовал 27 стихотворений Фридриха Гёльдерлина на чешском языке. Творчество Яна Заградничека посвящено христианским темам и мотивам. Гёльдерлин в зрелый период творчества обращается к христианским темам через призму античной эстетики.

В этот же период в конце 30-х годов Ян Заградничек, так же как и Оттокар Фишер, критикует зверские порядки нацистской Германии, при этом обращаясь к творчеству Гёльдерлина как к самому лучшему и прекрасному периоду немецкой культуры. Поэт противопоставляет благородный поэтический мир Гёльдерлина жестокой действительности. Судьба современной ему Германии заключена в написанных им строках: *Теперь твоё ликование перешло в крик (ted' zdáven jásot tvůj v skřek)* [1, с. 103].

А в 1944 году к столетней годовщине смерти поэта вышел большой сборник переводов произведений Гёльдерлина на чешский язык *Torso odkazu* с комментариями

издателя. В сборнике содержатся на чешском языке роман «Гиперион», фрагменты трагедии «Смерть Эмпедокла» и стихотворения Гёльдерлина в переводе крупных чешских переводчиков Франтишека Врбы, Иржи Гайека и Богумила Новака [4].

Этот сборник впервые знакомил чешского читателя с одним из самых значимых поэтов-романтиков конца XVIII – XIX вв. Книга вышла в Праге в издательстве Франтишека Борови.

Йират Войтех впервые знакомит чешского читателя с биографией Гёльдерлина. Он подробно описывает жизнь поэта и после наступления душевного кризиса из-за расставания с Сюзеттой Гонтар и болезни.

После биографической составляющей предисловия начинается перечень произведений Фридриха Гёльдерлина, не вошедших в данный сборник, но занимающих важное место в творческом наследии поэта. Йират Войтех относит к ним стихотворения: «Архипелаг», «Эмилия пред женитьбой», «Хлеб и вино» и гимны, посвящённые Диотиме.

В состав самого сборника вошли переводы стихотворений «Юноша мудрым советчикам» (*Mladík svým moudrým rádčům*), «Дубы» (*Duby*), «Плач Менона о Диотиме» (*Menonův nárek za Diotimou*), «Надежды» (*Naději*), «Слепой певец» (*Slepý pěvec*), «Родина» (*Domov*), «Половина жизни» (*Polovina života*), «Паркам» (*Parkám*), а также переводы романа «Гиперион» (*Hyperion*) и трагедии «Смерть Эмпедокла» (*Empedokles*).

Таким образом, сборник *Torso odkazu* 1944 года с предисловием Йирата Войтеха – первое полное издание Гёльдерлина на чешском языке.

В этом же году вышли в свет на чешском языке в переводе Франтишека Гумлера любовные письма Фридриха Гёльдерлина к Сюзетте Гонтар с предисловием Альберта Вискочила.

В XX веке собрания переводов Гёльдерлина продолжали пополняться. Поэта активно переводили на чешский язык в послевоенное время. В 1966 году литературовед Эрик Адольф Саудек перевёл четыре стихотворения Фридриха Гёльдерлина, которые в дальнейшем вошли в его переводческий сборник «Лебедь и роза» (*Labut' a růže*) [5].

В 1977 году был опубликован новый сборник стихотворений Фридриха Гёльдерлина – «Свет любви» (*Světlo lásky*) в переводе Владимира Микеша, знаменитого чешского переводчика и поэта. Это второй после издания 1944 года полный сборник переводов Гёльдерлина на чешский язык [3].

Книга была оформлена типографией Олдржиха Главсы. Творческое наследие Олдржиха Главсы, одного из столпов чешского графического дизайна, связано в первую очередь с искусством книги и типографикой. Это способствовало возбуждению интереса на тот момент современного чешского читателя к немецкому поэту конца XVIII–XIX веков.

Это издание увидело свет в одном из ведущих чешских издательств второй половины XX века – «Чехословацкий писатель» (*Československý spisovatel*), впоследствии переименованное в «Чешский писатель» (*Český spisovatel*). На протяжении десятилетий издательство было тесно связано с Чешским литературным фондом и выдающимися произведениями иностранной литературы. Книга была выпущена под руководством «Клуба друзей поэзии» (*Klub přátel poezie, KPP*).

Сборник открывает вступительная статья Владимира Микеша «Мы – ничего, всё, что мы ищем – всё» (*My nejsme nic, co hledáme, je všechno*). Название вступительной статьи к сборнику *Světlo lásky* было взято Владимиром Микешем из романа Гёльдерлина «Гиперион».

Владимир Микеш далее приводит сведения о жизни поэта и о периодах его творчества. Подробно автором описываются философские идеи Тيوبенгенского периода (*Hymna na svobodu, Hymna na nesmrtelnost, Hymna na krásu, Hymna na lidstvo*), Франкфуртского периода и Гамбургского периода (*Mě vlastnictví, Stuttgart, Sbohem*).

Таким образом, в XX веке в Чехии с разницей в 30 лет вышли самые полные и на сегодняшний день известные сборники переводов произведений Фридриха Гёльдерлина. Сборник 1944 года вышел во время Второй мировой войны с незначительным опозданием на год. Переводы стихотворений и авторские произведения, посвящённые Фридриху Гёльдерлину, указывают на неугасаемый интерес чешского читателя к фигуре великого немецкого поэта.

Список использованных источников

1. Mareček, Z. Zu einigen Fragen der Hölderlin-Rezeption in Böhmen. Bruenner Beitrage zur Germanistik und Nordistik / Z. Mareček. – Brno : Univerzita J. E. Purkyně, 1982. – К. 4. – Č. 3 – S. 99–109.
2. Karásek ze Lvovic, J. Ostrov vyhnanců : básně [Elektronický zdroj] / J. Karásek ze Lvovic. – Praha : K. Neumannová, 1912. – 53 s. – Dostupné také z : <https://ndk.cz/uuid/uuid:f0e571e0-e1f6-11e3-bb44-5ef3fc9b>. – Datum přístupu : 29.10.2025.
3. Hölderlin, Fr. Světlo lásky [Elektronický zdroj] / Friedrich Hölderlin. – Praha : Československý spisovatel, 1977. – 115 s. – Dostupné také z : <https://ndk.cz/uuid/uuid:71898000-dd69-11e6-89a8-005056822549>. – Datum přístupu : 29.10.2025.
4. Hölderlin, Fr. Torso odkazu : výbor z díla [Elektronický zdroj] / Friedrich Hölderlin. – Praha : Fr. Borový, 1944. – [1a] s. – Dostupné také z : <https://ndk.cz/uuid/uuid:5d8dc73b-1838-41d3-94c1-d61adfb7048c>. – Datum přístupu : 29.10.2025.
5. Saudek, E. A. a Aloys SKOUMAL. Labuť a růže : překlady poezie od Shakespeara k Rilkovi [Elektronický zdroj] / E. A. Saudek, A. Skoumal. – Praha : Československý spisovatel, 1966. – [1a] s. – Dostupné také z : <https://ndk.cz/uuid/uuid:66648a90-2b50-11e3-b62e-005056825209>. – Datum přístupu : 29.10.2025.

Abstract. In Czechia, the work of Friedrich Hölderlin became known around 1916, though its broad recognition was hindered by national conflicts. The first translations appeared in 1916, and the publication of the first complete collection, “Torso odkazu”, in 1944 was a landmark event. Interest in the poet was sustained both by his aesthetics and the use of his figure to critique global historical events.

Keywords: reception, Friedrich Hölderlin, translations, Czechia, preromanticism.

УДК 372.881

А. Р. Денисова

Научный руководитель – Г. И. Канакина,
канд. пед. наук, профессор

СОЧИНЕНИЕ ПО ВПЕЧАТЛЕНИЯМ (НА ОСНОВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭКСКУРСИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и возможности применения виртуальных средств как инновационного инструментария современного педагога. В качестве основной формы организации учебной деятельности в системе основного общего образования выступает виртуальная экскурсия.

Ключевые слова: образование, компетенция, виртуальная экскурсия, Родина, Великая Отечественная война.

Одной из форм организации учебной деятельности в процессе преподавания русского языка является учебная экскурсия. С. А. Кузнецов даёт следующее определение: «Экскурсия – это коллективное (реже индивидуальное) посещение чего-либо, поездка куда-либо с образовательной, познавательной целью» [1, с. 1516]. Экскурсии в музеи, на природу, на производство способствуют формированию культуроведческой компетенции, развитию речевых способностей.

В связи с внедрением в процесс образования новых информационных технологий существенно изменился подход к экскурсиям, возникли новые виды экскурсий – виртуальные. Виртуальная экскурсия – это «новый эффективный презентационный инструмент, с помощью которого возможна наглядная и увлекательная демонстрация любого реального места широкой общественности – будь то страна, город, национальный парк, музей, курорт, производственный объект [2, с.112]. Виртуальные экскурсии выполняют те же цели и задачи, что традиционные экскурсии, но у них имеется ряд преимуществ. Данная форма проведения урока не требует много времени, органично вписывается в образовательный процесс на любом его этапе, визуализация объектов происходит в классной аудитории.

Виртуальная экскурсия предполагает посещение каких-либо мест дистанционно с помощью компьютерных технологий. Данная форма занимает важное место в учебном процессе в том случае, когда обычная экскурсия не может быть проведена в силу отдалённости места проведения экскурсии.

Правильно организованные наблюдения на экскурсиях учат не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать. Именно на их основе рождаются самостоятельные суждения, умение обобщать, замечать изменения, что приводит к постепенному накоплению и углублению знаний.

Целью виртуальных экскурсий может быть духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание учащихся, что является актуальным в рамках года защитника Отечества. В данной статье нами предлагается описание модели виртуальной экскурсии, посвящённой 80-летию Победы в Великой Отечественной войне как основа для написания сочинения по впечатлениям. Урок-виртуальная экскурсия успешно интегрирует задачи развития речи, патриотического воспитания и формирования метапредметных умений.

В ходе урока формируются следующие универсальные учебные действия:

- познавательные: работа с аудиовизуальной информацией, анализ и обобщение впечатлений;
- регулятивные: целеполагание, планирование (составление плана сочинения), самооценка;
- коммуникативные: построение монологического письменного высказывания;
- личностные: формирование ценностного отношения к истории Родины, чувства патриотизма и гражданственности.

У данной формы проведения урока высокий воспитательный потенциал: сформировать эмоциональное и ценностное восприятие истории, а не простое формальное запоминание фактов. Это способствует становлению национальной идентичности и уважения к подвигу предков.

При проведении экскурсии рекомендуется давать ученикам возможность использовать опорные слова и речевые клише, особенно для детей с низкой языковой подготовкой или трудностями в выражении эмоций.

Урок-экскурсия практико-ориентированный: он должен быть нацелен на реальный продукт – создание связного текста, который ученик может доработать дома. Основное внимание урока направляется на личностный результат: акцент ставится не на пересказ содержания экскурсии, а на впечатления и чувства учеников. Это соответствует жанру сочинения-впечатления и делает работу искренней.

Урок-виртуальную экскурсию можно считать успешным, если:

- учащиеся создали тексты, в которых присутствуют не только факты, но и элементы размышления и эмоциональной оценки;
- в работах видна авторская позиция;
- ученики активно участвовали в обсуждении, делились впечатлениями;
- была создана уважительная и вдумчивая атмосфера на протяжении всего занятия.

Такой урок полностью соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования [3]. Системно-деятельностный подход реализуется через активную деятельность ученика: он наблюдает, анализирует, чувствует, планирует текст и создает его.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка : А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Козина, Е. Ф. Методика преподавания : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е. Ф. Козина, Е. Н. Степанян. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 494 с.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО). Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> – Дата доступа : 27.09.2025.

Abstract. The article explores the potential and specifics of using virtual tools in education as an innovative tool in modern pedagogy. Use virtual tours as a primary form of instruction in general education.

Keywords: education, competence, virtual tour, Motherland, Great Patriotic War.

УДК 81'373,612.4:070.1

О. Д. Дергач
Научный руководитель – **Е. В. Карпова**,
канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАВТОЛОГИИ В ТЕКСТАХ СТУДЕНЧЕСКИХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ПАБЛИКОВ ВО ВКОНТАКТЕ И САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ)

Аннотация. В статье рассматривается функционирование тавтологии в текстах студенческих средств массовой информации. Выявляются три основных типа тавтологии и называются причины употребления повтора в письменной речи студентов. Исследование проводится на материале публикаций в студенческих сообществах социальной сети во ВКонтакте и на официальных сайтах университетов.

Ключевые слова: тавтология, языковой феномен, лексическая избыточность, тавтологические сочетания, студенческие СМИ.

В речевой деятельности наблюдается следующая тенденция: говорящий либо экономит языковые средства, что приводит к лексической недостаточности, либо использует их в чрезмерном количестве, что обеспечивает гиперхарактеризацию высказыванию [1, с. 73]. Гиперхарактеризация, она же лексическая избыточность, имеет разные формы проявления, одна из которых – тавтология.

Как известно, тавтология – это противоречивое явление, связанное с процессом реализации языка и существующее в сознании носителя как дублирование формы слова [2, с. 15]. Тавтология понимается лингвистами неоднозначно. Ученые, исследующие данный языковой феномен, выделяют разные релевантные признаки и рассматривают его в узком и широком значениях. Широкий подход – где экстенционал тавтологических сочетаний не ограничен однокоренными сцеплениями – наиболее часто встречается в научных работах. В современной лингвистике под тавтологией понимаются и однокоренные сцепления, и слова-композиаты [3].

Изучая тавтологию и ее особенности, лингвисты и ученые значительное внимание уделяют оцениванию функциональной составляющей языкового феномена. Отсутствие функциональной нагрузки указывает на ошибочное употребление тавтологии в речи, а наличие функциональной задачи – на использование языкового приема [2, с. 16]. Анализ научной литературы показал, что тавтология понимается как многогранное явление, нашедшее отражение в различных дискурсах.

Студенческие СМИ – один из дискурсов или, как отмечает Т. С. Остапенко, «природная среда обитания» тавтологических сочетаний. Основными площадками для размещения текстов студенческих СМИ нами определяются социальные паблики во ВКонтакте и университетские сайты. Именно площадки влияют на выбор формата контента (статью и пост). Текстовый формат оказывает воздействие на речь студента, становится причиной

создания легких в восприятии конструкций [4, с. 43], употребления студентами упрощенной лексики, а также использования тавтологии с определенной прагматической интенцией [5, с. 19], благодаря которой регулируется информативность текста.

Тексты студенческих СМИ изобилуют тавтологическими сочетаниями. Мы выделяем несколько типов тавтологии, благодаря которым понимаем, стоит перед автором текста функциональная задача или лексическая избыточность возникает вследствие некомпетентии студента. Тавтологию в данном дискурсе можно разделить по критерию преднамеренности и непреднамеренности. Мы выделяем следующие три группы: 1) мотивированная, 2) немотивированная, 3) естественная. Рассмотрим подробнее каждую из представленных групп.

1. Мотивированная тавтология. Это такая тавтология, которая употребляется автором с конкретной целью. Если автор, обращаясь к тавтологии, ставит перед собой стилистическую задачу, мы можем говорить о мотивированной тавтологии. 1) *Я либо не помню, либо забыл*; 2) *Есть одно «но», а может и не одно*, – в данных примерах мы наблюдаем за попыткой автора сделать текст более эмоциональным, усилить его выразительность. Лексическая избыточность в подобных конструкциях способствует сохранению акцента на объекте высказывания.

Уверенно говорить о цели, которую поставил перед собой автор, мы не можем, но можем предполагать ее и утверждать, что выход за рамки нормы был сознательным. Возьмем в качестве примера тактику смеха: 3) *Одна ошибка – и ты ошибся*; 4) *Весна – это когда идешь по грязи, чтобы обойти другую грязь, но все равно весь в грязи*. Благодаря тавтологии в этих высказываниях достигается комический эффект, поддерживается связь с целевой аудиторией (в нашем случае с аудиторией студенческих СМИ) и удерживается внимание на том, о чем говорится в тексте.

Мотивированная тавтология может быть детерминирована системой языка и иницирована рядом целей, среди которых – сделать текст более выразительным, привлечь внимание, побудить к действию, спровоцировать реакцию читателя, добавить экспрессии и другое. В случае преднамеренности тавтология переосмысливается и воспринимается не как лексическая избыточность и гиперхарактеризация, а как способ интенсификации [2, с. 17], что позволяет говорить нам об использовании в тексте стилистического приема.

2. Немотивированная тавтология. Именно эта тавтология характеризуется как порочная [2, с. 16] и определяется как отклонение от нормы. Как показал анализ текстов студенческих СМИ, авторы в своих работах наиболее часто сталкиваются с «неоправданной» тавтологией. В таких высказываниях – с лексической избыточностью – не прослеживается цель автора, что указывает на отсутствие стилистической функции, а значит, дает понять, что тавтология не несет функциональной нагрузки. Например, если мы сталкиваемся с сочетаниями: 1) *Здесь учат учиться понимать людей*; 2) *Ребята получили навыки письма и смогли написать свои имена*; 3) *Лепим из воздушного пластилина: он легкий и невесомый*; 4) *Мы взяли интервью и поинтересовались вопросами*, – мы не можем говорить о функциональной нагрузке: контекстуальная ситуация указывает на то, какая группа тавтологических высказываний перед нами. На порочность тавтологии также указывает нейтральная эмоциональность, отсутствующая коннотация и немотивированное дублирование ранее выраженного смысла.

В большинстве случаев тавтология в подобных сочетаниях может быть спровоцирована разными обстоятельствами. Среди них – неразвитость языковой компетенции, недостаточно высокий уровень владения синонимикой языка, гиперкоррекция, невнимательность, спешка, скудный словарный запас, который влечет за собой неспособность создать грамотный текст, и другое.

3. Естественная (привычная) тавтология. Данную группу тавтологий в основном формируют устойчивые тавтологические сочетания, изначальный смысл лексем которых подвергся забвению [2, с. 16]. У таких сочетаний: 1) *На новый год обязательно нужно испечь имбирное печенье*; 2) *Пора задуматься о своих желаниях и мечтах*, – нет

стилистического задания, степень экспрессивности незначительная, эмоция нейтральная, а намеренность написанного ясно различается. Подобные тавтологические сочетания встречаются нечасто. Их основная причина – узуальность и привычное употребление.

Подводя итог всего вышеизложенного, мы можем говорить о том, что тавтология в текстах студенческих СМИ – сложное явление, языковой феномен, который активно используется начинающими авторами. Тавтология сочетает в себе сразу несколько противоречивых признаков. Она может сопровождаться рядом прагматических интенций, выполнять стилистическую функцию, выступать как ошибочное употребление или демонстрировать закрепленность сочетаний в сознании носителя. Определить роль тавтологических сочетаний в тексте можно при помощи лингвистического эксперимента, который позволит систематизировать понимание намерений автора, была ли поставлена стилистическая задача или тавтология в конкретном высказывании несет исключительно случайный характер.

Список использованных источников

1. Грудева, Е. В. Избыточность языка и избыточность текста : некоторые размышления [Электронный ресурс] / Е. В. Грудева // Acta Linguistica Petropolitana : Труды Института лингвистических исследований. – Т. VI. – Ч. 2. – СПб. : Изд-во Федер. гос. бюджетное учрежд. науки «Институт лингвистических исследований РАН», 2010. – С. 73–90. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа : 12.10.2025.
2. Остапенко, Т. С. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего [Электронный ресурс] / Т. С. Остапенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – Т. 56, № 2. – С. 15–18. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа : 13.10.2025.
3. Зайц, О. А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / О. А. Заяц ; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2001. – 185 с. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 13.10.2025.
4. Валиулина, В. Р. Особенности речевой деятельности студентов с разными акцентуациями характера [Электронный ресурс] / В. Р. Валиулина // Вестник РУДН. Сер. : Вопросы образования : языки и специальность. – 2009. – № 2. – С. 110–114. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа : 13.10.2025.
5. Ковалева, Т. А. Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века : полисемантический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Ковалева ; Владимирский гос. ун-т. – Великий Новгород, 2017. – 23 с.

Abstract. The article examines the functioning of tautology in the texts of student mass media. Three main types of tautology are identified and the reasons for the use of repetition in students' written speech are given. The research is based on publications in the student communities of the social network VKontakte and on the official websites of universities.

Keywords: tautology, linguistic phenomenon, lexical redundancy, tautological combinations, student media.

УДК 812.112.2

А. А. Димакова, А. Д. Панихицина
Научный руководитель – Е. П. Налобина,
ст. преподаватель

СОВРЕМЕННЫЕ БЫТОВЫЕ РЕАЛИИ В НЕОФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу новейших фразеологизмов (неофразеологизмов) в немецком языке, возникших под влиянием изменений в бытовой сфере. Рассматриваются

такие тематические группы, как цифровизация, психология, экологичный образ жизни и др. Определяются источники их происхождения и связанные с ними современные бытовые особенности.

Ключевые слова: неофразеологизм, немецкий язык, современные реалии, бытовая лексика, языковая динамика, фразеология.

Язык является динамической системой, постоянно находящейся в процессе изменения и развития. Для адекватного восприятия и продукции речи на любом языке необходимо понимать его современное состояние. Появление новых бытовых реалий (технологии, гаджеты, сервисы, изменения в образе жизни) обязательно порождает новые языковые единицы для обозначения данных явлений. Фразеология, будучи наиболее образным пластом языка, особенно чувствительна к этим изменениям. В нашей статье мы бы хотели выявить, проанализировать и систематизировать неофразеологизмы, отражающие новые бытовые реалии, в немецком языке.

Рассмотрим определение фразеологизма. Ю. Я. Бурмистрович, и мы вслед за ним, будем считать фразеологизм «единицей языка и речи, которая при нецелостности своей фонемной оболочки обладает целостным, не делящимся между компонентами этой оболочки значением» [1, с. 31]. Фразеологизмы не создаются в процессе коммуникации, а извлекаются из памяти как одна единица с постоянным значением, составом и структурой. Таким образом, существенными признаками фразеологизма являются: устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, расчлененность своего состава (раздельнооформленное строение) [2, с. 823].

Неофразеологизм (или новейший фразеологизм) – это новый, нестандартный и не распространенный в языке фразеологизм. Изучение неофразеологизмов помогает понять языковые изменения и пути развития языковых систем в целом. Как отмечает А. В. Ковалева, неофразеологизмы появляются в языке посредством метафорического переноса и переосмысления какого-либо явления, ситуации реальной действительности. Буквальное восстановление ситуации, описанной во фразеологизме, может послужить способом реконструкции представлений о жизни людей определенного поколения [3, с. 196]. Таким образом, неофразеологизмы способны дать нам представление о современных реалиях в определённом месте и группе людей.

В нашей статье критериями отбора материала для анализа неофразеологизмов в немецком языке, возникших под влиянием изменений в бытовой сфере, будут их новизна, устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, расчлененность состава (раздельнооформленное строение). Проведя анализ научной литературы, современных медиа, постов в социальных сетях и на форумах, а также обратившись к специализированным ресурсам, мы выявили и систематизировали следующие неофразеологизмы, соответствующие нашим критериям:

1. Неофразеологизмы, связанные с цифровизацией и технологиями.

а) *Rede keinen Blindtext!* – *Не носи чушь!* Этот неофразеологизм, дословный перевод которого: *Не говори слепой текст!*, является заимствованием из профессионального жаргона веб-дизайнеров, где *Blindtext* – это бессмысленный текст-заглушка, который вставляют только для того, чтобы заполнить пустоту. Появление такой единицы речи показывает широкое распространение цифровых профессий в Германии;

б) *Das ist nicht mehr in meinem Cache* – *Я это забыл*. Дословный перевод этого неофразеологизма: *Этого больше нет в моём кеше*, представляет собой метафору, сравнивающую память компьютера и память человека;

в) *Akku ist leer* – *Я полностью истощён*. Дословный перевод: *Батарейка разряжена*. Причиной возникновения такого неофразеологизма послужило очередное сравнение организма и ощущений человека с работой гаджетов;

г) *Router unterm Arm* – *Постоянно работать в любом месте*. Дословный перевод: *Маршрутизатор под мышкой*. Современному человеку необходимо постоянно иметь

подключение к интернету, и довольно частой картиной в Германии сейчас является работа вне дома: в кафе, на верандах, в парках и т. д. Маршрутизатор в данной истории является символом мобильности, возможности удаленной работы;

д) *Digitalen Freitag machen* – *Отдыхать от цифровых устройств*. Дословный перевод: *Устроить цифровую пятницу*. Возник как часть всемирного тренда на цифровой детокс, вызванный слишком сильной цифровой загруженностью людей [4].

2. Неофразеологизмы, связанные с экологией и осознанным потреблением.

а) *Nicht nachhaltig* – *Нежизнеспособно, непрактично*. Дословный перевод: *Не устойчиво*. В наше время Германия активно участвует в экологических движениях и стремится поддерживать нашу планету. В связи с популяризацией осознанного потребления и борьбы за сохранность нашей планеты, экологический термин приобрел более широкое значение и теперь используется для описания любых иррациональных процессов;

б) *Greta machen* – *Делать строгий выговор кому-либо по поводу его неэкологичного поведения, открыто и бескомпромиссно выступать за защиту окружающей среды*. Дословный перевод: *Делать Грету*. Причиной возникновения стало сильное влияние шведской эко-активистки Греты Тунберг. Её имя стало нарицательным для обозначения активной и принципиальной позиции в вопросах экологии [4].

3. Неофразеологизмы, связанные с психологией и самоощущением.

а) *Fliegenbeine zählen* – *Заикливаться на мелочах*. Дословный перевод: *Считать мушиные ножки*. Данный неофразеологизм появился как реакция на современную проблему микроменеджмента и аналитического паралича. Возникновение такой речевой единицы показывает, что множество жителей Германии подвержены желанию контролировать всё происходящее вокруг себя. Это может быть связано с непостоянством современного мира, нарастающим темпом жизни и другими факторами, создающими стресс;

б) *Jemand will nur spielen* – *Не оправдывать чьи-то действия*. Дословный перевод: *Кто-то просто хочет играть*. В современной интернет-культуре огромной популярностью пользуются различные онлайн и офлайн игры. Однако чрезмерное увлечение ими не поддерживается обществом, что мы можем наблюдать в семантике данного неофразеологизма.

4. Неофразеологизмы, связанные с социальной коммуникацией.

а) *Etwas war gestern* – *Это устарело*. Дословный перевод: *Что-то было вчера*. Данный неофразеологизм отражает ускорение темпа жизни и быстрого устаревания информации [4];

б) *Jemandem zeigen, wo Frosch die Locken hat* – *Проучить, доказать свою правоту*. Дословный перевод: *Где лягушка кудри имеет*. Юмористическая деформация оборота *jemandem zeigen, wo der Hammer hängt*, созданная юмористом Атце Шредером [5].

Эти выражения находятся в активном обращении, но их статус как полноценных фразеологизмов ещё может обсуждаться лингвистами. Однако их устойчивость, образность и частотность в современной речи делают их яркими примерами живого языкового процесса, что позволяет нам назвать их неофразеологизмами. Каждый из приведённых неофразеологизмов отражает восприятие немцами современных бытовых реалий и предоставляет возможность лучше понять их мышление и образ жизни.

В качестве перспективы дальнейшего исследования возможно проведение анализа источников и способов образования неофразеологизмов в немецком языке, а именно: изучить роль англицизмов, изучить процессы переосмысления существующей лексики, а также оценить влияние брендов и коммерческих наименований на формирование неофразеологизмов в немецком языке.

Список использованных источников

1. Бурмистрович, Ю. Я. Из основного о фразеологизме / Ю. Я. Бурмистрович // Фразеологические чтения памяти проф. Валентины Андреевны Лебединской : сб. материалов Всерос. науч. конф., Курган, 02–03 марта 2006 г. / Курганский государственный университет. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 31–34.

2. Каримова, З. С. Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике [Электронный ресурс] 2/ З. С. Каримова // Вестник Башкирского университета. – 2008. – № 3. – С. 823–826. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-frazeologizma-v-sovremennoy-lingvistike>. – Дата доступа : 10.10.2025.

3. Ковалева, А. В. Современные бытовые реалии в неопразеологизмах / А. В. Ковалева // Litera. – 2021. – № 11. – С. 196–202.

4. Kunst der Worte [Электронный ресурс] : сайт о языке и творчестве слов. – Режим доступа : <https://www.kunst-worte.de/> – Дата доступа : 4.10.2025.

5. Zeigen, wo der Frosch die Locken hat [Электронный ресурс] // Kunst der Worte. – Режим доступа : <https://www.kunst-worte.de/neologismen/neologismus-888-zeigen-wo-der-frosch-die-locken-hat/> – Дата доступа : 10.10.2025.

Abstract. The article analyzes the newest phraseological units (neophraseologisms) in the German language that have emerged under the influence of changes in the domestic sphere. Thematic groups such as digitalization, psychology, eco-friendly lifestyle, and others are examined. The sources of their origin and related contemporary domestic features are identified.

Keywords: neophraseologism, German language, modern realities, everyday vocabulary, language dynamics, phraseology.

УДК 371.3

А. А. Долбина
Научный руководитель – **Г. И. Канакина**,
канд. пед. наук, профессор

СИСТЕМА РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛА И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема формирования коммуникативной компетенции учащихся основной школы в процессе изучения глагола и глагольных форм. Предложена авторская система работы, структурированная по модульному принципу (5–7 классы). Приводятся конкретные методические приёмы и типы заданий к упражнениям для каждого этапа, направленные на осознанное использование глагольных форм в речи.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, глагол, причастие и деепричастие, упражнение, речевая деятельность.

Современная лингводидактика характеризуется переходом от знаниецентрической к антропоцентрической парадигме, что находит непосредственное отражение в требованиях ФГОС ООО третьего поколения [1]. В контексте этих изменений формирование коммуникативной компетенции как интегративного качества личности, обеспечивающего готовность к эффективному взаимодействию в различных сферах общения, становится одним из приоритетных направлений школьного образования. Глагольная система русского языка, обладая богатейшим функциональным потенциалом, представляет особый интерес для решения данной задачи. По справедливому замечанию Г. А. Золотовой, «глагол аккумулирует в себе предикативные, семантические и синтаксические свойства предложения, являясь его организующим центром» [2, с. 78].

Как отмечает М. М. Разумовская, «изучение грамматики должно быть подчинено задачам развития речи» [3, с. 45]. Однако традиционный подход к изучению глагола зачастую ограничивается усвоением морфологических признаков и орфографических правил, не раскрывая его коммуникативных возможностей. Наблюдения за учебным процессом показывают, что учащиеся, успешно выполняющие грамматические упражнения, не всегда могут применить полученные знания в спонтанной речи, что свидетельствует о разрыве между теоретическим знанием и практическим умением.

Цель настоящей статьи – разработать и теоретически обосновать систему работы по формированию коммуникативной компетенции при изучении глагола и глагольных форм в основной школе.

В Примерной основной образовательной программе ООО под коммуникативной компетенцией понимается «сформированность коммуникативных действий, проявляющаяся в умении ясно изложить свои мысли, аргументированно ответить на вопросы» [4, с. 18]. В исследованиях Е. А. Быстровой подчеркивается, что формирование данной компетенции предполагает «совокупность специальных и общепредметных знаний, умений, навыков, способов деятельности» [5, с. 5].

Предлагаемая нами система работы базируется на следующих ключевых теоретических положениях:

1. Принцип функциональности (Г. А. Золотова), предполагающий изучение грамматических явлений не изолированно, а в их речевом функционировании [2]. То есть каждый глагольный признак (время, вид, наклонение и др.) изучается с точки зрения той смысловой нагрузки и коммуникативного эффекта, которую он несёт в высказывании.

2. Теория речевой деятельности (И. А. Зимняя), рассматривающая речь как целенаправленный процесс решения коммуникативных задач [6]. В соответствии с этим учебные задания должны моделировать реальные коммуникативные ситуации, имеющие для ученика личностный смысл.

3. Положения коммуникативной дидактики (Е. А. Быстрова) о необходимости создания на уроках русского языка естественных или приближенных к естественным речевых ситуаций, которые стимулируют речемыслительную активность и мотивируют к использованию изучаемых языковых средств [5].

Предлагаемая методика основана на принципе поэтапного усложнения речевых задач и включает три взаимосвязанных модуля, соответствующих курсу русского языка с 5 по 7 класс.

Модуль 1 (5 класс) – формирование базовых представлений о коммуникативном потенциале глагола. Главная задача – сформировать у учащихся представление о глаголе как основном средстве передачи действия и состояния, активизировать глагольный словарь.

Рекомендуем использовать следующие методические приёмы и упражнения:

1. Семантизация глаголов не через заучивание определений, а через наглядные ситуации, демонстрацию действий, видеоряд. Например, дифференциация глаголов *бежать* – *мчаться* – *плестись* на основе анализа контекста и созданных учителем ситуаций.

2. Упражнения на валентность: составление словосочетаний с глаголами, требующими разных распространителей: *читать (что?) книгу (кому?) маме (о чем?) о путешествии*. Это закладывает основы грамматического построения будущего высказывания.

3. Конструирование элементарных высказываний по речевым образцам-клише с опорой на картинки или схемы: *На картине изображён мальчик, который... (что делает?)*.

4. Приём «сравнение ситуаций» для изучения видовременных форм: учащимся предлагаются парные изображения: *мальчик красит забор / мальчик покрасил забор*. Затем дети подбирают глаголы соответствующего вида, объясняя разницу в значении.

Модуль 2 (6 класс) – развитие умения использовать глагольные формы в смоделированных речевых ситуациях.

Задача этого модуля – научить осознанно выбирать глагольные формы в зависимости от цели высказывания и ситуации общения.

Основными методическими приёмами и упражнениями для достижения задачи могут быть следующие:

1. Трансформация высказываний: изменение повествования от 1-го лица к 3-му (и наоборот) с соответствующей сменой личных окончаний глаголов; преобразование настоящего времени в прошедшее или будущее с анализом изменения смысла.

2. Решение коммуникативных задач: *Убеди родителей разрешить тебе поехать в лагерь* (активизация использования побудительных и условных предложений), *Опиши маршрут так, чтобы его мог повторить другой человек* (использование глаголов движения с приставками: *пройти, повернуть, дойти*).

3. Составление диалогов на заданную тему с использованием определённых глагольных форм (например, диалог в магазине с использованием вежливых просьб в повелительном наклонении).

4. Анализ и редактирование речевых ошибок, связанных с неоправданным повтором глаголов (*сказал, что... потом сказал...*), поиск синонимичных глагольных конструкций для устранения тавтологии.

Модуль 3 (7 класс) – формирование умения использовать глагольные формы для создания сложных и выразительных высказываний.

Задача – научить использовать причастия и деепричастия как средства синтаксической компрессии и повышения выразительности речи.

Мы предлагаем использовать следующие приёмы и упражнения:

1. Синтаксическая синонимия: замена придаточных определительных предложений причастными оборотами и наоборот. Анализ стилистических различий и уместности использования каждой конструкции.

2. Создание текстов определённых жанров: описание внешности человека (портретная характеристика) с использованием причастий; описание последовательности действий (инструкция, отчёт о проведённом эксперименте) с использованием деепричастных оборотов.

3. Редактирование текстов: задание на сжатие информации (замена нескольких простых предложений одним сложным с причастным/деепричастным оборотом) или, наоборот, на «распространение» с целью сделать текст более живописным.

4. Взаимное рецензирование: работа в парах или малых группах по оценке сочинений одноклассников с точки зрения уместности, точности и выразительности использования глагольных форм.

Предложенная система была апробирована в ходе экспериментального обучения в МБОУ «Лицей современных технологий управления № 2» города Пензы, где я работаю учителем русского языка и литературы. Результаты контрольных срезов и анализ творческих работ показали положительную динамику. Наиболее значимые улучшения наблюдались в умении учащихся сознательно варьировать глагольные формы в зависимости от коммуникативной задачи. В экспериментальной группе увеличилось количество учащихся, способных создавать связные развернутые высказывания с использованием причастных и деепричастных оборотов. Кроме того, снизилось количество речевых ошибок, связанных с неоправданным повтором и неверным выбором глагольной формы.

Таким образом, предложенная система работы позволяет преодолеть разрыв между теоретическим знанием о глагольной системе и практическим умением использовать её в речевой деятельности. Комплексный подход, включающий последовательное освоение коммуникативного потенциала глагольных конструкций, способствует не только формированию коммуникативной компетенции, но и развитию метапредметных умений учащихся. Дальнейшее совершенствование методики предполагает разработку дифференцированных заданий по каждой теме.

Список использованных источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] : 31 мая 2021 г., № 287 : утверждён Приказом Министерства просвещения РФ. – М., 2021. – Режим доступа : <https://fgos.ru/>. – Дата доступа : 28. 07. 2025.

2. Золотова, Г. А. О путях построения современной теории русского синтаксиса / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 1. – С. 76–85.

3. Разумовская, М. М. Развитие речи как основа формирования коммуникативной компетенции школьников / М. М. Разумовская // Русский язык в школе. – 2009. – № 6. – С. 44–49.

4. Примерная основная образовательная программа основного общего образования [Электронный ресурс] : одобр. решением федерального уч.-метод. объединения по общему образованию, протокол от 18.03.2022, № 1/22. – Режим доступа : https://legalacts.ru/doc/primernaja-osnovnaja-obrazovatel'naja-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovanija-odobrena-resheniem_2/. – Дата доступа : 02.08. 2025.

5. Быстрова, Е. А. Цели обучения русскому языку, или Какую компетенцию мы формируем на уроках / Е. А. Быстрова // Русская словесность. – 2003. – № 1. – С. 4–10.

6. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2001. – 432 с.

Abstract. The article addresses the current problem of developing communicative competence in lower secondary school students through the study of the verb and verb forms. An original teaching system, structured according to a modular principle (for grades 5–7), is proposed. Specific methodological techniques and exercises for each stage, aimed at the conscious use of verb forms in speech, are provided.

Keywords: communicative competence, verb, participle and gerund, exercise, speech activity.

УДК 811.161.1`372:2-444.6

Д. М. Дорогань

Научный руководитель – Е. И. Холявко,

канд. филол. наук, доцент

ЖЕЛАТЬ VS НАМЕРЕВАТЬСЯ

Аннотация. В статье рассматривается семантика глаголов *желать* и *намереваться*. Производится реконструкция их исходных корней, определяется своеобразие современной семантики. Взаимодействие рассматриваемых глаголов – удивительное явление, ведь они вступают в синонимические отношения, несмотря на антонимичность сем в семемах: *желать* – отсутствует сема действенной воли, *намереваться* – присутствует сема действенной воли.

Ключевые слова: глагол, желать, намереваться, желание, намерение, синонимы, семантика.

В русском языке существует много глаголов, обозначающих волеизъявление. Конечно же, часть из них по отношению друг к другу является синонимами. Но не всегда такие глаголы вступают в корректные синонимические отношения. В этом плане очень интересна пара *желать* – *намереваться*. Носителям языка сразу видно, что они выражают разные понятия, но в некоторых контекстах глаголы могут быть взаимозаменяемыми. Цель нашей работы заключается в выявлении семантического своеобразие этих глаголов.

Рассмотрим современную семантику глаголов *желать* и *намереваться*.

Глагол *желать* многозначный: 1) (чего) ‘стремиться к чему-либо; хотеть чего-либо’: *Желать славы, успеха, признания. Желая знать ваше мнение. Не желаете ли кофею? Желать невозможного. Лучшего и желать нельзя. Я не желаю с вами разговаривать!* 2) ((кому-чему), чего или с инфинитивом) ‘высказывать пожелания’: *Желаю вам всем счастья и благополучия! Желаем вам доброго пути. Желаю здоровья! Желаю вам хорошего отдыха;* 3) (кого) ‘испытывать к кому-либо любовное влечение, страсть, вожделение’: *Он желал её страстно, хотел обладать ею. Он любил и желал только эту женщину* [1, с. 301]. Глагол зафиксирован в 84 672 контекстах, по данным Национального корпуса русского языка, например: *От всей души желаю Вам найти подходящую работу, ведь «учителем сначала нужно родиться, а потом уже стать»* (Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008–2011)); *С древности известно, как расположить к себе людей: «собирать все, что народ желает, и отдавать ему»* (Иван-дурак и миллиардер Шахновский // «Завтра», 2003.08.22) [2].

Глаголу *намереваться* свойственно значение ‘иметь намерение, предполагать, собираться что-либо сделать’: *Намереваться поехать в родной город. Намереваться поступит в институт.* Форма совершенного вида *намереться* устарела [1, с. 588]. Глагол зафиксирован в 5 112 контекстах, по данным Национального корпуса русского языка, например: *Доктор вполне серьезно намеревался составить конкуренцию IBM* (Леонид Черняк. Три ошибки Доктора // «Computerworld», 2004). *В настоящее время Спилберг подбирает в Европе натуру и намеревается начать съемки в июне 2004 года* (Rendez-vous // «Экран и сцена», 2004.05.06). *В октябре «Газпром» намеревается взять с рынка 5 млрд рублей* (Юлия Ефимова. Облигация векселю не помеха // «Финансовая Россия», 2002.09.19) [2].

От исследуемых глаголов образованы существительные *желание* и *намерение*. Мы также рассмотрим их в данной статье, так как различие в семантике существительных видно лучше, чем у производящих глаголов.

Итак, приступим к глаголу *желать*. С точки зрения истории, он восходит к глаголу *галить*. По этимологическому словарю славянских языков, значение «‘желать’ у **galiti* развилось, безусловно, экспрессивным путем, поэтому здесь надо исходить из фигурального употребления (напр. ‘бросать взгляд’ – ‘таращиться, зариться’ – ‘желать’))» [3, с. 94]. Таким образом, *желать* в русском языке имеет семантическую параллель с глаголом *глазеть*, из-за чего можно прийти к выводу, что предметом желания становится то, на что мы можем «бросить глаз».

Ю. Д. Апресян отмечал, что отличие глагола *желать* от других синонимов заключается в том, что он обозначает желание, в котором нет намека на действенную волю, например: *У каждого, у каждого в душе было то, что заставляет человека жить и желать сладкого обмана жизни!* (И. Бунин, Братья); *Где мой брат? Он был кроткий и благородный и никому не желал зла* (Л. Андреев, Красный смех); *От всей души желаю, чтобы они [праздники] скорее кончились* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [4, с. 1250].

Что касается существительного *желание*, то в современной психологии соответствующим термином называют одну «из форм мотивационного состояния» [5, с. 140]. Понятие «желание» трактуется психологами двояко: во-первых, «в более точном смысле желание – форма переживания потребности, в которой конкретизированы, «представлены» предмет потребности (мотив) и возможные пути удовлетворения потребности» [5, с. 140]; а во-вторых, «многие авторы трактуют желание как осознанное влечение, «влечение с сознанием его» (например, Б. Спиноза, Л. С. Выготский), что накладывает дополнительное ограничение (по сравнению с предыдущими трактовками)» [5, с. 140].

После интерпретаций понятия в психологическом словаре содержится вывод о том, что «в приведенных квазиопределениях указываются следующие семантические признаки: множество потребностей (все множество или только часть); интенциональность (предметность <...>) желания; осознанность» [5, с. 140].

Стоит также отметить, что «в разработанном А. Вежицкой «естественном семантическом метаязыке», который «претендует» на то, чтобы представлять лексические универсалии, наряду с первичными понятиями «знать», «чувствовать», «думать» и «говорить», есть и универсалия «желать» (или «хотеть»))» [5, с. 140]. Таким образом, *желать* отчасти является базовым глаголом, а значит, посредством его можно давать определение другим глаголам.

Перейдем к глаголу *намереваться*. Он восходит к **naměriti (se)*, который образовался путем сложения приставки **na-* и глагола **měriti* [6, с. 187]. В свою же очередь глагол **měriti* образован от славянского **měra* [7, с. 184], которое происходит от и.-е. **mē-* ‘мерить’ [7, с. 180].

Как мы упоминали выше, у глагола *намереваться* есть производное существительное *намерение*. В современной психологии соответствующим термином обозначают ‘сознательное решение, выполняющее функцию побуждения и планирования поведения или деятельности человека’ [5, с. 288].

В словаре выделяются его следующие семантические особенности:

– интенция. Синонимично понятию «квазипотребность» (К. Левин). Намерение формируется, во-первых, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено; а во-вторых, когда удовлетворение потребности не может быть достигнуто непосредственно, а требует достижения промежуточных целей, не имеющих собственной побудительной силы. В этом случае возникшее у человека намерение выступает в качестве побудителя действий, направленных на достижение промежуточных целей» [5, с. 288];

– имеет побудительную силу. Побудительная сила намерения является синтезом двух образующих. «С одной стороны, это влияние непосредственной потребности, звеном в удовлетворении которой оно является, с другой – воздействие со стороны интеллектуальной активности, посредством которой человек осознает средства, позволяющие достичь удовлетворения потребности. Следовательно, намерение представляет собой возникающее в процессе психического развития человека новое функциональное образование, в котором в неразрывном единстве выступают аффективные и интеллектуальные компоненты» [5, с. 288];

– организует поведение человека. «Экспериментальные исследования показывают, что побуждения, идущие от принятого намерения, обладают теми же динамическими свойствами (силой, напряженностью и др.), что и побуждения, идущие непосредственно от потребности. Человек, побуждаемый принятым намерением, может действовать даже вопреки непосредственному желанию. Таким образом, намерение организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей» [5, с. 288].

Можно сделать вывод, что в семеме глагола *намереваться* выделяется сема активного действия. Его сила настолько велика, что может даже подавить желание. В этом плане глаголы *намереваться* и *желать* обладают противоположными семантическими признаками и потенциально способны вступать в антонимические отношения.

Самое интересное, что у *намеревается* есть также книжное значение ‘иметь замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо’ [1, с. 588]. Семантика производного существительного *намерение* определяется через базовый компонент ‘желание’: ‘замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо’: *Намерение купить собаку. Намерение жениться. Без (всякого) намерения* ‘неумышленно, без определённой цели’. *С намерением, намерениями* ‘умышленно, с определённой целью’ [1, с. 588].

В итоге получается, что в основе определения семантически активного глагола лежит пассивный глагол, а это уже своего рода какой-то языковой оксюморон.

Причину этого удивительного языкового явления мы видим в соотношении семантики синонимичных слов.

Из синонимов глагола *желать* самым близким к *намереваться* является *хотеть*. Он также довольно семантически активный и в определенных контекстах может выражать значение намерения, предполагающего действенное усилие. «Для значения намерения характерно указание временных рамок данного состояния...» [4, с. 1248–1249]). От *хотеть* образовано существительное *хотение*. Оно часто заменяется более употребительным и стилистически нейтральным словом *желание*, ведь глаголы семантически очень близки. Наверное, именно поэтому значение *намерения* и определяется через не совсем подходящий компонент.

Исследуемые глаголы явно не являются абсолютными синонимами. Существующая взаимозаменяемость объясняется выпадением близкого для обоих глаголов компонента. Так или иначе, взаимодействие глаголов *желать* и *намереваться* всё равно остаётся удивительным явлением: несмотря на внутреннюю антонимию, в современном языке они квалифицируются как синонимы. Скорее всего, их объединяют общие семантические признаки: мотивация, интенциональность, стремление получить что-либо.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 11.10.2025.
3. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев. – Вып. 6 (*e – *golva). – М. : Наука, 1979. – 223 с.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1299 с.
5. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК; М. : ОЛМА-Пресс, 2003. – 666 с. – Режим доступа : <https://archive.org/details/3-.2002>. – Дата доступа : 08.10.2025.
6. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев. – Вып. 22 (*nadeliti – *narodъ). – М. : Наука, 1995. – 255 с.
7. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев. – Вып. 18 (*matoga – *mękyška). – М. : Наука, 1993. – 255 с.

Abstract. This article examines the semantics of the verbs *to desire* and *to intend*. Their original roots are reconstructed, and the unique features of their modern semantics are identified. The interaction of these verbs is a surprising phenomenon, as they form synonymous relationships despite the antonymy of their senses: *to desire* lacks the sense of effective will, while *to intend* does.

Keywords: verb, to desire, to intend, intention, synonyms, semantics.

УДК 811.581:003.212(=581):177.5-0.55.1/3

М. П. Ежова

Научный руководитель – **В. И. Коваль**,
д-р филол. наук, профессор

ОБ ОТРАЖЕНИИ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКЕ

Аннотация. В статье затрагивается тема влияния этапов эволюции общества и сформировавшихся в нём социокультурных связей на развитие языка. В частности, на примере отдельных понятий раскрывается влияние сложившихся в китайском обществе патриархальных традиций на формирование иероглифики.

Ключевые слова: общество, гендерная асимметрия, иероглиф, мужчина, женщина.

Эволюция любого языка и письменности неразрывно связана с развитием общества. От своего зарождения и до современности всё человеческое общество состояло и состоит из мужского и женского начал. В разные периоды эволюции различных народов социальные роли мужчины и женщины менялись, матриархат уступал место патриархату, что находит отражение в языках, например, существование отчества у одних культур и «матчества» – у других.

Китайская письменность начала зарождаться в эпоху династии Шан. Основной деятельностью государства в этот период было производство бронзы, шелководство и ведение войн. Государство было патриархальным, но роль женщин не была ограничена только ведением домашнего хозяйства, они принимали активное участие в политической и культурной жизни государства. На смену династии Шан пришла эпоха правления династии Чжоу с более низким уровнем развития, и роль женщины свелась к роли хранительницы семейного очага и репродуктивной функции. Гендерная асимметрия в китайском обществе стала более явной, что нашло отражение в развитии письменности.

Гендерная асимметрия в китайском языке, уходящая корнями в патриархальную структуру традиционного общества, ярко проявляется на примере иероглифов. Это видно в нескольких ключевых аспектах: концептуализации гендерных ролей, оценочных суждениях и структуре самих иероглифов. Для этого обратимся к базовым понятиям: «Мужчина» и «Женщина».

Иероглиф 男 (*nán*) – ‘мужчина’ первоначально изображал человека с мотыгой, а в настоящее время данный иероглиф состоит из двух графем: 田 (*tián*) – ‘поле’ и 力 (*lì*) – ‘сила’. Этимологическое значение иероглифа 男 – ‘тот, кто прилагает силу на поле’. Иероглиф отражает традиционную социальную роль кормильца семьи и работника, связанную с физическим трудом и внешней деятельностью. На рисунке 1 наглядно отображается разделение ролей в традиционной китайской семье.

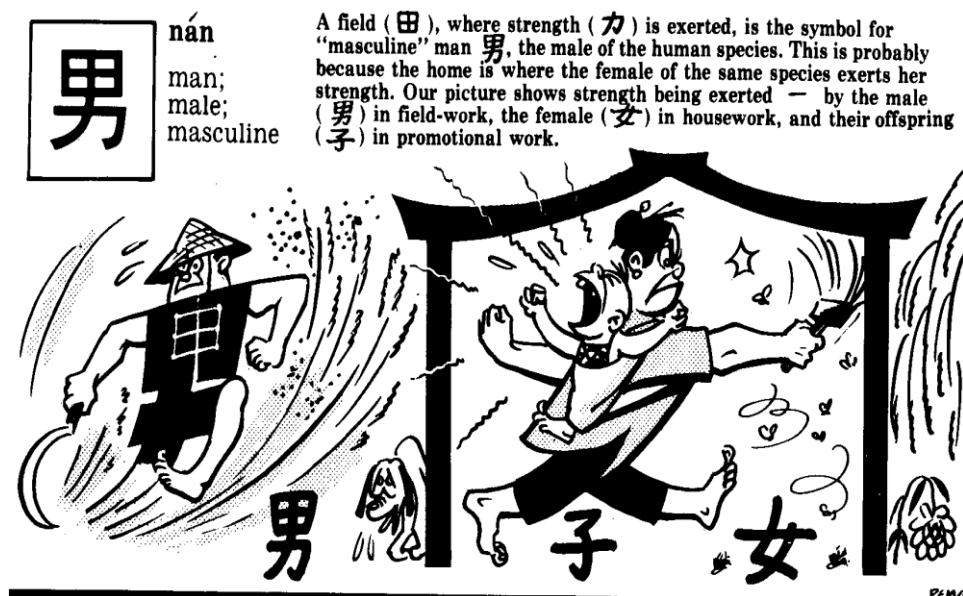

Рисунок 1 – Изображение иероглифа 男 [1, с.24]

Изображение иероглифа 女 (*nǚ*), который имеет значение ‘женщина’, значительно отличается от 男. Если иероглиф 男 отражает социальную роль, то иероглиф 女 представляет собой пиктограмму, изображающую человека в позе покорности или со скрещенными руками (сидящую женщину). Хотя современная форма этого иероглифа упрощена, этимология указывает на подчиненное положение женщины, что можно увидеть на рисунке 2.

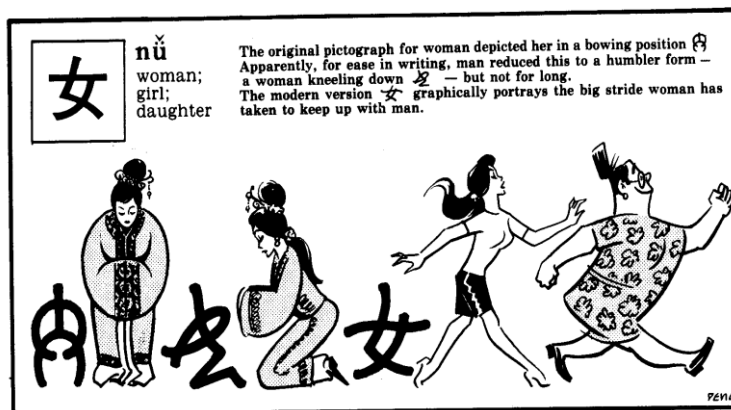

Рисунок 2 – Эволюция иероглифа 女 [1, с.1]

Очевидно, что уже на базовом уровне мужчина ассоциируется с активной силой и производительным трудом, а женщина – с самим фактом своего пола, исторически не несущим социально-активной коннотации.

Далее рассмотрим иероглифы, которые относятся к теме брака, семейных отношений.

Иероглиф 娶 (*qǔ*) ‘жениться (о мужчине)’ состоит из 取 (*qǔ*) – ‘брать, принимать’ и 女 (*nǚ*) – ‘женщина’ [2], т. е. буквально он означает ‘взять женщину’. Мужчина в таком случае является активной стороной, которая «принимает» или «забирает» женщину в свою семью.

Иероглиф 嫁 (*jià*) ‘выходить замуж (о женщине)’ состоит из 女 (*nǚ*) – ‘женщина’ и 家 (*jiā*) – ‘дом, семья’, т. е. общее значение иероглифа – ‘женщина отправляется в [новую] семью’, т. к. в традиционном китайском обществе женщина является пассивной стороной, которая покидает свою семью, чтобы войти в семью мужа [3, с.163].

Таким образом, в самом акте брака мужчина совершает действие «взять», а женщина – действие «уйти/перейти», что отражает патрилокальный брак (проживание в доме мужа).

Показательны также с точки зрения гендерной асимметрии иероглифы, отражающие социальный статус и оценку. Так, иероглиф 好 (*hǎo*) ‘хороший, отличный’ состоит из графем 女 (*nǚ*) ‘женщина’ и 子 (*zǐ*) ‘ребенок’. Это один из самых положительных иероглифов в языке, поскольку его традиционное толкование заключается в утверждениях «хорошо, когда у женщины есть ребенок» или «женщина с ребенком – это хорошо». Данная идея отражает традиционную ценность, в соответствии с которой главной добродетелью женщины является материнство [3, с. 133].

Иероглиф 奴 (*nú*) ‘раб, слуга’ состоит из ключа 女 (*nǚ*) ‘женщина’ (справа) и ключ 又 – ‘правая рука’ (слева). Буквально иероглиф показывает обладание над женщиной: исторически китайские женщины, особенно военнопленные, часто попадали в рабство и становились наложницами или служанками. Данный иероглиф показывает, что женское начало ассоциировалось с подчиненным, бесправным положением [3, с. 260].

Ключ 女 (*nǚ*) ‘женщина’ входит в состав ряда иероглифов, имеющих общенегативное значение, что связано с традиционным восприятием женского начала «инь» как темного, низкого: 嫉 (*jí*), 妒 (*dù*) – ‘завидовать, ревновать’; 嫌 (*xián*) – ‘испытывать неприязнь, подозревать’; 奸 (*jiān*) – ‘предательский, коварный’.

Женское начало (女) является компонентом как для высшей похвалы (好), связанной с репродуктивной функцией, так и для множества негативных понятий, связанных с пороками и преступлениями. Мужское начало (男) редко используется в таких негативных контекстах.

Ряд китайских иероглифов отражает семейные роли. Например, иероглиф 夫 (*fū*) ‘мужчина, муж’ изображает взрослого мужчину с заколкой в волосах (символ совершеннолетия в древности), что ассоциируется с силой, зрелостью и статусом [3, с. 102]. в то же время иероглиф 妇 (*fù*) ‘замужняя женщина, жена’ состоит из ключа 女 (*nǚ*) ‘женщина’ и 帚 (*zhǒu*) ‘веник, метла’, что прямо указывает на традиционную социальную роль женщины, сферой ответственности которой является ведение домашнего хозяйства [3, с. 107]. Как видим, роль мужчины определяется его социальным статусом (муж, глава), а роль женщины – ее домашней функцией (уборка, быт).

Приведенные выше примеры китайских иероглифов ярко демонстрируют, как патриархальные ценности древнего китайского общества были «вплетены» в саму структуру письменности. Женщина в этих иероглифах часто предстает как объект мужского действия (娶 ‘взять жену’), носитель определенной репродуктивной и домашней функции (好, 妇), воплощение негативных моральных качеств (嫉, 奸). Несмотря на то что

в современном китайском обществе мужчина и женщина практически уравнились в своих правах, на примере данных иероглифов мы можем увидеть отражение древних кодов традиционной китайской культуры.

Список использованных источников

1. Удовольствие с китайскими персонажами. – Гонконг : [б. и.], 1986. – 176 с.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%A8%B6>. – Дата доступа : 04.10.2025.
3. История 1000 китайских иероглифов. – Пекин : Пекинск. объедин. издат. компания, [б. г.]. – 509 с.

Abstract. The article discusses the influence of the stages of society's evolution and the socio-cultural connections that have formed in it on the development of language. In particular, the article uses specific concepts to illustrate the impact of patriarchal traditions in Chinese society on the formation of hieroglyphics.

Keywords: society, gender asymmetry, hieroglyph, man, woman.

УДК 81'276.1(=581):392.81(=581)

Ю. А. Емельянова

Научный руководитель – А. А. Аксёникова-Бирюкова,
ст. преподаватель

ЯЗЫК ЕДЫ И КУЛИНАРНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные функции еды в китайской культуре; проанализировано происхождение распространенного в китайском языке приветствия. Рассмотрены истоки традиции совместной трапезы и функции, которые она выполняет; проанализированы названия и символика некоторых традиционных китайских блюд.

Ключевые слова: китайский язык, китайская культура, традиции, символика, трапеза, китайская кухня.

В большинстве культур еда выполняет не только биологическую функцию, но и социальную: она объединяет людей, отражает их традиции и ценности. Для Китая, в котором кулинарное искусство имеет тысячелетнюю историю, существует тесная связь между едой и языком. В Поднебесной популярно утверждение: «Китайская кухня является важной составляющей культуры, а язык еды служит ее “голосом” и “письменностью”» [1, с. 60].

В современном мире символизм сохранил свою графическую и психологическую силу не только в искусстве, но и в повседневной жизни, включая кулинарную культуру. Как утверждал Конфуций, миром правят не слова и законы, а знаки и символы. Это высказывание находит подтверждение в китайской гастрономической традиции, так как в ней все блюда, слова и церемонии несут в себе закодированные культурные смыслы [1, с. 62]. Пищевые ритуалы отражают традиции, верования, менталитет и ценности народа [2, с. 51]. Некоторые гастрономы, наделены символическими, а иногда «магическими» свойствами, что объясняется наличием мифов, связанных с пищевыми табу и ритуалами [3, с. 362].

В Китае формула приветствия 你吃饭了吗? [Nǐ chīfànle ma?] (Ты поел?) является одной из самых распространенных. Это связано с тем, что на протяжении долгого периода древней и современной истории Китая одной из главных проблем для населения этой страны была проблема 温饱 [wēnbǎo] (в тепле и сытости). В связи с этим вопрос о еде 你吃饭了吗? [Nǐ chīfànle ma?] (Ты поел?) являлся способом проявить заботу о близких или незнакомых людях. С течением времени эта фраза сохранилась как традиция и превратилась в знак выражения дружбы, уважения и приглашения к общению. Данный вопрос

не требует подробного ответа, на него можно ответить 吃了 [*chī le*] (*Поел*) или 还没 [*hái méi*] (*Еще нет*). Кроме того, он способствует дальнейшему общению людей, так как затем можно спросить: «А где ты ел? Как там еда? Вопрос 你吃了吗? [*Nǐ chīfànle ma?*] (*Ты поел?*)» создает атмосферу доверия между людьми и делает их общение более искренним.

Совместная трапеза представляет собой важный ритуал в китайской культуре, который отражает отношения между людьми, социальную иерархию и семейные ценности. Его история насчитывает более 3 тысяч лет – от древних церемоний при жертвоприношениях до современных семейных ужинов и деловых обедов. В Древнем Китае совместное питание было частью религиозных церемоний, когда цари и знать собирались за столом после жертвоприношений к духам предков, чтобы «разделить еду с небесами». Позже данный ритуал стал проводиться и в аристократических семьях, демонстрируя единство рода и сохранение семейных традиций, а еще позже стал возможным и для представителей среднего класса [1, с. 64].

В современном Китае совместные трапезы выполняют несколько ролей, включая сохранение семейных связей. В праздники 农历新年 [*nónglì xīnnián*] (*Новый год по лунному календарю*), 中秋节 [*zhōngqiū jié*] (*Праздник середины осени*), 清明节 [*qīngmíng jié*] (*Праздник Цинмин*) все члены семьи обязательно стараются собраться вместе за столом. Они обсуждают семейные дела, делятся новостями, рассказывают о своих планах на будущее, что способствует укреплению чувства принадлежности к роду. Самым важным является 年夜饭 [*niányè cān*] (*праздничный ужин в канун Праздника весны (в последний вечер старого года)*), когда на праздничном столе обязательно должны быть блюда, символизирующие удачу.

Кроме того, совместные трапезы усиливают социальные и деловые связи. Деловые встречи зачастую проходят за обедом или ужином, что помогает снизить формальность, договориться о делах и установить доверие. При этом существует строгая иерархия: начальник или почетный гость садится во главе стола, а остальные – в зависимости от статуса. Совместные трапезы также служат для выражения уважения к гостям. Приглашая к трапезе, хозяин старается подготовить как можно больше блюд. Если гость отказывается от еды, это может быть воспринято как неуважение, и поэтому принято попробовать каждое блюдо, пусть даже в небольших количествах.

В китайской кухне названия многих блюд не случайны, они часто отражают народные суеверия, исторические легенды или пожелания удачи. Некоторые из них строятся на 谐音 [*xiéyīn*] (*игре слов, основанной на созвучии*) или 象形 [*xiàngxíng*] (*образности иероглифов*), что делает их не только информативными, но и эмоционально насыщенными. Благодаря особенностям китайского языка (тоны, большое количество однокоренных слов) многие блюда получают названия, похожие на слова, обозначающие благополучие: например, 鱼 [*yú*] (*рыба*), звучит как 余 [*yú*] (*достаток, избыток*), поэтому рыба обязательно подается на новогоднем столе, символизируя 富足有余 [*fùzú yǒuyú*] – *богатство и изобилие* в новом году.

Дракон в китайской культуре имел несколько значений. Эта древняя рептилия считалась символом сверхъестественных сил, не ограниченных моральными принципами [4]. Вышитый на одежде извивающийся дракон олицетворял созидательные ритмы природных элементов. Например, изображение дракона с жемчужным зерном в пасти служило знаком силы грозы, несущей дождь. Лун, бирюзовый дракон с пятью когтями, был эмблемой династии Хань, символизировал Восток, восходящее солнце, плодородие, счастье и дар божественного знания и бессмертия [5, с. 39]. Это нашло отражение в блюде из кошачьего и змеиного мяса 龙虎斗 [*lóng hǔ dòu*] (*битва дракона с тигром*) из провинции Гуандун, где дракон – змея, а тигр – кошка. Исторически это блюдо считалось лекарственным, так как согласно указаниям традиционной китайской медицины, мясо змеи и кошки укрепляет здоровье. В настоящее время для приготовления данного блюда используют индейку или курицу вместо кошки, а рыбу – вместо змеи.

Рис в традиционной китайской культуре занимает особое место, являясь основой простой, но питательной пищи. Он отражает представления о ценности, жизненной важности, а также обыденности и повседневности [4]. Под воздействием природных условий и практической деятельности *рис* стал национальным видом пищи, что закрепилось в языке – например, в пословицах: 珍珠为宝, 稻米为王 [*Zhēnzhū wéi bǎo, dào mǐ wéi wáng*] (*Жемчуг – сокровище, рис – царь*), 粒米虽小君莫扔, 勤俭节约留美名 [*Lì mǐ suǐ xiǎo jūn mò rēng, qínjiǎn jiéyue liú měi míng*] (*Хоть зернышко риса мало, не бросай его, Трудолюбие и бережливость оставят тебе доброе имя*), 粒米虽小犹不易, 莫把辛苦当儿戏 [*Lì mǐ suǐ xiǎo yóu bù yì, mò bǎ xīnkǔ dāng er xì*] (*Хоть рисовое зернышко и маленькое, вырастить его непросто. Не воспринимайте тяжелый труд как шутку*). Данные выражения передают способ мышления людей, обозначают содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций.

Еще одно традиционное блюдо в китайской культуре – *лапша*, являющаяся символом долголетия. В народе говорят: 吃面条的人长寿 [*Chī miàntiáo de rén chángshòu*] (*Человек, который ест лапшу, долго живет*). Иероглиф 面 [*miàn*] имеет значение *лапша* и *долголетие*, поэтому *лапшу* посылают в подарок друзьям ко дню рождения, когда они достигают совершеннолетия, и обязательно подают на праздничный стол вместе с пожеланиями долголетия на 21-ый, 31-ый, 41-ый день рождения – в начале каждого важного жизненного этапа [1, с. 67].

Важным китайским национальным блюдом являются 饺子 [*jiǎozi*] *пельмени*. Они имеют форму 元宝 [*yuánbǎo*] – *золотых или серебряных монет* Древнего Китая, поэтому подаются на Новый год, символизируя 招财进宝 [*zhāocái jìnbǎo*] – *привлечение богатства и сокровищ*. Кроме того, слово 饺子 [*jiǎozi*] *пельмени* звучит как 交子 [*jiāozi*] – *переход к новому году*, что усиливает их символический смысл – переход из старого года в новый [4]. Пельмени были популярным блюдом уже при династии Тан (618–907 гг.), однако фирменным новогодним кушаньем стали во время правления династии Мин (1368–1644 гг.). В настоящее время сохраняется традиция, когда пельмени обязательно должны быть первым угощением в Новом году (по лунному календарю) [1, с. 65].

Некоторые китайские блюда получили названия в память об исторических событиях или легендах, становясь частью культурного наследия: например, 夫妻肺片 [*fūqī fèipìàn*] (*салат из свиного языка, желудка и огурца с сычуаньским перцем*). История появления данного блюда связана с городом Чэнду в 1930-х годах и историей супругов Го Чаохуэй, которые готовили пищу из говяжьих субпродуктов (включая легкие, язык и сердце). Их блюдо стало очень популярным и получило шуточное название «*Легкие и сердце супругов*», которое и сохранилось за ним.

Таким образом, язык еды и кулинарная культура Китая являются воплощением тысячелетней истории, социальных норм и традиций народа. Приветствие 你吃了吗? [*Nǐ chīfànle ma?*] (*Ты поел?*) отражает исторический страх голода и современную заботу о ближних; совместные трапезы – идею единства семьи и социальной иерархии, а названия блюд и символические характеристики продуктов (рыба, дракон, рис, лапша, пельмени) – связь с традициями, пожеланиями удачи и долголетия.

Следует отметить, что в настоящее время в Китае сохраняются традиции семейной трапезы, однако при невозможности родственников встретиться лично в дни важных праздников совместный приём пищи может осуществляться с использованием видеозвонка. В онлайн-ресторанах сохраняют традиционные названия блюд, но некоторые из них могут упрощать, чтобы сделать более понятными для иностранцев. Таким образом, язык еды продолжает развиваться и передавать ценности из поколения в поколение, а также выступает как важный фактор объединения людей.

Список использованных источников

1. Доржиева, Г. С. Лингвосомиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов (на примере китайских гастронимов) / Г. С. Доржиева, Гао Цзяньго // Вестник Московского университета. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – С. 60–72.
2. Александрова, О. В. Межкультурная коммуникация и ее символы / О. В. Александрова // Вестник Московского университета. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 50–56.
3. Рассадина, С. А. Пищевые мифологемы в период пандемии / С. А. Рассадина // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира : матер. V межд. науч.-практ. симпози., Москва, 12–14 нояб. 2020 г. – М. : Новое время, 2021. – С. 360–371.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch>. – Дата доступа: 12.09.2025.
5. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – М. : Гранд : Фаир-Пресс, 2001. – 204 с.

Abstract. This article examines the fundamental functions of food in Chinese culture and analyzes the origins of a common greeting in Chinese. It also examines the origins of the tradition of sharing a meal and its functions, and analyzes the names and symbolism of some traditional Chinese dishes.

Keywords: Chinese language, Chinese culture, traditions, symbols, meal, Chinese cuisine.

УДК 811. 161.1

Е. А. Епифанова

Научный руководитель – **О. А. Дмитриева**,
канд. филол. наук, доцент

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЧЕЛОВЕК ↔ ПИЩА» В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

Аннотация. Данная статья посвящена описанию метафорической модели «человек ↔ пища» в повести В. П. Астафьева «Последний поклон». Выявлено, что основанием для метафорического переноса выступают такие свойства пищи, как размер, форма, цвет, консистенция, с одной стороны (*пища* → *человек*), и качества, внешний вид человека, с другой стороны (*человек* → *пища*).

Ключевые слова: метафорическая модель, метафора, сравнение, пищевая лексика, кулинарно-гастрономический код культуры.

Проза В. П. Астафьева – предмет неослабевающего интереса ученых-лингвистов. Многие исследования посвящены анализу функционирования диалектных слов [1; 2], особое внимание данной проблеме уделяет Л. Н. Падерина, которая подчеркивает, что «у В. П. Астафьева диалектные слова используются для передачи подлинной народной речи» [2, с. 203]. Ю. В. Шароглазова [3], Е. Д. Кропинина [4] рассматривают фразеологизмы, эвфемизмы и паремии, встречающиеся в произведениях писателя. Работы А. С. Коломовой [5], Л. Г. Ким [6] посвящены анализу образного языка и описанию основных метафорических моделей в отдельных произведениях.

А. П. Чудинов дает следующее определение метафорической модели: «это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y»», где X – «понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы» [7, с. 132] (сфера-магнит, область-мишень); Y – «понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы

охватываемых моделью единиц» [7, с. 131] (сфера-источник, область-источник). В данной статье мы опирались на исследование Г. С. Ермолаева метафорических моделей в произведениях М. А. Шолохова [8]. Г. С. Ермолаев делит компаративные тропы на четыре основные категории: «человек, животные, природа и предметы» [8, с. 202].

Предметом рассмотрения в нашей статье является метафорическая модель «человек ↔ пища». Материалом для исследования послужила первая книга повести в рассказах «Последний поклон».

1. **ПИЩА → ЧЕЛОВЕК**. В качестве области-мишени в данной метафорической модели выступает как человек в целом, так и его части тела, поведение, характер. Овощи, съедобные растения, грибы, выпечка служат областью-источником, которая характеризует внешность человека, его отличительные свойства. Например, люди сравниваются с грибами: *Завял он [жарок], засох, краса вся его наземь обсыпалась. И люди вот так же, пока цветут, красивые, потом усохнут, сморщатся, что грибы червивые* [9, с. 52]. Человек уподобляется цветку в молодости и грибам в старости: образ жарков (купальниц) несет в себе положительные ассоциации, на что указывают лексемы *цветут, красивые*; грибы же воспринимаются как противоположность цветам: автор создает отрицательный образ при помощи слов с негативной семантикой – *червивые, усохнут, сморщатся*. Метафорический перенос основан на схожести процессов, происходящих с человеком и миром природы (расцвет – увядание). Сравнение человека с определенным типом гриба может иметь и положительный оттенок: – *Гляди вон, как ест парнишка, оттого и крепок, как гриб боровик* [9, с. 70]. Главный герой произведения, Витя Потылицын, сравнивается с боровиком на основании внешнего сходства, его физических данных.

Областью-мишенью нередко выступают части тела человека. Например, голова по своей форме сравнивается с брюквой: *Вася пил чай не по-нашему, не вприкуску и не из блюда, прямо из стакана пил, чайную ложку выкладывал на блюде и не ронял ее на пол. Очки его грозно посверкивали, стриженная голова казалась маленькой, с брюковку* [9, с. 16]. Форма и размер головы Васи подчеркиваются не столько словом *маленький*, сколько формой диминутива овоща (*брюковка*). Голова также сравнивается с тыквой (традиционный образ для сравнения): – *Ты подумал бы башкой своей удалой, – бабушка согнутым перстом стучала по покаянной голове Терентия, будто по тыкве, – как твои детки тут?* [9, с. 172]. По тыкве стучат, чтобы удостовериться в ее спелости, а в данном отрывке повести героиня стуком проверяет, есть ли ум в голове пьяницы Терентия.

С едой и продуктами питания могут сопоставляться и другие части тела. Например, пуп сравнивается по форме с луком: *Бабушка моя <...> три раза заговаривала пупок дитенку, но он все равно орал ночи напролет и <...> наревел пуп в луковицу величиной* [9, с. 147]. Капля крови по форме, цвету и движению напоминает выкатившуюся ягоду брусники: – *Ништя-аак! – с облегчением отмахнулся Санька и вынул из пятки занозу. Брусничкой выкатилась капля крови* [9, с. 100].

В качестве области-мишени могут выступать действия человека. Например, воздействие голоса на окружающих сравнивается с разрезанием пирога: *Тонкий голос тетки Авдотьи накрыл и, точно пирог, разрезал разговоры* [9, с. 196]. Основанием для метафорического переноса служит схожесть действий, производимых пением и делением на части мучного изделия.

2. **ЧЕЛОВЕК → ПИЩА**. Еда, продукты питания в прозе В. П. Астафьева могут выступать и в качестве области-мишени. Часто областью-источником для подобных метафор и сравнений выступает человек, части его тела, особенности поведения. Например, капуста в тексте произведения наделяется человеческими чертами: *Одна капуста на огороде осталась, развалила по грядкам зеленую свою одежду <...> В светлых брызгах, в лености и довольстве, не страшась малых заморозков, ждет она своего часа, ради которого люди из двух синеватых листочков рассады выхолили ее, отпоили водою* [9, с. 135]; *Огород весь был зябкий, взъерошенный, в лоскутках капустного листа* [9, с. 139]. Листья

капусты сравниваются с одеждой, с лоскутами ткани, а долгое нахождение на грядке овоща сопоставимо с поведением ленивого человека, т. е. метафорический перенос основан на сходстве внешнего вида и образа действия. Антропоморфными чертами наделяется также рябина: ...да еще эта **модница осенняя**, что под ярусом – ярусом висит, **будто зипун с красным гарусом** – розетка рябины [9, с. 36]. Ассоциативная связь строится на близости яркого внешнего вида осенней рябины и наряда женщин-модниц. На цветовом сходстве построено сравнение грозди рябины с зипуном с красным гарусом: обыгрывается известная загадка, зафиксированная в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа»: *Под ярусом, ярусом висит зипун с красным гарусом (рябина)* [10, с. 408]. Не поднимающиеся на дрожжах калачи воспринимаются автором, как больные и чахлые; консистенция, внешний вид хлеба сравниваются с болезнью человека: *Раньше, бывало, на опаре заведешь, эва какие мягкие подымутся! Нонче и на дрожжах **чисто рахитные**, разъявило бы их* [калачи]! [9, с. 185].

Части тела человека также выступают в качестве области-источника. Например, рыжики из-за своей формы и цвета напоминают человеческие губы, причем изгиб шляпки по форме напоминает улыбку: *Рыжики с луком по всему столу на мелких тарелочках **радужно улыбаются пестрыми губами*** [9, с. 188]. Брюква сравнивается с человеческой головой на основе сходства размера и формы: *Ничего там не было, кроме зеленовато-белой плесени, лоскутьями залепившей бревна, и земли, нарытой мышами, да брюкв, которые издали мне **казались отрубленными человеческими головами*** [9, с. 77]. В примере выше голова сравнивается с брюквой, здесь же происходит перестановка области-источника и области-мишени. В приведенном фрагменте прослеживается снижение образа, причастие *отрубленный*, применяемое к голове, вызывает негативные, жуткие ассоциации. Подобные коннотации мы можем увидеть в следующем отрывке: *Она [бабушка] схватила подойницу с полатей и поспешила во двор, мы с дедом стали выдергивать из каравая, из корочек мякину. Самую большую, **выпуклую, будто крышка черепа**, корку мы отложили бабушке* [9, с. 119]. Корка некачественного каравая, купленного на последние деньги, ассоциируется с черепом по форме и размеру. Подобное сравнение передает горечь обиды героя на то, что в такое тяжелое и голодное время его бабушку обманули и продали каравай, наполненный мякиной.

Таким образом, основанием для метафорической модели «человек ↔ пища» выступает сходство таких характеристик, как размер, форма, цвет, величина, консистенция, внешний вид в целом. Сравнение также строится на подобии действий, поведения, происходящих с объектом и предметом сравнения. Интенсивное использование метафор и сравнений с пищевой семантикой является отличительной особенностью образного языка В. П. Астафьева, его идиостилевой чертой. Иные метафорические модели с пищевой семантикой, обнаруженные в повести «Последний поклон», станут предметом дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. Скородумова, Я. А. Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева / Я. А. Скородумова // Научный аспект. – 2014. – № 3. – С. 67–73.
2. Падерина, Л. Н. Диалектная речь как средство нравственной характеристики персонажа (на примере повествования В. П. Астафьева «Царь-рыба») / Л. Н. Падерина // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – С. 202–207.
3. Шароглазова, Ю. В. Трансформированные фразеологические единицы в произведениях В. П. Астафьева / Ю. В. Шароглазова // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2(31). – С. 30–44.
4. Кропина, Е. Д. Пословицы и поговорки в произведениях В. П. Астафьева / Е. Д. Кропина // Язык и культура в современном мире : сб. материалов Всерос. науч.-практ. студ. конф. с междунар. участием. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2024. – С. 331–335.
5. Ким, Л. Г. Антропоморфная метафора как средство изображения растений в прозе Виктора Астафьева / Л. Г. Ким // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 71–74.

6. Коломова, А. С. Средства выразительности в повести В. П. Астафьева «Ода русскому огороду» / А. С. Коломова // Аллея науки. – 2019. – Т. 3, № 5 (32). – С. 191–195.
7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
8. Ермолаев, Г. С. Михаил Шолохов и его творчество / Г. С. Ермолаев. – СПб. : Академический проект, 2000. – 448 с.
9. Астафьев, В. П. Последний поклон : повесть: в 2 т. / В. П. Астафьев. – М. : Мол. гвардия, 1989. – Т. 1. – 336 с.
10. Пословицы русского народа : в 2 т. / сост. В. Даль. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 430 с.

Abstract. This article is devoted to the description of the metaphorical model “person ↔ food” in V. P. Astafyev’s novel “The Last Bow”. It is revealed that the basis for metaphorical transfer is the properties of food, such as size, shape, color, and consistency, on the one hand (*food* → *person*), and the qualities and appearance of a person, on the other hand (*person* → *food*).

Keywords: metaphorical model, metaphor, comparison, food vocabulary, culinary and gastronomic code of culture.

УДК 81:614.254

А. В. Жаркова
Научный руководитель – **В. А. Маслова**,
д-р филол. наук, профессор

РОЛЬ ПАРЕМИЙ В СОЗДАНИИ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *ВРАЧ*

Аннотация. Статья посвящена отражению лингвокультурного типажа (ЛКТ) *Врач* в паремиологическом фонде русского языка. Анализируется культурно-ценностное содержание ЛКТ *Врач* с точки зрения его репрезентации в фольклорных текстах, запечатлевших в себе аксиологические характеристики данного образа в традиционной народной культуре. С опорой на иллюстративный текстовый материал делается вывод о наличии амбивалентных морально-этических характеристик в системе ценностей ЛКТ *Врач*. Восприятие ЛКТ *Врач* анализируется в хронологическом аспекте.

Ключевые слова: паремиологический фонд, паремия, лингвокультурный типаж *Врач*, образ врача.

Современная наука испытывает потребность в развитии новых направлений, исследующих человека еще более комплексно и многоаспектно, глубинно и содержательно. Сегодня интерес представляет уже не просто человек, а личность. Личность возникает из сложной структуры, включающей мотивы, цели, задачи и другие компоненты деятельности. В лингвистике и лингвокультурологии в контексте антропоцентрической парадигмы ключевую позицию занимает феномен языковой личности: изучается язык в человеке и человек в языке. Как известно, автором термина «языковая личность» является Ю. Н. Караулов: языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1, с. 49].

Рассматривая понятие «языковая личность», необходимо отметить, что это феномен социальный, но имеющий и индивидуальный аспект. Языковая личность формируется в определенных рамках, границы которых задаются национальными ценностями, традициями, особенностями поведения в обществе, спецификой национальной картины мира. Индивидуальное обеспечивается личностным отношением к языку, через становление личностных смыслов, через личностное отношение к миру и обществу. Эта сторона личности представляет собой суть содержания феномена, входящего в структуру языковой личности

и получившего название «лингвокультурный типаж» (далее ЛКТ). Автор термина «лингвокультурный типаж» В. И. Карасик определяет его как «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [2, с. 310]. Следовательно, ключевыми характеристиками данного феномена будут культурная значимость и, как следствие, закреплённость его в национальном сознании как неотъемлемой составляющей менталитета народа, который он представляет.

В этой связи в ряду ЛКТ, репрезентирующих ту или иную национальную культуру, правомочным будет назвать представителей наиболее важных, социально-значимых профессий, таких как врач, учитель, военный. Безусловно, имея в своей сущности универсальные черты и свойства, эти образы в каждой из национальных культур будут иметь свои специфические характерные особенности, обладать уникальной национальной неповторимостью. По мнению Е. И. Головановой, «профессия, являющаяся важнейшей сферой приложения духовных и физических сил человека, воспринимается как проявление его сущностных свойств, как один из важнейших ценностных параметров личности» [3, с. 275]. Соответственно, профессиональная личность, являющаяся маркером общественной значимости индивидуума, полем его самореализации, также входит в структуру человеческой личности как феномена социального.

Наше исследование посвящено изучению ЛКТ *Врач*, которое мы осуществляем на материале паремиологических единиц. Обозначая представителя одной из самых социально значимых профессий, ЛКТ *Врач* является транслятором общечеловеческих ценностей, которые признаются наибольшим количеством людей во времени и пространстве. Значение и функции профессии врача всегда были, есть и будут жизненно необходимыми в любом обществе на каждом этапе его развития. Вне зависимости от актуальности бытующей в языке номинации, как-то: *знахарь, лекарь, целитель, врачеватель, доктор, медик*, призванный сохранить жизнь, победив болезнь, – врач во все времена был на страже здоровья человека. Репрезентация содержания данного ЛКТ по понятным причинам трансформируется с течением времени. Моральная составляющая профессии врача, основные принципы которой были сформулированы еще Гиппократом, также нестатична в силу изменений в культурно-ценностном поле жизни общества. В данной статье мы попытаемся проанализировать культурно-ценностное содержание ЛКТ *Врач* как с позиции индивидуально-авторской интерпретации, так и с точки зрения его репрезентации в фольклорных текстах, запечатлевших в себе аксиологические характеристики данного образа в традиционной народной культуре. Предметом анализа послужили оценочные смыслы, связанные с употреблением ЛКТ *Врач* в составе устойчивых воспроизводимых раздельнооформленных языковых единиц, получивших название «паремии». Тексты взяты из собрания В. И. Даля «Пословицы русского народа» [4].

На протяжении многовековой истории русского языка в нем складывались представления о наиболее характерных для той или иной профессиональной личности свойствах. Совершенно очевидно, что сохранение здоровья, борьба с болезнью, участие в таких сакральных таинствах, как рождение и смерть, с давних времен выделяют ЛКТ *Врач* в разряд особо важных, закреплённых в национальном коллективном сознании. В этой связи вполне объяснимо, что особое место в фольклоре занимает «профессиональный мир» знахаря и колдуна – предтечей профессии врача.

Анализ профессиональной сферы ЛКТ *Врач*, как и представителей многих других профессий (кузнец, плотник, мельник, пастух), требует особого внимания, поскольку ее осмысление происходило при активном участии мифологического сознания. Здесь правомочно говорить о двойственном восприятии представителей данной профессии: невзирая на безусловную общественную пользу, специфичность и сложность знаний и умений, выделяющих представителей данной профессии из ряда других, согласно мифологическому сознанию, их образ сопровождался отрицательной коннотацией по причине связи с потусторонним миром.

Так, номинация *лекарь*, входящая в структуру ЛКТ *Врач* наряду с такими, как *аптекарь*, *подлекарь*, *знахарь*, *целитель*, характеризует представителя этой профессии как любящего деньги, наживающегося за чужой счет, корыстного человека с отнюдь не гуманными моральными принципами. Свидетельством такого восприятия врача в коллективном сознании являются следующие паремии: *По рублю ступает, рубль подымает, на полтину глядит, сто рублей говорит; Лекарь свой карман лечит; Усопшему мир, а лекарю пир*.

Следует отметить, что подобное восприятие образа врача находим в разных языковых культурах. К примеру, в таком же отрицательном контексте упоминается врач в испанских пословицах: *Вылечил Бог, а деньги врач уволок; У врача на уме – что в твоей суме; Потаскуха, врач и слуга – три платных врага* [5]. Негативное отношение к врачу передает персидская пословица: *Если ты не поделишься вовремя с другом – всё твоё достоянье врачу отойдет*. Созвучный контекст находим в еврейской пословице о враче: *Проживет ли врач, если все будут здоровы*.

Следующими профессиональными и личностными характеристиками, которые отражены в содержании пословиц и поговорок о враче, являются такие, как бесполезность и некомпетентность: *Здоровому врач не надобен; Боль врача ищет; Не дал бог здоровья – не даст и лекарь; Людей лечит, а сам из болятков нейдет; Толкуй больной с подлекарем; Чем нездоров? – А вот, батюшка, чем скажете*.

Объяснение к столь нелестной характеристике образа врача находим у выдающегося историка, этнографа, фольклориста XIX в. Н. И. Костомарова: «Ученые-медики были иностранцы и находились только при царском дворе, и то в небольшом количестве. При Михаиле Федоровиче в Москве существовала одна аптека, из которой отпускались лекарства по челобитным, и притом так, что тем, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то, что дешево стоило, не обращая внимания, могло ли оно принести действительную пользу. Что касается до народа, то вообще он не верил иноземным врачам» [6, с. 136–137].

Подобное мнение о представителях врачебной профессии присутствует также в национальном сознании носителей других культур. Ниже следуют примеры паремий разных народов мира, в которых находим схожие отрицательные коннотации: *Новый врач – полдеревни в плач* (испанская пословица). *Плохая хозяйка – предвестница разорения; плохой врач – предвестник смерти* (монгольская пословица). *После долгой болезни сам становишься хорошим врачом* (китайская пословица). *После переправы лодка не нужна; после исцеления врач не нужен* (калмыкская пословица). *Разговор о враче после похорон* (японская пословица). *Умеренность в еде полезнее, чем сто врачей. Врач не может стать по-настоящему хорошим врачом, пока не убьет одного или двух пациентов* (индийские пословицы). *Хорошее слово лучше плохого врача* (еврейская пословица) [5].

Знаменитый афоризм средневекового персидского ученого, философа и врача Авиценны также включает в себе отрицательные коннотации: *Нет безнадежных больных. Есть только безнадежные врачи*. Вольтер называет врачей теми, «кто прописывают лекарства, о которых мало знают, чтобы лечить болезни, о которых знают еще меньше, у людей, о которых они не знают вообще ничего». Русская поговорка *Где много лекарей, там много и больных* перекликается с Платоновским изречением *Нет более верного признака дурного устройства городов, чем обилие в них юристов и врачей*.

К сожалению, существующие ныне реалии репрезентируют образ врача подобным тому, каким он был запечатлен в паремиях в далеком прошлом. Язык, так точно и емко фиксирующий отношение ко всему происходящему, транслирует ранее заложенные смыслы: *Пациенту требуется уход врача, и чем быстрее уйдет врач, тем быстрее выздоровеет пациент. Чем медленнее придет скорая, тем точнее диагноз*. В этом контексте уместно, на наш взгляд, привести высказывание российского врача-кардиолога, академика Е. И. Чазова: «Самое страшное заболевание человека – острая душевная недостаточность». Ему вторит народная мудрость: *У больного здоровья не спрашивай* (белорусская пословица); *Лечись у здорового, учись у счастливого* (греческая пословица).

Врач, как доминантный представитель сферы медицины, не только призванной осуществлять лечение пациентов, но и являющейся важнейшей составляющей безопасности любого государства, представляет собой особое социально-культурное явление, важность, значимость и необходимость в котором чрезвычайно остра в обществе. Профессия врача является одной из тех социально-значимых категорий профессиональной деятельности, на которых зиждется общество, в котором главными ценностными критериями должны быть жизнь и здоровье человека. Человека, созданного по образу и подобию Божию. В этой связи необходимо подчеркнуть незыблемый факт главенствования в русском менталитете христианских православных традиций и мировосприятия. Так, врачом был один из апостолов и евангелистов – святой Лука. В православии почитают бессребреников – святых, отказавшихся от богатства ради христианской веры – великомученика Пантелеймона, мучеников Косму и Доминана, Кира и Иоанна. Причисленные к лику святых Православной Церковью, это реальные люди, посвятившие жизнь врачебному делу.

По словам архиепископа Луки, в миру В. Ф. Войно-Ясенецкого, религиозного деятеля, врача-хирурга, доктора медицины, доктора богословия, профессора, «нельзя быть в белом халате, но с черной душой». *«Больному помогает врач, а голодному – калач»*, – гласит русская поговорка.

Классику русской литературы А. П. Чехову, писателю и врачу, принадлежит следующее высказывание о профессии врача: «Профессия врача – это подвиг, она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов». Отношение врача к пациенту отражает фундаментальные для русского менталитета основы: религиозность, патриотизм, трудолюбие, где, безусловно, нет места ни равнодушию, ни формализму.

Таким образом, говоря о системе ценностей и духовных ориентиров, имеющих место в любой из профессиональных сфер, необходимо отметить, что особенно выразительно они отражены в сфере медицины, которую по праву называют не только профессией, но и «призванием». Врач как ведущий ее представитель являет собой особое социально-культурное явление, важность, значимость которого настолько остра в обществе, что образ его типизирован, закреплён в коллективном сознании нации. ЛКТ *Врач* сложен и неоднозначен, что находит яркое подтверждение в паремиологических единицах.

Список использованных источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова // Ин-т рус. яз. Виноградова РАН. – 2-е изд., исправл. и доп. – М. : Изд-во «Элпис», 2008. – 304 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1989. – Т. 1. – 455 с.
5. Рассохин, П. А. Пословицы и поговорки народов мира / П. А. Рассохин. – М. : Издательские решения. 2024. – 128 с.
6. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – М. : Экономика, 1993. – 399 с.

Abstract. This article is devoted to linguocultural type (LCT) Doctor constructing in the paremiological fund of the Russian language. The cultural and value content of the LCT Doctor is analyzed from the perspective of its representation in folklore texts that capture the axiological characteristics of this image in traditional folk culture. Based on illustrative textual material, it is concluded that ambivalent moral and ethical characteristics exist within the value system of the LCT Doctor. The perception of the LCT Doctor is analyzed chronologically.

Keywords: paremiological fund, paroemia, linguocultural type Doctor, image of the doctor.

А. В. Жигунова
Научный руководитель – С. Ю. Николаева,
д-р филол. наук, профессор

МАРКЕРЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА В ПРОЗЕ М. М. ПРИШВИНА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ФАЦЕЛИЯ»)

Аннотация. В статье анализируются маркеры философского текста в поэме М. М. Пришвина «Фацелия». Показано, как через внутреннюю рефлексию лирического героя, символику природных образов и созерцательный стиль М. М. Пришвин формирует философское пространство, в котором человек и природа объединены в поиске гармонии. Отмечаются характерные черты его прозы – медитативность, афористичность, ритмическая замедленность и этическая глубина.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, «Фацелия», философская проза, рефлексия, символизм, природа и человек, созерцательность, медитативность, этическая проблематика.

У М. М. Пришвина можно выделить целую систему маркеров философского текста, то есть признаков, по которым его проза приобретает медитативно-философский характер, выходящий за рамки натуралистического или повествовательного описания.

Поэма «Фацелия» состоит из трех глав: «Пустыня», «Росстань», «Радость». Они в свою очередь состоят из множества лирических миниатюр, что позволяет рассматривать каждую главу как новый цикл. У каждой главы свое настроение. Эпиграф к главе «Пустыня» говорит о том, что мысли, вложенные в ее миниатюры, родились в одиночестве, «в пустыне», с них все началось. Эпиграф к главе «Росстань» говорит о том, что заключенные в ней мысли – воспоминания с разных «дорог», ведущих к одной «погибели», и лирический герой рад возвращаться к знакомому столбу на росстани, с которой начиналась каждая из «дорог». Эпиграф к главе «Радость» дает надежду, что горе может вспухнуть как сено, и все сгореть огнем необычайной радости [1, с. 125]. Три главы поэмы – объединяет внутренний путь лирического героя, путь от одиночества и боли к духовному прозрению и гармонии с миром. Объединяющим стержнем служит философская идея преодоления раздвоенности человека – между природой и сознанием, между утратой и обновлением.

М. М. Пришвин часто обращается не к внешнему действию, а к внутреннему: наблюдает за мыслями и ощущениями. Это создает философское пространство текста, где природа и человек становятся объектом познания. Сущностным принципом, приводящим к образованию феномена философской прозы, является, так называемая эстетическая рефлексия – специфическая форма и способ художественного мышления [2]. Так, в миниатюре «Расставание и встреча» гул лесного потока и звонкие звуки капель, сливаясь в единую музыку, заставляют лирического героя погрузиться внутрь себя, даже, скорее, остаться наедине с собой и, как следствие, со своей душевной болью. Лирический герой рефлексиирует: *...это еще не человек, когда он, отдаваясь влечению к счастью, живет вместе с этими потоками, пузырями, птицами. Человек начинается в тот момент, когда он со всем этим расстается: тут первая ступень сознания* [1, с. 124]. Пока человек стремится к природе, к единению с ней, он есть сама природа, он такой же, как березы, ручьи, ветер. Когда он не думает, а просто живет, чувствует, радуется, он счастлив. Но человек не может не думать. В этом и есть главное разочарование и беда лирического героя. Это преграда между человеком и счастьем – способность к рефлексии, внутренний диалог – то, что, по Пришвину, отделяет человека от природы и делает его самостоятельным.

В миниатюре «Аришин вопрос» новая знакомая женщина напомнила лирическому герою его возлюбленную, его Фацелию, и не смогла ответить на вопрос: *«А у вас есть*

чувство природы?» [1, с. 112]. Девушка никогда не задумывалась над этим, и лирический герой осознает, что для него *Фацелия, и есть сама «природа»* [1, с. 112]. Его Фацелия, его любовь, его счастье. Ведь природа не может не чувствовать сама себя, поэтому ей незачем и невозможно об этом задумываться. Сказанное еще раз подтверждает, что любовь, счастье и природа, по Пришвину, неразрывно связаны, нерукотворны и самостоятельны.

В поэме часто встречаются внутренние размышления лирического героя (*Я подумал..., Мне кажется..., Значит...*). В них он часто делает паузы, задает риторические вопросы (*Так стоит ли собираться?* [1, с. 126]), в которых обращается к самому себе.

Природа у М. М. Пришвина – не фон, а участник духовного бытия. Философская глубина выражается через метафоры природы как живого организма, как собеседника. Так, в миниатюре «Река под тучами» природные явления одушевляются: река под грозовыми облаками *лежала*, будто под одеялом, отделенная от всего мира, но *все равно оставалась рекой и сияла во тьме и бежала* [1, с. 110]. Река не переставала бежать, что для человека значит не переставать жить и радоваться, поэтому она прекрасна. В этом также слышатся и пантеистические интонации.

Главным признаком философской прозы, по В. В. Агеносову, выступает «наличие субстанциальной идеи, формирующейся и проходящей испытание в такой структуре повествования, художественный образ которой соединяет конкретность с предельным обобщением» [3]. В образах поэмы присутствует соединение конкретного и абстрактного. Так, в центральном образе поэмы Фацелии соединяются и женское начало, и голубые цветы, и любовь, и счастье, и природа.

М. М. Пришвин создает философскую мифологию природы, где предметы и явления получают символические смыслы. Так, вода *разрезает горы* [1, с. 127], *мчится вниз по сорочьему царству* [1, с. 123] и такая же живительная для растений, как для нас любовь.

Наблюдения за природой ведут к размышлениям о бытии, перерастая в притчи и мини-мифы. В миниатюре «Борьба за жизнь» семя будущей елки проросло между корнями березы, и ель, несмотря на трудности, не просто смогла вырасти, она переросла березу. После наблюдений лирический герой нравоучительно переносит образ борющейся елки на человека и говорит: *«Если пользоваться умным вниманием к жизни и питать сочувствие ко всякой твари, можно и здесь читать увлекательную книгу»* [1, с. 120].

М. М. Пришвин постоянно ставит вопрос о месте человека в природе и гармонии с ней. Это философская этика единства с природой и мира человеческого духа. В миниатюре «Гете ошибся» лирический герой опровергает утверждение философа о безличности всего созданного природой: *Нет, я думаю, что только человек способен создавать наряду с духовными ценностями совершенно безликие механизмы, а в природе именно все лично* [1, с. 115]. В миниатюре «Большая вода» лирический герой продолжает задавать вопросы Гете: *Но почему же, бывает, подходишь к большой воде с такой мелкой душонок, раздробленной еще больше какой-нибудь домашней ссорой, а взглянул на большую воду – и душа стала большой, и все простил великодушно?* [1, с. 121] Поэтому **место человека – в гармонии с природой**, а не над ней и не вне ее.

Пришвинская фраза часто замедлена, ритмична, созерцательна, приближается к молитве или медитации. Автор использует парцелляцию, многоточия, а также афористичные высказывания (*Так и у людей, как у деревьев: иногда у сильного человека от боли душевной рождается поэзия, как у деревьев смола* [1, с. 117]).

М. М. Пришвин в своих произведениях соединяет элементы эссе (наблюдение + размышление), дневника (самоанализ, наблюдение за сознанием), притчи (обобщение через образ), афоризма (вывод в виде краткой истины).

Философская проза М. М. Пришвина определяется не системой понятий, а особым способом видения мира – созерцательным, внутренне сосредоточенным, ищущим гармонию человека и природы. Ее маркеры – рефлексия, символизм, этическая проблематика,

ритмическая созерцательность и второй смысл за конкретным образом. М. М. Пришвин видит в человеке **посредника между духовным и природным началами**. А человек – часть живого мира, наделенная сознанием и способностью к рефлексии, но именно эта способность часто отдаляет его от естественной целостности.

Список использованных источников

1. Пришвин, М. М. Кладовая солнца : повести, рассказы / М. М. Пришвин. – СПб. : Азбука, Изд-во «АЗБУКА», 2025. – 736 с.
2. Никольский. Е. В. К вопросу о жанровой специфике философской прозы / Е. В. Никольский // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2010. – №. 1. – С. 39–43.
3. Агеносов, В. В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман : пособие по спецкурсу / В. В. Агеносов ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М. : Прометей, 1988. – 126 с.

Abstract. The article analyzes the markers of the philosophical text in M. M. Prishvin's poem "Phacelia". It is shown how, through the inner reflection of the lyrical hero, the symbolism of natural images and the contemplative style of M. M. Prishvin, he forms a philosophical space in which man and nature are united in the search for harmony. The characteristic features of his prose are meditative, aphoristic, rhythmic slowness and ethical depth.

Keywords: M. M. Prishvin, "Phacelia", philosophical prose, reflection, symbolism, nature and man, contemplation, meditateness, ethical issues.

УДК 821.161.1.09

Н. В. Жигунова

Научный руководитель – **В. А. Редькин**,
д-р филол. наук, профессор

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Аннотация. Автор данной статьи исследует влияние произведений А. П. Чехова на творчество В. Н. Соколова. В работе приведён анализ идейно-тематических особенностей, а также художественно-выразительных средств, с помощью которых чеховские мотивы преломляются в лирике вышеназванного поэта. Материалом исследования послужили стихотворения В. Н. Соколова, опубликованные в его сборнике «Это вечное стихотворенье».

Ключевые слова: В. Н. Соколов, А. П. Чехов, интертекстуальность, психологизм, философская лирика, внутренний конфликт, тема прощания с прошлым.

Для лирического героя ранних произведений Владимира Соколова поэзия – это синоним жизни, её наивысшее проявление. Поэзия – это и *небо*, и *крыши*, и *ветер* [1, с. 15], и всё, чем живёт человек, всё, что его составляет. Это великое чудо, умение видеть, слышать и понимать, умение соприкасаться с тем, что неизбежно исчезнет, с тем, что такое счастье. Однако уже в конце 1980-х гг. Владимир Соколов пишет: *Как страшно поэтом быть* [1, с. 500]. Но отчего же страшно? Оттого ли, что постепенно, совершая открытие за открытием, лирический герой всё дальше и дальше углубляется в прошлое. Всё чаще и чаще сравнивает его с настоящим, и всё яснее проступает в его жизни череда «невозможностей», внутренняя вина, от которой он не в силах избавиться.

В первую очередь, это невозможность вернуться в детство, в то состояние, где всё было правильно, таинственно, неизвестно: *Мир детства. Заборы и лужи. / Ручьев перекрученных пруть. / Я стал понимать его хуже. / И лучшие о нем говорить* [1, с. 82]. Взрослея, человек придумывает всему названия, а называя, присваивает, отказывается от

тайны, т. е. меняется, не изменяя души. Оставляет сердце там, откуда уходит, обращаясь к утраченному, спрятанному в себе: *Бедный мальчик в промокнутой кепке, / Что ж ты ищешь опять следы?* [1, с. 29]

Оставляет он там и любовь, которую можно увидеть только глазами памяти [1, с. 24]: *Мы жили здесь без гроз, без слез, / Среди ветхих стен – на слух, на ощупь. / Однажды вышли мы на площадь, / Нас ветер в стороны разнёс* [1, с. 44]. Любимых людей в стихотворениях Владимира Соколова разлучают случайности, которым они обыкновенно не придают большого значения. Или боятся подумать о них: *Неужели я во все не знал, / Что оглядка твоя означала?* [1, с. 337] Или вовсе не смотрят туда, где скоро появится первая молния: *А мы в застегнутых пальто / Сквозь ветра влажные удары / Летим и видим только то, / Что нам показывают фары* [1, с. 36].

Поэтому так созвучен возглас лирического героя: *Разбито детство!* [1, с. 20] с разрушенной жизнью чеховских персонажей [2], которые крепко зажмуривают глаза, когда им необходимо во что-то взглядеться. Более того, в творчестве Владимира Соколова можно найти целые стихотворения, посвящённые произведениям А. П. Чехова. Например, «Дом с мезонином» [3, с. 206] или «О, расскажи о том, что происходит...» [4], где обыкновенные, на первый взгляд, понятные обстоятельства оказываются разрушительными для человека.

«*Жизнь-то прошла, словно и не жил!*» [5, с. 550] – вздыхает Фирс в «Вишнёвом саде». Всё уже было. Было. Так, и у Владимира Соколова: *А ведь было лето. / Было, да* [1, с. 42], *Боже, как это было давно!* [1, с. 263], *Какие зимы были!* [1, с. 148] и т. д. Точно так же и прошлое для поэта – оставленные особняки с колоннами, *лестниц зеркала, полунагие статуэтки* [1, с. 20], московские дворики. Это почтовый поезд, *с пыхтеньем удаляющийся во тьму* [1, с. 27]. Сон, в котором можно *подойти поближе* [1, с. 24] к любимому, потерявшему человеку: *Но по ночам, / как злая новь, / Мне перехватывала горло / Моя старинная любовь* [1, с. 107].

Кроме того, прошлое в произведениях Владимира Соколова – это снег, символ мимолётности, хрупкости, неприкосновенности самого дорогого: *Много снегом стаяло, / Много и осталось* [1, с. 24]. Даже вспоминая первую любовь, лирический герой обращается к ней: *И бежишь ты в прошлое, / Не простясь со мною, / Королева снежная, / Сердце ледяное* [1, с. 26]. Потому что всё, что было впервые, было по-настоящему: *первая игрушка* [1, с. 230], *первые ночи* [1, с. 304], *первая строчка* [1, с. 80], *первое Напоминанье* [1, с. 139] о том, что зима кончается. А снег... Снег идёт до сих пор.

Неслучайно в стихотворении «Все выпадает снег» лирический герой даёт обещание *деревьям и весне* [1, с. 110], что первая капель его *другим застанет* [1, с. 110] и что внутри у него родится *зелёный шум* [1, с. 110]. Однако обещание он не сдерживает и сам доводит себя до крика, до незнакомого отголоска: *Такой тоски в себе / Я вовсе не хотел* [1, с. 110]. Он *сетует* [1, с. 110] на снег, на всё, что не смог оправдать, сохранить, и, понимая, что *никто не виноват* [1, с. 111], продолжает следить за снегом, ставшим для него и огромным укором, и огромной надеждой.

Во многих стихотворениях Владимира Соколова неоднократно звучат риторические вопросы и восклицания: *Кричать? Молчать? Что делать мне с собой? / Страх отгонять беспомощностью? Ходьбой?* [1, с. 30] Или: *Кто поймет, кто рассудит, / Кто помянет тогда?* [1, с. 523]

Каждый человек отвечает на свой вопрос и не может передать его другому, спросить у кого-то, кроме собственной совести: *И, меченный метой / Нелёгких годин, / Ты с ясностью этой / Один на один* [1, с. 43]. Так раскрывается описанная А. П. Чеховым драма одиночества человека. Драма непонятности мира, его тайны: *Только я запомнил не его. / Свет, и дым, и чью-то тень навек. / И не знал об этом ничего / Тот, мостом прошедший человек* [1, с. 65]. Или в стихотворении «Осенние листья»: *Осени не понимала. / Осени и не понять* [1, с. 544].

Самое важное у Владимира Соколова не говорится. Оно присутствует в памяти, было всегда: *Я никогда не забывал / О том, что ты меня любила* [1, с. 44]. Самое главное – это *бабочка на рукаве* [1, с. 35], это музыка, которую лирический герой благодарит

за то, что никто не знает [1, с. 62], что можно поделаться с ней, куда от неё спрятаться. При том, что соблазн уйти от настоящего, притвориться слепым действительно иногда возникает: *Как бы мне научиться от солнца / Под мещанские лампы сбегать* [1, с. 58]. Отсюда и *мечты ожиданье* [1, с. 41], и постоянное употребление глаголов в сослагательном наклонении, частиц бы: *жить бы мне в этом маленьком доме* [1, с. 38]; *как бы мне оторваться от века* [1, с. 58]; *уйти бы в лес, оставив пустыки* [1, с. 202]; *и что бы я потом ни говорил* [1, с. 515] и т. д. Но есть и принятие жизни, смирение, полное доверие к ней, которое достигается только ценой собственных ошибок и падений: *Я, наверно, ошибся. Спасибо. / Я и сам разберусь. Ничего* [1, с. 39].

Иными словами, в поэзии Владимира Соколова, как и в произведениях А. П. Чехова, нет правильных и неправильных поступков, правильных и неправильных решений. Есть горькое счастье. Есть надежда, *как будто не было зимы* [1, с. 37]; *как будто листья никогда не истлевали* [1, с. 37]. Есть вина, ощущение, что, делая больно другому, человек надламывает совсем не его: *Бульдозером широколобым / Бесспорно иду на себя* [1, с. 83].

Лирический герой чувствует вину даже за то, что он любит, внимательно вслушивается в снег, ожидает встречи с любимой, стремится ответить каждому: *И тем, и судьбе, / И ей, и столетью, / И нам, и себе* [1, с. 125].

И всё же он понимает, что ни один человек никогда не сумеет надышаться сполна, никогда не сумеет дойти до точки, выразить всё, что хотелось бы выразить: *Я за столько лет не нагляделся, / Не налюбовался на тебя* [1, с. 561]. Или всё-таки сможет, но всей своей жизнью, всей, а не отдельными её эпизодами. Потому что жизнь не кончается. Жизнь – это вечное стихотворенье [1, с. 481].

Список использованных источников

1. Соколов, В. Н. Это вечное стихотворенье... Книга лирики / Владимир Соколов ; предисл.: М. Роговская-Соколова ; сост., подгот. текста : И. Фаликов. – М. : Литературная газета, 2007. – 607 с.
2. А. П. Чехов : энциклопедия / Сост. и науч. ред. : В. Б. Катаев. – М. : Просвещение, 2011. – 695 с.
3. Василевская, Ю. Л. Интертекстуальность в поэзии В. Н. Соколова / Ю. Л. Василевская // Вестник Тверского государственного университета. Сер. : Филология. – 2014. – № 1. – С. 205–209.
4. Красников, Г. Н. Заручиться любовью немногих... / Г. Н. Красников // Литературная газета. – 2018. – 18 апр. – № 16 (6640).
5. Чехов, А. П. Рассказы. Повести. Пьесы / А. П. Чехов ; сост. и авт. примеч. : М. А. Соколов. – М. : Московский рабочий, 1973. – 583 с.

Abstract. The author of this article examines the influence of A. P. Chekhov's works on the work of V. N. Sokolov. The paper analyzes the ideological and thematic features, as well as the artistic and expressive means through which Chekhovian motifs are refracted in the poet's lyric poetry. The research material is based on Sokolov's poems published in his collection "This Eternal Poem".

Keywords: V. N. Sokolov, A. P. Chekhov, intertextuality, psychology, philosophical lyrics, internal conflict, the theme of farewell to the past.

УДК 811.161.1

П. В. Заболотская

Научный руководитель – О. А. Мещерякова,
д-р филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЕКАТЕРИНЫ II В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аннотация. В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» одним из значимых персонажей является Екатерина II. Цель исследования – выявить языковые средства, формирующие

образ исторического лица в главе «Суд» данного произведения. При создании образа автор отводит особую роль лексике – топониму, колорониму, а также единицам некоторых других тематических групп лексики, благодаря чему Екатерина II предстаёт перед читателем одновременно и государыней, и частным лицом.

Ключевые слова: языковые средства, образ Екатерины II, А. С. Пушкин, «Капитанская дочка».

Исторический аспект повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» преимущественно раскрывается на примере описания событий, связанных с деятельностью Пугачева. Работы, посвященные анализу создания его образа, были представлены Ю. М. Лотманом («Идейная структура “Капитанской дочки”»), Г. П. Макогоненко («“Капитанская дочка” А. С. Пушкина»), Л. С. Сидяковым (Художественная проза А. С. Пушкина), Н. В. Измайловым (Оренбургские материалы Пушкина для “Истории Пугачева” и “Капитанской дочки”) и др.

Образ Екатерины II, являющейся другим историческим лицом повести, в языковом плане, на наш взгляд, разработан недостаточно, этим объясняется перспективность изучения данной проблемы и цель нашего исследования – выявить языковые средства, формирующие образ исторического лица в главе «Суд» пушкинской повести «Капитанская дочка».

Образ Екатерины II в «Капитанской дочке» формируется с помощью разных языковых средств. Мы особо выделяем лексику – это лексемы, участвующие в номинации государыни, топоним Царское Село, единицы тематической группы «Одежда», колороним *белый*.

В номинации Екатерины II лексемы *государыня* и *императрица* указывают на статус правительницы.

Лексема *государыня* тесно связана с контекстом. Три раза данное слово употребляется с императивами (выраженными формами личных глаголов и инфинитивом), обозначающими приказы и подчеркивающими статус Екатерины II: *государыня изволит к себе приглашать, государыня требует, государыне угодно было* [1, с. 108]. Случаев использования предикатов с лексемой *императрица* в главе «Суд» не выявлено.

Отметим частотность использования данных лексем. *Государыня* встречается в главе «Суд» 12 раз, а *императрица* – 5. Можно предположить, что А. С. Пушкин ориентировался на этимологию слова *государь*. Происхождение его аналогично происхождению слова *господинь* от существительного *господь*, восходящего к общеславянскому *gospodarь* и сложению индоевропейских основ *gost* (гость) и *potis* (могущий).

Существует предположение, что слово *государство* так же, как и слово *государь*, образовано от основы *суд-*, тогда *государь* – верховный судья, а *государство* – полномочный способ управления, обладающий правом суда [2, с. 102].

Этимологический аспект объясняет доминирование лексемы *государыня* в тексте. В повести «Капитанская дочка» императрица выступает как «божий» судья, поскольку опирается не на закон, а на моральные принципы, растрогавшись от рассказа Марьи Ивановны о судьбе Гринёва. Это также создает образ Екатерины II-судьи (название главы «Суд» маркирует это).

К лексемам, нивелирующим статус императрицы, относятся: *дама, сидевшая на скамейке; неизвестная дама; незнакомая покровительница*. Представляет интерес номинация *покровительница*, сравн.: *Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя* [1, с. 107]. Этимологически слово образовано от древнерусского *покровити* ‘защищать’, суффиксального образования от *покровь* ‘защита’ [3, с. 305]. Эта лексема связана с пространственной организацией текста, поэтому будет рассмотрена далее.

Как и Пугачев, Екатерина II сближается с народом (ее разговор с Машей Мироновой). Умолчание (безымянность правительницы) использовано А. С. Пушкиным для «раздвоения» образа императрицы. Она предстает дамой средних лет, гуляющей по парку с собачкой. Безымянность можно объяснить и тем, что государственные функции Екатерины II не обозначены в тексте (в отличие от Пугачева, который участвует в военном совете, требует присяги, восседает на «троне» во «дворце»).

Перейдем к анализу образа Екатерины II как частного лица.

Топоним, маркирующий образ императрицы, – *Царское Село*. *Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться* [1, с. 106].

В данном примере топоним должен был указать на императрицу, поскольку этимологически *Царское* – принадлежащее царице (Петр I подарил Сарскую мызу жене – Екатерине Алексеевне) [4, с. 290], но он связан с Машей Мироновой. В тексте название *Царское Село* употреблено один раз, поскольку А. С. Пушкину было важно создать символический подтекст места встречи императрицы с девушкой. По этой причине топоним заменен контекстным синонимом – лексемой *сад*. Данное пространство соотносится с Екатериной II. После описательного ряда осеннего пейзажа (*солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени, широкое озеро сияло неподвижно, проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов*) Марья Ивановна слышит лай собаки, а затем приятный женский голос [1, с. 106]. Сад ассоциируется со спокойным, идиллическим, райским местом, соответственно, Екатерина II – часть этого пространства.

Внезапное появление императрицы в белом платье воспринимается Машей Мироновой подобно явлению ангела. Религиозный подтекст усиливает номинация Екатерины II *покровительницей*, а также упоминание осени в тексте. Императрица, как и Богородица, «покрывает», то есть защищает Марью Ивановну, обещая устроить ее состояние [1, с. 109] (заменяет ей мать), спасает Гринева от казни.

В повести «Капитанская дочка» единицы тематической группы «Одежда», в контексте описания Екатерины II, возникают в сюжете встречи Маши Мироновой и императрицы в саду: *Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке* [1, с. 106].

Душегрейка – ‘старинная женская одежда в виде короткой сборчатой кофты без рукавов’ [5, с. 457].

Чепец – ‘легкий женский головной убор, который носили в XVIII–XIX веке’ [6, с. 661].

Описываемые предметы костюма нивелируют статус государыни, показывая ее с позиции частного лица. Она предстает в домашней одежде, в ее костюме отсутствуют предметы роскоши, свойственные императрице. Лексемы *душегрейка* и *чепец* дополняют утреннее платье, в котором Екатерина II предстает перед Марьей Ивановной. Описание императрицы соответствует реалиям XVIII века [7, с. 354]. Именно в эту эпоху появляется специальная домашняя одежда.

Колоритом *белый* дополняет изображение костюма героини. Государыня предстает в белом домашнем платье, что соотносится с чистым, невинным, райским (на это указывает также топоним сада) [8, с. 332]. Данное цветописание усиливает религиозный подтекст, поскольку белый в христианстве – символ божественности и святости. Белый цвет также маркирует идеального правителя государства – Екатерину II [9, с. 25–26].

В заключение можно сделать вывод, что лексемы *государыня*, *императрица* и *покровительница*, топоним *Царское Село* (синонимичная ему лексема *сад*), единицы тематической группы слов «Одежда», колоритом *белый* создают образ Екатерины II на языковом уровне. Рассмотрение этимологии номинативных единиц доказало, что правительница предстает государыней и частным лицом. Исследование восполняет пробел в изучении образа Екатерины II, созданного А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке», и указывает на перспективность дальнейшего анализа языковых средств изображения исторических личностей в художественной литературе.

Список использованных источников

1. Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – М. : Детская литература, 1974. – 110 с.
2. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.

3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – Т. III : Муза–Сят / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – Т. IV : Т– Ящур / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1987. – 864 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – Т. 1 : А–Й. – М. : Русский язык, 1985. – 696 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – Т. IV : С–Я. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.
7. Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая / Под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 384 с.
8. Лихачев, Д. С. Поэзия садов : К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. – СПб. : Наука, 1991. – 356 с.
9. Осипова, Ю. В. Архетипы дома и семьи в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 2024 – год семьи в России / Ю. В. Осипова // Проблемы современной науки и образования. – 2024. – №3. – С. 22–29.

Abstract. This study analyzes the linguistic devices in the «Court» chapter of Pushkin’s “The Captain’s Daughter” that shape the image of Catherine II. The findings show that vocabulary – specifically toponyms, coloronyms, and other thematic groups – is central to portraying her dual identity as both a sovereign and a private individual.

Keywords: linguistic means, the image of Catherine II, A.S. Pushkin, “The Captain’s Daughter”.

УДК 821.161.3-14*У.Дубоўка-0.57.87

Г. А. Іванюк

Навуковы кіраўнік – **А. В. Браздзіхіна,**

канд. філал. навук, дацэнт

АДМЕТНАСЦІ ВЫВУЧЭННЯ ІНТЫМНАЙ ЛІРЫКІ У. ДУБОЎКІ СТУДЭНТАМІ-ФІЛОЛАГАМІ

Анотацыя. У артыкуле разглядаюцца адметнасці вывучэння інтымнай лірыкі У. Дубоўкі ў вышэйшай школе. Аўтар прапануе асноўныя тэзісы для лекцыі і цікавыя метадычныя падыходы, якімі можа скарыстацца выкладчык на практычных занятках. Робіцца выснова, што вывучэнне інтымнай лірыкі Уладзіміра Дубоўкі ў ВНУ мае вялікае навучальна-выхаваўчае значэнне.

Ключавыя словы: лекцыя, практычныя заняткі, інтымная лірыка, тэст, кросенс, метадыка выкладання беларускай літаратуры ў вышэйшай школе.

Творчасць Уладзіміра Дубоўкі вывучаецца ў ГДУ імя Ф. Скарыны на трэцім курсе ў межах дысцыпліны “Гісторыя беларускай літаратуры 20–30-х гадоў XX стагоддзя”. На лекцыйных занятках можна выкарыстаць розныя метады падачы матэрыялу: класічную лекцыю, лекцыю з элементамі дэманстрацыі, праблемна-дыялагічную лекцыю. Выкладчык павінен не толькі пазнаёміць студэнтаў з асноўнымі этапамі творчага шляху паэта, асаблівасцямі яго светапогляду і мастацкай манеры, але і стварыць умовы для актыўнага асэнсавання матэрыялу. Асаблівая ўвага павінна надавацца аналізу паэтычных твораў У. Дубоўкі ў кантэксце літаратурнага працэсу 1920–30-х гадоў, параўнанню яго творчасці з паэзіяй іншых “узвышэнцаў”. Пытанні, якія могуць разглядацца на лекцыйных і практычных занятках, наступныя: “1. Асоба і лёс Ул. Дубоўкі. 2. Паэтыка вершаў Ул. Дубоўкі. 3. Лірычна-эпічны лад і драматызм зместу ў паэмах «Крычаўская спакуса» і «Браніслава». 4. Фармальныя пошукі Ул. Дубоўкі ў жанры паэмы” [1, с. 45].

Студэнты, у сваю чаргу, самастойна аналізуючы лірычныя тэксты У. Дубоўкі, павінны выявіць іх ключавыя тэмы – каханне, Радзіма, мова, адказнасць і місія творцы, духоўны пошук – і зразумець іх у сістэме мастацкіх здабыткаў аўтара. Важна таксама, каб яны ўсвядомілі значэнне паэта для развіцця беларускай літаратуры і культуры ўвогуле, змаглі ацаніць уплыў гістарычных і грамадскіх абставін на яго лёс і эстэтычную

пазіцыю. А. Мельнікава ў працэсе знаёмства студэнтаў з інтымнай лірыкай У. Дубоўкі прапануе акцэнтаваць увагу студэнтаў на апалогіі Красы паэтам, а таксама на наследаванні ім традыцый М. Багдановіча: “Канцэпцыя Хараства ў паэзіі Ул. Дубоўкі, матывы апалонаўскай лірыкі; інтымная лірыка Ул. Дубоўкі («Што складаць пра каханне вершы», «Кармазынам асмужаны», «Палыны пасівелі на ўзгорку», «Ты руку сваю забінтавала», «Калі вусны шапталі – не трэба»). Працяг багдановічаўскага эрасу” [1, с. 22].

У працэсе лекцыі выкладчык павінен паведаміць студэнтам, што Уладзімір Дубоўка (1900–1976) – адна з найважнейшых постацей беларускай паэзіі XX стагоддзя. Яго творчасць ахоплівае шырокі тэматычны спектр – ад патрыятычных, філасофскіх, сацыяльных матываў да вельмі асабістых пачуццяў. Інтымная лірыка – гэта тая частка творчасці, дзе найбольш адкрыта праяўляецца душа самога паэта: пачуцці тугі, меланхоліі, настрою, чакання. Аднак паэт менш схільны да афектацыі або псеўдарэлігійных метафар, калі гаворыць пра асабістае. У яго інтымных вершах важнае не толькі тое, што сказана, але як сказана.

Немалаважнае месца ў інтымнай лірыцы паэта займае і сімволіка. Пейзаж у лірычнай творчасці У. Дубоўкі часта выступае люстэркам душы. Функцыі прыродных вобразаў не проста дэкаратыўныя – яны нясуць у сабе сімвалічныя адпаведнасці эмоцый лірычнага героя. А. Браздзіхіна заўважае: “Арыгінальныя, пазнавальныя Дубоўкавы метафары таксама часта маюць расліннае паходжанне. Скажам, вобразы пялёсткаў з іх незвычайнай тэмпаральнай смантыкай, якія адмяраюць хвіліны-дні-гады жыцця; палыну, трыпутніку, чарнобылю, што суадносяцца з пакутлівым шляхам Беларусі” [2, с. 20].

Для лепшага ўспрыняцця матэрыялу выкладчык павінен ілюстраваць свае тэзісы радкамі з вершаў паэта. У вершы “Пальцы жоўтых кляновых лістоў...” вобраз восені ўяўляе сабой не проста сезон, а стан душы. Восень – гэта час зменаў, тугі, успамінаў:

*І было увосень, калі стрыглі поле
і на полі слалі дываны з лістоў.
Зашчымела сэрца ў нечуваным болю:
вельмі многа крыўды,
вельмі мала слоў... [3, с. 118]*

Выраз *Пальцы жоўтых кляновых лістоў // мкнуцца восень схпіць за шыю* [3, с. 118] – гэта метафара эмацыянальнага стану лірычнага героя. Далейшы яе працяг – *Не парушаць яе хараство, // не парушаць лісты залатыя...* [3, с. 118] – падкрэслівае яго жаданне захоўваць спакой, прыгажосць ва ўласнай душы.

У вершы “Залатая, асенняя раніца...” прысутнічае кантраст паміж зямным і нябесным, паміж прывіднасцю і рэальнасцю, які стварае адчуванне лёгкай, але глыбокай меланхоліі, “пейзажу душы” лірычнага героя: *Залатая, асенняя раніца! // Хараством ты на свеце адна. // Сонца ў пушчы глыбокай купаецца // і ніяк не дастане да дна...* [3, с. 62] Падобная гама пачуццяў: чаканне, развітанне, памяць пра каханне – уласціва і наступным радкам: *Я ішадую, ішадую сябе, // і мне сорамна сэрца ганіць. // Але ж праўду кажу цяпер: // я пазнаў, што бывае каханне...* [3, с. 72]

Інтымная лірыка паэта часта звязана з канкрэтнасцю моманту.

*Пурпурнасць
з ліловасцю
вечар саткаў,
размашыста
кінуў Сусвету.
Яе разняслі
ў залатых капытах
над ветлымі хатамі
ветры... (“Наля”) [3, с. 124]*

Тут важныя не толькі зрокавыя карціны, але і гукавыя эфекты, створаныя праз рыфму, алітэрацыю, гучныя вобразы. Так, у вершы “Калі вусны шапталі – не трэба...” паэт супрацьпастаўляе словы і позіркі закаханых: вусны могуць адмаўляць, але менавіта вочы

выдаюць глыбіню пачуцця. Вобраз “*нязмерных высей*” падкрэслівае высокае, нябеснае паходжанне кахання, што выходзіць за межы звычайнага, штодзённага пачуцця: *Калі вусны шапталі – не трэба! – // дык у вочах свіцілася – любы, імкніся... // І у вочах было вечна палкае мора і неба: // у нязмерных глыбінях нязмерныя высі...* [3, с. 138]

Уладзімір Дубоўка бачыў мастацтва як адлюстраванне прыгажосці і гармоніі жыцця. У той час, калі ў 1920-я гады большасць паэтаў усаўляла новую рэчаіснасць, ён звяртаў увагу таксама на каштоўнасці дабра, праўды і ўнутранай гармоніі. 1920-я гады ў творчасці паэта – час пошукаў і рамантычных імпульсаў, адкрыцця сябе, свайго “я”.

У інтымнай лірыцы У. Дубоўкі часта адчуваецца чаканне, недасягальнасць, страх развітання. У вершах сустракаюцца ўспаміны пра мінулае кахання, пра час, калі адносіны былі прасцейшыя. Тут шмат тугі і суму – пачуццяў, якія цяжка абмінуць, калі гаворка ідзе пра сапраўдныя эмоцыі. Напрыклад, у вершы “Залатая, асенняя раніца...” адчуваецца тонкая меланхолія, сум і ўнутранае зачараванне прыродай, **“Пальцы жоўтых кляновых лістоў...”** паказваюць настальгію лірычнага героя, “Дарагая... каханая... залатая...” – верш, дзе глыбокая прыхільнасць да любай поўная тугі і стрыманага болю.

На практычных занятках акрамя вуснага адказу, абароны рэфератаў і прэзентацый, калоквіуму можна выкарыстаць тэставае заданне для самакантролю па біяграфіі і творчасці паэта. Да прыкладу, наступнага зместу:

1. Калі з’явілася першая публікацыя Дубоўкі?
 - а) 1919;
 - б) 1920;
 - в) 1921;
 - г) 1923.
2. У якіх літаратурных аб’яднаннях удзельнічаў паэт?
 - а) “Маладняк” і “Узвышша”;
 - б) “Беларуская хатка” і “Маладняк”;
 - в) “Узвышша” і “Полымя”;
 - г) “Маладняк” і “Полымя”.
3. Якія словы У. Дубоўка ўвёў у беларускую мову?
 - а) “воблака”, “прамень”, “квецень”;
 - б) “летуценне”, “адлюстроўваць”, “спадабанка”;
 - в) “святло”, “зорка”, “песня”;
 - г) “воля”, “краса”, “радасць” і пад.

Для павышэння цікавасці да лірыкі паэта можна прапанаваць студэнтам зрабіць кросенс. Кросенс – гульня-загадка на 9 клетак з ілюстрацыямі. Перад студэнтамі стаіць задача – убачыць сэнсавую сувязь паміж малюнкамі і вызначыць агульнае паняцце (герой, назва твора і г. д.) (малюнак 1).

Малюнак 1 – Кросенс

Правільны адказ: *Шышына – сімвал, які выкарыстоўваў У. Дубоўка ў сваім вершы. Мова – тое, пра што пісаў аўтар у сваіх вершах, увёў у мову шмат новых слоў. Вільня – горад, у якім адбыўся дэбют У. Дубоўкі. Вайна – удзельнічаў у Першай сусветнай. Узвышша – адзін са стваральнікаў “Узвышша”. “Трыццё” – зборнік вершаў. Пялёсткі – назва кнігі ўспамінаў. Чырвоная Армія – службы ў Чырвонай Арміі.*

Такім чынам, з пункту гледжання метадыкі выкладання беларускай літаратуры ў вышэйшай школе, вывучэнне інтымнай лірыкі Уладзіміра Дубоўкі мае вялікае навучальна-выхаваўчае значэнне. Такія творы спрыяюць фарміраванню ў вучняў эстэтычнага густу, развіваюць іх здольнасць да суперажывання і разумення складаных унутраных станў чалавека. Выкладчык павінен праявіць крэатыўнасць, каб на практычных занятках выкарыстоўваць не толькі метады кантролю, але сродкі актуалізацыі пазнаваўчай актыўнасці студэнтаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гісторыя беларускай літаратуры 20–30-х гадоў XX стагоддзя : электронны вучэбна-метадычны комплекс для студэнтаў спецыяльнасці 1-02 03 03 Беларуская мова і літаратура. Замежная мова (англійская) [Электронны рэсурс] / скл. А. М. Мельнікава ; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2023. – 92 с. – Рэжым доступу : https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/61374/1/ЭУМК_ГБЛ%2020-30.pdf. – Дата доступу : 24.10.2025.
2. Беларуская літаратура як сацыякультурны феномен : мастацкія дамінанты, жанравы генезіс / А. В. Браздзіхіна [і інш.] ; пад рэд. В. А. Лідзянковай ; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2023. – 265 с.
3. Дубоўка, У. М. Збор твораў : у 2 т. / У. М. Дубоўка. – Мінск : Лімарыус, 2017. – Том 1 : Вершы. Паэмы. Пераклады. – 484 с.

Abstract. The article examines the peculiarities of studying the intimate lyrics of U. Dubouka in higher education. The author proposes the main theses for a lecture and interesting methodological approaches that a teacher can use in practical classes. It is concluded that the study of intimate lyrics by Uladzimir Dubouka at the university has a great educational value.

Keywords: lecture, practical classes, intimate lyrics, test, crosssens, methodology of teaching Belarusian literature in higher education.

УДК 811.161.1`372:2-444.6

Е. А. Калинина
Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

БЛАГОСЛОВЕНИЕ: СЛОВО И ПОНЯТИЕ

Аннотация. В статье анализируется историческая и современная семантика лексемы *благословение*, выявляются ее исходные связи. Выполнена семантическая реконструкция; определено первичное значение корня. Делается вывод о том, что концептуальное наполнение лексемы обусловлено ее происхождением, что современная семантика стала результатом сложного взаимодействия религиозных, культурных и языковых факторов.

Ключевые слова: благословение, русский язык, старославянский язык, православие, историческая семантика, понятие.

Незыблемая вера в силу произнесенного слова, уходящая корнями в глубины народного сознания, находит свое высшее выражение в православном понимании благословения. Это явление, сохраняющее свою актуальность на протяжении веков, представляет собой поразительное переплетение древних верований в магию слова и христианской традиции

сакрального действия. Согласно народным представлениям, слово, будучи однажды произнесенным, обретает самостоятельное бытие – будь то проклятие, семь лет носящееся в воздушных пространствах в поисках своей жертвы, или благословение, становящееся невидимым щитом для того, кому оно даровано. Эта вера в действенность слова, в его способность творить реальность помимо воли произносящего, получила в христианстве новое осмысление, где благословение стало проводником Божественной благодати, мостом между земным и небесным.

Своим возникновением в старославянском языке понятие «благословение» во многом обязано крещению Руси. Именно распространение христианства, послужившее катализатором для начала миссионерской деятельности святых Константина и Мефодия и, следовательно, для появления первых переводов греческих богослужебных текстов, объясняет появившуюся потребность в создании новых понятий, которые в полной мере смогли бы отразить суть ранее неизвестных для славян-язычников христианских ценностей. Таким образом появилось и слово *благословение*, впоследствии прочно укоренившееся в славянской культуре: корни греческого слова *eὐλογία*, буквально означающего ‘доброе, благое слово’, были дословно адаптированы в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами старославянского языка [1, с. 171].

Слово *благословение* запечатлело в себе широкий спектр значений – от высшего, Божественного благословения до простых, житейских проявлений родительского одобрения и напутствия

В самом широком смысле, благословение – это действие Божие, выражающееся в низведении особых благостей и милостей на человека, группу людей, семью, род или народ. Как Творец, исполненный премудрости и любви, Бог благословляет Свои творения, в частности человека, начиная с первых дней мироздания. Даже в момент грехопадения, когда человек отступил от заповедей, Господь не оставил его без надежды, даровав обетование о грядущем Искупителе. Он время от времени благословляет родоначальников человечества и избранного племени, благословляет само племя, и наконец одаряет благословениями человечество, обновленное во Христе. В Священном Писании оно часто отождествляется с самими дарами Божиими – будь то материальные блага или духовные милости.

Однако благословение не есть нечто автоматическое или безусловное. Будучи всеблагим, Господь также правосуден, и потому Он может отнять Свое благословение, если человек становится недостойным его своими грехами или нерадением.

На ином уровне благословение проявляется в действиях священнослужителей, призывающих Божественную благодать на верующих.

В современном русском языке слово *благословение* имеет мирское и сакральное значение – ‘напутствие, доброе пожелание, одобрение; в религиозном контексте – призывание Божией милости на кого-либо’ [2, с. 86].

Считается, что в момент осенения человека крестным знамением, Сам Господь наш Иисус Христос руками священников и архиереев дарует своё благословение.

В практике Церкви священнические благословения подразделяются на два вида: таинственное, всенародное (или великое), сопровождает все церковные таинодействия и священнодействия – как в храме, так и за его пределами – и малое (частное), происходящее вне храма, в повседневной жизни. Это может быть краткая молитва, осенение крестом или напутственное слово, через которое священник низводит Божию благодать на просящего [3].

Отдельно стоит отметить древнюю традицию переносить номинацию *благословение* на сами освящаемые предметы. Хлеб, вино и елей, над которыми совершается молитва на всенощном бдении, пасхальные начатки или первые плоды нового урожая – все они именуются благословенными, ибо через священнодействие на них действительно почивает благодать Божия.

Кроме того, благословение может служить духовным наставлением или разрешением на какое-либо дело. Как отмечает В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого

великорусского языка»: «Благословение – ср. действие по глаг. *благословить-благословлять*; пожелание счастья, добра, успеха; напутствие; одобрение, разрешение» [4, с. 94]. Без него, как верили наши предки, ни одно начинание не могло увенчаться успехом. Поэтому они старались испрашивать благословение у пастырей перед важными решениями или трудами.

Ярчайший пример силы благословения – встреча князя Дмитрия Донского с преподобным Сергием Радонежским перед Куликовской битвой в 1380 году. Преподобный Сергей не только благословил князя, но и предрёк победу, вселив в войско непоколебимую веру.

Подобно тому, как воины искали благословения перед битвой, творческие люди обращались за духовной поддержкой перед созданием своих произведений. Доподлинно известно, что многие знаменитые писатели: Николай Васильевич Гоголь, Лев Николаевич Толстой и Фёдор Михайлович Достоевский приезжали в Оптину пустынь – один из главных духовных центров России, – чтобы получить совет и благодатное напутствие. Особенно значимой стала встреча Ф. М. Достоевского со старцем Амвросием, третьим и самым прославленным из Оптиных старцев.

Именно после беседы со старцем Амвросием Ф. М. Достоевский написал ключевые главы «Братьев Карамазовых», где глубоко раскрыл темы веры, сомнения и духовного преображения [5].

Что удивительно, не чуждо обращение к церкви и людям науки: над космонавтами, например, за несколько часов до полета совершается особый обряд освящения, а непосредственно перед выходом на стартовую площадку каждый член экипажа получает личное благословение – священник осеняет их крестным знаменем и окропляет святой водой. По желанию космонавты могут исповедаться и причаститься. Традиционно православный священник также окропляет святой водой корпус ракеты, призывая Божие благословение на предстоящий полет. Как отмечает первый человек, вышедший в открытый космос, Алексей Леонов: «Без веры в нашем деле трудно, почти невозможно... Космонавт, отправляющийся на орбиту, должен знать, что все будет в порядке» [6].

И по сей день люди продолжают искать поддержку у священнослужителей в ситуациях, когда тело и дух особенно уязвимы: перед важной операцией, перед основанием собственного дела, перед дальней дорогой, перед сдачей экзаменов. И эта существующая и по сей день потребность в благословении свидетельствует: как бы далеко ни шагнул технический прогресс, человеческая душа по-прежнему нуждается в высшем одобрении своих начинаний.

В более широком, светском понимании благословение, особенно родительское благословение, символизировавшее одобрение, разрешение и пожелание удачи, затрагивало многие моменты повседневной жизни обыкновенного человека.

В системе духовных ценностей русского народа родительское благословение занимало особенное место: оно приравнивалось к проявлению воли Божией, вершимой руками кровных родственников, а потому нарушение благословения всегда считалось тяжким грехом. Особенными событиями семейной жизни, в которых имело место родительское благословение, были, несомненно, моменты, связанные с различными переходными обрядами – обязательными традиционными действиями, сопровождавшими переход человека в новую для него социальную категорию. К таким переходам относились те, что знаменовали собой разлуку с родителями: переезд или брак, – и переход из мира живых в мир иной. Именно этими нюансами и обусловлено существование двух известных видов благословений мирских, домашних: брачного, тесно связанного с благословением на счастливое отшествие детей из дома родительского, и предсмертного [7].

Еще в начале XX века без благословения отца и матери в брак не вступали. Если невеста была сиротой, то по ходу обряда ее благословлял кто-нибудь из старших родственников, крестная или крестный, а перед свадьбой она ехала на могилу родителей просить их благословения.

С особым благоговением и трепетом относились к прощальному благословению, которое жены получали от мужей, а дети – от родителей в тот самый горестный момент,

когда человек оказывался на пороге смерти. Перед кончиной умирающий старался дать последние наставления, поделиться накопленной за годы жизни мудростью и проститься с дорогими сердцу людьми: родственниками и соседями. Они же, в свою очередь, стремились навестить его, чтобы попросить прощения и отпустить с миром. Существовала традиция, когда умирающие родители просили присутствующих передать благословение их не успевшим приехать детям. Часто символом благословения, даруемого родителями детям в подобной ситуации, становилась икона.

Центральное место благословение родителей занимает также в обряде проводов рекрута. Провожая на военную службу, домашние могли повесить рекруту на шею образок, и даже в советское время, во время Великой Отечественной войны, прощаясь с сыновьями, мужьями, матери и жены в качестве символа благословения нередко давали нательный крестик, переписанный на тетрадном листе 90-й псалом, молитву «Да воскреснет Бог».

Брали благословение у родителей и на уход в монастырь.

Случалось, что в монастырь или под венец сбегали, не получив благословения. Но спустя какое-то время, как правило, винулись перед родителями, просили простить и благословить, поскольку в системе духовных ценностей русского народа родительское благословение занимало одно главных мест. Оно воспринималось как проявление воли Божией, а потому нарушение благословения всегда считалось тяжким грехом [8].

И, наконец, благословение – это хвала Богу, как, например, в Великом славословии – древнем гимне, входящем в состав богослужения утрени и повечерия. Это вознесение благодарности и признательности за все дары и милости, проявление любви и почитания к Творцу.

Таким образом, появление и развитие слова *благословение* в старославянском языке стало результатом сложного взаимодействия религиозных, культурных и языковых факторов. Важно отметить, что понятие это не осталось исключительно богословским. Оно быстро проникло в повседневную жизнь, став частью народной культуры. Благословение родителей перед браком, напутствие воина перед битвой, освящение нового дома – все эти действия отражали веру в то, что слово, наполненное Божественной благодатью, обладает реальной силой. Даже в условиях постепенной секуляризации общества традиция испрашивать благословение у духовных лиц или старших сохранялась, что свидетельствует о глубине укоренения этого понятия в национальном сознании.

Список использованных источников

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1 : А–Д. – 1986. – 573 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. язык, 1984. – 797 с.
3. О священническом благословении. О благословениях ветхозаветных и новозаветных / [автор не указан]. – М. : Трифонов Печенгский монастырь : Ковчег, 2001. – 64 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 1 : А–З. – М. : Рус. яз., 1989. – 699 с.
5. Габринович, С. Ф. Ф. М. Достоевский и Оптиная пустынь [Электронный ресурс] / С. Ф. Габринович // Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. – 2021. – Режим доступа : <https://oroik.by/f-m-dostoevskij-i-optina-pustyn>. – Дата доступа : 15.09.2025.
6. Хвалите Господа с небес [Электронный ресурс] // Свято-Троицкая Сергиева Лавра : офиц. сайт. – Режим доступа : <https://lavra.ru/news/all/khvalite-gospoda-s-nebes?ysclid=mbb1su10nz30319473>. – Дата доступа: 15.09.2025.
7. Иванов, А. А. Обряды перехода [Электронный ресурс] / А. А. Иванов // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2330986>. – Дата доступа : 12.09.2025.
8. Кузнецова, А. В. Родительское благословение в традиционной жизни // русских [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПСТГУ. – Режим доступа : <https://pstgu.ru/download/1279797096.kuznetsova.pdf>. – Дата доступа : 09.09.2025.

Abstract. The article analyzes the historical and modern semantics of the lexeme *blagoslovenie*, and identifies its original connections. A semantic reconstruction is performed, and the primary meaning of the root is determined. It is concluded that the conceptual content of the lexeme is determined by its origin, and that the modern semantics is the result of a complex interaction of religious, cultural, and linguistic factors.

Keywords: *blagoslovenie*, Russian language, Old Church Slavonic language, Orthodoxy, historical semantics, concept.

УДК 821.161.1.09

О. А. Капралова

Научный руководитель – **В. А. Редькин**,
д-р филол. наук, профессор

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОЙ РОДИНЫ В ПРОЗЕ В. З. ИСАКОВА: ОТ ЭЛЕГИЧЕСКОГО НАСТРОЕНИЯ К НОСТАЛЬГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты идиостиля тверского писателя В. З. Исакова. Особо анализируется феномен ностальгии, нашедший отражение в деревенской прозе автора. Затрагивается элегический мотив, ставший ключевым во всем творчестве прозаика, исследуется психологизм, к которому прибегает В. З. Исаков.

Ключевые слова: тверская литература, русская литература, феномен ностальгии, элегический мотив.

Деревенская проза, занимающая особое место в истории русской литературы XX века, предстает перед исследователями не просто как фиксация сельского быта или ностальгическое обращение к уходящей патриархальности. Напротив, этот мощный пласт отечественной словесности, сформировавшийся в середине прошлого столетия, выступил чутким резонатором ключевых социальных, культурных и, что особенно важно, нравственных коллизий своего времени. В условиях стремительной индустриализации, урбанизации и трансформации традиционного уклада жизни писатели-деревенщики, такие как В. Распутин, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Белов и другие, обратились к феномену деревни не только как к источнику художественного материала, но и как к последнему бастиону и хранителю подлинных вечных ценностей.

В центре внимания деревенской прозы всегда находился человек, его внутренняя жизнь и его связь с землей, общиной, традицией. Именно в этом контексте моральные искания героев приобретают исключительное значение, становясь не просто сюжетными элементами, но и определяющим смысловым ядром произведений. Они проявляются в сложнейших этических дилеммах, с которыми сталкиваются персонажи в их стремлении к правде и справедливости, в отстаивании человеческого достоинства перед лицом социальных перемен и исторических потрясений. Деревенская проза не дает готовых ответов, но с предельной честностью ставит вопросы о добре и зле, о совести, о цене прогресса, о подлинном и мнимом счастье, о возможности сохранить человечность в меняющемся мире. Таким образом, исследование роли нравственных ориентиров и их поиска в творчестве представителей деревенской прозы является не только актуальной задачей литературоведения, но и способом осмысления фундаментальных вопросов бытия. В этом контексте ностальгия рассматривается не только как индивидуальное чувство, но и как сложный социокультурный феномен, который «обнаруживается в категориях дома и боли» [1, с. 5].

В центре творчества В. З. Исакова всегда человек, с его исканиями, переживаниями и проблемами. Пейзаж в аспекте человеческой судьбы выступает как вспомогательный

инструмент. Природа способна показать и рассказать намного больше, чем сам герой. В большинстве очерков В. З. Исакова повествователь предстает как рефлексивный субъект – человек склонный к глубоким размышлениям и контемплации. Он боится нарушить сакральность и камерность проживаемого жизненного момента. Его перцепция всегда ориентирована на конкретный локальный топос, который производит на него глубокое экзистенциальное впечатление. Значимость этого места сохраняется, даже когда герой его покидает: *Эта точка всегда казалась мне, и теперь кажется, чем-то необыкновенным. Но удивляли меня не природные особенности места, сами по себе довольно любопытные, а нечто неопределенное и неясное* [2, с. 31]. Субъект восприятия В. З. Исакова осуществляет феноменологическое осмысление – он погружается в непосредственное переживание места, выявляя в нем скрытые, неосознанные смыслы.

В представленном фрагменте прозы В. З. Исакова отчетливо прослеживается значимость ностальгического чувства, которое овладевает героем уже в момент его единения с местом. Так, в финале очерка, находясь на возвышенности, герой предается размышлениям о рождении сына и своей новой роли отца, которая является важным жизненным этапом. В последующих посещениях этого места герой вновь обращается к рефлексиям о доме и семье, что находит символическое выражение в именовании наивысшей точки Валдайской возвышенности в честь своих сыновей.

Однако наиболее ярко данная интерпретация раскрывается в очерке «Над тихой водой», где, прибегая к характерному для него лаконизму и психологической детализации, герой эксплицитно заявляет: *«Каждый год, всё чаще, меня зовет к себе Селигер. Приходят давние, щемящие воспоминания, заслоняют сегодняшние дела, манят собраться, поехать и там, на знакомом берегу, повторить все сначала, снова прожить ту милую, минувшую жизнь»* [2, с. 108]. Герой, как и автор, переживает экзистенциальный кризис, ощущая приближение финала жизни и испытывая ностальгическую тоску по утраченному. В данном контексте Селигер приобретает значение трансформирующего топоса, инициирующего циклический процесс рефлексии и экзистенциального поиска. Водные просторы Селигера предстают не только как средство перемещения, но и как метафора пути к себе, к давно забытому дому, связь с которым не утрачивается со временем, а становится только крепче. Так герой рассказывает: *«Уже не пять, а больше лет я не был в этих местах. Если разобраться, за все время надо мной было несколько дней. Что же держало, что же не пускало меня сюда – в единственное место, куда стремится моя душа?»* [2, с. 110].

Таким образом, творчество В.З. Исакова представляет собой яркий пример литературной репрезентации ностальгии. Через сочетание философских размышлений, элегических интонаций и ностальгических интенций автор создает уникальное художественное пространство.

Список использованных источников

1. Нефедова, Л. К. Ностальгия в сакральном ядре культуры [Электронный ресурс] / Л. К. Нефедова, А. Ш. Руди // Вестник Томского государственного университета. Сер. : Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 79. – С. 134–145. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgia-v-sakralnom-yadre-kultury>. – Дата доступа : 11.10.2025.
2. Исаков, В. З. У истоков Волги / В. З. Исаков. – М. : Сов. Россия, 1988. – 288 с.

Abstract. The article examines the characteristic features of the idiosyncrasy of the Tver writer V.Z. Isakov. The phenomenon of nostalgia, reflected in the author's rustic prose, is especially analyzed. The elegiac motif, which has become a key one in the prose writer's entire work, is touched upon, and the psychologism used by V.Z. Isakov is explored.

Keywords: Tver literature, Russian literature, nostalgia phenomenon, elegiac motif.

Е. А. Карамышева
Научный руководитель – **Л. Д. Пономарева**,
д-р пед. наук, профессор

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития орфографической зоркости у младших школьников-билингвов. Автор анализирует характерные трудности, вызванные интерференцией языков и недостаточно развитым языковым чутьем. В качестве решения предлагается использование геймификации – педагогической технологии, которая повышает мотивацию и способствует непроизвольному усвоению орфографических норм. Рассматриваются игровые приемы и задания, разработанные с учетом психолингвистических особенностей детей-билингвов.

Ключевые слова: геймификация, орфографическая зоркость, младшие школьники, билингвизм, русский язык как неродной, интерференция, игровые технологии, метаязыковая осведомленность.

Современная образовательная среда характеризуется возрастающим числом учащихся-билингвов, для которых русский язык является вторым (неродным) или изучается в условиях ограниченной языковой среды. Одной из наиболее сложных задач в обучении таких детей русской грамоте является формирование прочных орфографических навыков, ядром которых выступает орфографическая зоркость – умение обнаруживать орфограммы, т. е. места в слове, где письменный выбор не определяется однозначно произношением [1, с. 17].

У детей-билингвов формирование данного умения сопряжено с рядом трудностей: отсутствие интуитивного чувства грамматической правильности, влияние фонетических и грамматических моделей родного языка (интерференция), бедность словарного запаса, сниженная метаязыковая осведомленность. Традиционные методы «натаскивания» на правила часто оказываются малоэффективными, так как не устраняют глубинных причин ошибок и не формируют устойчивой мотивации к изучению сложной системы русской орфографии [2, с. 38].

В этом контексте геймификация – применение игровых механик в неигровых образовательных процессах – представляет собой мощный инструмент, позволяющий преодолеть указанные трудности. Игра является естественной для ребенка деятельностью, снимает психологический барьер, способствует непроизвольному запоминанию и создает позитивный эмоциональный фон, что особенно важно для детей, испытывающих языковые трудности [3, с. 19].

Орфографическая зоркость детей-билингвов формируется на основе развитого фонематического слуха и интуитивного усвоения грамматических закономерностей. У билингвов эти процессы нарушены, поскольку:

– звуки русского языка воспринимаются через призму системы родного языка. Это приводит к ошибкам на письме, связанным с неразличением оппозиционных фонем (например, [и]–[ы], [ц]–[тс], безударные гласные);

– трудности усвоения падежной системы, категорий рода и числа, глагольного вида провоцируют массовые ошибки в правописании падежных окончаний, безударных личных окончаний глаголов;

– ограниченный словарный запас затрудняет проверку орфограмм через подбор однокоренных слов.

Следовательно, работа по формированию орфографической зоркости у билингвов должна быть комплексной, сочетающей развитие фонематического восприятия, обогащение словаря и целенаправленное выявление орфограмм в условиях, исключающих стресс и монотонность [1, с. 43].

Геймификация трансформирует процесс обучения из принудительного в желаемый. Ее ключевые элементы, значимые для билингвов:

Мотивация и вовлеченность: Система очков, бейджей, уровней и рейтинговых таблиц создает внешнюю и внутреннюю мотивацию, превращая решение орфографических задач в увлекательный вызов.

Непосредственная обратная связь: В игровых ситуациях ошибка воспринимается не как неудача, а как шаг к поиску правильного решения. Мгновенная реакция системы (например, в цифровых тренажерах) позволяет сразу же корректировать действие.

Безопасная среда: Игра снижает «боязнь ошибки», которая у билингвов часто выражена сильнее. Ребенок экспериментирует с языком без страха получить негативную оценку.

Повторение без монотонности: Игровые механики позволяют многократно отрабатывать один и тот же тип орфограмм в различных контекстах, что необходимо для автоматизации навыка [3, с. 19].

Разрабатывая задания, необходимо учитывать этапность формирования навыка: от обнаружения орфограммы к ее проверке и применению правила [4, с. 94], например:

1 этап: «Охота за орфограммами»

Игра «Орфографический снайпер»: обучающимся дается текст или набор слов. Задача – за ограниченное время найти и выделить цветом все «опасные места». За каждую найденную орфограмму начисляются очки. Можно ввести бейджи «Зоркий глаз» или «Охотник за гласными». Можно также провести квест «Секретные коды»: Каждому типу орфограммы присваивается свой цветовой или цифровой код. Дети не просто находят орфограмму, а «шифруют» ее, используя условные обозначения.

2 этап: «Классификация и проверка»

Интерактивный кроссворд/пазл: слова с пропущенными орфограммами. Чтобы получить подсказку или собрать картинку, нужно правильно подобрать проверочное слово. Можно также провести настольную игру «Путь к слову»: игроки перемещаются по полю, попадая на клетки с заданиями («Проверь безударную гласную в слове *леса*», «Образуй три однокоренных слова от слова *ходить*»). Правильный ответ позволяет сделать ход, ошибка – отбрасывает назад. Предлагаем дидактическую игру «Орфографическое лото»: карточки со словами, в которых пропущены орфограммы, и отдельные карточки-«проверки» (однокоренные слова, грамматические формы). Задача – быстро найти проверку для своего слова.

3 этап: «Применение в творческом контексте»

Создание комикса или истории: дается задание написать короткий рассказ, используя слова на определенное правило. За каждое корректно использованное «слово-правило» начисляются бонусы. Игра «Редактор»: обучающиеся получают текст, намеренно испорченный орфографическими ошибками («поломанный текст»). Их миссия – «починить» его, исправив все ошибки. За скорость и качество присваивается звание «Главный редактор» [5, с. 47].

Таким образом, геймификация выступает не просто как развлекательный элемент на уроке, а как высокоэффективная педагогическая технология, адекватно отвечающая на вызовы обучения младших школьников-билингвов. Она позволяет целенаправленно и системно развивать орфографическую зоркость, преодолевая негативное влияние интерференции и компенсируя недостаток языковой практики. Создавая ситуацию успеха, положительную эмоциональную атмосферу и обеспечивая многократное вариативное повторение, игровые методы способствуют более глубокому и осознанному усвоению орфографических норм русского языка, формируя прочную основу для дальнейшей грамотной письменной речи.

Список использованных источников

1. Богоявленский, Д. Н. Психология усвоения орфографии / Д. Н. Богоявленский. – М. : Просвещение, 2016. – 256 с.
2. Протасова, Е. Ю. Русский язык для билингвов : методические рекомендации / Е. Ю. Протасова, Е. А. Хамраева. – М. : Издательство МГУ, 2019. – 200 с.
3. Воронцов, А. В. Геймификация в образовании : методики и практики / А. В. Воронцов. – М. : Бином, 2020. – 180 с.
4. Азимов, Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 320 с.
5. Жукова, Н. С. Формирование орфографической зоркости у детей-билингвов в начальной школе / Н. С. Жукова // Начальная школа. – 2021. – № 5. – С. 45–51.

Abstract. The article is devoted to the problem of developing spelling awareness in bilingual primary school students. The author analyzes the typical difficulties caused by language interference and a lack of linguistic intuition. As a solution, the article proposes the use of gamification, a pedagogical technology that increases motivation and promotes the involuntary acquisition of spelling norms. The article provides specific game techniques and tasks designed to take into account the psycholinguistic characteristics of bilingual children.

Keywords: gamification, spelling awareness, primary school students, bilingualism, Russian as a non-native language, interference, gaming technologies, and meta-linguistic awareness.

УДК 316.776(81.42)

О. О. Карпова

Научный руководитель – **О. В. Ширяева-Ширинг**,
д-р филол. наук, доцент

ТИПЫ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются типы и функции вербальных маркеров конфликта в российском деловом и политическом медиадискурсах. Исследование основано на корпусе медиатекстов, репрезентирующих современные коммуникативные практики. Особое внимание уделяется медиастилистическим особенностям речевого поведения участников коммуникации, прагматике конфликта.

Ключевые слова: медиадискурс, конфликт, политическая коммуникация, деловое общение, речевые стратегии, вербальные маркеры.

Современное медиапространство выступает не только ареной обмена информацией, но и местом, где формируются, происходят и разрешаются социальные конфликты. Под конфликтом понимается столкновение коммуникативных целей [1, с. 13]. Политические и деловые медиа – две наиболее влиятельные подсферы институционального дискурса, которые обладают особыми лингвостилистическими и прагматическими характеристиками, отражающими цели и нормы соответствующих сообществ. Конфликтные высказывания, являясь неизбежной частью публичного общения, становятся объектом медиалингвистического анализа, поскольку именно в них наиболее явно проявляются механизмы речевого воздействия, позиционирования и стратегического манипулирования [2, с. 10].

Медиастилистический аспект конфликта позволяет выявить, каким образом языковые средства, жанровая структура и коммуникативные роли формируют образ оппонента

и распределяют ответственность за речевые действия. Целью данного исследования является определение типологии вербальных маркеров конфликта в деловом и политическом медиадискурсах, а также описание специфики их функционирования в рамках медиастилистической парадигмы, поскольку «разнообразие коммуникативных форм речевого поведения и различные виды отношений между участниками дискурсивных практик» позволяют рассмотреть разные его проявления [3, с. 129].

Исследование основано на корпусе медиатекстов, включающем модели политических выступлений, пресс-релизов, экономических комментариев, аналитических статей и телевизионных интервью. В качестве метода используется лингвостилистический и дискурсивно-прагматический анализ, позволяющий выявить маркеры конфликта на уровне лексики, синтаксиса и прагматики.

Типология вербальных маркеров формируется на основании функций, которые они выполняют:

1. Иницирующие – запускают конфликт (например, *обвинение, провокация, контрастное противопоставление*).
2. Интенсифицирующие – усиливают напряжение (*сарказм, гипербола, повтор*).
3. Смягчающие – направлены на стабилизацию ситуации (*эвфемизмы, модальные маркеры неопределённости*).
4. Метарефлексивные – обозначают сам факт конфликта и дистанцию говорящего (формулы типа *я понимаю, что мы расходимся во мнениях*).

В политическом медиадискурсе ключевыми становятся оценочные лексемы (*некомпетентный, безответственный, популистский*) и стратегии дискредитации, направленные на подрыв легитимности оппонента. Дискурсивный анализ показывает, что конфликт в политической коммуникации имеет перформативный характер: он создаётся ради демонстрации позиции, а не разрешения противоречий.

В деловом медиадискурсе, характерной чертой которого является редукция субъективной эмоционально-окрашенной модальности, конфликт выражается преимущественно через формализованные речевые конструкции: *вопрос требует дополнительного рассмотрения; позиции сторон расходятся* [4, с. 34]. Здесь конфликт маркируется как элемент переговорного процесса, а не как угроза статусу.

Сравнение лексико-грамматических маркеров демонстрирует различие в соотношении экспрессии и рациональности: политический дискурс ориентирован на воздействие и эмоциональную мобилизацию аудитории, тогда как деловой – на поиск консенсуса и сохранение корпоративного имиджа.

Несмотря на структурное сходство – наличие институциональных рамок, публичность и стратегическую направленность на влияние, – политический и деловой медиадискурсы различаются по своей коммуникативной природе и функциональной нагрузке. Политический дискурс, как правило, ориентирован на борьбу за власть и формирование общественного мнения. Его конфликтные маркеры несут сильную экспрессивную и идеологическую нагрузку: в них доминируют эмоционально окрашенные эпитеты, метафоры, контрастные конструкции и риторические вопросы. Конфликт в этом случае становится инструментом самоидентификации говорящего и мобилизации адресата.

Деловой медиадискурс, напротив, характеризуется прагматизмом, процедурностью и направленностью на достижение договоренности. Даже при наличии противоречий коммуникация сохраняет нормативность: используется нейтральная или формально-вежливая лексика, синтаксическая структура высказываний подчинена логике аргументации, а не эмоциональному воздействию. Здесь конфликт понимается как управляемое несогласие, регулируемое нормами корпоративной этики и профессионального взаимодействия [5, с. 7].

Медиастилистический анализ выявляет, что в политическом медиадискурсе стилистическая норма подвижна и допускает отклонения, в том числе элементы агональности и театрализации. Публичная полемика в медиа строится на демонстрации силы речи, в то время как в деловом общении речевая стратегия направлена на демонстрацию компетентности и рациональности. Таким образом, различие между двумя типами медиадискурса заключается не только в целях, но и в медиастилистической организации текста: если политическая коммуникация стремится к максимальной экспрессии, то деловая – к минимизации риска и сохранению репутационной устойчивости.

В политическом медиадискурсе конфликт часто выступает формой ритуализированной коммуникации, а в деловом – инструментом стратегического регулирования. Следовательно, медиалингвистическая специфика обоих типов определяется их социальной функцией: политика использует конфликт для легитимации власти, бизнес – для оптимизации решений и распределения ответственности.

Таким образом, вербальные маркеры конфликта зависят от коммуникативной цели и жанра медиатекста. В политическом медиадискурсе доминирует экспрессивная и аксиологическая функция маркеров, в деловом – прагматическая и регулятивная.

Конфликт в медиадискурсе – это не только проявление несогласия, но и инструмент конструирования идентичности и распределения власти. Анализ политического и делового медиадискурсов показывает, что их различие носит не количественный, а качественный характер: первый ориентирован на публичное воздействие, второй – на регуляцию взаимодействия.

Медиастилистический подход позволяет рассматривать конфликт не как отклонение от нормы, а как элемент динамической системы речевого поведения, в которой конфликтные маркеры выполняют функцию смыслового и идеологического акцента.

Список использованных источников

1. Сибиданов, Б. Б. Конфликтный медиадискурс (по материалам прессы Бурятии) / Б. Б. Сибиданов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – № 1. – С. 12–29.
2. Смирнова, О. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии : системно-теоретические аспекты / О. В. Смирнова, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – № 1. – С. 5–21.
3. Садыкова, И. А. Маркеры конфликтности в русском межличностном дискурсе / И. А. Садыкова // Ученые записки Казанского университета. Сер. : Гуманит. науки. – 2019. – № 5–6. – С. 127–137.
4. Ширяева, О. В. Информационно-аналитический медиадискурс : прагмасемантический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале российской деловой прессы) : автореф. дис. док. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Ширяева ; Адыгейск. гос. ун-т. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2016. – 51 с.
5. Мордвинцева, К. С. Решение конфликтов в деловой коммуникации / К. С. Мордвинцева, М. С. Долгова, С. В. Пирогова // Universum : общественные науки. – 2022. – № 4 (83). – С. 7–9.

Abstract. The article examines the types and functions of verbal markers of conflict in the Russian business and political media discourse. The research is based on a corpus of media texts representing modern communication practices. Special attention is paid to the media stylistic features of the verbal behavior of communication participants, the pragmatics of conflict.

Keywords: media discourse, conflict, political communication, business communication, speech strategies, verbal markers.

А. Е. Катыхева
Научный руководитель – С. Л. Михеева,
канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГРИГОРИЯ ОСТЕРА «ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ»

Аннотация. В статье исследуется феномен языковой игры в произведении Григория Остера «Вредные советы». Основной целью исследования является выявление механизмов создания комического эффекта посредством различных типов языковой игры, используемых автором. Анализируется роль авторских приемов языковой игры в формировании детского восприятия и развитии интеллектуальных способностей.

Ключевые слова: языковая игра, комический эффект, неологизмы, вредные советы, омонимия.

Термин «языковая игра» появился в середине XX века благодаря немецкому философу Л. Витгенштейну. Под языковой игрой он подразумевал всю человеческую, в том числе и речевую деятельность. В работах исследователя можно выделить три дополняющих друг друга подхода к пониманию языковой игры. Во-первых, это исходные лингвистические формы, с которых начинается обучение языку через участие в различных видах деятельности. Во-вторых, «игры» рассматриваются как упрощенные, идеализированные модели употребления слов, последовательное усложнение которых демонстрирует динамику языка. И в-третьих, социокультурный аспект «игр» отражен в понятии форм жизни.

Л. Витгенштейн называет употребление языка в нашей жизни языковыми играми. Языковая игра, по его мнению, – это всеобъемлющее явление, присущее не только мышлению, но и способу существования человека в мире [1, с. 108–153].

С выходом работы «Языковая игра» Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой [2] термин «языковая игра» вышел за пределы философии языка и вошел в отечественную лингвистику. Авторы предложили обозначать данным термином те намеренные отклонения от языковых норм, «которые имеют место, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [2, с. 175; 3, с. 50].

Современная детская литература демонстрирует широкий спектр приемов, направленных на вовлечение юного читателя в игру со словом. Особое место занимает творчество Григория Остера – автора цикла «Вредные советы».

Популярность «Вредных советов» объясняется уникальным сочетанием сатирической интонации, абсурдных ситуаций и особого типа лексической игры. Именно языковая игра, основанная на создании неологизмов, неожиданных словосочетаний, является важным источником комического эффекта в текстах Остера.

Комический эффект, как отмечают исследователи Ю. Б. Боров [4], В. Я. Пропп [5], М. М. Бахтин [6], во многом строится на «разрушении нормы», то есть на сознательном нарушении языковых и поведенческих стереотипов. В произведениях Остера этот прием доводится до предела: нормы поведения обыгрываются, подвергаются пародийному искажению, что вызывает у ребенка положительную реакцию и усиливает воспитательный эффект.

Рассмотрим типы языковой игры, которые используются в произведении «Вредные советы» Григория Остера [7].

Обыгрывание многозначности и омонимии (каламбур). «Каламбур – игра слов, вызывающая комический эффект. Может быть основан на полисемии, омонимии, ложной этимологизации, переосмыслении устойчивых словосочетаний путем замены одного слова другим, близким по звучанию» [8].

Каламбуры могут добавить юмора к письму, а в некоторых случаях скрыть неожиданную шутку, чтобы развлечь внимательных читателей. Как правило, каламбуры предназначены для юмористических целей, но в литературных произведениях они часто имеют и серьезное значение.

*Если вы по коридору / Мчитесь на велосипеде, / А навстречу вам из ванной / Вышел папа погулять, / Не сворачивайте в кухню, / В кухне – **твердый** холодильник. / Тормозите лучше в папу. / Папа **мягкий**. Он простит.* Здесь автор использует игру слов *мягкий – твердый*: холодильник *твердый* физически, а папа *мягкий* в переносном значении, то есть ‘добрый, прощающий’.

*Если спросят на уроке, / Где **домашнее** задание, / Отвечай, что **одичало** / И в дремучий лес ушло.* В примере языковая игра основана на переосмыслении слова *домашний*. В устойчивом выражении *домашнее задание* используется в значении ‘выполняемое дома’. Глагол *одичало* и выражение *в дремучий лес ушло* указывают на значение ‘живущий дома, относящийся к дому’, что усиливает противопоставление слов *домашний – дикий*.

*Главным делом вашей жизни / Может стать любой **пустяк**. / Надо только твердо верить, / Что важнее дела нет.* Автор иронично обыгрывает понятие «главное дело жизни», превращая его в шутку о том, как можно серьезно относиться к пустякам.

*В дом приличный с **шеей** грязной / Не ходите, чтобы вам / Не срамиться, если будут / Вас оттуда **в шею** гнать.* В данном тексте присутствует фразеологический каламбур, в котором происходит столкновение прямого и переносного значений. Слово *шея* употребляется в отрывке дважды: сначала в качестве названия части тела, а после как компонент фразеологизма *в шею гнать*, что значит ‘прогонять’. Комичность совета достигается через повторение однокоренного слова в разных формах и значениях.

В данных примерах автор использует игру слов для создания юмористического эффекта. Это показывает, что обыденные или, наоборот, неожиданные вещи могут быть представлены в необычном свете, вызывая улыбку.

«**Приписывание**» слову *несвойственного ему в языке значения*. Это считается одним из видов лексических ошибок, который называется «произвольной этимологизацией». Но Григорий Остер во «Вредных советах» делает из этого прием языковой игры.

К примеру, *Если вас поймала мама / За любимым делом вашим, / Например, за рисованием / В коридоре на обоях, / Объясните ей, что это – / Ваш **сюприз** к Восьмому марта.* Здесь слово *сюприз* ‘что-то приятное, неожиданное’ используется в совершенно противоположном значении – для описания проступка.

*Если нет у вас **собаки**, / За собой на поводке / Поводите по квартире / Электрический **утюг**. / Чтобы он паркет не портил / И на коврик луж не лил, / Трижды в день его на травку / Выводите погулять.* В данном примере «приписывание» несвойственного значения слову проявляется в переносе действий, характерных для собаки (выгул, прогулки), на утюг, а также использование зооморфных характеристик для неодушевленного предмета (*паркет не портил; луж не лил*).

*Портфель свой с вечера **готовь**, / Сначала положи / Туда учебники, потом / Насыпь карандаши, / Добавь тетради, крошки / Заполненный дневник / И, кипятком залив, поставь / На медленный огонь.* Комический эффект в примере достигается за счет представления подготовки портфеля как процесса приготовления пищи при помощи использования кулинарной лексики в несвойственном контексте (*насыть; крошки* и т. д.).

Несоответствие общепринятого и авторского смыслов усиливает комический эффект.

Парономазия – стилистический прием, предполагающий нарочитое сближение слов, в чем-либо сходных в своем звуковом составе [8]. Сопоставляются как родственные слова, звуковое сходство которых обусловлено их словообразовательными связями, так и неродственные, звуковое подобие которых случайно.

Например, *Если ты горяч, как чайник, / Или **вспыльчив**, как ковер, / Попроси, чтоб остудили / Или выбили тебя.* В данном совете прилагательное *вспыльчив* имеет фонетическое сходство с прилагательным *пыльный*, поскольку оба слова имеют одинаковый корневой

элемент (*пыл*), но не являются однокоренными словами. Слово *вспыльчив*, имеющее прямое значение ‘легко приходящий в раздражение, гнев’, в данном контексте употребляется в том же значении, что и слово *пыльный* – ‘покрытый пылью’. На это также указывает рекомендация *или выбили тебя*, как выбивают *пыльный ковер*.

Парономазия создает комический и иронический эффект, подчеркивая неожиданные ассоциации и выразительность речи.

Языковая игра в «Вредных советах» Григория Остера – это не только источник смеха, но и важный инструмент воспитания и развития ребенка. Комический эффект, возникающий благодаря языковой игре, помогает автору в непринужденной форме донести до читателя серьезные мысли: как и почему не стоит поступать.

Творчество Григория Остера демонстрирует, что детская литература способна быть одновременно смешной и глубокой, развлекательной и поучительной. Авторская языковая игра – это не просто словесные выдумки, а мост между языком ребенка и языком культуры, формирующий у юного читателя вкус к слову и интерес к литературе.

Список использованных источников

1. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М. : Изд-во «Территория будущего», 2005. – 440 с.
2. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. И. Розанова // Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М. : Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Лебедева, Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике [Электронный ресурс] / Е. Б. Лебедева // Язык и культура. – 2014. – №4 (28). – С. 49–65. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnenie-ponyatiya-yazykovaya-igra-v-lingvistike>. – Дата доступа : 21.09.2025.
4. Боров, Ю. Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Боров. – М. : Изд-во «Искусство», 1970. – 269 с.
5. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2002. – 192 с.
6. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
7. Остер, Г. Б. Вредные советы и другие весёлые истории / Г. Остер, Н. Воронцов ; рисунки дяди Коли Коронцова. – М. : АСТ, Малыш, 2018. – 126 с.
8. Большая российская энциклопедия : словарь – электронная версия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://old.bigenc.ru/vocabulary>. – Дата доступа : 21.09.2025.

Abstract. The article examines the phenomenon of language play in Grigory Oster's work “Harmful Advice”. The main purpose of the study is to identify the mechanisms of creating a comic effect through various types of language games used by the author. The article analyzes the role of the author's language game techniques in the formation of children's perception and the development of intellectual abilities.

Keywords: language game, comic effect, neologisms, harmful advice, homonymy.

УДК 811.161.3'242:39(075.8)

А. С. Кнырэвіч

Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч,
канд. філал. навук, дацэнт

ЛЕКСЕМА БУЛЬБА: ЭТНАКУЛЬТУРНЫ ЗМЕСТ

Анатацыя. У артыкуле вызначаецца этналінгвістычны змест моўнай адзінкі *бульба*. Вызначаецца вартасць расліны для этнакультурнага і эканамічнага жыцця беларусаў; выяўляецца функцыя лексемы ў розных сферах грамадскага жыцця беларусаў.

Ключавыя словы: этнакультурны, этналінгвістыка, лексема

На сучасным этапе развіцця мовазнаўства даследчыкаў у галіне ўласна лінгвістыкі, а таксама псіхалінгвістыкі, сацыялінгвістыкі, кагнітыўнай лінгвістыкі, этналінгвістыкі, антрапалінгвістыкі і інш. цікавіць менавіта семантыка і прагматыка слова. Навукоўцы пераключаюцца са структурна-семантычнай парадыгмы на антрапацэнтрычную, аб’ектам увагі якой становіцца “мова – чалавек – культура”.

Для этналінгвістычнага аналізу намі ўзята моўная адзінка *бульба*. Для вызначэння этнакультурнай вартасці лексемы і выяўлення магчымасці яе ўжывання ў якасці этнаканцэпту варта прааналізаваць спалучэнне моўнай, літаратуразнаўчай і культуралагічнай інфармацыі з прыродазнаўчай, філасофскай і гістарычнай. Сёння культурнае і эکانамічнае жыццё беларусаў звязана з гэтай знакавай раслінай. У беларускай культуры *бульба* стала адносна «маладым» сімвалам.

Папулярнасць бульбы прасочваецца ў наяўнасці крылатых выразаў (*Бульба – другі хлеб*), мностве назваў страў з бульбы (*дранікі, клёцкі, калдуны, бабка*), шматлікіх вершаў беларускіх пісьменнікаў (Р. Барадулін, С. Законнікаў, П. Панчанка і інш.), нават мянушка беларуса – *бульбаіш* – ператварылася ў нацыянальны брэнд. *Бульбаіш, бульбаішка, бульбаішы* – псеўдаэтнонімы (экспрэсіўна маркіраваныя разрады этнонімаў), якія стаяць побач з этнонімамі *беларус, беларуска, беларусы*.

Па версіі некаторых даследчыкаў, слова *бульбаіш* з’явілася ў перыяд Рэчы Паспалітай, калі рускія папы лічылі, што беларусы-ўніаты ядуць «чортавы яблыкі», як яны тады называлі расліну. Таму слова паходзіць ад *бульбы*. Гэтую версію і лічаць найбольш праўдзівай у наш час.

Усё ж такі мянушка *бульбаіш* ператварылася ў нацыянальны брэнд, і самі беларусы практычна не крыўдзяцца, калі іх так называюць. У савецкі перыяд часта можна было сустрэць кафэ з назвай “*Бульбяная*”, а сёння вельмі знакамітая беларуская гарэлка пад назвай “*Бульбаіш*” [1]. ТАА “Белпрадукт” выпускае ўсім упадабаныя “*Бульба chips*”, “*Бульба sticks*”.

Нацыянальнае агенцтва па турызме нядаўна прэзентавала новы лагатып. За аснову ўзялі фіялетаваю кветку бульбы: “*Доўга думалі, з чым ён павінен асацыявацца. Вывучалі вопыт розных краін – перамог вектар на гастранамічны турызм. Таму што вельмі часта падарожжжа ў нейкую краіну асацыюецца са стравамі, якія можна толькі там паспрабаваць. Калі да нас прыязджаюць госці з іншых краін, яны хочуць паспрабаваць дранікі — гэта наша фірмовая страва. Зрэшты, бульба выкарыстоўваецца і ў іншых нацыянальных стравах. Так мы выйшлі на той сімвал, які лёгка ў аснову рэбрэндынгу*” [2].

Канешне, называць Беларусь “бульбяной дзяржавай” увогуле няправільна. Паводле дадзеных Вялікай Савецкай Энцыклапедыі, бульбу ў БССР вырошчвалі дрэнна нават па савецкіх мерках. На сённяшні час сітуацыя не змянілася. Беларусь уступае такім краінам, як Індыя, Украіна, Расійская Федэрацыя, Бангладэш, Злучаныя Штаты Амерыкі, Нігерыя, Перу і Польшча [3]. Відавочна, Беларусь не з’яўляецца “бульбяной дзяржавай”.

Часта можна пачуць, што беларусы больш за ўсіх спажываюць бульбы і што гатуюць вялікую колькасць страў з выкарыстаннем гэтай расліны. Але трэба адзначыць, што беларуская кухня мае багатую гісторыю і з’яўляецца адной са стражытнейшых у Еўропе. Шмат яе страў заснавана на аўсе, што не характэрна для іншых народаў. Канешне, са з’яўленнем бульбы наша кухня значна павялічыла колькасць страў і не трэба выключаць яе ролі ў стварэнні беларускай нацыянальнай кухні, аднак у спіс нацыянальных страў уваходзяць і тыя, што не маюць ніякага дачынення да бульбы: наліснікі, халаднік, шкваркі, мачанка, верашчака і інш. Беларус не кожны дзень спажывае бульбу, яго рацыён складаюць розныя злакавыя культуры, макароны і інш. Таму гэта міф, што беларусы ядуць толькі адну бульбу.

Беларусы выводзяць новыя сарты расліны і ствараюць адпаведную наменклатуру. Акрамя афіцыйных назваў сартоў бульбы, такіх, як *Скарб, Ласунак, Першацвет, Адрэта, Брыз*, у залежнасці ад часу высявання і пажыўных якасцей існуюць і «народныя» найменні – *скараспéшка, кураспéлка, амерыкáнка, паспéшка, распéлка, мэмка* і інш. [4]. Гаваркія найменні нададзены бульбе ў залежнасці ад яе якасці, колеру, памераў і

асабліваасцей выкарыстання: *драпачы* – ‘бульба з адхіленнямі ад гатунку’ (в. Крыўляны Жабінкаўскага раёна Брэсцкай вобласці); *ружбўка*, *гёмка*, *пóчки*, *белáны*, *маркáнка*, *ве-рабінка* – ‘гатункі бульбы рознага колеру’; *пáранка*, *парóнки* – ‘дробная бульба, якая ідзе на корм жывёле’; *гару́лі*, *гу́лікі*, *гни́ляк* – ‘перамерзлая або гнілая бульба’; *мацё́ра*, *мацё́рка*, *насе́ніца*, *ца́лкі* – ‘насенная бульба’ (аг. Альшаны Столінскага раёна Брэсцкай вобласці).

Што да іменавання страў з бульбы, то ў нацыянальнай мове беларусаў-палешукоў таксама існуюць свае назвы ў залежнасці ад:

– спосабу апрацоўкі клубняў: *дра́нікі* – ‘аладкі, бліны з дранай бульбы’; *сухóпарка* – 1) ‘бульба, вараная ў лупінах’, 2) ‘чышчаная вараная бульба’; *розрі́занцы* – ‘бульба ў лупінах, звараная палавінкамі’;

– спосабу прыгатавання: *бабка* – ‘запечаная цёртая бульба’; *лабё́дзікі* – ‘маленькія блінчыкі з цёртай бульбы’; *сухáпар* – ‘тушаная бульба’; *куто́к* – ‘кутняя кішка, начыненая дранай бульбай’; *му́ззя* (*му́зя*, *му́рза*) – ‘з расцёртаю бульбаю суп’; *памяту́ха*, *тов-каны́ця* – ‘бульбяное пюрэ’;

– спосабу апрацоўкі і прыгатавання: *сухапа́рнікі* – ‘смажаная бульба, парэзаная скрылькамі’; *бо́цман* – ‘бульбяны аладак, начынены мясам’;

– неапрацаваная бульба перад прыгатаваннем: *бульба ў мундзі́рах* – ‘звараная з лупінамі бульба’; *сухóпэрка* – ‘бульба, звараная з лушпінамі’; *сухóпарка* – 1) ‘бульба, вараная ў лупінах’, 2) ‘чышчаная вараная бульба’.

Беларусы таксама тушаць бульбу с грыбамі, салам і мясам, актыўна гатуюць суп з маладой бульбы, калдуны, клёцкі, бульбяную кашу з салатай, рабчыкі, камы, запяканку з бульбы і проса, смажанік, зразы і іншыя стравы. Відавочна, што стравы з бульбы займаюць значымае месца ў кухні беларусаў.

Бульбу прымяняюць у народнай касметалогіі. Ёй характэрны лячэбныя ўласцівасці, таму беларусы шукаюць рэцэпты – ад прастудных хваробаў (насмарк, кашаль) да свечак ад гемарою.

Своеасаблівая трактоўка лексемы *бульба* падаецца ў разнастайных сонніках, да якіх звяртаюцца беларусы. Напрыклад, калі ў сне вы займаецеся пасадкай бульбы – значыць вырашыце свае справы самым лепшым чынам і можаце разлічваць на поспех; выкопваць бульбу – атрымаць няўдзячную працу; чысціць у сне бульбу – пазбегнуць прымусу, здолеўшы паводзіць сябе так, што з вамі будуць лічыцца; варыць бульбу – да непрыемнага візіту; смажыць бульбу – да хуткага замужжа; дробная бульба ў сне – недастатковая ўвага да вас з боку каханага чалавека менавіта тады, калі вы ў гэтым будзеце мець патрэбу; буйная і без недахопаў бульбачка – да добрых даходаў і дадатковых грашовых паступленняў; гнілая бульба – надыход чорнай паласы ў жыцці, якая можа зацягнуцца надоўга; прадаваць у сне бульбу – пайсці на кампраміс са сваім сумленнем, а купляць – да высокага гонару; цягаць у сне цяжкія мяхі з бульбай – да перанапружання, стомленасці і хваробы ў перыяд эпідэміі прастудных захворванняў.

Бульба мае важнае значэнне ў выхаванні. Можна адзначыць частыя запыты ў сёціве пра выхаваўчыя мерапрыемствы па тэме “Другі хлеб”. Значнае месца ў культурным жыцці беларусаў займае свята бульбы, якое адзначаюць штогод. А 13 верасня 2021 года ў аграгарадку Дзешчанка Уздзенскага раёна быў усталяваны помнік бульбе, які ўяўляе сабой вялікі камень з кошыкам бульбы наверху. “Тры святыні ў беларуса – хлеб, соль і бульбачка на абрусы,” – напісана на пастаменце. Гэта прамое сведчанне моцнага шанавання беларусамі гэтай расліны.

Уменне карыстацца сваім родным словам, здольнасць знаходзіць патрэбнае слова беларусы засведчылі ў народных казках і паданнях, прыказках і прымаўках, песнях і прыпеўках, а таксама ў загадках. *Хлеб ды бульба – першыя яды ў дзярэўні*; *Бульба – хлебу падмога*; *Бульба – другі хлеб*. Гэтыя прыказкі звяртаюць увагу на значнасць бульбы ў жыцці чалавека. Як і хлеб, гэты прадукт значымы ў харчаванні, і абысціся без яго падчас абеду ці вячэры немагчыма. У галодныя неўрадажныя гады бульба становілася асноўным, а часам і адзіным прадуктам харчавання, бо яна ў любым выглядзе з’яўляецца сытным і пажыўным прадуктам.

Такім чынам, мы можам з упэўненасцю заявіць, што лексема *бульба* адлюстроўвае значымае для беларускай этнакультуры паняцце і з’яўляецца ключавой лексмай адпаведнага этнаканцэпта. Аднак для канчатковага вызначэння сутнасці бульбы як этнаканцэпту важна прааналізаваць мастацкія і публіцыстычныя кантэксты, у якіх выяўляюцца канататыўныя значэнні лексемы *бульба*.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Деружинский, В. Бульбаши [Электронный ресурс] / В. Деружинский. – Режим доступа : <https://www.secret-r.net/arkhiv-ublikatsij/12%E2%88%922012/bulbashi>. – Дата доступа : 01.03.2024.
2. Друк, М. В основе – цветок картофеля : Национальное агенство по туризму представило новый логотип [Электронный ресурс] / М. Друк. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/v-osnove-tsvetok-kartofelya-natsionalnoe-agentstvo-po-turizmu-prezentovalo-novyuy-logotip.html>. – Дата доступа : 29.09.2025.
3. Глобальная статистика картофеля : обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://potatosystem.ru/globalnaya-statistika/>. – Дата доступа : 07.10.2025.
4. Лучшие сорта картофеля для выращивания в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.hata.by/articles/luchshie-sorta-kartofelya-dlya-vyraschivaniya-v-belarusi-9262/>. – Дата доступа : 07.10.2025.

Abstract. The article defines the ethnolinguistic content of the potato linguistic unit. The value of the plant for the ethno-cultural and economic life of Belarusians is determined; the function of the lexeme in various spheres of public life of Belarusians is revealed

Keywords: ethnocultural, ethnolinguistics, lexeme.

УДК 811.161.1

Г. В. Коврегина

Научный руководитель – Т. С. Садова,
д-р филол. наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ)

Аннотация. Статья посвящена попытке исследования речевого портрета поэта и писателя Велимира Хлебникова на материале его писем к членам семьи (1908–1909 гг.). Речевой портрет рассматривается как проявление языковой личности В. Хлебникова. Использован метод исследования языковой личности, предложенный Ю. Н. Карауловым.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, эго-документы, эпистолярный.

В настоящее время изучение языковой личности представляет большой интерес для исследователей, что объясняется (в том числе) актуализацией антропологического вектора в современной науке. В этом направлении работали такие учёные как Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Л. П. Крысин и др.

Благоприятным материалом для исследования феномена языковой личности являются так называемые эго-документы – «письменные свидетельства, отличительной особенностью которых является их выраженной личностный характер» [1, с. 185]. Так, например, А. В. Курьянович вводит понятие «эпистолярной языковой личности», выделяет тип элитарной эпистолярной языковой личности, которой свойственна рефлексивность сознания, высокий уровень коммуникативной компетенции и риторического мастерства, а также свобода дискурсивных проявлений [2, с. 258]. К этому типу и относится поэт и писатель Велимир Хлебников.

Попытаемся выделить некоторые черты речевого портрета Велимира Хлебникова, опираясь на тексты его писем 1908–1909 гг., адресованных членам семьи (родителям –

Екатерине Николаевне и Владимиру Алексеевичу Хлебниковым, брату и сестре – Вере Владимировне и Александру Владимировичу Хлебниковым) [3]. В качестве теоретической базы исследования была взята модель языковой личности, описанная Ю. Н. Карауловым, согласно которой языковая личность состоит из трёх уровней: нулевого (вербально-семантического), первого (лингвокогнитивного), второго (прагматического) [4].

Письма В. Хлебникова были проанализированы с точки зрения синтаксиса, лексики, тематического содержания писем и соответствия нормам эпистолярного жанра.

Для писем В. Хлебникова характерно расположение субъекта в абсолютном начале предложения, что в целом является типичным для русского языка. Интересным представляется частое употребление неполных предложений, в которых отсутствует субъект, а также то, что доля предложений с пропущенным субъектом гораздо выше для предложений, где в роли субъекта выступает сам В. Хлебников.

Важной особенностью речевого портрета В. Хлебникова является склонность к использованию простых неосложнённых предложений. Эта особенность может быть частично объяснена частым использованием парцелляции: *Расстояния меня убивают. Трамваи тоже* (В. А. Хлебникову); *Я встретил Чернова-Плесского. Он велел всем передать поклон* (В. А. Хлебникову).

Примечательна (в выбранном аспекте) лексика, а именно единицы, имеющие оценочную или характеризующую семантику. Наиболее употребительными частями речи являются существительные (при характеристике людей, в том числе при самохарактеристиках) и глаголы (при оценке эмоционального состояния): *Кто-то сказал мне, что у меня есть строки гениальные, кто-то (В. Иванов), что в моей груди Львиное сердце. Итак, я – Ричард Львиное Сердце* (Семье Хлебниковых). На данном примере видна ещё одна особенность В. Хлебникова: для него важны те характеристики, которые ему дают другие люди, в письмах он их часто воспроизводит.

Для текстов писем В. Хлебникова характерно наличие различных средств выразительности. Интересна повторяющаяся метафора *я подмастерье знаменитого Кузмина. Он мой magister*. Её Хлебников употребляет и в письме к матери от 16.10.1909, и в письме к брату от 23.10.1909. Такой повтор может свидетельствовать о важности данного статуса для Хлебникова либо о том, что такая характеристика употреблялась в среде поэтов и писателей, однако свидетельств современников, которые подтверждали бы эту теорию, нет.

При описании других людей Хлебников больше фокусируется на внешних признаках, не даёт описания их характерам: *У Толстого вид современника Пушкина* (Е. Н. Хлебниковой). Интересно, что, характеризуя литературных деятелей, Хлебников часто отсылает к сфере литературного творчества.

Стоит отметить наличие в тексте писем лексических повторов, функция которых – погрузить адресата в эмоциональное состояние Хлебникова: *...я попал в какой-то тупик, из которого не мог найти выход. Я попал на вокзал в каком-то опьянении, чувствуя себя на пути в Одессу* (Е. Н. Хлебниковой).

При рассмотрении лексики оценочной и характеризующей семантики можно выделить яркую оппозицию Москва/Петербург, прослеживающуюся в его письмах. Изображение Москвы тяготеет к антропоморфности (порой через метонимические образы), город оценивается положительно: *...встречают с обычным московским радушием; Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва – первый город, который победил и завоевал меня* (Е. Н. Хлебниковой). Петербург же, наоборот, предстаёт некой внешней по отношению к людям силой, имеет негативную характеристику: *Расстояния меня убивают. Трамваи тоже* (В. А. Хлебникову).

Говоря об этом противопоставлении, нельзя не обратить внимание на следующий оборот: *Петербург действует, как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства* (Е. Н. Хлебниковой). В этом контексте одновременно подчёркивается важность для В. Хлебникова его национальной идентичности (что подтверждается его творчеством, а также самоназванием *я младорусский*, использованным в письме

к отцу) и выражается классическое представление о Петербурге как о европейском городе. Можно предположить, что оппозиция Москва – Петербург строится на признаке свой (славянский, Москва) – чужой (европейский, Петербург), что коррелирует с выделенной В. П. Григорьевым [5, с. 399–401] оппозицией своё (славянское) – чужое (западное), характерной для литературных произведений В. Хлебникова.

Показательно и вполне ожидаемо распределение тем по адресатам. Так, о бытовых потребностях (преимущественно это просьбы о материальной помощи) Хлебников пишет только родителям – Екатерине Николаевне и Владимиру Алексеевичу Хлебниковым: *«Дани» старшего поколения младшему тоже не получал по сегодня* (Е. Н. Хлебниковой). Стоит отметить, что эти просьбы зачастую выражены иносказательно, даже эвфемистически. Вероятно, это проявление неловкости и определенной самоиронии по отношению к своему безденежью.

Интересным представляется тот факт, что в письмах к отцу литературная тема почти не затрагивается. Вероятно, это объясняется тем, что отец негативно относился к поэтическим опытам сына. Отсутствует в письмах к В. А. Хлебникову и характеристика эмоционального состояния, что, вероятно, свидетельствует о табуированности этой темы.

Важной особенностью речевого портрета В. Хлебникова также является несоблюдение эпистолярного этикета: в письмах зачастую отсутствуют начальные обращения к собеседнику, а также конечная формула. Из 17 рассмотренных писем начальное обращение присутствует только в 4 случаях, конечная формула – в 9. В остальных письмах Хлебников игнорирует эпистолярный этикет. Характерные для эпистолярного жанра этикетные вопросы о собеседнике также присутствуют далеко не везде. Версия, что это несоблюдение норм жанра может быть обусловлено тем, что письма адресованы близким людям, кажется нам неправдоподобной в связи с тем, что эта особенность проявляется при переписке с другими людьми: поэтами, друзьями и знакомыми.

Выделенные нами черты речевого портрета стоит классифицировать в соотношении с уровнями языковой личности, выделенными Ю. Н. Карауловым.

1. Наблюдения за синтаксической структурой предложений помогают охарактеризовать вербально-семантический уровень языковой личности В. Хлебникова.

2. При описании лингвокогнитивного уровня (уровня знаний о мире) важными представляются такие особенности текстов Хлебникова, как номинации, основанные на творчестве, характеристика людей, связанная с литературой. Они говорят об актуальности этих знаний для Велимира Хлебникова, а также о том, что для него это является самой важной характеристикой человека. Исходя из самохарактеристики Хлебникова, мы можем сделать вывод если не о политических взглядах, то о важности для него темы национального, славянского. Это также относится к лингвокогнитивному уровню, так как характеризует систему ценностей В. Хлебникова.

3. Охарактеризовать прагматикон помогает упоминание или намеренное избегание тех или иных тем при написании письма конкретному адресату, как это происходит в письмах к В. А. Хлебникову, – избегается тема литературной деятельности.

Дальнейшие исследования речевого портрета В. Хлебникова помогут составить более чёткое представление о его языковой личности.

Список использованных источников

1. Зарецкий, Ю. Эго-документы советского времени : термины, историография, методология / Ю. Зарецкий // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – М. : Изд-во «Новое литературное обозрение», 2021. – Т. 137, №3. – С. 184–199.

2. Курьянович, А. В. Эпистолярная языковая личность : к вопросу определения категориальных и типологических черт / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 2014. – №4. – С. 255–262.

3. Хлебников, В. В. Собрание сочинений : в 6 т. – Т. VI : Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Выступления. 1904 – 1922. Доски Судьбы. Мысли и заметки. Письма и автобиографические материалы. 1897–1922 / В. В. Хлебников ; ред. Р. В. Дуганов. – М. : Академ. проект ; Трикста. 2020. – 719 с.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 264 с.

5. Григорьев, В. П. Будетлянин / В. П. Григорьев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 816 с.

Abstract. This article is devoted to the study of the speech portrait of the poet and writer V. Khlebnikov. The material for the study was letters written to members of his family in the period from 1908 to 1909. The speech portrait is considered as a reflection of V. Khlebnikov's linguistic personality, and its characteristic features correlate with the levels of linguistic personality suggested by Yu. N. Karaulov.

Keywords: speech portrait, linguistic personality, ego-documents, epistolary.

УДК 372.46

М. А. Коновалов

Научный руководитель – **Л. Д. Пономарева,**

д-р пед. наук, профессор

ТЕХНОЛОГИЯ РКМЧП КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье анализируются теоретические аспекты применения педагогической технологии «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (РКМЧП) в качестве средства развития читательской грамотности и приводятся практические стратегии реализации данной технологии на уроках русского языка и литературы.

Ключевые слова: критическое мышление, читательская грамотность, текст, чтение, письмо, педагогика, технология.

С точки зрения ФГОС, читательская грамотность, будучи элементом функциональной грамотности, является способностью к самостоятельному изучению и пониманию текста, письменной речи. В современных условиях, когда перед обучающимися встает необходимость ознакомления со всё большим и большим количеством текстовой информации, повышение уровня читательской грамотности становится важным компонентом личностно ориентированного обучения [1, с. 62].

При этом современные обучающиеся зачастую сталкиваются как с проблемой снижения мотивации к чтению, так и с недостаточной развитостью читательских компетенций. В связи с возникновением подобных вызовов происходит и смена традиционных педагогических технологий на новые. Одной из таких технологий, помогающих обучающимся в повышении уровня читательской грамотности, является и технология РКМЧП.

Технология РКМЧП является универсальной как для работы с художественными текстами, так и для работы с текстами информационными. Из этого следует возможность адаптации данной технологии для работы с обучающимися на уроках русского языка и литературы. Универсальность технологии РКМЧП обусловлена взаимосвязью между выработкой критического мышления и процессами чтения и письма. Через углубленное смысловое чтение, например, формируется умение критического прочтения текста, выявление скрытых подтекстов, восприятие целостности информации через понимание взаимодействия отдельно взятых её частей [2, с. 512].

Вне зависимости от типа выбранного текста, учебное занятие по данной технологии проводится в соответствии со следующей цепочкой: вызов – осмысление – рефлексия [3, с. 2]. Следование данной цепочке действий позволяет как повысить уровень читательской грамотности, так и повысить уровень мотивации обучающихся.

Стадия вызова, будучи вступительной, целиком и полностью посвящена актуализации уже имеющихся у обучающихся знаний и выработке мотивации к дальнейшему изучению учебного материала. Критическое мышление, согласно определению С. И. Заир-Бека, есть «открытое мышление, не принимающее никаких догм», а потому мотивационный этап особо важен, поскольку подобная форма мышления может быть основана прежде всего на самостоятельности [4, с. 8]. Без выработки мотивации к самостоятельной работе и саморефлексии дальнейшая реализация технологии РКМЧП не имеет смысла. Фактически, весь этап вызова реализует психологический закон, выявленный Л. С. Выготским: «... прежде чем объяснить – заинтересовать; прежде чем заставить действовать – подготовить к действию...» [5, с. 155]. Для реализации стадии вызова необходим опрос обучающихся об уже известной им информации. На уроках литературы и русского языка это могут быть сведения о биографии авторов или информация о различных разделах языка. Далее следует этап целеполагания, на котором от каждого обучающегося требуется сформировать собственную цель на занятии, на основе сопоставления уже известной ему информации и того, что предстоит выяснить в процессе урока. Таким образом, обучающийся осуществляет саморефлексию, ставит себе цели, опираясь исключительно на свой потенциал. Для осуществления этапов актуализации и целеполагания преподавателю предлагается инструментарий из следующих приемов: составление списков известной и неизвестной информации, формирование кластеров, наборы верных и неверных утверждений об уже изученном, блиц-опрос и т. д.

На смысловой стадии происходит непосредственное ознакомление с текстом. Важно, чтобы текст в большей своей части содержал новую, неизвестную ранее для обучающихся информацию. Обучающиеся отслеживают своё понимание прочитанного, связывают новую информацию с уже закрепившимися знаниями [6, с. 2]. С целью сохранения интереса к изучаемому материалу на данной стадии необходимо постепенное продвижение по материалу. Для реализации данного этапа в инструментарии педагога есть следующие стратегии:

1. **Чтение с пометками** или же **INSERT** (От англ. *Interactive noting system for effective reading and thinking* – Интерактивная система разметок для эффективного чтения и размышления), подразумевающее чтение с фиксированием наиболее важной информации и пометками в самом тексте. Система условных знаков должна отражать примерный перечень следующих ситуаций: «Уже знал данную информацию», «Это новая информация для меня», «Думал иначе», «Данный отрывок не понятен для меня, и у меня есть вопросы» [7, с. 86].

2. **Чтение с остановками**, в рамках которого педагог может задавать дополнительные вопросы и обращаться к некоторым вопросам, которые были намечены обучающимися на стадии вызова.

Ключевая ценность смысловой стадии заключается в том, что посредством использования предложенного методического инструментария обучающиеся не просто механически усваивают информацию, но и формируют собственное мнение о тексте, фиксируют свой собственный уровень понимания информации, что способствует не только углублению в понимании текста, но и развитию навыков самоанализа, что особо важно в формировании развитого мышления.

Завершающей стадией является стадия рефлексии. При переходе к рефлексии педагогу следует обратить внимание обучающихся на те записи и вопросы, которые были сформулированы на стадии вызова. После краткого обсуждения прочитанного предлагаются творческие задания. Ключевая цель педагога на финальной стадии урока с применением технологии РКМЧП состоит как в закреплении уже полученных посредством ознакомления с текстом знаний, так и выводе обучающихся на углубленное понимание изученного. В рамках стадии рефлексии обучающимся могут быть предложены такие задания, как:

1. Составление кластеров, синквейнов, схем на основе уже изученного материала и сопоставления с пометками, сделанными на стадии вызова.

2. Составление «резюме» с саморефлексией («Я понял, что...», «...может привести к...») [7, с. 86].

3. Ответы на заданные вопросы. Продуктивным будет распределить вопросы от простых к сложным. Это могут быть «толстые» и «тонкие» вопросы, интерпретационные вопросы (Как вы понимаете сцену из художественного произведения?), творческие вопросы (Какая иная концовка могла быть у произведения?), вопросы на анализ прочитанного, вопросы, связанные с саморефлексией (Какие чувства у вас вызвал текст или сцена из текста?) [2, с. 514].

Таким образом, реализация технологии РКМЧП способна выработать многие читательские компетенции у обучающихся, например:

- 1) углубленные навыки анализа текста;
- 2) способность определять основную мысль текста;
- 3) задавать самому себе вопросы о содержании текста и разрешать их по ходу дальнейшего ознакомления с текстом;
- 4) вырабатывать собственное мнение о тексте и умение отстаивать сформированное мнение.

При этом значимость технологии РКМЧП не ограничивается выработкой читательской грамотности. Стоит помнить, что технология РКМЧП важна в рамках личностного подхода в обучении, так как способствует переходу усвоенной на уроке информации в личностное знание, «представляющее собой не только использование усвоенного, прочитанного в качестве некоторой «ценности», но знание и понимание в смысле участия понимаемого в своей жизни» [8, с. 11]. В этом смысле применение данной технологии может быть связано с внедрением антиавторитарного подхода к обучению.

Список использованных источников

1. Баркова, С. И. Формирование читательской грамотности как требование ФГОС и ресурсный потенциал личностно ориентированного обучения / С. И. Баркова // Проблемы педагогики. – 2019. – №6 (45). – С. 61–64.
2. Медникова, О. Н. Технология развития критического мышления через чтение и письмо как средство развития рефлексивной деятельности учащихся / О. В. Медникова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – №6 (159). – С. 17–19.
3. Кузнецова, Е. Г. Технология развития критического (творческого) мышления через чтение и письмо / Е. Г. Кузнецова // Проблемы педагогики. – 2015. – №4 (5). – С. 1–3.
4. Заир-Бек, С. И. Развитие критического мышления на уроке : пособие для учителя / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – М. : Просвещение, 2004. – 175 с.
5. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.
6. Раимбекова, Г. К. Использование технологии развития критического мышления через чтение и письмо на уроках русского языка и литературы / Г. К. Раимбекова // European research. – 2016. – №5 (16). – С. 1–3.
7. Мажирина, С. В. Технология развития критического мышления в организации учебного процесса / С. В. Мажирина // Образование. Карьера. Общество. – 2014. – №3 (42). – С. 85–87.
8. Зинченко, В. П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина–В. В. Давыдова) / В. П. Зинченко. – М. : Гардарики, 2002. – 432 с.

Abstract. The article analyzes the theoretical aspects of the use of the pedagogical technology “Development of critical thinking through reading and writing” (RCMCHP) as a means of developing reading literacy and provides practical strategies for the implementation of this technology in Russian language and literature lessons.

Keywords: critical thinking, reading literacy, text, reading, writing, pedagogy, technology.

Д. К. Коровинская
Научный руководитель – М. Л. Бедрикова,
канд. филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ДРАМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МАСКАРАД»: ФУНКЦИЯ МАСКИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию психологической функции маски как важного символа, являющегося ключом к пониманию конфликта в сюжете драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». В русской литературе XIX в. средствами драматургии М. Ю. Лермонтов углубил психологическое содержание характеров, воспроизвел сложные движения, их связь и динамику во внутреннем мире героя, что явилось новаторством автора.

Ключевые слова: драма «Маскарад», М. Ю. Лермонтов, психологизм, функция маски, образ Арбенина.

Вслед за В. Г. Белинским к вопросам мастерства Лермонтова-психолога в XX–XXI вв. обращаются и современные исследователи [1; 2, с. 36–40; 3]. Г. Г. Телятникова, проследившая истоки жанра психологической драмы рубежа XIX–XX вв., связывает художественные открытия психологизма с более ранним опытом: «...признавая за Пушкиным роль Колумба в применении психологического анализа при воплощении драматургических характеров <...>, не следует забывать, что это были первые шаги, и формы носили простейший характер. <...> Дальнейший шаг по пути углубления психологической разработки характера, нахождение его новых форм и приемов было связано с драматургией Лермонтова <...> романтической трагедией «Маскарад» [4, с. 14]. Психологизм предполагает «тщательно индивидуализированное изображение переживаний в их взаимосвязи и динамике» [5, с. 161].

М. Ю. Лермонтов считал драму «Маскарад» (1835–1836) своим наиболее значительным произведением, исследователи «улавливают в сюжете «Маскарада» и следы чтения Шекспира, «Горе от ума» Грибоедова, «Цыган» Пушкина» [6, с. 411–412], и острые зарисовки света с его психологией и нормами поведения. Маска же у Лермонтова – многозначный поэтический символ, один из главных художественных образов в его творчестве. Истоки маски театральной находят в древнейших религиозных ритуалах, где маска символизировала «преобразование, изменение и одновременно сокрытие, тайны» [7, с. 101]. В философии маске приписывались функция «преобразования наличного в желаемое» и способность «преодолевать грань собственной природы» [7, с. 101]. Понятие маски в архетипическом аспекте рассматривалось К. Г. Юнгом: «Маска – это функциональный комплекс, возникающий для удовлетворения потребности в адаптации или для обеспечения некоторых других удобств, но отнюдь не идентичный личности как таковой» [8, с. 416].

Смысл названия «Маскарада» Лермонтова двойственен: костюмированный бал и социальный «маскарад», где каждый создает о себе выгодное впечатление. В «Маскараде» царит атмосфера всеобщего лицедейства [9, с. 53], вместе с тем маскарад – ключевая метафора всего мироустройства в драме. В этом мире стерты грани между искренним и ложным, искусственным, а подлинная личность оказывается в состоянии перманентного кризиса. В восприятии Лермонтова «маскарадность» пронизана сама действительность, призванная демонстрировать преуспевание, успешность, неизбежность высокого социального положения дворянского сословия, что определяет психологический фон. Психологизм Лермонтова рождается из конфликта между «я» подлинным и «я» социальным, вынужденным скрывать себя настоящего под личиной [1, с. 49].

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего. Но многое от вас, конечно, я узнаю. Раскланиваются опять. / Шприх, скорчив кислую мину, уходит. / Он мне не нравится... Видал

я много рож, / А такой не выдумать нарочно [10, с. 314], – Евгений после ухода Шприха сбрасывает свою маску и раскрывает свои истинные мысли. Социальный маскарад показан в проявлении постоянного страха человека перед судом света, общественного мнения, в поиске собственного идеального облика для жизни в этом обществе. Даже та, кто носит реальную маску на балу, старается скрыть личность и отдает настойчивому поклоннику только что найденный браслет. *Вот счастье. Боже мой – потерянный браслет / С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно... / Пусть ищет с ним меня* [10, с. 334]. Маскарад предстает как действие, в котором существует одно правило – наличие маски, остальные нормы – правовые и моральные – опускаются, их заменяют ложь и прелюбодеяние.

Главный герой «Маскарада» Евгений Арбенин – фигура сложная и противоречивая: бывший заядлый игрок, он, встретив Нину, ставшую ему женой, остепенился и долго не появлялся в свете. Вновь оказавшись в игровой зале, словно бы встречает себя прежнего в лице князя Звездича. *Князь: Но проиграться вы могли. / Арбенин: Я... нет!.. те дни блаженные прошли* [10, с. 322]. Сюжетный ход психологически убедителен. Маска спадает окончательно, когда на маскараде герой заподозрил жену в измене, то есть все перемены в нем были временны – лишь иллюзия, фарс. Возвращение к прежнему себе означает возвращение к правилам света. Как и другие в его среде, Арбенин зависим от мнения света, и под тяжестью страха утратить положение, «лицо», в глазах общества в герое вызревает преступное решение: его жена должна умереть. Хотя в этот же момент он сомневается: убеждает себя, что любит Нину, но готов лишить ее жизни ради репутации [10, с. 411]. Примечателен факт: яд, которым он травит жену, предназначался для самого Евгения. *Последний рубль в кармане дождался / С заветным порошком – риск, право, был велик* [10, с. 413]. И в этих словах мы видим главную слабость героя: разрешение любой трудности он видит лишь в смерти – будь это проигрыш денег или же вымышленная измена жены.

Евгений – игрок, и к жизни он относится как к карточной игре, ему кажется, что главная цель всех вокруг – обмануть его, он считает, что способен предвидеть их обман [3, с. 69]. Арбенин, уверенный в неверности жены, ни на секунду не жалеет ее в предсмертной агонии, насмехаясь, утаивает от нее то, что она отравлена. В конце он плачет над её бездыханным телом. Воспоминания о поступке Евгения мучают, но он уверен, что всё забудется: *Вздор!.. дни пройдут – придет забвенье, / Под тягостью годов умрет воображение* [10, с. 434].

Нина Арбенина – противоположность своему мужу, она отражение естественной жизни: ничего не скрывает и не плетет интриги. Нина – герой без маски в этом социальном маскараде, потому его жертва, ибо не играет роль. Когда Арбенин впервые начинает ревновать, Нина не способна говорить с ним на одном языке. Её оправдания просты и прямолинейны: *Я не виновата. Я не знаю, как упал тот браслет* [10, с. 428]. Построить систему защиты героиня не в состоянии: она не понимает самой природы обвинения. Для Арбенина она – символ: сначала спасения и чистоты, затем – всеобщего обмана и падения. Он не видит её реальной, живой души. Он видит в ней либо ангела, либо демона. Её трагедия в том, что её не хотят увидеть настоящей. *Но я не понимаю* – это ключевая фраза её психологического портрета. Она уносит с собой в могилу не раскаяние, а чудовищную загадку собственной гибели. Она жертва, раздавленная не злым умыслом, а чудовищным непониманием. Лермонтов развивает мысль о том, что в мире, построенном на масках и рефлексии, непосредственность и искренность обречены на гибель.

Князь Звездич – легкомысленный, тщеславный, живущий по законам маскарада человек. Он легко верит в свою победу над Ниной, но его переживания поверхностны. Князя, как и Арбенина, не волнуют слова Нины, но после встречи с баронессой он наконец прозревает. Баронесса Штраль – интриганка, которая, словно режиссер, ставит эту трагедию, отдает браслет, настраивает Князя. Её поступки – это типичная для светской среды мелкая интрига, которая приводит к катастрофе.

По закону театра в финале пьесы сбрасываются маски. Маскарад завершен. Незвестный открывается Арбенину, и Евгений сталкивается со своими злодеяниями – фактом разорения молодого человека, это и подтолкнуло к убийству жены. Но Евгений Арбенин так и не изменился: думает лишь о себе, винит всех, кроме себя. Незвестный оказывается злопамятным, он долгие годы ждал момента мести. В финале торжествует всеобщая жизненная философия исключительного эгоизма, Князь восклицает: *«Он без ума... счастлив... а я? навек лишен / Спокойствия и чести!»*, Незвестный удовлетворен своими действиями: *«Давно хотел я полной мести, / И вот вполне я отомщен!»* [10, с. 449]. Никому нет дела ни до смерти, ни до сумасшествия.

Таким образом, в драме «Маскарад» М. Ю. Лермонтов показал, что подлинная трагедия разворачивается не во внешних перипетиях, а в темных лабиринтах человеческой души, раздираемой страстями, рефлексией, но именно внешний мир (общество) влияет на внутреннюю трагедию, поэтому очевидна основная психологическая функция важного художественного приёма маски. «Маскарад» является не только подлинным шедевром в классической русской литературе, но и актуальным психологическим исследованием автора – русского поэта М. Ю. Лермонтова.

Список использованных источников

1. Виниченко, М. А. Психологизм как художественная доминанта творчества М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / М. А. Виниченко. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2018. – 181 с. – Режим доступа : <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/35142>. – Дата доступа : 10.09.2025.
2. Казначеева, М. А. «Два брата» и «Штос» М. Ю. Лермонтова (от психологической драмы к психологической прозе) : рождение типа «герой времени» / М. А. Казначеева // Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха : сб. материалов VIII Междунар. молод. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 19–20 окт. 2022 г. / под ред. С. В. Рудаковой – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2022. – С. 36–40.
3. Шурыгина, Е. А. Психологический тип личности Евгения Арбенина [Электронный ресурс] / Е. А. Шурыгина // «СтРИЖ» : студенческий электронный журнал. – 2021. – №2(37). – С. 68-70. – Режим доступа : <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1621885905.pdf>. – Дата доступа : 25.10.2025.
4. Телятникова, Г. Г. У истоков русской психологической драмы / Г. Г. Телятникова // Проблемы психологического анализа в литературе : межвуз. сб. науч. тр. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. – С. 6–18.
5. Пospelов, Г. Н. Введение в литературоведение / Г. Н. Пospelов. – М. : Высш. шк., 1976. – 422 с.
6. Русские писатели : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. – Ч. 1 : А–Л / Редкол. : Б. Ф. Егоров и др. ; под ред. П. А. Николаева. – М. : Просвещение, 1990. – 432 с.
7. Словарь символов / Авт.-сост. М. В. Адамчик. – Минск : Харвест, 2010. – 224 с.
8. Юнг, К. Г. Психика : структура и динамика / К. Г. Юнг. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 414 с.
9. Новикова, М. В. Маскарадный мотив в творчестве М. Ю. Лермонтова и В. Шершеневича / М. В. Новикова, А. И. Милованова, Н. Б. Бугакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, №. 6. – С. 51–55.
10. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений : в 10 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Воскресенье, 1999–2002. – Т. 5 : Драммы. – 2000. – 727 с.

Abstract. The article is devoted to the study of the psychological function of the mask as an important symbol, which is the key to understanding the conflict in the plot of M. Yu. Lermontov's drama "Masquerade". In Russian literature of the 19th century Lermontov, deepened the psychological content of characters by means of dramaturgy, reproducing complex movements, their connections, and the dynamics within the hero's inner world, which became the author's innovation.

Keywords: drama "Masquerade", M. Yu. Lermontov, psychologism, function of the mask, image of Arbenin.

В. А. Кравченко
 Научный руководитель – **В. И. Коваль**,
 д-р филол. наук, профессор

ФРАЗЕОЛОГИЗМ ХРОМАЯ УТКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления фразеологизма *хромая утка*. Описывается история происхождения устойчивого сочетания и развитие значения как в языке-источнике, так и в русском языке. На основе материалов Национального корпуса русского языка анализируются особенности функционирования идиомы в современных публицистических текстах.

Ключевые слова: хромая утка, фразеологизм, политик, политический контекст.

Фразеологизм *хромая утка*, относительно недавно появившийся в современном русском языке, употребляется в следующих значениях: 'о политическом деятеле или лидере, срок правления которого подходит к концу или который лишён всякой поддержки'; 'о стране или крупной компании, находящейся в трудной политической или экономической ситуации'. Развитие подобного значения вполне прозрачно: утка, страдающая болезнью нижних конечностей, с трудом передвигается и, соответственно, становится уязвимой.

Сочетание *хромая утка* в функции фразеологизма начало употребляться в XVIII в. по отношению к лицу или к компании, которые не могли выполнить свои финансовые обязательства [1, с. 87]. Уже с середины XIX в. рассматриваемый оборот стал использоваться по отношению к американским политикам в последний период их пребывания на должности, когда уже был избран преемник.

В интернет-пространстве фразеологизм *хромая утка* нередко визуализируется. Так, на рисунке 1 справа изображена опирающаяся на костыль хромая утка, а слева приведен текст, указывающий на значение рассматриваемого устойчивого словосочетания, чем достигается основанный на «игре слов» смеховой эффект.

Рисунок 1 – Визуализация фразеологизма *хромая утка*

В русском политическом пространстве идиома *хромая утка* проникла относительно недавно. Примечательно, что уже в первом тексте, зафиксированном в Газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка [2], наблюдается развитие значения фраземы (в сравнении со значением в языке-источнике) от определения одушевленного существительного (политика) к неодушевленному: *Поскольку главные российские автомобильные заводы уже заключили соглашения с западными компаниями, французы обратились к АЗЛК, который здесь называют «хромой уткой» отечественного автомобилестроения* (Коваленко Юрий. Первые Меганы могут появиться в России уже в сентябре // Известия, 19.06.1997). В данном случае *хромой уткой* называют автомобильный завод из-за возникших у него финансовых проблем и неконкурентоспособности. Однако в русском политическом жаргоне фразеологизм *хромая утка*, как правило, употребляется как

характеристика лица: *Конечно, можно, как в Петербурге, идти по пути принудительного сокращения срока полномочий «хромой утки»* (как на Западе обычно называют политика, срок правления которого является последним) (Работнова Виктория. Проблема «хромой утки» (2003) // «Санкт-Петербургские ведомости», 15.04.2003).

Реже рассматриваемый фразеологизм определяет неодушевлённое существительное: *«Хромые утки» – офисы – характеризуются низкими темпами роста, низкой доходностью и низкой же рентабельностью* (Грекова Ольга. Однокомнатная квартира на Цветном бульваре стоит дороже виллы в Майами // Московский комсомолец, 30.03.2016).

Единичны случаи употребления идиомы *хромая утка* для обозначения абстрактного существительного: *Так, проректор по научной работе Сибирского индустриального университета Станислав Кулаков назвал проект технопарка «хромой уткой»* (Это кемеровский технопарк, а не кузбасский // Коммерсант, 16.11.2007). Так, в приведённом примере *хромая утка* определяет существительное *проект*. Следовательно, мы можем говорить о развитии значения фразеологизма от конкретного одушевлённого (как в языке-источнике) к неодушевлённому, а далее – к абстрактному значению.

В ряде текстов актуализируется такой элемент значения фразеологизма, как ‘значимость политика или компании, называемых *хромыми утками*, в прошлом’: *Спасать можно лишь так называемых «хромых уток», то есть структуры, являющиеся гордостью национальной экономики в прошлом и испытывающие сейчас трудности* (Глазачев Михаил. Как защитить частного вкладчика // Независимая газета (приложение «НГ-Политэкономия»), 15.12.1998). В некоторых текстах подчёркивается влияние политика и в настоящее время: *Она хотя и хромая утка, но все-таки очень, очень важный политик* (Нормандские трудности президента Зеленского // Ведомости, 17.11.2019).

В количественном отношении превалирует употребление идиомы *хромая утка* в отношении американских политиков: Билла Клинтона, Барака Обамы, Дональда Трампа и некоторых других. Примечательно, что по отношению к перечисленным политическим лидерам рассматриваемый фразеологизм употребляется чаще всего. Реже встречается наименование *хромыми утками* русских политиков. Особый интерес представляет употребление рассматриваемого фразеологизма в историческом тексте по отношению к России: *В первой половине XVII века еще не оправившаяся от Смуты Россия выглядела в глазах агрессивных соседей «хромой уткой», поэтому новая династия Романовых должна была прежде всего беспокоиться о защите границ* (Коваленко Г. М., Смирнов В. Г. Легенды и загадки земли Новгородской (2007)).

Стоит отметить, что фразеологизм *хромая утка* во всех рассмотренных нами текстах заключается в кавычки: *Иные прозрачно намекают на «хромую утку», директивы которой еще при жизни утратили свою силу* (Гуревич Павел. Возрождать ли сажомазохизм в России? // Независимая газета, 01.10.1999). Следовательно, для носителей русского языка рассматриваемая фраза остаётся «чужой». Это подтверждается и тем, что в публицистических текстах употребление устойчивого сочетания *хромая утка* нередко сопровождается семантическими и стилистическими (реже) комментариями: *Дело не только в том, что они не могут избираться на следующий срок и превратились, как это называют на американском политическом жаргоне, в «хромых уток»* (Рогов Сергей. Россия и США: новая повестка дня // Независимая газета, 01.09.1998). В качестве пояснения к значению рассматриваемой идиомы авторы текстов могут подбирать синонимичные русские фразеологизмы: *Первоначально в субботу казалось, что Дмитрий Медведев – это хромая утка и по сути даже сбитый летчик* (Медведеву сейчас важно показать, что его не могут игнорировать // Коммерсант, 26.09.2011); *Лоскутное одеяло Российское правовое поле зияет проплешинами. Нынешний состав Госдумы, если пользоваться американской политтерминологией, – «хромая утка», а по-русски – он на излете* (Гук Сергей. Лоскутное одеяло (2003) // «Время МН», 26.05.2003). Примечательно, что в последнем примере автор относит фразеологизм к политическим терминам.

Фразеологизм *хромая утка* имеет широкую лексическую сочетаемость и регулярно употребляется в качестве адъективного компонента именного словосочетания (статус *хромой утки*, проблема *хромой утки*, титул *хромой утки*, роль *хромой утки*, положение *хромой утки*, категория *хромой утки*, одиночество *хромой утки* и т. д.): Сюжет «домашней киношки»: Билл Клинтон, посмеивающийся над своим **одиночеством «хромой утки»** в Белом доме («хромая утка» на американском политическом жаргоне – президент, доживающий последний год своего последнего срока) (Стуруа Мэлор. Цена поцелуя // Независимая газета, 08.06.2000).

Сессия хромой утки (хромых уток) – это Конгресс в США, который проходит до начала работы нового состава Конгресса: *Есть надежда, что это произойдет во время сессии «хромой утки»*, когда преемники сенаторов уже определены, а они дорабатывают на своем посту последние недели (Договор об СНВ может не пройти конгресс // Известия, 09.09.2010).

Часто встречается употребление рассматриваемого фразеологизма как компонента составного именного сказуемого с материально выраженной (*быть хромой уткой*, *стать хромой уткой*) или нулевой связкой: *Гагарин не утрачивает способности магнетически воздействовать на публику, однако времена уже несколько не его, он «хромая утка», его мнение можно игнорировать* (Данилкин Л. А. Юрий Гагарин (2011)). Обратим внимание, что в данном контексте *хромой уткой* назван Юрий Гагарин – не политический деятель, но значимый человек в мировой истории.

Особый интерес представляет, что «проблема *хромой утки*» может проявляться в большей или меньшей степени. В текстах это может выражаться употреблением компонента-прилагательного в форме суперлатива: *Если обвинения подтвердятся, то Билл Клинтон будет **самой «хромой уткой»** из всех прочих уток* (Гвин Дайер. Проблема брюк президента (1998) // «Общая газета», 04.02.1998). Примечательно, что в приведённом примере из фразеологизма вычленяются его составные части и субстантивный компонент фраземы *утка* употребляется самостоятельно: ... *из всех прочих уток*. Подобное явление мы наблюдаем и в следующем примере: *«Обама теперь не просто хромая утка, это **хромая утка на все четыре ноги**», – сказал Зюганов, выступая перед журналистами* (Зюганов по итогам выборов в США назвал Обаму «хромой уткой» // gazeta.ru, 05.11.2014). В данном случае адъективный компонент *хромой* понимается и в буквальном (прямом) значении, и во фразеологическом. Это делается автором текста для того, чтобы передать проявление «проблемы *хромой утки*» в большей степени. Интенсивность проявления рассматриваемого признака может передаваться и путём замены фразеологизма *хромая утка* на более эмоционально окрашенное словосочетание: *«Прошу прощения за резкость, но других слов не находится – это агония даже не **хромых уток**, а **политических трупов**», – сказал сенатор* (Косачев назвал действия Белого дома агонией политических трупов // lenta.ru, 29.12.2016).

Таким образом, фразеологизм *хромая утка*, употребляющийся в текстах средств массовой информации, регулярно употребляется в значении ‘о политическом деятеле или лидере, срок правления которого подходит к концу или который лишён всякой поддержки’. В русских публицистических текстах наблюдается развитие значения идиомы от конкретного к абстрактному.

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Idiom / Designed by Jane Stevenson. – Oxford University Press 1999, 2004. – 311 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 20.09.2025.

Abstract. The article examines the features of the use of the phraseological unit “lame duck”. It describes the history of the origin of this phraseological unit and the development of its meaning in both the source language and the Russian language. Based on the materials of the National Corpus of the Russian Language, the article analyzes the functioning of this idiom in modern journalistic texts.

Keywords: lame duck, phraseological unit, politician, political context.

С. Р. Кузина

Научный руководитель – О. А. Мещерякова,
д-р филол. наук, доцент

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОКРАСКЕ ФЕМИНИТИВА

Аннотация. В статье рассматривается, как выбор суффикса *-к-(а)*, *-ш-(а)*, *-есс-(а)* влияет на стилистическую окраску феминитива. Такие суффиксы придают рассматриваемым лексемам преимущественно разговорную и оценочную окраску, однако в некоторых случаях наблюдается и процесс нейтрализации разговорной стилистической окраски. Отмечается продуктивность суффикса *-есс-(а)* в образовании феминитивов с нейтральной стилистической окраской.

Ключевые слова: феминитив, стилистическая окраска, суффикс.

Стилистический подход к изучению лексики акцентирует внимание на выборе слова, его стилистической окраске для наиболее точного выражения мысли. Под *стили-стической окраской* в широком смысле понимается любая субъективная (т. е. выражающая человеческий фактор) окраска языковых единиц, в том числе социальная, морально-этическая и др. [1, с. 433]. Виды стилистической окраски имеют разную природу, но при этом они взаимосвязаны. Так, экспрессивная окраска выражает отклонение от общепринятого стандарта, эмоциональная – чувства, оценочная проявляется в обозначении предмета как «хорошего» или «плохого» по отношению к социальной норме, образная – в эффекте прозрачной внутренней формы, а функционально-стили-стическая – в отнесённости языковой единицы к обычной для неё сфере употребления [1, с. 433].

В современном мире, в связи с освоением женщинами исконно мужских профессий, остро стоит вопрос о том, какие слова следует использовать для именован-ия женщины по профессиональному статусу.

При этом следует отметить, что уже в старославянских текстах IX века зафиксиро-ваны парные наименования, образованные суффиксальным способом, при которых лицо женского пола именовалось производным, образованным от именован-ия мужчины: *князь – княг-ин(я)*, *золотарь – золотар-иц(а)*. Такой способ активно используется и в настоящее время: *психолог – психолог-ин(я)*, *автор – автор-к(а)*. В современной линг-вистике такие слова часто называются *феминитивами* – существительными женского рода, обозначающими женщину по профессии, чаще всего альтернативными или пар-ными аналогичным понятиям мужского рода.

Проблема заключается в том, что многие носители языка употребляют феминитивы в эмоционально-оценочном ключе, для выражения иронии или в шути-ливом контексте. Нативный говорящий видит в подобных именован-иях разговорную окраску, уничижи-тельный оттенок, поэтому не готов употреблять такие наименования в публицистических текстах, а также называть себя с помощью приведенных лексем.

Цель статьи – рассмотреть, как суффикс, используемый в обозначениях женщин по профессиональному статусу, формирует стилистическую окраску слова и как это влияет на употребление и восприятие подобного именован-ия. Для её достижения был проведен стилистический анализ лексики, обозначающей женщину по ее профессиональному ста-тусу, на материале электронного корпуса русскоязычных текстов (НКРЯ), а также в таких изданиях за 2023–2025 г., как медиаплатформа «Смотрим», местная газета «МК во Вла-димире», женские журналы «Citydog», «WomanHit».

1. Влияние суффикса на стилистическую окраску слова

Суффикс – это морфема, с помощью которой не только образуются новые лексиче-ские единицы, но и формируется стилистическая окраска слова. Рассмотрим, как от нейтральных существительных, путём аффиксации, образуются женские номинации с эмоционально-экспрессивными значениями.

1. Суффикс **-ш(-а)**. Феминитивы, образованные с помощью суффикса **-ш(-а)**, закрепились в современных словарях как разговорные [2]. В художественных текстах феминитивы с суффиксом **-ш(-а)** могут обозначать простую грубоватую женщину: «Так! – продолжала **орать редакторша**...» [3] Здесь для раскрытия образа и речевых характеристик персонажа употребляются такие лексемы, помеченные в словарях как разговорные, неодобрительные, сравн.: *орать* [4, с. 301], *редакторша* [2, с. 421]. Однако в современных изданиях, чаще электронных, лексемы с суффиксом **-ш(-а)** могут расцениваться и как нейтральные: *Блогерша Ида Галич стала мамой*... [5] Так, словоформа *блогерша* имеет нейтральную окраску, служит для номинации женщины, ведущей блог в сети Интернет. Функционально-стилистическая окраска лексемы указывает на обычную сферу её употребления. Можно предположить, что «возвращение» суффикса **-ш(-а)** в публицистический стиль связано с отторжением носителями языка новых феминитивов *авторка* и *блогерка*: *Режет слух. Лучше писать «авторша», «блогерша»*... [6]

2. Суффикс **-к(-а)**. Этот суффикс в целом воспринимается как нейтральный или разговорный, активно используется в публицистических текстах, считается наиболее продуктивным: *Лучшей футболисткой признана Миа Хемм*... [3] Лексема *футболистка*, обозначающая женщину, профессионально занимающуюся футболом, имеет нейтральную функционально-стилистическую окраску. Однако суффикс **-к(-а)** также имеет уменьшительно-ласкательное значение, которым часто апеллируют для выражения иронии по отношению к женщине. Приведём пример из социальной рекламы: *Кто ты теперь – предпринимателька?* [7] В этом контексте говорящий шутливо называет женщину, занимающуюся бизнесом, *предпринимателькой*, намекая на то, что она не может быть «предпринимателем» наравне с мужчиной. Стоит отметить экспрессивную окраску выбранной лексемы, которая выражает отклонение от стандарта и привлекает внимание к вопросу о роли женщины в обществе.

3. Суффикс **-есс(-а)**. Современные феминитивы с суффиксом **-есс(-а)** уже успели войти в русскую речь и даже были закрепились в орфографическом словаре РАН им. В. В. Виноградова [8]. Среди них такие феминитивы, как *пилотесса*, *критикесса*, *адвокатесса* и т. п. Приведенные феминитивы часто встречаются в СМИ и в художественной речи, употребляются в нейтральном стиле и служат для наименования женщины по профессии. Так, медиаплатформа «Смотрим» употребляет словоформу *адвокатесса* для номинации женщины-юриста: *...сын известной адвокатессы сам окончил юридический факультет МГУ* [9]. Здесь слово имеет нейтральную окраску, суффикс **-есс(-а)** помогает выделить женщину как специалиста и как мать, это подчёркивает возможность совмещения женщиной двух социальных ролей. В словаре лексема отмечена как разговорная [2, с.15], но примеры показывают, что в ряде употреблений слово имеет нейтральную окраску.

II. Анализ отдельных примеров употребления феминитивов

Выражение негативного ироничного отношения к женщине: *Владимирская бизнесменша «отмыла» около 50 млн. рублей* [10]. Лексема *бизнесменша* имеет разговорную стилистическую окраску, используется для того, чтобы рассказать о женщине, занимающейся бизнесом [2, с. 36]. В данном контексте оно имеет ироничную эмоционально-оценочную окраску, так как здесь высмеивается женщина-обманщица. На разговорный стиль также указывает жаргонное слово *отмыла* [4, с. 259]. Такая номинация женщины по роду деятельности придает высказыванию сниженный оттенок, выражает презрение.

Акцент на роли женщины в обществе: *Сейчас в авиации меньше стереотипов о девушках. Уже почти во всех авиакомпаниях есть пилотессы. А некоторые даже становятся командирами всего экипажа* [11]. Лексема *пилотесса* употреблена в публицистическом стиле, используется для того, чтобы рассказать о женщине-пилоте, указывает на равноправие женщин и мужчин в сложных профессиях. В «Грамматике-80» указывается, что суффикс **-есс(-а)** используется для именования женщин по профессии [12, с. 202].

Несмотря на то, что употребление некоторых феминитивов призвано сделать роль женщин в профессии более заметной и значимой, многие не согласны с новыми номинациями. В женском журнале «Citydog» для именовании женщины-психолога используется лексема *психотерапевтка*: По мнению *психотерапевтки* Юлии Олих, аскезы – это не панацея [13]. В данном контексте слово имеет нейтральную стилистическую окраску. Однако сама Юлия Олих в своих книгах называет себя согласно с кодифицированной нормой: *психолог, гештальт-терапевт* [14, с. 1]. Это свидетельствует о том, что женщина не согласна с концепцией журнала, видит в именовании *психотерапевтка* эмоционально-оценочную окраску слова.

Таким образом, стилистическая окраска *феминитива* зависит от выбора словообразующего суффикса. Суффиксы *-ш-(а)*, *-к-(а)*, *-есс-(а)* придают таким словам эмоционально-оценочную окраску, оттенок разговорности, а также влияют на формирование семантики ‘низкая профессиональная оценка’. Однако в отдельных случаях можно наблюдать и процесс нейтрализации разговорной стилистической окраски. Все это свидетельствует о том, что система феминитивов еще находится в стадии становления.

Список использованных источников

1. Кожина, М. П. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. П. Кожина. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
2. Колесников, Н. П. Толковый словарь названий женщин : более 7 000 единиц / Н. П. Колесников. – М. : Астрель, 2002. – 610 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 14.09.2025.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выраж. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., дополн. – М : Азбуковник, 2001. – 944 с.
5. WomanHit [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.womanhit.ru/> – Дата доступа : 14.10.2025.
6. Яндекс. Кью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.ru/q/> – Дата доступа : 14.10.2025.
7. Adindex [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://adindex.ru/>. – Дата доступа : 14.10.2025.
8. Академос : науч.-информ. орфограф. академ. ресурс [Электронный ресурс] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН – Режим доступа : <https://orfo.ruslang.ru/>. – Дата доступа : 28.09.2025.
9. Смотрим [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://smotrim.ru/> – Дата доступа : 14.10.2025.
10. МК во Владимире [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vladimir.mk.ru/> – Дата доступа : 14.10.2025.
11. ПСЖР от Авиасейлс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.aviasales.ru/psgr>. – Дата доступа : 14.10.2025.
12. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР ; Ин-т рус. яз. под ред. Н. Ю. Шведовой – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 792 с.
13. CityDog [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://citydog.io/> – Дата доступа : 24.09.2025.
14. Олих, Ю. 16 критериев зрелой любви / Ю. Олих. – М. : Ridero, 2017. – 86 с.

Abstract. The article examines how the choice of the suffix *-k-(a)*, *-sh-(a)*, *-ess-(a)* affects the stylistic coloring of the feminine form. These suffixes primarily contribute to a colloquial and evaluative coloring, but in some cases, there is also a process of neutralization of the colloquial stylistic coloring. The article highlights the productivity of the suffix *-ess(a)* in neutral and functional-stylistic coloring.

Keywords: feminine, stylistic coloring, suffix.

А. П. Лебедева
Научный руководитель – Г. И. Канакина,
канд. пед. наук, профессор

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Г. ПАУСТОВСКОГО)

Аннотация. В данной статье исследуется категория связности текста. Средства связности предложений в произведениях малых жанров русской литературы мало изучены. В статье на материале рассказов К. Г. Паустовского анализируются особенности использования морфологических средств связи предложений в тексте.

Ключевые слова: связность текста, морфологические средства связи предложений, личные и указательные местоимения, единство видовременных форм глаголов, наречия места и времени, союзы.

Важнейшим текстовым признаком является связность. Она определяется на двух или нескольких последовательных предложениях. Большинство учёных отмечают, что все коммуникативные элементы текста должны быть связаны между собой. Кроме того, в каждом тексте обнаруживаются, поддаются наблюдению и описанию формальные, внешние связи между отдельными частями текста. Касаясь вопроса связи предложений внутри текста, следует упомянуть высказывание Н. И. Жинкина о том, что «на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст. Если мысль переходит в соседнее предложение, между этими предложениями должна быть связь, иначе со второго предложения начинается текст» [1, с. 215]. В создании связности текста могут использоваться различные языковые средства: лексические, грамматические (морфологические, синтаксические), фонетические средства [2, с. 148–149].

Целью нашего исследования является анализ морфологических средств связи предложений в произведениях К. Г. Паустовского, поскольку языковые средства связности текстов в его творчестве изучены недостаточно. Для анализа были использованы фрагменты малой прозаической формы из электронного сборника «Рассказы и сказки» [3]. Проанализировано более ста фрагментов из десяти рассказов: «Стекольный мастер», «Маша», «Барсучий нос», «Кот-ворюга», «Корзина с еловыми шишками», «Телеграмма», «Дремучий медведь», «Заячьи лапы», «Резиновая лодка», «Сивый мерин». При проведении исследования использовались метод сплошной выборки и контекстный анализ.

Анализ текстов К. Г. Паустовского позволил нам выявить основные морфологические средства связи предложений в тексте, которые писатель задействовал в рассказах: личные и указательные местоимения, единство видовременных форм глаголов, наречия места и времени, союзы.

Местоимения – одна из самых употребительных частей речи. А. Н. Гвоздев указывает, что слова этой части речи «представляют численно небольшую группу слов, но выполняют в речи исключительно важную функцию и в связи с этим используются необыкновенно часто: по частоте своего употребления местоимения занимают первое место...» [4, с. 282]. Такую частотность местоимений можно объяснить прежде всего тем, что они играют роль средства связи между самостоятельными предложениями в тексте. В этом качестве местоимения по своей природе многоаспектны: одновременно являются частью предложения и принадлежат основной единице текста – сложному синтаксическому целому (ССЦ), в которое это предложение входит.

Местоимения, являясь одним из средств оформления цепной связи, служат показателями сходства, тождества обозначаемого ими лица или предмета с лицом или предметом,

названным именем существительным, обычно стоящим непосредственно перед этим местоимением. Последовательные связи с личными местоимениями третьего лица по своей сущности приближаются к связям, выраженным посредством лексического повтора.

В рассказах К. Г. Паустовский **личные местоимения** употреблены вместо существительных из предшествующих предложений: *На третий день из зарослей шиповника вышел дед Пахом. Он собирал с мешок ягоды шиповника и относил их аптекарю, – все-таки хотя и небогатый, а заработок («Стекольный мастер»); Кроме того, в горных лесах живёт, как птица пересмешник, весёлое эхо. Оно только и ждёт, чтобы подхватить любой звук и швырнуть его через скалы («Корзина с еловыми шишками»); Но воробы не слушались деда. Они все сидели на кустах и даже как будто бы начали переругиваться с Архипом («Маша»); Однажды днём в лугах ко мне вот так же пристала ласточка. Она кружилась около меня, задевала за плечо, кричала жалобно и настойчиво, будто я у неё отнял птенца, и она просила отдать его обратно («Сивый мерин»).*

Перед нами теснейшая связь между компонентами ССЦ, создаваемая их структурной соотнесённостью («подлежащее – подлежащее») и получающая выражение посредством личных местоимений третьего лица в форме номинатива.

Ещё один из распространённых структурных видов цепной связи – «подлежащее – дополнение»: *Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве у костра начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно; С нами был маленький мальчик. Ему было всего девять лет («Барсучий нос»); Вода была холодная – со дна реки били ледяные ключи, – и медведь раздумал переплывать реку. Не хотелось ему мочить шкуру («Дремучий медведь»); Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбегались куры и склевали весь наш запас червей («Кот-ворюга»).* Данный вид последовательной связи выражается употреблением в роли дополнения личных местоимений третьего лица. Характерной особенностью этого вида соединения предложений является порядок слов во втором из них, обусловленный структурой первого предложения и видом связи. Дополнение, вынесенное в начало второй синтаксической единицы, несёт на себе значительную смысловую нагрузку и объединяет оба компонента. И если бы местоимение стояло не в начале, это осложнило бы связь и затруднило бы понимание второго компонента.

Теперь рассмотрим связь «дополнение – подлежащее»: *Там мы ловили разноцветных окуней. Они бились и сверкали в траве, как сказочные японские петухи; Через год я встретил на берегах этого же озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремющих, как жесть, стрекоз («Барсучий нос»); Однажды Григ встретил в лесу маленькую девочку с двумя косичками – дочь лесника. Она собирала в корзину еловые шишки («Корзина с еловыми шишками»); В нижнем помещении, в общей каюте, было тепло, даже жарко, но Тихон Петрович туда не спускался, – берёг рассаду. Она, как известно, от жары быстро вянет («Маша»); Петя посмотрел вслед медведю, посмеялся, потом взглянул на телят. Они мирно жевали траву и то один, то другой чесали копытцем задней ноги у себя за ухом («Дремучий медведь»).* Способ оформления – личное местоимение третьего лица в форме номинатива. Как и в предыдущем случае, структурой первого компонента обусловлен строй второго: наиболее естественно начинать следующее предложение с подлежащего.

Для связи между самостоятельными предложениями текста широко используются **указательные местоимения**, в частности местоимение *это* и его формы. Как правило, местоимение *это* выступает в роли самостоятельного определения к повторяемому существительному первого предложения, что способствует более тесной связи между предложениями. В большинстве случаев подлежащее или дополнение первого предложения выражено не одним словом, а обычно существительным с определением, полный повтор которых привел бы к громоздким предложениям и монотонности речи. Поэтому повторяется ключевое существительное, а остальные слова заменяются местоимением *это*:

Ветер трубил в их снастях. **Этот** звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке – в её окно любимый бросил на рассвете горсть песка («Корзина с еловыми шишками»); Она застала свежий могильный холм на кладбище – земля на нём смёрзлась комками – и холодную тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно. В **этой** комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый рассвет; Кто-то тронул её сзади за руку. **Это** был старый вспыльчивый художник («Телеграмма»).

Можно заметить, что предложения с местоимением вне контекста не самостоятельны. Все приведённые примеры свидетельствуют о том, что местоимение относится к числу наиболее сильных функциональных способов объединения компонентов ССЦ. Благодаря стилистической нейтральности, экономности средств выражения, цепные связи со словами этой части речи весьма распространены в творчестве К. Г. Паустовского.

Единство видовременных форм глаголов-сказуемых в составе текста является одним из основных способов его организации. Такой способ обеспечивает взаимосвязь законченных предложений в тексте и используется для отражения временного плана существования и реализации явлений, событий, действий. Соответствие видовременных форм не бывает одинаковым. Действия, явления, события, обозначенные глаголами в разнообразной темпоральной форме, описывают явления и события, относящиеся к конкретному промежутку времени, предшествующему протекающему одновременно с моментом речи, или называют процесс, не приуроченный к определенному промежутку времени, события в его течении, действия, повторяющиеся, совершающиеся во вневременном плане.

Глаголы-сказуемые компонентов рассказов К. Г. Паустовского выражаются различными формами прошедшего времени, значение их проявляется в широких описательных возможностях каждого предложения, что обеспечивает изобразительные потенции всего текста.

Глаголы-сказуемые могут обозначать:

1) последовательность действий: *Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и пересчитывала несколько слов на почтовом переводе; Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову тёплым платком, надела старый салоп, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, ошупью. От холодного воздуха разболелась голова* («Телеграмма»); *Потом в глубине зарослей я услышал явственный треск человеческих шагов по валежнику. Я встал и, повинаясь необъяснимому и внезапному страху, залил костёр, хотя знал, что на десятки километров вокруг не было ни души* («Резиновая лодка»);

2) одновременность действий: *Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что он не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук; Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стоял и облизывал своим шершавым языком больной нос; Он стоял неподвижно и холодил свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок* («Барсучий нос»); *Григ думал так и играл обо всём, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается* («Корзина с еловыми шишками»); *Дед побегал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»* («Заячьи лапы»).

Глаголы прошедшего времени могут употребляться в значении настоящего времени. Они используются автором для оживления повествования, придания ему большей изобразительности: *Магда работала театральной портнихой. Муж ее Нильс служил в том же театре парикмахером. Жили они в комнатухе под крышей театра* («Корзина с еловыми шишками»).

Приведённые примеры показывают, что употребление одинаковых видовременных форм, глаголов-сказуемых, способствует тесному сцеплению частей текста между собой.

В качестве средств связи предложений К. Г. Паустовский использует **наречия места**: *Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крикали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — миарах, плескались рыбы, тихо ворковали горлинки («Барсучий нос»); В комнату надо было подыматься по крутой лестнице. Там всегда пахло краской и лаком от позолоты («Корзина с еловыми шишками»); и времени: Музыка стихла. Сначала медленно, потом всё разрастаясь, загремели аплодисменты; Нильс, стоявший поодаль, услышал её смех и пошёл домой. Теперь он был спокоен за Дагни. Теперь он знал, что её жизнь не пройдёт даром («Корзина с еловыми шишками»); А другой раз вдруг с грохотом и плеском обрушилась в реку старая ольха. Тотчас под водой молниями полетели испуганные плотицы («Дремучий медведь»); Я сидел у костра, и мне казалось, что кто-то стоит за спиной и тяжело смотрит в затылок. Потом в глубине зарослей я услышал явственный треск человеческих шагов по валежнику («Резиновая лодка»).* Наречия, характеризуя действие, уточняют и конкретизируют описание в целом. В рассказах К. Г. Паустовского наиболее распространены наречия времени.

В учебном пособии «Теория текста» под редакцией Н. С. Валгиной определение понятия «союз» представлено следующим образом: «Союз – служебная часть речи, с помощью которой связывают между собой простые предложения в составе сложного или однородные члены предложения» [5, с. 16]. Союзы являются распространенным средством связи предложений и в художественном тексте.

Союзы *а* и *но* являются незаменимыми помощниками при делении содержания на отдельные фрагменты, которые сопоставляются или противопоставляются друг другу. Это очень важный структурный элемент при построении текста, когда нужно обозначить новое развитие темы или перейти к другому взгляду на проблему. Так, в рассказах К. Г. Паустовского находим **сопоставление** фрагментов текста: *Маша посмотрела на него, не понимая, наморщив брови. А дед Архип глубоко загнал лопату в землю («Маша»); Рувим торжествовал. А Мурзика мы перед отъездом в Москву подарили нашему приятелю-Ване Маявину, внуку лесника с Урженского озера («Резиновая лодка»); а также **противопоставление** фрагментов текста: *Есть грубое, бутылочное и оконное. А есть тонкое, свинцовое стекло («Стекольный мастер»); Сумрак ночи ещё лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет («Корзина с еловыми шишками»).**

Союз *и* в начале предложений в рассказах К. Г. Паустовского может выполнять две функции:

1) характеристика последовательности действий: *– Слушай, жизнь, – тихо сказала Дагни, – я люблю тебя. И она засмеялась, глядя широко открытыми глазами на огни пароходов («Корзина с еловыми шишками»);*

2) создание единой картины мира: *Все гуще падал снег, засыпал могилу бабки Гани. И все сильнее зима завладевала лесами, нашим садом, всей нашей жизнью. И вся эта рязанская земля казалась мне теперь особенно милой («Стекольный мастер»); Смотришь на неё с берега – и так и подмывает нырнуть и поглядеть: что там, в глубокой глубине, где качаются водоросли? И все чудится, что ползет по дну рак величиной с бабкино корыто, растопырил клешни, а рыбы пьются от него, помахивают хвостами («Дремучий медведь»).*

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что связность – основной признак рассказов К. Г. Паустовского – достигается использованием различных морфологических средств связи предложений в тексте.

Список использованных источников

1. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.

3. Паустовский, К. Г. Рассказы и сказки [Электронный ресурс] / К. Г. Паустовский. – Режим доступа : <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/rasskazy.htm>. – Дата доступа : 28.08.2025.

4. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 1 : Фонетика и морфология (теоретический курс) / А. Н. Гвоздев. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 469 с.

5. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Вадгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.

Abstract. This article explores the category of text coherence. The means of sentence coherence in the works of small genres of Russian literature have been little studied. The article analyzes the features of using morphological means of sentence coherence in the text based on the stories by K. G. Paustovsky.

Keywords: coherence of the text, morphological means of sentence connection, personal and demonstrative pronouns, the unity of verb tenses, adverbs of place and time, and conjunctions.

УДК 372.881.161.1:378.147

Е. Г. Лещенко
Научный руководитель – **Н. В. Нестер**,
канд. филол. наук, доцент

МЕТОДИКА АДАПТАЦИИ ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНОГО МЕТОДА ПРИ РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Аннотация. В статье рассматривается методика адаптации историко-контекстуального метода анализа художественного текста, разработанного А. А. Гугниным, для применения в аудитории иностранных студентов. На примере басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» предлагается поэтапная модель работы в рамках изучающего чтения для развития языковых компетенций и формирования навыков литературоведческого анализа.

Ключевые слова: художественный текст, А.А. Гугнин, историко-контекстуальный метод, РКИ, литературоведческий анализ, И. А. Крылов, басня, «Стрекоза и Муравей», методическая модель.

Историко-контекстуальный метод, разработанный А. А. Гугниным (1941–2021), основан на системном подходе и позволяет учесть всю совокупность имплицитных смыслов произведения, что представляет особую ценность в практике преподавания РКИ. Первоначально метод был предложен как способ углубления и дополнения общефилологической подготовки студентов гуманитарных факультетов [1, с. 200]. Тем не менее его дидактический потенциал применительно к иноязычной аудитории, в особенности на начальном этапе обучения, остаётся недостаточно раскрытым, что обуславливает необходимость специальной методической адаптации данного метода анализа текста для иностранных студентов.

Суть историко-контекстуального метода А. А. Гугнина заключается в системном анализе художественного произведения в процессе последовательного «погружения в глубины текста и одновременного движения “вширь” – к его контекстам» [1, с. 211]. Метод базируется на ключевых принципах: первичности текста как первоэлемента литературы; интерпретации как диалога с текстом; его двусторонней природе, учитывающей как авторский замысел, так и актуальное прочтение; значимости первого прочтения. Практической реализацией метода является многоуровневый анализ, в ходе которого происходит рассмотрение «текста как такового», в контексте творчества писателя, а также в культурно-историческом контексте национальной, европейской и мировой

литератур [1, с. 201–210]. Ввиду системности и диалогической природы метода, его применение в иноязычной аудитории является особенно актуальным, но вместе с тем сопровождается рядом трудностей, что требует его методической адаптации.

Интеграция метода в практику преподавания РКИ требует соблюдения системы дидактических, психологических, лингводидактических и методических принципов, обеспечивающих эффективное восприятие и полноту понимания анализируемого материала [2, с. 57]. Принцип доступности реализуется через сужение анализируемых уровней до рассмотрения преимущественно на уровне «текст как таковой» с привлечением нескольких ключевых фактов биографии автора и условий написания («контекст творчества писателя»). Принцип наглядности играет ключевую роль в компенсации недостатка языковых средств и фоновых знаний и на практике достигается использованием визуального ряда: иллюстраций, репродукций, а также фрагментов экранизации, что позволяет создать необходимую в условиях недостаточной языковой подготовки зрительную опору и облегчить понимание содержания. Принцип активности рассматривает анализ текста не как самоцель, а как стимул для коммуникации, и реализуется путём использования проблемных вопросов, организации дискуссий и творческих заданий, активизирующих речевую активность. Особую значимость в иноязычной аудитории приобретает принцип учёта родного языка и культуры обучающихся, предполагающий проведение сравнительного анализа элементов родной и изучаемой культур, а также опору на личный опыт учащихся. Студентов побуждают проводить параллели между сюжетами, моралью и персонажами, выявлять разницу в отношении к героям в разных культурах, что превращает работу в диалог культур.

Важнейшим аспектом в вопросе методической адаптации является выбор текста для анализа. Как справедливо отмечается в пособии Н. В. Кулибиной, при работе с иностранными студентами предпочтение следует отдавать аутентичным текстам, «характеризующимся естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств [и] отражающим национальные особенности и традиции построения и функционирования текста», что позволяет подготовить учащихся к возможным трудностям реального речевого общения уже на начальном этапе обучения. В то же время, выступая в роли учебно-методической единицы занятия, текст должен соответствовать определенным требованиям, что обуславливает необходимость его адаптации [3, с. 8–9]. Для базового уровня (А2) рекомендованы специально составленные или адаптированные тексты-сообщения, повествования или описания, небольшого объёма (600–700 слов), построенные на основе усвоенного лексико-грамматического материала (3–4 % незнакомой лексики) и имеющие актуальную для социально-бытовой сферы тематику [4]. Этим критериям в полной мере отвечают басни И. А. Крылова, отличающиеся краткостью и известным сюжетом, доступной для понимания моралью, наличием ярких персонажей-архетипов; в то время как рифмованный текст способствует лучшему запоминанию лексики и фонетических моделей.

В качестве практической реализации предлагаемой методики рассмотрим модель работы с басней И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» [5] в рамках изучающего чтения для иностранных студентов с базовым уровнем владения языком. Работа с текстом организуется через три последовательных этапа: 1) на предтекстовом этапе, задачи которого – мотивировать студентов, снять возможные языковые и культурологические трудности, проводится актуализация фоновых знаний через просмотр мультипликационной экранизации басни без звука с последующим обсуждением и прогнозированием содержания на русском языке (*Кто герои? Что они делают?*), семантизация ключевой лексики по темам «Времена года», «Занятия» и «Характер», а также постановка проблемного вопроса: «*Стрекоза и Муравей: кто прав?*», что подготавливает студентов к анализу «текста как такового»; 2) на текстовом этапе реализуется адаптированный принцип многоуровневого анализа, предполагающий работу с текстом по частям с последующей проверкой понимания через вопросы.

Выявление контекстуальных связей на уровне «текста как такового» включает определение главной темы – отношение к труду и безответственности, составление опорной таблицы с прилагательными и глаголами, характеризующими Стрекозу и Муравья, а также обсуждение контраста между летом и зимой, беззаботным весельем и тяжелым положением.

Таким образом происходит анализ басни на уровне «текста как такового» (учащиеся рассматривают персонажей, пейзаж как элементы художественного образа). Для углубления понимания художественного мира Крылова («контекст творчества писателя») преподаватель называет другие известные басни И. А. Крылова («Слон и Моська», «Ворона и Лисица») и обращает внимание учащихся на сквозные для творчества баснописца черты: использование контраста и аллегорических образов животных, служащих для изображения человеческих пороков; 3) На послетекстовом этапе, направленном на развитие навыков устной речи и личностное осмысление текста, проводится интерпретация и дискуссия в форме ролевой игры «Суд над Стрекозой (Муравьём)» с возвращением к проблемному вопросу, а также организация творческих заданий, таких как инсценировка басни по ролям или написание короткого рассказа на тему «Что случилось со Стрекозой дальше?».

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует практическую возможность и дидактическую целесообразность адаптации историко-контекстуального метода А. А. Гугнина для работы на начальном этапе обучения РКИ. Предложенная методическая модель, основанная на дидактических принципах доступности, наглядности, активности и учета родной культуры студентов, позволяет эффективно использовать потенциал аутентичного художественного текста и адаптировать применение историко-контекстуального метода при его анализе в рамках соответствующего базовому уровню изучающего чтения. Фокусировка на первом уровне анализа с дозированным привлечением биографического контекста позволяет сочетать развитие языковых навыков с формированием основ литературоведческой и межкультурной коммуникативной компетенций. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой аналогичных моделей для дополнения учебного курса «Введение в литературоведение», а также для применения в рамках литературоведческих дисциплин на старших курсах с последовательным подключением всех уровней анализа с использованием историко-контекстуального метода.

Список использованных источников

1. Гугнин, А. А. Художественный текст : анализ или интерпретация / А. А. Гугнин // Проблемы истории литературы : сб. ст. / Отв. ред. А. А. Гугнин. – Новополюцк : ПГУ, 2003. – № 5. – С. 200–227.
2. Шукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков : учебник для студ. учреждений высш. образ. / А. Н. Шукин, Г. М. Фролова. – М. : Академия, 2015. – 288 с.
3. Кулибина, Н. В. Зачем, что и как читать на уроке : метод. пособие для преподав. рус. яз. как иностр. / Н. В. Кулибина. – СПб. : Златоуст, 2015. – 224 с.
4. Уровни РКИ. Базовый уровень (А2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://urya.ru/docs/53-urovni_rki_bazovyi_uroven_a2.html. – Дата доступа : 29.09.2025.
5. Крылов, И. А. Стрекоза и муравей : басни / И. А. Крылов. – М. : Эксмо, 2011. – 80 с.

Abstract. The article discusses the methodology of adapting the historical and contextual method of literary text analysis developed by A. A. Gugin for use in the audience of foreign students. Using the example of I. A. Krylov's fable "The Dragonfly and the Ant," a stage-by-stage instructional model is proposed within the framework of "reading for detail" (studying reading) to simultaneously develop language competencies and form literary analysis skills.

Keywords: literary text, A. Gugin, historical and contextual method, RFL (Russian as a Foreign Language), literary analysis, I.A. Krylov, fable "The Dragonfly and the Ant," instructional model.

М. Р. Лимаренко
Научный руководитель – Т. С. Садова,
д-р филол. наук, профессор

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ В УСТНЫХ ЛЕГЕНДАХ РУССКОГО СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВА СДК)

Аннотация. В статье анализируются и классифицируются агιονимы (личные имена святых) по ряду содержательных признаков. Материал исследования – устные легенды о святых, записанные в полевых экспедициях в Ярославскую обл., вошедшие в собрание архива СДК кафедры русского языка СПбГУ. Подчеркивается, что выбор агιονима, всегда имеющего культурную семантику, обусловлен прагматикой, контекстом и статусом святого.

Ключевые слова: этнолингвистика, народное православие, номинация, агιονимы.

Этнолингвистика – сложившаяся во второй половине XX в. лингвистическая дисциплина, ориентированная на «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры» [1, с. 19]. В 1980-ые годы в Ленинградском государственном университете проф. О. А. Черепановой была создана и реализована этнолингвистическая научно-экспедиционная программа «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК). Основной целью программы стал сбор и изучение речевого материала, отражающего и аккумулирующего духовные составляющие традиционной культуры, одна из которых – народное православие (термин А. А. Панченко [2]), выраженное, в том числе, в устных агιογραφических легендах. Материалом для настоящего исследования послужили 69 записей таких легенд, собранных участниками экспедиции СДК в Тутаевском, Борисоглебском и Любимском районах Ярославской области и впервые вводимых в научный оборот.

В ходе этнолингвистического анализа выделенных агιονимов весь корпус наименований удалось представить в виде классификации, составленной по содержательному принципу, отражающему, прежде всего, амбивалентность образа святого в народном православии, которая основывается на традиционном представлении о принадлежности святого как к земному миру, так и к небесному. Ниже представлены лишь некоторые примеры номинаций.

1. Отнесенность к миру людей. 1.1. Святой как человек: агιονимы, образованные по модели реальных антропонимов или включающие в свой состав реальные антропонимы (*Николай, Мария, святой Иерофей Глазков, Седов староста Георгий, Таисия Петровна*). 1.2. Святой как человек, отличающийся от остальных по внешним приметам, поступкам и поведению: заимствованные имена (*Онуфрий, Агафангел, Иринарх Преподобный, Серафим Святой*). 2. Святой как существо на границе двух миров, человек, имеющий связь с потусторонним миром: заимствованные имена (*Агафангел, святитель Иринарх, Серафим святой*). 3. Святой как культурный герой: агιονимы, выступающие производящими основами для местных топонимов (*Борис и Глеб, Роман*). 4. Святой как существо из иного мира. 4.1. Помощь людям в личных вопросах: с эпитетом *Угодник*; с семантикой сотворения чуда (*Николай Чудотворец*) или материнства (*Мати Пресвятая Богородица*); номинации Георгия, кроме *Георгий Победоносец*; агιονимы-иконимы (*Троеручица, Наум, Исцелитель Пантелеймон*). 4.2. Святой как защитник всего мира/микромира: с эпитетом *Победоносец*; фонетически измененное заимствованное имя (*Иван, Иван Богослов*); с локализатором (*Геннадий Любимоградский-Костромской*); агιονимы-иконимы (*красная Державная, Спаситель*). 4.3. Как персонаж демонологии: с компонентами с семантикой дефекта зрения (*Илья Одноглазый и Злой*); созвучные со словами *косо-косить-високосный* (*Касьян*) 4.4. Как герой, входящий в небесную иерархию:

близкие к каноническим имена общепочитаемых и давно канонизированных местночтимых святых (*Никола святой, Преподобный, Геннадий Угодник, Мати Пресвятая Богородица, Пренепорочная Матерь Богородица, Господь*). 4.5. Как сильный дух/божество: номинации пророков (*Илья Пророк, Грозный*); номинация, отождествляющая святого и Бога: *Господи*. 5. Святой – праздник в его честь (*Никола, Егорьев, Юрий, Троеручица, Казанская*). 6. Святой – его икона (*Казанская, Божьи Матери, Пантелей Исцелитель на Петровке*).

Ближе всего к полюсу «святой – человек» расположены номинации, образованные по модели реальных антропонимов или включающие в свой состав реальные антропонимы. К примеру, почитаемая в селе Закобякино (Любимский р-н) неканонизированная матушка Таисия именуется по имени и отчеству (Яросл., Любимский (2024)) [3] – по модели реального антропонима: матушка почил в 2010 г., и ее культ лишь начинает зарождаться, но пока не успел сложиться. Любопытны случаи, когда имя святого образовано по модели сложного агионима, но при этом ни один компонент по отдельности не соотносится с понятием святости напрямую: *Седов староста Георгий* (Яросл., Тутаевский (2002)) [3, с. 45]. Это, на первый взгляд, противоречие, объясняется амбивалентным восприятием св. Георгия Седова, который оказался святым, при жизни будучи простым, но добросовестным церковным старостой.

При отнесении имени к какой-либо подгруппе важно учитывать и фонетический облик имени, который в языке этнокультуры становится основанием для т. н. аттракции разных номинаций и, как следствие, понятий, ими выражаемых. Так, переосмысление внутренней формы имени *Агафангел* (с греч. – ‘добрый вестник’) порождает представление о чистоте и непорочности его носителя («ангел») (Яросл., Тутаевский (2002)) [3, с. 44]. А фонетическая оболочка слова *пророк* подкрепляет представления о святом Илье как о громовержце.

При изучении личного имени в этнолингвистическом аспекте необходимым оказывается рассмотрение каждого компонента сложного имени по отдельности, поскольку в языке и речи этнокультуры они всегда семантизируются, чего нельзя сказать о составных онимах в литературном языке. Такую работу важно проделать, например, с эпитетом *Одноглазый* в имени *Илья Одноглазый и Злой* (Яросл., Борисоглебский (2002)) [3, с. 141]. Одним глазом обладают такие чудовища, как Лихо Одноглазое или циклоп Верлиока [4, с. 102], а *одноглазиками* было принято называть кикимор [5, с. 38]. Кроме того, глаз – это орган, с помощью которого можно влиять на судьбу людей, а дефект зрения – «нехороший глаз» – напрямую связывается с порчей. Так, эпитет *Одноглазый* аккумулирует и актуализирует представления об Илье как о страшном существе, которое может принести беды.

Способы номинации святых, как показывает исследуемый материал, находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и во многом зависят от контекста и прагматики, что наглядно демонстрирует следующая фиксация речи: [*А есть молитва Георгию?*] (1) *Георгий Великомученик, помоги мне. Если чего-нибудь такое, я его прошу. А когда вот скот заболевает, даже служат в церкви молебны Георгий Победоносец. Бабушка рассказывала мне, что этот (2) Георгий Победоносец спас Москву, когда Москва горела, и он через огонь на коне перескакивал и спас Москву* (Яросл., Борисоглебский (2002)) [3, с. 139]. В позиции (1) – номинация-обращение, выбор которой связан с отношениями между адресатом и адресантом [6, с. 340–341]. Молитва – жанр перформативный, а потому подбор обращения мотивирован тем, каких действий говорящий ждет от святого: вероятно, от Георгия, испытавшего земные муки, ожидается сочувствие и понимание человеческих проблем. В позиции (2) – т. н. предикатная номинация – имя, подбор которого сопровождается выделением наиболее существенных для контекста признаков и свойств обозначаемой реалии [6, с. 332–340]. В приводимом примере таким свойством оказывается представление о том, что Георгий спас Москву. Самое «радикальное»

разграничение вариантов номинаций одного святого ведет к «расщеплению» денотата. Так, один из информантов СДК считает, что Иоанн Креститель и Иоанн Предтеча – это разные люди (Яросл., Тутаевский (2002)) [3, с. 10].

В какой бы позиции ни стояло имя святого, важно учитывать, что в языке традиционной духовной культуры агионим не только аккумулирует в себе комплекс различных представлений и верований, но и способствует порождению новых текстов. Последнее часто происходит, например, при попытке мотивировать наименование: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий. А мать Его – Мати Пресвятая Богородица. Троица – это Пресвятая Госпожа Богородица* (Яросл., Тутаевский (2002)) [3, с. 18]. С одной стороны, само имя *Троица* могло быть воспринято вне числового значения [см., напр.: 7, с. 31], с другой стороны, на такое отождествление могла повлиять трехчленная структура имени *Пресвятая Госпожа Богородица*. Так или иначе, сложное понятие Троицы заменялось более простым и привычным представлением о Богоматери.

Глубокий культурный и духовный потенциал имен святых во многом связан с диффузным характером их значений. Наиболее ярко такая диффузность проявлена в функционировании агионимов-хрононимов, одновременно называющих святого и праздник в его честь, или агионимов-иконимов, которые могут называть и героя, и икону, например, *Троеручица* (Яросл., Любимский (2024)) [3]. Подобные номинации в представленной классификации выделены отдельными пунктами.

Итак, в дискурсе народного православия агионимы отражают и формируют представления о святых благодаря структуре имени, его онтологии, фонетическому облику, способу образования, культурной семантике компонентов, а также культурному контексту. Благодаря многогранному образу святого и амбивалентному пониманию святости возможна вариативность даже при использовании устойчивых, на первый взгляд, имен собственных.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика : вопросы теории. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. – С. 19–31.
2. Панченко, А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. – СПб : Алетей, 1998. – 320 с.
3. Духовная культура Русского Севера в народной словесности // Архив записей полевых экспедиций сотрудников каф. рус. яз. Ленинградск. гос. ун-та/Санкт-Петербургск. гос. ун-та в районы Русского Севера. – ЛГУ/СПбГУ, 1984–2024.
4. Черепанова, О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / О. А. Черепанова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.
5. Словарь русских народных говоров / редкол. : Ф. П. Сороколетов (ред.), Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 23. – Л. : Наука, 1987. – 376 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Номинация и текст / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация. Виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 304–357.
7. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов. – М. : Гнозис, 1991. – 192 с.

Abstract. The article analyzes and classifies hagionyms (personal names of saints) according to a number of meaningful features. The research material is legends about saints recorded in expeditions to the Yaroslavl region and included in the collection of the NSC-archive of the Department of the Russian Language of SPBU. It is lightened that the choice of a hagionym, which always has cultural semantics, is determined by pragmatics, context and the status of a saint.

Keywords: ethnolinguistics; folk Orthodoxy; nomination; hagionyms.

А. В. Лобанович

Научный руководитель – Е. В. Ничипорчик,
д-р филол. наук, профессор

МИФОНИМЫ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЭМПОРОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОМЕЛЯ

Аннотация. В статье исследуются мифонимы и мифопоэтические образы в названиях торговых объектов Гомеля. Приводится классификация мифологических систем, к которым относятся эмпоронимы. Выявляется взаимосвязь между мифологическими представлениями, заложенными в наименованиях, ассортиментом и профилем объектов. Определяются специфика реализации и частотность данной модели номинации в городской коммерческой среде.

Ключевые слова: мифонимы, мифопоэтические образы, эмпоронимы, Гомель.

Язык городской среды – это динамичная многоуровневая система, значительную часть которой составляют названия объектов торговой и промышленной инфраструктуры. В 1989 году Т. В. Шмелёва ввела термин **эмпороним** (от греч. *εμπόριο* ‘торговля’ и *ὄνομα* ‘имя, название’) для обозначения названий торговых предприятий и рассмотрела принципы их описания в работе «Язык города. Наименования магазинов» [1, с. 9]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, по состоянию на 2024 год в Гомеле насчитывалось 2927 магазинов [2], функционируют порядка 62 ресторанов, 206 кафе, 169 салонов красоты [3], названия которых формируют эмпоронимическое пространство Гомеля.

В современной ономастике научный интерес вызывают оригинальные, уникальные наименования с элементами языковой игры, заключающие в себе отсылку к явлениям культуры или представляющие собой **мифонимы** (от греч. *μῦθος* ‘сказание, предание’ и *ὄνομα* ‘имя, название’) – собственные имена вымышленных объектов любой категории (героев, божеств, демонических персонажей, мест) в мифах и сказаниях [4] и мифопоэтические образы.

Так, в современной коммерческой номинации модель «**мифоним мифопоэтический образ** = **эмпороним**» распространена среди названий промышленных предприятий по производству бытовой техники (например, «ATLANT», «GEFEST») и одноимённых торговых объектов, а также сетевых магазинов, отдельных ресторанов и салонов красоты. В эмпоронимическом пространстве Гомеля представлены следующие мифологические системы:

1) фнтийная (греко-римская): «Ариадна», «Гермес», «Дионис», «Одиссей», «ATLANT», «GEFEST», «Меркурий»;

2) славянская: «Водяной», «Жар-птица», «Калінка», «Купалинка», «Milavitsa», ресторан «Васількі», салон красоты «Молодильное яблочко»;

3) восточная: салон красоты «Киото».

Мифонимы и мифопоэтические образы в качестве наименований торговых объектов и промышленных предприятий выполняют следующие функции:

1) служат прямым указанием на ассортимент и профиль коммерческого объекта.

Так, в магазине «Ариадна» (ул. Ильича, 26) можно приобрести всё необходимое для вязания и рукоделия. Мифоним *Ариадна*, актуализируя через фразеологизм *Ариаднина нить* семантику путеводности и спасительной нити, напрямую проецируется на ассортимент товаров для вязания, создавая у покупателя мгновенную и устойчивую ассоциативную связь.

Название сети фирменных магазинов кухонной техники «GEFEST» (ул. Советская, 119) отсылает к образу одноимённого древнегреческого бога кузнечного ремесла, покровителя огненной стихии. Кузнечное ремесло, с которым ассоциируется Гефест, напрямую связано с огнём и обработкой металла, что создает точную аналогию с производством кухонных плит.

Аналогичная взаимосвязь между мифонимом и ассортиментом прослеживается в названии магазина сантехники «Водяной» (ул. Гагарина, 46Б). На широкий выбор товаров и комплектующих для водо- и теплоснабжения указывает отсылка к имени славянского духа – коварного и своенравного хозяина водной стихии, обитавшего в реках, озёрах, болотах и особенно на мельницах. Знаменитая песня «Я Водяной, я Водяной, поговорил бы кто со мной...» из советского мультфильма «Летучий корабль» (1979) способствовала закреплению в народном сознании устойчивых представлений о Водяном и его функциях, что было использовано владельцами торгового объекта для достижения максимального коммерческого эффекта.

Название продовольственного магазина «Дионис» (проспект Победы, 29) связано с профилем объекта через мифоним: образ Диониса – бога виноделия, плодородия и вдохновения – всегда ассоциировался с наслаждением и изобилием через употребление вкусной еды и напитков. Тем самым владельцы намекают не только на богатый гастрономический выбор, но и гарантируют высокое качество реализуемой продукции.

Если в предыдущих примерах взаимосвязь между мифонимом и эмпоронимом носит позитивный характер, то в названии магазина мяса, колбас, птицы, полуфабрикатов «Жар-птица» (проспект Ленина, 47) использование одного из центральных образов русских народных сказок может рассматриваться как упрощение и профанация исходного символа. Жар-птица, чьи перья сравнивали с солнцем, выступала символом божественного дара, бессмертия и возрождения. В данном эмпорониме происходит редукция богатого мифопоэтического образа до примитивной связи с товаром, прошедшим термическую обработку («жареная птица»). Несмотря на достижение прямой ассоциативной цели, подобное использование нивелирует глубину культурного символа;

2) воздействуют на подсознание и эмоции покупателя через мощные культурные, мифологические и символические ассоциации, тем самым обеспечивая торговому объекту коммерческий успех.

В этом аспекте показательны название магазина строительных материалов «Гермес» (ул. Подгорного, 10/2), продовольственных магазинов «Одиссей» (ул. Богдана Хмельницкого, 80а), «Меркурий» (ул. Механическая, 132), фирменного магазина нижнего белья и купальников «Milavitsa» (ул. Советская, 2), сети магазинов бытовой техники «ATLANT», а также салонов красоты «Киото» (ул. Катунина, 5) и «Молодильное яблочко» (ул. Барыкина, 74).

Так, эмпоронимы «Гермес» и «Меркурий» (Гермес – в древнегреческой, Меркурий – в древнеримской мифологии) отсылают к ловкому и красноречивому богу-покровителю торговцев и путешественников. Несмотря на различия в профилях торговых объектов, мифоним здесь призван вызвать у покупателя подсознательные ассоциации со скоростью обслуживания и надёжностью работы магазинов, а также передать подсознательное желание владельцев получить покровительство этого бога.

Название продовольственного магазина «Одиссей» является менее мотивированным. Образ хитроумного царя Итаки, известного своими долгими странствиями, более логично ассоциировать с названиями туристических агентств, а также магазинов, реализующих товары для походов и путешествий. Таким образом, узнаваемый мифоним используется исключительно для привлечения внимания, а не для отражения реальных свойств торгового объекта.

Эмпороним «ATLANT» для белорусского производителя бытовой техники отсылает к образу титана, державшего на плечах небесный свод. Данный мифоним транслирует идею надёжности, устойчивости и долговечности продукции, способной выдерживать высокие нагрузки.

Название фирменного магазина нижнего белья и купальников «Milavitsa» (от бел. *мілавіца* ‘миловидная девушка, красавица’) отсылает к одноимённому доброму духу-покровителю пастухов из фольклора лужицких сербов. Милавицу часто описывали

как красивую молодую девушку в белых или светлых одеждах с кротким характером, защитницу домашних животных. Здесь мифоним призван не описать реализуемую продукцию, а создать вокруг товара комплекс ассоциаций, связанных с эстетикой, изяществом и славянским культурным колоритом. Таким образом, мифоним формирует у покупателей установку на приобретение не просто товара, а атрибута уверенности, красоты и подчеркнутой женственности.

Мифоним *молодильное яблочко* (волшебный предмет из русских сказок, дарующий молодость и красоту) представляется идеальным названием для одноимённого салона красоты, поскольку вызывает прямую ассоциацию с исполнением самого заветного желания любой женщины – становиться с каждым днём всё прекраснее, здоровее, моложе и красивее. Такой эмпороним создаёт волшебный, сказочный образ коммерческого объекта, обещающая не просто косметические услуги, а поистине магическое преображение клиента.

Название салона красоты «*Киото*» отсылает к символике Киото – древней столицы Японии, центра традиционной культуры, эстетики, церемоний. Таким образом, владельцы позиционируют своё заведение как место, в котором царит восточная эстетика, используются уникальные методики, благодаря которым клиент сможет не только обрести красоту, но и восстановить внутренний баланс, вернуть утраченную гармонию и уверенность.

Помимо мифонимов, в качестве основы эмпоронимов нередко используется мифопоэтических образов (например, в названиях магазинов белорусской одежды «*Калінка*» (ул. Интернациональная, 13), одежды и постельных принадлежностей белорусского производства «*Купалинка*» (ул. Интернациональная, 13), а также ресторана белорусской кухни «*Васількі*»). Все эти наименования объединяет метафорическая взаимосвязь с белорусской культурой: это и язык наименований, и их мощная символическая составляющая.

Так, с мифопоэтическим образом калины связаны представления о любви, жертвенности (цвет ягод, напоминающий капли крови), а также славянской культуре. Цель такого наименования – подчеркнуть белорусское происхождение реализуемой продукции, тем самым гарантируя её качество и красоту.

Эмпороним «*Купалинка*» отсылает к известной белорусской народной песне «*Купалінка, купалінка, цёмная ночка...*», а также к древнему славянскому празднику Купалья, тем самым, как и в предыдущем примере, делая акцент на том, что реализуется продукция отечественного производства, выполненная с любовью и заботой о покупателе.

Мифопоэтический образ цветка василька, заложенный в названии ресторана белорусской кухни «*Васількі*» – это важный славянский символ, который призван передать представления белорусов о чистоте, жизненной силе, магической защите и стойкости, устойчивой связи человека с природой. Тем самым владельцы используют такое наименование как для выражения связи именно с белорусской кухней, так и в качестве мощного оберега, который принесёт удачу и коммерческий успех их заведению.

Таким образом, модель «**мифоним/мифопоэтический образ = эмпороним**» представляет собой эффективный механизм смыслопорождения в городской коммерческой среде. Классификация эмпоронимов Гомеля по мифологическим системам (античная, славянская, восточная) подтверждает разнообразие привлекаемых культурных кодов. Данная модель номинации служит не только прагматическим целям (указание на ассортимент через мифонимы «*Ариадна*», «*Гефест*», «*Водяной*»), но и реализует суггестивную стратегию, апеллируя к подсознанию потребителя. Через связь с архетипическими образами («*ATLANT*», «*Milavitsa*», «*Молодильное яблочко*») транслируется посыл о надёжности, красоте и изобилии, а название приобретает символическую функцию оберега, обеспечивающего коммерческий успех. Эмпоронимы-мифонимы, таким образом, выступают активными агентами формирования мифологизированного ономастического пространства современного города.

Список использованных источников

1. Шмелёва, Т. В. Язык города. Наименования магазинов / Т. В. Шмелёва. – Красноярск : Красноярск. ун-т, 1989. – 40 с.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://clck.ru/3Pof2v>. – Дата доступа : 15.10.2025.
3. Relax.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://clck.ru/3Pof4D>. – Дата доступа : 15.10.2025.
4. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / Сост. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев ; Российская академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Режим доступа : https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. – Дата доступа : 15.10.2025.

Abstract. This article examines mythonyms and mythological images in the names of retail establishments in Gomel. The author classifies the mythological systems to which the analyzed emporonyms belong. The relationship between the mythological representations embedded in the names, the product range, and the profile of the establishments is revealed. The specific implementation and frequency of this nomination model in the urban commercial environment are determined.

Keywords: mythonyms, mythopoetic images, emporonyms, Gomel.

УДК 81'373.23:398.6(=512.111)

В. Э. Лукьянова

Научный руководитель – О. А. Димитриева,
канд. филол. наук, доцент

ТЕРМИН РОДСТВА МАТЬ/АННЕ В РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ ЗАГАДКАХ

Аннотация. В данной статье проанализированы русские и чувашские загадки, содержащие термин родства *мать/анне*, представлена классификация загадок на основе общности значений, выявлены некоторые особенности кодирования объекта действительности.

Ключевые слова: русская загадка, чувашская загадка, термин родства, мать, лингвокультура.

Из определения словаря литературоведческих терминов следует, что загадка – это «вид устного творчества; замысловатое иносказательное описание предмета или явления, предлагаемое как вопрос для отгадывания; задается с целью испытать сообразительность, развивает способность к поэтической выдумке» [1, с. 85]. М. Л. Ковшова в своей статье дает следующее определение понятию «загадка»: «короткий игровой текст, в котором дано иносказательное усложненное описание одного объекта посредством уподобления другому на основании их отдаленного сходства» [2, с. 115]. Загадки представляют собой короткие метафорические произведения, требующие отгадывания. Они открывают поэтическую сторону обычных для нас вещей и явлений и воспроизводят модель мира.

Чуваши загадки называют по-разному: *кёске юмах* (короткая сказка), *тупмалли юмах* (сказка для отгадывания), *сутмалли/шутмалли юмах* (сказка для размышления), где *шут* – мысль. Такое разнообразие терминов, по замечанию Н. Р. Романова, объясняется тем, что до определенного времени загадки не составляли отдельного вида устного народного творчества, «в древние времена сказки и загадки не различались» между собой [3, с. 142]. Со временем, отмечает исследователь, когда между загадками и сказками стали обозначаться четкие границы (они стали различаться и формой, и содержанием), обыкновенные сказки стали называть *юмах*, а загадки – *кёске юмах* [3, с. 142].

В качестве основы исследования используется методика, предложенная в работе, посвященной чувашским загадкам с антропонимами и соматизмами [4]. Обратимся к чувашским загадкам, содержащим термин родства *мать/анне*. Во многих загадках термин родства образно воплощает деревенскую печь:

А. Анне = кăмака (*мать = печка*): существительное *анне* употребляется в притяжательной форме третьего лица *амăйшĕ*, т. е. буквально *чья-то мать*:

1. **Амăйшĕ** (= *печь*) *сарăлса ларать, хĕрĕ (дочь = огонь) сиксе таишлать, ывăлĕ (сын = дым) килтен тухса тарать* (Кăмака, *вут, тĕтĕм*) [5, с. 80] (досл. *Мать широко сидит, дочь вприпрыжку танцует, сын из дома сбегает* (*Печь, огонь/пламя, дым*)) (Здесь и далее перевод дается наш. – В. Л.).

2. **Амăйшĕ** (*мать = печь*) *яклашка, хĕрĕ (дочь = огонь) хĕрлешке, ачи-пăчи (дети = дым) кăтрашка* (Кăмака, *вут, тĕтĕм*) [5, с. 80] (досл. *Мать полная, дочь красноватая, детишки кудрявые* (*Печь, пламя, дым*))).

3. **Амăйшĕ** (*мать = печь*) *тула тухиччен ывăлĕ (сын = дым) Мускава ситет* (Кăмака-*каран тĕтĕм тухни*) [5, с. 82] (досл. *Пока мать на улицу выйдет сын уже до Москвы доберется/до Москвы успеет доехать* (*Дым из печи*)).

В представленных выше загадках печка сравнивается с матерью. Как и в русской избе, чувашская печка всегда находилась в центре избы и была самым главным элементом дома. Печка согревала, дарила тепло, на ней готовилась еда на всю семью. Так и мать занимает огромное место в жизни человека, и поэтому такое сравнение бесспорно.

Б. Аннĕн тум-тирĕ = кăмака/купăста (*одежда матери = печка/капуста*):

1. **Амăйшиĕн** *алă саплăк, хĕрийĕн хĕрĕх саплăк* (Кăмака) [5, с. 79] (досл. *У матери пятьдесят заплат, у дочери сорок заплат* (*Печь*))).

2. **Амăйшиĕн** *алă, хĕрĕн хĕрĕх* (Кăмака, *вучах*) [5, с. 80] (досл. *У матери пятьдесят, у дочери сорок* (*Печь, огонь/пламя*))).

3. **Амăйшиĕн** *алă саплăк, хĕрĕн хĕрĕх саплăк* (Купăста) [5, с. 98] (досл. *У матери пятьдесят заплат, у дочери сорок заплат* (*Капуста*))).

Данная группа загадок посвящена внешнему виду печки или форме овоща.

В. Атте-анне = капан, ачи = кĕлте (*родители = копна, дети = снопы*). По-чувашски родители дословно переводятся *папа-мама, отец-мать*:

Ашиĕнчен-амăйшиĕнчен *малтан ачи суралать* (Капанна *кĕлте*) [5, с. 70] (досл. *Раньше отца с матерью/родителей ребенок появляется/родится* (*Копна/стог и снопы*)); **Ашиĕнчен, амăйшиĕнчен** *малта ачи-пăчи суралать* (Капанна *кĕлте*) [5, с. 70] (досл. *Раньше отца, раньше матери дите родится* (*Копна/стог и снопы*))).

Нарушение порядка – сначала родители, затем дети – становится подсказкой: сначала собираются небольшие по размеру снопы, которые и формируют стог.

Г. Анне = тырă (*мать = зерно*):

1. **Амăйшине** *вĕлертĕм, ачипчине уĕстертĕм* (Тырă *акни*) [6, с. 68] (досл. *Мать погубил, деток вырастил* (*Посев зерна*)).

2. **Амăйшине** *хĕрхенмесĕр сĕрĕ чикен, сĕр кунтан ачи-пăчине пуĕтарса илен* (Тырă *акни*) [7, с. 68] (досл. *Мать без сожалений в землю опустишь, отсюда сто деток соберешь* (*Посев зерна*)).

В данных загадках отражено евангельское представление: *Если пшеничное зерно, падиши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода*.

Термин родства *мать/анне* появляется в загадках о природных явлениях:

Ашиĕ-пĕлĕт, амăйшĕ-сĕр, хĕрĕ-кам? (Сăкăр) [6, с. 11] (досл. *Отец-небо, мать-земля, дочь – кто?* (*Хлеб*)); **Анне** *кĕсел пĕсерчĕ – атте сисе пĕтерчĕ* (Сумăр, *сĕр, ывăйс-курак*) [6, с. 40] (досл. *Мать кисель сварила, отец всё съел* (*Дождь, земля, растения*))).

В чувашских загадках термин родства *мать* употребляется в сочетании с другими терминами родства (*сын, дочь, дети*) или в составе сложного существительного *родители*. При помощи этого слова кодируются как детали быта, так и природный мир.

Классификация русских загадок с термином родства *мать*.

А. Мать = печка: *Мать толста, дочь красна, сын храбер, в/под небеса попер/упер (Печь, огонь, дым) [7, с. 321]; Мать толста, дочь красна, а сын улетел/поднялся под небеса (Печь, огонь, дым) [8, с. 86]; Материн ящик не поднять, братова коня не пой-мать, сестрино портно не перерезать (Печь, ветер, дорога) [7, с. 117].* В русских загадках перечень терминов родства расширяется, появляются *брат* и *сестра*.

Б. Мать = вода/река: *Мать (= река) детей сосет. Река (т. е. река и впадающие в нее ручейки) [8, с. 55]; Два брата (= берега) через мать (= река) друг друга глядят (Берега реки) [7, с. 156].* В загадках о соли: *На воде родился, на огне крестился, мать увидал – сам умер (Соль) [7, с. 162].*

В. Мать = земля: *Тысяча братьев одним поясом подпоясаны, на мать поставлены (Сноп) [7, с. 29]; Друг другу мы брат, связаны в одну прядь, людьми поставлены на мать, у которой родились, поились и кормились (Сноп) [7, с. 446].*

Г. Мать = ладонь: *Мать – лопотунья, дочери – хвастуны, сын – заплетай (Ладонь, метлы, вилы) [7, с. 166]; Мать – оладейка, дочери – помааунчики, сыновья – хвастоны (Ладонь, метлы, вилы) [7, с. 166].*

Таким образом, можно заметить, что некоторые русские и чувашские загадки похожи и по содержанию, и по формулировке, например, загадки про печку (заимствование). Отгадками на приведенные загадки стали предметы и явления окружающей действительности. Загадки хранят в себе историю, отражают особенности существования народа, его быта.

Список использованных источников

1. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. : Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
2. Ковшова, М. Л. Термины родства в русских пословицах, загадках и фразеологизмах : лингвистический и когнитивно-культурологический анализ / М. Л. Ковшова // LI Междунар. науч. филолог. конф. им. Людмилы Алексеевны Вербицкой, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 г. : избранные доклады / Филолог. факультет; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : СПбГУ, 2025. – С. 110–137.
3. Романов, Н. Р. О чувашских загадках / Н. Р. Романов // Ученые записки : сб. работ / Чуваш. науч.-исслед. ин-т яз., лит., ист. и экономики. – Вып. XXI. – Чебоксары : Чувашское изд-во, 1962. – С. 142–154.
4. Денисова, Т. В. Антропонимы и соматизмы в русских и чувашских загадках : пересечение кодов культуры / Т. В. Денисова, О. А. Димитриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 6. – С. 2570–2576.
5. Чăваш халăх пултарулахĕ. Тупмалли юмахсем. Иккĕмĕш кĕнеке / пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене сыракенĕ Е. В. Федорова. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2016. – 398 с.
6. Чăваш халăх пултарулахĕ. Тупмалли юмахсем. Пĕрремĕш кĕнеке / ăслăлăх редакторĕ, пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене сыракенĕ Е. В. Федорова. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2015. – 446 с.
7. Рыбникова, М. А. Загадки / М. А. Рыбникова. – М.–Л. : АСАДЕМІА, 1932. – 488 с.
8. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1978. – 181 с.

Abstract. This article analyzes Russian and Chuvash riddles containing the kinship term “mother”, presents a classification of riddles based on the commonality of their meanings, and identifies some features of encoding the object of reality.

Keywords: Russian riddle, Chuvash riddle, kinship term, mother, linguoculture.

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ ЗООМОРФИЗМА *ОРЕЛ*
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)**

Аннотация. В данной статье представлена попытка выявить ценностные и оценочные смыслы, заложенные автором художественного текста в зооморфную единицу *орел*. Раскрываются основные теоретические положения объяснения природы зооморфизмов и их исследовательский потенциал в аспекте лингвистической аксиологии в рамках антропоморфного и зооморфного подходов.

Ключевые слова: аксиолингвистика, зооморфизм, оценочная лексика, культурная коннотация.

Люди с давних времен наблюдали за животными, пытаясь найти у них схожие и отличительные черты с человеком (особенности поведения, внешности, характера, силы, интеллектуального развития). Их образы являлись одним из способов выражения представлений человека в природе и его проявления в ней. Это привело к тому, что люди стали «очеловечивать» животных и, наоборот, «присваивать» их особенности людям.

Образы животных закрепились в культурном сознании и стали отражением народного представления об окружающем мире. В лингвистике данное явление называют зооморфизмом, а для обозначения слов такого рода используются термины фауноним, зоометафора, зоовокатив, зооморфизм и т. д.

Зооморфизм – это «перенесение человеческих свойств на животных, имена которых впоследствии используются для обозначения и характеристики людей» [1, с. 12].

Кроме наблюдения, народные представления о животных формировались также в результате фольклорных и книжных знаний, которые могли расходиться в оценке. Исследователи считают, что довольно трудно определить, каким образом появилась традиция соотношения качеств человека с теми или иными свойствами животного, при этом развитие литературы активно способствовало созданию подобных метафор и символов. Например, в басне Федра «Муравей и муха» раскрывается неизменное противостояние честного труда и позорной праздности, которое гораздо ранее складывалось в народных сказках. Образ муравья распространился в разных языках, что сегодня подтверждают лингвистические свидетельства.

Однако главные источники зооморфизмов с течением времени остаются прежними: «непосредственные наблюдения за представителями фауны в процессе взаимодействия человека с животным миром, книжные знания и фольклор представляют тех «трех китов», на базе которых сформировался зооморфный код» [1, с. 14].

Несмотря на то, что зооморфизмы проявляются как средства выражения, характеризующие человека через сходство с животными в манере поведения и по физическим качествам, они также могут служить и эффективным коммуникативным инструментом. Зооморфизмы, созданные путем метафоризации, способствуют выражению эмоций, чувств и реакций людей.

Г. А. Вильданова и Е. А. Кидасова считают, что зооморфизмы «легко подвергаются анализу, фокусируют внимание на актуальных категориях и понятиях, обогащают коммуникацию, облегчают понимание и обмен мнениями» [2, с. 140]. Являясь одним из видов оценочно-экспрессивной лексики, данные единицы относятся к прагматически маркированной лексике, реализуя такие важные для общения функции, как оценочная и воздействующая. По мнению С. В. Свионтковской, будучи частью оценочной лексики любого языка, зооморфизмы «отражают особенности развития систем ценностей, значимых для определенного национально-культурного коллектива» [3, с. 3].

Многим известны такие соотношения, как «лиса – хитрость», «баран – упрямство», «заяц – трусость» и др. Отметим, что зооморфизмы часто активно функционируют в речи: *Хитрая такая, лиса с высшим образованием...; Я с первых дней понял, что он за жук!; На самом деле, просто уперся, баран бараном...; ...падал и вскакивал, бежал пу- тано, словно заяц...* [4]

С точки зрения многих ученых, зооморфизмы – это класс языковых единиц, кото- рый реализует перенесение названия животных на людей с оценочной характеризующей функцией [5, с. 31]. Таким образом, зооморфизмы являются инструментом для метафор- ичного изображения представлений об окружающем нас мире. Основу для сравнений составляют поступки, поведение и внешний вид животных, которые поддаются разным оценкам со стороны этических, моральных, культурных и социальных шаблонов обще- ства. В результате описания этих оценок проявляются такие качества, как доброта, изво- ротливость, коварство, верность, жестокость или преданность, выступающие отображе- нием национальной культуры.

Стоит также отметить, что многие исследователи выделяют два подхода к характе- ризации зооморфизмов. Это связано с тем, что существуют «две тенденции, которые про- являются и в современных культурных практиках, – это антропоморфизм (наделение че- ловеческими свойствами животных) и зооморфизм (наделение людей свойствами живот- ных)» [6, с. 61], например: *Председатель месткома – хитрая лиса – оказывался милаш- кой, если хлопотал за ее комнату...; Как притаившаяся кошка, она сидела, прелестная, но отдельная* [4]. Природа этих подходов различна тем, что в случае антропоморфизма человеку удобней и проще сделать мир подобным ему, а в случае зооморфизма – посмот- реть на окружающий мир человека с другой точки зрения. Зооморфные единицы до сих пор не утратили в языке свою роль эмоционально-оценочных средств и обладают, на наш взгляд, серьезным исследовательским потенциалом в аспекте лингвоаксиологии.

Для того чтобы дать характеристику зооморфизмам как классу эмоционально-экс- прессивной лексики и описать их трансформацию через компоненты лингвоаксиологии, мы считаем целесообразным провести анализ зооморфной единицы на основе специ- ально разработанной процедуры.

В качестве языкового материала были использованы художественные тексты, раз- мещенные в Национальном корпусе русского языка [4].

Цель анализа заключается в следующем:

- а) объяснить использование зооморфизма в художественном тексте, опираясь на ти- пологию эмоционально-экспрессивной лексики;
- б) описать ценностные и оценочные смыслы, заложенные автором в зооморф- ную единицу.

Для достижения заявленной цели предлагается следующая процедура анализа:

1. Рассмотреть контекст, предположительно содержащий зооморфизм, образован- ный с помощью метафорического переноса человеческих качеств на животных или зо- оморфных свойств на человека, и выделить единицу анализа.
2. Определить, к какой группе зооморфизмов относится данная единица.
3. Охарактеризовать зооморфизм как класс эмоционально-экспрессивной лексики, опираясь на контекст.
4. Выявить ценностный и оценочный смыслы, заложенные автором в данную язы- ковую единицу.
5. Сделать вывод по проведенному анализу.

– *Будь он проклят! Гавриил Степанович! – Орел! – воскликнул Бомбардов, сверкая вос- паленными глазами. – И ведь какой тихий и все о душе говорит!.. – Заблуждение, бред, че- пуха, отсутствие наблюдательности! – вскрикивал Бомбардов, глаза его пылали, пылала папираса, дым валил у него из ноздрей. – Орел, кондор. Он на скале сидит, видит на сорок километров кругом* (Булгаков М. А. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)).

1. Выделенная в тексте единица **орел** является зооморфизмом, так как представляет собой метафорический перенос зооморфных свойств на человека. Мы предлагаем рассматривать эту единицу в качестве сравнения повадки животного с поведением (невербальным) человека и наделяния животного человеческими чертами характера.

2. Зооморфизм **орел** в данном контексте используется говорящим с целью передать поведение героя, которое в его представлении схоже с повадками животного, которому свойственно *сидеть на скале и видеть на сорок километров кругом*. Мы предполагаем, что говорящий имел в виду, что герой (несмотря на оказанное первое впечатление) оказался дальновидным и хитрым, чем вызвал неодобрение. Такая реакция обусловлена тем, что говорящий не ожидал определенных действий со стороны героя, который не оправдал его ожиданий (*И ведь какой тихий и все о душе говорит!..*). В контексте мы можем выделить метафорический перенос не только повадок животного, но и определенных черт характера человека, которыми наделяется нейтрально окрашенное слово **орел**. Исходя из этого, по классификации К. К. Тона, данная характеристика зооморфизма относит его к двум группам: социально-коммуникативных свойства и морально-эстетические качества [7, с. 18].

3. Зооморфизм **орел** является нейтрально окрашенным словом, однако в данном контексте приобретает эмоционально-оценочную окраску. Мы считаем, что он относится к эмоционально-оценочной лексике, так как говорящий выражает свою субъективную оценку поведения и качеств объекта, вызывающее у него определенные чувства и эмоции. Исходя из сводной классификации, эта единица относится к группе слов, в значении которых выражаются чувства и лексическая оценка объекта с точки зрения говорящего.

4. Мы предлагаем рассмотрение оценочного и ценностного смысла зооморфизма по классификации Ю. А. Фоминой [8, с. 157]. Во-первых, зооморфизм **орел** имеет отрицательную коннотацию (несвойственную русской культуре), так как говорящий достаточно негативно относится к объекту речи: *Будь он проклят!* Во-вторых, зооморфизм окрашивается дальнейшим описанием эмоций и ощущений говорящего: *Заблуждение, <...> отсутствие наблюдательности!* Контекстуальные синонимы усиливают возмущение говорящего, не сумевшего распознать *настоящую натуру* объекта речи и предугадать его действия. В-третьих, в зооморфизме **орел** выражается оценочный оттенок, который представлен в частооценочных словах, описывающих состояние говорящего: *бред, чепуха*. Эта оценка усиливается метафорическим сравнением действий говорящего и горения папиросы: *глаза его пылали, пылала папирота, дым валил у него из ноздрей*. Напряженное и нестабильное поведение по отношению к объекту речи также прослеживается через глаголы *воскликнул* и *вскрикивал*. Говорящий выражает свои ощущения относительно объекта речи (сенсорная оценка), которые вкладываются им в зооморфизм **орел** и понимаются благодаря контексту.

5. Зооморфизм **орел** представляет собой метафорический перенос свойств животного на коммуникативные черты человека и человеческих качеств на животного, относится к двум зооморфным группам: социально-коммуникативных свойств и морально-эстетических качеств. Данный зооморфизм, являясь также единицей эмоционально-экспрессивной лексики, относится к группе слов, выражающих чувства и оценку говорящего. В данном контексте зооморфная единица, используемая говорящим, наделяется сенсорной и отрицательной оценкой.

Стоит отметить, что вне контекста лексема **орел** является нейтрально окрашенным словом, однако в контексте приобретает коннотативные свойства, в том числе и несвойственную русской культуре отрицательную коннотацию. Таким образом, благодаря проведенному анализу, мы смогли охарактеризовать зооморфную единицу, описать ее аксиологический потенциал и объяснить особенности ее использования в художественном тексте, опираясь на типологию эмоционально-экспрессивной лексики.

Список использованных источников

1. Рубанова, Е. В. Зоометафора в сленге : монография / Е. В. Рубанова. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2009. – 154 с.
2. Вильданова, Г. А. Зооморфные пейоративы и эвфемизмы в гендерном дискурсе : психолингвистический аспект / Г. А. Вильданова, Е. А. Кудисова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2016. – № 2. – С. 139–143.
3. Свионтковская, С. В. О прагматическом потенциале зооморфизмов в художественном тексте / С. В. Свионтковская // Лингвистические категории в синхронии и диахронии : Межвуз. сб. науч. тр. / Пятигор. гос. лингвист. ун-т ; редкол. : П. И. Шлейвис (отв. ред.) и др. – Пятигорск : Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 1996. – С. 121–125
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 26.10.2025.
5. Хефни, Х.А.Х. Зооморфизмы в языковой картине мира (на фоне арабского языка) : дис. ... магистра : 5.9.5 / Х.А.Х. Хефни ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2022. – 346 с.
6. Болгова, Е. В. Образ человека в зооморфной картине мира : языковые проявления антропоморфизма vs зооморфизма / Е. В. Болгова // Человек. Культура. Образование. – 2021. – № 2. – С. 59 – 68.
7. Тон, К. К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка (на материале произведений А. П. Чехова и М. Зощенко) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. К. Тон ; Воронежск. гос. пед. ун-т. – Воронеж, 1996. – 18 с.
8. Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–160.

Abstract. This article presents an attempt to identify the value and evaluative meanings embedded by the author of the literary text in the zoomorphic unit “eagle”. The main theoretical provisions of the explanation of the nature of zoomorphisms and their research potential in the aspect of linguistic axiology within the framework of anthropomorphic and zoomorphic approaches are revealed.

Keywords: axiolinguistics, zoomorphism, evaluative vocabulary, cultural connotation.

УДК 821.161.1

М. Н. Макарова

Научный руководитель – **В. В. Цуркан**,
канд. филол. наук, доцент

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. ИБСЕНА В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Аннотация. В статье исследуется «ибсенизм» А. Блока, ставший для поэта в соединении с софианством В. Соловьева неотъемлемой частью биографического мифа. Автор анализирует блоковскую трактовку ибсеновских мотивов и образов, рассматривает их влияние на развитие программы младосимволизма, а также философско-эстетических взглядов самого А. Блока.

Ключевые слова: Г. Ибсен, А. Блок, В. Соловьев, Сольвейг, Вечная Женственность, «Встречная».

Творчество Г. Ибсена оказало серьезное влияние на развитие русской культуры. Пьесы норвежского драматурга определили направление эстетических поисков многих художников Серебряного века. Многие, разделяя позицию драматурга по отношению к роли женщины в обществе и пониманию «женственного», интерпретировали данный феномен в согласии с собственными философско-эстетическими взглядами. Первая женщина-поэт, получившая признание в культуре рубежа веков, З. Гиппиус писала: «*Каким мне коснуться словом / Белых одежд Ее? / С каким озареньем новым / Слить Ее бытие?*» [1, с. 266]. Несмотря на то что данное стихотворение написано в 1928 году и для З. Гиппиус было немыслимо «вне

собственного богоискательства» [2, с. 20] отношение к области «вечноженственного», оно для нее оставалось таким же, как и в начале творческого пути: «О, ведомы мне земные / Все твои имена: / Сольвейг, Тереза, Мария / Все они – ты Одна» [1, с. 266].

«Ибсенизм» стал неотъемлемой частью и блоковского биографического мифа, в котором влияние идей норвежского драматурга органично соединилось с учением В. Соловьева. В программной статье «От Ибсена к Стриндбергу» (1912) поэт идентифицировал собственную творческую траекторию с ибсеновской: «Мы шли по следам Ибсена. Имя Ибсена красовалось на нашем знамени, оно красуется на нем и до сих пор. Слава Ибсену! Мы еще по-новому вернемся к нему» [3, т. VIII, с. 142]. Вместе с тем, как и другие поэты-символисты, А. Блок «стремился к созданию сверхискусства, пытаясь прозреть в земной жизни знаки Вечности» [4, с. 201].

К образу Сольвейг, главной героини пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт» (1867), А. Блок обращается в стихотворениях «Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...», «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь...!», «Сын и мать», написанных в 1906 году. В стихотворении «Сын и мать» образ Сольвейг соединяет девственность и тепло материнского чувства. Стихотворение отсылает к двум знаковым сценам ибсеновской пьесы: к эпизоду, когда Осе умирает на руках сына, и к концу последнего действия, когда Пер Гюнт возвращается к Сольвейг, засыпая или умирая на её руках.

В пьесе Г. Ибсена Сольвейг – деревенская девушка, воплощение нежности, заботы и верности, ушедшая из семьи за отвергнутым всеми Пером Гюнтом. Этимология ее имени восходит к скандинавским словам *sol* – ‘солнце’, *veig* – ‘сила; мощь’. Последняя часть имени в некоторых диалектах трактуется как ‘путь; дорога’. «Чистойшей из женщин!», – характеризует ее Пер Гюнт [5, с. 5]. Семантику надежды и света, связанную с героиней, Г. Ибсен акцентирует в солярной метафоре: «Сольвейг! Ты золото, ты солнышко моё!» [5, с. 3].

Согласно философско-эстетическим взглядам младосимволистов, реализовывавших на практике соловьевский миф о синтезе поэтического мифотворчества и теургии, Прекрасная Дама, Вечная Женственность также была названа «Женой, облеченной в Солнце». А. Белый в работе «Апокалипсис в русской поэзии» писал: «Она уже среди нас, с нами, воплощенная, живая, близкая – эта узанная наконец муза Русской Поэзии, оказавшаяся Солнцем, борьба за которую будет делом всей нашей жизни» [6, с. 488].

А. Блок написал два стихотворения о Сольвейг – в феврале и декабре 1906 года. Стихотворения отличаются по звучанию. Первое, «Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне, / Улыбнулась пришедшей весне! (1906), характеризуется повышенной эмоциональностью, динамичностью сюжета. Солярный образ героини выражает в первом стихотворении идею универсальной связи явлений мира, идею жизнестроения, всеведения, бессмертия» [7, с. 98]. Сольвейг вторгается в скучную жизнь героя-лесоруба: «Жил я в бедной и темной избушке моей / Много дней, меж камней, без огней» [3, т. II, с. 74]. Она – лучезарная девушка, «невеста-весна», чье появление вдохновляет на подвиг, зовет к единению с лазурным небом. Она и «Муза», чьи веселые, зеленые, блестящие глаза в сочетании со звонким голосом становятся символом духовного обновления и героя, и окружающей его природы.

Второе стихотворение «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь...!», созданное через десять месяцев, не столь однозначно. Героиня явлена в двух ипостасях: демонической «старухи-совы», чьи «зеленые злые глаза» видятся в «темных провалах», и в образе Вечной невесты, – только внешне состарившаяся с годами. У Г. Ибсена в ремарке к пьесе «Пер Гюнт» появление Сольвейг сопровождается восходом солнца. В лесной хижине она озарена «солнечным сиянием» [5, с. 5]. У А. Блока, в отличие от первоисточника, акцент переносится на вектор движения. Мотив пути «Жены, облеченной в Солнце» обозначен в образе «ослепительного плаща на лету», который символизирует «путь <...> в высоту» [3, т. II, с. 90] и вовлекает в движение лирического героя. Цвет глаз Сольвейг и

в первом, и во втором стихотворении связан с образом Скандинавии. На это обращает внимание М. Н. Раудар, соотнесший «*зеленые глаза*» с «*зелеными кудрями*» «*скандинавских владык*» в поэме А. Блока «Ночная Фиалка» [8, с. 189].

Разгул «антитезы» в творчестве А. Блока, по словам З. Минц, был ознаменован «утратой сакрального идеала» [9, с. 526]. В статье «О современном состоянии русского символизма» поэт вопрошал: «Отчего померк золотой меч, хлынули и смешались с этим миром лилово-синие миры, произведя хаос, соделав из жизни искусство, выслав синий призрак из недр своих и опустошив им душу? Произошло вот что: были «пророками», пожелали стать «поэтами»» [3, т. VIII, с. 129]. Эти настроения не могли не отразиться на интерпретации ибсеновских мотивов и образов.

В стихотворении «Встречной» (1908), называя себя «потомком северного скальда», А. Блок обыгрывает клише «роковой встречи», снижая происходящее до уровня светской пошлости. Ирония становится ключевым приемом, разоблачающим поведение всех участников происходящего: и облеченную в «*обманные ризы*» «Встречную», и её мужа, и даже самого лирического героя.

Сюжет «Встречной» лишен признаков мистической предопределенности. Обращение «*Скажи мне, верная жена*» [3, т. III, с. 114] звучит как язвительная насмешка. Образ, воплощавший некогда духовную чистоту и божественную мудрость, подменен двойником, чей «*томный взгляд*», «*лукавство*» и обман, откровенная телесность «*покатых плеч*», «*танца легкий яд...*» [3, т. III, с. 114] обнажают душевную пустоту, полную соблазнов и искушений. Высокое чувство сведено к игре, флирту, лишено тайны. Под стать «Встречной» образ её мужа – карикатурного «*эстета*», с «*шотландским плэдом*» и «*томиком Уайльда*» [3, т. III, с. 114]. Метонимия «*цветной жилет*» пародийно подчеркивает ничтожность этого персонажа.

На первый взгляд, лирический герой должен быть его антиподом. Ведь в скандинавской мифологии скальды были не только поэтами, но и выразителями духа народа. В литературной традиции образ скальда ассоциировался с идеалом рыцарского служения, возвышенных чувств и подлинной искренности. Например, в стихотворении К. Батюшкова «Скальд» (1811) образ скальда определяет высокая гражданственность, патриотизм, вдохновение. Это воин, чьи стихи воодушевляют на подвиги и прославляют героев: «*Воспой нам песнь любви и брани, / О скальд, свидетель древних лет!*» или «*Священных скальдов песнь – награда / Тому, кто в битвах славно пал*» [10, с. 127].

А. Блок намеренно разрушает традиционный образ. Столетие, разделяющее два стихотворения, трансформировало представление о героях. Теперь они не совершают рыцарских подвигов, их поэзия обращена к обыденности, мимолетным впечатлениям. Отвергая «химеры» мужа героини, лирический герой запальчиво провозглашает: «*Сегодня я в тебя влюблен!*» [3, т. III, с. 114], и это «сегодня» ставит под сомнение глубину испытываемого им чувства. Контраст между образом лирического героя, «потомком северного скальда» и «эстетом-мужем» – мнимый.

Таким образом, рецепция мотивов и образов Г. Ибсена имела определяющее значение не только в коррекции философско-эстетической программы русского символизма, но и в развитии блоковского мифа о пути поэта.

Список использованных источников

1. Гиппиус, З. Н. Стихотворения / З. Н. Гиппиус. – СПб. : Академический проект, 1999. – 612 с.
2. Цуркан, В. В. Религиозно-философские мотивы в книге З. Гиппиус «Живые лица» / В. В. Цуркан // Libri Magistri. – 2023. – № 2 (24). – С. 20-29.
3. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. А. Блок ; Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом). – М. : Наука, 1997–2014.

4. Чебешева, П. Е. Рыцарские сюжеты в драме А. Блока «Роза и крест» / П. Е. Чебешева // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов VI Междунар. молод. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 14–15 октября 2020 г. / под ред. С. В. Рудаковой. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2020. – С. 201–204.
5. Ибсен, Г. И. Пер Гюнт / Г. И. Ибсен. – М. : Эксмо. 2024. – 560 с.
6. Белый А. Собрание сочинений. – Т. VIII : Арабески : книга статей ; Луг зеленый : книга статей / А. Белый ; общ. ред., послесл. и коммент. Л. А. Сугай. – М. : Республика; Дмитрий Сечин, 2012. – 589 с.
7. Цуркан, В. В. Концепт «счастье» в прозе А. Битова / В. В. Цуркан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Т. 44. – 2022. – № 1. – С. 97–103.
8. Раудар, М. Н. Север и Скандинавия в лирике А. Блока / М. Н. Раудар // Скандинавский сборник. 27. – Тарту : Тартуский ун-т, 1982. – С. 181–199.
9. Минц, З. Г. Александр Блок / З. Г. Минц // История русской литературы : в 4 т. – Т. 4 : Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / ред. тома : К. Д. Муратова. – Л. : Наука, 1983. – С. 520–548.
10. Батюшков, К. Н. Скальд / К. Н. Батюшков // Полн. собр. стих. – М. ; Л. : Советский писатель, 1964. – 128 с.

Abstract. The article examines the «Ibsenism» of A. Blok, which became an integral part of the biographical myth for the poet in combination with the sophistry of V. Solovyov. The author analyzes Blok's interpretation of Ibsen's motifs and images, examines their influence on the development of the program of Young symbolism, as well as the philosophical and aesthetic views of A. Blok himself.

Keywords: G. Ibsen, A. Blok, V. Solovyov, Solveig, Counter, Eternal Femininity, desacralization.

УДК 82(01+09)

Е. В. Малинкина

Научный руководитель – **С. Ю. Николаева**,
д-р филол. наук, профессор

ОЦЕНОЧНОСТЬ В ИДИОСТИЛЕ МИНИАТЮР ЮРИЯ БОНДАРЕВА

Аннотация. В идиостиле прозаических миниатюр Юрия Бондарева 2013 года издания выявлены выразительные средства оценочности, свойственные художественному методу писателя. Сделан вывод о жанрообразующей роли средств выражения оценки в организации модели мира миниатюр философского содержания.

Ключевые слова: идиостиль, прозаическая миниатюра, оценочность, жанрообразующие средства, субъективированное повествование.

Опора на факты биографии и социальной жизни современной писателю эпохи, безусловно, свидетельствует о тяготении прозаической миниатюры к точности и конкретности, что требует от жанровой структуры глубокой связности средств выражения. Однако внешняя форма имеет под собой внутреннюю основу: это стремление писателя к познанию ценности жизни, ее смысла и смысла всех ее граней в жизни общества и личности, жизни природы человеческой и земной. Такая интенция писателя обуславливает его художественный метод, в котором превалирует оценочность, свойственная поэтическому тексту. Имеется в виду не установка на познание, как в реализме, и не оценка, как в романтизме, а направленность метода на изображение ценности субъективированной. Как отмечает Е. А. Чернявская, «в оценочном сообщении содержится информация о ценностной значимости какого-то объекта для говорящего» [1, с. 215]. Особенности изображения ценности в миниатюре обусловлены выраженностью авторской позиции, как вложенной в образ героя-рассказчика, так и отраженной в художественных средствах изображения, в оценочных высказываниях.

Языковые и образные формы субъективации в идиостиле миниатюры социально-политического контекста. В философских миниатюрах Ю. Бондарева оценочную функцию несут в себе окказионализмы, флористические образы. «Дополнительную субъективность и экспрессивность оценки позволяет передать словообразование» [1, с. 219]. Например, окказионализм *волшебно-льстивые зеркала* в миниатюре «Новый класс?» дает оценку характеру деятельности одного из представителей так называемого нового класса. Эти зеркала не отражают бедность, опустение, нищету – все, что необходимо преодолевать, что требует заботы, профессионального труда во благо. Все это скрыто за спиной «любимца толпы», он не видит насущной необходимости, а только свою улыбку. Его поведению дан образ цветка – нарцисс, что в контексте миниатюры означает ‘самодовольный’.

Поэтические и прозаические средства изображения в идиостиле миниатюры философского содержания. В миниатюре «Всесильная необратимость» мы видим использование художественных средств поэтического текста в изображении цветка. Во-первых, это насыщение предмета динамикой его восприятия: цветок мака до ливня и после ливня. Во-вторых, быстрота перехода от одной картины к другой. Пространство семейного круга – внучка и дедушка в саду – моментально сменяют степи, Украина, Средняя Азия в рассуждении о разном восприятии цветка мака на родине и на чужбине. Утро, сопровождаемое мыслями о Творце и его творении и завершаемое сомнением в правильности выведенной формулы: «смысл жизни в самой жизни». В зыбкости этого сомнения утро плавно переходит в сумерки, где картина природы одушевляется и приобретает угрожающий вид. Создается впечатление, что причиной грозы явилось неправильное отношение к жизни, точнее, зыбкая позиция, присущая скоротечности жизни в ее многообразии. Но мгновенно и неожиданно непогода прерывается картиной нового утра в отражениях берез, купающихся в посветлевших лужах. И вновь картина соединения поколений, внучки и дедушки, в ожидании солнца, очищении неба. И на этом фоне – превращение красоты в уродство: молодой гордый красавец мак превращен в окровавленное сгорбленное нечто, жизнь – в разрушение.

Две антагонистичные картины символизируют созидание и разрушение, которым подобны молодость и старость. Слова *благолепие, гармония* номинируют картину созидания: *зеленое благолепие утра* [2, с. 668]. Образ золотого ожерелья в аллом цветке символизирует молодость, *сотворенную золотыми руками, познавшими тайную суть*. Творец назван *великим архитектором*. Творение закодировано, характеризуется «разновидностью» и «разнокачественностью». Эпитеты *женственно тонкие, невинная хрупкость, юная красота* в описании лепестков коррелируют с эпитетами *тонкая шейка, ласкательным беленькие* волосы в описании девочки.

Представители двух поколений как бы оказываются наедине с Творцом благодаря описанию его Творения и лирическому рассуждению о смысле жизни в субъективированном повествовании рассказчика-дедушки. Утверждение *смысл жизни в самой жизни* дополняется эпитетом *зыбкое*, эта зыбкость показана выражением *переворачивается в душе* и деталями: предзакатное небо еще зеленоватого, утреннего отлива и не ветер, а пока только запах ветра, которому придана функция напоминания о многом. Картина разрушения: сумерки, явление грозы – одушевляется путем свойственной Бондареву военной лексики: тучи угрожающе ходят, гром катится на тяжелых колесах, зеленая трава мрачнеет – но все это за садом, за границей молодости. После грозы чудо жизни – цветок – повержено: ожерелье мака лишено «царственного колдовства», стебель согнут, голова поникла. Яркий образ старости, но это старость неверной мысли, старость сомнения. А сам представитель старшего поколения жив, он рядом с внучкой, с молодостью, которая верит в красоту: *«Будет солнышко, и он снова будет красивым. Правда, правда!..»* [2, с. 670] Можно понимать так, что молодость мудра верой и творит в мыслях красоту, а старость есть зыбкость, которую надо преодолеть, чтобы защитить цветок молодости от разрушения.

Организирующая роль субъективированного повествования рассказчика. Художественные инструменты, свойственные поэзии, в миниатюре «Всесильная необратимость» используются для создания эмоциональной и визуальной выразительности. Это одушевление явлений природы, множество эпитетов, метафоризация образа цветка, обобщение переживаний рассказчика – биографического автора. Однако подробная детализация быстрой смены картин созидания и разрушения в природе, свойственная прозаическому тексту, помогает вместить в малый объем субъективированного повествования философское рассуждение о ценности жизни и связи поколений. «Субъективированное повествование является важным компонентом языковой организации художественного текста, так как оно способно организовывать материал. Автор, стремясь субъективировать повествование, подчиняет единому замыслу всю структуру произведения» [3, с. 22]. В чередовании поэтизированного и философского текста в миниатюре ключевой образ визуализирует философскую проблему. Писатель не дает точного решения проблемы скоротечности жизни, он рисует картину, динамичную во времени, живую, так, что она мотивирует читателя задуматься и самому оценить визуально представленный вопрос и найти ответ.

Оценочная модель мира в миниатюре общественно-исторической тематики. Философской миниатюре образы и метафоры придают эмоциональную насыщенность, ее экспрессивность воздействует на читателя, гиперболизирует оценку. Пример такого антропоморфного оценочного образа – аллигатор; образ изображает жадность власти в миниатюре Ю. Бондарева «Пловцы в мировой истории»: *хищная жадность раскрывает ненасытную пасть аллигатора*. Антропоморфизм используется как элемент сатиры. «Политика репрезентации проецирует на животных все особенности человеческого общества, все типы властных отношений» [4, с. 3]. Аллигатор жадности власти изображен как следствие нищеты духовной в обществе, безразличия *друг к другу, к земле, к небу, к красоте*. Тема миниатюры – значение труда писателя в переломный период истории общества (знак-образ «зигзаг»), когда нищета духовная ведет к безразличию, что, согласно позиции писателя, и дает возможность аллигатору раскрыть пасть. Аллигатору противостоит могучий интеллект ушедших мудрецов. Он живет, действует, влияет на разум. Такое стилистическое решение придает философии образность, динамичность. Картину мира составляет океан истории, персонажами становятся добро и пороки, а героями – пловцы в истории – писатели.

Знаковая система в идиостиле Ю. Бондарева решает художественные задачи замысла: знаку «зигзаг» по метонимическому принципу смежности отводится значение кардинального изменения в социальном явлении [5, с. 104]. В знаке-образе «сумерки» соединяется семантика явления природного и феномена социального, где разум ассоциируется со светом, который переходит в иное состояние, в тьму недопонимания, незнания. Юрий Бондарев поднимает тему периодичности истории, в которой продолжается философия итеративности (закономерности) в историческом ритме (данная в миниатюре «Еще о себе») – угасание и возрождение, «исторические зигзаги». Это эволюционная модель социально-исторического времени в проекции на перцептуальное (субъективное) время – на образ сумерек, символизирующий угасание световых лучей разума. Угасание номинировано знаками антиценностей – невежество и жестокость. Разум возрождается «среди суеты сует» (тавтологическая формула усиливает смысл всего преходящего, вне ценностей вечных) под влиянием «могучего интеллекта» (образ талантов на Руси).

Субъективация образов писателя и литературы лексическими средствами. Образ писателя – «проводник, хорошо понимающий, что народ может быть только тем, на что способен» [2, с. 672] – нарисован в антагонизме с образом факира чувства и мысли (миниатюра «Пловцы в мировой истории»). Такой антагонизм сближает эстетическое с этическим, обращает сущность художественного метода к правдивости изображения того, что в действительности свойственно народу. Оценка труда писателей высока и показана от противного: писатели не факиры, поэтому они хотят знать правду историческую

и сравнивают ее с правдой современной – в таком сравнении рождается оценка «аномалиям общества», наиболее верная, поскольку исходит она из восприятия истории, из книг, литературы о страстях и мужестве, о катаклизмах и людях. «Оценочность зависит от субъективного восприятия рассказчика, позволяет выразить его точку зрения. В связи с этим оценочность можно считать особым приемом языкового выражения субъективации на лексическом уровне» [1, с. 221]. В миниатюре «Реальный вымысел» писатель дает оценку литературе: «борьба, а не терпение, и никак уж не утоление страждущего тщеславия» [2, с. 686]. Литература изображена лексикой революционной: *непрерывное тысячелетнее восстание против лени души человека*. А образу литературы дан статус врача: *литература пишет историю болезни (вернее – заболевания) общества и ищет средства для излечения, не навязывая их* [2, с. 686]. Так и сам образ литературы несет в себе функцию оценивания действительности.

В философских миниатюрах Юрия Бондарева динамика деталей художественного мира является актом оценивания явлений эпохи, в которой живет писатель, вымысел рождается из оценки действительности. Поэтому идиостиль богат окказионализмами, антропоморфизмом, словоформами субъективации повествования. Философской миниатюре в художественном методе писателя соответствуют такие жанрообразующие факторы, как связь авторской позиции и художественной формы, средства изображения социальных проблем в природных явлениях, эстетизация социальных явлений, символизм образа, компенсация повествования системой образов и знаков.

Список использованных источников

1. Клименко, К. В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю. М. Нагибина) / К. В. Клименко // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 215–222.
2. Бондарев, Ю. В. Собрание сочинений : в 6 т. / Ю. В. Бондарев ; сост. В. Степанов. – Т. 6 : Мгновения. – М. : Терра : Книжный клуб Книговек, 2013. – 716 с.
3. Попова, Г. Б. Приемы субъективации в современной русской прозе : явления модификации : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. Б. Попова ; Забайк. гос. гум.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Улан-Удэ, 2012. – 26 с.
4. Шапинская, Е. Н. Образ Животного в текстах культуры / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. – 2017. – № 4. – С. 1–16.
5. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.

Abstract. In the idiostyle of Yuri Bondarev's prose miniatures published in 2013, expressive means of evaluation characteristic of the writer's artistic method have been identified. A conclusion has been drawn about the genre-forming role of means of expression evaluation in organizing the model of the world of philosophical miniature.

Keywords: idiostyle, prosaic miniature, evaluability, genre-forming means, subjectified narrative.

УДК 81'42:796.332:004.738.5

С. А. Маницкова

Научный руководитель – О. В. Ширяева-Ширинг,
д-р филол. наук, доцент

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ДИСКУРСЕ ФУТБОЛЬНЫХ КОММЕНТАТОРОВ

Аннотация. В статье рассматривается феномен жаргонизации и спонтанного словотворчества в речи российских футбольных комментаторов как яркий пример динамических процессов

в современном русском языке. На материале анализа неподготовленной устной речи комментаторов выявляются инновационные словообразовательные модели, механизмы заимствования из интернет-дискурса и приемы языковой игры.

Ключевые слова: специальная лексика, спортивный дискурс, языковая игра, инновационное словообразование, интернет-коммуникация, жаргонизация.

Современная медийная среда характеризуется активной жаргонизацией, затрагивающей речь журналистов, общественных деятелей и в особенности комментаторов. Их устная неподготовленная речь, функционирующая в условиях высокого эмоционального напряжения, представляет собой уникальную лабораторию по генерации новых языковых форм. Футбол, как игра с глобальным охватом аудитории, делает речь комментаторов мощным инструментом воздействия и трансляции языковых инноваций, что обуславливает необходимость системного филологического анализа данного языкового материала.

Настоящее исследование основано на методе сплошной выборки и контекстуального анализа языковых единиц, извлеченных из транскриптов комментариев во время прямых трансляций матчей чемпионатов мира и России (комментаторы Г. В. Черданцев, В. Гусев, представители канала «Матч ТВ» и др.). Применялись методы словообразовательного, семантического и прагматического анализа для изучения инновационных стратегий в условиях спонтанной речи.

Анализ материала позволил выявить несколько ключевых инновационных стратегий, используемых комментаторами для усиления экспрессии и вовлеченности аудитории.

1. Аффиксальное словообразование.

Наиболее продуктивной стратегией является использование суффиксов субъективной оценки, прежде всего увеличительных, для создания ярких, гиперболизированных образов [1, с. 45]. Классическим примером служит окказионализм комментатора Г. В. Черданцева *«Буффонище! Чудовищный Буффонище!»*. Суффикс *-ищ-*, присоединенный к фамилии игрока (Джанлуиджи Буффон), не только передает восхищение его физическими данными и игрой, но и выполняет экспрессивно-оценочную функцию, мгновенно создавая запоминающийся образ.

Эта модель демонстрирует высокий словообразовательный потенциал аффиксов субъективной оценки и их способность к языковой экспансии. От исходного окказионализма комментатор по аналогии строит целый ряд новообразований: *«Объятище! Футболище!»*. Успех этой стратегии подтверждается ее выходом за пределы спортивного дискурса. Слова с суффиксом *-ищ-* как маркер высшей степени качества вошли в разговорную речь и были канонизированы в массовой культуре, например, в рекламном слогане Дмитрия Нагиева: *«Не безлимит, а безлимитище!»*, *«Не сын – сынище»*. Это доказывает, что спонтанные неологизмы из медиадискурса могут становиться продуктивными словообразовательными моделями.

2. Интертекстуальность.

Вторая стратегия связана с использованием прецедентных феноменов и их каламбурного преобразования. Комментатор Виктор Гусев, обыгрывая фамилию игрока Марко Пухоля и устойчивое выражение *Пусть земля будет пухом*, создал остроумный перифраз: *В протоколе он записан как Пухоль, пусть трава ему будет пухом*. Данный прием основан на интертекстуальности и требует от аудитории определенного культурного бэкграунда для декодирования смысла. Успешность этой стратегии связана с созданием комического эффекта и укреплением коммуникативной общности «своих» – тех, кто понимает шутку.

3. Интеграция интернет-дискурса и молодежного сленга.

Третья стратегия отражает активное взаимодействие медиадискурса с языком цифровой среды, что является одним из ключевых процессов рубежа веков [1, с. 201]. Комментаторы целенаправленно используют лексику, характерную для общения в социальных сетях, чтобы говорить на одном языке с молодой аудиторией. Ярким примером является использование жаргона «падонкафф»: *Арбитр жжжет*. Глагол *жжжет* в значении

‘делает что-либо блестяще, провокационно’ [2, с. 45] был заимствован из интернет-сленга и, будучи использованным в эфире, легитимизировал его в более широком медийном пространстве.

К этой же стратегии можно отнести и использование метафор, взятых из цифрового и поп-культурного контекста: *Мяч, словно намазанный джем, проскальзывает...* Сравнение мяча с джемом – это современная, понятная цифровому поколению метафора, которая заменяет более традиционные сравнения.

Проведенный анализ демонстрирует, что дискурс футбольных комментаторов является не пассивным регистром специальной лексики, а активной инновационной средой. В условиях спонтанности и эмоционального напряжения комментаторы применяют комплекс стратегий, таких как аффиксальное словотворчество, для создания экспрессивных гиперболических интертекстуальных игр для усиления комического эффекта и групповой идентификации; интеграцию интернет-сленга для установления контакта с молодой аудиторией и актуализации языка.

Эти стратегии делают речь комментаторов мощным источником языковых инноваций. Рожденные в прямом эфире окказионализмы и речевые находки, благодаря массовому охвату аудитории, быстро проникают в общеупотребительный язык и интернет-коммуникацию, что подтверждает тезис о ведущей роли медиадискурса в динамике современного русского языка. Таким образом, речь спортивных комментаторов представляет собой богатейший материал для изучения живых процессов словообразования и жаргонизации в синхронном срезе.

Список использованных источников

1. Крысин Л. П. Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2019. – 712 с.
2. Словарь языка интернета : лексикон и практики употребления / Под ред. М. А. Кронгауза. – М. : АСТ, 2021. – 320 с.

Abstract. This article examines the phenomenon of jargonization and spontaneous word creation in the speech of Russian football commentators as a striking example of dynamic processes in the modern Russian language. An analysis of the commentators' unprepared oral speech reveals innovative word-formation patterns, mechanisms for borrowing from online discourse, and techniques of language play.

Keywords: specialized vocabulary, sports discourse, language play, innovative word formation, online communication, jargonization.

УДК 811.161.1'271'42|323| (=581)(059)

В. М. Марченя

Научный руководитель – А. А. Аксёникова-Бирюкова,
ст. преподаватель

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ НАЗВАНИЙ ОСЕННИХ СЕЗОНОВ В КИТАЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ

Аннотация. В статье рассматривается происхождение китайского традиционного календаря. Анализируются шесть осенних сезонов, входящих в календарь; рассматриваются их названия, а также значения иероглифов, из которых состоят данные названия. Рассматриваются китайские традиции, связанные с осенними сезонами.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, китайский традиционный календарь, осень, двадцать четыре сезона, этимология.

Древние китайские мудрецы считали, что Вселенная – это упорядоченная и движущаяся система, в которой человек и природа едины, а все взаимосвязано. Двадцать четыре сезона – это система, созданная древними на основе тысячелетий астрономических наблюдений. Она представляет собой описание погодных условий, смены тепла и холода, дождей и росы, инея и снега в течение года, основанное на лунно-солнечном календаре. Двадцать четыре сезона впервые упоминаются в книге 《淮南子·天文训》 [Huáinán zī-tiānwén xùn] «Мудрецы из Хуайнани. Трактат об астрономии» времен династии Западная Хань (202–9 гг. до н. э.). Они представляют собой определенные периоды, обозначающие изменения природных условий [1].

Календарь используется в регионах с большой численностью китайского населения, во многих регионах проживания этнических меньшинств, в Северной Корее, Южной Корее и Вьетнаме [2]. Он связан с некоторыми традиционными праздниками, такими как Праздник Весны (Китайский Новый Год), Праздник середины осени, Праздник Драконьих лодок [1].

Каждый из двадцати четырех сезонов обозначает тот или иной процесс, происходящий как в земледелии, так и в природе. Данные процессы тесно связаны между собой. Благодаря этим двадцати четырем сезонам китайцы с легкостью могут определять сроки сельскохозяйственных работ. Опираясь на сезоны, можно предсказывать будущее. Многие народные поговорки о сезонах и сельском хозяйстве имеют предупредительный характер. 立秋无雨，秋天少雨 [Lìqiū wú yǔ, qiūtiān shǎoyǔ] Начало осени без дождя – вся осень без дождя; 白露无雨，百日无霜 [báilù wú yǔ, bǎi rì wú shuāng] В белую росу нет дождя – сто дней без заморозков; 立秋下雨万物收，处暑下雨万物丢 [Lìqiū xià yǔ wànwù shōu, chùshǔ xià yǔ wànwù diū] В начале осени дождь – всему живому урожай, в конце жары дождь – урожай теряется [1].

Рассмотрим шесть осенних сезонов. Осень ассоциируется с глубокими изменениями в природе: свежим воздухом, осенними ветрами и дождями, а также временем сбора урожая. Это период, когда природа готовится к зимнему покою и в то же время символизирует определенные этапы жизни человека, такие как зрелость и осознание. В соответствии с традиционным китайским сельскохозяйственным календарем осень включает в себя такие периоды, как 立秋 [lìqiū] становление осени; 处暑 [chǔshǔ] прекращение жары; 白露 [báilù] белые росы; 秋分 [qiūfēn] осеннее равноденствие; 寒露 [hánlù] холодные росы; 霜降 [shuāngjiàng] выпадение инея [3]. Таким образом, зима в осенней календарной фазе начинается с выпадения инея.

Первый осенний процесс – 立秋 [lìqiū] становление осени начинается 7–8 августа. Выражение 立秋 [lìqiū] состоит из иероглифов 秋 [qiū] осень и 立 [lì] стоять, возводить, создавать, жить, сейчас. В древних надписях на костях и панцирях черепах иероглиф 立 [lì] представлял собой изображение человека, стоящего прямо, и его начальное значение ‘стоять прямо’. Данный иероглиф символизировал стойкость и ответственность, а также подразумевал создание семьи. В 《易·恒》 [Yì-héng] «И Цзин» разделе «Хэн» сказано: 君子以立不易方。 [Jūnzǐ yǐ lì bù yì fāng] Благородный муж стоит твердо и не меняет свои принципы. Иероглиф 立 [lì] используется в различных словах, таких как 立志 [lìzhì] ставить цели, 立计 [lìjì] принять решение и 立业 [lìyè] основать дело [4].

Хотя в этот период времени погода еще жаркая, температура воздуха постепенно понижается. Временами дует прохладный ветер. В народе так и говорят: 立秋之日凉风至 [lì qiū zhī rì liáng fēng zhì] В день начала осени приходит прохладный ветер. Но это лишь начало постепенного перехода от летнего зноя к осенней прохладе. Осень только готовится к полному вступлению в свои права. В Китае осень рассматривается как благодатное время года, так как она дарит урожай – главный итог всей сельскохозяйственной деятельности человека.

Следующий сезон – 处暑 [chǔshǔ] *конец жары*, который длится с 22–24 августа до 7 сентября и обозначает прекращение жары. Иероглиф 处 [chǔ] *жить, принимать решение*; место связан с понятием жизни и общения, а иероглиф 暑 [shǔ] указывает на *летнюю жару* и состоит из знаков 日 [rì] *солнце* и 者 [zhě] *этот, до конца*. Этот период также символизирует переход от жары к более прохладным дням [4].

Название этого сезона указывает на то, что самый знойный период года подходит к концу. Хотя днем погода стоит жаркая, ночью и ранним утром может быть весьма прохладно. Таким образом, *конец жары* – процесс перехода природы от зрелости к увяданию, наступает период жатвы, созревания фруктов. В народной культуре перед и после 处暑 [chǔshǔ] *конца жары* было принято проводить обряды, посвященные празднованию 中元节 [zhōngyuán jié] *Праздника середины осени*, или *Праздника голодных духов*. В старину с первого дня седьмого месяца начинались обряды открытия *врат духов*, которые продолжались до конца месяца, когда *врата духов* закрывались. В это время проводились ритуалы, направленные на помощь душам усопших, включая установку светильников и запуск фонарей на реках, чтобы привлечь заблудшие души. Основным событием было строительство алтаря для поминовения и установка временных укрытий для духов, а завершением ритуалов служило *закрытие врат духов*. В настоящее время этот сезон является периодом для почитания предков [5, с. 225–237].

Сезон 白露 [báilù] *белые росы* начинается с 8–9 сентября и описывает явление, когда на земле появляются капли росы. Иероглиф 白 [bái], входящий в состав данного выражения, представлял собой свечу со стержнем посередине и пламенем вокруг него. Так как в древнем Китае солнечный свет назывался белым, первоначальное значение иероглифа ‘яркий, ясный, белый’ [4]. Древнейшее символическое значение слова *белый* отражено в китайской философии. В учении о пяти стихиях: 木 [mù] – *дерево*, 火 [huǒ] – *огонь*, 土 [tǔ] – *земля*, 金 [jīn] – *металл*, 水 [shuǐ] – *вода*. Белый цвет соответствовал стихии *металл* и символизировал *запад* и *осень*. На *западе* наступала темнота, царил хаос, и происходила гибель всего живого, что вызывало у людей страх. Иероглиф 露 [lù] имеет значение ‘роса, провозглашать, раскрывать’. В 《五經通義》 [Wǔjīng tōngyì] «Толковании к пяти канонам» сказано: 和气津凝为露。 *Гармоничная ци конденсируется и образуется роса*. Китайский ученый 蔡邕 [Cài yōng] Цай Юн в трактате 《月令》 [Yuè lìng] «Времена года» писал: 露者、陰之液也。 [Lù zhě, yīn zhī yè yě] *Роса – это жидкость инь* [4].

В этот период днем еще достаточно тепло, а разница между дневной и ночной температурами является едва ли не самой большой в году. С каждым днем становится прохладней, особенно ночью и ранним утром. Содержащаяся в воздухе влага конденсируется в виде белой росы на траве и листьях деревьев. В разных районах страны этот сезон проходит по-разному: если на севере уже можно наблюдать белые росы, то в южных краях еще немало благоухающих цветов, стоит бабье лето, которое в Китае называется 秋老虎 [qiūlǎohǔ] *осенним тигром*.

Период 秋分 [qiūfēn] *осеннее равноденствие* начинается с 23–24 сентября и обозначает момент, когда день и ночь становятся равными. Иероглиф 秋 [qiū] указывает на *осень*, а иероглиф 分 [fēn] переводится как *разделять, половина* [4]. Иероглиф 分 [fēn] образован от иероглифа 八 [bā] *восемь*, означающего ‘разделение’ и 刀 [dāo] *нож*, символизирующего разрезание предмета ножом. Основное значение 分 [fēn] – ‘разделить на две части’, что символизирует баланс и гармонию в природе. Этот день является астрономической серединой осени. С началом сезона 秋分 [qiūfēn] *осеннее равноденствие* ночь становится длиннее дня, в природе начинается период преобладания энергии *Инь* над *Ян*. А своего максимума *Инь* достигнет ровно через четверть года, в день зимнего солнцестояния. Затем начнется рост *Ян*, а сила *Инь* будет постепенно понижаться.

21 июня 2018 года Государственный совет КНР выпустил постановление о создании «Китайского крестьянского праздника урожая», который отмечается в день осеннего равноденствия по лунному календарю, начиная с 2018 года [3].

Следующий сезон 寒露 [hánlù] *холодные росы* начинается с 8–9 октября. Иероглиф 露 [lù] *роса*, иероглиф 寒 [hán] *холод* в древних надписях на бронзе изображал 宀 [mián] *дом, крыша дома*, внутри которого находился 人 [rén] *человек*. По бокам от графемы человека располагались четыре символа 艹 [cǎo] *травы*, обозначающие множество, а внизу две горизонтальные черты 二 символизировали 冰 [bīng] *лед*. Холод – это ощущение, которое люди чувствуют, но не видят, поэтому древние использовали вышеперечисленные элементы для создания такого иероглифа: человек, свернувшийся в доме, укрывается травой от холода – что передавало значение сильного мороза. С наступлением сезона 寒露 [hánlù] *холодные росы* погода становится холоднее, все живое в природе понемногу затихает. В древнем китайском трактате 《月令七十二候集解》 [Yuè lìng qīshí'èr hòu jí jiě] «Сборник толкований семидесяти двух сезонов» сказано: 九月节，露气寒冷，将凝结也。 [Jiǔ yuè jié, lù qì hánlěng, jiāng níngjié yě] *Сезон девятого месяца, роса становится холодной и вот-вот замерзнет*. Это означает, что температура воздуха ниже, чем во время белой росы, а роса на земле становится холоднее и вот-вот превратится в иней [4].

寒露 [hánlù] *холодные росы* – сезон самого ярко выраженного перехода от тепла к холоду. В этот период китайцам нравится любоваться осенними листьями, есть кунжут, крабов и пить осенний чай. На севере необходимо завершить посев пшеницы, чтобы избежать потерь урожая, а на юге – вовремя сеять рапс и бобы. В южных регионах могут возникать неблагоприятные погодные условия, которые влияют на сбор урожая и посевы. Поэтому важно следить за прогнозом погоды, чтобы успеть собрать урожай и посеять в солнечные дни.

Период 霜降 [shuāngjiàng] *выпадение инея* начинается с 23–24 октября. Иероглиф 霜 [shuāng] *иней* описывает мелкие частицы льда, образующиеся при замерзании водяного пара, а 降 [jiàng] означает *падение*. Это явление символизирует окончательное наступление холодов и подготовку природы к зимнему периоду [5, с. 231]. Иней как бы завершает формирование вещей. В 《豳风》 [Bīn fēng] одной из глав «Ши цзин» сказано: 九月肃霜。肃，缩

也。霜降而收缩万物。白露凝戾爲霜，然後歲事成。 [Jiǔ yuè sù shuāng. Sù, suō yě. Shuāngjiàng ér shōusuō wànwù. Báilù níng lì wèi shuāng, rán hòu suì shì chéng]. *В девятом месяце сгущается иней. Сгущаться означает сжиматься. С выпадением инея все живое сжимается. Белая роса сгущается и превращается в иней, после чего завершаются дела года* [4]. Первый иней в Китае называют еще *хризантемным*, потому что продолжается сезон любования хризантемами и красной листвой. Иней образуется только в ясные дни, поэтому у древних китайцев была поговорка: 浓霜猛太阳 [Nóng shuāng měng tàiyáng] *Густой иней к жаркому солнцу* [4].

Таким образом, названия осенних сезонов, описанных в традиционном китайском календаре, связаны со значениями иероглифов, из которых они состоят. Названия осенних сезонов описывает природные явления, а также отражают философию, культурные ценности, обычаи китайского народа, сохранившиеся до настоящего времени. В 2016 году китайский сельскохозяйственный календарь был включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [3].

Список использованных источников

1. 彭林. 二十四节气彰显中华文明的独特性与生命力 / 彭林 // 人民论坛 2024年. – 8版. = Пэн Линь. Двадцать четыре сезона демонстрируют уникальность и жизнеспособность китайской цивилизации [Электронный ресурс] / Пэн Линь // Жэньминь луньтань. – 2024. – № 8. – Режим доступа : https://paper.people.com.cn/rmlt/html/2024-01/16/content_26040352.htm. – Дата доступа : 09.10.2025.

2. 曾一平.什么是农历? /曾一平 = Цзэн Ипин. Что такое китайский традиционный календарь? [Электронный ресурс] / Цзэн Ипин. – Режим доступа : <https://www.wenxuecity.com/blog/201807/74307/6725.html>. – Дата доступа : 12.10.2025.

3. Двадцать четыре сезона китайского сельскохозяйственного календаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://anashina.com/dvadcat-chetyre-sezona-kitajskogo-selskoxozyajstvennogo-kalendarya>. – Дата доступа : 08.10.2025.

4. Словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.zdic.net/hans/>. – Дата доступа : 09.10.2025.

5. Агеев, Н. Ю. О шести древних китайских календарях / Н. Ю. Агеев // Общество и государство в Китае : Ученые записки Отдела Китая / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения ; редколл. : А. И. Кобзев и др. – Т. XLII, ч. 3. – М. : Федер. гос. бюджет. учрежд. науки «Ин-т востоковедения Рос. акад. наук», 2012. – С. 225–237.

Abstract. This article examines the origins of the traditional Chinese calendar. It analyzes the six autumn seasons included in the calendar, discussing their names and the meanings of the characters that comprise these names. Traditions associated with the autumn seasons are also presented.

Keywords: linguacultural analysis, Chinese traditional calendar, autumn, twenty-four seasons, etymology.

УДК [811.111+811.112.2]’36

А. А. Мауль

Научный руководитель – **Е. П. Налобина**,
ст. преподаватель

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу пассивных конструкций в современном немецком и английском языках. В ней рассмотрены грамматические и функциональные особенности страдательного залога в обоих языках. Результаты исследования могут способствовать эффективному и верному использованию пассивных конструкций при изучении немецкого и английского языков.

Ключевые слова: грамматика, сравнительный анализ, немецкий язык, английский язык, пассивные конструкции.

В немецком языке страдательный залог (Passiv) позволяет акцентировать внимание на происходящем действии. При этом действующее лицо становится менее значимым [1, с. 3]. В английском языке страдательный залог (Passive Voice) употребляется, когда акцент в предложении смещается с исполнителя на действие или его результат. Это время можно также использовать, когда деятель очевиден из контекста, неизвестен или несущественен [2, с. 4].

В немецком языке пассив образуется при помощи вспомогательного глагола *werden* в соответствующей временной форме и причастия II смыслового глагола. Приведем пример предложения, построенного в Präsens Passiv: *Das Problem wird diskutiert*. Предложение в Perfekt Passiv будет отличаться: *Das Problem ist diskutiert worden* [3, с. 108]. Agel в своей работе разделил пассив на три типа, в зависимости от того, какую семантическую роль играет субъект в предложении: безличный пассив (Unpersönliches Passiv), пассив пациента (Patienpassiv) и пассив реципиента (Rezipientenpassiv) [4, с. 48–49]. Безличный пассив образуется с помощью безличного местоимения *es*, к которому прибавляется вспомогательный глагол *werden* в соответствующей временной форме, также прибавляется Partizip II смыслового глагола. Следует отметить, что местоимение в данном случае выполняет функцию подлежащего и на русский язык не переводится. Если предложение начинается не с местоимения, то оно опускается [1, с. 6]: *Es wurde nichts Verdächtiges gefunden* [5].

Различают пассив состояния (Zustandspassiv) и действия (Vorgangspassiv). Первый образуется с помощью вспомогательного глагола *sein* и Partizip II смыслового глагола. Причастие II переходных глаголов в сочетании с *sein* образует именную часть сказуемого: *An Sonn- und Feiertagen ist die Hotline geschlossen* [5].

Vorgangspassiv строится благодаря использованию вспомогательного глагола *werden* и Partizip II: *Er wird als Beilage extra serviert* [5].

Благодаря приведённым примерам мы можем видеть, что Zustandspassiv обозначает результат, а Vorgangspassiv какой-либо процесс [6, с. 314].

Синонимичная пассиву конструкция с глаголом *gehören* обладает модальным значением необходимости и принуждения. Отметим, что данная структура схожа с пассивными конструкциями с модальными глаголами *müssen*, *sollen*, а также конструкциями с *sein* и *haben*, в которых они выступают в роли вспомогательных глаголов [7, с. 324]: *Die Regel muss beachtet werden* [5]; *Die Schule ist geöffnet* [5].

Что касается английского языка, то пассив здесь образуется при помощи вспомогательного глагола *to be* или *to get* в соответствующем времени, лице, числе и третьей форме смыслового глагола (Participle II). Третья форма по-разному формируется у правильных и неправильных глаголов. Правильные глаголы присоединяют к начальной форме суффикс *-ed*, в то время как неправильные глаголы формируют эту форму не по правилу [2, с. 5]: *The crime was committed late at night* [8]; *The vase got broken while we were moving* [8].

Мы видим на примерах, что *get*-пассив в отличие от *be*-пассива демонстрирует совместимость с рефлексивами, при этом имеет ограничения в распространении и не может участвовать в образовании всех форм [9, с. 15–17]. При этом *be*-пассив не проводит различий между пассивом действия и состояния: *The book is read by many students* [8]; *The report is reviewed by the committed* [8].

Get-пассив, наоборот, имеет более динамическую окраску и может выражать действие: *He got promoted at work* [8].

В своей статье А. Е. Попова выделяет три типа пассивных конструкций. К первому типу относятся конструкции, где глагол требует после себя предлога, за которым следует именная группа, выполняющая роль дополнения. Следует отметить, что в пассивном залоге предлог сохраняет своё место в предложении и стоит после глагола: *The book was given to her by John* [8].

Конструкции второго типа включают в себя глаголы в сочетании с наречием, предлогом и дополнением: *The project was handed over to the time by the manager* [8].

К третьему типу относятся глаголы, которые входят в идиомы [10, с. 196–197]: *The decision was put off until next week* [8].

В английском языке существует такое понятие как «предложенный пассив», его построение возможно только тогда, когда предлог, который в активной форме стоит перед дополнением, в пассивной форме остается после глагола [6, с. 315]: *They arrived at the decision* → *The decision was arrived at*.

В немецком языке подлежащим может выступать только прямое дополнение, а субъект превращается в дополнение с предлогами *von/durch* в пассивной конструкции: *Der Präsidentenpalast war bereits am Samstagvormittag von Demonstranten gestürmt worden* [5]; *Außerdem sei ein geparktes Fahrzeug durch die Hitzeentwicklung beschädigt worden sein* [5].

Стоит отметить, что схожей чертой страдательного залога в обоих языках является то, что он часто используется в текстах научного дискурса и специальных текстах, где важно само действие [3, с. 108; 11, с. 162].

Таким образом, благодаря сравнительному анализу мы выяснили, что пассивные конструкции обоих языков имеют как схожие черты, так и различия. Например, для образования пассива в обоих языках используются вспомогательные глаголы и причастия. Немецкий и английский пассив используется для того, чтобы сместить фокус внимания

с действующего на само действие или его результат. При этом в немецком языке встречается большее количество пассивных форм, чем в английском, но предложенного пассива в немецком языке нет. В обоих языках страдательный залог часто используется в специальной литературе. Эти общие черты и отличия следует учитывать при построении предложений, так как те или иные конструкции влияют на их смысл.

Список использованных источников

1. Барышева, Т. Г. Пассив : методические указания по грамматике немецкого языка для самостоятельной работы студентов I-II курсов всех специальностей / Т. Г. Барышева ; Иван. гос. архит.-строит. ун-т. – Иваново : Иван. гос. архит.-строит. ун-т, 2009. – 16 с.
2. Рыбкина, А. А. Пассивный залог в английском языке : учеб. пособие / А. А. Рыбкина. – Самара : СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2018. – 32 с.
3. Быкова, Л. В. Формы пассивного залога в немецком языке и способы их перевода на русский язык / Л. В. Быкова // Язык и культура. – 2013. № 4. – С. 108-112.
4. Agel, V. Passiv und kein Ende : Rezipientepassiv / V. Agel. – Budapest : Ungarischer Deutschlehrerverband, 1996. – С. 48–62.
5. Wortschatz Leipzig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://corpora.uni-leipzig.de/en>. – Дата доступа : 01.10.2025.
6. Головин, Д. В. Типы пассива в германских языках и их грамматическое выражение / Д. В. Головин // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. № 27. – С. 312-325.
7. Stathi, K. Is German gehören an auxiliar? / K. Stathi // Grammaticalization : Current Views and Issues. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010. – P. 323-342.
8. Glosbe : словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://corpora.uni-leipzig.de/en>. – Дата доступа : 06.10.2025.
9. Alexiadou, A. A note on non-canonical passive / A. Alexiadou // Organizing grammar : Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk. – Berlin/ New York : De Gruyter Mouton, 2005. – P. 13–21.
10. Попова, Е. А. Особенности использования предложенных пассивных конструкций в английском языке / Е. А. Попова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 11 – С. 195- 206.
11. Князева, Н. А. Стилиевой аспект употребления пассива в англоязычном научном тексте / Н. А. Князева // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. № 1. – С. 161-182.

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of passive constructions in modern German and English. It examines the grammatical and functional features of the passive voice in both languages. Similarities and differences in these aspects of the passive voice were also identified. The results of this study can contribute to the effective and correct use of passive constructions when learning German and English.

Keywords: grammar, comparative analysis, German language, English language, passive constructions.

УДК 811.161.1:398.2(470.11)

А. Д. Медведева
Научный руководитель – **Т. С. Садова**,
д-р филол. наук, профессор

ОСЬ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ЛЕГЕНДАРНОМ ДИСКУРСЕ О КОРЕННОМ НАСЕЛЕНИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам выражения культурной оси «свой–чужой» в легендах Архангельской области. Представлен опыт составления ассоциативных полей для уточнения места коренных народов Севера России в языковой картине мира русских. Проведен анализ языковой репрезентации первопоселенцев в сравнении с общими представлениями о «своем» и «чужом».

Ключевые слова: народная легенда, чужой, семантическая оппозиция, ассоциативные поля.

Ценность топонимии для этнолингвистики заключается не только в хранении информации об истории местности и этнических контактах, но и во включенности в языковую и ментальную картину мира народа. Названия, переживая поколения, становятся частью традиционных представлений о языке, мире, и месте человека в нем. Топонимическая легенда – один из способов экспликации этого комплексного «материнского» знания в динамической форме [1, с. 34–35].

Рассказы о местах и их названиях связаны в народной памяти с коренными жителями и раскрывают особенности исчезнувших народностей. В речи информанта рассказ о происхождении названия ведет к воспоминанию об истории и характеристике народов и наоборот: *Вот в Чуласе – чудь называли, так Чуласа речка* (Лешуконский р-н, Олема (2011)). Искусственно тематически разделять топонимические легенды и легенды о коренном населении не представляется продуктивным: название выступает в роли одного из «якорей» для сохранения информации. Так, под легендарным дискурсом в настоящей статье понимается комплекс представлений и текстов об этносах и местности их проживания.

В качестве материала выступили семь легенд Архангельской области в записях архива АНО «Пропповский центр» [2]. Метод ассоциативных полей позволит систематизировать вербальные выражения представлений в кратком виде.

Номинации коренных жителей

чудь: *Здесь местное население чудь называлось* (Мезенский р-н, Козьмогородское (2015)); *Почему названа, вот там чудь жила белоглазая* (Лешуконский р-н, Засулье (2013)).

Одно из основных названий первопоселенцев области не имеет соотнесенности с конкретной этнической группой [3, с. 196]. Отмечая его родственность слову *чужой* и паронимическую аттракцию с *чудо, чудак* [4, с. 560], сложно не сделать вывод об экзотизации народности на базовом номинативном уровне;

чучики: *Есть еще Чучьпала, там их согнали всех и утопили чучиков* (Лешуконский р-н, Олема (2011)).

Форма с суффиксом *-ик* (*мужик, дурик, хачик*) обладает иронично-пренебрежительной коннотацией и маркирует отчужденность от объекта номинации. Этнофолизмы-диминутивы не редкость в разговорной речи русских: *армяшка, неночка, полячок*, что свидетельствует о восприятии чуди как реального народа;

племя: *Жило племя, и новгородцы когда пришли, они вырезали всё.* (Лешуконский р-н, Засулье (2013)); *А это называется место, где сражались угро-финские племена с новгородцами* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)).

Сложно сделать вывод о том, является ли выбор термина *племя* способом подчеркнуть «примитивность» уклада жизни коренных жителей или наиболее точным выражением социально-культурной общности. Новгородцы или русские, однако, никогда не называются племенем и, по представлению информантов, обладают более высоким уровнем развития культуры (о чем далее).

Одной из особенностей поля является синонимичность номинаций и возможность толковать одно с помощью другого: *Чудь – это как бы коми, как её, карелы вот эти вот. Финно-угорские* (Мезенский р-н, Козьмогородское (2015)). Примечательно, что для информанта чудь – это не общность коми и карел, не только коми или только карелы. Судя по строению высказывания и дискурсивным маркерам *как бы* и *вот эти вот, карелы* поясняет и дополняет *коми*, различия между ними несущественны для определения. Говорящий воспринимает этносы как целое и подбирает слово *финно-угорские* как толкующее главное – «нерусскость».

Внешний вид

рост: *Маленькие какие-то людишки жили по речкам.* (Лешуконский р-н, Олема (2011)); *Федосья-то Васильевна, потому что уж больно на эту чудь... высокая, статная...* (Лешуконский р-н, Засулье (2013)); *Всё говорю, говорит: «Они даже в гору-ту зашли-то, <они> ма-аленькие, ну типа как, как ненцы»* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)).

Информанты из одного района описывают указанный параметр противоположно, однако в обоих случаях и «высокий», и «низкий» являются отклонениями от нормы.

цвет глаз: *Голубые белки и светлые глаза* (Лешуконский р-н, Засулье (2013)); *Федосья-то Васильевна, потому что уж больно на эту чудь <...> глаза большие и как молоко, белые такие, как у Людки. И у Сашки такие же, у моего мужа, глаза. А вот здесь, мы потомки новгородцев, и у нас фамилии все новгородские* (Лешуконский р-н, Засулье (2013)).

Неслучайно цвет глаз описывается подробно, так как именно он стал мотивировочным признаком для номинации *чудь белоглазая*. Это качество настолько значимо, что по нему можно определить принадлежность к этнической группе: *Это я своего мужа все звала потомок чуди белоглазой, потому что у них светлые такие глаза и большие, что у него матери*. Отметим размытие границы «свой–чужой» в речи информанток из Засулья. Потенциальные «чужие», Федосья Васильевна, муж Сашка, его мать, воспринимаются как «свои»: возможная опасность приглушена ассимиляцией с русскими. При этом в целом представление о различии продолжает сохраняться, жители Засулья отделяют себя от первопоселенцев и идентифицируют *потомками новгородцев*.

уродства: Е. П.: *Вроде бы как такое племя: и женщины бородатые были, да, и мужчины*. Н. П.: *Да, они, говорит, маленькие ростом, дедушка говорит, были и бородатые, как... наподобие как неночки, ненцы* (Лешуконский р-н, Чучепала (2018)).

Телесные особенности, выходящие за биологические нормы большинства, могут трактоваться как метка принадлежности к иномирию.

Упомянутое ранее единое восприятие «чужих» народностей проявляется в описании сходств с другим соседним этносом. С одной стороны, все «чужие» обретают общие черты, которыми они отличаются от «своих». Заслуживает внимания то, что эти особенности также мыслятся как признаки нечистой силы: необычный рост [5, с. 53] и другие внешние аномалии [4, с. 373–374]. С другой стороны, ненцы и чудь, предположительно, родственные народы, а обороты сравнения маркируют разделение в картине мира говорящего.

Способы ведения хозяйства и добрососедский этикет

Объединение этих двух тем в одно ассоциативное поле может выглядеть неожиданным, однако в рассказах различие быта становится основой для нарушения норм поведения и, как следствие, конфликтов.

место обитания: *Жили в лесу. В землянках* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)); *Там у них сделано это, как нора. <...> там тако <нрзб> пещера.* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)).

Для русских жить в лесу, под землей, т. е. небезопасных пространствах с другими «хозяевами», представляется ненормальным. Чувствовать себя комфортно в ценностном «низу» (оппозиция «верх–низ» в пространстве) может, скорее, нечеловек, что свидетельствует о близости чуди с представителями низшей демонологии и хтоническими существами с точки зрения русских.

нарушение этикета: *А рассорились они, эти... новгородцы-то привезли скот, привезли зерно, ну и вот. И начали осваивать землю-то, да всё. А те подглядывали, да воровали. Они же не умели, да и, не умели, ну в смысле ещё много чего не знали. <...> Зато охотники хорошие были* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)); *И они идут там на поля обрабатывать да сено ставить, скота держали, а бани-то стояли тут, ниже. Дак они дойдут, бани истопят, моются да коров доят да, стали проказничать* (Лешуконский р-н, Усть-Кыма (2017)).

Представление образа жизни первопоселенцев как менее развитого нередко для рассказов колонизаторов. Действия чуди нарушают нормы поведения в обществе между соседями в представлении новгородцев и их потомков, для которых воровство – грех. Обратим внимание на слово *проказничать*, используемое в том числе для описания действий духов (кикимора, домового) или людей, лишенных человеческого облика и действий в обрядовых целях (ряженые на Святки).

Так, во всех ассоциативных полях неизменно проявляются этнокультурные стереотипы, репрезентирующие коренные народы Севера как чужеродные. Отметим, что представления о разнообразных видах «не-своего» пересекаются и накладываются друг на друга, образуя единый комплекс. Демоны, духи-хозяева, инородцы, иноверцы, ряженные и пр. приобретают сходные черты, которые отличаются от этноцентричного стандарта человека, и подобные способы языкового выражения. Безусловно, метод ассоциативных полей позволяет получить обобщенную информацию, что открывает перспективу для сравнения с другим материалом или с результатами других методов.

Список использованных источников

1. Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов ; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 540 с.
2. Архив «Российская повседневность» : электронный архив [Электронный ресурс] / Автономн. некоммерч. организ. «Проповский Центр : гуманитарные исследования в области традиционной культуры». – Режим доступа : <https://daytodaydata.ru/catalog>. – Дата доступа : 29.10.2025.
3. Агеева, Р. А. Об этнониме *чудь* (*чухна*, *чухарь*) / Р. А. Агеева // Этнонимы : сб. статей / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. – М. : Наука (Главн. ред. вост. лит.), 1970. – С. 194–203.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяновед. и балкан. ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. V : С (Сказка) –Я (Ящерица). – М. : Междунар. отношения, 2012. – 728 с.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяновед. и балкан. ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. II : Д–К (Крошки). – М. : Междунар. отношения, 1999. – 697 с.

Abstract. This article examines the expression of the cultural axis “in-group and out-group” in the legends of the Arkhangelsk region. The experience of compiling associative fields to clarify the place of the indigenous peoples of the North of Russia in the linguistic worldview of Russian. The analysis of the linguistic representation of the first settlers in comparison with the general ideas of “in-group own” and “out-group” is carried out.

Keywords: folk legend; chud; semantic opposition; associative fields.

УДК 81'366:[811.161.1+811.512.164]'374.3

А. Ш. Мередова

Научный руководитель – А. Ю. Крохмальник,
преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ *ADAM*, *YNSAN*, *YNS* И *ЧЕЛОВЕК* В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО И ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В рамках данной работы рассматриваются значения туркменских лексем *adam*, *ynsan*, *yns*, а также русской лексемы *человек* на материале словарных статей русских и туркменских толковых словарей. Приводится комплекс значений указанных лексем по каждому из источников, сравниваются приведенные словотолкования и раскрываются вероятные причины различий в описании данных лексем, обусловленные социокультурными и понятийными факторами.

Ключевые слова: *adam*, *ynsan*, *yns*, человек, лексема, словарь, лексикографический источник, словотолкование, толковый словарь.

Проблемы сопоставительного изучения русской и туркменской лексики приобретают особую актуальность в связи с изучением иностранными студентами русского

языка, а также при выполнении перевода текстов с русского на туркменский язык и наоборот. Так, многие русские лексические единицы нередко находят свое отражение в туркменском языке, прежде всего, для номинации определенных уникальных реалий [1, с. 67–70]. Обращалось внимание и на такой аспект, как использование русских слов в тюркских языках, равно как и употребление туркменских слов в русском языке [2, с. 170–174]. Отдельно рассматривались заимствования в туркменском языке [3, с. 297–302]. Определенного внимания также заслуживают русские и туркменские научно-технические термины [4, с. 130–131]. С точки зрения этимологии исследовались туркменские фразеологизмы и их русские эквиваленты [5, с. 109–111].

Вместе с тем значительный интерес представляют вопросы лексикографического описания русских и туркменских общеупотребительных слов как в аспекте словотолкования, так и с точки зрения происхождения. Объектом анализа в данной работе стали туркменские лексические единицы *adam* и *ynsan*, а также русская лексическая единица *человек*. Фактический материал был получен из таких изданий, как *Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi* («Толковый словарь туркменского языка») в двух томах [6; 7], а также *Türkmen diliniň sözköki sözlügi* («Словарь корней туркменского языка») С. Атанязова, в котором лексические единицы разбираются по составу с последующим указанием источника заимствования и первоначального значения слова. Кроме того, нами использовались «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [8]. Предметом исследования является как структура словарной статьи, так и специфика репрезентации рассматриваемых нами лексем *adam*, *ynsan*, *yns* и *человек* в каждом из перечисленных источников.

Следует дополнительно отметить, что «Словарь корней туркменского языка» сочетает в себе элементы лексикографического издания, описывающего морфемную структуру слов, и этимологического словаря. В данном источнике приводятся сведения о корнях слов и иных морфемах, а также указывается исходная форма слова и язык заимствования. По указанным признакам издание отличается как, например, от «Большого словаря корней и однокоренных слов русского языка» Л. Е. Тарасовой, в котором отсутствуют примеры словотолкований, так и от большинства этимологических словарей, в которых приводится максимальное количество вариантов употребления слова в различных языках, включая и предполагаемые соответствия. Таким образом, «Словарь корней туркменского языка» нельзя считать изданием, подпадающим под определенную категорию источников лексикографического профиля.

По данным «Толкового словаря туркменского языка», лексема *adam* (*человек*) описывается следующим образом: *ADAM* [a:dam], *at. 1. Pikirlenmäge we geplemäge, şonuň ýaly-da oýlap tapmaga, gural döretmäge hem-de durmuşda ondan peýdalanmaga ukyby bolan ynsan. 2. Jemgyýetiň agzasy, şahsyýet, adamlaryň biri, kişi <...> 3. Ýan-ýoldaş, ýassykdaş, är (düýp söze birinji, ikinji we üçünji şahsy görkezýän goşulma goşulyp ulanylýar; şeýle-de birinji hem-de ikinji şahsy görkezýän -ym, -yň, -iň, -im goşulmalaryndaky dar çekimli uzyn aýdylýar)* [6, с. 29].

В переводе на русский язык данная словарная статья звучала бы следующим образом: *ADAM* [a:dam], *суц. 1. Человек, обладающий способностью мыслить и говорить, а также изобретать, создавать орудия труда и использовать их в жизни. 2. Член общества, индивидуум, один из людей, личность <...> 3. Супруг/друг,делящий ночлег, муж/мужчина (употребляется с добавлением суффикса указательного числа первого, второго и третьего лица к основному слову, а также краткая гласная в суффиксах указательного числа первого и второго лица -ым, -ын, -иң, -им произносится долго).*

Туркменская лексема, эквивалентная русской *человек*, представлена в целом ряде значений. С одной стороны, семантика рассматриваемой лексемы включает такие семы, как способность к интеллектуальной и речевой деятельности, а также способность к труду – качества, позволяющие человеку эволюционировать и повышать качество собственной жизни. С другой стороны, в данной словарной статье человек рассматривается

как существо социальное. Наконец, рассматриваемая лексема в туркменском языке нередко используется при обозначении члена семьи – мужа. Третье значение определяет такие его характеристики, как друг для своей жены, который в то же самое время делит с ней одну постель и официально является ее мужем. Следует отметить присутствие в туркменском языке такой лексемы, как *yassykdaş*, имеющей дословный перевод как *друг по подушке, разделяющий подушку*. Такое многоплановое представление о человеке, обозначаемом лексемой *adam*, подчеркивает его социальную характеристику. Человек в ходе своей эволюции, взаимоотношениях с другими людьми, а также в роли мужа становится участником различных общественных структур и объединений, что обеспечивает многообразие его связей с окружающим миром. Вместе с тем следует отметить, что лексема *adam* употребляется при описании людей мужского пола. Словарная статья включает словицы и литературные строки с примерами употребления описываемого слова.

Иным образом представлена лексема *человек* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова: *1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда <...> 2. В России при крепостном праве: дворový слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга* [8, с. 1219].

Первое значение рассматриваемой лексемы практически одинаково передается как в туркменском, так и в русском источнике. Вместе с тем остальные значения различаются. В издании С. И. Ожегова упоминается об историзме *человек*, использовавшемся в эпоху крепостного права и обозначавшего различных слуг. На территории современного Туркменистана подобная реалья отсутствует, следовательно, в соответствующей лексической единице нет необходимости. Кроме того, слово *человек* в значении партнера по браку в русском языке не использовалось, для этого применялись лексемы *муж* и *супруг*. Отсутствие значения ‘член общества’ в толковом словаре русского языка может объясняться тем, что оно подразумевается в первом значении (‘живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда’). Примеры употребления лексемы *человек* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова свидетельствуют о том, что любой представитель живых существ, способный к мышлению и речи, а также создающий орудия труда с последующим их применением в практической деятельности, изначально является личностью и действует в рамках социальных структур. По всей видимости, составители русского лексикографического издания не видели необходимости выделения такого значения в отдельный пункт словарной статьи. Она включает словосочетания и иные конструкции с лексемой *человек*.

Кроме того, в туркменском языке для обозначения человека используется и лексема *ynsan*, описанная в «Толковом словаре туркменского языка» следующим образом: *YNSAN [ynsa:n], at. Umuman, adam nesli, adam* [7, с. 440]. В переводе на русский язык данная словарная статья будет такой: *YNSAN [ynsa:n], существительное. В целом, человеческий род, человек*. Указанная лексема практически не встречается в повседневной речи представителей туркменского народа. В большей мере она находит свое отражение в художественной литературе и публицистике. Отдельно следует упомянуть и об однокоренной лексеме *yns*: *YNS [ynys], at. Adamzat, ynsan* [7, с. 440]. В переводе на русский язык данная словарная статья будет следующей: *YNS [ynys], суш. Человечество, человек*. Приведенные выше лексические единицы в большей мере используются для обозначения человека с духовной точки зрения, в то время как номинация *adam* позволяет говорить о человеке, живущем в объективной реальности.

В качестве заключения отметим, что лексемы *adam*, *ynsan* и *yns*, которые можно перевести на русский язык как *человек*, находят свое выражение в различных ситуациях. Лексема *adam*, используемая в речи туркменского народа в значении ‘человек’, также употребляется в кругу семьи при обращении к супругу. Лексемы *ynsan* и *yns* в большей мере символизируют человека с духовной точки зрения. В русском лексикографическом

издании лексема *человек* представлена для описания высшего живого существа, способного мыслить и взаимодействовать с окружающими при помощи слов, а также трудиться. Выявленные особенности объясняются различным пониманием лексемы человек носителями русского и туркменского языков, равно как и неодинаковыми подходами к составлению словарной статьи.

Список использованных источников

1. Кадырова, С. Русский язык как посредник пополнения словарного состава туркменского языка / С. Кадырова, Т. В. Колужко // Межкультурная коммуникация в современном мире : сб. науч. ст. по материалам IX Международной научно-практической конференции иностранных студентов, г. Пенза, 17 фев. 2021 г. / Пензенский гос. ун-т. – Пенза, 2021. – С. 67–70.
2. Красильникова, Е. В. Использование тюркизмов в русском языке и русских слов в туркменском языке / Е. В. Красильникова, Н. Чарыев // Дополнительное профессиональное образование: традиции и инновации : сб. ст. XII нац. науч.-практ. конф., г. Ярославль, 04 марта 2020 г. / Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2020. – С. 170–174.
3. Серикова, И. В. Стилистическая характеристика заимствованных слов в туркменском языке (на базе туркменско-русского словаря) / И. В. Серикова, Д. А. Агаев // Молодежь и духовное наследие эпохи : культура, артефакты, ценности : мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году памяти и славы и 500-летию возведения Тульского кремля, г. Тула, 29–30 окт. 2020 г. / Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. – Тула, 2020. – С. 297–302.
4. Бердиев, Г. Сопоставление научно-технических терминологий русского и туркменского языка / Г. Бердиев // Инновационная наука. – 2024. – № 1(2). – С. 130–131.
5. Багыева, Н. Этимология русских фразеологизмов и их эквиваленты в туркменском языке / Н. Багыева // Матрица научного познания. – 2024. – № 9(2). – С. 109–111.
6. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi : 2 t. / Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasynyň ; Magtymguly adyndaky Dil we edebiýat instituty ; düz : G. Kyýasowa, A. Geldimyradow, H. Durdyýew. – Aşgabat : Ylym, 2016. – T. I : A–Ž. – 658 sah.
7. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi : 2 t. / Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasynyň ; Magtymguly adyndaky Dil we edebiýat instituty ; düz : G. Kyýasowa, A. Geldimyradow, H. Durdyýew. – Aşgabat : Ylym, 2015. – T. II : K–Z. – 542 sah.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.

Abstract. This paper examines the meanings of the Turkmen lexemes *adam*, *ynsan*, and *yns*, as well as the Russian lexeme *human* (*chelovek*), using entries from Russian and Turkmen dictionaries. A set of meanings for these lexemes is presented for each source, the provided definitions are compared, and the probable causes of differences in the descriptions of these lexemes, due to sociocultural and conceptual factors, are explored.

Keywords: *adam*, *ynsan*, *yns*, *chelovek*, lexeme, dictionary, lexicographic source, definition, dictionary.

УДК 811.161.1

К. С. Мизитова

Научный руководитель – Т. С. Садова,
д-р филол. наук, профессор

ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА «МЕСТЬ» И «УДАР КРЫЛА»

Аннотация. На материале двух рассказов «Удар крыла» и «Месть», принадлежащих к русскому периоду творчества В. Набокова, рассмотрена группа лексики с общей семантикой

прикосновения (тактильности), имеющая для художественной ткани рассказов важное содержательное значение – создание особого «вещественного» мира, данного в психофизических рефлексиях человека.

Ключевые слова: лексика тактильного восприятия, прагматика художественного, малая проза Набокова.

Художественный стиль В. Набокова, по мнению многих исследователей, отличается особой «вещественностью», яркой рефлексивностью, пристальным вниманием к деталям [1, с. 272]. Поэтому лексика тактильности (выражающая семантику прикосновения) содержательно отражает эту особенность прозы писателя, в связи с чем оказывается чрезвычайно интересна с позиций изучения идиостиля В. Набокова.

Рассказ «Удар крыла» [2] является проводником в мистический дискурс писателя, в нем имеются, например, откровенные аллюзии к тексту Библии (см. сюжет о Левиафане в Книге Иова). В. Набоков сохраняет сюжетное напряжение в произведениях, всячески демонстрируя незримое присутствие потусторонних сил в земной жизни героев. Именно поэтому так много внимания уделяется физическому, почти физиологическому компоненту во взаимоотношениях героев, что выражается в том числе и через лексику тактильности.

В рассказе «Месть» [3] также присутствуют элементы мистического. Сложные взаимоотношения между супругами в рассказе построены на мучительных страстях, на недосказанности и разъедающей душу мнительности.

Тематическую группу (ТГ) тактильности, прежде всего, составляют разночастеречные слова, имеющие прямое значение прикосновения. тактильности.

1. Слова, обозначающие непосредственно прикосновение или «способ прикосновения» – это, прежде всего, глаголы: *Тягучая усталость обхватила* ему плечи [2, с. 52].

2. Слова, обозначающие ощущение или реакцию от прикосновения, – это могут быть: – существительные: *Около четырех он спустился в просторную читальню, где оранжевым жаром дышала пасть камина* [2, с. 37];

– прилагательные: *Он поцеловал ее в теплый висок* [3, с. 58];

– наречия: *В гостиной было тепло и нарядно* [3, с. 58]; *Он больно стукнулся бедром о край столика* [2, с. 48];

– глаголы (+ глагольная группа): *Содрогнулся от холода длинной дрожью, как конь* [2, с. 49].

3) Слова, обозначающие «качество» поверхности, воспринимаемое на ощупь: *Затем облегченно вздохнул, купил два банана, пачку папирос, хрустящие простыни газет; тело этой женщины поразило его: оно было все подернуто красноватым блеском, мягкое и склизкое на ощупь* [3, с. 59].

Частотны прилагательные и существительные, обозначающие текстуру материала: *Чувствуя легкое головокружение, он сдернул шерстяную шапку, щекотавшую ему уши; смахнул с ресниц влажные искры* [2, с. 35].

Для В. Набокова чрезвычайно важно «материальное» вовлечение читателя в текст, его присутствие в нем. Через физические ощущения (холод, тепло, боль, колкость, нежность и др.), знакомые каждому, герой и читатель одновременно «чувствуют» происходящее. Показательно, что лексика тактильности в переносном значении часто употребляется для выражения эмоционального состояния героя, его духовных переживаний.

1. Слова, которые в прямом значении могут входить в искомую ТГ, но в данном случае обозначают внутренние переживания как физические. В первую очередь, это:

– прилагательные: *Сообразив это, он почувствовал не удивление, не боль и даже не мужественную досаду, а – ненависть, острую и холодную, как ланцет* [3, с. 56];

– существительные: *Керн, сутуло застывший, почувствовал холод в груди под крахмальной рубашкой* [2, с. 48];

– наречия: *Это слово мягко звенело у нее в душе, когда она осталась одна в гостиной* [4, с. 60];

– глаголы: *Тягучая усталость обхватила* ему плечи [2, с. 52].

2. Слова со значением ‘проявление эмоций’, в частеречном отношении это, прежде всего, наречия: *Биолог холодно назвал себя, упомянул университетский музей* [3, с. 57].

В общем виде определяя лексику тактильности как «лексику прикосновений», можно выделить группы слов по субъект-объектному признаку, т. е. с точки зрения того, кто (или что) кого (или чего) касается: касание человека человеком (*Сказал студент, легко пожав большую холодную руку, поданную ему*), касание человеком предмета (*Керн прошел по скользким волнам ковра, плечом толкнул стеклянную падающую дверь*), воздействие внешних/внутренних факторов на человека (*Свинцовая усталость сжимала ему виски* и др.).

Примечательно, что глагольная лексика преимущественно выражает тип прикосновений, а слова именной группы, чаще всего, описывают ощущения героя.

Язык художественной прозы – безусловно, важнейший источник в понимании поэтики автора, смыслов, заложенных в произведении. Существенной чертой поэтики В. Набокова является двоемирие, писателю чрезвычайно важно показать присутствие потустороннего в жизни героев. Важным средством его характеристики (наряду с другими приемами) становится активное использование лексики тактильности.

Список использованных источников

1. Хетени, Ж. Сдвиги. Узоры прозы Набокова / Ж. Хетени. – Бостон ; СПб. : Academic Studies Press, 2022. – 463 с.
2. Набоков, В. В. Удар крыла / В. В. Набоков // Собрание сочинений русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. I. – С. 35–53.
3. Набоков, В. В. Месть / В. В. Набоков // Собрание сочинений русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. I. – С. 54–60.
4. Аверин, Б. Набоков и набоковиана / Б. Аверин // В. В. Набоков pro et Contra : в 2 т. – СПб. : Изд-во РХГА, 1997. – Т. I. – С. 846–862.

Abstract. Using two short stories, “The Wing's Strike” and “Revenge”. from Vladimir Nabokov's Russian period, this article examines a group of vocabulary with the common semantics of touch (tactileity). This vocabulary plays a significant role in the narrative fabric of these stories, creating a unique “material” world, defined through human psychophysical reflection.

Keywords: vocabulary of tactile perception; pragmatics of fiction; Nabokov's short fiction.

УДК 811.161.1

А. Р. Михайлова

Научный руководитель – С. Л. Михеева,

канд. филол. наук, доцент

СЛОВА И ОБРАЗЫ ПАМЯТИ В РОМАНЕ МАРИИ СТЕПАНОВОЙ «ПАМЯТИ ПАМЯТИ»

Аннотация. Автор статьи показывает, что Мария Степанова рассматривает память не как абстрактное воспоминание, а как материальный объект, сырье, которое нужно обрабатывать. В книге память противопоставляется официальной истории. Подчеркивается, что память – это активный труд и моральный долг перед прошлым, а письмо становится инструментом для ведения диалога с ним, чтобы сохранить память живой и открытой.

Ключевые слова: Мария Степанова, «Памяти памяти», память, воспоминание, история, философия памяти, материальность памяти, этика памяти, письмо, диалог с прошлым.

Роман Марии Степановой «Памяти памяти» – это не только книга о прошлом, но философия самой памяти, ее носителей, языка и механизмов. Автор пишет не в традиционной

прозе, создавая вместо нее сложный текст, где память представляет собой архив для читателя. Сам текст описывает слова и образы, два основных инструмента, с помощью которого мы можем восстановить и осмыслить все свои воспоминания. Само название романа дает нам понять, что память – это объект изучения, сохранения и осмысления. Она выступает здесь главной темой, вокруг которой формируется вся сущность текста. Цель данной статьи – проследить, как через использование слова *память* Мария Степанова выстраивает свою философскую позицию [1].

Уже с первых глав Мария Степанова определяет память не как иллюзию, а как материальный объект, требующий систематизации и осмысления. Она пишет: *Память здесь – не воспоминание, а вещество, которое нужно отработать, как руду* [2, с. 15]. В этом фрагменте мы уже видим, что тут заложен весь мотив книги. Память – это сырье, содержащее в себе множество ценных элементов, но портящееся со временем. Задача самого автора и читателя – добыть, очистить и описать это [3].

Мария Степанова также пишет, что память – это не сила, а принципиальная «слабость» человеческой памяти. Автор заявляет: *Вся эта книга – о слабой памяти, о ее несовершенной работе, о том, как мы пытаемся ухватить и сохранить прошлое, которое уходит у нас из рук, как вода* [2, с. 30]. Определяется не только тема, но и метод всего произведения.

Центром является противопоставление памяти официальной истории. Она проводит четкую границу: *Память – это то, что остается, когда история уже все объяснила и разложила по полочкам* [2, с. 65]. Если история стремится к упорядоченности и идеологии – это *живая, неупорядоченная материя*, хранящая все неровности и уникальность индивидуального опыта.

Материализация процесса воспоминания выражается в описании его как физического действия: *Память – это не воспоминание, а действие: ты проводишь пальцами по шероховатой поверхности времени, пытаешься нащупать утраченную связь* [2, с. 90]. Эта метафора переводит память из плоскости в область телесного и чувственного опыта. Память – это не пассивное хранение, а активный труд «обработки руды» прошлого, требующий усилий по восстановлению утраченных связей [4].

Этическое измерение памяти в романе выражено через метафору долга: *Память – это долг, который мы отдаем мертвым. Но что делать, когда этот долг невозможно оплатить? <...> Помнить – это моральный императив, особенно по отношению к жертвам исторических катастроф, чьи голоса были заглушены «большой историей»* [2, с. 170]. Однако Мария Степанова честно фиксирует тяжесть этого бремени, вопрос о возможности и мере «оплаты» этого долга, который остается без ответа [5, с.67-69].

Наконец, сам акт письма рефлексирован как инструмент практики. Мария Степанова подчеркивает: *«Я пишу для того, чтобы память не стала монолитом, чтобы она оставалась живой, пористой, способной к диалогу»* [2, с. 210]. Письмо в «Памяти памяти» – это не создание статуи, а запуск непрерывного, живого диалога с прошлым. Оно призвано не идеализировать, а проблематизировать память, сохраняя ее открытой, незавершенной и способной к процессу роста [6, с.73-119].

Таким образом, в романе «Памяти памяти» Мария Степанова представляет память как сложный и многогранный объект. Она показывает, что память – это не абстракция, а материальное «сырье», которое требует активной работы, подобной обработке руды. Автор противопоставляет живую, хаотичную человеческую память упорядоченной официальной истории, подчеркивая ценность индивидуального опыта.

Мария Степанова также раскрывает этическую сторону памяти как долга перед ушедшими, который не всегда возможно «оплатить». В итоге письмо становится для автора главным инструментом, чтобы сохранить память живой, открытой для диалога,

а не превратить ее в застывший монумент. Благодаря такому подходу роман становится не просто хроникой прошлого, а глубоким философским исследованием ответственности человека перед памятью.

Такой взгляд заставляет переосмыслить саму природу воспоминаний. Память оказывается не просто хранилищем фактов, а непрерывным процессом, в котором прошлое постоянно ведет диалог с настоящим. Это превращает читателя из пассивного наблюдателя в активного участника, который тоже несет ответственность за то, как будет осмыслено и сохранено общее прошлое.

Список используемых источников

1. Большакова, А. Ю. Теория и практика «памяти памяти»: о новой книге Марии Степановой / А. Ю. Большакова // Вопросы литературы. – 2018. – № 3. – С. 94–112.
2. Степанова, М. Памяти памяти: романс / М. Степанова. – М.: Новое издательство, 2018. – 416 с.
3. Нуркова, В. В. Зеркало с памятью: феномен фотографии в романе М. Степановой «Памяти памяти» / В. В. Нуркова // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 14–22.
4. Липовецкий, М. Н. Травма, память и жанр: «Памяти памяти» М. Степановой в контексте современной русской прозы / М. Н. Липовецкий // Новый мир. – 2019. – № 2. – С. 181–192.
5. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Abstract. The author shows that Maria Stepanova views memory not as an abstract recollection, but as a material object, a raw material that needs to be processed. In the book, memory is contrasted with official history. It is emphasized that memory is an active effort and a moral duty towards the past, and writing becomes a tool for engaging in dialogue with the past in order to keep memory alive and open.

Keywords: Maria Stepanova, “Memory of Memory”, memory, recollection, history, philosophy of memory, materiality of memory, ethics of memory, writing, dialogue with the past.

УДК 811.161.1’373:398.92(=161.1):124.6

К. А. Моисеенко

Научный руководитель – О. Н. Мельникова,
канд. филол. наук, доцент

РУССКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ СУДЬБА

Аннотация. Объектом исследования в данной статье выступают русские пословицы и поговорки, ключевым компонентом которых выступает аксиологически значимая лексема *судьба*. Определяются семантические группы рассматриваемых паремий. Делается вывод о двойственной природе восприятия рассматриваемого феномена в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: паремия, судьба, семантика, концепт, картина мира.

Пословицы о судьбе не только передают опыт поколений, но и служат руководством к действию, помогая человеку адаптироваться к жизненным трудностям, принимать мудрые решения и находить смысл в происходящем. Они напоминают о важности личной ответственности, нравственного выбора и умения сохранять оптимизм в любых обстоятельствах.

Слово *судьба* в современном русском языке является ключевой лексемой многогранного и аксиологически значимого концепта. Семантика данного слова уходит корнями в древние представления о предопределении и неотвратимости. В ходе историче-

ского развития рассматриваемая лексема приобрела широкий спектр значений и оттенков. Исследование основных значений слова *судьба* позволяет не только понять его семантическую структуру, но и глубже проникнуть в культурные коды и мировоззренческие установки, формирующие восприятие жизни и человеческой участи.

По данным толкового словаря С. И. Ожегова, слово *судьба* отражает следующие значения: 'стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий' (*Судьба столкнула старых друзей. Удары, превратности судьбы*); 'доля, участь' (*Счастливая судьба. Узнать о судьбе родных*); 'история существования кого-, чего-либо' (*У этой рукописи интересная судьба*); 'будущее, то, что случится, произойдёт' (*Судьбы человечества*); в значении сказуемого 'то же, что суждено' (*Видно, не судьба с ним увидеться*) [1].

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить ключевые характеристики понятия *судьба*: независимость от человеческой воли, влияние внешних обстоятельств, предопределенность событий, а также связь с понятиями участи и будущего.

Как свидетельствует рассмотренный нами материал сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [2], русские паремии не всегда однозначно трактуют понятие судьбы, часто подчеркивая не только ее предопределенность, но и возможность влияния на нее посредством личных усилий человека. Анализ русских пословиц, содержащих компонент *судьба*, позволяет выделить несколько основных семантических групп, отражающих различные аспекты народного понимания этого понятия.

1. Судьба как враждебная, жестокая и несправедливая сила

В образном содержании пословиц данной группы судьба предстает как злая, насмешливая, а порой и жестокая сила, которая несправедливо вредит человеку. Так, глубокий пессимизм, мысль о том, что жизнь человеческая ничего не стоит, выражает пословица *Судьба – злодейка, а жизнь – копейка*. Сходное значение отражается в паремии *Натура дура, судьба злодейка*, содержащей констатацию двойной несправедливости: от природы человек получил плохие качества, а судьба еще и относится к нему жестоко. Утверждение о том, что судьба обошлась с человеком плохо, причинила неприятности, поступила вопреки его желаниям, содержится в паремии *Погладила меня судьба против шерсти*. К рассматриваемой группе относится также пословица *Судила судьба киселем заговеться*, согласно которой судьба назначила человеку убогую и нищенскую долю, т. к. *кисель* символизирует простую и дешевую пищу, а *заговеться* – поесть перед постом.

Таким образом, рассматриваемые пословицы подчеркивают несправедливость и жестокость судьбы, бессилие человека перед неблагоприятными обстоятельствами, чувство беспомощности и разочарования перед лицом жизненных трудностей.

2. Судьба как неотвратимая, неизбежная сила

Данная группа пословиц акцентирует внимание на предопределенности жизненного пути, неотвратимости судьбы. В этих изречениях отчетливо прослеживается идея фатализма, мысль о невозможности избежать того, что предначертано, сравн.: *Судьба всюду встретится, ее конем не объедешь; Судьбу на кривой не объедешь; Судьба и на печке найдёт*. Полная беспомощность человека перед лицом судьбы, которая лишает его возможности действовать, отражена в пословицах *Судьба придет – и руки свяжет; Судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет*.

Данные пословицы отражают фаталистическое мировоззрение, веру в предопределение и смирение перед неизбежностью, неотвратимостью судьбы, которая в определённый момент лишает человека силы и воли для сопротивления.

3. Судьба и личная ответственность человека: возможность влияния

В отличие от рассмотренных выше пословиц, паремии данной группы подчеркивают возможность влияния на свою судьбу с помощью личных усилий, труда, разума.

Так, мысль о том, что судьба благоволит к честным и праведным людям, подчёркивается в пословице *Кто никогда не лжет, того судьба бережет*. В данной паремии судьба представляется не слепой и безликой силой, а скорее, предстаёт в роли справедливого судьи, вознаграждающего за добродетель.

Идею личной ответственности и важности активности в достижении успеха выражает пословица *Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит*. Таким образом, активный, целеустремленный человек сам строит свою жизнь, а пассивного и ленивого жизнь ломает и тащит против его воли.

Прямое отрицание идеи фатализма содержится в паремии *Не нам судьба – судья, а мы судьбе – хозяева*: человек – хозяин своей судьбы, а не ее раб.

Важность активной жизненной позиции и осознанного выбора подчёркивает пословица *Что в людях живет, то и нас не минет – судьба не авоська*. Первая часть паремии содержит указание на то, что общие закономерности жизни – как хорошие, так и плохие – касаются всех без исключения. Вторая часть (*судьба не авоська*) подчёркивает, что на судьбу нельзя полагаться слепо, как на случайную удачу, и призывает к разумному планированию и ответственности.

Идею о том, что судьба – это результат выбора, поступков и самого образа жизни человека, выражает пословица *Всякая жизнь творит собственную судьбу*. В ней подчёркивается, что каждый момент жизни, каждый сделанный человеком выбор влияет на дальнейший ход событий.

Таким образом, пословицы данной группы отражают более оптимистичное восприятие судьбы. Рассмотренные паремии отражают веру в то, что человек не является пассивной жертвой обстоятельств, а способен активно формировать свою жизнь.

4. Судьба как нейтральный фон или союзник

Судьба в паремиях может осмысляться как обстоятельство, которое не должно мешать радости жизни, сравн.: *Судьба веселью не помеха*. Данная пословица является призывом к жизнелюбию и оптимизму.

Отдельного комментария требует паремиологическая единица *Жизнь – копейка, судьба – индейка*. Данная паремия близка по смыслу рассмотренной выше пословице *Судьба – злодейка, а жизнь – копейка*. Жизнь человека сравнивается с самой мелкой, почти ничего не стоящей монетой. Копейка символизирует хрупкость и недолговечность жизни, которая может оборваться в любой момент. Индейка связывается с чем-то важным, надутым, самодовольным, но в то же время глупым и неуклюжим. В русском фольклоре довольно распространённым является образ «судьбы-злодейки»; «судьба – индейка» – это её сниженная, насмешливая версия. Если жизнь – копейка, то её не стоит слишком беречь, боясь рискнуть. Если человек называет судьбу не злодейкой, а индейкой, он снижает её пафос, смеётся над ней. Таким образом, смысл данной поговорки – в признании хрупкости жизни и непредсказуемости судьбы. Это выражение житейской мудрости, которая учит человека сохранять достоинство и внутреннюю свободу в мире, где он не является полным хозяином своего положения.

Итак, анализ русских пословиц с компонентом *судьба* позволяет сделать вывод о многогранности народного понимания этого понятия. *Судьба* предстает в пословицах как:

- враждебная и несправедливая сила, причиняющая страдания и несчастья;
- неотвратимый рок, от которого невозможно убежать;
- совокупность обстоятельств, на которые человек может повлиять;
- нейтральный фон, не мешающий радости и оптимизму.

Важно отметить, что эти представления не являются взаимоисключающими, а скорее отражают различные грани сложного и противоречивого отношения человека к своей жизни.

Изучение пословиц о судьбе позволяет глубже понять русскую культуру, ценности и мировоззрение народа, а также получить ценные уроки жизни, актуальные и в современном мире.

В пословицах о судьбе отражается двойственное отношение русского народа к жизни: с одной стороны, признание силы внешних, неконтролируемых обстоятельств, а с другой – вера в личную ответственность и волю. Это сочетание фатализма и свободы воли является одной из ключевых особенностей русской языковой картины мира.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.ru/dic/_ozhegow_s_q.txt – Дата доступа: 02.10.2025.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/?f=ItCT0L7RgQ==&t=0JHQtC00LA=&nt=428 – Дата доступа: 06.10.2025.

Abstract. The object of research in this article is Russian proverbs and sayings, the key component of which is the axiologically significant lexeme *fate*. The semantic groups of the paremias under consideration are determined. The conclusion is made about the dual nature of perception of the phenomenon in question in the Russian linguistic worldview.

Keywords: paremia, fate, semantics, concept, worldview.

УДК 801.732

Я. С. Морозикова

Научный руководитель – **Е. А. Филонов**,
канд. филол. наук, доцент

«СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ» XVII ВЕКА: ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье представлен герменевтический анализ «Сказания о древе золотом и о золотом попугае» – текста XVII века. Анализ проводится с опорой на идеи Р. Ингардена о схематичности литературного произведения и о его конкретизации. Цель работы – продемонстрировать возможности применения концепций феноменологической эстетики к русскому средневековому тексту.

Ключевые слова: древнерусская беллетристика; русская литература XVII века; Р. Ингарден; герменевтический анализ.

«Сказание о древе золотом и о золотом попугае» – памятник древнерусской литературы XVII века. Текст представляет собой беллетристическую компиляцию нескольких сюжетов из византийских хроник. В основе «Сказания...» «лежит мало достоверный рассказ о судьбе золотого платана с поющими птицами, сделанного Львом Философом при Феофиле (829–842)» [1, с. 243]. М. Н. Сперанский считал, что источником для произведения послужила византийская история в переложении Русского Хронографа [2, с. 159]. В текст также встраивается известный древнерусскому читателю ветхозаветный сюжет о пророчестве царю Валтасару. В произведении описано правление двух царей – благочестивого Михаила и неблагочестивого Левтасара. Левтасар во время пира получает пророчество о смерти той же ночью. Предсказание сбывается: царя по случайности убивает собственный стражник. «Сказание...» было широко распространено в читательской среде, даже в XVIII веке в нем появлялись новые детали [3, с. 518].

Рассмотрим «Сказание...», опираясь на идеи Р. Ингардена. Р. Ингарден – польский философ-феноменолог, предшественник рецептивной эстетики. Он ввел ключевые для этого направления понятия «участков неопределенности», «конкретизации», «эстетического опыта» и в своих работах проиллюстрировал их на литературных произведениях. Стоит отметить, что при анализе мы не будем основываться на текстологических данных, источниках текста, историко-культурном контексте и предполагаемой личности автора, чтобы оставаться в рамках мысли философа.

По мнению Р. Ингардена, любое произведение, «до тех пор, пока сознание реципиента не вступило в контакт с текстом» [4, с. 64], можно назвать лишь схемой. Иными

словами, перед нами костяк произведения, поэтому воспринимающему сознанию нужно создать то целое, в котором «произведение выступает как уже дополненное и измененное читателем в процессе чтения» [5, с. 73]. То есть необходимо провести конкретизацию произведения. Для этого обратим внимание на участки неопределенности.

Очевидно, что схематизация в целом характерна для древнерусской литературы, ведь при опоре на канон разрабатывать характеры и образы не было смысла. Конечно, литература должна была пользоваться и приемом универсализации, чтобы быть дидактической. В «Сказании...» же схематичными неизбежно становятся образы трех главных героев, так как сюжеты резко и немотивированно сменяют друг друга. Царь Михаил, описанный в тексте первым, характеризуется кратко: *Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и богобоязлив. Вельми был к Богу подвижен святая святых созидал, сосуды златые и серебряные во церкви поставлял, церкви пресвещенные воздвизал и монастыри строил, и грады зиждал* [3, с. 398]. Здесь читатель сразу сталкивается с непререкаемым авторитетом автора «Сказания...». В первом же предложении дается установка на однозначное восприятие героя и его характеристика, еще не основанная на поступках персонажа, не сконструированная воспринимающим сознанием самостоятельно. Читателю нужно поверить автору, воспринять его точку зрения, чтобы составить целостный образ царя. С таким авторитетом создателя текста связана учительная функция древнерусской литературы.

Дальнейшее развитие образа Михаила связано с его благородным ответом послам. Авторская точка зрения оказывается подкреплена поступком. Причем это событие развернулось на глазах у читателя, а не было подано автором как уже совершенное. Интересно, что само древо, имеющее такое важное значение в тексте, практически не описано. Не раскрыто даже его появление у царя Михаила. Из-за того, что текст не дает подсказок о происхождении древа, а описание его следует сразу за характеристикой Михаила, читатель может подумать, что древо это создано по повелению благочестивого царя, и отождествить его с Михаилом. Таким образом, два схематичных представления, совместившись в сознании реципиента, составляют конкретизированный образ.

Еще более схематичен образ Левтасара. В произведении даже не указано, кем он приходится царю Михаилу и почему становится его преемником. Нет в тексте и авторской характеристики героя – только описание поступков нового правителя (*И бысть пьющ вельми, всю царскую казну пропил цареградскую. И князей, и бояр много казны взял, все то пропил. Церкви пресвещенные разграбил <...> Догравився до златого древа, и все древо златое разломал, и все то пропил*), что уже требует большей самостоятельности читателя при конкретизации образа. То же можно сказать о Дарее Менденисе, сыгравшем такую важную трагическую роль в произведении. Неясно, кто он и почему именно его выбрал царь для охраны. Неясно, почему его казнили, ведь Левтасар был плохим правителем и в средневековой традиции вполне мог заслужить смерть, тем более предсказанную пророком, то есть угодную Богу.

Р. Ингарден подчеркивает, что «даже в крупнейших по объему эпических произведениях <...> чрезвычайно много мест неполной определенности» и что «это касается не только второстепенных, но и наиболее важных персонажей» [5, с. 46]. То же происходит и в «Сказании...», в котором уже в силу сжатости, новеллистичности невозможны подробные описания героев. Р. Ингарден также пишет: «лирический субъект, проявляющийся в самом произведении и принадлежащий к его предметному слою, смешивается с “автором” как создателем произведения, который трансцендентен по отношению к нему, но вместе с тем о нем можно иметь суждение на основании различных особенностей произведения» [5, с. 44]. Значит, можно попробовать составить мнение о создателе этого текста. Судя по всему, это был человек, интересовавшийся государственным устройством, умеющий оценить действия правителя и, вполне возможно, переживший какие-то государственные потрясения. Во всяком случае произведение имеет точно не религиозный, а светский уклон и проблематику. Поэтому упоминания благочестивости неубедительны и не переключают читателя на душеполезные размышления. Реципиент остается внутри мирского занимательного сюжета.

В качестве важного способа конкретизации Р. Ингарден отмечает развертывание произведения во времени. «Сказание...» предельно сжато, но при этом и многосюжетно. Ведь перед нами текст, где рассказывается о правлении сразу двух царей и о падении царства. Последний сюжет – падение Византийского царства – из-за предельной схематизации не воспринимается значимым. Читатель может догадаться о разрушении Царьграда, лишь конкретизировав сюжет. У читателя есть только такая опора: *И проснулся от сна, и посмотрел в окошко на двор, и виде на дворе огненное пламя, оружное блистание человеческое и говор или И бысть же утру, солнце настало, востече вельми красно. А Царьград во тьме совлечен царскою кровью.* До конца неясно, можно ли говорить о падении царства. Если да, то сюжет действительно приобретает назидательное значение, так как государство разрушилось из-за неблагочестивого правителя. В таком случае именно падение Царьграда могло стать кульминацией, главным событием в тексте, однако этого не происходит. Возможно, если бы сюжет развертывался медленнее и был насыщен деталями, то падение царства стало бы главным событием, подготовленным предшествующим сюжетом. Но главным становится самый подробный, конкретный, концентрированный эпизод – убийство царя, которое действительно разворачивается во времени перед читателем. Самая несхематичная сцена и превращается в кульминацию. Даже более конкретизированное по сравнению со всем произведением описание встречи с послами уступает этому эпизоду. К тому же это действие Михаила должно подкрепить авторскую характеристику, и, таким образом, воспринимается лишь иллюстрацией.

Итак, в силу размера «Сказание...» воспринимается быстро и целостно, поэтому все внимание читателя концентрируется в одной наименее схематизированной точке. Эта точка – пуант исторической новеллы – и реализует развлекательную функцию текста, оставляет у читателя впечатление увлекательного произведения. Учительная же функция обеспечивается оставшимся текстом, так как в других эпизодах нужна подробная конкретизация. Читатель должен включиться в коммуникацию, чтобы осознать связь между событиями: между неблагочестивой жизнью Левтасара, его убийством и падением царства. Мы видим, что в тексте есть не только участки неполной определенности, но и участки полной неопределенности. Значит, они были необходимы для вовлечения читателя, как и занимательный сюжет, и выполнили функцию не только дидактическую, но и развлекательную.

Однако сделать вывод о доминирующей функции произведения невозможно, что характерно для эпохи XVII века. Герменевтический анализ подтверждает наблюдения исследователей, основанные на анализе поэтики, композиции и внелитературных, историко-культурных фактах: в эпоху перехода к Новому времени в литературе значимое место занимает беллетристика, предполагающая захватывающий сюжет, поэтому даже дидактические тексты должны привлекать читателя описанными событиями [6, с. 519]. Благодаря герменевтическому анализу мы видим, как именно текст приобретает беллетристическую функцию, за счет чего он обращает на себя более пристальное внимание читателя. Подобные произведения можно со всей основательностью отнести к жанру исторической беллетристики, где «остались лишь внешние приемы, лишь оболочка средневекового историзма» [7, с. 408].

Список использованных источников

1. Скрипиль, М. О. Сказочно-исторические повести (второй половины XVII в.) / М. О. Скрипиль, С. К. Шамбинаго // История русской литературы : в 10 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. II. – Ч. 2 : Литература 1590-х–1690-х гг., 1948. – С. 240–253.
2. Сперанский, М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке / М. Н. Сперанский // Труды отд. древне-рус. лит. ; Ин-т рус. лит. ; Акад. наук СССР. – Л. : [Б. и.], 1934. – Т. 1. – С. 137–170.
3. Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. – Т. 15 : XVII век / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; Под ред. Л. С. Лихачева и др. – СПб. : Наука, 2010. – 530 с.
4. Ляпушкина, Е. И. Введение в литературную герменевтику : учеб. пособие / Е. И. Ляпушкина. – СПб. : Контраст, 2016. – 96 с.

5. Ингарден, Р. Литературное произведение и его конкретизация / Р. Ингарден. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 552 с.

6. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе : коллект. моногр. / Под. ред. Я. С. Лурье. – Л. : Наука, 1970. – 597 с.

7. История русской литературы X–XVII вв. : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М. : Просвещение, 1979. – 462 с.

Abstract. The article presents a hermeneutic analysis of “The Tale of the Golden Tree and the Golden Parrot”, a 17th-century text. The analysis is based on R. Ingarden's ideas regarding the schematic nature of a literary work and its concretization. The aim of the work is to demonstrate how the phenomenologist's ideas can be applied to a medieval Russian text and what results can be achieved.

Keywords: Old Russian fiction; 17th-century Russian literature; R. Ingarden; hermeneutic analysis.

УДК 811.161.1

П. Д. Морозова

Научный руководитель – **С. Л. Михеева,**

канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРОЕВ КНИГИ А. А. ЧЕРУБАЕВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛЖИКА И ВОВКИ»

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности речи героев книги А. А. Черубаева «Приключения Олжика и Вовки. Как мы ездили в деревню». Обращается внимание на использование подросткового сленга, разговорных выражений и элементов интернет-культуры как средства создания образов и передачи атмосферы современного детства. Особое внимание уделяется тому, как через язык героев проявляются их индивидуальные черты.

Ключевые слова: подростковый сленг, речевая характеристика, интернет-культура.

В современной детской литературе всё чаще звучит живой разговорный язык, близкий детям и подросткам. Если раньше детские книги писались в более «правильной» литературной манере, то сегодня авторы стремятся отразить реальную речь героев: со сленгом, шутками, в которых отражается влияние интернета и социальных сетей.

Подростковый сленг – явление постоянное и неизбежное. Меняются эпохи, условия жизни и интересы, а вместе с ними меняется и характер сленга, но его суть остаётся прежней – желание выделиться, показать свою индивидуальность и принадлежность к определённой среде. В художественном тексте подростковый сленг становится не просто элементом речи, а важным средством выразительности, помогающим автору передать атмосферу времени и живость общения.

Как отмечают современные исследователи, понятие сленга всё чаще привлекает внимание филологов. Будучи неотъемлемой частью лексики, разговорный язык помогает нам лучше понять языковую картину мира определённой культуры. Через сленг можно проследить опыт поколений, ведь он отражает реальные явления жизни, называет то, что важно и близко людям в разные исторические периоды [1].

Благодаря этому книги становятся понятнее и интереснее юным читателям, ведь они слышат в диалогах героев собственные интонации и привычные выражения. Современная детская литература широко применяет актуальные языковые средства, что играет важную роль в привлечении интереса юных читателей. При этом язык произведений должен не только быть понятным и близким детям, но и способствовать расширению их словарного запаса, учитывать особенности восприятия и способствовать развитию речевой культуры [2].

Одним из произведений, ярко отражающих эти тенденции, является книга А. А. Черубаева «Приключения Олжика и Вовки. Как мы ездили в деревню». Это весёлая и живая история о двух друзьях-школьниках, которые отправляются в деревню и переживают там целую череду смешных и порой нелепых приключений. Произведение привлекает не только событиями, но и тем, как герои говорят.

Современная лексика, используемая Олжиком и Вовкой, заслуживает особого внимания. Их речь наполнена подростковым сленгом, интернет-выражениями, юмористическими «подколами» и сравнениями. Именно язык делает героев узнаваемыми и настоящими: это не «книжные персонажи», а реальные школьники, которых легко представить рядом с собой. Такой приём помогает автору создать атмосферу правдоподобия и вместе с тем наполнить повествование юмором.

Одной из ключевых особенностей книги является то, что язык здесь выполняет не только коммуникативную, но и художественную функцию. Через речь героев автор передаёт атмосферу подростковой дружбы, непосредственность, азарт и лёгкий хаос их приключений. Оба мальчика разговаривают живо, эмоционально, часто перебивая друг друга, вставляя шутки и преувеличения.

Вовка особенно активно использует сленг и «блогерские» выражения: *«Я тут недавно создал свой канал на ютьюбе и в Тиктоке!»* Он рассуждает о «просмотрах», «лайках», «фишках» и «вирусных роликах», обсуждает с Олжиком, как сделать видео «эпическим». Даже обыкновенные деревенские сцены он превращает в «сценарии»: *Ты снимаешь на мобилу. Я захожу в кадр... и тут ты из-за кадра бросаешь на меня одну курицу, потом другую!* [3] Этот интерес и желание самовыражаться подчёркивают важную роль социальных сетей и цифровых технологий в формировании мировоззрения молодого поколения.

Олжик, напротив, более рассудительный и ироничный. Он наблюдает за происходящим со стороны, превращая проделки друга в комические зарисовки. Его речь наполнена насмешливыми «научными» комментариями и доброй иронией: *А вот перед вами, уважаемые зрители, детёныш семейства криворуких бабуинов – «пирожокус дохлятикус; Только что мой хозяин, этот феймус икстрим фишърмень (от англ. fatous extreme fisherman – знаменитый экстремальный рыбак), загарпунил одного из самых опасных обитателей Кокбулакских болот – амазонского карася парнокопытного, длина которого порой достигает четырёх метров, а вес – двухсот граммов* [3]. В речи Олжика пародируется зоологический комментарий из передач и фильмов о природе и животных, узнаваемый по характерным словам и выражениям терминологического характера (*семейство, обитатель, парнокопытное, указание размеров*).

Олжик очень наблюдательный и обладает острым чувством юмора. Он не любит активно вмешиваться в происходящее, а предпочитает комментировать события со стороны, делая забавные и меткие замечания. Его умение замечать комичное в повседневном и превращать обычные события в юмористические сценки отражает аналитический склад ума и умение посмеяться над собой.

Вовка и Олжик часто преувеличивают происходящее, превращая повседневные события в эпические приключения. Так, сборы перед поездкой описаны как почти героическая экспедиция: *Вовкино барахло для выживания на тропических Галапагосских островах еле влезло в обширный багажник нашей «Тойоты Прады»* [3]. Их подход к описанию повседневной жизни не только развлекает, но и подчёркивает творческое восприятие мира. Это показывает, как фантазия и воображение могут обогатить наш опыт и сделать его более ярким. Это также показывается и в этом диалоге: – *Ну а всё-таки? – Один хороший человек гибнет у всего человечества на глазах. – То есть? – Вовчика отправляют в деревню, к бабушке, на всё лето* [3]. Дети часто придают большое значение событиям и переживаниям, которые взрослым кажутся не столь важными. Таким образом, ребёнок способен воспринимать обыденные вещи как важные и значимые события своей жизни. Та же привычка преувеличивать заметна и в других эпизодах. Когда Вовка падает, Олжик реагирует не сочувствием, а шуткой: *«Ну ты и грохнулся, прям как водородная бомба!»* [3], – превращая обычное происшествие в забавную «катастрофу мирового масштаба». С помощью подобных шутливых преувеличений автор раскрывает свойственное детям лёгкое и весёлое восприятие мира.

В речи героев часто проявляется ироничное отношение к взрослому миру. Даже когда Вовка говорит о бабушке, он выражается в типично подростковом стиле: *Тупа*

респект и уважуха бабуся! [3], – соединяя уважение и иронию, интернет-сленг и искреннее чувство. На этом фоне особенно ярко звучит речь самой бабушки, наполненная теплотой и простотой: *«Володенька! Ну наконец-то! Олжик! Огурчики солёные!»* [3] Эти слова передают доброжелательность, ласковость и традиционный уклад деревенской речи, что создаёт комичный и трогательный контраст с современным языком мальчиков. Именно в столкновении этих двух речевых миров рождаются самые смешные и вместе с тем душевные сцены произведения.

Таким образом, книга А. А. Черубаева «Приключения Олжика и Вовки. Как мы ездили в деревню» показывает, что язык может быть не просто средством общения, а настоящим инструментом создания настроения и характера. Живая, разговорная речь героев помогает почувствовать атмосферу современного детства – с его шутками, интернет-выражениями, искренностью и лёгкой иронией. Благодаря языку Вовки и Олжика читатель видит их как настоящих ребят: Вовка – активный, фантазёр и немного хвастун, а Олжик – спокойный, умный и наблюдательный. Особенно интересно, как их современная речь сталкивается с традиционным языком взрослых. Тёплые, простые слова бабушки звучат по-домашнему и контрастируют с подростковым сленгом, создавая и комизм, и ощущение доброты. В итоге язык в книге выполняет сразу несколько задач: делает историю живой, понятной и близкой детям, а заодно учит видеть красоту и выразительность даже в повседневных словах. «Приключения Олжика и Вовки» – это пример того, как современный писатель может говорить с детьми на их языке, сохраняя при этом тепло, смысл и искренность.

Список использованных источников

1. Даянова, Д. В. Сленг как элемент молодежной субкультуры (на примере сравнительно-сопоставительного анализа переводов произведений Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и С. Чбоски «Хорошо быть тихоней») [Электронный ресурс] / Д. В. Даянова // Science Time. – 2015. – № 5 (17). – С. 139–145. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-kak-element-molodezhnoy-subkultury-na-primere-sravnitelno-sopostavitelnogo-analiza-perevodov-proizvedeniy-dzh-d-selindzhenra-nad>. – Дата доступа : 14.09.2025.
2. Зубарева, Е. Е. Детская литература : учебник / Е. Е. Зубарева, В. К. Сигов, В. А. Скрипкина ; под ред. Е. Е. Зубаревой. – М. : Высш. шк., 2004. – 551 с.
3. Черубаев, А. А. Приключения Олжика и Вовки. Как мы ездили в деревню / А. А. Черубаев. – 3-е изд. – Екатеринбург : RIDERO, 2020. – 56 с.

Abstract. The article examines the linguistic features of the characters in A. A. Cherubae's book "The Adventures of Olzhik and Vovka. How We Went to the Village". It analyzes the characters' speech, focusing on the use of teenage slang, colloquial expressions, and elements of internet culture as a means of creating images and conveying the atmosphere of modern childhood. The article pays special attention to how the characters' language reflects their individual traits.

Keywords: teenage slang, speech characteristics, internet culture.

УДК 811.112.2

И. Ц. Мункуева, А. В. Рассолов
Научный руководитель – **Е. П. Налобина**,
ст. преподаватель

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРАТИВАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию символики колоративов в составе фразеологизмов немецкого языка с точки зрения гипотезы лингвистической относительности. Приводятся

определения колоративов, раскрывается символика цветообозначений на примере фразеологизмов и формулируется вывод о культурных особенностях, проявляющихся в использовании колоративов в составе фразеологизмов.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеологизмы, колоративы, цветообозначения.

В наше время многие исследователи придерживаются гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа [1, с. 108], которая предполагает, что именно родной язык влияет на наше мировоззрение и мышление. Согласно этой гипотезе, люди видят мир сквозь призму языка, носителями которого они являются. Следуя этой логике, можно сделать вывод, что многие слова, особенно наиболее частотно употребляемые, обрастают уникальными культурными коннотациями. В данной работе особое внимание было решено уделить цветообозначениям, или колоративам, в составе фразеологических единиц немецкого языка. Именно анализ такой универсальной для языков мира категории слов, как колоративы, позволит отследить, каким образом отличается представление о реальности у немцев от носителей других языков.

Целью работы является исследование символика цветообозначений, входящих в состав немецких фразеологизмов.

Согласно А. С. Сивцевой, под колоративом понимаются цветовые лексемы во всем комплексе их значений, включая прилагательные со значением цвета в объем этого понятия, их дериваты и светотеневые понятия [2, с. 49]. А. Ш. Халитова же считает, что термин «колоратив» означает языковую или речевую единицу, которая имеет прямую лексическую или опосредованную ассоциативную связь с цветом [3, с. 25]. Данное определение и будет взято за основу работы.

Одной из главных особенностей колоративов является их символика, так как цвета, в большинстве случаев, вызывают в сознании людей ассоциативные ряды. Важно отметить, что цветообозначения, входящие в состав фразеологических единиц, полностью или частично теряют свое первоначальное значение, как и любые лексические единицы в составе фразеологизмов. Однако именно их символика влияет на формирование семантики фразеологизма.

Так, прилагательное *weiß* (белый) символизирует чистоту, непорочность, добро, духовность [4, с. 63]. Поэтому во фразеологизме *Eine weiße Weste haben* (буквально *иметь белый жилет*) используется именно этот колоратив, так как значение фразеологизма – ‘быть невиновным’. Эту же символику несет цвет во фразеологизме *jemanden/sich weiß waschen wollen* – ‘обелить чью-то/свою репутацию, оправдать кого-то / себя’.

Schwarz (чёрный) может обозначать траур, несчастье, например, *schwarze Gedanken* – ‘мрачные мысли’ или *alles durch die schwarze Brille sehen* – ‘видеть мир в темных тонах, смотреть на вещи пессимистично’. Кроме того, чёрный цвет может обозначать противоправные действия, что-либо связанное с нарушением законов и норм. Приведем примеры: *die schwarze Markt* – ‘чёрный (подпольный) рынок’, *der Schwarzarbeiter* – ‘нелегальный работник’, *der Schwarzfahrer* – ‘заяц, безбилетник’, *schwarzsehen/schwarzhören* – ‘нелегально смотреть телевизор/слушать радио без оплаты’.

Rot (красный) может трактоваться как ‘что-то вызывающее сильные эмоции, такие как ярость или смущение: *rot sehen* – ‘разозлиться’, *wie ein rotes Tuch wirken* – ‘раздражать, сердить’ (буквально *действовать как красная тряпка на быка*); *rot werden* – ‘покраснеть от смущения’, *bis über die Ohren rot werden* – ‘покраснеть до ушей’, *einen roten Kopf bekommen* – ‘побагроветь от стыда’. Красный цвет может символизировать опасность, чрезвычайную ситуацию, как во фразеологических единицах *rotes Telefon* – ‘телефон горячей линии’, *die Rote Liste* – ‘список животных и растений, которым грозит вымирание (красная книга)’. Можно также отметить, что *rot* часто используется в экономической сфере для обозначения дефицита: *rote Zahlen* – ‘статистика в отчете, показывающая дефицит средств’, *rote Zahlen schreiben* – ‘работать в убыток’.

Blau (синий) в некоторых случаях означает мечты и идеалы, например: *blaue Schlösser bauen* – ‘строить воздушные замки’. Вдобавок к этому, синий является цветом обмана, лжи:

Jemandem blauen Dunst vormachen – ‘обманывать, вводить в заблуждение’; *ins Blaue (hinein) reden* – ‘городить околесицу’. Это связано с тем, что многие младенцы рождаются с голубыми глазами, а они наивны и неопытны (*blauäugig sein* – ‘быть доверчивым’).

Grün (зелёный) включает в себе несколько символов. Первый из них – природа (*bei Mutter grün* – ‘на лоне природы’; *ins Grüne gehen* – ‘делать прогулку за город’). Метафорически это можно трактовать как ‘неопытность, незрелость’: *ein grüner Junge* – ‘«зеленый» юнец’, *Grünschnabel* – ‘желторотый птенец’. Второй яркий символ, заключенный в слове *grün* – ‘зависть’. Зачастую слово *gelb* (жёлтый) имеет схожую символику и может использоваться совместно с *grün*: *grün und gelb werden* – ‘позеленеть от зависти’, *sich gelb und grün ärgern* – ‘беситься, выходить из себя, быть вне себя’. Жёлтый цвет может ассоциироваться с ухудшением состояния здоровья человека: *Gelb wie Wachssein* – ‘скверно выглядеть из-за болезни’ (буквально *быть жёлтым, как воск*), *Es wird einem gelb und grün vor Augen* – ‘состояние приближающегося обморока’.

Grau (серый) обозначает что-то незаметное, не бросающееся в глаза, невзрачное. Так, выражение *eine graue Maus* переводится как *серая мышка* (‘невзрачный человек’), а идиома *graue Eminenz* – *серый кардинал* обозначает человека, действующего скрытно, влияющего на события «из тени». Примерно та же символика прослеживается и в колоративе в составе фразеологической единицы *der graue Alltag* – *серые будни* ‘унылые, скучные на события, безрадостные’. Кроме того, по аналогии с чёрным цветом, серый используется в выражениях, обозначающих полулегальные акты, что-то находящееся на грани закона: *grauer Händler* – ‘человек, который занимается полулегальным бизнесом’. Помимо этого, серый ассоциируется с мудростью, богатым жизненным опытом, как, например, во фразеологизмах *alt und grau bei etwas werden* (*стать мудрее, съесть собаку на чем-либо*) и *die graue Vorzeit* (*седая старина*).

Braun (коричневый) может быть связан с кофе (*braune Stunde* – ‘послеобеденное время, когда пьют кофе’). Цвет также символизирует идеологию фашизма, например, нацистов называли *Braunhemden* – *коричневыми рубашками* – из-за цвета униформы сторонников. Фразеологизм *eine braune Vergangenheit haben* также относится к тем, кто раньше принадлежал к лагерю нацистов. Кроме того, коричневый и синий вместе используются для описания синяков, получения травм: *braun und blau schlagen* – ‘избить кого-то до синяков’.

Проанализировав фразеологические единицы немецкого языка с колоративами в их составе, можно сделать вывод, что символика цветообозначений в немецком языке в большинстве своем совпадает с той же в русском языке. Было выяснено, что белый и черный, как и в русском языке, ассоциируются с непорочностью и чистотой и несчастьем и трауром соответственно. Зелёный, конечно же, обозначает природу, а красный связан с ярко выраженными эмоциональными состояниями человека. Однако особый интерес для нас представляет категория фразеологизмов, где колоративы несут в себе символику, отличную от представленной в родном языке. Например, говоря о зависти, немцы используют жёлтый или зелёный цвета, в то время как в русском языке существует фразеологизм *завидовать чёрной завистью*. Таким образом, во многих случаях колоративы несут в себе схожую символику в языках индоевропейской семьи, однако существуют и уникальные для немецкого языка символы, заложенные в цветообозначения, которые отображают культурные особенности немцев.

Список использованных источников

1. Власова, О. В. Теория лингвистических универсалий и гипотеза лингвистической отнесенности с точки зрения теории катастроф (на примере эволюции цветоименований) / О. В. Власова, М. Н. Павлова // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 1. – С. 108–111.
2. Сивцева, А. С. Фразеологичность колоративов (на материале фразеологизмов английского языка) / А. С. Сивцева // Современный ученый. – 2022. – № 2. – С. 49–54.

3. Халитова, А. Ш. Перевод колоративов в поэзии С. А. Есенина на английский и немецкий языки / А. Ш. Халитова, А. М. Ариас // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – № 2(74). – С. 24–33.

4. Рочняк, Е. В. Колоративы в немецком языке как элемент национальной картины мира / Е. В. Рочняк, Д. Л. Рыжков // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2017. – № 5(31). – С. 60–66.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the symbolism of colouratives in the composition of German phraseological units from the perspective of the hypothesis of linguistic relativity. The definitions of colourative are given, the symbolism of colour names is revealed on the example of phraseological units and the conclusion about cultural features that manifest themselves in the use of colouratives in the composition of phraseological units is formulated.

Keywords: German, phraseological units, colourative, colour names.

УДК 821.161.1

Г. Ф. Мухутдинова

Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова**,
канд. филол. наук, доцент

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБРАЗА АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВИЧА ВРОНСКОГО В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация. Статья посвящена изучению генеалогии образа Алексея Кирилловича Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В работе автор определяет структуру образа, его роль в сюжете. В XXI в. образ Вронского порождает новые интерпретации филологов, психологов. Теоретической основой статьи явилась работа Л. Я. Гинзбург о «диалектике души» Л. Н. Толстого в свете открытий русской психологической прозы XIX в.

Ключевые слова: роман «Анна Каренина», Л. Н. Толстой, интерпретация классики, психологизм, образ Вронского.

Отечественное и зарубежное литературоведение XXI в. исследует генеалогию мифологических, фольклорных, литературных героев, которым посвящаются словари [1]. Образы героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1875–1877) обрели бессмертие, благодаря уникальным чертам характеров, биографии, мировоззрению, мировосприятию. Новые аспекты изучения явлений литературы, культуры были открыты в «цифровую эпоху». В 2010–2020-е гг. образы Алексея Александровича Каренина [2], Анны Карениной [3] интерпретировали литературоведы, кинорежиссеры, сценаристы. В «Анне Карениной» молодой граф Вронский, судьба которого неразрывно связана с трагической историей главной героини, является одним из самых запоминающихся, притягивающих, но вместе с тем и противоречивых характеров. В чем секрет бессмертия героя? Важно то впечатление, которое Вронский производит на читателя. Опыт изучения известных мифологических, фольклорных, литературных персонажей обобщен авторами Большого словаря литературных героев [1], во вступлении к изданию даны «установки», использующиеся при выборе «действующих лиц... всех времен и всех народов» [1, с. 3]. Согласно логике составителей, в поиске «своего героя» есть первый шаг: определить, «каковы наши представления о людях, с которыми нам хотелось бы повстречаться в жизни, которых хотелось бы узнать ближе» [1, с. 3]. Критерии: а) «герои, которые живут своей собственной жизнью и которые продолжают оставаться с нами, когда мы уже закрыли книгу»; б) бессмертие героя сформировано «общей культурной памятью»; «герои <...>, кто создан пером гения, претерпевают из века в век <...> различные и многочисленные превращения. И необходимо восстановить этапы этой эволюции,

чтобы понять, что её вызвало» [1, с. 3]. В рамках интермедиального подхода (литература и кино) выполнены современные филологические исследования образов Каренина и Анны [2; 3]. Одной из задач нашей статьи было «восстановить этапы эволюции» образа Вронского, его «превращений» в интерпретации современных исследователей.

В труде Л. Я. Гинзбург «О литературном герое» представлена генеалогия образа Алексея Кирилловича Вронского [4, с. 118–121]. В первом упоминании о Вронском исследователь выявила признаки готовой литературной модели – в высказывании Облонского: «Вронский – это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золочёной молодёжи петербургской...» [5, с. 63]. Л. Я. Гинзбург удалось проследить в тексте романа, как созданный Л. Н. Толстым образ начинает преодолевать рамки «образца» (модели) в «первоначальной экспозиции»: «В третьей части романа, оказывается, что Вронский <...> невыводим до конца из первоначальных формул характера. <...> К ролям блестящего гвардейца и русского джентльмена – не отменяя их, но глубоко преобразуя – присоединяется знакомая роль честолюбца, потерпевшего крушение» [4, с. 119]. Именно в XX гл. третьей части Л. Я. Гинзбург обнаружила вторую экспозицию Вронского. Своеобразным предощущением катастрофы стало крушение честолюбивой мечты: «...не только пресыщение любовью, но и жертва честолюбием <...>» [4, с. 120]. К. Н. Ломунов акцентировал в образе Вронского символическое начало – источник роковой беды: «с его искусственным «сводом правил» светского человека» [6, с. 301].

Огромный интерес к персонажам литературной классики демонстрируют современные филологи, психоаналитики [7]. Так, психоаналитик, филолог П. Байяр исследует «разлюбленность» на примере Вронского: «Как ярко свидетельствует роман «Анна Каренина», трагедия страсти заключается не в её силе, а в её кратковременности»; «Вронский скоро почувствовал, что осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал» [7, с. 41]. П. Байяр ориентировался на идею З. Фрейда («литература позволяет нам лучше понять свой внутренний мир» [7, с. 12]), его больше интересовало в романе «Анна Каренина» самонаблюдение читателя: «прислушиваться к тому, что (литература. – Г. М.) рассказывает нам о нас самих»; «лучше понять природу любовной страсти» [7, с. 12]).

В основу материала о Вронском, для создания статьи современного словаря литературных героев, можно положить тезис: Вронский не только является объектом любви светской дамы, но и символизирует различные социальные и психологические конфликты, противоречия, характерные для дворянской среды его эпохи. Алексей Вронский – офицер, представитель высшего света, отца он почти не помнил; его мать, блестящая светская дама, которую в душе он не уважал, имела много романов и была известна «*всему свету*». Вронский учился и воспитывался в Пажеском корпусе, далее он попал в когорту влиятельных, богатых петербургских военных. В Москве герой знакомится и сближается с юной Кити Щербацкой, которая в него влюбляется. Вронский не намерен жениться на Кити, поскольку не думал о браке. Его ухаживания представляли собой, скорее, попытку увлечь барышню (удовольствие в процессе завоевания). Вскоре случай перевернул его жизнь: встречая на вокзале мать, Вронский знакомится с Анной, и это знакомство становится поворотным моментом в судьбе. Грациозная и легкая походка, ласковая улыбка Анны, энергичность и оживление привлекают графа, пробуждают в нем новые чувства, рожают сильные эмоции, заставляя забыть о Кити. Образ молодой женщины овладевает всеми мыслями Вронского: он чувствовал, что впечатление, которое произвела на него Каренина, давало ему повод для счастья и гордости. Влюбленный неотступно следует за Анной в Петербург, посещает те же балы и приемы, где присутствует Каренина, и всё ради того, чтобы вновь увидеть её прекрасный облик. После многочисленных перипетий в развитии любовной линии герои оказываются в ситуации нравственного выбора. Всё меняет случай на офицерских скачках.

Образ Вронского действительно неоднозначен и непрост. Представитель «золотой молодежи» Петербурга, он богат, обладает обширными связями. Герой изображен как

человек, для которого первостепенны социальные нормы и ожидания, а встречи с Анной, блестящей светской дамой, усиливают мнение света о его высоком положении в обществе. Аристократ, красивый, умный, смелый, хорошо воспитанный и уверенный в себе молодой человек, умеет произвести в свете впечатление – завидный жених. Среди иных его черт есть честность, которую отмечают его ближние. Особая энергичность, целеустремленность отличает от других молодых людей, он привык добиваться своих целей (в карьере и в увлечении Анной). Но внутреннее противоречие очевидно: с одной стороны, герой – заботливый человек, готовый ради любви на жертвы, а с другой – неглубокая, импульсивная, не всегда понимающая чувства других людей личность. Вронский флиртует с Кити, но не делает ей предложения. Деталь: герой эгоистичен, самолюбив, что подтверждается в случае на скачках, так как он не переживает за лошадь, у которой сломан хребет. Ещё один пример: вначале Вронский страстно увлечен Карениной, даже отказывается от карьеры и выходит в отставку, хотя и наперекор своему честолюбию. Далее он по-прежнему влюблен в Анну, но её назойливое сильное проявление любви тяготит, и это причина трагического исхода всей истории любви.

Внешность Вронского – своего рода зеркало его положения в социуме, его внутреннего мира: как и внешний вид, внутренний мир привлекателен, но вместе с тем демонстрирует и некоторую легковесность. Примечательно, что имя супруга Анны совпадает с именем её любимого: *Потому что Алексей, я говорю про Алексея Александровича (какая странная, ужасная судьба, что оба Алексеи, не правда ли?)*. Имя Алексей с греческого переводится как *защитник*. Оба Алексея стараются преуспеть в карьере, и именно честолюбие и тщеславие – объединяющие их черты. Возникает некий контраст и параллелизм: Алексей Александрович – необщителен, скрытен, сдержан в эмоциях, а Вронский наоборот – весел, эмоционален и привлекателен.

Фамилия Вронского может быть связана со словом *ворон* (птица), но есть связь и с другими словами – *воронбй* (масть у лошадей) и *воронь* (чернота). В основе всех слов лежит значение 'чёрный': *...от коротко обстриженных черных волос....* Также в облике Анны: *Анна была...в чёрном, низко срезанном бархатном платье...; На голове у неё, в чёрных волосах....* «Чёрный» цвет, словно нить судьбы, соединяет Вронского и Анну Каренину, но цвет «проявляется» по-разному: для молодого графа – это мрачное предвестие грядущих событий, а для Анны – чёрный цвет символизирует рок и приводит к трагической развязке.

Следует отметить, что в романе Л. Н. Толстой чаще называет героя по фамилии, нежели по имени, что может, помимо прочего, означать принадлежность к высшему свету, где фамилия играла важную роль в определении социального статуса. Литературоведы отмечают, что у Алексея Вронского есть реальный прототип – офицер русской армии Николай Николаевич Раевский, который действительно отправился на войну в Сербию и там погиб. Завершая роман, Л. Н. Толстой пишет о ситуации, в которой Вронский говорит о своей готовности пожертвовать жизнью. Событие произошло летом 1876 г. на железнодорожной станции, и оно как бы предreshает дальнейшую судьбу героя. Последняя часть романа вышла отдельным изданием в 1877 г., после известий о гибели Н. Н. Раевского. Вероятно, писатель, работая над восьмой частью, уже знал, что Вронского вскоре ждет смерть на Балканах. В 1876 г. появился портрет полковника Н. Н. Раевского, в котором последний изображен «в форме лейб-гвардии гусарского полка», а его лицо, волевое и «твердое» с усами и бородой, сильно напоминают описание внешности Вронского: *Она живо вспомнила это мужественное, твердое лицо, это благородное спокойствие и сияющую во всем доброте ко всем...* (часть I, глава XV). Интересно: если в начале романа Л. Н. Толстой описывает героя так: *...от коротко обстриженных чёрных волос и свежесвыбритого подбородка....*, то в последних частях писатель упоминает, что у Вронского теперь уже отросла борода. Есть и другие объяснения. По одной из версий, Алексей Константинович Толстой, русский писатель и поэт, также мог послужить прототипом образа

Вронского. В таком случае, автор мог опираться на факты биографии и характер А. К. Толстого. Не исключено мнение, что писатель мог позаимствовать фамилию польского философа и математика Ю. Вронского, предполагается, что он мог узнать об этом человеке от А. И. Герцена. В черновиках писателя, как показало исследование, изначально были зафиксированы три фамилии, предназначенные герою. В ранних набросках Л. Н. Толстой дает Карениным фамилию Гагины, которую он также применял и к Вронскому, а в первой редакции романа герой носит фамилию Удашев, также приводится и вариант – Балашев (Н. Гудзий).

В 1857 г. был опубликован роман Г. Флобера «Мадам Бовари». Анна Каренина и Эмма Бовари – героини, чьи измены приводят их к гибели. Г. Флобер, как и Л. Н. Толстой, уделяет много внимания душевным переживаниям своих героев, создавая глубокий психологический портрет. В финальной версии «Анны Карениной» появляется фамилия *Вронский*. Ассоциативно она связана с именами персонажей А. С. Пушкина (Б. М. Эйхенбаум) [4, с. 121]. Л. Н. Толстой идет дальше в разработке характера дворянина, использует «тщательно индивидуализированное изображение переживаний... в их взаимосвязи и динамике» [8, с. 161].

Подводя итоги, отметим, что образ Алексея Кирилловича Вронского является художественным феноменом в русской классической литературе XIX в., связанным с развитием психологизма. Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» раскрывает внутренний мир героев в его сложности, глубине, часто в ситуации нравственного выбора. Богатство мира героев, непредсказуемость перипетий сюжета делают произведение Л. Н. Толстого «Анна Каренина» совершенным творением, лучшим среди классических русских романов.

Список использованных источников

1. Большая энциклопедия литературных героев : в 4 т. – Т. 1 : А–В / Под ред. Н. Трауберг. – М. : ТЕРРА-Книжный Клуб, 2001. – 268 с.
2. Дарвина, Д. В. Образ Алексея Александровича Каренина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и в экранизации Д. Райта «Анна Каренина» : интермедиаальный анализ / Д. В. Дарвина, А. В. Петров // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов III Междунар. молод. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 22 ноября 2017 г. / под ред. С. В. Рудаковой. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2017. – С. 26–32.
3. Дарвина, Д. В. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интермедиаальном пространстве кинематографа (анализ эпизода : Ч.1, гл. XXIX) / Д. В. Дарвина, А. В. Петров // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов IV Междунар. молод. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г. / под ред. С. В. Рудаковой. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. – С. 276–283.
4. Гинзбург, Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Сов. Писатель, Ленингр. отд-е, 1979. – 222 с.
5. Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман / Л. Н. Толстой. – М. : Эксмо, 2022. – 896 с.
6. Русские писатели : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. – Ч. 2 : М–Я / Редкол. : Б. Ф. Егоров и др. ; под ред. П. А. Николаева. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
7. Байяр, П. Загадка Толстоевского / П. Байяр. – М. : Текст, 2019. – 205 с.
8. Введение в литературоведение : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / под ред. Г. Н. Пospelова. — М.: Высш. школа, 1976. – 422 с.

Abstract. The article is devoted to the study of the genealogy of the image of Alexei Kirillovich Vronsky in the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina”. In the article, the author defines the structure of the image, its role in the plot. In the 21st century, the image of Vronsky gives rise to new interpretations of philologists and psychologists. The theoretical basis of the article was the work of L. Ginzburg on the “dialectics of the soul” of L. N. Tolstoy in the light of the discoveries of Russian psychological prose of the 19th century.

Keywords: the novel “Anna Karenina”, L. N. Tolstoy, interpretation of the classics, psychologism, the image of Vronsky.

Нгуен Тхань Хай
Научный руководитель – Е. Ю. Сидорова,
канд. филол. наук, доцент

**ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ МУЛЬТФИЛЬМОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(НА ПРИМЕРЕ СЕРИИ «ВЕЖЛИВОСТЬ»
МУЛЬТСЕРИАЛА «ПРОСТО О ВАЖНОМ: ПРО МИРУ И ГОШУ»)**

Аннотация. Статья рассматривает лингвометодический потенциал российских мультфильмов в обучении РКИ. На материале серии «Вежливость» мультсериала «Просто о важном: Про Миру и Гошу» разработана система заданий, развивающих речевую и социокультурную компетенции для студентов уровня А2–В1.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аудирование, мультфильмы.

Мультипликационные фильмы играют важную роль в современной методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Согласно методистам, использование мультфильмов на уроке по РКИ помогает достичь ряд учебных целей: развитие речевой компетенции, расширение словарного запаса и повторение ранее изученной лексики, а также знакомство с русской культурой, формирование социокультурной компетенции и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Во-первых, в мультфильмах часто представлены ситуации естественного речевого общения, поэтому их можно использовать для обучения русскому речевому этикету [1, с. 72]. Во-вторых, они отличаются чёткостью речи, понятным сюжетом, наглядностью, небольшим объёмом звучащего текста и большой эмоциональной вовлечённостью, что облегчает восприятие студентов [2, с. 407].

Кроме того, мультфильмы и детская литература обладают гуманистическим характером и большим воспитательным потенциалом. Именно в данных жанрах традиционно утверждаются идеи толерантности, уважения, доброжелательности, стремления к взаимопониманию [3, с. 1]. Соответственно, включение таких материалов в процесс обучения не только помогает в формировании у иностранных обучающихся перечисленных качеств, но и способствует развитию навыков толерантного общения на русском языке.

Данная статья посвящена работе с материалом серии «Вежливость» из российского мультсериала «Просто о важном: Про Миру и Гошу» [7].

Цель данной работы – раскрыть лингвометодический потенциал российских мультфильмов на материале серии «Вежливость» из мультсериала «Просто о важном: Про Миру и Гошу» и разработать к ней систему заданий, направленную на развитие речевой и социокультурной компетенции у иностранных студентов.

Этот мультфильм создан в рамках социально-гуманитарного проекта «Просто о важном», направленного на здоровое эмоциональное развитие детей, нравственную ориентацию и поддержание семейных ценностей.

Выбор данного мультсериала обусловлен рядом причин. Во-первых, он достаточно популярный среди носителей языка. Каждая серия освещает одну повседневную ситуацию или проблему и хорошо заканчивается, с выводом в конце и примером жизненного урока. Во-вторых, он содержит разные темы, которые очень близки к речевым темам, изучаемым на уроках РКИ, такие как «У врача», «В гостях», «Кулинария», «Домашние дела», «Будущая профессия», «Вежливость», «Самооценка», «Отношение к окружающим» т. п., что даёт преподавателям большой выбор для урока по РКИ для студентов разного уровня и с разными интересами. В-третьих, звучащий текст каждой серии

небольшой (по 5–6 минут), содержит живые диалоги, не перегружен сложными синтаксическими конструкциями, причастными и деепричастными оборотами. Целевая аудитория – иностранные студенты языкового уровня А2–В1.

Выбранная серия «Вежливость» описывает типичную ситуацию: бабушка и дедушка пришли в гости к детям и внукам. Но они были не довольны поведением внуков и считали, что дети не научены вежливости, а родители были не строгими. В серии поднимаются вопросы о межпоколенческих отношениях и взаимодействии, роли семейного воспитания в формировании у детей характера и нормы поведения. Мультфильм также подчёркивает необходимость придерживаться традиционных норм поведения, одновременно иметь открытый взгляд, уметь прислушиваться и решать конфликты с помощью открытого диалога.

Урок на материале данной серии организуется по трёхэтапной схеме: предтекстовый этап, притекстовый и послетекстовый.

На первом этапе предлагается работа с названием мультфильма, знакомство с действующими лицами в серии и обсуждение вводных вопросов по теме. Кроме того, можно повторить формулы речевого общения в русском языке и попросить студентов поделиться опытом и личным мнением. После этого преподавателю следует снять возможные лексико-грамматические трудности у студентов.

Задание 1. Посмотрите на постер мультфильма, прочитайте его название «Просто о важном: Про Гошу и Миру», скажите, как вы думаете, о чем может быть мультфильм? Кто главные герои мультфильма?

Задание 2. Что значит *вежливость*? Как быть вежливым в вашей культуре? Что вы знаете о русском речевом этикете? (Например, при обращении к преподавателям в университете, к людям на улице, к старшим, к друзьям и т. д.). Какие бывают трудности у вас и ваших друзей-земляков при изучении формул русского речевого этикета?

Задание 3. Прочитайте, переведите незнакомые вам слова и словосочетания: *вежливость, вежливый человек, уважение, скучать по кому, чему, соскучиться, поздороваться с кем, приветствовать кого, быть в настроении, настроение поправится, обидеть кого, обидеться, воспитанный/невоспитанный человек, поведение, нормы и правила поведения, культурная норма, карнавал, наряд, надевать/надеть, скромный (о человеке, одежде), со вкусом.*

Задание 4а. Поставьте слова из задания 3 в следующие реплики:

1. Дети только по бабушке ..., а со мной даже не ...
2. – Он сегодня не в настроении.
– Что значит «не в настроении»? Будут котлетки и настроение ...
3. – Да что же это такое? Что тут у вас творится?
– Кто тут бабушку...?
4. Никакого уважения! Что хотят, то и делают. Что хотят, то и говорят. В наше время таких ... людей не было!
5. Вежливость выглядит по-разному в разных культурах. Это значит, что есть разные ... между детьми и взрослыми.
6. (О платье) И ручки прикрыты, и длина хорошая – всё ... !
7. Бабушка, мне понравилось платье, которое ты мне привезла. Я его ... в школу. Но сегодня у нас ..., костюмированная вечеринка, понимаешь?

Задание 4б. Послушайте данные реплики и повторите за героями.

На втором этапе студентам предлагается посмотреть мультфильм и выполнить задание на общее понимание его сюжета.

Задание 5. Посмотрите мультфильм, скажите, почему бабушка обиделась?

На третьем этапе преподаватель может показать мультфильм ещё раз и задать вопросы для обсуждения, направленные на проверку понимания мультфильма и развитие коммуникативных навыков у студентов.

Задание 6. Ответьте на вопросы:

1. Кто пришёл в гости домой к Мире и Гоше? Их приветствовали дети? Почему?
2. Как обращался папа к бабушке и дедушке? Как Мира и Гоша обращались к ним? Как вы думаете, Гоша и Мира были вежливыми?
3. Что бабушка хочет готовить для всей семьи? Всем понравилось такое блюдо?
4. Какое у Миры мероприятие сегодня вечером? Какое платье она подготовила? Бабушке понравился такой наряд? Почему?
5. Как папа объяснял «вежливость» в разных культурах? Что вы думаете о роли родителей в формировании культуры речи у ребёнка?
6. Как вы понимаете, у кого какой характер? Почему между бабушкой и внуками был конфликт?

Можно также предложить студентам ответить на вопросы, направленные на рефлексию и творческое развитие.

Задание 7. Обсудите в мини-группе вопросы: 1. Такая ситуация часто происходит в вашей семье? На ваш взгляд, какова причина конфликта между поколениями? Предложите возможные решения этой проблемы. 2. Как вы считаете, недопонимание и конфликты могут быть между носителями разных культур? У вас был такой опыт? Предложите возможные, на ваш взгляд, решения этой проблемы.

Задание 8: Снимите короткие творческие видео (до 1 минуты) по двум темам: 1. Видео на тему сравнения этикета общения между вашей родной культурой и русской культурой; 2. Видео на тему сравнения этикета общения между разными поколениями в вашей культуре или в русской культуре. Работа может быть выполненной в мини-группе.

Таким образом, российские мультфильмы обладают огромным лингвометодическим потенциалом. Они активизируют процесс преподавания РКИ и делают его более эффективным и привлекательным. Серия «Вежливость» из мультсериала «Просто о важном: Про Гошу и Миру» может послужить материалом для занятий РКИ по теме «Семейные ценности», а также для обучения русскому речевому этикету, воспитания толерантного общения на русском языке и толерантности в целом.

Список использованных источников

1. Дмитриева, Д. Д. Использование видеоматериалов в процессе обучения иностранных студентов русскому языку (на примере мультипликационных фильмов) / Д. Д. Дмитриева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 2 (31). – С. 71–73.
2. Шувалова, О. О. О системе работы с мультфильмами на уроках РКИ / О. О. Шувалова // Проблемы модернизации современного высшего образования : лингвистические аспекты : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., Омск, 25 мая 2018 года. – Омск : ООО «Изд-во Ипполитова» ; Омск. автобронетанк. инж. ин-т, 2018. – С. 404–407.
3. Денисова, А. А. Аннотация учебного пособия «Чебурашка и его друзья : пособие по развитию речи с использованием мультфильмов / русский язык как иностранный» / А. А. Денисова // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2007. – № 2. – С. 184–186.
4. Ефремова, М. Н. Мультфильмы на уроках РКИ как средство формирования иноязычной социокультурной и коммуникативной компетенции / М. Н. Ефремова, И. А. Королева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 8 (151). – С. 25–29.
5. Гончар, И. А. Звучащий текст как объект лингвистики и методики (в аспекте РКИ) / И. А. Гончар. – Русский язык за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 25–32.
6. Сидорова, Е. Ю. «Трое из Простоквашино» : работа с мультфильмом и с текстом повести в иностранной аудитории / Е. Ю. Сидорова // Русская литература в иностранной аудитории : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г. – Выпуск 11. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2023. – С. 370–378.
7. Просто о важном. Про Миру и Гошу. Серия «Вежливость» [Электронный ресурс] // Rutube. – Режим доступа : <https://rutube.ru/video/9066ac201087a684d056a5da986e4a97/> – Дата доступа : 09.10.2025.

Abstract. The article explores the linguo-methodical potential of Russian animation in teaching Russian as a foreign language. Using the episode “Politeness” from the series “Simply about the important: About Mira and Gosha” the author presents a task system aimed at developing students’ speech and sociocultural competence. The material targets learners at A2–B1 levels.

Keywords: russian as a foreign language, listening comprehension, animation.

УДК 82-311

П. А. Нечаева

Научный руководитель – **К. Н. Савельев**,
д-р филол. наук, профессор

БИБЛЕЙСКИЙ ОБРАЗ ЩЕГЛА В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ЩЕГОЛ»

Аннотация. В романе Донны Тартт картина «Щегол» Карела Фабрициуса становится символом неразрешенной травмы главного героя. Тео Декер, переживший теракт и смерть матери, неосознанно превращает украденный шедевр в материальное воплощение своей вины и горя. Донна Тартт переосмысляет христианскую символику страстей через призму современного психологического романа о травме и исцелении.

Ключевые слова: Страдания Христовы, щегол, Донна Тартт «Щегол», Карел Фабрициус, терновый венец.

Легенда о щегле в христианской традиции представляет собой характерный пример народного благочестивого предания, возникшего в средневековой Европе. Согласно сюжету, во время шествия Иисуса Христа на Голгофу с крестом и терновым венцом на голове маленькая птица – щегол – подлетела к Спасителю и выдернула один из шипов. Капля крови, упавшая на её голову, оставила красное пятно на оперении, которое стало отличительным признаком вида [1]. Подобные легенды выполняли важную функцию в средневековой религиозной культуре. Они объясняли особенности внешнего облика животных и растений через события *Страстей Христовых* и придавали миру природы сакральный смысл. В данном случае естественная окраска щегла была интерпретирована, как «след крови Христа», что превращало птицу в символ сострадания и напоминание о страданиях Спасителя. В искусстве Возрождения (например, в «Мадонне с младенцем» Рафаэля) этот мотив получил широкое распространение, закрепив за образом птицы значение предвестника крестных страданий Христа [2].

История о щегле и Христе свидетельствует о широкой традиции средневековой символизации природного мира, в которой животные и растения приобретали религиозное значение и становились частью сакрального нарратива. Значимость образа щегла в искусстве и религиозной культуре подробно рассмотрена Гербертом Фридманом в классических исследованиях, до сих пор считающихся основополагающими в области иконографии и религиоведения [3].

В «Щегле» Донны Тартт [4] центральное место занимает одноименная картина Карела Фабрициуса – образ маленькой птицы, прикованной цепочкой к жердочке.

Впервые картина «Щегол» упоминается из уст матери Тео, которая была поражена ею в раннем детстве: *Это самая первая картина, в которую я по-настоящему влюбилась*. Картина Фабрициуса постепенно проникает в личностное пространство героини и затем становится неотъемлемой частью её эмоциональной и культурной идентичности. В дальнейшем эта связь реализуется через образ картины, который связывает мать и сына, создавая символическую линию преемственности и общности восприятия искусства. На начальном этапе восприятия картина представляется герою как весьма простое и незамысловатое изображение: *Одна была самой маленькой, самой маленькой на всей выставке и самой простой...* [4, с. 35]. Первая реакция главного героя на изображенного щегла свидетельствует о его

минимальных ожиданиях относительно художественной ценности этого произведения и, возможно, о степени его эмоционального дистанцирования по отношению к изображению, воспринимаемому как обыденный и незамысловатый объект.

После того как мать Тео кратко ознакомила его с аннотацией к картине, сам Тео отступает назад и обращает внимание на выразительный характер изображенного щегла: птица предстает перед ним как серьезная, деловитая фигура, лишенная всякой сентиментальности. Особое внимание уделяется композиционной гармонии образа – тщательному расположению птицы на жердочке, её яркой окраске и **тревожному, настороженному взгляду**. Именно этот взгляд, воспринимаемый с полотна, выступает как предвестник «Страстей Христовых», что символически указывает на последующие испытания и драматические события, связанные с жизнью маленького Тео после знакомства с картиной. Образ щегла приобретает не только эстетическое, но и глубокое символическое значение, отражающее внутренние переживания и судьбу главного героя.

Далее устанавливается, что данная картина является одной из немногих сохранившихся произведений после взрыва в Дельфте, что придает ей историческую и культурную значимость как свидетельству о пережитом катастрофическом событии. Помимо этого, отмечается, что произведение было свидетелем смерти своего создателя, **Карела Фабрициуса**, что позволяет рассматривать эту картину в контексте символического наблюдения за уходом знаковых личностей – в частности, как и щегол из христианского предания, он становится свидетелем смерти ключевых фигур: художника и, далее, сына Божьего. В ходе внутреннего размышления о картине главный герой обращает внимание на изображенные детали: «прикованная ножка, ужасная цепь» [4, с. 36], которые символизируют ограниченность и лишение свободы. Образ птицы, прикованной к жердочке, представляется метафорой её несвободы, которая, по аналогии, продолжается в пространстве музея – она заперта внутри рамок полотна – и в конечном итоге становится символом внутренней и внешней связанной судьбы Тео, прикованного к произведению искусства как к духовному и эмоциональному опорному пункту.

Образ щегла у Карела Фабрициуса обладает дуалистической природой, символизируя одновременно состояние свободы и несвободы. В контексте повествования, после взрыва в Дельфте и перед тем, как Тео забирает картину, птица предстает как свободный субъект: её заточение, олицетворяемое цепью и жердочкой, завершено, что символизирует временную свободу и возможность самостоятельного существования. Аналогичным образом, в момент смерти художника в Дельфте, щегол воспринимается как свидетель, наблюдающий за завершением истории своего творца, что подчеркивает его статус как наблюдателя за границей между жизнью и смертью. В этот период птица не принадлежит никому, что подчеркивает её статус автономного символа. Однако, когда Тео забирает птичку как часть картины, оба они оказываются затянутыми в круг **уробороса** – символ цикличности, бесконечности и взаимной зависимости. Таким образом, с момента совместного присвоения, щегол и Тео воспринимаются как неразрывно связанные, обретающие судьбу, запертую в спираль, – уроборос, что указывает на их нерушимую внутреннюю связь и невозможность разделения.

В анализе представленной символики можно провести параллель между фигурой Тео, связанного с щеглом, и страдающего Христа из христианской иконографии. В данном контексте удержание птицы становится аллегорией непреодолимой привязанности, которая, подобно терновому венцу, выполняет роль перманентного источника страдания.

Терновый венец в христианской традиции служит визуальным и концептуальным маркером искупительных мук, причем особый акцент делается на шипе, вонзающемся в надбровную область, что усиливает семантику неотвратимой боли. Аналогичным образом связь Тео с птицей приобретает характер навязчивой фиксации, где щегол выступает в роли символического шипа – элемента, который, будучи удержанным, препятствует исцелению и продлевает состояние психологического или экзистенциального страдания.

Данная метафора раскрывает механизм **саморазрушающей привязанности**: объект, который мог бы быть отпущен, вместо этого сохраняется как источник хронической боли, что коррелирует с теологическим нарративом о добровольном принятии страдания ради сохранения связи с сакральным.

Через четырнадцать лет после изъятия картины «Щегол» из музея во время террористического акта Тео Декер, теперь занимающийся антикварной торговлей, узнает, что произведение числится в розыске Интерпола. Осознавая свою причастность к криминальному инциденту и неся груз вины, он принимает решение вернуть картину, вовлекая в процесс Бориса Павликовского. Несмотря на осложнения, возникающие при передаче полотна, «Щегол» в итоге возвращается в музей, что символически **завершает цикл** травматического опыта, связывавшего Тео с прошлым.

Этот акт реституции знаменует ключевой момент в психологической трансформации персонажа: утрата матери, хаотичное взросление и постоянное чувство вины постепенно разрешаются через добровольный отказ от объекта, который долгое время функционировал как травматический шип. В христианской иконографии шип тернового венца символизирует неизбывное страдание, и аналогичным образом картина для Тео была не просто материальным предметом, а воплощением незаживающей психологической раны.

Возвращение «Щегла» эквивалентно извлечению этого шипа – болезненного, но необходимого действия, ведущего к освобождению. Птица, изображенная на полотне, метафорически улетает, позволяя Тео наконец расстаться с прошлым и обрести **внутреннюю свободу**.

Сюжетная линия Тео Декера демонстрирует, как материальный объект, наделенный глубоким символическим значением, может становиться символом травмы, фиксируя индивида в состоянии вины и незавершенности. Возвращение «Щегла» выступает актом катарсиса, разрушающим порочный круг самобичевания и позволяющим перейти к этапу исцеления. Данный нарратив иллюстрирует универсальный психологический механизм: освобождение от деструктивной привязанности требует не просто физического расставания с её символом, но и осознанного принятия утраты как части личной истории.

Список использованных источников

1. The Fitzwilliam Museum, Cambridge | National Treasures Partners [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nationalgallery.org.uk>. – Дата доступа : 27.09.2025.
2. Smarthistory : ресурс для изучения истории искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://smarthistory.org>. – Дата доступа : 25.09.2025.
3. Friedmann, H. The symbolic goldfinch : its history and significance in European devotional art / H. Friedmann. – Washington : Pantheon Books for Bollingen Foundation, 1946. – 376 с.
4. Тартт, Д. Щегол / Д. Тартт. – М. : АСТ, 2019. – 827 с.

Abstract. In the novel by Donna Tartt, the painting “Goldfinch” by Karel Fabrice becomes a symbol of the main character’s unresolved trauma. Theo Decker, who has survived the terrorist attack and the death of his mother, unconsciously transforms the stolen masterpiece into a material embodiment of his guilt and grief. Donna Tartt redefines the Christian symbolism of passion through the lens of a modern psychological novel about trauma and healing.

Keywords: Sufferings of Christ, Stalk, Donna Tartt «Goldfinch», Karel Fabrice, crown of thorns.

УДК 811.16.1

Д. А. Новиков
Научный руководитель – **С. Г. Шулежкова**,
д-р филол. наук, профессор

НОМИНАЦИЯ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические особенности номинации в сфере беспилотной авиации, охватывающей как военный, так и гражданский секторы. Анализируются

структурно-семантические модели наименований беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), выявляются мотивы и принципы их образования. Особое внимание уделяется влиянию культурных, идеологических и маркетинговых факторов на процесс наименования.

Ключевые слова: лингвистика, номинация, беспилотная авиация, дрон, военный дискурс.

Оружие – важнейшая часть продукции военной промышленности, гарантирующая обороноспособность страны. В языке новое оружие представлено разнообразными наименованиями, которые придумываются изобретателями, производителями или рождаются в боевых условиях, в СМИ, в репортажах военкоров. Военные неологизмы, появившиеся во время СВО, отражают не только мощь, поражающие свойства новых видов оружия, но и речевую изобретательность российских воинов [1, с. 171; 2, с. 442].

Современная эпоха характеризуется активным развитием беспилотных летательных аппаратов (*БПЛА, дрон*), которые прочно вошли в различные сферы человеческой деятельности – от военной разведки и доставки грузов до аэрофотосъёмки и спасательных операций. Расширение функционала дронов сопровождается усложнением их лексического репертуара в языке, где формируются новые наименования, обозначающие тип, назначение, производственную принадлежность и даже идеологическую направленность аппарата.

Процесс номинации БПЛА представляет собой интересный объект для лингвистического исследования, поскольку объединяет черты технической терминологии, коммерческого нейминга и символического наименования. Названия дронов одновременно отражают их утилитарное назначение и культурные смыслы эпохи – от военной героики до эстетики инноваций.

Цель данного исследования – провести анализ лингвистических особенностей номинации в сфере беспилотной авиации, выявить различия между военными и гражданскими наименованиями, определить их семантические, структурные и культурные характеристики.

Истоки беспилотной техники уходят в конец XIX века. Никола Тесла продемонстрировал радиоуправляемые корабли, в Первую мировую войну появились самоходные торпеды, а в 1920-х активно испытывались беспилотные самолёты. Позднее появились крылатые и зенитные ракеты, а затем – межконтинентальные баллистические ракеты, которые также можно считать беспилотными летательными аппаратами. До начала XXI века беспилотники воспринимались как вспомогательные военные или исследовательские устройства, а не как отдельная категория авиации, требующая своей собственной уникальной номинации.

В начале 2010-х годов начался новый этап: дроны стали массовыми, доступными и популярными. Если раньше БПЛА применялись преимущественно в военных и исследовательских целях, то теперь они стали частью гражданской жизни – от аэросъёмки и мониторинга до логистики и развлечений.

Термин *номинация* в лингвистике трактуется как процесс наименования объектов и явлений действительности средствами языка. По определению Н. Д. Арутюновой, номинация – это «способ вербализации мира через выбор значимого имени» [3, с. 23]. В технической и военной сферах номинация выполняет двойную функцию: идентификационную (указание на объект в системе классификации) и репрезентативную (создание имиджа, символического значения).

Особенность военной номинации заключается в её семиотической многослойности: одно и то же наименование может быть одновременно кодом, знаком силы и средством идеологического воздействия. В гражданской сфере, напротив, преобладает маркетинговая и эмоционально-оценочная мотивация, направленная на узнаваемость и коммерческий успех продукта. Структура и семантика рассматриваемых лексем отражают как функциональные особенности БПЛА, так и социокультурные установки общества.

На основе анализа открытых источников (военных каталогов, промышленных реестров, СМИ и корпоративных сайтов) можно выделить несколько устойчивых моделей номинации беспилотных аппаратов, каждая из которых имеет собственные структурные и смысловые признаки.

1. Зоонимическая и орнитонимическая модели. Зоонимы и орнитонимы – древнейшие и наиболее продуктивные модели номинации в военном дискурсе, поскольку образ птицы издавна символизирует скорость, силу и господство в воздухе, а потому естественно переносится на летательные аппараты, отражая их технические и боевые характеристики. В обоих секторах активно используются названия, ассоциирующиеся с животными и птицами. Зоонимы и орнитонимы акцентируют внимание на характеристиках, значимых для лётного аппарата, – скорости, зоркости, манёвренности.

Орлан – крупная хищная птица, символ высоты и зоркости; сова ассоциируется с ночным наблюдением, разведкой; корсар – метафорическое сочетание черт хищника и бойца. К военным БПЛА, наименование которых образовано по данной модели, относятся «Орлан», «Сова», «Корсар», «Сокол», «Птеродактиль», «Воробей», «Ворон-75», «Дрозд», «Афалина», «Трионикс-6М», «Катран» (Россия); «Беркут» (Беларусь – Россия) “*Raupen*” (рус. «Ворон»), “*RQ-4 Global Hawk*” (рус. «Глобальный ястреб») (США).

Использование зоонимов и орнитонимов обеспечивает антропоцентрическую интерпретацию техники, придавая машине «живые» качества;

2. Мифонимы и культурные ассоциации. Названия, восходящие к мифологии, астрономии и истории, придают объекту символическую значимость. Такая номинация формирует ассоциативное поле возвышенности, мощи и наблюдательности, подчёркивающие «надчеловеческие» способности объекта, миссии и величия технологии, например: «Орион» (мифологический охотник и созвездие; символ наблюдения и целеуказания), «Сириус» (ярчайшая звезда, образ точности и сияния), «Альтиус» («Альтаир») (лат. *altus* – «высокий, возвышенный»; метафора высоты и совершенства), «Персей», «Горгона», «Икар», «Гелиос», «Велес», «Перун», «Синильга», «Гарпия-А1», «Посейдон», “*Bayraktar*” (в переводе с турецкого «Знаменосец»; символ национальной гордости и воинской славы).

3. Технически-кодовая модель. В военной и промышленной практике широко применяются буквенно-цифровые обозначения, отражающие технические характеристики или принадлежность к серии: “*ZALA 421-16E5G*”, “*MQ-9 Reaper*”, “*BAC-200*”, “*BT-40*”, “*ММТ-300*”, “*БЭК-1 000*”. Подобные обозначения выполняют чисто идентификационную функцию и чаще всего сопровождаются дополнительным «человеческим» именем – например, *MQ-1 Predator* (вымышленный инопланетянин из научно-фантастической одноимённой франшизы, также включающей в себя компьютерные игры, игровые автоматы, аттракционы, игрушки, комиксы и книги, а также один из главных персонажей в медиафраншизе-кроссвере «Чужой против Хищника». – Д. Н.).

4. Метафорическая и символическая модели. Метафорические наименования формируются на основе переноса функциональных свойств с понятийного на символический уровень. Они создают образ дрона как «умного» и «видящего» объекта, подчёркивая когнитивный и аналитический потенциал технологии: «Ланцет» (от названия медицинского инструмента, символ точности и проникающего действия), «Иноходец» (нестандартный, оригинальный, «иначе движущийся» аппарат), «Форпост» (передовой пост, дрон для разведки, наблюдения, патрулирования), «Охотник» и «Хищник» (быстрота, внезапность), «Зонд» (ассоциация с первыми космическими кораблями СССР, основной задачей дрона является короткая разведывательная миссия, «проба»), «Инспектор» (предназначен для мониторинга местности, корректировки огня и ретрансляции сигналов; может работать в сложных погодных условиях), «Ижорец», «Гранад», «Застава», «Зеница» (символ зоркости, дрон для нанесения точечного удара), «Молния», «Неон».

5. Флорообразная и эвфемистическая модели. Особенностью военного нейминга, военного дискурса является появление эвфемистических наименований, замаскированных под «мирные» или «нейтральные» лексемы. Подобные имена выполняют психолингвистическую функцию снижения агрессивного восприятия военной техники, например: «Герань» (*Shahed-136*/«Герань-2»), ББКН «Одуванчик».

Подобная стратегия особенно активно используется в условиях информационной войны, когда имя становится инструментом нарратива и смягчения восприятия оружия, создания символа «умного, но мирного» устройства.

Названия беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) отражают не только функциональные характеристики, но и ценностную языковую картину мира. Не случайно в российской военной традиции наблюдается тяготение к зоонимам, орнитонимам и славянским символам. Таким образом, номинация БПЛА выступает не просто как инструмент идентификации, но и как знак культурной идентичности, отражающий мировоззрение создателя и стратегию коммуникации с аудиторией.

Язык беспилотной военной авиации представляет собой отражение современного технологического мифа, где дрон становится символом наблюдения, контроля и инновации.

Список использованных источников

1. Новиков, Д. А. Сверхсловные единицы, называющие виды оружия, используемые участниками боевых действий в «горячих точках» / Д. А. Новиков // Славянская фразеология и паремология : сб. науч. статей. – Вып. 3. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 170–177.
2. Новиков, Д. А. Несерьёзные названия современного серьёзного оружия / Д. А. Новиков // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докладов 82-й Междунар. науч.-техн. конф., Магнитогорск, 22–26 апр. 2024 г. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2024. – Т. 3. – С. 442.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. слав. культ., 1999. – 913 с.

Abstract. The article examines the linguistic features of nomination in the field of unmanned aviation, which covers both the military and civilian sectors. The article analyzes the structural and semantic models of the names of unmanned aerial vehicles (UAVs), and identifies the motives and principles of their formation. Special attention is paid to the influence of cultural, ideological, and marketing factors on the naming process.

Keywords: linguistics, nomination, unmanned aerial vehicles, drones, military discourse.

УДК 37.026.9

М. П. Оберюхтина

Научный руководитель – **Л. Д. Пономарёва**,
д-р филол. наук, профессор

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается, как текстоцентрический подход в рамках технологии РКМЧП развивает критическое мышление через трёхфазную модель «вызов – осмысление – рефлексия». Этот метод превращает текст в инструмент для активного интеллектуального поиска, помогая ученикам самостоятельно анализировать информацию и конструировать знания.

Ключевые слова: РКМЧП, вызов, осмысление, рефлексия, текст.

В современном мире, перегруженном информацией, ключевой задачей образования становится не столько передача суммы знаний, сколько обучение умению мыслить – критически, самостоятельно и творчески. Педагогическая технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП), описанная в трудах С. И. Заир-Бека и И. В. Муштавинской, предлагает эффективный ответ на этот вызов. Её сердцевина – текстоцентрический подход, где работа с текстом становится главным инструментом формирования мыслящей, рефлексирующей личности [1].

Традиционное обучение часто рассматривает текст как догму, источник готовых истин, которые ученик должен пассивно усвоить и воспроизвести. Текстocентрический подход в РКМЧП кардинально меняет эту парадигму. Здесь текст – это не монолог автора, а повод для диалога, интеллектуальное пространство, где сталкиваются разные точки зрения, рождаются вопросы и строятся личные смыслы.

Критическое мышление, как его понимают авторы технологии, – это не негативное отрицание, а «разумное рефлексивное мышление, сфокусированное на решении того, во что верить и что делать» [1, с. 16]. Такому мышлению нельзя научить, просто заставляя запоминать. Ему можно научиться только в процессе активной интеллектуальной деятельности, где текст становится тренажером для ума. Чтение и письмо выступают не как узкопредметные навыки, а как ключевые инструменты познания: чтение – для анализа, сравнения и оценки информации, письмо – для структурирования и выражения собственных мыслей.

Дидактический потенциал подхода раскрывается через базовую трехфазную модель РКМЧП: «вызов – осмысление содержания – рефлексия» [2]. Эта модель задает четкий алгоритм работы с любым текстом, превращая его изучение в управляемый процесс интеллектуального поиска.

1. Стадия вызова. На этом этапе важно актуализировать имеющиеся у учеников знания и опыт по теме, пробудить интерес и сформулировать собственные вопросы. Приемы вроде составления кластеров («гроздей»), таблицы «знаю – хочу узнать – узнал», «верных и неверных утверждений» мотивируют учащихся. Они не просто готовятся получить информацию извне, а сами определяют цели своего обучения: «Что я уже знаю? Что хочу выяснить?». Это создает личную заинтересованность в результате.

2. Стадия осмысления содержания. Непосредственная работа с текстом становится активной и вдумчивой. Ученик читает не как пассивный потребитель, а как исследователь, который ищет ответы на свои вопросы, отмечает новое, непонятное и противоречащее его первоначальным представлениям. Ключевым инструментом здесь выступает прием «ИНСЕРТ» (интерактивная система разметки текста), когда учащиеся маркируют текст значками («v» – уже знал, «+» – новое, «-» – думал иначе, «?» – не понял). Это превращает чтение в диалог с автором, учит отслеживать собственное понимание и выявлять зоны неопределенности.

3. Стадия рефлексии. Это кульминация процесса, где происходит осмысление и присвоение новой информации. Учащиеся возвращаются к своим первоначальным предположениям, вносят коррективы в кластеры, заполняют таблицы, участвуют в дискуссиях, пишут эссе. Здесь новая информация интегрируется в систему личных знаний, подвергается оценке, рождаются новые выводы и, что особенно важно, – новые вопросы. Рефлексия завершает цикл, но одновременно открывает дверь к дальнейшему познанию.

Один из главных дидактических потенциалов РКМЧП – его универсальность. Технология успешно применяется при работе с самыми разными видами текстов и на всех школьных дисциплинах.

Информационные тексты (история, география, биология): приемы РКМЧП помогают учащимся не «тонуть» в фактологии, а вычленять главное, устанавливать причинно-следственные связи, отличать научные данные от интерпретаций.

Художественные тексты (литература): стратегии вроде «чтения с остановками» позволяют глубоко проникнуть в художественный мир, анализировать поступки героев, авторский замысел, вырабатывать собственную обоснованную позицию, а не ограничиваться готовым анализом из учебника.

Математические и научные тексты: несмотря на их специфику, технология учит внимательному чтению условия задачи, анализу формул и теоретических выкладок, помогая понять логику научного познания, а не просто механически применять алгоритмы.

Кроме того, текстocентрический подход в РКМЧП легко интегрируется с другими педагогическими инновациями [3]. Визуальные методы организации материала (таблицы, схемы, кластеры, «бортовые журналы») делают мышление учащихся «видимым»,

помогая им структурировать сложный материал. Работа с вопросами разного уровня – от «тонких» (фактических) до «толстых» (интерпретационных, оценочных) – формирует культуру inquiry-based learning (обучения через исследование).

Дидактический потенциал текстоцентрического подхода в рамках РКМЧП заключается в его способности коренным образом изменить образовательную парадигму [4, с. 31]. Учитель перестает быть единственным источником знания, превращаясь в организатора самостоятельной познавательной деятельности. Текст перестает быть сводом догм, становясь полем для интеллектуального поиска. Наконец, ученик из пассивного реципиента информации превращается в активного, критически мыслящего субъекта, способного не только усваивать знания, но и ставить вопросы, сомневаться, анализировать и создавать собственные смыслы. В конечном счете это и есть главная цель современного образования – воспитать человека, готового к жизни в постоянно меняющемся мире, человека, умеющего думать.

Список использованных источников

1. Заир-Бек, С. И. Развитие критического мышления на уроке : пособие для учителей общеобразовательных учреждений [Электронный ресурс] / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 2011. – 223 с. – Режим доступа : https://kimc.ms/pedagogam/shkola-molodogo-administratora/materialy/TRKM/rkm_zair-bek.pdf. – Дата доступа: 13.08.2025.
2. Кларин, М. В. Инновации в мировой педагогике : обучение на основе исследования, игр, дискуссии : анализ зарубежного опыта [Электронный ресурс] / М. В. Кларин ; Ассоц. «Развивающее обучение». – Рига : Пед. центр «Эксперимент», 1995. – 176 с. – Режим доступа : https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/method/2022/klarin_m.v._innovacii_v_pedagogike.pdf. – Дата доступа : 05.09.2025.
3. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития [Электронный ресурс] В. И. Андреев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1996. – 566 с. – Режим доступа : <https://logospress.ru/docs/pedagogika.pdf>. – Дата доступа : 10.09.2025.
4. Гузеев, В. В. Образовательная технология : от приема до философии [Электронный ресурс] / В. В. Гузеев. – М. : Изд. фирма «Сентябрь», 1996. – 112 с. – Режим доступа : <https://proshkolu.ru>. – Дата доступа : 10.09.2025.

Abstract. The article examines how the text-centric approach within the framework of the RCMCH technology develops critical thinking through the three-phase model “challenge – comprehension – reflection”. This method turns the text into a tool for active intellectual search, helping students independently analyze information and construct knowledge.

Keywords: DCTRAW, challenge, comprehension, reflection, text.

УДК 372.881.161.1:004.8:316.628

Е. Ю. Останина

Научный руководитель – **Л. Д. Пономарева**,
д-р пед. наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ИИ-ИНСТРУМЕНТОВ НА ВНУТРЕНнюю И ВНЕШНЮю МОТИВАЦИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 5 КЛАССЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения учебной мотивации при изучении русского языка. Обосновывается потенциал технологий искусственного интеллекта (ИИ) как средства целенаправленного воздействия на мотивационную сферу младших подростков. На основе анализа психолого-педагогических особенностей возраста и дидактических возможностей ИИ-инструментов оценивается их влияние на ключевые компоненты внутренней и внешней мотивации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, учебная мотивация, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, русский язык, младшие подростки, персонализация обучения, геймификация.

Современное образование находится в состоянии активной цифровой трансформации, вызванной стремительным развитием технологий искусственного интеллекта. Особую значимость этот процесс приобретает при обучении в 5 классе, где наблюдается устойчивое снижение учебной мотивации, обусловленное переходом из начальной в среднюю школу, возрастанием академической нагрузки и преобладанием репродуктивных методов преподавания.

Русский язык как дисциплина, требующая систематичности и многократного повторения, особенно остро сталкивается с проблемой потери интереса со стороны обучающихся. В связи с этим поиск эффективных инструментов повышения мотивации становится первостепенной задачей. Одним из наиболее перспективных направлений является внедрение ИИ-инструментов, способных трансформировать учебный процесс [1, с. 232].

Применение технологий искусственного интеллекта на уроках русского языка влияет на структуру учебной мотивации пятиклассников, дифференцируя воздействие на ее внутренние и внешние компоненты. Интеграция ИИ в обучение русскому языку позволяет целенаправленно воздействовать на оба типа мотивации, создавая условия для смещения баланса в сторону внутренних стимулов.

Влияние ИИ-технологий на учебную мотивацию целесообразно анализировать через призму теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, выделяющей три базовые психологические потребности: автономия (чувство свободы выбора и инициативы), компетентность (ощущение эффективности и мастерства) и связанность (переживание взаимоотношений и причастности). Удовлетворение этих потребностей является фундаментом внутренней мотивации [2, с. 174].

Ключевым механизмом в данном случае выступает адаптивность. Такие платформы, как «Яндекс.Учебник», «Учи.ру», «Взгляды», позволяют настроить адаптивный режим обучения, где каждый обучающийся движется по своему маршруту, а также дают возможность анализировать ошибки каждого ученика и автоматически подбирать задания соответствующего уровня сложности. Это позволяет обучающемуся постоянно находиться в «зоне ближайшего развития» (Л. С. Выготский), испытывая позитивные эмоции от преодоления посильных трудностей, что укрепляет веру в свои силы и стимулирует интерес к деятельности как таковой [3, с. 256].

Genially используется для создания интерактивных презентаций и образовательных игр, стимулирующих креативность и любопытство обучающихся.

Quizizz позволяет проводить игровые тестирования, где обучающиеся конкурируют друг с другом, получая удовольствие от процесса обучения.

Генеративные ИИ-сервисы, например, языковые модели для помощи в написании текстов, могут выступать как инструменты для творчества. Обучающийся, испытывающий трудности с началом сочинения, может получить от ИИ несколько вариантов вступления. Это не отменяет творческий процесс, а снимает «барьер чистого листа», давая ученику точку опоры и возможность выбора, переводя ученика из пассивной позиции исполнителя в активную позицию соавтора, который отбирает, критически оценивает и дорабатывает предложенные идеи, что усиливает чувство автономии. Инструменты проверки правописания в реальном времени снижают страх ошибки, позволяя сосредоточиться на содержании текста [4, с. 48].

ИИ позволяет связывать учебный материал с интересами конкретного обучающегося. Так, задание на составление предложений можно построить на основе тематики любимых фильмов или книг ученика, что повышает личностную значимость изучаемого материала.

Потребность в связанности и внешняя мотивация актуализируются через геймификационные механики. Баллы, бейджи, рейтинги, виртуальные награды за прохождение уровней являются классическими внешними стимулами. Однако их ценность заключается в том, что они могут служить «мостом» к внутренней мотивации, делая первоначальное взаимодействие с трудным материалом более привлекательным [5, с. 123].

LearningApps или wordwall предлагают разнообразные задания, сопровождающиеся наградами, что привлекает учеников и вызывает чувство удовлетворения от преодоления препятствий.

Buncsee или Gamma.app – инструмент для создания ярких презентаций, привлекающих внимание обучающихся и придающих внешним мотивам большее значение.

Kahoot!, edugarplay – игровые платформы, мотивирующие обучающихся к высоким позициям в рейтингах и получаемым очкам.

Мгновенная проверка заданий и подробный анализ ошибок, предоставляемые ИИ, удовлетворяют потребность младшего подростка в немедленной оценке его действий. Это мощный внешний стимул, который тем не менее работает на развитие внутренней мотивации, так как помогает ученику сразу понять принцип, а не ждать оценки учителя через несколько дней [6, с. 17].

ИИ-инструменты оказывают комплексное воздействие на мотивацию. Они не просто усиливают внешние стимулы, а трансформируют их роль. Внешние элементы (игровые рейтинги) становятся не самоцелью, а частью увлекательного процесса познания, постепенно уступая место внутреннему интересу.

Ключевой положительный эффект заключается в дифференциации и индивидуализации, что напрямую адресовано основной проблеме мотивации в 5 классе: разноразности подготовки учащихся. ИИ позволяет каждому пятикласснику двигаться в собственном темпе, испытывая успех, что является фундаментом для роста внутренней мотивации.

Однако существуют и риски: чрезмерный акцент на геймификации может привести к тому, что ученики начнут гнаться за баллами, а не за знаниями; возможна также подмена креативного мышления пассивным потреблением контента, сгенерированного ИИ. Роль учителя как организатора и интерпретатора учебного процесса в условиях использования ИИ становится критически важной для нивелирования этих рисков [7, с. 44].

Влияние ИИ-инструментов на учебную мотивацию обучающихся позволяет сделать вывод о высоком потенциале этих программных приложений для гармоничного развития как внешней, так и внутренней мотивации. Важнейшим результатом их применения является создание персонализированной образовательной среды, которая за счет адаптивности, оперативной обратной связи и элементов геймификации способствует формированию у младших подростков устойчивого познавательного интереса к русскому языку.

Внешние стимулы при этом служат эффективным катализатором вовлечения на начальном этапе, постепенно уступая место внутренней мотивации, основанной на чувстве компетентности, автономии и осмысленности учебной деятельности.

Эффективность ИИ-инструментов определяется не их наличием, а методически грамотной интеграцией в учебный процесс. Учителю необходимо дозировать адаптивность, сознательно включая в индивидуальные маршруты задания, требующие интеллектуального усилия, выходящего за рамки комфортной зоны; использовать генеративные ИИ как инструмент для мозгового штурма и обсуждения, а не как генератор готовых продуктов, организуя коллективное обсуждение предложенных ИИ-вариантов; сочетать геймификацию с содержательной рефлексией, акцентируя познавательные, а не соревновательные результаты; соблюдать грань между адаптацией и упрощением, помощью и подменой проведения самим учителем, который выступает не как технический координатор, а как смысловой интерпретатор и архитектор учебного опыта. Только в этом случае ИИ-инструменты станут не просто техническим новшеством, а мощным средством развития устойчивой познавательной мотивации и решением одной из самых острых проблем современной школы.

Список использованных источников

1. Роберт, И. В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) / И. В. Роберт. – 4-е изд., стер. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 398 с.

2. Деси, Э. Теория самодетерминации: потребности как мотивационная основа личности / Э. Деси, Р. Райан // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. – С. 156 – 183.
3. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 480 с.
4. Лобачёва, Н. А. Дидактический потенциал программ по генерации текста на уроках русского языка / Н. А. Лобачёва // Гуманитарные науки. – 2023. – № 4 (64). – С. 45–52.
5. Гордеева, Т. О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития : монография / Т. О. Гордеева. – М. : Академия, 2017. – 360 с.
6. Кондаков, А. М. Цифровые технологии в образовании : вызовы и возможности / А. М. Кондаков // Народное образование. – 2020. – № 6. – С. 15–22.
7. Соловова, Е. Н. Риски цифровой трансформации школы : взгляд педагога / Е. Н. Соловова, Е. А. Генике // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 41– 49.

Abstract. The article addresses the current problem of decreasing learning motivation among 5th-grade students when studying the Russian language. It theoretically substantiates and analyzes the potential of artificial intelligence (AI) technologies as a means of targeted influence on the motivational sphere of young adolescents. Based on an analysis of the age-specific psychological and pedagogical characteristics and the didactic capabilities of AI tools, an assessment of their impact on the key components of intrinsic and extrinsic motivation is conducted.

Keywords: artificial intelligence, learning motivation, intrinsic motivation, extrinsic motivation, Russian language, young adolescents, personalization of learning, gamification.

УДК 811.161.1'38

С. Н. Парамонова

Научный руководитель – **Т. Б. Радбиль**,
д-р филол. наук, профессор

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АВТОРСКОЙ ПУНКТУАЦИИ КАК ЯВЛЕНИЯ В РОМАНАХ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Аннотация. В работе рассматриваются стилистические функции авторской пунктуации в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Анализируется роль тире, многоточия, парных знаков препинания и синтаксической фрагментации, которые служат для создания ритма, передачи психологического состояния персонажей, выражения авторской оценки и усиления философского звучания текста

Ключевые слова: авторская пунктуация, стилистические функции, романы М. А. Булгакова, тире, многоточие, синтаксическая фрагментация.

Пунктуационная система русского языка, при всей своей кажущейся регламентированности, предоставляет писателю широкие возможности для индивидуального, художественно мотивированного использования. Как отмечает Н. С. Валгина, «пунктуация в художественном тексте становится активным средством передачи не только логических, но и эмоционально-экспрессивных значений» [1, с. 156]. Понятие «авторская пунктуация» подразумевает сознательное отступление от норм и правил с целью достижения определённого эстетического или экспрессивного эффекта.

Творчество Михаила Афанасьевича Булгакова является одним из ярчайших примеров того, как знаки препинания превращаются из служебных элементов в полноправные средства художественной изобразительности. По словам В. П. Григорьева, «идиостиль крупного художника всегда проявляется в особом отношении к грамматическим возможностям языка» [2, с. 128]. В романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» пунктуация становится инструментом, формирующим уникальный ритм прозы, углубляющим психологизм и вербализующим фундаментальные философские проблемы.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация стилистических функций авторской пунктуации в двух вершинных романах М. А. Булгакова. В работе представлен анализ конкретных примеров использования тире, многоточия, двоеточия, кавычек и синтаксических структур, нарушающих классическую норму.

Тире как маркер драматизма и лаконизма. Особое место занимает тире. По мнению Н. С. Валгиной, «тире в авторской речи способно фиксировать как логическое противопоставление, так и динамику интонации» [1, с. 78]. Тире – один из наиболее активных знаков в булгаковской пунктуационной палитре. В «Белой гвардии» оно часто служит для создания напряжённого, рваного ритма, соответствующего хаосу Гражданской войны и внутреннему состоянию героев.

Примеры из «Белой гвардии»: *Где-то далеко гремели орудия – и в эту минуту стало ясно: город обречён* («Белая гвардия») [3, ч. I, гл. 2, с. 21]. Тире объединяет противоположные смысловые пласты: звук канонады и мысль о неминуемости катастрофы. Знак препинания усиливает контраст, выступает в роли эмоционального «среза».

Поздно. В Городе – бой. В штабе – паника. В панике этой – генерал («Белая гвардия») [3, ч. III, гл. 20, с. 184]. Лаконизм и рубленость синтаксиса, организованные тире, передают стремительность и неотвратимость происходящего, визуализируя хаос и абсурд военного времени.

Этот же приём работает для создания выразительного психологического портрета: *Глаза у Турбина – серые, испуганные, и – виноватые* («Белая гвардия») [3, ч. I, гл. 3, с. 77]. Тире здесь расчленяет мысль, заставляя читателя остановиться на каждой характеристике, ощущая сложную гамму чувств героя – от внешней описательности (*серые*) к глубокому внутреннему состоянию (*испуганные, и – виноватые*).

В «Мастере и Маргарите» тире используется для передачи экспрессии: *Тот, кто любил, – должен был страдать* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 3, с. 559]. Здесь тире выделяет важнейший философский постулат романа, подчеркивает его афористичность и завершенность. В этом романе тире приобретает ещё и философскую, афористичную нагрузку, особенно в ершалаимских главах и в репликах Воланда: *– Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 2, с. 134] Тире в диалогах подчёркивает интеллектуальную напряжённость, служит логическим акцентом. Оно визуализирует паузу, предшествующую ключевому суждению, превращая речь Воланда в череду тезисов и придавая его словам характер непреложной истины.

Многоточие как средство передачи недосказанности и потока сознания. Многоточие у М. А. Булгакова – знак особой значимости. Е. А. Иванчикова подчёркивает, что «многоточие в художественной прозе XX века часто становится знаком внутреннего напряжения, разрыва в сознании персонажа» [4, с. 184].

В «Белой гвардии» многоточие часто сопровождает мысли героев о судьбе, России, прошлом: *Прекрасный был мир... И этот мир погиб безвозвратно* («Белая гвардия») [3, ч. I, гл. 1, с. 179]. Многоточие здесь становится знаком разрыва времён, визуальным воплощением утраты. Оно передаёт не просто незаконченность фразы, а цезуру между прошлым, которое уже невозможно вернуть, и трагическим настоящим.

В «Мастере и Маргарите» многоточие становится лейтмотивом внутреннего состояния Мастера, его душевной надломленности и усталости: *У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет... меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 13, с. 559]. Оно передает не столько незаконченность мысли, сколько её исчерпанность, трагическую опустошённость. Многоточие здесь – знак душевного и творческого кризиса, граничащего с небытием.

Кроме того, многоточие активно используется для создания эффекта потока сознания, когда внутренняя речь героя теряет линейность: *Кто это?.. Странный человек... И глаза... как будто он знает что-то такое...* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 1, с. 526] (мысли Ивана

Бездомного о Воланде). Читатель оказывается внутри хаотичного мыслительного процесса, где связь между образами ассоциативна, а не логична. Многоточия передают рождение догадки, смутного, не до конца осознанного страха перед встречей с неведомым.

Парные знаки и кавычки: ирония, аллюзия, цитация. М. А. Булгаков использует парные знаки (скобки, кавычки, двойное тире) для внесения дополнительных смысловых пластов. *Он не заслужил света, он заслужил покой* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 32, с. 666]. Заключительная фраза романа, будучи формально самостоятельным предложением, функционально является частью более широкого контекста, имитирующего евангельский стиль. Отсутствие кавычек при прямой цитации (как если бы это были слова высших сил) придает утверждению характер абсолютной, божественной истины, подчеркивая философскую глубину финала.

Кавычки в булгаковских текстах выполняют не только функцию выделения прямой речи или цитат. Они становятся инструментом иронии и сарказма, разоблачая ложные смыслы и советскую бюрократическую риторику. В «Мастере и Маргарите» почти все упоминания о литературной и театральной среде Москвы сопровождаются кавычками: *«писатель» Берлиоз, «поэт» Иван Бездомный, «конференсье» Жорж Бенгальский*. Это создаёт эффект отстранения, показывает несоответствие названия и сущности, разоблачая фальшь и притворство советского общества.

В «Белой гвардии» кавычки могут использоваться для стилизации, отсылая к языку и понятиям ушедшей эпохи, или для тонкой авторской иронии: *«исторический ход»* («Белая гвардия») [3, ч. II, гл. 8, с. 138]. Кавычки здесь сигнализируют о цитировании расхожего, но сомнительного, с точки зрения автора или героев, штампа, подчеркивая абсурдность попыток осмыслить хаос истории в рамках упрощенных схем.

Синтаксическая фрагментация и ритмизация прозы. Одной из ярчайших черт булгаковского стиля является сознательная фрагментарность синтаксиса. Короткие, часто номинативные предложения, нанизанные друг на друга, создают кинематографический эффект, работая как монтажные склейки: *Звезды. Снег. Ветер. Метель. Вьюга* («Белая гвардия») [3, ч. III, гл. 19, с. 179]. Эта лапидарность в «Белой гвардии» передаёт и масштаб исторических событий, и одиночество человека перед лицом стихии. Отсутствие глаголов и союзов создает ощущение безвозвратности и рока, где природа становится безразличным свидетелем человеческой трагедии.

В «Мастере и Маргарите» подобный приём используется для создания гротескных, почти сюрреалистичных сцен, например, во время бала у Воланда: *Жара. Танцы. Визг. Смрад. Восторг. Ужас* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 23, с. 571]. Здесь сжатое и семантически объемное описание ситуации, точечными деталями охватывающее все стороны изображаемого через перцептивизацию: обстановка, движение, громкий голос. В романах «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия» М. А. Булгаков использует разные виды перцептивизации: **аудиальную:** *В ушах у Маргариты зазвенело, как в колокольчик* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 24, с. 583]; *Ночью слышно было, как далеко и глухо гудели орудия. Это был тяжкий, мерный, как бой часов, гул* («Белая гвардия») [3, ч. III, гл. 19, с. 179]; **визуальную:** *Прямо перед ним сидел на полу толстый, черноволосый человек, по-обезьяньи отрастивший бороду и с беспокойством ловивший его взгляд своими маленькими, но необыкновенно пронзительными глазами* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 8, с. 359]; *В Городе было страшно. Совершенно внезапно наступили сумерки и окутали его в сиреневую пелену* («Белая гвардия») [3, ч. I, гл. 6, с. 100]; **ольфакторную:** *Пахло жженым и ладаном, и по полу были разбросаны какие-то темные пятна* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 4, с. 318]; *В столовой тепло и уютно, пахнет ландышами, и на столе, под бархатной скатертью, – самовар* («Белая гвардия») [3, ч. I, гл. 2, с. 19]; **тактильную:** *Маргарите стало холодно. Холод проникал всё глубже в её тело* («Мастер и Маргарита») [3, гл. 21, с. 583]; *Снег был рыхлый, мокрый. Мороз щипал за уши, за нос* («Белая гвардия») [3, ч. III, гл. 18, с. 174].

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать ключевые стилистические функции авторской пунктуации в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», что соответствует цели настоящей статьи. Анализ конкретных примеров использования тире, многоточия, кавычек и синтаксических структур, нарушающих классическую норму, подтвердил, что пунктуация в прозе М. А. Булгакова является инструментом художественной выразительности.

Изучение этой грани творчества писателя открывает новые перспективы для понимания глубины и новаторства его прозы, подтверждая тезис о том, что настоящий мастер творит не только словами, но и паузами между ними, материализованными в знаках препинания.

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля : Избранные труды / В. П. Григорьев. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 812 с.
3. Булгаков, М. А. Белая гвардия ; Мастер и Маргарита : Романы / М. А. Булгаков. – Минск : Мастацкая літаратура, 1988. – 669 с.
4. Иванчикова, Е. А. Синтаксис художественной прозы XX века / Е. А. Иванчикова. – М. : URSS, 2009. – 264 с.

Abstract. The paper examines the stylistic functions of authorial punctuation in Mikhail Bulgakov's novels "The White Guard" and "The Master and Margarita". The author analyzes the role of the dash, ellipsis, paired punctuation marks, and syntactic fragmentation, which serve to create rhythm, convey the psychological state of characters, express the author's evaluation, and enhance the philosophical resonance of the text.

Keywords: authorial punctuation, stylistic functions, Mikhail Bulgakov's novels, dash, ellipsis, syntactic fragmentation.

УДК 371.385.5

Р. Р. Победимова

Научный руководитель – О. В. Дорфман,
канд. пед. наук

ЦИФРОВЫЕ НАРРАТИВЫ В СИСТЕМЕ РЕЧЕВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования цифровых нарративов как эффективного инструмента речеведческой подготовки учащихся в современной образовательной среде. Представлены результаты эмпирического исследования эффективности применения цифровых нарративных технологий на уроках русского языка, а также методические рекомендации по их интеграции в учебный процесс.

Ключевые слова: цифровые нарративы, речеведческая подготовка, методика преподавания, коммуникативная компетенция, текстоцентрический подход.

Современная образовательная парадигма характеризуется стремительной цифровизацией и трансформацией традиционных подходов к обучению. Особую актуальность в этих условиях приобретает проблема эффективной речеведческой подготовки школьников. Цифровые нарративы, представляющие собой мультимодальные повествовательные структуры, созданные с использованием цифровых технологий, открывают широкие перспективы для развития речевых навыков учащихся. Интеграция цифровых нарративов

в систему речеведческой подготовки позволяет модернизировать традиционные методики обучения русскому языку и сформировать у школьников компетенции, необходимые для успешной коммуникации в современном информационном обществе.

Феномен цифрового нарратива в образовательном контексте привлекает внимание многих исследователей. В научно-педагогической литературе цифровой нарратив рассматривается как особый вид текста, обладающий мультимодальностью, интерактивностью и гипертекстуальностью. По определению Н. В. Максимовой, цифровой нарратив представляет собой «динамическую повествовательную структуру, созданную с использованием цифровых технологий и объединяющую в себе вербальные, визуальные, аудиальные и интерактивные компоненты» [1, с. 42]. Исследователь подчеркивает образовательный потенциал цифровых нарративов, отмечая их способность активизировать познавательную деятельность учащихся и развивать навыки критического мышления.

Теоретико-методологические основы использования цифровых нарративов в обучении русскому языку разрабатываются в трудах С. А. Кучиной, которая выделяет следующие типы цифровых нарративов: линейные, интерактивные и сетевые [2, с. 78]. Каждый из этих типов обладает специфическими характеристиками и может быть использован для решения различных дидактических задач в процессе речеведческой подготовки школьников.

Проведенное нами эмпирическое исследование в школе-гимназии г. Атырау (Республика Казахстан) показало, что регулярное использование цифровых нарративов на уроках русского языка способствует значительному повышению уровня речевой культуры учащихся. Так, у 68 % школьников, участвовавших в эксперименте, отмечено существенное улучшение навыков текстопорождения по сравнению с контрольной группой, где данный показатель составил лишь 32 %. Особенно заметный прогресс наблюдался в области структурирования текста и использования выразительных средств языка.

Методологический потенциал цифровых нарративов в системе речеведческой подготовки школьников реализуется через интеграцию текстоцентрического и коммуникативно-деятельностного подходов. Текстоцентрический подход, как отмечает Т. И. Зинovieва, предполагает использование текста в качестве основной дидактической единицы при обучении языку [3, с. 56]. Цифровой нарратив, являясь особой формой текста, позволяет расширить представления учащихся о текстовой деятельности, познакомить их с новыми форматами текстов, характерными для цифровой коммуникации.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что систематическое включение заданий по анализу и созданию цифровых нарративов в учебный процесс позволяет сформировать у школьников более глубокое понимание закономерностей текстопостроения. Так, среди учащихся экспериментальной группы 73 % продемонстрировали высокий уровень осознания структурно-смысловой организации текста, в то время как в контрольной группе этот показатель составил 41 %.

Важным аспектом использования цифровых нарративов в речеведческой подготовке является их жанровое разнообразие. Е. А. Горошкина предлагает классификацию цифровых нарративов по жанровому признаку, выделяя такие разновидности, как цифровые истории, цифровые репортажи, цифровые эссе, цифровые мемуары и др. [4, с. 123]. Так, работа с цифровыми историями способствует формированию навыков последовательного изложения событий, а создание цифровых эссе развивает умение выражать и аргументировать собственную точку зрения.

Практическая реализация методики использования цифровых нарративов в речеведческой подготовке школьников предполагает поэтапное формирование соответствующих умений и навыков. На начальном этапе целесообразно познакомить учащихся с понятием цифрового нарратива, его основными характеристиками и типологией. Затем следует организовать аналитическую работу с готовыми образцами цифровых нарративов, направленную на выявление их структурно-смысловых и языковых особенностей. На заключительном этапе учащиеся переходят к созданию собственных цифровых нарративов различных жанров.

Наше исследование показало, что наиболее эффективными формами работы с цифровыми нарративами являются проектная деятельность и творческие мастерские. В рамках проектной деятельности учащиеся могут создавать коллективные цифровые нарративы на определенную тему, что способствует развитию навыков сотрудничества и коллективного текстопорождения. Творческие мастерские, в свою очередь, позволяют сосредоточиться на индивидуальном творчестве и развитии авторского стиля.

Особое внимание при работе с цифровыми нарративами следует уделять формированию у школьников критического отношения к информации. В процессе создания цифровых нарративов учащиеся должны научиться отбирать, анализировать и интерпретировать информацию из различных источников, что способствует развитию информационно-аналитических умений. Как отмечает А. В. Полонский, «формирование критического мышления в условиях информационного общества становится одной из ключевых задач современного образования» [5, с. 89].

Результаты проведенного нами эксперимента свидетельствуют о том, что систематическая работа с цифровыми нарративами способствует развитию не только речевых, но и когнитивных способностей учащихся. Так, у 62% школьников экспериментальной группы отмечено повышение уровня критического мышления, проявляющееся в умении анализировать информацию, выявлять противоречия, формулировать обоснованные выводы.

Эффективность использования цифровых нарративов в речеведческой подготовке школьников подтверждается результатами нашего исследования. Так, в экспериментальной группе, где систематически применялись задания по анализу и созданию цифровых нарративов, 76 % учащихся продемонстрировали высокий уровень развития коммуникативных умений, в то время как в контрольной группе этот показатель составил 45 %.

Особую значимость в контексте речеведческой подготовки приобретает работа с мультимодальными аспектами цифровых нарративов. Мультимодальность, предполагающая сочетание различных семиотических ресурсов (вербальных, визуальных, аудиальных), позволяет расширить представления учащихся о возможностях передачи информации и выражения смысла. В процессе создания мультимодальных цифровых нарративов школьники учатся осознанно выбирать и комбинировать различные семиотические ресурсы для достижения определенного коммуникативного эффекта, что способствует развитию их семиотической компетенции.

Методические рекомендации по использованию цифровых нарративов в речеведческой подготовке школьников должны учитывать возрастные особенности учащихся и уровень их цифровой грамотности. Для учащихся младшего и среднего школьного возраста целесообразно начинать с простых форм цифровых нарративов, таких как цифровые истории или цифровые репортажи, постепенно переходя к более сложным жанрам. Для старшеклассников можно предлагать создание цифровых эссе, цифровых мемуаров, цифровых исследовательских проектов, требующих более высокого уровня аналитических и творческих способностей.

Проведенное нами исследование показало, что индивидуализированный подход к использованию цифровых нарративов способствует повышению мотивации учащихся к изучению русского языка. Так, в экспериментальной группе 82 % школьников отметили, что работа с цифровыми нарративами вызывает у них интерес и желание совершенствовать свои речевые навыки.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы использования цифровых нарративов в речеведческой подготовке школьников связаны с разработкой специализированных учебно-методических материалов, ориентированных на различные возрастные группы учащихся, а также с изучением возможностей интеграции цифровых нарративов в систему подготовки к государственной итоговой аттестации по русскому языку.

Таким образом, цифровые нарративы представляют собой эффективный инструмент речеведческой подготовки современных школьников, позволяющий модернизировать традиционные методики обучения русскому языку и адаптировать их к требованиям цифровой эпохи.

Список использованных источников

1. Максимова, Н. В. Цифровой нарратив как новая текстовая форма в образовательном процессе / Н. В. Максимова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 41–54.
2. Кучина, С. А. Электронный текст : методология исследования и типология / С. А. Кучина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7. – С. 76–81.
3. Зиновьева, Т. И. Методика обучения русскому языку и литературному чтению / Т. И. Зиновьева. – М. : Юрайт, 2019. – 468 с.
4. Горошкина, Е. А. Жанровое разнообразие цифровых текстов в школьной практике / Е. А. Горошкина // Русский язык в школе. – 2020. – № 3. – С. 119–126.
5. Полонский, А. В. Медиа и их текстовая реальность / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2015. – № 18. – С. 85–92.

Abstract. This article examines the use of digital narratives as an effective tool for speech education of students in a modern educational environment. It presents the results of an empirical study on the effectiveness of digital narrative technologies in Russian language lessons, as well as methodological recommendations for their integration into the educational process.

Keywords: digital narratives, speech science training, teaching methods, communicative competence, text-centric approach.

УДК 811.112.2

С. Р. Пятницyna

Научный руководитель – Е. П. Налобина,

ст. преподаватель

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НЕМЕЦКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассматриваются основные способы перевода немецких рекламных слоганов на русский язык: прямой перевод, локализация и транскреация. Проанализированы их особенности на примере оригинальных рекламных текстов. Особое внимание уделяется сохранению выразительности, эмоционального воздействия и культурных особенностей при передаче слоганов.

Ключевые слова: рекламный слоган, реклама, транскреация, локализация.

В настоящее время реклама стала неотъемлемой частью жизни, и в связи с глобализацией компании все чаще продают свои товары за границу. Перед переводчиками встает задача адекватного перевода рекламного текста, а в особенности рекламных слоганов. Слоган – это короткая и запоминающаяся фраза, которая используется в коммерческом контексте. Рекламные слоганы выполняют не только информационную функцию, но и оказывают на потребителей эмоциональное воздействие. Слоган должен отражать уникальные свойства товара и убеждать потребителя совершить покупку. Именно поэтому задача переводчика не только правильно передать смысл слогана, но и сохранить его структуру, выразительность, а также учесть культурно-исторические особенности языка страны перевода. Присущая текстам рекламного характера аппеллятивная функция реализуется через употребление таких языковых средств, как метафора, игра слов, интертекстуальность, риторические фигуры и другие стилистические приемы [1, с. 199]. Особенности немецких слоганов является их лаконичность, четкая структура и логичность. В них часто отмечается качество, надежность продукции, в то время как для российского потребителя уникальность товара, популярность и именитость бренда. Эти особенности аудитории необходимо учитывать при переводе рекламных слоганов. В этой статье рассматриваются основные способы передачи немецких рекламных слоганов на русский язык.

Первый способ передачи – прямой, или дословный перевод. Этот способ используется, когда оригинальный немецкий слоган краток и не содержит игры слов или рифмы, а синтаксическая структура оригинального слогана совпадает с русской.

К примеру, *Das Beste oder nichts* дословно переводится *Лучшее или ничего* без потери смысла. Переводчик не изменил концептуальную составляющую, так как и для немецкого, и для русского потребителя важен тот факт, что данный продукт является совершенным, лучшим среди лучших [2, с. 64]. Еще один пример прямого перевода слогана Audi Q3 *Sich selbst übertreffen* – *Превзойти себя*. В приведенных примерах не только исходные лексемы заменены при переводе полными эквивалентами, но и сохранена синтаксическая конструкция высказывания [3, с. 2]. Это самый простой и удобный для переводчика способ, но, к сожалению, чаще всего при его использовании слоган теряет смысл.

Следующий способ передачи – локализация. Локализация – это адаптация рекламы в соответствии с языком, обычаями, юмором и общественными нравами другой страны, хотя предполагаемая «главная идея» сообщения остается [4, с. 225]. Эта стратегия перевода рекламных слоганов представляет собой их трансформацию на синтаксическом и лексическом уровнях, сохраняя исходный смысл. К этому способу относятся такие методы, как грамматические замены, конкретизация, генерализация, перефразирование, опущение или добавление, замена сленговых выражений на лексически нейтральные и т. п. Этот способ является самым широко распространённым и приемлемым.

К примеру, рекламная компания Porsche 911 звучит *Nur drei Ziffern beschreiben dieses Gefühl*. Дословно переводится как *Только три цифры описывают это чувство*. В немецком языке глагол необходим, но в русском варианте он перегружает текст, что делает слоган трудно запоминающимся. Поэтому переводчик произвел грамматическую замену, а именно заменил глагол существительным. И слоган стал звучать так: *Описание чувств в трех цифрах*.

Еще один пример локализации – слоган компании Siemens *Die Zukunft zieht ein*. Дословно он переводится как *Будущее въезжает/вселяется*, но на русский его перевели как *Будущее приходит в дом*. Такое переводческое решение связано с тем, что в сознании русского человека «будущее» ассоциируется с опасностью и непредсказуемостью, поэтому для создания положительных ассоциаций было добавлено слово *дом*. Этот слоган был предназначен также для рекламы бытовой техники, так что слово *дом* подчеркивает этот момент. Так переводчик смог сохранить цель компании – создать впечатление, что их продукция относится к технологиям будущего, но при этом не напугать потенциального покупателя из России.

Третий способ передачи рекламных слоганов при переводе на русский язык – транскреация. Данный способ отличается глобальным преобразованием исходного текста, при котором сохраняется изначальная идея, стиль и тон. Этот способ применяется для достижения эквивалентности, когда в тексте содержатся культурные несостыковки. Фактически переводчиком создается новый слоган, который сохраняет смысл оригинального и дает возможность эффективно передать информацию потенциальному потребителю.

Перевод рекламы с немецкого языка на русский обычно сохраняет концептуальную составляющую оригинала, но в точности почти никогда ему не соответствует [5, с. 503]. В первую очередь это относится к рифмованным слоганам. Пример этого способа можно увидеть в переводе рекламного слогана компании Haribo. Оригинал звучит так: *Haribo macht Kinder froh und Erwachsene ebenso*, что дословно переводится как *Haribo делает детей радостными и взрослых тоже*. Смысл понятен, но слоган теряет свою мелодичность и становится невзрачным, поэтому переводчик принял решение применить транскреацию: *Детям, взрослым повезло – всем на радость Haribo*. Так слоган становится динамичнее и лучше запоминается.

Рассмотрим еще один пример применения данного способа: *Schön zu sehen – gut zu gehen: Bekleidung von C&A*. Дословно этот слоган переводится как *Прекрасно выглядит,*

хорошо ходить: одежда от C&A. В переводе на русский теряется рифма и слоган не производит желаемого эмоционального эффекта на потенциального покупателя. Тогда переводчик принял решение сократить слоган до лаконичной фразы, которая отлично передает оригинальную задумку и соответствует рекламным стандартам русского языка: *В одежде от C&A только к успеху.*

Часто во время работы со слоганами переводчик сталкивается с сложностями во время выбора переводческой стратегии. Для работы со слоганами необходимы знания как русской, так и немецкой культуры, а также знания особенностей языка рекламного слога, его воздействия на психологию человека. Знание и понимание специфических характеристик рекламных текстов определяет возможность их адекватного перевода [6, с. 97].

Список использованных источников

1. Прокофьев, А. И. Лексические особенности и стратегии перевода рекламных слоганов (на материале немецкого языка) / А. И. Прокофьев, Н. И. Мокрова // Язык, культура, наука и техника в диалоге культур : матер. III Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Иркутск, 16 мая 2023 г. / Иркутск. нац. исслед. техн. ун-т. – Иркутск : ИРНИТУ, 2023. – С. 197–201.
2. Колиева, И. Г. Современные технологии в мировом научном пространстве / И. Г. Колиева, З. Х. Джелиева. – Казань : НИЦ АЭТЕРНА, 2016. – 198 с.
3. Николаева, Е. А. Стратегии перевода немецких рекламных слоганов на русский язык в рамках скопос-теории [Электронный ресурс] / Е. А. Николаева, Л. В. Ассуирова // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 1(49). – С. 1–4. – Режим доступа : . <https://rulb.org/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.33>. – Дата доступа : 14.10.2025.
4. Ромашко, А. Перевод и адаптация при передаче немецких рекламных слоганов на русский язык / А. Ромашко // Матер. ежегодной науч. конф. студ. и магистр. ун-та, Минск, 18–19 апр. 2019 г. : в 4 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2019. – Ч. 2. – С. 225.
5. Барышева, Ю. А. Особенности перевода рекламного текста с немецкого языка на русский [Электронный ресурс] / Ю. А. Барышева, Т. А. Паршуткина // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 2(8). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-reklamnogo-teksta-s-nemetskogo-yazyka-na-russkiy>. – Дата доступа : 14.10.2025.
6. Метечко, И. Н. Иваничева, Л. Лингвистические особенности перевода немецкого рекламного текста на русский язык / И. Н. Метечко, Л. Иваничева // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : матер. II Междунар. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2008 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск : Тесей, 2008. – С. 97–99.

Abstract. The article examines the main methods of translating German advertising slogans into Russian: direct translation, localization, and transcreation. Their specific features are analyzed based on examples of original advertising texts. Special attention is given to preserving expressiveness, emotional impact, and cultural nuances in the translation of slogans.

Keywords: advertising slogan, advertising, transcreation, localization.

УДК 821.161.1

А. В. Реутова

Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова**,
канд. филол. наук, доцент

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-УСЛОВНОЕ В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА»

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения конкретно-исторического и условного в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка». Писатель-фронтовик, автор «деревенской

прозы», создал повесть-реквием в память о павших героях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Концепция войны В. Астафьева определяет суть подвига лейтенанта Бориса Костяева, сюжетную линию любви к Люсе.

Ключевые слова: В. Астафьев «Пастух и пастушка», современная пастораль, реквием, «лейтенантская проза», Великая Отечественная война 1941–1945, символ, «душа», гуманизм.

В повести «Пастух и пастушка. Современная пастораль» (1971) В. Астафьев (1924–2001) обратился к истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Корсунь-Шевченковское сражение). Канва повествования – батальные сцены, которые свидетельствуют о народной трагедии, военном опыте самого В. Астафьева, запечатлевшего в слове память народную. Этимология наименования – *пастораль* восходит к латинскому слову *pastor* – пастух. Зародившийся в античности жанр пасторали был особым видом пастушеской поэзии, который идеализировал сельскую жизнь. Пастораль воспевает красоту природы, умиротворение, покой сельской жизни и гармонию человеческих отношений. Существенно то, что этому жанру свойственна бесконфликтность, пастораль служила поэтам своеобразным убежищем от реальности [1]. Жанровое новаторство В. Астафьева заключается в создании принципиально новой модификации жанра: в «современной пасторали» писатель радикально отказывается от канонических черт. Позиция В. Астафьева в изображении войны горячо обсуждалась в советском литературоведении: концепция писателя состоит «из двух взаимосвязанных суждений: война – необходимость, оправдываемая защитой или освобождением Отечества, и война... – [явление] всегда противоестественное, примириться с которым невозможно» [2, с. 123]. В. Астафьев погружает читателя в жестокую реальность военного времени, показывая хрупкость жизни, ранимость человеческих чувств перед лицом сверхчеловеческой, безжалостной силы истории.

Велика роль сюжетно-композиционной организации произведения в воплощении художественного замысла: сюжетные планы, параллельные друг другу, вступают в сложное взаимодействие. Система символических образов формируется в ключевых сюжетных линиях: 1) романтическая история любви Бориса Костяева и Люси; 2) трагическая судьба сельской пожилой четы (пастуха и пастушки); 3) символика музыкальных, балетных образов, в которых воплощено вечное начало, – в восприятии героев. Повествование ведется, прежде всего, сквозь призму восприятия главного героя и через восприятие солдат взвода под его командованием. Индивидуальные судьбы в структуре эпического повествования создают многогранную картину жизни воюющего народа в военное лихолетье, испытывая чудовищное психологическое давление войны [3, с. 22].

В сюжетных линиях персонажей автор затрагивает бытийные философские вопросы: жизнь и смерть, любовь и ненависть, проблему чести, человеческого достоинства и нравственного выбора. В гибельной «воронке» катастрофы войны рождаются и расцветают человеческие чувства, в любви раскрывается красота души Бориса и Люси. В. Астафьев подчеркивает удивительную способность человеческой души противостоять разрушению. Как и Л. Толстой в «Войне и мире», в «Пастухе и пастушке» автор сосредоточен на изображении многих судеб. В созданной автором «Пастуха и пастушки» картине войны за освобождение Отечества от фашистского нашествия каждый персонаж важен в народном многоголосье, в его неповторимом единстве. «Структура содержания концепта «душа» включает такие элементы, как «обыкновенная душа» и «великая душа». Русская литература настаивает: каждый человек ценен, его душа и жизнь уникальны» [4, с. 181], «сострадание – <...> основная “нравственная нота русской культуры, литературы”» [4, с. 181].

Идейно-художественное своеобразие произведения определяет сложная система метафор, сравнений и символов. Есть группа персонажей, чьи линии судьбы складываются в мозаику в эпическом полотне. В жанре «современной пасторали» в образной системе центральными являются символические образы пожилой четы, старика и старухи,

чья мирная жизнь была прервана войной. Их посмертное обаяние в момент гибели символизирует несокрушимость любви, вечную любовь и преданность. В современной пасторали история стариков, упокоенных в общей могиле, выступает грозным предзнаменованием в судьбе молодых героев, символизирует неотвратимость злого рока.

Ключевым в сюжете является женский образ. Судьба свела Люсю, молодую женщину, с Борисом Костяевым, их любовь изображена как искреннее, незамутненное чувство. Образ Люси, одухотворенный, словно бы неземной, показан в романтическом духе: *И этот чего-то, прячущий взгляд, и звёзды, робко протыкающие небесную мглу... Эта женщина с древними глазами, по которым искрят небесные или снежные звезды* [5, с. 82]. В изображении В. Астафьева образ любимой женщины вырастает до символического, раскрывая удивительную способность любви – противостоять войне и самой смерти.

Так же, как и в истории стариков, жизнь и судьба Бориса и Люси – метафорическое воплощение вечной любви – обретает глубокий символический смысл, выходящий за границы простой жизненной истории. Обе любовные истории – и молодых, и пожилых героев – объединяет кристальная чистота чувств любящих, абсолютная безыскусственность, готовность следовать за любимым до конца. Сопоставление судеб людей разных поколений позволяет писателю транслировать в сюжете важные «смыслы»: несбыточность человеческой мечты о счастье в мире, охваченном пламенем войны. Данный прием создает особую трагическую тональность всего повествования.

В. Астафьев изображает Люсю, поседевшую женщину, у могильного холмика в степи, – образ, символизирующий невосполнимость утраты, вечную скорбь, силу неугасимой любви и тоску по утраченному счастью, воплощает историческую память народа. Образ-символ скорбящей женщины вырастает до многозначного, пронизывающего все уровни художественного целого. В. Астафьев акцентировал контраст образов – безграничного степного простора и одинокой могилы, ассоциирующихся с вечностью, любовью, застывшей в боли. Образы русской природы – постоянные свидетели жизни людей, хранители времени: *Ветер шевелил полынь на могиле, вытеребивал пух из шишек татарника. Сыпучие семена чернобыла и замершая сухая трава лежали в бурых щелях старчески потрескавшейся земли*; они будто наблюдают за круговоротом жизни, где каждый человек – лишь краткий миг в их бесконечном существовании: *А он, или то, что было им когда-то [о Борисе], остался в безмолвной земле, опутанный корнями трав и цветов, утихших до весны. Остался один – посреди России* [1, с. 321].

Смысл названия повести В. Астафьева раскрывается через контрастное сопоставление войны и мира (идиллического покоя). В памяти Бориса звучит музыка, идиллическая ассоциация связана с театральным представлением: *Знаешь, музыка была сиреневая... Простенькая такая, понятная и сиреневая... Я почему-то услышал сейчас ту музыку, и как танцевали двое – он и она, пастух и пастушка. Лужайка зеленая. Овечки белые. Пастух и пастушка в шкурах. Они любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за нее* [1, с. 197]. Этот контраст между беззащитностью искренней любви и жестокостью войны придает эмоциональную напряженность повествованию.

Особую значимость приобретает образ цветка, растущего на могиле героя, – яркий негасимый свет: *В одно дождливое утро размокли комки просек тюльпан, подождал каплю на клюве, открыл розовый рот* [1, с. 319]. Даже в небытии Бориса его любовь продлевается в каждом мгновении жизни вечной природы: в трепете листьев на ветру, в пении птиц, благоухании цветов. «Говорят, что человеческая душа жива и бессмертна до тех пор, пока есть в оставшемся мире тот, кто её помнит и любит», – писал В. Астафьев [6, с. 473]. Кончина Бориса Костяева не объяснима. Только при внимательном прочтении выявляется истинная причина гибели: смерть Бориса случилась не вследствие раны, не совместимой с жизнью, а потому что у души не осталось никаких сил существовать в мире с неразрешимым противоречием начал – прекрасного, гуманного и бесчеловечного.

В запоминающемся читателю ярком образе Бориса Костяева в повести «Пастух и пастушка» В. Астафьев художественно воплотил трагедию своего поколения. Война застала рожденных в 1923–1924 гг. в расцвете сил, в начале взрослой жизни, когда душа обретает способность к глубоким переживаниям, к искреннему восхищению красотой мира, к подлинной любви.

В. Астафьев создал повесть-притчу о цене победы в Великой Отечественной войне, плач о миллионах погибших. Произведение В. Астафьева выходит за рамки современной военной прозы, становясь философским размышлением о природе человека, о вечной борьбе между силами созидания и разрушения в человеческой истории. Этот реквием, посвященный павшим, воссоздал конкретно-исторические картины Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Пастух и пастушка» – полифоническое произведение: частное переплетается с всеобщим, личное сливается с народным, индивидуальное соединяется со вселенским, формируя целостную картину мира.

Список использованных источников

1. Дегтярева, Т. А. Верные спутники моей жизни / Т. А. Дегтярева. – Красноярск : Поликор, 2008. – 176 с.
2. Яновский, Н. Виктор Астафьев. Очерк творчества / Н. Яновский. – М. : Сов. писатель, 1982. – 271 с.
3. Вахитова, Т. М. Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба» / Т. М. Вахитова. – М. : Высшая школа, 1988. – 68 с.
4. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина / М. Л. Бедрикова // *Libri Magistri*. – 2015. – Вып.1. – С. 174–183.
5. Астафьев, В. П. Пастух и пастушка. Звездопад / В. П. Астафьев. – М. : Изд-во «Эксмо», 2024. – 256 с.
6. Астафьев, В. П. Царь-рыба : повествование в рассказах / В. П. Астафьев. – СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2024. – 480 с.

Abstract. The article is devoted to the study of V. Astafyev's story "Pastukh i Pastushka" ("The Shepherd and the Shepherdess") in the aspect of the relationship between the concrete-historical and the conventional. The writer-front-line soldier, the author of "village prose", created a story-requiem in memory of the fallen heroes of the Great Patriotic War of 1941-1945. V. Astafyev's concept of war determines the essence of lieutenant Boris Kostyaev's heroism, the plot line of love for Lyusya.

Keywords: V. Astafyev, "The Shepherd and the Shepherdess", modern pastoral, requiem, "lieutenant's prose", the Great Patriotic War 1941-1945, symbol, "soul", humanism.

УДК 811.161.1'372:2-444.6

Д. И. Рябченко

Научный руководитель – Е. И. Холявко,
канд. филол. наук, доцент

К ИСТОКАМ СЕМАНТИКИ СЛОВА *ОБРАЗ*

Аннотация. В статье рассматривается путь формирования семантики слова *образ* и выражаемого им понятия, характеризуется современная и древнерусская семантическая структура; производится реконструкция исходного корня; исследуются исторические контексты; определяется причина семантического калькирования, анализируется модификационная семантика некоторых дериватов; указывается на значимость слова и соответствующего понятия в русской науке и культуре.

Ключевые слова: образ, образование, воображение, семантика, этимон, слово, понятие.

Слово *образ* и выражаемое им понятие занимают значимое место в языке и культуре. Изучение семантики слова *образ* лингвистами позволяет понять его семантическую эволюцию и контекстуально обусловленное изменение значений.

Понятие «образ» в современном мире имеет широкую вариантность интерпретации в зависимости от сферы применения. Нужно понимать, что словарный запас весьма ограничен по сравнению с многообразием окружающих форм, поэтому в языке наблюдается огромная повторяемость одних и тех же словоформ в разных сферах деятельности. Психология, физика, религия, культурология, публицистика – каждая из перечисленных областей закрепила за собой определенное значение для «образа», используя его индивидуально (*образ – икона*) или в форме устойчивого комплекса, фразеологической связки (*Оптический образ – отражение объекта зеркалом, линзой или каким-либо другим оптическим устройством*).

В сфере искусства мир произведения во всей своей цельности и полноте может рассматриваться как единый образ – как элемент, имеющий соотнесенность и с формой, и с содержанием, который связан с идеей произведения или с авторской позицией. Исходя из этого, образ в отличие от идеи всегда конкретен, но тем не менее необязательно должен вызывать четкое зрительное представление об изображаемом предмете. Он одновременно является и конкретным, чувственным представлением, и воплощением идеи.

Если проанализировать понятие «образ» в психологии, также можно найти ряд сходных качественных характеристик – это субъективная картина мира, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Как и в случае с «художественным образом», понятие обозначает совокупности каких-либо параметров, стяженных под эгидой одного понятия. Это происходит от неполноты осознания того или иного понятия. Потому образ – это целостное, но неполное представление некоторого объекта или класса объектов. Он является идеальным продуктом психической деятельности, который конкретизируется в той или иной форме психического отражения ощущения восприятия. Восприятие, представление и воображение квалифицируются психологами как различные виды образных явлений [1, с. 318].

Опускаясь ниже к корням этимологического древа, можем отыскать истоки терминов *воображать* и *воображение* ‘мысленное представление, а также вообще способность воображать, творчески мыслить, фантазировать’, которые берут свое начало в старославянском языке, где глагол *ВЪОБРАЗИТИ* имел значение ‘уподобить’, а *ВЪОБРАЗИТИСЯ* ‘уподобиться, следовать образцу’ [2, с. 148]. Анализ морфемной структуры производных слов позволяет предположить, что первоначальное значение глагола – ‘дать образ чему-нибудь, изобразить, или воплотить’.

Т. Ю. Серикова, исследуя историю формирования понятия «образ» в гуманитарном знании, приходит к заключению, что понятие «образ» «несколько раз меняло свое содержание. Образ прошел путь от трактовки его как «копии копий» в античном мире и средневековье до понимания его как первичного феномена, автономной активности души, способной как к созданию, так и к воспроизведению. В современном прочтении образ, применительно к искусствоведению, обладает такими дефинициями как: вымысел или допущение, факт идеального бытия, архетип, знак, средство смысловой коммуникации» [3, с. 56].

Семантическая эволюция полисемичного слова *образ* ‘мысленно воспроизводимый облик того или другого человека (предмета, явления и т. д.)’; ‘воплощение в конкретно-чувственной форме представлений художника о действительности’; ‘тип, характер, созданный художником, писателем, артистом’; ‘икона’ [4, с. 588] нашла свое отображение в формировании семантического объема современного понятия.

В древнерусском языке слово *образ* уже имело разветвленную семантическую структуру со свойственными ей конкретными и абстрактными лексико-семантическими вариантами: ‘вид, облик, внешние очертания, форма’, например: в «Поучении Владимира Мономаха»: «*Како образи разнoliчнии въ человеческихъ лицихъ аще и весь миръ совокутитъ, не все въ одинъ образъ*»; ‘изображение, статуя, портрет, икона, отпечаток’; ‘лицо, физиономия’; ‘чин, сан, состояние, свойственное тому или иному социальному положению, особенности вида и быта’; ‘образец, пример’; ‘символ, знак или знамение’; ‘способ, средство’ [5, ст. 539–542].

Если говорить о первых контекстах, где было употреблено слово *образ*, можно сказать о принятии славянами христианства (988 г.): «*Земля наша крѣйна и нѣсѣтъ у насъ*

учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ стѣя книги, не разумѣмъ (бо) ни гречьску языку, ни латыньску. Они бо ны онако учать, а они бо ны и онако, тѣм же не разумѣмъ книжнаго образа, ни силы ихъ, и послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ». Сказание об обретении грамоты словенской [6, с. 97].

На современном этапе мы можем говорить, что *образ* – это отглагольное существительное, называющее итог действия, а также что-либо сделанное из камня или дерева (отсюда и ‘изображение, икона’, ‘внешний облик’). Здесь имеется древний приставочный корень **ori* ‘вокруг’, ‘около’, ‘вслед’, основной корень **or-dh* (-раз), который восходит к представлению о действии отделения, резания или разрешения, отсюда – обиды. Можно вспомнить и древний корень **řez-*, который приводит нас к тому, что первоначально *образ*, как и *обрез*, обозначал ‘нечто обрезанное, вырезанное’.

П. Я. Черных считает *образ* словом общеславянского происхождения с этимологическим корнем **raz-* – тем же, что и в общеславянских **raziti* и **řezati*. Общеславянское *образ* приобретает значение ‘нечто, получившее новый облик или определенный вид’ [4, с. 588]. Исходя из вышеперечисленного, этимологическое значение данного слова можно сформулировать следующим образом: ‘отделение от окружающего резанием’, ‘отрешение от лишнего’. В итоге, отделяя все лишнее, мы получаем образец – законченный образ: «Плотник, избрав дерево, протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обдѣлывает его резцом и округляет его, и выделяет из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме» (Исайя, 44:13) [7]. Рассмотрев этот контекст, мы можем говорить в том числе и о втором круге значений слова *образ*, который связан с семантическим признаком ‘очертание, наружность’, ‘хорошая наружность’, из чего вытекает идея нарядности. Ведь, отрезая лишнее, мы улучшаем вид.

Отсюда вытекает и слово *образование*, так как оно невозможно без образца и внутреннего отречения от ложных представлений. Образованный человек следует за образцом, живым или мертвым, выдуманным или реальным. Наиболее ярким примером такого образца стала фигура Бога, по Образу и Подобию которого был создан человек. Инструментом для этого стало Священное Писание, Слово, заменившее собой ‘резец’.

Неудивительно, что образ для древнего человека имел сакральное значение. Об этом писал В. В. Бычков в своей статье «Образ как категория византийской эстетики: «Понятие «образ» наряду со «словом» играло очень важную роль в византийской философско-религиозной системе. Ибо и слово, и образ являлись в понимании византийцев, определенными материализованными... субстанциями, в которых запечатлевается, сохраняется и передается на уровне эмпирического бытия божественное откровение и священное предание» [8, с. 151–168]. И именно византийская теория «образа» была впоследствии, через переводы, перенесена на Русь. Это можно увидеть в некоторых христианско-богословских текстах, где многократно обыгрывается идея создания чего-либо на земле – образа, который стал отражением чего-то небесного.

На эту идею впоследствии наслаивается мифологическое, а затем христианское представление о человеке как об уменьшенной и слабой копии Бога: *Не стыди ся всьскому създаному въ образъ божии* [вм.: *божи*] *главы своя покланяти*. Изборник Святослава 1076 г., 167 (л. 9). Этот концепт необходим для того, чтобы четче понимать слова «создан по образу и подобию», ведь без контекста, данное сочетание можно и вовсе принять за плеоназм. Из этой сакрализации вытекает и терминологизация образа в значении иконы. Так появляется семантическая калька.

Однако нужно понимать, что икона в христианской традиции должна помогать молящемуся через нарисованный образ «возносить свой ум» к первообразам [6, с. 105–106]. Со временем произошла адаптация, и новое значение для «образа» уже не представлялось в умах христиан как что-то чужеродное.

Этого нельзя сказать о символе – другом типе образа. Как писала М. И. Чернышева, «Символ – это как бы «неподобное подобие», соотнесённость которого с прообразом нелегко обнаружить» [6, с. 106].

Такое широкое применение слова начало размывать его границы, смысловая перегрузка привела к созданию труднопонимаемых текстов (в частности богословских), в которых слово *образ* могло использоваться несколько раз в разных значениях. Языку, который, несомненно, обладает внутренней логикой, пришлось перераспределять семантическую нагрузку лексической единицы. Некоторые этапы этой разгрузки даже поддаются реконструкции, если опираться на древние переводы. Так, например, Патерик Синайский имеет на своих страницах слова *образ* и *икона* в одном значении. Дальнейшее развитие языковой культуры лишь укрепляло найденные семантические признаки и их разграничение.

Проведенное исследование позволило выявить основные изменения в семантике слова *образ* на протяжении времени. Анализ исторических контекстов показал, что слово *образ* претерпело значительные изменения в семантической структуре в зависимости от культурных и социальных условий.

Список использованных источников

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 672 с.
2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э.В. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1999. – 842 с.
3. Серикова, Т. Ю. история формирования понятия «образ» в гуманитарном знании / Т. Ю. Серикова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4 (23). – С. 54–56.
4. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – Т. 1 : А – Пантомима. – М. : Русский язык, 1999. – 624 с.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. II. – Ч. 1 : Л–О. – М. : Книга, 1999. – 852 ст.
6. Чернышева, М. И. К истории слова *образ* / М. И. Чернышева // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка : сборник статей. Ч. 1 / АН СССР, Институт русского языка; ред. Г. А. Богатова, З. М. Петрова. – М. : Институт русского языка, 1991. – С. 97–112.
7. Глаголь : корнесловный словарь-справочник от А до Я [Электронный ресурс] / Василий Семенцов. – Вып. 2. – Ярославль : Факел, 2024. – 531 с. – Режим доступа : https://pervobraz.ru/slova/article_post/obraz. – Дата доступа : 24.06.2025.
8. Бычков, В. В. Образ как категория Византийской эстетики / В. В. Бычков // Византийский временник. – 1973. – Т. 34. № 59. – М. : Институт всеобщей истории АН СССР. – С. 151–168.

Abstract. The article examines the way the semantics of the word image and the concept expressed by it are formed, the modern and Old Russian semantic structure is characterized; the original root is reconstructed; historical contexts are investigated; the reason for semantic calculus is determined, the modification semantics of some derivatives is analyzed; the importance of the word and the corresponding concept in Russian science and culture is indicated.

Keywords: image, education, imagination, semantics, etymon, word, concept.

УДК 811.161.1

А. Е. Рязанова

Научный руководитель – Д. Н. Чердаков,
ст. преподаватель

ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРИХОДНОЙ КНИГЕ ТОМСКА 1630-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье проанализированы формы родительного падежа единственного и множественного числа существительных на материале Приходной книги Томска за 1631–1632 гг. Выявлено, что в формах родительного падежа флективная вариативность практически не наблюдается, можно говорить о выработанной узуальной норме.

Ключевые слова: деловая письменность; приходные книги; родительный падеж единственного числа; родительный падеж множественного числа.

В XVI в. в России начали появляться учетные книги, фиксирующие различные сведения: от расходов в монастырях до количества присягнувших на царскую службу. Доходы регистрировались в приходных книгах, которые, характеризуя социально-экономическое положение, сословный состав и виды деятельности населения, одновременно содержат богатый языковой материал из области исторической лексикологии и грамматики, ономастики и т. д. В последнее время деловая региональная письменность привлекает всё больше внимания лингвистов: такие документы особенно интересны тем, что в них могут быть отражены отличительные локальные языковые черты.

Мы рассмотрим особенности форм родительного падежа единственного и множественного числа существительных в Приходной книге Томска за 1631–1632 гг. Приходная книга состоит из 17 разделов, каждый из которых соответствует отдельной статье дохода, например: «Сбор печатных пошлин с проезжих, зазывных и судимых грамот», «Приход с варки пива и браги». Оригинал книги хранится в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Мы работали как с электронной копией оригинала [1, с. 1–298], так и с научно подготовленным изданием [2, с. 11–44], где текст, однако, дан в упрощённой орфографии.

Обратимся к существительным старого **ō*-склонения твёрдого и мягкого вариантов в форме родительного падежа единственного числа. Помимо закономерной флексии *-a* (с *скота* *пошлин*; с *хлеба* *померного* [2, с. 15]) часто встречаются существительные с флексией *-у*: *приходу*, *расходу*, *откупу*, *товару* и т. д. Принято считать, что такое окончание закрепилось под влиянием формы родительного падежа единственного числа старого **ŷ*-склонения. Многие исследователи указывают на раннее начало взаимодействия **ŷ*-склонения с **ō*-склонением, что отразилось в том числе на парадигме родительного падежа. Неоднократно лингвисты пытались обозначить общие отличительные черты существительных, принявших новое окончание, а также классифицировать эти слова по семантическим или грамматическим критериям.

Еще А. А. Шахматов и С. П. Обнорский отмечали, что родительный падеж на *-у* принимали только неодушевленные существительные [3, с. 240; 4, с. 145]. Помимо неодушевлённости, в числе факторов, влияющих на распространение флексии *-у*, часто выделяют собирательное и отвлечённое значение существительных, отсутствие у них форм множественного числа. Примеры, найденные в тексте исследуемой приходной книги, как правило, подтверждают эти тезисы. Все слова с окончанием *-у* в родительном падеже единственного числа оказались неодушевлёнными. Можно выделить существительные с вещественной (*товару*, *оброку*, *квасу*, *хмелю*, *харчу*), пространственно-временной (*году*, *сроку*, *торгу*, *острогу*, *розряду*) и абстрактной (*откупу*, *сбору*, *пересуду*, *промыслу*, *найму*, *приходу*, *расходу*) семантикой. Такое деление найденных существительных почти полностью совпадает с классификацией А. А. Шахматова, который среди существительных с флексией *-у* выделял «1) слова, обозначающие вещество или собрание предметов; 2) слова, обозначающие местности; 3) слова, означающие отвлечённые понятия» [3, с. 241].

Т. С. Инютина отмечала важное свойство вещественных существительных – «выражение количественного значения, что маркировано сочетанием этих существительных со словами, обозначающими единицы измерения (*пуд*, *мот*, *воз*), словами *много*, *мало*, числительными» [5, с. 14]. Примечательно, что в анализируемом тексте вещественные существительные с флексией *-у* зачастую встречаются без единиц измерения и числительных: *которого хмелю против приходу и расходу не объявилос* [2, с. 42]. Добавим, что форма родительного падежа единственного числа анализируемых существительных практически не подвержена колебаниям: единственное слово, встречающееся с обеими флексиями, – *срок*.

Рассмотрим существительные **o*-склонения, которые сохранили закономерную флексию родительного падежа единственного числа. Во-первых, среди существительных с окончанием *-a* есть одушевлённые: *целовальник*, *человек*, *князь*, *устюженин*, *архиепископ*, *дьяк*, *дьячок*, *москвитин*, *крестьянин*, *лалетин*. Во-вторых, здесь отсутствуют существительные,

образованные от глаголов. Сохранили исконное окончание неодушевлённые существительные с конкретной семантикой: *стол, ящик, котёл, монастырь*. С другой стороны, в тексте среди существительных с флексией *-а* есть и «означающие вещество или собрание предметов» [2, с. 241]: *хлеб* и *скот*. Эти слова достаточно часто повторяются в отведённых им разделах книги, причём в одних и тех же конструкциях: 10 раз повторяется сочетание *с хлеба померного*, два раза *с хлеба померу*, 8 раз *с скота пошлин*. Возможно, здесь мы имеем дело с устоявшимися, формульными написаниями.

Парадигма **й*-склонения повлияла и на существительные мужского рода в форме родительного падежа множественного числа. Так, существительные **о*-склонения встречаются не с исконным нулевым окончанием, а с флексией *-ов*: *отпущено руссково товару и хлебных запасов* [2, с. 22]; *По росписям ис судного стола з зерщиков и з бражников заповедь* [2, с. 34]. Исключением, сохранившим нулевое окончание, в анализируемом тексте является слово *алтын*: *было в зборе дватцат рублей дватцать пять алтын две денги* [2, с. 38]. Такое написание соотносится с доводами А. А. Шахматова: «старые формы сохраняются лишь в ограниченном числе случаев; большая часть их обязана сочетаниям с числительными» [3, с. 265].

Отдельно стоит рассмотреть форму *рублев*. Существительные мягкого варианта **о*-склонения тоже рано подверглись влиянию других склонений, однако помимо **и*-склонения важную роль здесь сыграло **і*-склонение и его флексия *-ей*. «Старейшие примеры с флексией *-ии/-ei* в словоформах имён, не относящихся к историческим основам на **і*, встречаются с конца XIII века», – писал Г. А. Хабургаев, выделяя «книжный характер» этих окончаний [6, с. 165]. В исследуемом тексте мы, однако, не наблюдаем конкуренции разных окончаний (*-ев* и *-ей*), которая, согласно наблюдениям Г. А. Хабургаева, «довольно широко представлена в более поздних текстах (особенно некнижного характера) XVI–XVII вв., где иной раз на одном и том же листе можно встретить *рублев – рублей, товарищев – товарищей*» [6, с. 165]. В приходной книге присутствует только форма *рублев*. Это соотносится с доводами С. П. Обнорского: по его мнению, сменяемость флексии *-ев* на флексию *-ей* в XVII в. не задела отдельные слова, соответствующие формы которых (*рублев, товарищев*) «продержались в этом своём “архаическом” виде несколько дольше, очевидно, более закрепившись в языке благодаря техническому их значению и употребительности в канцелярском языке» [7, с. 222].

У существительных **а*-склонения в форме родительного падежа единственного числа можно отметить взаимодействие окончаний твёрдого и мягкого вариантов склонения: *Приход денгам з государевы с торговые бани* [2, с. 24]; *по росписи ис таможенни у таможенново целовалника у Микитки Шевелева* [2, с. 15]; *квасное варенье дать на откуп из наддачи* [2, с. 27]. Вместо исконной для мягкого варианта флексии *-ъ* здесь видим *-и* – новое окончание, появившиеся под влиянием флексии *-ы* из твёрдого варианта **а*-склонения. К XVII в. такие формы стали уже устойчивой нормой: «Именно в памятниках XIII–XIV вв. появляются регулярные словоформы Р. ед. ч. *из земли, от зари* и т. п., которые в московских деловых текстах (не литературно-книжных!) к XV в. становятся обычными» [6, с. 90].

Таким образом, у существительных разных склонений в родительном падеже практически отсутствует флективная вариативность. Так, те существительные исконного **о*-склонения, которые в единственном числе переняли флексию *-у*, встречаются в тексте, за редким исключением, только с ней. Существительные, сохранившие в этой форме флексию *-а*, вариативности также не подвержены, причём это касается и лексем с вещественной семантикой: *хлеб* и *скот*. Во множественном числе ситуация схожа: случаи вариативности (нулевая флексия – флексия *-ов/ев*) отсутствуют. Существительные женского рода мягкого варианта **а*-склонения перенимают флексию *-и* под влиянием флексии *-ы* из твёрдого варианта и с исконным окончанием в тексте не используются. Можно сказать, что в формах родительного падежа узусальная норма уже выработана, писцы используют то или иное окончание на протяжении всего текста. Такая устойчивость написаний особенно интересна в сравнении с текстами других памятников региональной деловой письменности, где отмечается вариативность в выборе окончаний [5, с. 14; 8, с. 12].

Список использованных источников

1. Приходная книга Томского города [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000420628>. – Дата доступа : 13.10.2025.
2. Томск в XVII веке : документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / редкол. : В. А. Есипова (сост.) и др. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 11–44.
3. Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1957. – 400 с.
4. Обнорский, С. П. Именное склонение в современном русском языке. Единственное число / С. П. Обнорский. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1927. – 324 с.
5. Инютина, Т. С. Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. С. Инютина ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2009. – 27 с.
6. Хабургаев, Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка / Г. А. Хабургаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 296 с.
7. Обнорский, С. П. Именное склонение в современном русском языке. Множественное число / С. П. Обнорский. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1931. – 411 с.
8. Агапова, М. А. Функционирование именных частей речи в арзамасской деловой письменности XVI–XVII веков (вероятностно-статистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Агапова ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – 23 с.

Abstract. The article analyzes the genitive case forms of singular and plural nouns based on the Tomsk Income Book for 1631–1632. It was found that in the genitive case forms, inflectional variability is practically not observed; one can speak of a developed usage norm.

Keywords: business writing; income books; genitive singular; genitive plural.

УДК 812.112.2

М. О. Садовникова
Научный руководитель – **Е. П. Налобина**,
ст. преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. В статье исследуются методы перевода гастрономических реалий Германии. Приведены такие методы, как транслитерация, калькирование, экспликация, контекстуальный аналог. Уделяется внимание применимости метода к случаю перевода. Рассматривается сложность поиска эквивалентного слова на другой язык. В заключение оценивается роль переводчика как культурного посредника.

Ключевые слова: перевод, гастрономические реалии, метод перевода, немецкий, русский.

Немецкая кухня представляет собой не просто собрание рецептов, а складывается в полноценный культурный код. Процесс глобализации касается всех сфер человеческой жизни, в том числе и кулинарии, потому процесс перевода данного дискурса особенно важен в современной коммуникации. Следовательно, поиск наиболее действенных стратегий перевода гастрономических концепций столь важен. В данной статье рассматриваются методы перевода немецких гастрономических реалий на русский язык. Исследование направлено на выявление наиболее эффективных методов перевода гастрономических реалий Германии.

В современной лингвистике под гастрономическими реалиями подразумевают слова и словосочетания, характеризующие не только продукты питания, присущие для определённой страны или конкретного региона, но и кулинарно-культурные особенности

местности. В связи с тем, что язык – это изменяющаяся структура, вокабуляр пополняется новыми единицами и теряет устаревшие. Таким образом, кулинарный дискурс точно так же подвергается всевозможным изменениям. Однако сложность перевода заключается не только в непостоянстве языка, но и в поиске адекватного эквивалента в языке реципиента. По мнению А. Д. Фоминых и А. Г. Палутиной, именно этот аспект перевода является труднейшим, так как «перевод – это не просто буквальная передача значений языковых единиц одного языка в другом, а поиск точных языковых эквивалентов с учетом специфики культурной и смысловой составляющих другого языка» [1, с. 185].

В германском языкознании «под реалиями понимаются предметы или феномены, характерные исключительно для определенной культуры, что делает их незнакомыми или труднопонимаемыми для представителей других культур» [2, с. 45]. Часто «принимающая культура» не имеет чёткого эквивалента в своём языке. Именно поэтому перво-степенной задачей является поиск продуктивных методов перевода лексем-номинаций гастрономических реалий.

Для определения наиболее эффективного метода перевода необходимо обозначить дефиницию термина. В статье толкового переводческого словаря говорится, что в отличие от способа перевода, метод перевода является не объективно существующей закономерностью, а вырабатываемой человеком целенаправленной системой взаимосвязанных приемов, учитывающей вид и способы перевода [3, с. 112].

Говоря о переводе гастрономических реалий, стоит отметить, что немалая часть слов данного дискурса будет являться названиями блюд, то есть именами собственными. Наиболее распространенными методами перевода имён собственных являются транслитерация, калькирование, экспликация и поиск контекстуального аналога.

Транслитерация подразумевает точную передачу «знаков одного алфавита знаками другого, при котором каждый знак передается одним и тем же знаком другого алфавита» [3, с. 215]. Так, плод фруктового дерева, который в русской реалии называется грушей, был бы переведен как *бирне* (*die Birne*). Данный метод позволяет сохранить национальный колорит, но применять его уместно лишь в тех случаях, когда принимающая культура знакома с переводимым понятием, как, например, «штрудель» (*der Strudel*).

Калькирование – это метод перевода, при котором создается новое слово или словосочетание, используемое для передачи лексики в язык принимающей культуры. Примером такого метода перевода является слово *Schwarzbrot* – чёрный хлеб. Данный метод весьма эффективен, но требует предельной осторожности и глубокого понимания как исходной, так и принимаемой культуры, в противном случае есть риск получения ошибки: *Falscher Hase*, что дословно можно перевести как *фальшивый заяц*, такая «калька» будет неуместной, так как не передает того, что пирог из мясного фарша с начинкой из куриных яиц имеет форму тушки зайца.

Экспликация представляет собой разъяснение переводимой лексической единицы с помощью словосочетания, раскрывающего её значение. При переводе гастрономических реалий этот метод используется наиболее часто, так как в отличие от ранее приведённых в большей степени отражает культурологический аспект. Так, *Grünkohl mit Pinkel* буквально значит ‘зелёная капуста с Пинкилем’, можно перевести как *тушеная капуста кале с копчёной колбасой «Пинкель»*.

Контекстуальный аналог предполагает замену безэквивалентной лексики одного языка словом или словосочетанием, обозначающим схожий феномен в культуре языка реципиента. Целью такого замещения является не столько точная номинация, сколько обеспечение мгновенного узнавания и формирование у читателя корректной культурной ассоциации, пусть и с некоторым упрощением. Наиболее ярко это видно на примере слова *der Quark*, что принято переводить, как *творог* (хотя Quark и русский творог имеют разную консистенцию и жирность, это наиболее близкий аналог). Чаще всего этот метод используется для перевода ингредиентов, это обусловлено феноменом глобализации, которая постепенно нивелирует границы «продуктовых корзин» разных стран.

Перевод гастрономических реалий – это многогранный процесс, требующий не только языковых, но и культурологических компетенций. Наиболее действенным методом можно считать тот, который способен в каждом конкретном случае оказать на представителя принимающей культуры эффект максимально сходный с тем, который был задуман автором. Исходя из этого, нельзя назвать ни одну из стратегий эффективной или безрезультатной, будь то калькирование, транслитерация или экспликация, так как универсальной, подходящей под все ситуации не существует. Самым продуктивным способом будет комбинировать методы в переводимом тексте, применяя экспликацию и транслитерацию. В таком случае сохраняется аутентичное обозначение гастрономической реалии и не нарушается процесс межкультурной коммуникации. Переводчик выступает в роли культурного посредника, чья задача – не только точно передать информацию, но и донести до рецептора уникальный вкус, аромат и дух другой культуры и ее идентичности, минимизируя при этом коммуникативные потери. Именно тогда перевод становится мостом, который соединяют не просто языки, а целые миры и традиции через универсалии гастрономических реалий.

Список использованных источников

1. Фоминых, А. Д. Лингвокультурологические аспекты перевода гастрономической лексики (на материале немецкого и русского языков) / А. Д. Фоминых, А. Г. Палутин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия : Лингвистика. – 2020. – № 3. – С. 154–165.
2. Влахов, С. И. Непере译имое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 320 с.

Abstract. The relevance of this work lies in the totality of historical, socio-economic, cultural and linguistic aspects of the gastronomic realities of Germany. The process of globalization affects all spheres of human life, including cooking, and therefore the process of translating this discourse is especially important in modern communication.

Keywords: translation, gastronomic realities, translation method, German, Russian.

УДК 81'42:316.647

А. Д. Симакова
Научный руководитель – **Е. А. Помогуева**,
канд. филол. наук, доцент

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И ПОСТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ «ВКОНТАКТЕ» И «TELEGRAM»)

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой репрезентации концепта «Женщина» и особенностей конструирования образа женщины в современных медиа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания трансформаций в репрезентации женственности на материале новых цифровых жанров. Проанализировано более ста интернет-постов и новостных статей.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, репрезентация концепта «Женщина», репрезентация образа женщины, медиадискурс, стереотипизация образа женщины.

Концепт «Женщина» является одним из базовых элементов в языковой картине мира. Репрезентация данного концепта в публичном пространстве служит индикатором социокультурных процессов. Современный медиадискурс становится ключевой площадкой для конструирования, закрепления и оспаривания гендерных моделей.

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова (2000 г.) дается следующее определение: «*Жёница, -ы; ж. 1. Лицо, противоположное по полу мужчине. Молодая жёница. Жёница средних лет. Замужняя жёница // Лицо женского пола как воплощение определённых свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.). Превращение ребёнка в жёницу. Выросла и превратилась в красивую жёницу. В неловких движениях девочки всё-таки угадывается будущая жёница. 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Стать жёницей. Она девушка или уже жёница? Доступная жёница. Публичная жёница*» [1].

Проанализируем дефиниции, которые даёт автор: первое определение относительно нейтральное (хотя примеры, избираемые автором, демонстрируют общественно закреплённую ассоциацию со словом *жёница*: *молодая* и *замужняя* (слово *мужчина* в словаре, в первую очередь, наделяется качествами *высокий, красивый, молодой* [1]: лексема рассматривается вне ассоциации с браком). При этом, несмотря на то, что значение дается по отношению к браку, избираемые С. А. Кузнецовым примеры употребления, указывают на отношение лексемы к наличию или отсутствию у представительницы женского пола сексуальности или сексуальных отношений.

Учтём также синонимы, которые могут использоваться вместо слова *жёница* в представленных далее материалах: *дама*; *дамочка* (разг.); *особа* (неодобр.); *тётя, тётенька* (разг. и детск.); *тётка, баба* (прост.); *бабёнка* (прост. пренебр.); *бабец, бабенция* (груб.-прост.); *фемина, дочь Евы* (книжн. шутол.); *жена* (устар.); *мадама* (устар. разг.); *жёнка* (устар. прост.) / обо всех: *женская половина человечества, женский пол; слабый* (или *нежный, прекрасный*) *пол, дамское* (или *женское, бабье*) *сословие* (шутол.) // собир.: *бабё* (прост.) [2]. Кроме того, авторами и участниками материалов могут быть употреблены и окказиональные синонимы к слову *жёница*, что не противоречит восприятию употребляемого слова как части концепта.

Традиционно жёница воспринимается как мать, поэтому неслучайно встречаем это слово в статьях о демографии: *В России жёниц хотят официально оградить от ненормированного графика и усиленных нагрузок для повышения демографии* [3]. В данном предложении слово *жёница* выступает в роли объекта, над которым совершается или будет совершаться действие. Причем отдельная «жёница» носит вполне субъектный характер: *Меру по улучшению ситуации с демографией озвучила депутат Полуянова, – или: Полуянова также высказалась...* [3] При этом и в первом, и во втором случае семантика слова, на первый взгляд, соотносится с нейтральным словарным значением ‘лицо, противоположное по полу мужчине’, однако, если прочесть текст статьи далее (*Парламентарий в беседе с URA.RU указала, что работодатели и государство не должны забывать о материнской роли жёниц и не допускать, чтобы они перерабатывали* [3]), можно заметить, что в большей степени авторы статьи транслируют значение, стереотипизирующее образ жёницы как носительницы определенных качеств, в том числе возможной роли матери.

В другой статье мы видим следующую тенденцию: если лексема *жёница* и синонимичные ей выступают в роли субъекта, то только в рамках предложений с негативной коннотацией, например: *...нормальная девушка не воспринимает этих нарциссов в качестве потенциальных защитников, глав семьи и так далее; Зато часто мы видим какую-нибудь ведьму, которой под 40 лет, детей нет, но она якобы бизнесумен, вот такая вся эффективная и деловая* [4]. В последнем примере слово *жёница* заменено на окказиональный синоним *ведьма*, в данном случае считающийся бранным словом. Иная роль,

отводящаяся женщине в качестве субъекта, – долженствующая: *Героини должны соответствовать определенным критериям* [4]. Данное словоупотребление также можно отнести к стереотипизирующему.

Статья за 15.10.25 с портала rtvi.com тоже подтверждает наше предположение об ограниченном смысловом функционале лексемы *женщина*: *Кроме того, продолжил Матвейчев, в стране ведутся «тотальные разговоры» о том, чтобы женщина строила успешную карьеру: «Сейчас у нас лозунги: “Живи настоящим, получай все от жизни” и так далее. Ну и какие дети могут быть, если ты живешь настоящим, все от жизни получаешь, когда ты карьеру делаешь, когда ты так называемая успешная в этом? Что это за успешная, у которой детей нет?»* [5] Хотя в первом предложении приведенного отрывка значение, в котором употребляется слово *женщина* можно отнести к первому, нейтральному словарному значению, ситуация всё равно осложнена тем, что слово стоит в придаточной части сложного предложения, что может говорить о неполном субъектном значении.

Статья, размещённая на портале «РИА Новости» за 16.07.25 не несет в себе оскорбительного подтекста, однако концепт «Женщина» используется в рамках стереотипа о долженствующем положении женщины в семье: *Ведь тем более женщинам, политикам надо ещё и время уделять на кого? На мужа. Ему внимание необходимо* [6].

Аналогично здесь: *Депутат уверен, что девушки, которые стремятся изменить себя с помощью косметологических процедур, страдают от психических расстройств, которые необходимо лечить в кабинете не пластического хирурга, а психотерапевта* [7]. Значение хотя и субъектное, но, исходя из контекста, слово-синоним *девушки* приобретает негативное значение.

Анализ материала позволил выявить три доминирующих фрейма, каждый из которых обладает специфическим набором языковых маркеров: традиционный патриархальный фрейм, фрейм успеха и самореализации, активистский фрейм.

Традиционный патриархальный фрейм «Хранительница очага» и фрейм «Объект» наиболее репрезентированы в новостных лентах общего характера.

Лингвистические маркеры: *нормальная девушка, мать, дочь, красота, забота, семья*; контексты, акцентирующие внешность (*выглядеть прекрасно, ухоженная*) и семейный статус.

Женщина в данных случаях позиционируется как производная от мужчины (*дочь депутата* [8]) или в рамках её репродуктивной и семейной функции. В новостях о преступлениях часто встречается виктимизирующий дискурс (*пострадавшая, жертва* [9]), смещающий фокус с деяния на личность жертвы.

Фрейм успеха и самореализации «Профессионал» и «Лидер» активно конструируется в карьерно ориентированных пабликах «ВКонтакте» и деловых каналах «Telegram».

Лингвистические маркеры: номинации *бизнес-леди, эксперт, лидер, профессионал*; глаголы достижения (*добилась, возглавила, основала*); акцент на компетенциях, а не внешности.

В подобных примерах отмечаем нарратив преодоления и личной эффективности. Однако в данном фрейме часто присутствует гендерный маркер, подчёркивающий исключительность женщины на руководящем посту (*женщина-руководитель; она смогла пробиться в мужском мире*), что указывает на сохраняющуюся маргинализацию женского лидерства как нормы. Например, в статье, посвященной Юлии Рубекиной в группе «ВКонтакте» «Бизнес-леди», мы видим, что, с одной стороны, читателю представляют человека-профессионала, с другой – человека, преодолевающего трудности, причем стереотипно присущие женщинам. Здесь – это проблема совмещения карьеры и семьи. При этом, что интересно, в информационных источниках такого рода часто избегают использования феминитивов. Возможно, с целью придания большей «серьёзности» материалу [10].

Активистский фрейм «Субъект» и «Борец» наиболее ярко представлен в фем-сообществах «Telegram» и некоторых либеральных новостных каналах.

Лингвистические маркеры: лексика правового поля (*права, равенство, дискриминация* (например, здесь: [11]); номинации *активистка, защитница* [12]; использование прямых заимствований (*эмпауэрмент, сексизм* [13]); риторические вопросы и императивные конструкции, призывающие к действию [12].

Данный дискурс направлен на деконструкцию традиционных моделей и утверждение женской субъектности. Женщина представляется как активный агент, способный влиять на социальные и политические процессы. Для этого фрейма характерна высокая степень метаязыковой рефлексии.

Проведённый анализ также выявил платформенную специфику. Во «ВКонтакте» и «Telegram» доминирует коммерциализированный образ женщины, балансирующий между фреймами «Объект» (в пабликах о красоте) и «Профессионал» (в карьерных сообществах). Эти социальные сети характеризуются наибольшей поляризацией. Здесь одновременно сосуществуют и радикально консервативные, и ярко выраженные активистские нарративы, что делает данную платформу полем наиболее острой идеологической борьбы. В то же время новостные агрегаторы демонстрируют тенденцию к стереотипизации, редуцируя образ женщины до ограниченного набора социальных ролей.

Репрезентация концепта «Женщина» в современном российском медиадискурсе является гетерогенной и конфликтной. В нём одновременно сосуществуют и конкурируют три основных фрейма: традиционный патриархальный, карьерно ориентированный и активистский. Эта полифония отражает глубокий ценностный раскол в российском обществе и борьбу за определение новой женской идентичности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ российского дискурса с западноевропейским, а также на изучение региональных особенностей репрезентации гендерных концептов.

Список использованных источников

1. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Авторская редакция. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. – Режим доступа : <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>. – Дата доступа : 18.10.2025.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник [Электронный ресурс] / З. Е. Александрова. – М. : Изд-во : «Русский язык», 1989. – 568 с. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/book.nsf/57700699>. – Дата доступа : 20.10.2025.
3. В России призвали запретить женщинам переработки для повышения рождаемости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rosbalt.ru/news/2025-03-18>. – Дата доступа : 19.10.2025.
4. Милонов призвал запретить показывать в фильмах бездетных женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/07/13/26259938.shtml>. – Дата доступа : 19.10.2025.
5. «Чем лучше живут, тем меньше рожают» : в Госдуме назвали причину кризиса демографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rtvi.com/news/chem-luchshe-zhivut-tem-menshe-rozhayut-v-gosdume-nazvali-prichinu-krizisa-demografii/> – Дата доступа : 17.10.2025.
6. Володин высказался о женщинах-депутатах на заседании о демографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ria.ru/20250716/volodin-2029532753.html>. – Дата доступа : 17.10.2025.
7. «Перестанут легально – будут накачивать губы по подвалам» : депутат потребовал запретить пластические операции женщинам в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.fontanka.ru/2025/10/12/76070787/> – Дата доступа : 16.10.2025.
8. Мошенники обманули дочь экс-депутата Госдумы на 50 миллионов рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ria.ru/20250206/moshenniki-1997729912.html>. – Дата доступа : 16.10.2025.
9. «Проигрывал бой – молча уходил» : бойца ММА посадили на 23 года за убийство женщины с ребенком – что он сказал в суде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ngs.ru/text/criminal/2025/10/24/76087388/> – Дата доступа : 16.10.2025.

10. Юлия Рубекина – инженер-разработчик, резидент «Сколково»... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/wall-68772405_2011 – Дата доступа : 24.10.2025.

11. Дания признала вину за принудительную контрацепцию гренландок и согласилась выплатить компенсации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://t.me/kosa_media/6040. – Дата доступа : 24.10.2025.

12. «Последние слова» ученой Джейн Гудолл, посвятившей жизнь защите природы, показали в новом проекте Netflix [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://t.me/kosa_media/6324. – Дата доступа : 24.10.2025.

13. Первая женщина-пилот Армении рассказала о стереотипах и сексизме в профессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://t.me/kosa_media/5767. – Дата доступа : 23.10.2025.

Abstract. This article analyzes the linguistic representation of the concept of “Woman” and the construction of women's images in contemporary media. The relevance of this study stems from the need for a systematic description of the transformations in the representation of femininity using new digital genres. Over one hundred online posts and news articles were analyzed.

Keywords: gender, gender stereotypes, representation of the concept of “Woman”, representation of the image of women, media discourse, stereotyping of women's images.

УДК 811.163.41'373.7

Е. Е. Славгородская

Научный руководитель – **В. М. Мокиенко**,
д-р филол. наук, профессор

СЕРБСКИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ И ИХ ВАРИАНТЫ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые сербские пословицы и поговорки с анималистическим компонентом, встречающиеся в труде петербургских паремиографов «Тетради паремиографа». Собранные и проанализированные данные позволяют выявить разную степень устойчивости вариантов в современном языковом сознании и демонстрируют динамическое состояние сербского паремиологического фонда.

Ключевые слова: паремиология, сербские пословицы, сербские поговорки, животные в пословицах, вариативность, языковая норма и уzus, паремиологический эксперимент.

В паремиологическом социолингвистическом эксперименте, который проводился в 2003–2005 годах и результаты которого легли в основу седьмой, сербской части издания «Тетради паремиографа. Сербские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума», принимали участие сто информантов – носители сербского языка в возрасте от 17 до 76 лет из разных населенных пунктов Сербии. Им предлагалось продолжить представленные первые части паремий, которые являются эквивалентами русских пословиц или поговорок, входящих в паремиологический минимум Г. Л. Пермякова [1, с. 3]. К полученным ответам подбирались контекстные иллюстрации из открытых интернет-источников, которые либо подтверждали употребительность указанных вариантов паремий, либо подчеркивали их нераспространенность или окказиональность, не известную другим носителям сербского языка. Упомянутый материал, собранный и структурированный паремиологами и сербистами Санкт-Петербургского государственного университета – М. Ю. Котовой, И. В. Гучковой и К. Перич, – является достаточно показательным и сохраняет свою актуальность и сегодня.

Рассмотрим некоторые сербские пословицы и поговорки, в которых содержатся компоненты, обозначающие домашних и диких животных, поскольку такие паремии и их

эквиваленты встречаются во многих европейских языках, в том числе и в русском, и вызывают большой интерес исследователей по всему миру. Так, для обзора и анализа был выбран ряд пословиц и пара поговорок с компонентами *пас, мачак, вук, зец* – животными, часто фигурирующими в славянской паремиологии.

Сербскими параллелями пословицы *Не та собака кусает, которая лает*, согласно русско-славянскому словарю пословиц с английскими соответствиями М. Ю. Котовой, являются следующие паремиологические единицы: *Које куче лаје, то не уједа; Пас који лаје, не уједа; Ко много прети, онога се не бој* [2, с. 146]. Из тех, что имеют анималистический компонент, в «Тетрадах паремиографа» представлена лишь вторая – ее первая часть *Пас који лаје* была дана информантам для продолжения. Среди узнавших пословицу 80 человек продолжили ее словами *не уједа*, что полностью соответствует фиксируемому в словаре варианту, а также иллюстрируется контекстом из открытого интернет-источника. Среди прочих предложенных продолжений встречаются единичные варианты, лексически и семантически похожие на наиболее распространенный: *тај не уједа* (2 инф.), *лаје али не уједа* (1 инф.), *никад не уједа* (1 инф.) [1, с. 299]. Однако ни для одного из них не удалось подобрать контекстную иллюстрацию. Это позволяет сделать вывод, что данная паремия известна широкому кругу современных носителей языка, имеет высокую степень устойчивости и находится в активном употреблении, стабильна в языковом сознании и закреплена в живой речевой практике. При этом встречается ряд вариантов второй части, которые не подтверждаются реальными примерами употребления и, скорее, носят единичный и окказиональный характер.

Еще одна сербская пословица, в которой присутствует компонент *пас*, – *Пси лају на караване, а каравани пролазе*. В такой форме она фиксируется как один из аналогов русской единицы *Собака лает, ветер носит* [2, с. 146], которая, в свою очередь, также известна в русском языке и с компонентом *караван*: *Собака лает, а караван идет; Собака лает – караван подходит* [3, с. 841]. По результатам анкетирования первая часть сербской паремии *Пси лају на караване* чаще всего продолжалась фразой *а каравани пролазе* (14 инф.), для которой удалось подобрать контекстную иллюстрацию. Значительно менее популярным продолжением стало *а они пролазе* (4 инф.) – при таком варианте не вполне однозначно определяется, какое из двух понятий заменяется местоимением *они* (*пси* или *каравани*), и, возможно, по этой причине для такой лексической комбинации не было обнаружено примеров употребления. Информанты также указали вариант *каравани пролазе* (2 инф.), который отличается от первого рассмотренного лишь отсутствием союза *а* и для которого тоже была подобрана соответствующая иллюстрация. Варианты *а ветар носи* (1 инф.) и *цигана* (1 инф.) не были проиллюстрированы контекстами, при этом ответ *ветар носи* (1 инф.) такой контекст получил [1, с. 321–322]. Таким образом, пословица *Пси лају на караване, а каравани пролазе* существует в языке в виде набора вариантов, образующих гнездо смежных форм, то есть остается узнаваемой носителями. Наиболее частотный ответ совпадает с кодифицированной словарной нормой, при этом некоторое количество других грамматически и лексически допустимых продолжений указывает на гибкость паремиологической структуры, которая частично находит подтверждение в реальных контекстах. Пословица также может быть известна сербам со словосочетанием *ветар носи* (такой вариант, например, фиксируется в хорватских словарях фразеологизмов и пословиц, по которым также возможно проследить некоторые паремиологические тенденции ввиду близости сербского и хорватского языков: *Što psi laju, vjetar nosi* [4, с. 523]). Это говорит о том, что ядро пословицы сохраняется, однако ее конкретная реализация в речи может колебаться, что свидетельствует о ее живом и адаптивном характере в узусе.

Далее рассмотрим пару паремиологических единиц, содержащих в качестве компонента другого домашнего животного – кота. Несомненной параллелью русской пословицы *Первый блин комом* в сербском языке выступает *Први се мачићи у воду бацају* [2, с. 20–21] – обе они выражают вероятность столкнуться с трудностями и неудачами

в начале какого-либо пути и желание поддержать человека, оказавшегося в такой ситуации. Примечательно, что в знаменитом сборнике пословиц Вука Стефановича Караджича данная пословица фиксируется в варианте *Први се мачићи у море бацају* [5, с. 325], где в качестве одного из компонентов также используется гидроним. Из результатов опроса видим, что первая часть пословицы *Први се мачићи* часто продолжалась вариантом *у воду бацају* (50 инф.) и инверсивным ему *бацају у воду* (6 инф.) – общеупотребительность этих лексических комбинаций подтверждается найденными контекстными иллюстрациями. Среди других полученных продолжений, к которым не удалось подобрать иллюстраций, – *бацају* (4 инф.), *бацају у бунар* (1 инф.) и *бацају у воде* (1 инф.), также лексически тесно перекликающиеся с численно превосходящими вариантами [1, с. 310]. Так, ответы анкетированных дают представление о высокой степени устойчивости и воспроизводимости паремии в сербоязычном узусе. Практически все информанты продемонстрировали точное знание ее канонической формы. При этом незначительная вариативность в виде инверсии и замены гидронимов структурно не нарушает ядро пословицы, и тесно связанные с основной формой вариации подчеркивают факт продолжающегося живого употребления.

Другая пословица, в которой появляется компонент *мачка*, в русско-славянском словаре пословиц зафиксирована в следующем варианте: *Кад мачке нема, мишеви коло играју (воде)*. В качестве русской параллели приводится пословица *Кошка из дому, мышки в пляс* [2, с. 77]. Таким образом, словарь фиксирует два варианта второй части: со словосочетаниями *играти коло* и *водити коло*. Фразу *Кад мачке нема* участники анкетирования чаще всего продолжали словами *мишеви коло воде* (54 инф.) – узуальность этого варианта также подтверждается контекстной иллюстрацией. Следующим по популярности вариантом оказался *ту мишеви коло воде* (6 инф.), который, однако, проиллюстрировать не удалось. Остались также без иллюстраций все остальные немногочисленные ответы: *нема ни миша* (2 инф.), *нема ни мишева* (2 инф.), *и мишеви гладују* (1 инф.), *и мишеви коло воде* (1 инф.), *и нас је добар* (1 инф.), *ту мишеви коло праве* (1 инф.), *ту су мишеви* (1 инф.) [1, с. 142]. Эти данные, как и в случае с предыдущей рассмотренной пословицей, демонстрируют высокую степень каноничности и стабильности паремии *Кад мачке нема, мишеви коло воде* в языковом сознании носителей сербского языка. Абсолютное большинство информантов воспроизвело форму, зафиксированную в словаре, что также подтверждается примерами употребления. Небольшие лексические и синтаксические отклонения, оставшиеся без контекстного подтверждения, носят окказиональный характер и не образуют конкуренции устойчивой норме. Это указывает на то, что паремия является активной, хорошо усвоенной и воспроизводится в речи в четко зафиксированной форме. Однако, как видим, ни в одном из ответов не встретился глагол *играти*, который дает словарь пословиц, что говорит об однозначном закреплении единственного доминирующего варианта, в то время как вариант пословицы с этим глаголом постепенно уходит из языка.

Теперь перейдем к паремиологическим единицам, где в качестве одного из компонентов выступают дикие животные, в частности волки. Среди них встречается пословица или, в некоторых контекстах, поговорка *И волки сыты, и овцы целы*, сербская параллель которой лексически почти идентична русской: *И вуци сити, и овце на броју* [2, с. 32]. Информанты, как и в предыдущей пословице, подтверждают обиходность упомянутого варианта, продолжая фразу *И вуци сити* словами *и овце на броју* (37 инф.), что также нашло отражение в подобранной контекстной иллюстрации. Интересно, что в следующем по популярности ответе вместо овец упоминаются козы: *и козе на броју* (5 инф.) [1, с. 111–112]. Вариант пословицы или поговорки с компонентом *коза*, хоть и значительно менее распространенный по сравнению с первым, не только встретился в открытых интернет-источниках, что было зафиксировано в «Тетрадах паремиографа», но и включается в хорватские паремиологические словари: *Da bude (ostane) <i> vuk sit i koza (ovca) cijela*; *Da bude vuk sit i koza cijela*; *Da остану vuk sit i koza cijela*; *Ostane vuk sit i koza*

cijela [4, с. 776]. Далее по количеству упоминаний следует вариант *и јагњад мирна* (2 инф.), не сопровождающийся контекстной иллюстрацией. Иллюстраций также не получили единичные варианты *и коње на броју* (1 инф.), *и овце целе* (1 инф.), *и чобан срећан* (1 инф.), *лије сите* (1 инф.), *и јаганјци на броју* (1 инф.). Тем не менее для единично упомянутых вариантов *и све овце на броју* (1 инф.) и *овце блеје* (1 инф.) примеры употребления нашлись [1, с. 111–112]. Из этого можно заключить, что пословица или поговорка устойчива в сознании носителей сербского языка и используется с допуском лексической вариативности, подтвержденной словарями. Воспроизведение большинством информантов канонической формы указывает на ее доминирующее положение. При этом вариант с заменой *овце* на *козе*, несмотря на меньшую частотность, не является окказиональным или ошибочным, а представляет собой легитимную альтернативу, закрепленную в паремиологических источниках. Наличие единичных, не нашедших широкого подтверждения вариантов, структурно смежных с основным, свидетельствует о живом и гибком характере паремиологической единицы, допускающем эксперименты в речи.

Следующая рассматриваемая пословица – *Человек человеку волк*, которая в действительности является книжной и приписывается авторству Плавта, древнеримского писателя, использовавшего ее в «Ослиной комедии». Существует и другая паремия с аналогичной начальной частью – *Человек человеку друг* [*, товарищ и брат*], – которая возникла на съезде КПСС в 1961 году путем антонимического «отталкивания» от вошедшего в обиход изречения Плавта и отражала продвигаемые принципы отношений людей в советском обществе [6, с. 342]. В русско-славянском словаре пословиц для первой паремии приводится сербский екавский вариант *Човјек је човјеку вук*. При этом указывается семантически относительная параллель для русского *Человек человеку друг* – *Врана врани очи не вади* [2, с. 173], – которая, тем не менее, не является полным семантическим аналогом русского выражения эпохи СССР. При анкетировании респонденты продолжали пословицу, начинающуюся словами *Човек је човеку*, вариантами *вук* (28 инф.), *звер* – *вук* (1 инф.) и *најгори вук* (1 инф.), а контекстной иллюстрацией сопровождается только первый из них. Интересно, что в некоторых анкетах приводятся ответы *највећи непријатељ* (7 инф.), *најбољи пријатељ* (4 инф.), *најбољи друг* (1 инф.), *највеће зло* (1 инф.), *највећи пријатељ* (1 инф.), *најгори непријатељ* (1 инф.), *непријатељ* (1 инф.), а для первых двух также приводятся иллюстрации [1, с. 418–419]. Переделанный вариант пословицы, похожий по лексическому составу и семантике на советский лозунг, мог прийти в язык во времена социалистической Югославии и задержаться в нем до сегодняшнего момента. Варианты *највеће зло*, *најгори непријатељ* и *непријатељ* по своему смыслу тождественны пословице *Човек је човеку вук*, и в данном случае, через соединение компонентов из разных выражений в одном, прослеживается интерферированность с переводом лозунга на сербский язык – *Човек је човеку пријатељ* [*, друг и брат*]. Можно констатировать, что эксперимент выявляет сложную картину взаимодействия в сербском языковом сознании двух пословиц, имеющих идентичную синтаксическую структуру. Как показывают результаты, с одной стороны, подтверждается устойчивость классической книжной формулы *Човек је човеку вук*, продемонстрировавшей наибольшую частотность. С другой стороны, в эксперименте имеют место ответы с антонимичным значением (*најбољи пријатељ/друг*) и синонимичными усилениями (*највећи непријатељ*) относительно пословицы-первоисточника. Это свидетельствует о влиянии на паремиологический фонд советского лозунга и его югославского аналога. Подобная интерференция привела к формированию гибридной модели, где в рамках одной фразы происходит столкновение двух семантически противоположных концепций. Полученные данные ярко иллюстрируют, как исторический и идеологический контекст может не просто добавить новый вариант, но и создать динамичное семантическое поле вокруг устоявшегося выражения, где его первоначальный смысл вступает в диалог, а порой и в конфликт, с более поздними смысловыми наслоениями.

Тесно связана с компонентом *волк* и следующая пословица, которая, однако, в сербском языке уже относится к анимализму *зец*. Сербской параллелью паремии, которая в русском языке звучит как *Работа не волк, в лес не убежит*, выступает выражение *Посао није зец, неће побећи* [2, с. 125]. Несмотря на то, что в сербском языке на месте русского *волк* возникает *зец*, словари указывают на существование вариативности в рамках употребления русской пословицы *Работа (дело) не волк (не медведь, не заяц), в лес не убежит (не уйдет)* [6, с. 247]. Как видно, *заяц* также является употребительным компонентом в данной пословице в русском языке. Тем не менее продолжить первую часть пословицы *Посао није зец* смогли лишь 19% информантов от их общего числа, что значительно меньше относительно количества полученных ответов для большинства предыдущих рассмотренных пословиц и поговорок. Контекстные иллюстрации получили наиболее частые варианты, *да побегне* (9 инф.) и *па да побегне* (3 инф.), однако единичные ответы *да ће побећи* (2 инф.), *да побегне* (1 инф.), *да се може ухватити* (1 инф.), *па да побегне у шуму* (1 инф.), *па да утекне* (1 инф.), *у шуму неће побећи* (1 инф.) проиллюстрировать не удалось [1, с. 305–306]. Во время поиска контекстов был также проверен вариант *неће побећи*, фиксирующийся в словарях, но не полученный ни от одного респондента. К нему была найдена иллюстрация в открытых источниках и добавлена в издание. Полученные данные свидетельствуют о том, что пословица *Посао није зец, неће побећи* переживает процесс архаизации и выхода из активного употребления в современном сербском языке. Ввиду того что респондентами было дано много разных, но грамматически и синтаксически неоднородных вариантов, по-видимому, точная форма пословицы забывается, уступая место индивидуальным реконструкциям и грамматическим трансформациям, попыткам угадать или достроить имеющуюся фразу, что является признаком ее выхода из живого паремиологического фонда.

Совершенно противоположная ситуация наблюдается в другой паремии, которая в сербском варианте фиксируется в форме *У том грму лежи зец* – параллель русской поговорке *Вот где собака зарыта* [2, с. 146]. Согласно полученным данным, 75 информантов дали продолжение фразе *У том грму лежи* единосложным вариантом *зец*, который, несомненно, получил и контекстную иллюстрацию [1, с. 402]. Таким образом, данная поговорка не только сохраняет статус активной паремиологической единицы, но и отличается устойчивостью и воспроизводимостью, что говорит о сохраняющейся ассоциации с канонической формой поговорки и укоренении самой поговорки в сербском языковом сознании.

Анализ сербских паремий с анималистическим компонентом на основе данных паремиологического эксперимента позволяет сделать ряд важных выводов. Полученные от информантов ответы демонстрируют, что пословицы и поговорки в современном языке находятся на разных стадиях жизненного цикла, который можно определить по характеру их вариативности и уровню воспроизводимости носителями. С одной стороны, выявлена группа устойчивых и активных паремий, для которых характерны высокая частота воспроизведения канонической формы и наличие лишь незначительных, структурно близких вариаций, подтверждающих их живое и гибкое бытование в узусе. К таким единицам относятся следующие выражения: *Пас који лаје, не уједа*; *Први се мачићи у воду бацају*; *Кад мачке нема, мишеви коло воде*; *У том грму лежи зец*. С другой стороны, в сербском языке обнаруживаются паремии, переживающие процесс архаизации, главным признаком которой выступает низкий процент узнавания и грамматически разрозненная вариативность, свидетельствующая о разрушении ядра пословицы и ее выходе из активного запаса. К таким выражениям относится паремия *Посао није зец, неће побећи*. Отдельный интерес представляет пословица *Човек је човеку вук*, где экспериментальные данные выявили сложное взаимодействие исходной формулы и идеологически антонимичной конструкции, что привело к формированию гибридного семантического поля и наглядно показало влияние внеязыковых факторов на паремиологический фонд.

Материал, полученный и структурированный по итогу проведенного паремиологического эксперимента, позволяет не только зафиксировать варианты пословиц и ряда поговорок и выявить среди них наиболее и наименее частотные, но и проанализировать динамические процессы, происходящие в паремиологическом фонде сербского языка. Установленная связь между типом вариативности и статусом пословицы или поговорки в языке имеет важное значение для паремиографии и лексикографии, так как помогает отличить узуальные варианты от окказиональных и точнее описать реальное состояние паремиологического минимума. Для подобных исследований проведенный эксперимент и его результаты представляются ценным источником и эффективным инструментом для анализа реального состояния паремиологической системы и выявления механизмов взаимодействия узуса и кодифицированной нормы в живом языке.

Список использованных источников

1. Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 7 : Сербские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : уч.-метод. пособие для студ. / М. Ю. Котова, И. В. Гучкова, К. Перич, А. В. Кочановская, А. Р. Павлова, У. А. Радионова, А. Д. Репина, Е. Е. Славгородская ; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филолог. факульт. Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2021. – 440 с.
2. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. – 360 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
4. Fink Arsovski, Ž. Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima / Ž. Fink Arsovski, B. Kovačević, A. Hrnjak. – Zagreb : Knjigra, 2010. – 814 s.
5. Караџић, В. С. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи / В. С. Караџић. – Београд : Српска краљевска државна штампарија, 1900. – 496 с.
6. Walter, H. Trójjęzyczny słownik przysłów : zasady opracowania leksykograficznego / H. Walter, V. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. – Greifswald ; Szczecin : [b.w.], 2014. – 432 s.

Abstract. The article discusses some Serbian proverbs and sayings with an animalistic component found in the work of St. Petersburg paremiographers “Notebooks of a paremiographer”. The collected and analyzed data make it possible to identify different degrees of stability of variants in the modern linguistic consciousness and demonstrate the dynamic state of the Serbian paremiological fund.

Keywords: paremiology, Serbian proverbs, Serbian sayings, animals in proverbs, variability, linguistic norm and usage, paremiological experiment.

УДК 821.161.1+81.42

М. Ю. Слащева
Научный руководитель – **Л. Б. Савенкова**,
д-р филол. наук, профессор

«Я ВАМ ПОКАЖУ БИЛЬДЕРА»: РОЛЬ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РАССКАЗА А. ГРИНА «КАПИТАН ДЮК»

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления лексических и грамматических средств создания речевого портрета главного героя рассказа А. Грина «Капитан Дюк». Речевой портрет выступает в качестве основного средства характеристики персонажа и раскрывающего центральный внутренний конфликт произведения.

Ключевые слова: художественный текст, речевая характеристика персонажа, А. Грин, «Капитан Дюк».

«Капитан Дюк» – рассказ очень солнечный, написанный с большой любовью к людям. Прекрасны образы и самого Дюка, и бродяги Бильдера, и матросов, которые не знают, как спасти своего капитана», – пишет А. Варламов в работе «Александр Грин» [1]. Трудно с ним не согласиться, ведь при прочтении произведения мы воленс-ноленс испытываем симпатию по отношению к пропащему капитану, решившему спасти свою душу, вступив в сектантское сообщество Голубых Братьев, но впавшему в грех гордыни, когда ему бросили вызов (*...никогда в жизни капитан Дюк не осмелится пройти на своей «Марианне» между Вардом и Зурбаганом в проливе Кассет с полным грузом* [2, с. 385]), и пошедшему прямой дорогой, как выразился он немного спустя сам, в ад [2, с. 390], то есть вернувшемуся к своей старой жизни. Интерес вызывает речевой портрет персонажа, то есть «особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т. д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [3, с. 385].

Капитан находится в противостоянии с собственной гордостью и с силой привычки, наблюдается разлад между искренним стремлением исправиться и своей сутью. Дюк действительно пытается измениться, потому что верит, что так надо, но желание вернуться к кораблю и делу, в котором ему нет равных, желание проявить своё «Я» гораздо сильнее. Этот внутренний конфликт получает воплощение в репликах героя: речевая характеристика позволяет читателю наблюдать за духовной борьбой персонажа. Именно поэтому в патетических речах Дюка о желании спасения и раскаяния можно видеть вкрапление вопросов о состоянии экипажа и корабля: *...да, возлюбленные братья мои, я встретил достойного человека, который показал мне, как опасно попасть в лапы к дьяволу. ... Нет, всё кончено, ... я не ваш, вы не мои. ... Ну, что на «Марианне»?»* [2, с. 376]; *«Потом отправьте «Марианну» в док и осмолите ее. Палубу, если нужно, поконопатить. ... И помните, что вино – гибель, опасайтесь его, дети мои* [2, с. 377]. Показательно в этом отношении письмо, которое капитан послал своей команде и которым очень гордился, считая его образцом красноречия и убедительности. В нем наряду с возвышенным пафосом и патетикой обнаруживаются бытовые мотивы. Дюк говорит о спасении, раскаянии, мраке язычества, помрачении совести и одновременно – об украденном брезенте и о фрахтах: *Жил я, братцы, плохо и, страшно подумать, был настоящим язычником. Поколачивал я некоторых из вас, хотя до сих пор не знаю, кто из вас стянул новый брезент. Сам же, предаваясь ужасающему развратному поведению, дошёл до полного помрачения совести. ... Сидите на «Марианне» и не смейте брать фрахтов, пока я не сообщу, что делать вам дальше* [2, с. 375]. В этих словах капитана нет полного отречения от старой жизни: Дюк не может оборвать всех связей, всё еще остается капитаном и чувствует ответственность за команду и корабль, не уверен, что его желание спастись окончательно и бесповоротно, отсюда и запрет фрахтов.

Борьба привычки и праведности в капитане отражается в парных репликах, следующих друг за другом: реплика-стимул содержит какое-то греховное помышление, а реплика-реакция – обвинение самому себе, либо злость на себя за дурные помыслы, либо грусть из-за неверных шагов на пути спасения: *...изнуряйся, постись и смирись, и не смей тебе даже вспоминать, например, о мясе. Однако страшно хочется есть. Кок... гм... хорошо делал соус к котле... – Дюк яростно ткнул лопаткой в землю. – Животная пища греховна, и я чувствую себя теперь значительно лучше, питаюсь вегетарианской кухней. Да!* [2, с. 370–371]; *Прощай, «Марианна», прощай! ... Не раздражай меня, «Марианна», воспоминаниями. Не смей тебе снится мне! Теперь только я понял, что спасенье души более важное дело, чем торговля рыбой и яблоками... да. Извините меня, брат Варнава* [2, с. 372].

Очевидно, что очень важным способом воплощения в речи внутренних терзаний Дюка является лексическое наполнение его реплик. Попытка спасти свою душу видна не только в делах, которыми он занимается в общине, но и в изменении стиля его общения. Фук, подчиненный Дюка, говорит, что капитан *«насчёт словесности не стеснялся»* [2, с. 378], но после ухода к Голубым Братьям можно заметить появление в его речи элементов высокой, книжной лексики: *отныне, аминь, предаваться, помрачение, посему,*

дух, возлюбленные братья, погибель, святой, искушать, смиренный и под. Кроме того, для придания возвышенности речи Дюк порой использует инверсию («Какова сила врага рода человеческого!» [2, с. 374]) или полисиндетон (Так вот: я вышел из трактира, сел на тумбочку **и** заплакал, сам не знаю зачем. **И** держал я в руке, сколько не помню, золота. **И** просыпал [2, с. 376]). Тщетность попыток воображаемого духовного обновления видна в том, что поименованные возлюбленными братьями [2, с. 375] члены экипажа тут же характеризуются как *черти полосатые* [2, с. 376]. А последующая тирада насыщается гораздо более привычными для капитана грубыми словами: *Если я собака, то кто Бенц? А? ... Швабра он, последняя шваб-р-ра! ... Не искушайте меня. Проваливайте*» [2, с. 376], «*Кой чёрт там глазееет?*» [2, с. 374]; *Вы непроходимые болваны, гнилые буйки, бродяги* [2, с. 375] и под. Становится ясно, что Дюк как не стеснялся насчёт словесности, так и не стесняется, несмотря на действительно искреннее желание изменить свою жизнь. Даже в момент общения с братом Варнавой Дюк не удерживается от ругательства: *И снится мне, что Куркуль заснул на вахте, да где? – около пролива Кассет, а там, если вы знаете, такие рифы, что бездельника, собственно говоря, мало было бы повесить, но так как он глуп, то я только треснул его по башке линьком. Но этот мерзавец...* [2, с. 372]. Стоит отметить, что только при упоминании «Марианны» капитан не использует ни одного бранного слова. Бог и праведность, надо полагать, для Дюка важны, но не так, как его корабль, который даже в каком-то отношении персонифицируется, на что указывает и само название (женское имя), и обращение к нему как к самому дорогому человеку: *Мысленно перецеловал ее всю от рымов до клотиков. Прощай, «Марианна», прощай! Я любил тебя. Если я позабыл переменить кливер, то прости – я загулял с маклером* [2, с. 372]; *Я говорю, что бойкая была очень она, «Марианна», и руля слушалась хорошо* [2, с. 377]. Авторская речь также включает прозопопею и антропоморфические сравнения по отношению к кораблю, что подчеркивает его важность для главного героя: *Пустая, высоко подняв грузовую ватерлинию над синей водой, покачивается она на рейде так тяжко, так жалостно, как живое, вздыхающее всей грудью существо, и в крепких реях её посвистывает ненужный ветер* [2, с. 387].

О раздражающих Дюка противоречиях свидетельствует и синтаксическая характеристика речевого поведения героя. Когда капитан говорит о необходимости жить праведно, его речь нестройна: предложения обрываются или парцеллируются, одна мысль наплывает на другую, нет сосредоточенности на магистральной теме: *Я, надо полагать, отчаянный грешник. ... Не спится; чертовски хотелось курить и... знаете, это... когда табаку нет, столько слюны во рту, что не наплюёшься* [2, с. 372]. Дюк неловок, несостоятелен в разговорах о нравственности и праведности, в рассуждениях о новых обязанностях, но уверен и умел, когда речь заходит о морском деле. Монолог о тактике прохода сложнейшего пролива Кассет капитан произносит на одном дыхании, практически не прерываясь, без пауз и запинки.

Сила привычки выражается и в частоте употребления императивных конструкций в форме инфинитивных предложений. Это способ наиболее категоричного волеизъявления, вполне прогнозируемый для Дюка-капитана (*Поднять якорь!* – закричал капитан, чувствуя себя дома, – ... *Поднять немедленно! Закрепить ванты! Убрать сходни! Ставь паруса!* [2, с. 392]), но выглядящий неуместным для человека, решившего удалиться от мирской суеты. В общении захотевшего «исправиться» Дюка с навестившими его членами экипажа не ощущается смирения, хотя он только что читал Священное Писание и пытался заниматься богоугодными делами. Капитан в Дюке преобладает: *Это что такое?! ... Откуда вы? Что расселись? Встать!* [2, с. 374].

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – несобственно-прямая речь, которая «сохраняет, полностью или частично, лексические, фразеологические и синтаксические особенности речи говорящего лица» [4, с. 430], сравн.: *Кто угодно мог бы сказать это, только не он. Остальные могут говорить что угодно. Но Бильдер, которому двадцать лет назад на палубе «Веги», где тот служил капитаном, смотрел он в глаза преданно*

и трусливо, как юный щенок смотрит в опытные глаза матери; Бильдер, каждое указание которого он принимал к сердцу ближе, чем поцелуй невесты; Бильдер, знающий, что он, Дюк, два раза терпел крушение, сходя на шлюпку последним; э т о т Бильдер заочно, а не в глаза высмеял его на потеху всей гавани. Да! [2, с. 389]. Фрагмент демонстрирует победу уязвленной гордости над тщетной попыткой переломить себя. Эмоциональность достигает своего апогея, и это подчеркивает не только восклицание, но и параллелизм строения предложений и анафора.

Именно речевой портрет Дюка создает обаяние героя. Он груб и наивен одновременно. Отсюда его бытовое, максимально поверхностное понимание Библии. Главные его черты – искренность и честность. Дюк простодушен, как ребенок. На это указывают и авторские ремарки: *невинно осведомился* [2, с. 377], *краснея как мальчик* [2, с. 388]). Даже общение с Богом у него просто и наивно: *Боже, прости Дюка! – бормотал старый ребёнок, сморкаясь в фуляровый платок. – Пропасть, конечно, мне суждено, и ничего с этим уже не поделаешь. Ежели б не Кассет – честное слово, я продал бы «Марианну» за полцены. Весьма досадно. Пойду к моим ребятишкам – пропадать, так уж вместе* [2, с. 390]. В этих репликах героя нет патетики, а есть только невинная просьба простить его, простодушное обращение, которое, видимо, очень близко и самому А. Грину, писавшему Вере Павловне Калицкой: «...религия, вера, Бог – эти явления, которые в чем-то искажаются, если обозначить их словами» [5]. Образ капитана Дюка под пером А. Грина вышел действительно обаятельным, потому что показывает, что быть тем, кто ты есть на самом деле, совсем не плохо, и эту мысль весьма хорошо озвучивает Сигби, один из членов команды: *Дюк... Не забывай, кто ты!* [2, с. 386].

Список использованных источников

1. Варламов, А. Н. Александр Грин [Электронный ресурс] / А. Н. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 450 с. – Режим доступа : <http://grin.lit-info.ru/grin/kritika/varlamov-aleksandr-grin/index.htm>. – Дата доступа : 03.09.2025.
2. Грин, А. С. Бегущая по волнам : феерия, роман, рассказы / А. С. Грин. – Санкт-Петербург; М. : Речь, 2023. – 496 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Грамматика русского языка. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 2 : Синтаксис. – Ч. 2. – 444 с.
5. Первова, Ю. А. Грин и его отношения с эпохой [Электронный ресурс] / Ю. А. Первова, А. А. Верхман. – Режим доступа : <https://www.kreschatik.kiev.ua/8/25.htm>. – Дата доступа : 04.09.2025.

Abstract. The article attempts to identify the lexical and grammatical means of creating a speech portrait of the main character of A. Green's story "Captain Duke", revealing the central internal conflict of the story.

Keywords: literary text, speech characteristics of character, A. Green, «Captain Duke».

УДК 316.722

К. С. Сокольникова

Научный руководитель – С. В. Сомова,

канд. пед. наук, доцент

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассмотрено явление невербальной коммуникации и ее место в языковой культуре. Кроме того, рассматриваются конкретные особенности языка тела, жестов,

мимики, интонации, «зонального пространства» у различных стран и народов. Автор статьи делает вывод о том, что не существует универсальных жестов и приводит доводы в поддержку данной точки зрения.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, языковая культура, народы, мимика, жесты, интонация.

ЮНЕСКО признало XXI век веком полиглота, обосновав такое решение девизом «Изучаем языки на протяжении всей жизни». Данное решение подчёркивает важность изучения не только иностранных языков, но и освоения культуры, традиций народа, интонации, с которой говорят люди, жестов, которые они используют, то есть углубления в невербальную коммуникацию.

Языковая культура – это комплексное понятие, которое состоит не только из языка, на котором общается население. Невербальная коммуникация представляет интерес для лингвистики, поскольку является формой выражения и передачи информации. Становится ясно, что невербальная коммуникация является одним из важнейших аспектов языковой культуры.

Рассуждая о месте невербальной коммуникации в системе языка, необходимо отметить, что язык тела относится к одному из важнейших понятий культурной идентичности. Г. В. Елизарова дает следующее определение культурной идентичности: «совокупность личностных характеристик, убеждений и моделей поведения, которая, несмотря на индивидуальные различия людей, обеспечивает принадлежность каждого человека к определенной национальной культуре» [1, с. 145].

Согласно И. Н. Кузнецову, «невербальное общение составляют: голос, интонация; внешний вид, поза; выражения лица, улыбка, взгляд; походка; жесты; прикосновения; рукопожатие; мимика; личное пространство» [2, с. 173].

Так, например, русские люди, которые, согласно переписи населения 2020 года, составляют 80,85 % населения Российской Федерации, являются очень шумными людьми. Они громко общаются и смеются. Это, например, шокирует жителей Финляндии, для которых повышение голоса будет выглядеть как невежество [3; 4].

Нельзя забывать, что жесты часто могут отличаться, как и языки общения, в различных странах. Русские люди обычно машут рукой из стороны в сторону при дружеских взаимоотношениях для того, чтобы поздороваться. В то время как в деловой сфере люди жмут руки. В Нигерии же помахать рукой в такой манере будет крайне грубым и обидным действием. В Саудовской Аравии с женщинами в принципе запрещено здороваться, так как это противоречит законам Шариата. До 2016 года женщины в данной стране не могли передвигаться самостоятельно, без сопровождения мужа или отца [5]. Более типичным для русского человека будет поведение людей из Великобритании, где при встрече кивают в знак приветствия, из Франции, где целуют друг друга в щеки несколько раз (хотя это приветствие всего лишь имитация поцелуя, не касаясь губами щеки). Менее привычным поведение будет в Тибете, поскольку для приветствия там показывают язык, что уходит корнями в историю страны. На Филиппинах люди производят особый ритуал – «мано по» – «младший по возрасту собеседник наклоняется, берет своей правой рукой ладонь старшего и прикасается кончиками пальцев к его лбу, при этом произнося *мано по* (*рука и уважение*)» [6].

Для прощания русские чаще всего либо машут рукой, как при приветствии, либо машут ладонью, поднимая ее и сгибая пальцы. В официальной сфере люди могут пожать руки. В большинстве европейских стран жесты для прощания совпадают с русскими. Однако в азиатских странах люди ведут себя иначе. Так «в **Японии** при встрече кланяются: чем ниже и медленнее, тем больше уважения к вам» [7], а на Андаманских островах принято дуть на ладонь того, с кем прощаются.

Более эмоциональные народы здороваются и прощаются с большим телесным контактом. Например, в Бразилии часто обнимаются. Для русского человека такое поведение приемлемо только в кругу близких людей, как и для более отстраненных и «холодных» жителей далекой Азии.

Распространенными формами невербальной коммуникации можно считать «да-нет» жесты. У русских принято кивать головой, чтобы выразить согласие, и двигать головой из стороны в сторону, чтобы показать отрицательный ответ. Однако не во всех странах эти жесты совпадают. В Болгарии, Турции, Иране и Греции эти жесты имеют полностью противоположное значение.

Интересно, что помимо жестов люди обращают внимание на «зональные пространства» [8, с. 32], которые отличаются в разных культурах. В книге «Язык телодвижений (как читать мысли по жестам)» рассмотрен пример, который ярко демонстрирует разное отношение к расстоянию людей относительно друг друга и влиянию зрительного контакта на интерпретацию слов. У «многих европейских наций интимная зона составляет только 23–25 см», поэтому датчанам, описанными автором книги, было комфортно, а американцам, такое расстояние казалось крайне маленьким. Датчане вторгались «в интимную зону» американцев.

Взгляд также играет ключевую роль во взаимодействии культур. Для жителей Южной Европы нормальной является «высокая частота взгляда» [8, с. 146], как и для русских людей. У русских даже принято считать, что если человек не смотрит в глаза, то он лжет. В азиатской культурной традиции принято не смотреть в глаза собеседнику, потому что считается, что таким поведением человек «насильно пытается проникнуть во внутренний мир» [4].

На Западе считается, что русские – «нация мрачных, редко улыбающихся людей» [9, с. 91]. Как справедливо отмечает С. В. Сомова, «русские люди, попав в англоязычный мир, недоумевают по поводу улыбок иностранцев» [10], поскольку, например, жители Англии «абсолютно повсюду улыбаются совершенно незнакомым людям» [11, с. 240] – такое выражение лица отражает вежливость и уровень воспитания. В соответствии с результатами “Smiling Report 2012” – ежегодного международного отчета дружелюбности – самыми «улыбающимися» странами являются Австрия и Парагвай [12]. Это можно объяснить тем, что данные национальности, во-первых, по-настоящему искренне улыбаются, они рады общению с людьми, а во-вторых, как и во многих Европейских странах, это норма вежливости.

Таким образом, невербальная коммуникация, несомненно, занимает одно из центральных мест в языковой культуре, так как именно невербальное общение показывает оттенки значения слов, которые доносит человек. Однако необходимо помнить, что не существует универсальных жестов, которые будут поняты одинаково всеми людьми планеты Земля, так как многие движения имеют разное, а порой и противоположное значение.

Кроме того, громкость голоса, расстояние до собеседника, направление взгляда имеют принципиальное значение, поскольку даже в таких, казалось бы, незначительных аспектах невербальной коммуникации кроется смысл для представителей иноязычной культуры.

Список использованных источников

1. Елизарова, Г. В. К вопросу о путях формирования культурной идентичности / Г. В. Елизарова // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – 2010. – № XIX. – С. 135–143.
2. Кузнецов, И. Н. Деловое общение. Деловой этикет : учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Кузнецов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 431 с.
3. 20 русских привычек, которые взрывают мозг иностранцам [Электронный ресурс] // *learnrussian.by* : [сайт]. – Режим доступа : <https://learnrussian.by/privychki-russkih/> – Дата доступа : 20.10.2025.
4. В каких странах следует избегать зрительного контакта с человеком? [Электронный ресурс] // *www.bolshoyvopros.ru* : [сайт]. – Режим доступа : <https://dzen.ru/a/XCDKWqqRBQCpJGKD..> – Дата доступа : 20.10.2025.
5. Что можно и чего нельзя женщинам в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // *dzen.ru* : [сайт]. – Режим доступа : <https://dzen.ru/a/XCDKWqqRBQCpJGKD..> – Дата доступа : 20.10.2025.
6. Радышевская, Ю. Как здороваются в разных странах мира [Электронный ресурс] / Ю. Радышевская // *moya-planeta.ru* : [сайт]. – Режим доступа : https://moya-planeta.ru/travel/view/takoe_raznoe_zdravstvuj_403.. – Дата доступа : 20.10.2025.

7. Как здороваются и прощаются в разных странах? [Электронный ресурс] // www.bolshoyvopros.ru : [сайт]. – Режим доступа : <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/1542355-kak-zdorovajutsja-i-proschajutsja-v-raznyh-stranah.html>. – Дата доступа : 20.10.2025.

8. Пиз, А. Язык телодвижений : Как читать мысли окружающих по их жестам / Аллан Пиз ; пер. с англ. Т. Новикова. – Обновл. и доп. изд. с ориг. ил. – М. : Эксмо, 2003. – 267 с.

9. Токарева, М. А. Традиции смеха и улыбки в русской и западной культурах / М. А. Токарева // Вестник Московского университета. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №3. – С. 91–114.

10. Сомова, С. В. Интерпретация улыбки в межкультурной коммуникации / С. В. Сомова // Межкультурная коммуникация в современном образовательном процессе : тенденции, стратегии, технологии : сб. науч. тр. по итогам междунар. круглого стола, Рязань, 17 марта 2021 г. – Киров : Межрегиональн. центр инновац. технологий в образовании, 2021. – С. 118–122.

11. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2008. – 262 с.

12. Самые улыбающиеся страны мира [Электронный ресурс] // asconco.ru : [сайт]. – Режим доступа : <https://asconco.ru/materialy/articles/samye-ulybayushchiesya-strany-mira/> – Дата доступа : 20.10.2025.

Abstract. The article examines the phenomenon of non-verbal communication and its place in linguistic culture as a linguistic aspect. In addition, specific features of body language, gestures, facial expressions, intonation, and "zonal space" in various countries and peoples are considered. The author of the article concludes that there are no universal gestures and gives reasons why this happens.

Keywords: non-verbal communication, linguistic culture, peoples, facial expressions, gestures, intonation.

УДК 81.161.1'367.625'372

О. М. Спектор

Научный руководитель – **Е. И. Тимошенко,**

канд. филол. наук, доцент

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ГЛАГОЛА УВОЛИТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Этимологическая модальная семантика корня **vel-//*vol-* ‘желать, выбирать’ в трансформированном виде сохраняется в исторически производном глаголе *уволить* ‘освободить от выполнения каких-либо обязанностей’. Историческая приставка *у-* привносит в семантику глагола дополнительные модальные семы – сему принуждения в литературном языке и семы принуждения и разрешения в диалектах.

Ключевые слова: семантика, внутренняя форма слова, модальность принуждения, модальность разрешения, приставка *у-*.

В современном русском языке глагол *уволить* с основным значением ‘освободить от выполнения каких-либо обязанностей, связанных с работой, службой’ [1, с. 1367–1368] является непроизводным и возглавляет самостоятельное словообразовательное гнездо [2, с. 281]. Но исторически исследуемое слово членимо: выделяется префикс *у-*, который присоединялся к глаголу *волить* ‘хотеть’, ‘предпочитать’ [3, с. 289–290], являющемуся продолжением праславянского корня **vel-//*vol-* [4, с. 347–348] и далее – индоевропейского корня **uel-//*uol-*, этимологическое значение которого реконструируется как ‘желать, хотеть, выбирать’ [5, с. 1144–1145]. Есть основания считать, что глагол *волить* является производным с помощью суффикса *-и-* от существительного *воля* (← *велеть*), в котором отражается чередование **e//*o*, регулярное при образовании имён существительных от глаголов в славянских языках.

Приставка у- в русском языке многозначна. Она образует глаголы со значением: 1) направления движения от чего-н. в сторону, напр. *угнать, ускакать, уползти, улететь*; 2) направления действия, движения внутрь чего-н., напр. *уместить, уложить*; 3) покрытия чего-н. сплошь, со всех сторон, напр. *усыпать, усеять*; 4) убавления, сокращения чего-н., напр. *уиить, усохнуть, утесать*; 5) с постфиксом -ся – доведения до нежелательного состояния, напр. *убегаться, умяться, уходиться*; 6) собственно предела действия, напр. *ужалить, укомплектовать, урегулировать, усовершенствовать* [6, с. 809]. Анна А. Зализняк относит глагол *уволить* к группе глаголов, в которых приставка у- имеет значение ‘движение прочь’. Это значение проявляется также в словах *уйти, уехать, убыть, уволочь, убрать* <посуду> и др. [7, с. 341]. Одновременно семантика глагола *уволить* позволяет говорить о том, что в значении приставки у- обнаруживаются дополнительные семы: сема каузации, которая может быть объяснена как принуждение к изменению какого-либо статуса или состояния, и сема нанесения ущерба, которая указывает на действие, производимое над субъектом и воспринимаемое им как нежелательное или наносящее урон – моральный и/или материальный. Наличие этих сем указывает на не представленную в толковании глагола отрицательную оценку названного действия. Таким образом, значение приставки оказывает существенное влияние на общую семантику глагола, внутренняя форма которого может быть объяснена как лишение человека воли, способности к самостоятельности действий.

В результате исторических изменений в глаголе *уволить* произошло полное опрощение, и на современном этапе префикс у- не выделяется.

Судя по данным лексикографических источников, широкое распространение глагол *уволить* и его производные получают в деловой письменности с начала XVIII в. Впервые глаголы *уволить* (сов. вид) и *увольнять* (несов. вид) были зафиксированы в «Наказе комиссару екатеринбургских заводов Федору Неклюдову» В. Н. Татищева (1723): *Хотя о работах написано, что крестьян во время земских работ не спрашивать, також и в праздники не работать, однакож ежели необходимая нужда, а особливо, когда плотина повредится или ино что времени тер[не]ть не может, то никакая причина от работ уволить не может, а ежели видно, что более повреждать не будет, то для земских работ увольнять* [8]. В «Артикуле воинском» Петра I (1715) также отмечается форма глагола *уволить* – краткое страдательное причастие прошедшего времени *уволен*, что может свидетельствовать о широком употреблении слов соответствующего словообразовательного гнезда в начале XVIII в. и, возможно, ещё более раннем появлении глагола *волить* с приставкой у- в русском языке: *Артикул 171. Кто при живой жене своей на другой браком сочетается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным правилам. Артикул 172. А ежели супруг или хотя супруга к тому обмануты, в супружество вступит с тем, кто уже женат, оный от всякого наказания уволен, и в прежней чести и достоинстве содержан будет* [8].

В современном русском литературном языке глагол *уволить* является многозначным: 1. Освободить от выполнения каких-либо обязанностей, связанных с работой, службой. *Уволить по сокращению штатов. Уволить за прогул. Многие рабочие оказались уволенными без всякого объяснения.* 2. Отпустить (военнослужащего, курсанта) в увольнение. *Уволить в город.* 3. Обычно повелительное: *уволь, увольте*. Избавить от чего-либо неприятного, ненужного. *Увольте меня от ваших упрёков!* [1, с. 1367–1368] Второе значение (по причине употребления в узкоспециальной военной сфере) можно считать номинативно-производным вариантом основного значения глагола (по классификации В. В. Виноградова [9, с. 172–173]). В третьем значении наблюдается та же сема освобождения от чего-либо, в данном случае нежелательного, а использование глагола в таком значении обычно в повелительном наклонении способствует расщеплению значений.

В диалектах семантика рассматриваемого глагола шире, чем в литературном языке. Так, в «Словаре русских народных говоров», отражающем лексику XIX–XX вв., зафиксирован глагол *уволить/увольнять*, имеющий 5 лексических значений: 1. Позволять уйти

в отпуск. *Уволят телятницы, пойдём в Кушозеро.* (вологодское), 2005. Уволить с работы. *Когда ее с работы уволят, тогда она и придет.* (карельское), 2005. 2. Сов. Разрешить уйти, отпустить. *Тятя меня за его [выйти замуж] не уволил* (пермское), 1987. *Не уволят, дак не пойдешь в артель* (свердловское). Уволить куда-либо *Меня домой увольте, дак хуть чаю попью* (ленинградское), 2005. 3. Сов. с неопр. формой глаг. Разрешить кому-либо делать что-либо. *Отец мне уволил уйти от мужа* (свердловское), 1987. 4. Выгонять кого-либо (считая его недостойным членом семьи, коллектива). *Марфа-то уволила своего мужика: пил много, а работать не хотел* (архангельское), 1972. *Придешь к нему в избу, дак уволит, других-то пустит* (вологодское); *Ее даже начальство с собрания увольняло* (ленинградское) || Сов. Выселить из квартиры. *Хозяйка-то их не уволила еще, со школы-то, разрешила там жить* (архангельское), 1970. *Пил он больно, вот его и уволили с квартиры* (мордовское) 5. Сов. Освободить от уплаты налогов. *От всего мы были уволены* (карельское), 2005 [10, с. 184].

Первое и четвертое значения сходны со значениями в литературном языке, однако в первом значении ('позволить уйти в отпуск') прослеживается и отсутствие отрицательной семантики. Эта же сема позволения выходит на первый план во втором и третьем значениях – 'разрешить уйти, отпустить' и 'разрешить кому-либо делать что-либо'. Исходя из этих значений, мы можем говорить об энантиосемии: *уволить* – это и 'принудить', и 'разрешить'. Сема разрешения имеет своё продолжение в пятом значении – 'освободить от уплаты налогов'. Таким образом, диалектные значения глагола содержат не только модальную сему принуждения (как в литературном языке), но и сему разрешения.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, где зафиксирована лексика середины XIX в., в словарной статье *увольнять* представлено 11 производных: ***Увольнять, уволить*** кого, ***увольнить***. свободить, освобождать, отпускать, сымать обязанности, должность. *Уволить въ отпускъ, въ отставку. -ся*, быть увольняемому. *Уволясь отъ службы, примусь за хозяйство. Увольнѣніе* освобождѣніе, отпущеніе, отпускъ; чистая отставка; || письменный видъ на это, ***увольнительное*** свидѣтельство. ***Увёлка*** полное, большое тягло, при которомъ мужику дается 78 прусскихъ морговъ земли. ***Увёлка*** лѣтнѣе время страды, полевыхъ работъ, когда заводскіе крестьяне отпускаются домой. ***Увольнатель (увольнитель), увольнительница (увольнительница), уволщикъ, увольщица***, уволившій кого-либо [11, с. 475]. Слова *увольнить, увёлка, уволка, увольнитель, уволщик, увольщица* отсутствуют в современном русском литературном языке.

В современном русском литературном языке словообразовательное гнездо с вершиной *уволить* представлено 10 производными: *уволиться, увольняться, увольнять, увольняемый* (прич. и сущ.), *увольняемая* (сущ.), *увольнение, уволенный* (прич. и сущ.), *уволенная* (сущ.), *увольнительный, увольнительная* (сущ.), среди которых много субстантивированных форм [2, с. 281].

Таким образом, внутренняя форма глагола *уволить*, подвергшегося опрощению и не членимого на современном языковом срезе, может быть объяснена как 'лишить воли', 'заставить выполнять чужую волю'. В диалектах спектр модальных наслоений шире, чем в литературном языке: кроме семантики принуждения, глагол реализует также модальную семантику разрешения.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка [А–Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; рук. проекта, гл. ред. д-р филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – Т. II. – 886 с.
3. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Репринтное изд. – М. : Книга, 1989. – Т. 1. – 806 с.

4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I. – 825 с.
5. *Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Worterbuch / J. Pokorny.* – Bern, 1959. – Т. III. – 300 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук ; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Яз. слав. культ. (ЯСК), 2006. – 673 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 10.10.2025.
9. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 162–189.
10. Словарь русских народных говоров. – Вып. 46 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; ред. С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2013. – 350 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 4 – 683 с.

Abstract. The etymological modal semantics of the root* *uel-/uol-* “desire, choose” in a transformed form is preserved in the historically derived verb dismiss “release from any duties.” The historical prefix brings additional modal semes to the semantics of the verb - the subject of coercion in the literary language and the semes of coercion and resolution in dialects.

Keywords: semantics, internal form of the word, modality of coercion, modality of resolution, prefix *u-*.

УДК 81’367.51:82-84

М. А. Ставская
Научный руководитель – **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-АФОРИЗМЫ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Аннотация. В статье анализируется структурно-смысловая организация афоризмов, построенных по модели сложноподчиненных предложений с уступительным значением. Выявляются типы данных предложений-афоризмов в зависимости от средств выражения и разновидностей уступительных отношений. Делаются выводы о соответствии формы анализируемых афоризмов глубине выражаемого в них содержания.

Ключевые слова: афоризм, предложение-афоризм, сложноподчиненное предложение, отношения обусловленности, уступительные отношения.

Язык как система предоставляет говорящему разнообразные средства для выражения сложных логических связей между явлениями действительности. Одной из фундаментальных категорий человеческого мышления и речи выступает обусловленность, частным случаем которой являются уступительные отношения (наряду с условными, причинными, целевыми и следственными). Согласно «Русской грамматике-80», «в предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой» [1, с. 571].

Отношения обусловленности наиболее регулярно выражаются в русском языке посредством сложноподчиненных предложений, которые позволяют моделировать и описывать

широкий спектр реальных и гипотетических ситуаций. Так, в предложениях с уступительными отношениями соотносятся две ситуации, «из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собою другую, представленную в главной части» [1, с. 597–598].

В данной статье рассматривается структурно-смысловая организация афоризмов, построенных по модели сложноподчиненных предложений с уступительным значением. В качестве источника материала для исследования используется «Словарь афоризмов русских писателей» (сост. А. Н. Тихонов, А. В. Королькова, А. Г. Ломов) [2], из которого отобрано 65 предложений-афоризмов с уступительными отношениями между частями.

По определению Е. Е. Иванова, «афоризм – это краткое изречение в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль теоретически (или практически) значимого содержания» [3]. Модель сложноподчиненного предложения позволяет автору афоризма выразить глубокие мысли через четко структурированную форму.

Корпус сложноподчиненных предложений-афоризмов, созданный путем сплошной выборки из «Словаря афоризмов русских писателей», включает конструкции с разными отношениями обусловленности: условными, причинными, целевыми, уступительными и следственными. Предложения-афоризмы с уступительным значением в наибольшей степени характеризуются разнообразием союзных средств связи и оттенков выражаемых отношений.

Так, в анализируемом материале представлены сложноподчиненные предложения-афоризмы союзного и относительного типа. В предложениях-афоризмах союзного типа используются преимущественно союзы недифференцированного значения *хотя*, *хоть* и выражаются:

– собственно-уступительные отношения (при постпозиции придаточной части): *Большое искусство общечеловеческой мысли не имеет национальных ограничений, **хотя** у него есть место и время рождения, неповторимые особенности эпохи и родного края* (Ю. В. Бондарев) [2, с. 61]; *Из двух друзей один всегда – раб другого, **хотя** часто ни один из них в этом себе не признается* (М. Ю. Лермонтов) [2, с. 243]; *Не ошибается тот, кто ничего не делает, **хотя** это и есть его основная ошибка* (А. Н. Толстой) [2, с. 435];

– несобственно-уступительные (уступительно-сопоставительные и уступительно-противительные) отношения (при препозиции придаточной части): ***Хотя** не хлебом единым он <...> человек сыт, **но** и без хлеба жить невозможно* (В. Н. Войнович) [2, с. 86]; ***Хотя** природное знание языка много может; **однако** грамматика показывает путь доброй натуре* (М. В. Ломоносов) [2, с. 263]. Отношения между частями в таких предложениях-афоризмах оформляются с участием сочинительных союзов.

Уступительный союз *хотя* может сопровождаться усилительной частицей *и*: *Не ошибается тот, кто ничего не делает, **хотя** это **и** есть его основная ошибка* (А. Н. Толстой) [2, с. 435]; *Подобен он <Гилларовский> тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а не на славянском, **хотя** **и** сознают, что русский ближе к их сердцу* (А. П. Чехов) [2, с. 543]. *Высшее счастье человека, **хотя** это **и** банально, в принесении радости другим людям* (В. А. Солоухин) [2, с. 425]. Интерпозиция придаточной уступки сближает ее со вставной конструкцией.

Союзы *хотя*, *хоть* оформляют также уступительную конструкцию в сочетании с частицей *бы*, которая образует в придаточной части «форму синтаксического ирреального наклонения» [1, с. 593]: *Правда – то, что оправдывает жизнь и углубляет ее, а то, что вредит жизни, – всегда и всюду ложь, **хотя бы** доказана она была математически* (Л. Н. Андреев) [2, с. 26]; *Избавится от пьянства человек не тогда, когда он будет лишен возможности пить, а тогда, когда он не станет пить, **хотя бы** перед ним стояло вино* (Л. Н. Толстой) [2, с. 449]; *Человек должен узнать, что такое счастье, **хотя бы** **и** на погибель себе* (А. А. Ким) [2, с. 216].

В предложениях-афоризмах относительного типа в качестве средства связи используются сочетания союзных слов с частицей *ни* и выражаются обобщенно-уступительные

(уступительно-усилительные) отношения: *Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную в нем мысль...* (В. Г. Белинский) [2, с. 42]; *Как бы ни сильна была вера, разум должен уметь опираться на силы, заключенные в нем самом* (П. Я. Чаадаев) [2, с. 513]. Такой способ выражения значения уступки (с усилением и обобщением) соответствует природе афоризма. Уступительные отношения, выраженные в предложениях-афоризмах относительного типа, регулярно осложняются противительно-сопоставительным значением: *Вообще фраза, как бы она ни была красива и глубока, действует только на равнодушных, но не всегда может удовлетворить тех, кто счастлив или несчастлив* (А. П. Чехов) [2, с. 531]; *Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь...* (М. Горький) [2, с. 131]; *Человек, как бы он ни был высоко поставлен, когда он в горе, всё-таки ищет утешение в семействе* (А. Н. Островский) [2, с. 317].

В анализируемых предложениях-афоризмах в качестве средства связи используются следующие местоименные слова:

– с количественным и качественным значением (как, какой): *Как <...> ловко ни шит плащ тщеславия, он никогда не прикрывает совершенно ничтожности* (М. Ю. Лермонтов) [2, с. 243]; *Некоторые наши привычки сидят в нас так глубоко, что, как бы нас потом жизнь ни ломала, мы от них ну никак не можем избавиться* (В. Н. Войнович) [2, с. 84]; *Работа со словом – всегда литература, в каком бы жанре ни велась, – и всегда искусство* (М. С. Шагинян) [2, с. 553];

– с субъектным и объектным значением (кто, что): *Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги* (А. П. Чехов) [2, с. 548]; *Чем бы люди ни пытались освободиться от насилия, одним только нельзя освободиться от него – насилием* (Л. Н. Толстой) [2, с. 468]; *О чём бы ни молился человек – он молится о чуде* (И. С. Тургенев) [2, с. 487];

– с пространственным значением (где): *Нормы цивилизованного поведения должны безусловно исходить из того, что жизнь любого человека, где бы он ни жил, священна, природа неделима, а исторические памятники в какой-то степени принадлежат всему человечеству* (В. Н. Войнович) [2, с. 84].

Обобщенно-уступительные придаточные части, занимающие в предложении-афоризме интерпозицию, сближаются по функции со вставной конструкцией, а в следующих афоризмах и оформляются как вставки: *Счастье – в чём бы оно ни состояло применительно к каждому человеку порознь – возможно только при удовлетворении первых материальных потребностей человека* (Н. А. Добролюбов) [2, с. 170]; *Основное назначение писателя – каков бы ни был его творческий путь – служить миру и счастьем людей, делу освобождения, созидательного труда...* (И. С. Соколов-Микитов) [2, с. 420].

Все представленные афоризмы описывают ситуации и явления, в которых вместе с признанием определенных ограничений, противоречий или недостатков сохраняется и утверждается важное, истинное или значимое. Афоризмы фиксируют человеческую способность признавать несовершенство мира, обстоятельств или самого себя, при этом сохраняя оптимизм, мудрость или иронию; выражают идеи, в которых сочетается противоречие, контраст или ограничение с признанием противоположного положения или явления. Анализируемые афоризмы описывают принятие двойственности жизни, сложность человеческих переживаний.

Так, Ю. В. Бондарев в афоризме *Большое искусство общечеловеческой мысли не имеет национальных ограничений, хотя у него есть место и время рождения, неповторимые особенности эпохи и родного края* [2, с. 61] утверждает универсальность великого искусства, признавая при этом его историко-культурные особенности. Автор говорит о том, что истинное искусство – достояние всего человечества и не ограничено рамками одной нации, но при этом имеет конкретное место и время рождения, уникальные черты, обусловленные историческим и культурным контекстом. Выражение уступительных отношений позволяет связать универсальность и уникальность, показывая, что искусство одновременно и вне

национальных рамок, и в них укоренено. Этот афоризм служит напоминанием о сложной природе искусства, его универсальном значении и локальной аутентичности, призывает признавать и уважать и общечеловеческое, и национальное начала в искусстве.

Афоризм И. А. Гончарова *Источник знания неистощим: какие успехи ни приобретай человечество на этом пути, всё людям будет оставаться искать, открывать и познавать* [2, с. 113] выражает идею бесконечности и неисчерпаемости знания как основного источника прогресса человечества. Несмотря на все достижения в познании, перед людьми всегда открываются новые горизонты для исследования и понимания. Через выражение обобщенно-уступительных отношений автор подчеркивает неограниченность успехов человеческого знания и вечное стремление к открытиям. Цель афоризма – вдохновить на непрекращающийся процесс познания, подчеркнуть важность любознательности и стремления к истине, показать, что именно этот непрерывный поиск дает смысл человеческому развитию и прогрессу.

Данные афоризмы объединяет глубокий взгляд на человеческий опыт и развитие, а «двукомпонентность уступительных отношений предопределяет собою глубину передаваемой информации» [1, с. 590].

Таким образом, предложения-афоризмы с уступительными отношениями демонстрируют философский подход к жизни, когда через ограничение осознается истинная сущность явлений.

Список использованных источников

1. Русская грамматика : в 2-х т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 2 : Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
2. Тихонов, А. Н. Словарь афоризмов русских писателей / А. Н. Тихонов, А. В. Королькова, А. Г. Ломов. – М. : Русский язык-Медиа, 2004. – 665 с.
3. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма [Электронный ресурс] / Е. Е. Иванов. – Режим доступа : <https://libr.msu.by/bitstream/12345679/363/1/99m.pdf>. – Дата доступа : 05.10.2025.

Abstract. The article analyzes the structural and semantic organization of aphorisms based on the model of compound sentences with a concessive meaning. The types of these aphoristic sentences are revealed depending on the means of expression and the types of concessionary relations. Conclusions are drawn about the correspondence of the form of the analyzed aphorisms to the depth of the content expressed in them.

Keywords: aphorism, sentence-aphorism, compound sentence, conditionality relations, concessionary relations.

УДК 811.161.1

Субиннуэр

Научный руководитель – А. В. Хруненко,
канд. филол. наук, доцент

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С ТЕМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских устойчивых сравнений с тематическим компонентом «музыкальные инструменты». Материалом исследования послужили единицы, отобранные из авторитетных фразеологических словарей. В ходе анализа устойчивые сравнения были классифицированы по виду музыкального инструмента, а затем структурированы исходя из ключевого компонента.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, фразеология, лингвокультурология, музыкальный инструмент, русский язык.

Языковая картина мира «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира» [1, с. 15].

Устойчивые сравнения (УС) занимают значимое место во фразеологическом фонде русского языка, выступая ярким средством образной характеристики человека, предмета, явления и т. д. «Устойчивое сравнение не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения» [1, с. 145].

Среди многообразия УС особый интерес представляет группа, включающая наименования музыкальных инструментов или их частей. Музыкальные инструменты, будучи неотъемлемой частью культурного контекста, несут в себе мощный символический потенциал, который отражается в языке.

В качестве материала исследования были использованы УС, представленные в трёх словарях: тематический словарь «Устойчивые сравнения русского языка» Л. А. Лебедевой (выявлено 8 единиц УС с тематическим компонентом «музыкальные инструменты») [2]; «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (11 единиц УС) [3]; «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева (5 единиц УС) [4], а также данные из НКРЯ (9 единиц УС) [5].

Отобранный материал был классифицирован по виду музыкального инструмента. Все УС были разделены на 6 групп: струнные инструменты: *гусли, балалайка, бандура, струна*; духовые инструменты: *труба (иерихонская)*; металлофоны: *колокол, колокольчики, бубенцы (бубенчики)*; клавишно-пневматические: *баян, гармонь (гармоника, гармошка)*; ударные: *барабан, бубен*; идиофоны: *трещотка, погремушка*.

1. УС с тематическим компонентом «струнные музыкальные инструменты» – 8 ед.: *языком как на гусях (играет)*; *как бандура*; *натянутый как струна*; *звенеть как струна*; *как по струнке ходить*; *прямой как струна*; *голос как виолончель*; *петь как скрипка*.

Наиболее репрезентативной единицей данной группы является выражение *натянутый как струна*, демонстрирующее максимальную частотность употребления (128 случаев в НКРЯ), что объясняется его универсальностью в описании психофизиологических состояний человека: *Сидоревич... стоял внутренне кипящий от нетерпения, натянутый, как струна* (А. А. Селиванов).

Менее частотное сравнение *звенеть как струна* (2 употребления) реализует другую сторону музыкальной символики – чистоту и напряженность звучания: *Удилище гнется, Леса звенит, как струна, сазан бешено вскидывается над водою, стремясь пересечь спинной своей тилой шелковый поводок* (В. П. Правдухин).

2. УС с тематическим компонентом «духовые музыкальные инструменты» – 7 ед.: *голос как иерихонская труба*; *звучать/завучать как флейта*; *хрипеть как фагот*; *сипеть как фагот*; *худой как флейта*; *раздулся как волынка*; *голос как рожок*.

Наиболее частотная единица УС *голос (у кого) как иерихонская труба* (15 употреблений в НКРЯ) в значении ‘оглушительно громкий, раскатистый голос’, например: *Голос-то как иерихонская труба* (А. Мариенгоф). Сравнение восходит к библейскому образу, подчеркивая сильную громкость, часто с оттенком негативной оценки.

Менее частотны единицы УС, связанные с описанием внешнего вида и вкусовых и обонятельных ощущений, например: *худой как флейта* (1 употребление) – ‘очень худой и длинный человек’, например: *Мама, худая как флейта* (В. Чередник).

3. УС с тематическим компонентом «металлофоны» – 9 ед.: *звенеть (гудеть) как колокол*; *звучать как колокол*; *полный как колокол*; *юбка (платье) как колокол*; *звенеть (звучать) как [серебряный (тоненький)] колокольчик*; *оповещать (извещать) (кого о чём) как колокольчик*; *смеяться, хохотать, заливаться смехом как серебряный колокольчик*; *звенеть как бубенцы (бубенчики)*; *круглые как бубенцы (бубенчики)*.

Звенеть (гудеть) как колокол передает ‘гулкий, резонирующий звук или голос’. Контекст из НКРЯ: *...голос гудел, как колокол...* (Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)). Колокол в русской традиции – символ тревоги, призыва, значимого события, что объясняет устойчивость этого сравнения (частотность – 15).

Оповещать как колокольчик передает ‘радостное, мелодичное сообщение’ (в НКРЯ не найдено, помета «ум.-ласк.»).

4. УС с тематическим компонентом «клавишно-пневматические музыкальные инструменты» – 7 ед.: *нужен как козе баян; нужен как попу гармонь; как гармошка (собираться, складываться); сапоги гармошкой; растягиваться как гармошка; морицинистый лоб сжался как гармошка.*

Нужен как козе баян и *нужен как попу гармонь* – в НКРЯ примеры данных сравнений отсутствуют, что может свидетельствовать об их маргинальном статусе в современном языке. Вероятно, они сохраняются преимущественно в разговорной речи или диалектах, но не фиксируются в письменных текстах.

Сапоги гармошкой – устойчивое сочетание, описывающее сапоги с частыми складками на голенище. Пример из НКРЯ: *Что касается сапог, то сейчас нужны сапоги гармошкой... на каблуке* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский (1977)). *Растягиваться как гармошка* (устар.) – ‘характеризует объекты, легко поддающиеся растяжению’. В НКРЯ примеры не найдены, что может указывать на устаревание данного выражения.

5. УС с тематическим компонентом «ударные музыкальные инструменты» – 8 ед.: *живот набит* (натянут, тугой) *как барабан; гудеть как барабан; сердце стучит (колотится) как барабан; гол как бубен; проигрался как бубен; гремит как барабан; звенеть как бубен.*

Гудеть как барабан описывает ‘монотонный, гулкий звук, часто неприятный или навязчивый’. В примере из НКРЯ (*А чего это у тебя голова как барабан гудит?* (Наринэ Абгарян (2012))) сравнение передаёт субъективное восприятие шума в голове, усиливая ощущение дискомфорта. Частотность (4) свидетельствует о его устойчивости в языке.

Живот набит (тугой) как барабан описывает ‘состояние переполненного желудка, часто с оттенком комизма’. В примере (*Живот... тугой, как барабан* (М. Е. Салтыков-Щедрин (1887–1889))) сравнение используется в сатирическом ключе, подчёркивая комичность образа. Частотность (8) свидетельствует о его устойчивости в языке.

Проигрался как бубен описывает ‘человека, проигравшего всё в азартных играх’. Как и предыдущее, это выражение отсылает к образу бубна как символа опустошения. В словаре оно также помечено как «устар., прост., неодобр.». Его низкая частотность (1) подтверждает архаизацию.

6. УС с тематическим компонентом «идиофоны» – 8 ед.: *язык как погремушка; как трещотка; трещать (тарахтеть, верещать) как трещотка; язык как трещотка; ночь тиха, как погремушка; сердце колотится, как погремушка.*

Основной пласт рассматриваемых устойчивых сравнений (5 из 8 зафиксированных единиц) связан с характеристикой человеческой речи и поведения. В этом случае идиофоны выступают как эталоны для описания таких качеств, как болтливость, назойливость, монотонность и чрезмерная скорость речи. Стилистические пометы в словарях («прост.», «ирон.») подтверждают принадлежность рассматриваемых устойчивых сравнений к разговорному стилю и использование преимущественно в ситуациях неформального общения. Именно поэтому отсутствуют контексты в НКРЯ.

Настоящая работа продемонстрировала значимость УС с музыкальными компонентами как средства отражения культурных кодов, стереотипов и образов, укоренённых в сознании носителей русского языка. Эти выражения формируют особый пласт фразеологии, важный как для лингвистического анализа, так и для межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : тематический словарь / Л. А. Лебедева. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 314 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений : более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., Российское об-во преподавателей рус. яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 798 с.
4. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка : (Синонимо-антоним.) : около 1 500 единиц / В. М. Огольцев. – Москва : Рус. словари и др., 2001. – 797 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 22.10.2025.

Abstract. The article focuses on a linguocultural analysis of Russian stable comparisons containing the thematic component «musical instruments». The research material consisted of units selected from authoritative phraseological dictionaries. During the analysis, the stable comparisons were classified according to the type of musical instrument and then structured based on the key component.

Keywords: stable comparisons, phraseology, linguoculturology, musical instrument, Russian language.

УДК 81'271.1

Д. М. Судник

Научный руководитель – И. С. Ровдо,
д-р филол. наук, профессор

ПОСТАНОВКА ЗАКРЫВАЮЩЕЙ КАВЫЧКИ ПРИ ЦИТАЦИИ ПОСЛЕ ТОЧКИ (РЕПЛИКА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ДИЗАЙНА В ИНТЕРНЕТЕ)

Аннотация. Рассматривается допускаемое в узусе, но пока не кодифицированное употребление кавычек при цитации: иногда точку в качестве знака конца предложения ставят не после закрывающей кавычки, а перед ней. Такое пунктуационное оформление обусловлено типографскими различиями кавычек и основного текста и, на наш взгляд, совершенно оправдано.

Ключевые слова: кавычки, точка, кодификация, цитация.

Хотелось бы обратить внимание на довольно занимательную некодифицированную норму, которая, если задуматься, противоречит существующим правилам пунктуации, – постановку точки в функции знака конца предложения перед закрывающей кавычкой при цитации. Безусловно, таковая практика письма при прочих равных является ординарной пунктуационной ошибкой, однако наблюдение над письменной формой речи уверило нас в существовании экстралингвистических условий, позволяющих в одном из случаев – признаём, совершенно частном – перевести императивную норму «точка ставится только после кавычек» в разряд диспозитивной.

Кавычки классифицируются как, во-первых, фигурный, а во-вторых, парный знак препинания [1, с. 14]. Их графическое изображение можно бы назвать «колоритным». Как «графически отчётливый, бросающийся в глаза знак» охарактеризованы кавычки в [2, с. 63]. Колоритность кавычек и их функция – выделение цитат: «Кавычками выделяются цитаты (чужая речь), включаемые в авторский текст, в том числе в прямую речь»

[3, с. 274] – обусловили ситуацию, когда одно лишь использование данного знака препинания делает текст креолизированным. В таком случае кавычки могут иметь отличные от цитируемого текста кегль набора, цвет, шрифтовое оформление. Проще говоря, кавычки трансформируются в **обрамление** цитируемого текста, входят скорее в сферу «типографской эстетики» (или – уже и актуальнее – эстетики информационного дизайна в Интернете), а не лингвистики и соответствующим образом нагружаются прагматически. А именно приобретают функцию, которую мы назовём декоративно-оформительной (возможно, профессиональные типографы предложат другой термин, а возможно, он уже был предложен). Так, исследователи подчёркивают: «...узко пунктуационный взгляд на кавычки устарел, что нашло отражение в интернет-сфере. Сегодня пишущий и читающий с компьютером, ноутбуком – это не только коммуникатор (автор/читатель, адресант/адресат), но и оформитель своего и чужого текста – корректор/редактор, наборщик/верстальщик, отчасти **информационный дизайнер**» [шрифт наш. – Д. С.] [4, с. 15].

Приобретая декоративную функцию, кавычки, будучи по своей природе знаком препинания, а не элементом декора, продолжают реализовывать текстовую – делимитативную (а именно – выделение цитат). Однако в новом статусе реализация осуществляется не наравне с остальными знаками препинания, а своеобразным «намёком». То есть само лишь присутствие кавычек указывает на то, что приводимый текст – чья-либо цитата либо отсылка к чьему-то высказыванию. При этом кавычки могут располагаться на плоскости листа сверху, снизу, слева, справа от цитируемого текста: см. рисунок 1, на котором первые два символа ассоциируются и с кавычками, и, кажется, с «нахмуренными бровями совы». (В связи с этой второй ассоциацией справедливо замечание И. Е. Кима: «Торжество изобразительной выразительности пунктуационных знаков <...> – применение их в интернет-коммуникации в качестве элементов смайликов, стилизованных изображений выражения лица человека» [5, с. 303]. И. Е. Ким также указывает на то, что «особенностью парного пунктуационного знака является двухместность – наличие двух частей, открывающей и закрывающей, располагающихся соответственно **слева и справа** от зависимого контекста» [6, с. 202] [шрифт наш. – Д. С.], но в обсуждаемом случае кавычки располагаются сверху. Далее мы покажем, что здесь кавычки – это «не совсем» знак препинания.)

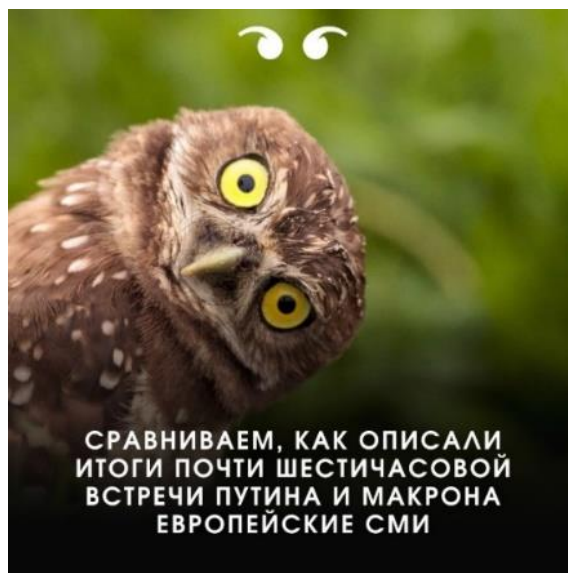

Рисунок 1 – Изображение из открытых интернет-источников

Кавычки могут не примыкать к тексту непосредственно, но если всё же примыкают (начинают и заканчивают текст), имея отличное от него графическое оформление, то постановка точки как знака конца последнего предложения «внутри кавычек» представляется

оправданной (см. рисунок 2: пунктуационные нормы русского и белорусского языков здесь совпадают). В противном случае либо нарушится симметрия в оформлении текста, либо – при отсутствии точки в конце цитаты – будет допущена уже иная пунктуационная ошибка.

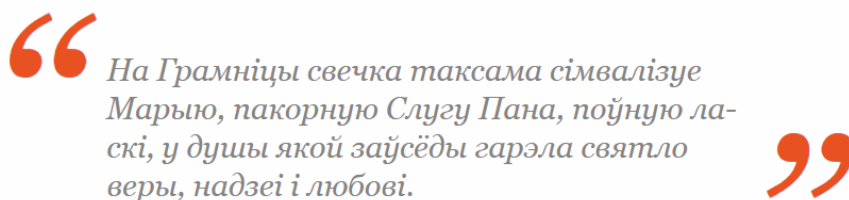

Рисунок 2 – URL: <https://catholic.by/3/news/belarus/14263-na-gramnitsy-artsybiskup-staneuski-maliusya-u-minsku-za-usikh-kansekravanykh-asob-arkhidyyatsezii>

И всё же абсолютно очевидно, что в ведении правил пунктуации находятся именно знаки препинания. А такой ли уж знак препинания те кавычки, о которых мы написали?

Референтная ситуация предложения *Везде Онегина душа / Себя неволью выражает / То кратким словом, то крестом, / То вопросительным крючком* заключается в следующем: Евгений Онегин оставлял записи на полях, читательские пометы. Из перечисленных в стихотворных строках маргиналий нас особенно интересует «вопросительный крючок», то есть вопросительный знак. Его употребление на полях в значении «под вопросом», безусловно, не входит в сферу пунктуации в узком смысле слова. Формальным показателем отличной роли «пунктуационного» вопросительного знака и пометы в виде знака вопроса является дистантное расположение последней относительно основного текста, а также, возможно, иной цвет чернил или размер символа, демонстрирующие самостоятельную значимость этой уже семантически нагруженной языковой единицы. Кавычки используются в том же роде. Но их рисунок (парный и фигурный), своеобразие которого мы обсуждали выше, позволяет кавычкам непосредственно **относиться** ко всему цитируемому тексту, обрамляя, окружая его, как обычно всем кавычкам и свойственно.

Рассмотрев рисунок 3, мы поймём, что «сомнительная» открывающая кавычка – это действительно знак в своём пунктуационном значении, ведь кавычка закрывающая представлена в «нормальном» начертании (в данном случае это предопределено наличием слов автора). Относительно кавычек, изображённых на рисунке 1, так утверждать нельзя. Так, И. Е. Ким справедливо отмечает, что «во многих случаях конкретные пунктуационные знаки, поставленные в определённых местах текста, представляют собой реализацию более абстрактной сущности, которая меняет свой облик в зависимости от позиции, соседства с другими пунктуационными знаками, от взаимодействия со словесным и фразовым контекстом» [6, с. 208].

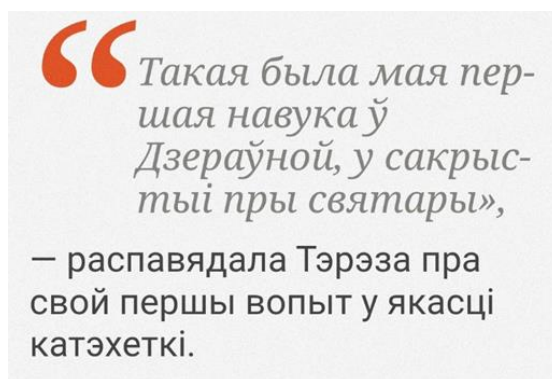

Рисунок 3 – URL: <https://catholic.by/3/pub/auth/14307-syastra-tereza-sklado-skaya-zhytstsjo-prysvechanae-bogu>

Итак, мы склоняемся к версии, что кавычки, графически отличные от текста основного набора, но примыкающие к нему, – это синкретичный пунктуационный знак, совмещающий две функции (выделение цитат и декоративно-оформительную). Мы надеемся, что учёт «аномального поведения» кавычек будет иметь хотя бы номинально прикладной характер, например, отражение этой «нормы узуса» в правилах пунктуации.

Список использованных источников

1. Ключаў, Г. Н. Сучасная беларуская пунктуацыя / Г. Н. Ключаў, А. Л. Юрэвіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1972. – 278 с.
2. Шварцкопф, Б. С. Внимание : кавычки! / Б. С. Шварцкопф // Русская речь. – 1967. – № 4. – С. 60–64.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под. ред. В. В. Лопатина. – М. : АСТ ПРЕСС-ШКОЛА, 2023. – 432 с.
4. Острикова, Т. А. Виды и графические варианты кавычек в рукописных, печатных и печатно-рукописных работах : лингводидактические проблемы и пути их решения (Часть I) / Т. А. Острикова, Н. В. Кудряшова // Русский язык в школе. – 2018. – № 2. – С. 14–22.
5. Ким, И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система / И. Е. Ким // Критика и семиотика. – 2019. – № 2. – С. 302–318.
6. Ким, И. Е. Парный пунктуационный знак : универсальная модель и особенности её реализации / И. Е. Ким // Критика и семиотика. – 2021. – № 2. – С. 199–209.

Abstract. The article examines the accepted but not yet codified use of quotation marks in citation: sometimes the period as a sign of the end of a sentence is placed not after the closing quotation mark, but before it. This punctuation design is due to typographical differences between quotation marks and the main text and, in our opinion, is completely justified.

Keywords: quotation marks, period, codification, citation.

УДК 811.161'35:811.581'35:316.472.4-048.85

Сун Цинь

Научный руководитель – О. В. Ширяева-Ширинг,
д-р филол. наук, доцент

ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ УПРОЩЕНИЕ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности орфографического упрощения в русских и китайских социальных сетях. Анализируются типы и функции фонетических и лексических сокращений, выявляется их роль в формировании неформального стиля онлайн-коммуникации. Делается вывод, что орфографическое упрощение представляет собой проявление адаптации языка к условиям цифровой среды, отражающее креативность и динамичность.

Ключевые слова: орфографическое упрощение, социальные сети, лингвистическая адаптация, русский язык, китайский язык, цифровая коммуникация.

В эпоху цифровых коммуникаций язык активно развивается, адаптируясь к новым способам коммуникации. Социальные сети, такие как «ВКонтакте», Telegram, Weibo и WeChat, создают уникальное пространство, в котором нормы письменной речи претерпевают трансформацию. Одним из наиболее заметных проявлений данной тенденции является орфографическое упрощение – намеренный или непреднамеренный отход от традиционных письменных норм в поисках большей простоты, скорости и эмоциональной выразительности.

Как отмечает Д. Кристал, интернет-язык формирует новую разновидность письменной речи, в рамках которой экономия языковых средств становится частью стиля [1, с. 24].

Поскольку орфографическое упрощение проявляется по-разному в разных языках и культурах, его изучение вызывает интерес не только у лингвистов, но и у специалистов по межкультурной коммуникации. Цель данной статьи – рассмотреть типы и функции орфографического упрощения в русских и китайских социальных сетях, выявить сходство и различия между ними.

В русскоязычных социальных сетях орфографическое упрощение проявляется прежде всего в передаче на письме особенностей звучащей речи. Пользователи стремятся отразить черты разговорного произношения и редукции гласных в беглой речи. Например, распространены такие формы, как *щас* вместо *сейчас*, *када* вместо *когда*, *чо* вместо *что*. Подобные написания имитируют устную речь, создавая эффект неформального общения и спонтанности.

По мнению Е. А. Земской, переход разговорных форм в письменную речь отражает общие процессы демократизации языка [2, с. 158]. Кроме того, активно используются аббревиатуры и усечения: *спс*, *пжлст*, *инет*, *лол*. Эти формы, как отмечает М. А. Кронгауз, служат средством выражения неформальности и иронии в интернет-коммуникации [3, с. 76]. Фонетическая адаптация заимствований, например *лол* (англ. *LOL*), также подчеркивает глобальный характер интернет-языка.

Когда мы говорим об упрощении в целом, в том числе орфографическом, в русскоязычном интернет-пространстве, нельзя однозначно, во всяком случае без должного углубления в лингвистический анализ конкретных примеров с учетом экстралингвистического рассмотрения, говорить о причинах появления упрощения. Большое значение здесь имеет личность автора: одни и те же лексические единицы в комментариях одних блогеров – результат падения уровня грамотности, а у других – следствие языковой игры.

Напомним, что говорить о языковой игре возможно только в том случае, когда автор осознает нарушение орфографической нормы и искажает ее намеренно. В начале XXI века в русскоязычной блогосфере был очень популярен так называемый язык падонков (олбанский язык и т. д.). Как феномен языковой игры он рассматривался во многом благодаря тому, что подавляющая часть авторов имела языковую грамотность, а искажения орфографии, которые они вносили в свое интернет-общение, были изначально ироническим осмыслением неграмотности интернет-пользователей.

В настоящее время часто бывает достаточно трудно найти грань, отделяющую языковую игру от обычной неграмотности. На наш взгляд, анализируя примеры языкового упрощения любого вида, в том числе орфографического, стоит обязательно обращать внимание на характеристики автора, однако мы понимаем, что узнать уровень образования и род деятельности всех пользователей, оставляющих комментарии под тем или иным постом, просто невозможно. В этом нам, как исследователям, видится большая проблема, затрудняющая объективный и точный анализ языкового упрощения в русскоязычном медиапространстве. Пути решения данной проблемы пока не найдены.

Рассмотрим фонетическое упрощение в китайских социальных сетях, которое имеет иную природу, связанную с иероглифической письменностью. Здесь распространены омофонические замены, когда один иероглиф заменяется другим, имеющим схожее звучание. Например, иероглиф 表 (*biǎo*, часы) используется вместо 不要 (*bùyào*, не хочу). Фразу 不要这样子 в социальных сетях пишут как 表酱紫 (*biǎo jiàng zǐ*, не надо так). Это выражение часто используется женщинами или появляется в аниме и обычно создает образы милых людей.

В китайском языке очень распространена практика замены слов цифрами со схожим произношением. Например: 520 (*wǔ èr líng*) звучит похоже на 我爱你 (*wǒ ài nǐ*, Я тебя люблю); 88 (*bā bā*) по звучанию напоминает 拜拜 (*bài bai*, Bye-bye). Как отметил исследователь Ван Цзюнь (кит. 王君), эти выражения отражают креативность и игривость языка в цифровой коммуникации [4, с. 127].

В китайской блогосфере находим даже использование цифр и латинских букв для замены иностранных слов их произношением. Например, 3Q (*sān Q*) произносится как *сань кью* и служит аналогом английского *thank you*. Такая замена цифр и омофонов отражает стремление молодого поколения к индивидуальности и скорости в общении [4, с. 131].

Орфографическое упрощение в китайском языке имеет свои характерные черты. Например, многосложные выражения сокращаются до одно- или двусложных форм. Рассмотрим примеры:

高大上 (*gāo dà shàng*) – сокращение от 高端, 大气, 上档次 (*высококласный, изысканный, роскошный*).

累觉不爱 (*lèi jué bù ài*) – сокращение от предложения 很累, 感觉自己不会再爱了 (*очень устал, чувствую, что больше не способен любить*). Здесь новое слово создаётся путём объединения частей разных выражений. Носители языка сократили длинное высказывание до четырех иероглифов.

Эти формы демонстрируют творческий подход пользователей к экономии языковых средств и отражают особенности китайской цифровой коммуникации, где важны скорость, эмоциональность и визуальная выразительность.

Проведённый анализ показывает, что упрощение орфографии, напрямую связанное с упрощением лексики, в русских и китайских социальных сетях отражает общую тенденцию цифровой коммуникации к стремлению к простоте, выразительности и неформальности. Характер этих упрощений связан с особенностями языков и систем письма.

В русскоязычной среде упрощение выражается в фонетизации письма и орфографических сокращениях (*щас, чо, спс, комп, лол*), приближая текст к устной речи и ускоряя общение.

В китайских социальных сетях упрощение опирается на графические и фонетические замены – омофоны, числовые коды (520 переводится как *Я люблю тебя*), сочетания цифр и латиницы (3Q, 88), что придаёт языку игривость и креативность.

Таким образом, орфографическое упрощение в русских и китайских социальных сетях является проявлением языковой адаптации к цифровой среде. В результате язык в интернете становится более гибким, эмоциональным и кросс-культурно открытым.

Список использованных источников

1. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 318 p.
2. Земская, Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие / Е. А. Земская. – М. : Флинта, Наука, 2004. – 240 с.
3. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : АСТ, 2007. – 394 с.
4. 王君. 数字时代的汉语词汇创新研究 [J]. 语言科学, 2018 (2) = Ван, Цзюнь. Исследование инноваций в китайской лексике в эпоху цифровых технологий / Цзюнь Ван // Наука о языке. – 2018. – № 2. – С. 126–135.

Abstract. The article examines the features of orthographic simplification in Russian and Chinese social networks. The author analyzes the types and functions of phonetic and lexical abbreviations and identifies their role in shaping the informal style of online communication. It is concluded that orthographic simplification represents a form of linguistic adaptation to the digital environment, reflecting the creativity and dynamism of modern interaction.

Keywords: orthographic simplification, social networks, linguistic adaptation, Russian language, Chinese language, digital communication.

М. П. Тарасова
Научный руководитель – И. Г. Родионова,
д-р филол. наук, доцент

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Аннотация. Анализируются семантические типы глагольных безличных предложений в лирике Р. Рождественского. Рассматриваются способы выражения предикатов в них. Делается вывод об изобразительно-выразительном потенциале таких предложений, о возможности создания с их помощью яркого образа лирического героя.

Ключевые слова: лирика Р. Рождественского, односоставные предложения, безличные предложения, глагольные безличные предложения, предикат.

Безличными называются односоставные предложения, главный член которых называет процесс или состояние, независимые от активного деятеля (или признак, независимый от его носителя) [1, с. 168].

П. А. Лекант отмечает, что в безличных глаголах «выражаются дополнительные смыслы, яркие, неожиданные оттенки, окказиональная экспрессия» [2, с. 31].

Семантические типы безличных предложений довольно разнообразны [1, с. 169] и активно употребляются в лирике русского советского и российского поэта Роберта Рождественского. Материалом настоящего исследования послужили стихотворения, песни и поэмы, включённые в сборник «Всё начинается с любви...» [3]. Всего проанализировано 181 произведение, в которых выделено около 70 безличных предложений.

Семантической особенностью безличных предложений является отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), так как указание на него в предложении может быть, но в той форме, которая не допускает грамматического подлежащего.

Анализ материала показал, что в произведениях Р. Рождественского широко представлены **глагольные безличные предложения**. Рассмотрим их, опираясь на классификацию А. В. Петрова [4, с. 19].

В произведениях Р. Рождественского используются следующие семантические типы безличных предложений:

1. Безличные предложения с предикатами стихийного действия. Они выражают воздействие стихийной силы посредством какого-либо орудия: *В окно – / не то дождём, / не то крупной / с утра заладило* («Без тебя»); *Текла, / ревя и радуясь, / орда. / Её от крови / било и качало* («Стихи о Хане Батые»); активное действие неопределённого деятеля, воспринимаемое как стихийное: *Так полыхнуло – / сплеча, / сполна – / над ледяным прудом!..* (Чудо») Безличные глаголы в таких предложениях имеют форму третьего лица единственного числа и обозначают бессубъектное действие.

2. Безличные предложения с предикатами состояния выражают состояние природы и окружающей среды: *Темнеет* («Марк Шагал»); *Дождит* («Осенью») – оба предложения являются нераспространёнными, в первом из них описание состояния природы связано с суточным круговоротом времени, а во втором – с продолжительным дождём, непогодой. Безличные глаголы в таких предложениях не нуждаются в обязательном распространении, так как обладают самодостаточностью значения и составляют предикативный центр предложения.

Безличные глаголы могут функционировать в составе сложного предложения. Так, в стихотворениях *** «Ты мне сказала...» и *** «Подступала поэма...» безличный глагол *сниться (присниться)* требует пояснения, которое содержится в самостоятельной предикативной части: *А однажды приснилось мне: / я нахожусь на посту* (*** «Подступала

поэма...»); *Снилось: / на тонкой ноте / в печке гудел огонь. / Снилось, / что пахло гарью. / Снилось: / метель мела. / Снилось, / что та – другая – / тебя у метро ждала* (***) «Ты мне сказала...»). Названный глагол используется во многих произведениях Р. Рождественского. Его повтор усиливает описание психофизического состояния лирического героя, показывает его внутренний мир.

3. Безличные предложения с предикатами отношения выражают отношения, связанные с физическим восприятием окружающей среды: *И пахло дымом, / потом и навозом* (***) «Подступала поэма»); *Ребята с запылённого двора, / вы помните – / с утра и до зари / звенело во дворе: / «Замри!»* («Игра в «Замри!»).

В предложениях *Мне повезло* («Дни рождений»); *Везло лишь детям* («Стихи о Хане Батые»); *Дьявольски нам повезло!..* («Хиросима»); *Может быть, всё-таки мне повезло, / если я видел время запутанное, / время запуганное, / время беспутное, / которое то мчалось, / то шло* (***) «Может быть, всё-таки мне повезло...»); *Повезло ей, / привалило счастье вдруг. / Повезло одной / на три села вокруг. / Повезло ей, / повезло ей, / повезло ей* («Баллада о красках») безличные глаголы выражают отношения, обусловленные реализацией везения, счастья, благополучия. В последнем предложении используется лексический повтор, который акцентирует внимание на положительном действии.

Безличные предложения с предикатом отношения выражают ментальное (интеллектуальное) или эмоциональное отношение к фактам действительности: *Надо ж, почудилось* (***) «Надо ж, почудилось»); *Чудилось мне: / просят ещё / крови / боги дожда, / света, / зерна, / крова...* («Баллада о том, как инки начали поклоняться солнцу»).

Безличные предложения данной семантики позволяют поэту говорить о своих эмоциях и других действиях как о независимых от воли человека и им не контролируемых.

4. Безличные предложения с предикатами существования, выражающие, наряду с отрицанием наличия предметов, явлений, признаков, их отсутствием, психофизическое состояние субъекта: *А мне / ничего не снилось. / Мне просто / не спалось.* (***) «Ты мне сказала...»).

В произведениях Р. Рождественского используются безличные предложения, имеющие безлично-модальную семантику. Примечательно, что в контексте основной смысл высказываний с предикатами существования дополняется оттенками значений, соотносимых с семантикой состояния. Так, в предложении *Разбросанно горели города, / и не хватало стрел / в больших колчанах* («Стихи о Хане Батые») безличная форма глагола в значении достатка и полноты употребляется с отрицательной частицей и приобретает противоположное значение – недостаточное количество стрел. В предложении *И не было расставаний...* («Прилёт») выражено отрицание расставаний лирического героя с возлюбленной в прошлом.

Таким образом, глагольные безличные конструкции выполняют важную функцию в организации поэтического текста. Они обладают большим изобразительно-выразительным потенциалом и помогают выразить различные смысловые оттенки. При помощи безличных предложений поэт создаёт яркий образ лирического героя, показывая многогранность и глубину его внутреннего мира, детали окружающей его среды, обстановки.

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
2. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка / П. А. Лекант. – М. : Издательство МГОУ, 2002. – 312 с.
3. Рождественский, Р. Всё начинается с любви... : стихотворения / Р. Рождественский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 416 с.
4. Петров, А. В. Система безличных предложений в современном русском языке : учеб. пособие / А. В. Петров. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 162 с.

Abstract. The article analyzes the semantic types of verbal impersonal sentences in R. Rozhdestvensky's poetry. It examines the ways of expressing predicates in these sentences. The article concludes that such sentences have a significant expressive potential and can be used to create vivid images of the lyrical hero.

Keywords: R. Rozhdestvensky's poetry, one-member sentences, impersonal sentences, verbal impersonal sentences, predicate.

УДК 81`373.613

А. А. Фенина

Научный руководитель – **А. В. Хруненко**,
канд. филол. наук, доцент

ОТ ПОЗОРА К КРИНЖУ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу лексем *кринж* и *позор* в современном русском языке. На основе данных опроса носителей языка выявляются ключевые различия в семантике рассматриваемых языковых единиц, их стилистической окраске и условиях употребления. Результаты работы отражают изменения в состоянии русского языка под влиянием феномена «русинглиша».

Ключевые слова: русский язык, неологизмы, молодежный сленг, английский язык, заимствования, русинглиш, синонимы.

Язык – динамичная система, которая постоянно развивается в соответствии с преобразованиями, происходящими как в материальной, так и в духовной сферах деятельности его носителей. Русский язык, подобно любому другому, претерпевает изменения, обновляется и обогащается под влиянием множества факторов. Главным из них в настоящее время является процесс вестернизации, обуславливающий все большее проникновение англицизмов в речь русскоговорящих, особенно в сленг молодого поколения.

К причинам использования заимствований относятся:

- необходимость выделить «своих» и «чужих»;
- желание самовыразиться;
- потребность обозначить понятия, которые ещё никак не обозначены в родном языке (нет аналога);
- стремление быть и/или казаться представителем иной культуры;
- экономия языковых средств и времени [1].

Вследствие этого с начала XXI века набирает популярность феномен «русинглиша», понимаемый нами как явление, при котором носители русского языка в речи используют заимствования из английского, адаптируя их в соответствии с нормами своего языка [2]. По справедливому утверждению Л. П. Крысина, «многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка» [3].

Рассматривая в настоящей статье лексемы *кринж* (от англ. *to cringe* – съёживаться) и *позор* (от общеслав. *pozъrěti*) как синонимы, определяя сходство и различие в их значении и функционировании, мы попытаемся понять, действительно ли замена в речи русского слова англицизмом лишь веяние моды или же это нечто большее. Данный выбор объясняется тем, что слово *кринж* вошло в список претендентов на «Слово года» в 2025 году [4].

В рамках исследования мы провели опрос, в котором приняли участие 30 лиц мужского и женского пола в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в Санкт-Петербурге и занимающихся разного рода деятельностью. Группе респондентов было предложено выполнить задания в Google Формах.

Первое задание в рамках опроса заключалось в том, что участникам необходимо было сравнить слова *кринж* и *позор*, выявить разницу в их значении и описать ситуации употребления в речи. По его результатам, 83 % респондентов видят разницу между словами *кринж* и *позор*. Они отмечают, что обе лексемы по значению связаны с чувством стыда. При этом если «кринж» сопровождается **неловкостью, смущением и дискомфортом**, то «позор» – **порицанием, виной и осуждением**.

Проанализировав ответы участников опроса, мы выделили следующие признаки, дифференцирующие данные лексемы и упомянутые в равной степени как лингвистами, так и нелингвистами (таблица 1).

Таблица 1 – Признаки дифференцирующие лексемы *кринж* и *позор*

Признаки	<i>Кринж</i>	<i>Позор</i>
Причастность к ситуации	Наблюдатель	Участник
Степень интенсивности	Низкая (пустяковая ошибка)	Высокая (серьезный проступок)
Реципиент	Молодое поколение	Старшее поколение
Ситуативность	Неформальное общение	Формальное общение
Стилистическая окраска	Разговорная (сленг)	Нейтральная (норма)

В добавление к вышесказанному респонденты подчеркивают: хотя слово *позор* имеет более отрицательную коннотацию, оно так же, как и *кринж*, может употребляться в шутовом или ироничном ключе (*Какой кринж, он не сделал дз!; Ты так эпично продул, ну позор полный*).

Второе задание опроса заключалось в том, что участникам необходимо было выбрать один вариант (*кринж*, *позор*, оба слова), который подходит по смыслу на месте пропуска в нескольких предложениях. Последние были взяты нами из постов таких телеграм-каналов, как «Фонтанка», «Эй, Питер!» и «У Петра за пазухой» (лексическая, грамматическая и стилистическая составляющие в приведенных ниже примерах сохранены):

1. *Трушние рокеры словили **кринжа**: комменты соцсетей разрываются от негодования по поводу эстетической неразборчивости доброй половины зала.*
2. *Бабульки решили похоронить Оксимилона и «**кринж**, который он распространяет».*
3. *Гогунский опять навалил **кринжа** своими высказываниями, сказав что женищинам во время месячных лучше изолироваться от семьи.*
4. *Вообще как можно после 20 лет жить с родителями? По мне это **позор**.*

Согласно рисунку 1, ответы респондентов только наполовину совпадают с примерами употребления слов *кринж* и *позор* в рамках Интернет-дискурса.

В примерах 1 и 3 участники опроса демонстрируют уверенность в выборе ответа *кринж* (90 % и 100 %), который соответствует использованию данного слова в телеграм-посте. С нашей точки зрения, это обусловлено устойчивой лексической сочетаемостью следующих глагольных словосочетаний с управлением: ‘словить + Р. П.’ = *словили кринжа*, ‘навалить + Р.П.’ = *навалил кринжа*.

В примере 2 участники опроса отдают предпочтение ответу *позор* (50 %), что прямо противоположно употреблению этого же слова в предложении в его исходном виде. Возможно, это объясняется контекстом с цитированием прямой речи, в рамках которого *бабульки* как представители старшего поколения, с позиции респондентов, не могут знать слово *кринж*, поэтому способны употреблять в речи лишь известный им аналог – *позор*.

В примере 4 участники опроса выражают неоднозначное мнение и преимущественно останавливаются на ответе «оба слова» (50 %). На наш взгляд, это отражает факт способности взаимозаменяемости слов *кринж* и *позор* в случае отсутствия влияния

экстралингвистических факторов. В противном случае выбор слова зависит от условий коммуникативной ситуации. Например, в разговоре с друзьями респонденты, вероятно, используют слово *кринж*, а в беседе с родителями – *позор*.

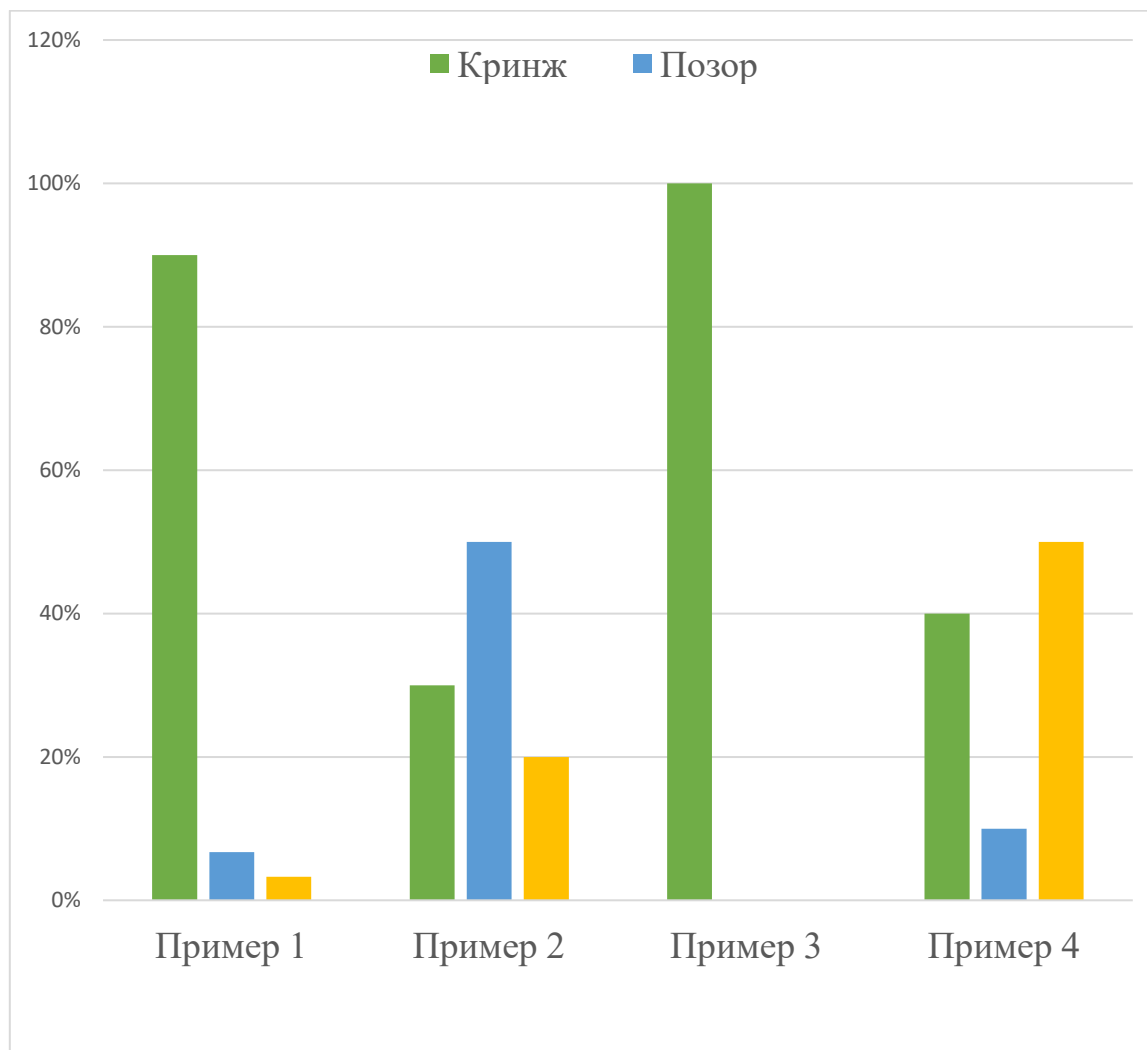

Рисунок 1 – Сравнительная диаграмма

Проведенное исследование наглядно демонстрирует, что проникновение англицизов, таких как *кринж*, в русский язык является не просто модной тенденцией, а сложным лингвистическим процессом, приводящим к семантической и стилистической дифференциации данного слова с его исконно русским синонимом *позор*. Таким образом, феномен «русинглиша» в данном случае обогащает языковую систему, добавляя в нее новые, более тонкие смысловые оттенки, а не просто замещает существующие элементы.

Список использованных источников

1. Пучинина, А. А. Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодёжи [Электронный ресурс] / А. А. Пучинина, Н. В. Сергиенко // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – №3 (51). – С. 124–128. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-rechi-sovremennoy-russkogovoryaschey-molodyozhi>. – Дата доступа : 12.10.2025.
2. Бутуханова, З. А. Влияние «русинглиша» на языковую коммуникацию и культуру [Электронный ресурс] / З. А. Бутуханова, Г. А. Желаев, Н. А. Янькова // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, №12(69). – С. 795–802. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rusinglisha-na-yazykovuyu-kommunikatsiyu-i-kulturu>. – Дата доступа : 12.10.2025.

3. Крысин, Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир : докл. Междунар. науч. конф., Пермь, Перм. гос. ун-т, 12–17 нояб. 2001 г. / [Отв. редакторы : Б. В. Кондаков, Г. С. Двинянинова]. – Пермь : ПГУ, 2002. – 296 с. – Режим доступа : <http://philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>. – Дата доступа : 12.10.2025.

4. Слова «лабубу», «свага» и «окак» вошли в топ-40 проекта «Слово года» // РБК Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rbc.ru/life/news/68b8073e9a79471282472bb3>. – Дата доступа : 12.10.2025.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the lexemes “cringe” and “shame” in the modern Russian language. Based on data from a survey of native speakers, the key differences in their semantics, stylistic connotations, and usage conditions are identified. The results reflect changes in the state of the Russian language under the influence of the “Runglish” phenomenon.

Keywords: Russian language, neologisms, youth slang, English language, borrowings, Runglish, synonyms.

УДК 811.163.1(47):27-23

А. П. Фесенко

Научный руководитель – Д. Н. Чердаков,

ст. преподаватель

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА *СУЕТА СУЕТ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование конструкции типа *суета сует* в русском языке XI–XVII вв. Семитская по происхождению конструкция фигурирует в переводах Библии и литургических текстах. В иных памятниках древнерусской и старорусской письменности она представлена в основном теми сочетаниями, которые фигурируют в Священном Писании. В то же время по образцу библейской модели создаются оригинальные сочетания с дат. мн. (*князь княземъ*).

Ключевые слова: язык Библии; церковнославянский язык; суперлативное значение.

Конструкция типа *суета сует* восходит к языку Ветхого Завета. В древнееврейском языке, как и в других семитских языках, одним из способов выражения суперлативного значения являлось сопряженное сочетание (*status constructus*) – особая посессивная конструкция, которой в тюркских и иранских языках соответствует *изафет*. Конструкция *status constructus* с суперлативным значением строится определенным образом: два одинаковых существительных, одно из которых управляет другим в форме род. п. мн. ч., например: др.-евр. *שִׁירִים שִׁיר* (*shir hash-shirim*) ‘Песнь песней’. Эта генитивная конструкция впоследствии проникла во многие европейские языки благодаря калькированию в древнегреческом переводе Ветхого Завета – Септуагинте и в латинском переводе Библии – Вульгате [1, с. 35]. О бытовании конструкции в русском языке написано немного. Так, В. П. Берков считал ее одним из чисто грамматических средств выражения суперлативности у существительных, признавал ее малопродуктивность и отводил ей периферийное место в функционально-семантическом поле компаративности [1, с. 35]. Функционирование этой конструкции в разные периоды истории русского литературного языка не рассматривалось вовсе. Мы предпримем первую такую попытку и рассмотрим реализацию данной библейской синтаксической модели в XI–XVII вв. – в период ее становления и закрепления в русском языке. Для этого мы воспользуемся коллекциями текстов древнерусского, старорусского и церковнославянского подкорпусов исторического корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2] и данными Острожской Библии 1581 г. [3] и Московской Библии 1663 г. [4].

В XI–XVII вв. конструкция главным образом употребляется в переводах Ветхого и Нового Завета. На основе текста Острожской Библии мы выявили полный набор сочетаний, используемых в церковнославянском тексте Священного Писания (приводим их в современном написании):

1. *Суббота суббот* – [3, Лев. 16:31, л. 61].
2. *Ветхая ветхих* – [3, Лев. 26:10, л. 66].
3. *Святая святых* – [3, Исх. 29:37, л. 47; 30:10, л. 47 об.; 30:29, л. 47 об.; 30:36, л. 48; 40:10, л. 52; Лев. 6:25, л. 54 об.; Чис. 4:4, л. 68; 4:19, л. 68 об.; 3Цар. 8:6, л. 166; 1Пар. 6:49, л. 196; 2Пар. 3:8, л. 206 об.; 3:10, л. 206 об.; 4:22, л. 207 об.; 5:7, л. 207 об.; Иез. 41:4, л. 429; 43:12, л. 430; 45:3, л. 431].
4. *Небо небес* – [3, Втор. 10:14, л. 91; 3Цар. 8:27, л. 167; 2Пар. 2:6, л. 206 об.; 6:18, л. 208; Пс. 148:4, л. 311 об.; Сир. 16:18, л. 341 об.].
5. *Господь господей* – [3, Втор. 10:17, л. 91; Дан. 2:47, л. 434 об.; Откр. 17:14, л. 619 об.; 19:16, л. 620 об.].
6. *Бог богов* – [3, Втор. 10:17, л. 91; Нав. 22:22, л. 115; Пс. 135:2, л. 309 об.; Дан. 2:47, л. 434 об.].
7. *Тысяча тысяч* – [3, 1Пар. 21:5, л. 202 об.; 22:14, л. 203; Дан. 7:10, л. 438; Откр. 5:11, л. 616].
8. *Царь царей* – [3, 1Езд. 7:12, л. 226; Иез. 26:7, л. 421; Дан. 2:47, л. 434 об.; Откр. 17:14, л. 619 об.; 19:16, л. 620 об.].
9. *Во веки веков* – [3, Пс. 51:10, л. 293 об.; Дан. 7:18, л. 438 об.; 1Пет. 4:11, л. 570 об.; 5:11, л. 570 об.; Гал. 1:5, л. 593 об.; Флп. 4:20, л. 599 об.; 1Тим. 1:17, л. 604 об.; 2Тим. 4:18, л. 607 об.; Евр. 13:21, л. 614; Откр. 1:6, л. 614 об.; 1:18, л. 614 об.; 4:9, л. 615 об.; 4:10, л. 615 об.; 5:13, л. 616; 5:14, л. 616; 7:12, л. 616 об.; 10:6, л. 617 об.; 11:15, л. 617 об.; 14:11, л. 618 об.; 15:7, л. 619; 20:10, л. 620 об.].
10. *Род родов* – [3, Пс. 71:5, л. 297; 101:25, л. 303; Ис. 60:15, л. 374 об.; Иоиль 3:20, л. 447 об.].
11. *Суета суествий* – [3, Еккл. 1:2, л. 324; 12:8, л. 327 об.].
12. *Песнь песней* – только в названии книги [3, Песн., л. 328].
13. *Тьма тем* – [3, Дан. 7:10, л. 438].

Как видно из перечня, одно из данных сочетаний несколько отклоняется от модели: *суета суествий*, а не *суета сует*.

Помимо функционирования в библейских текстах, эти сочетания употребляются как в переводных, так и в оригинальных памятниках в том же или несколько отличающемся виде. Конструкция представлена в хождениях, летописях, житиях, сказаниях, посланиях, преимущественно в качестве цитат из Священного Писания: *И егда убо во Святая Святых вхождаху, тогда покрывала отлагаху* (Иван Грозный. Ответ Яну Роките (1570)) [2].

Нестабильность в употреблении конструкции свидетельствует о ее недавнем проникновении в язык. Например, это демонстрирует самая ранняя фиксация построенного по описываемой модели сочетания в НКРЯ: *соуета соуетныхъ бо вса соуета* (Пчела (XI–XIII вв.)) [2]. Необычна форма второго слова сочетания – субстантивированное прилагательное *соуетныхъ*. В греческом списке «Пчелы» конструкция сохраняет в своем составе два существительных: *ματαίότης ματαιότητων* ‘суета сует’ [5, с. 316]. В дальнейшем это сочетание в таком виде (с субстантивированным прилагательным) не встречается. В Острожской Библии и Московской Библии мы находим сочетание *суета суествий*, в богословской литературе рассматриваемого периода встречается *суета суествь*: *...суета суествь въгъкъ чловѣческой* (Исайя Копинский. Алфавит духовный (1638)) [2]. Сочетание *суета сует* в НКРЯ впервые фиксируется в XVIII в.: *Знаю я, как ты ценишь мир сей, ценишь ты его с Павлом за сор, с Соломоном за суету сует...* (Архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение осьмое надесять (1758)) [2].

Примечательна группа сочетаний, в которых управляемое слово в текстах Острожской Библии и Московской Библии стоит в форме дат. мн., а не род. мн.: *бгъ вашъ той єсть бгъ богмъ и'гдѣ гдѣмъ и'црѣ црѣмъ* [3, Дан. 2:47, л. 434 об.; 4, Дан. 2:47, л. 365 об.]. При этом за пределами церковной сферы фиксируется их употребление с зависимым словом в форме род. мн.: *Нас бога богов от днесъ вси да знают!* (Симеон Полоцкий. О Навходоносоре царе (1673–1674.02.24)) [2]. В форме дат. мн. управляемое слово обнаруживается в сочетании *въ вѣкы/-и вѣкомъ* в тексте Острожской Библии [3, 1Пет. 5:11, л. 570 об.; Гал. 1:5, л. 593 об.]. Однако это сочетание, в отличие от перечисленных выше, было исправлено во время книжной справы 1640–1660-х гг., поэтому в тексте Московской Библии представлено с род. мн.: *во вѣки вѣковъ* [4, 1Пет. 5:11, л. 478 об.; Гал. 1:5, л. 498 об.].

Первое употребление конструкции с дат. мн. в НКРЯ относится ко второй половине XI в.: *поистинѣ вы [Борис и Глеб. – А. Ф.] цесаря ц(с)ремъ и князя кнѣземъ* (Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник) [2]. Здесь мы встречаем уже оригинальное сочетание, построенное по библейскому образцу, – *кнѣзя кнѣземъ*.

Помимо него, с управляемым словом в форме дат. мн. употребляются не восходящие к Священному Писанию *рабъ рабомъ, воевода воеводамъ: Евгении епископъ, рабъ рабомъ божиим...* (Московский летописный свод (1479–1492)) [2]; *и быша князи княземъ и воеводы воеводамъ* (Сказание о Довмонте (вторая четверть XIV в.)) [2]. До XVIII в., когда эти сочетания начали фигурировать с управляемым словом в форме род. мн., существовало параллельное употребление двух вариантов конструкции: в качестве полной (с род. мн.) и неполной (с дат. мн.) синтаксической кальки. Употребление дат. п. можно объяснить тем, что в древнерусском языке значение принадлежности, помимо род. п., мог выражать еще и дат. п.

К числу сочетаний, функционирующих в русском языке XI–XVII вв. и не восходящих к Библии, принадлежит сочетание *тайная тайных*. Оно встречается в названии популярного в средневековой Европе трактата «Тайная тайных» (лат. “Secretum Secretorum”). *Тайная тайных* соотносится по форме с ветхозаветными конструкциями *святая святых* и *ветхая ветхих*: управляющее слово стоит в им.-вин. п. мн. ч. ср. рода.

Кроме того, в церковнославянском подкорпусе НКРЯ мы обнаружили другие сочетания, не восходящие к Библии. Они используются в гимнографических текстах для прославления святых, например: *Радуйся, чудо чудес, Одигитрие Владычице...* (Минея. Октябрь. 22 октября: Празднование Пресвятей Богородице ради Казанския иконы Ея) [2]. Часть конструкций довольно частотна и фиксируется в церковнославянском подкорпусе более десяти раз (*чудо чудес, отец отцов, восток востоков*). Сочетание *пастырь пастырей* представлено пятью примерами; по одному разу встречаются *светило светил, звезда звезд, царица цариц*.

Таким образом, круг сочетаний, представленных в русском языке обозначенного периода, был ограничен в силу неразрывной связи с библейским первоисточником и характера книжности того времени. Большинство сочетаний восходит к Библии и литургическим текстам; исключение составляют зафиксированные с управляемым словом в форме дат. мн. *рабъ рабомъ, князь княземъ, воевода воеводамъ* и *тайная тайных*. Именно в это время закладывается основа для дальнейшего развития конструкции, что подтверждает проникновение сочетаний во многие жанры литературы XI–XVII вв. (летописи, хождения, жития, сказания, послания). Экспрессивный потенциал конструкции раскрывается в литургических текстах: гимнографы избирают ее для прославления святых, используя не только ветхозаветные выражения, но и изобретая другие (*светило светил, звезда звезд* и др.).

В дальнейшем конструкция типа *суета сует* выходит за пределы церковной сферы употребления: этот процесс начинает активно осуществляться уже в XVIII в., когда конструкция проникает в научные труды, государственные документы, переписки. На основе рассмотренной синтаксической модели в XIX–XX вв. развиваются новые относительно устойчивые сочетания (*проблема проблем, основа основ, вопрос вопросов* и др.), возникает множество окказионализмов (*опера опер, напиток напитков, триумф триумфов* и др.).

Список использованных источников

1. Берков, В. П. Работы по языкознанию / В. П. Берков ; под ред. Б. С. Жарова. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 652 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 10.10.2025.
3. Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завета, по языку словенску / Иоаннъ Феодоровъ. – Острог, 1581. – 628 л. – Острожская Библия.
4. Библиа сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта. – М. : Печатный двор, 1663. – 540 л. – Московская Библия.
5. Пчела : Древнерусский перевод : в 2 т. / Отв. ред. А. М. Молдаван. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Т. 1. – 888 с.

Abstract. The article examines the use of the construction *sueta suet* (*vanity of vanities*) in Russian language of the XI–XVII centuries. This Semitic construction is used in Bible translations and liturgical texts. In other monuments of Old Russian language, it represents primarily by combinations from the Holy Scriptures. However, original combinations with the dative plural are created based on the Biblical model (*knyaz knyazem*).

Keywords: language of the Bible; Church Slavonic; superlative meaning

УДК 811.161.1

Д. Е. Фролова

Научный руководитель – О. А. Дмитриева,
канд. филол. наук, доцент

ТЕРМИН ТРИГГЕР ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу лексемы *триггер*, прочно укоренившейся в современном русском языке. Рассматривается определение рассматриваемой лексемы, а также демонстрируется многогранность употребления соответствующего термина в различных областях, таких как экономика, медицина, культура и др. Особое внимание уделяется грамматическим особенностям слова и его способности передавать разнообразные эмоциональные оттенки.

Ключевые слова: триггер, лексема, производные слова, грамматические особенности, эмоциональная окраска.

Наибольшее число исследований, посвященных понятию триггера, наблюдается в психологии. Так, О. С. Егорова и Ю. М. Шишкина в своей статье «Триггер в психологии» рассматривают различные составляющие этого понятия, а также примеры его проявления в контексте психологических процессов и состояний. Особое внимание они уделяют тому, как триггеры влияют на поведение и реакции людей в повседневной жизни [1]. В социолингвистике к исследованию этого термина обращается А. Е. Журавлева. В центре её внимания факторы, способствовавшие распространению термина *триггер* в современном русском языке, а также статистика его использования в период с 1998 по 2021 гг. [2]. Однако, чтобы глубже понять распространение и функционирование этого термина, рассмотрим его определение и языковое поведение в различных контекстах.

Триггер – это многозначный термин, распространённый в различных гуманитарных областях. Его разнообразные определения объединяет один общий аспект: понимание триггера как некоего пускового механизма, стимула или фактора, запускающего или вызывающего какое-либо событие, процесс или реакцию. Это может быть как физическое

действие, так и психологический или экономический фактор. В русском языке, по данным НКРЯ [3], от исходной формы *триггер* образовались такие производные, как прилагательное *триггерный*, глаголы *триггерить* и *триггернуть*.

Термин *триггер* характеризуется впечатляющей многогранностью. Он активно употребляется в самых разнообразных сферах:

1. Экономика. В этой области *триггер* часто указывает на фактор, вызывающий заметные изменения (например, падение или, напротив, рост): *Аналитики напоминают, что теперь главным триггером для падения национальной валюты может стать отток капитала* (Рублю предсказали новый обвал // lenta.ru, 24.01.2019); *Триггером роста, считает он, стали поставщики этих товаров, которые подняли закупочные цены более чем в два раза* (МЭР предлагает <...> // Парламентская газета, 12.11.2020).

2. Социально-политическая сфера. В данном контексте термин используется для обозначения причинно-следственных связей в общественно-политических процессах: *«Понятно, что социально-экономические последствия карантина будут триггером определенного общественного недовольства, но чтобы оценить его уровень и градус, пока недостаточно данных»*, – уверен эксперт (Эксперты предупредили <...> // Ведомости, 06.04.2020).

3. Медицина. *Триггер* – это ‘фактор, который провоцирует развитие заболеваний’: *Точная причина заболевания неизвестна, но предполагается, что триггером процесса может быть вирусная инфекция, сказала она, уточнив, что патологию можно легко пропустить, если пациент длительное время находится в реанимации* (Эпидемиолог рассказала о жалобах пациентов, перенёсших COVID-19 // Парламентская газета, 06.11.2021).

4. Культура. В этой области *триггер* может обозначать ‘кульминационный элемент сюжета’, например: *Хотя в фильме нет никаких сюжетных триггеров – ни космической авиации, ни любовной интриги, – смотрится он отлично, будучи целиком построен на искренней и точной игре исполнительницы главной роли* (Прокатная десятка // Коммерсант, 17.01.2020).

5. Техника и электроника. Применительно к этой сфере, термин *триггер* чаще всего используется для обозначения кнопок на контроллере, которые активируют конкретные игровые действия: *В комплекте с приставкой будет поставляться новый контроллер с улучшенной системой вибрации, а его кнопки-триггеры (L2/ R2) будут реагировать на силу упора* (У Sony не получается сделать PlayStation 5 доступной // Vesti.ru, 14.02.2020).

6. Геология. В данной сфере термин указывает на разновидность природного явления, которое было активировано каким-либо внешним воздействием: *И этот взрыв за много километров, за счет какого-то малого сигнала, вызывает здесь землетрясение. Такие землетрясения называют триггерными* (Нина Петлянова. «В хамство впадете – гвоздя не выдумаете». Леонид Вайсберг дома у Гранина // Новая газета, 05.06.2017).

Таким образом, термин *триггер* активно применяется в самых разнообразных областях – от экономики, медицины и социально-политического контекста до культуры, техники и геологии, – что является проявлением его универсальности.

Помимо этого, анализ примеров употребления термина *триггер* в медийной сфере позволяет сделать вывод о его грамматических особенностях. Термин может употребляться как в единственном числе, так и во множественном: *Врач пояснил, что нет универсальных продуктов – триггеров мигрени, так как для каждого пациента они могут отличаться* (Названы продукты, вызывающие мигрень // РИА Новости, 18.11.2020). В такой роли слово часто встречается в конструкциях, указывающих на причину или фактор возникновения какого-либо явления или процесса: *стать / послужить / выступить триггером* (для чего-л.), а также *быть/являться триггером*.

Лексема не только активно используется как существительное, но и порождает производные формы и устойчивые составные конструкции, такие как *фразы-триггеры*, *событие-триггер* и др.: *Ранее член Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Антон Горелкин заявил, что в России необходимо*

разработать систему, которая будет отслеживать в Интернете преступные намерения и реагировать на **фразы-триггеры** в каналах, соцсетях и на сайтах (Роскомнадзор создаст систему мониторинга <...> // Парламентская газета, 27.05.2021). Итак, термин **триггер** может выступать в качестве приложения, образуя устойчивые конструкции.

Производные глаголы *триггернуть* или *триггернуться* чаще используются в неформальной речи: *У меня есть ощущение, что мои близкие **триггернулись** из-за истории даже больше, чем я, потому что их столкнуло с этой реальностью в трагическом контексте заново* (Жукова Лариса, Агаджикова Алена. Ощущение тоски, плаксивости и гнева // lenta.ru, 18.11.2019).

Прилагательное *триггерный* находит широкое применение в экономической сфере. Так, *В этот список также можно включить сниженную или нулевую ставку **триггерной** доходности и, наоборот, повышенную ставку вознаграждения за успех* (Смешать и инвестировать // Ведомости, 07.04.2019).

Стоит также отметить, что лексема *триггер* встречается во всех падежах. Однако наиболее многочисленной является группа творительного падежа со значением причины, как пусковой механизм или фактор чего-либо: *Банковский сектор Кипра стал **триггером** кризиса в стране* (Интервью – Паникос Димитриадис, председатель Центробанка Кипра // Ведомости, 21.03.2013).

При анализе слова *триггер* в медийном дискурсе важен аспект его эмоционального и оценочного восприятия. Его воздействие может быть как негативным, так и позитивным, а в некоторых случаях – совершенно нейтральным:

1. Негативное: лексема ассоциируется с нежелательными или угрожающими явлениями: *По его словам, если где-то будут оставаться очаги инфекции, они могут послужить **триггером** для того, чтобы коронавирус вновь распространился на всю планету* (Путин: мир еще не справился с трудностями, вызванными пандемией // Парламентская газета, 04.06.2021).

2. Позитивное: слово может обозначать благоприятные факторы: *Снижение цен «дает хороший **триггер** к совершению покупок, которые пришлось временно отложить, в том числе из-за кризиса»...* (Дмитрий Шестоперов. Без скидок на пятницу // Коммерсант, 12.11.2020).

3. Нейтральное: термин обозначает пусковой механизм, словоупотребление не сопровождается какой-либо выраженной эмоциональной оценкой: *Вирус выступил **триггером** для того, чтобы принять множество решений, уже состоялся эксперимент с принудительной цифровизацией потребительских запросов и бизнес-практик* (К стратегии постпандемического развития: об очевидном и не очень // Ведомости, 01.06.2020).

Таким образом, лексема *триггер* широко используется в медийном дискурсе как универсальное обозначение пускового механизма, стимула или фактора, охватывая множество сфер: от экономики и медицины – до культуры и геологии. Анализ выявил не только широкую сочетаемость и грамматические особенности рассматриваемой лексемы, но и её способность выражать различные эмоционально-оценочные коннотации.

Список использованных источников

1. Егорова, О. С. Триггер в психологии / О. С. Егорова, Ю. М. Шишкина // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования : сборник статей. – Том 23 (130). – Новосибирск : Сибирская академ. книга, 2021. – С. 157–160.
2. Журавлева, А. Е. Что стало триггером для «триггера»? Специфика распространения лексемы «триггер» : социолингвистический фактор / А. Е. Журавлева // Социальные коммуникации в цифровую эпоху : сб. тезисов I Национ. междисциплинар. науч.-практ. конф., Тольятти, 28–29 ноябр. 2024 г. – М. : Изд-во «Спутник+», 2025. – С. 92–94.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 14.09.2025.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the lexeme "trigger", which is firmly rooted in the modern Russian language. The basic definition of the lexeme is considered, and the versatility of its use in various fields, such as economics, medicine, culture, and others, is demonstrated. Special attention is paid to the grammatical features of the word and its ability to convey a variety of emotional connotations, ranging from negative to positive and neutral.

Keywords: trigger, lexeme, derived words, grammatical features, emotional connotations.

УДК 81'42:316.647

А. А. Хопхаян

Научный руководитель – **О. В. Ширяева-Ширинг**,
д-р филол. наук, доцент

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется аксиологическое наполнение лингвокультурного концепта «Семья» в современном российском медиадискурсе. На материале анализа текстов российских интернет-изданий выявляются и описываются ключевые аксиологические доминанты, формирующие ценностную картину мира российского общества. Доказывается, что медиадискурс продолжает укреплять традиционные культурные константы.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоаксиология, концепт «Семья», аксиологические доминанты, медиадискурс.

Историческая динамика семейных ценностей демонстрирует тесную связь с эволюцией семейной модели, находящейся под влиянием комплекса экономических, социальных и политических факторов. Современный российский институт семьи существует в условиях системных вызовов, ключевым из которых является демографический кризис. На этом фоне традиционные принципы, ранее составлявшие основу семьи, подвергаются значительной трансформации и утрачивают свою безусловную значимость, что находит отражение в растущей общественной толерантности к таким явлениям, как разводы и внебрачные союзы [1, с. 182–183].

В данном контексте медиадискурс выполняет не только репрезентативную, но и конституирующую функцию, активно формируя, закрепляя ценностные ориентиры. Целью настоящего исследования является выявление и лингвистический анализ аксиологических доминант концепта «Семья», репрезентированных в языке российской прессы.

Актуальные тенденции и трансформации в сфере семейных отношений получают в прессе интерпретацию через призму аксиологических доминант, которые конструируют нормативный образ благополучного общества. Российские СМИ, выступая агентом социализации, внедряют в общественное сознание конкретные ориентиры развития семейных отношений. Эмпирическую базу исследования составили контексты из российской интернет-прессы, в которых выражена оценка тех или иных тенденций в семейной сфере. В центре внимания находится детальный анализ аксиологических доминант, структурирующих концепт «Семья».

Создание семьи утверждается в качестве фундаментальной аксиологической доминанты, актуализирующей ценность семейных отношений в жизни человека. Тексты СМИ насыщены лексикой, наделяющей этот акт значимостью. Так, в одном из контекстов подчеркивается: *... именно в этих испытаниях открывается глубокий смысл жизни. Создание семьи, несмотря на трудности, дарит уникальные моменты радости, любви и подлинный смысл, которые гедонизм игнорирует. Семейная жизнь полна множества мелочей, которые задают вектор нашего существования: первые шаги, улыбки,*

искренние разговоры. Эти моменты привносят в рутину «серых будней» яркие эмоции и позволяют **почувствовать себя частью чего-то большего** [2]. Используемые словосочетания не только вербализуют ценность семьи как таковой, но и создают позитивное аксиологическое поле, противопоставляя осмысленную семейную жизнь рутине «серых будней», что усиливает восприятие семьи как антитезы одиночеству. Аналогично, в другом примере, абсолютный приоритет семьи выражен через лексемы высшей степени значимости: *для меня всегда семья была **самым главным**, что только может быть в жизни. Я всегда мечтал и хотел семью. Все, что я делал, – во имя нашей семьи* [3]. Глаголы *мечтать* и *хотеть* представляют семью как ключевой жизненный ориентир, а идиома *во имя нашей семьи* имплицитно передает идею самоотверженности и безусловной преданности семейному благополучию.

Рождение детей репрезентируется в медиадискурсе не только как личный выбор, но и как важнейшая общественная и государственная ценность. Дискурс о деторождении часто вплетается в нарратив о демографической политике и будущем страны. Яркой иллюстрацией служит пример: *Российский лидер Владимир Путин на заседании Госсовета, посвященном вопросам поддержке семей в РФ, призвал **переломить негативную тенденцию** снижения рождаемости и поздних браков в стране* [4]. Пейоратив *негативный* дает однозначную оценку демографической ситуации, а императивный глагол *переломить* маркирует необходимость активных и решительных коллективных действий, тем самым аксиологизируя рождение детей как социальный долг. В другом случае личное стремление к родительству, выраженное через глагол *мечтали* и словосочетание *долго готовились* [5], возводится в ранг социально одобряемого идеала, формируя позитивный образ осознанного планирования детей.

Логическим развитием данной доминанты выступает стремление к многодетности, которая концептуализируется в прессе как ключевой социальный идеал, способствующий укреплению государства. При этом медиадискурс не игнорирует сопутствующие трудности, что отражается в использовании оценочной лексики, констатирующей сложность этого пути: *Можно много рассуждать о том, как **непросто** в наше время воспитывать ребёнка, а уж если детей в семье несколько, все **трудности и проблемы умножаются**. Ведь быть многодетной мамой – это **постоянная работа, требующая терпения и большой любви к детям*** [6]. Однако, несмотря на признание сложностей, ценность многодетности активно отражается на государственном уровне, что вербализуется через лексику побуждения и поощрения: *Путин отметил, что для повышения демографии нужно **стимулировать** российские семьи к рождению трех и более детей. В частности, одной из мер может стать распространение на **матерей-героинь** льгот героев труда России, отметил президент* [7]. Глагол *стимулировать* выражает позитивную оценку проактивной политики, а оценочный неологизм *мать-героиня* служит мощным средством символического признания и возвеличивания труда многодетных родителей.

Важнейший блок аксиологических доминант связан с воспитанием детей, заботой и обеспечением их безопасности. Современный медиадискурс отходит от авторитарной модели, актуализируя ценности ответственного родительства и эмоционального благополучия ребенка. Так, в примере: *... поэтому **обижать, унижать, кричать, запугивать и тем более бить детей, естественно, недопустимо**. Скандалить на их глазах, бурно выяснять отношения, устраивать истерики и драться – конечно же, тоже* [8] – жесткие методы воспитания получают однозначно негативную оценку, выраженную категоричным наречием *недопустимо*. В противовес этому формируется ценностный ориентир, связанный с созданием безопасной среды для развития, что находит отражение в лексике долга и ответственности: *Младенцы полностью уязвимы перед большим миром, и **важной задачей** родителей является обеспечение их безопасности* [9].

Важнейшим структурообразующим компонентом концепта «Семья» выступают крепкий брак, супружеская верность, взаимоуважение и любовь. Это можно подтвердить примером: *... судьба распорядилась иначе: сцена **подарила** ей не только множество известных ролей, но и мужа – легендарного Василия Ланового. Они поженились в начале 70-х*

и больше не расставались до самой смерти Василия Семеновича [10] – здесь ценности вербализуются через имплицитные средства, например, метафорическое выражение *судьба подарила* и характеризующие долговечность союза *не расставались до самой смерти*.

В заключение можно констатировать, что аксиологическое пространство концепта «Семья» в российском медиадискурсе структурировано вокруг ядра ключевых доминант, формирующих образ социально одобряемой модели. Создание семьи, рождение детей, многодетность, ответственное воспитание, взаимное уважение и верность в браке определяются в языке как позитивные ценностные ориентиры, которые формируют устойчивое понимание семьи как опоры благополучного общества и государства.

Список использованных источников

1. Марина, А. А. Актуальные проблемы современного института семьи в России / А. А. Марина, Д. В. Вечерникова // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 182–185.
2. Тутина, Ю. «Вектор жизни». Психолог Орлова рассуждает, чем опасно отсутствие детей [Электронный ресурс] / Ю. Тутина // Аргументы и Факты. – 2024. – 13 ноября. – Режим доступа : <https://aif.ru/health/psychologic/-vektor-zhizni-psiholog-orlova-rassuzhdaet-chem-opasno-otsutstvie-detey>. – Дата доступа : 10.10.2025.
3. Боярский, А. «Встретились не в то время». Фигуристка Сотскова разводится спустя полгода [Электронный ресурс] / А. Боярский // Аргументы и Факты. – 2021. – 20 января. – Режим доступа : https://aif.ru/sport/person/vstretilis_ne_v_to_vremya_figuristka_sotskova_razvoditsya_spustya_polgoda. – Дата доступа : 10.10.2025.
4. Сергеева, Я. Путин : нужно переломить тенденцию снижения рождаемости и поздних браков [Электронный ресурс] / Я. Сергеева // Аргументы и Факты. – 2024. – 20 декабря. – Режим доступа : <https://aif.ru/society/putin-nuzhno-perelomit-tendenciyu-snizheniya-rozhdaemosti-i-pozdnih-brakov>. – Дата доступа : 10.10.2025.
5. Набойченко, Т. Три пацана – одно лицо. На Дону родилась уникальная тройня с одинаковым ДНК [Электронный ресурс] / Т. Набойченко // Аргументы и Факты. – 2025. – 26 марта. – Режим доступа : <https://rostov.aif.ru/society/tri-pacana-odno-lico-na-donu-rodilas-unikalnaya-troynya-s-odinakovym-dnk>. – Дата доступа : 10.10.2025.
6. Емельянова, Н. От роз до кораллов. Донскую семью наградили медалью за родительский труд [Электронный ресурс] / Н. Емельянова // Аргументы и Факты. – 2024. – 31 марта. – Режим доступа : <https://rostov.aif.ru/society/family/ot-roz-do-korallov-donskuyu-semyu-nagradili-ordenom-roditelskaya-slava>. – Дата доступа : 10.10.2025.
7. Сергеева, Я. Путин : нужно переломить тенденцию снижения рождаемости и поздних браков [Электронный ресурс] / Я. Сергеева // Аргументы и Факты. – 2024. – 20 декабря. – Режим доступа : <https://aif.ru/society/putin-nuzhno-perelomit-tendenciyu-snizheniya-rozhdaemosti-i-pozdnih-brakov>. – Дата доступа : 10.10.2025.
8. Нечаенко, Е. Скрывать или нет? Надо ли прятать негативные эмоции от детей [Электронный ресурс] / Е. Нечаенко // Аргументы и Факты. – 2021. – 28 января. – Режим доступа : https://aif.ru/health/psychologic/skryvat_ili_net_nado_li_pryatat_negativnye_emocii_ot_detey. – Дата доступа : 10.10.2025.
9. Шатохина, А. Младенец в опасности. Как защитить ребенка от случайных травм дома [Электронный ресурс] / А. Шатохина // Аргументы и Факты. – 2021. – 25 января. – Режим доступа : https://aif.ru/health/children/mladenec_v_opasnosti_kak_zashchitit_rebenka_ot_sluchaynyh_travm_doma. – Дата доступа : 10.10.2025).
10. Морозова, О. И в горе, и в радости. История любви Ирины Купченко и Василия Ланового [Электронный ресурс] / О. Морозова // Аргументы и Факты. – 2021. – 29 января. – Режим доступа : https://aif.ru/culture/person/i_v_gore_i_v_radosti_istoriya_lyubvi_iriny_kupchenko_i_vasilija_lanovogo. – Дата доступа : 10.10.2025.

Abstract. The article explores the axiological content of the linguistic and cultural concept “Family” in modern Russian media discourse. Based on the analysis of texts from Russian online media, the article identifies and describes key axiological dominants that shape the value system of Russian society. The article argues that media discourse continues to reinforce traditional cultural values.

Keywords: linguoculturology, linguoaxiology, concept "Family", axiological dominants, media discourse.

Д. Д. Юрьев
Научный руководитель – Е. П. Налобина,
ст. преподаватель

СЛОЖНОЕ СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются сложные слова (компози́ты) в немецком языке как элемент словообразовательной системы. Анализируются структурные, семантические и функциональные особенности компози́тов. Описываются классификации сложных слов. Проводится связь с менталитетом немецкого народа.

Ключевые слова: сложное слово, компози́т, словообразование, немецкий язык.

Словообразование является предметом изучения лингвистики на протяжении многих лет. Оно является важной частью структуры языка, так как ни один язык не имеет столько ресурсов, сколько существует понятий в мире. Словообразование является связующим звеном между элементами внешнего и внутреннего опыта человека, формируя обозначение понятий. Словообразование, таким образом, связано с теорией номинации, то есть ономастикой; его функции связаны с образованием и использованием номинаций. Основной же функцией является пополнение словаря любого языка новыми наименованиями [1]. Немецкий язык вызывает особый интерес у лингвистов в аспекте словообразования за счет широкого распространения в нем компози́тов. По характеру словопроизводства понимается культура народа и функционирование их языка. Немецкому менталитету свойственны пунктуальность, любовь к порядку, экономность и прямолинейность, что находит отражение в системных и логичных словообразовательных моделях. Кроме того, словосложение является не просто одним из способов обогащения словарного запаса, но и действенным инструментом номинации, позволяющим в одной лексической единице обозначать целое понятие.

Словосложение заключается в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или два грамматически оформленных слова, или несколько корней основ, слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова [2, с. 64]. Критериями идентификации компози́тов являются:

- единая неделимая, неизменяемая основа;
- наличие главного и второстепенных ударений (например, *Tischlampe*, главное ударение на *Tisch*, второстепенное – на *lampe*);
- семантическая и номинативная целостность значения, не всегда являющаяся суммой значений частей компози́та (например, *Schildkröte* – черепаха, а не *щит* + *жаба*);
- отнесенность к конкретной части речи;
- морфологическая цельнооформленность.

Слово *Handschuh*, означающее перчатку, не может быть разделено, так как оно теряет свое значение. Его можно трансформировать в словосочетание *Schuh mit Hand* или *Schuh für Hand*, но в таком случае исконный смысл слова кардинально меняется. В семантической структуре сложного слова различается как раз базовое значение предметного отношения и «идиоматическая» надстройка над ним в виде ассоциаций в общественном сознании с «предметом такого вида», не получающих в составе компози́та материального воплощения [3, с. 142]. Смена местоположения частей слова также ведет к изменению значения, например, *die Mietwohnung* (съёмная квартира) и *die Wohnungsmiete* (арендная плата за квартиру). Грамматическую категорию рода сложное слово приобретает по последнему его компоненту, который, как правило, является определяемым, а первый – определяющим. Главный компонент выделяется логическим ударением.

Классификаций композитов существует много, самые основные из них это:

1. По количеству компонентов:

- двусоставные (*Kaffeetasse*);
- трехсоставные (*Haustürschlüssel*);
- четырехсоставные (*Vierdrahtanschlußeinheit*);
- многосоставные

(*Donaudampfschiffahrtselektrizitätenhauptbetriebswerkbauunterbeamtengesellschaft*).

2. Копулативные:

- сложение основ (*Computerspiel*);
- сложение с соединительным элементом (*Jahreszeit*).

3. Сложение с другими частями речи (определятельные):

- прилагательное + существительное (*Großstadt*);
- глагол + существительное (*Schreibtisch*);
- существительное + глагол (*Gefriertrocknen*).

Семантические отношения между компонентами в определятельных композитах, наиболее частотных в немецком языке, крайне разнообразны. Определитель может выражать:

- материал/состав (*Holztisch*);
- принадлежность/отношение (*Studentenbewegung*);
- место (*Hotelhalle*);
- время (*Nachtarbeit*);
- цель/причину (*Schmerztablette*).

Функционально сложные слова служат прежде всего для экономной и точной номинации. Они позволяют в сжатой форме выразить сложное понятие, что особенно требуется в научной, технической и официально-деловой сферах, например: *die Datenverarbeitungsanlage* (установка для обработки данных) [4]. Кроме того, они несут текстообразующую и экспрессивную функцию, часто используя в публицистике и рекламе для создания ярких, запоминающихся образов (*der Wohlfühlmoment* – момент комфорта).

Склонность немецкого языка к созданию длинных, многокомпонентных слов, таких как *Küchenmaschinenreiniger* (средство для чистки кухонных приборов), отражает системный и аналитический склад ума, присущий носителям немецкой лингвокультуры. Способность расчленять сложное явление на составляющие и затем собирать их в единую, логически упорядоченную структуру является воплощением принципа порядка. Эта же черта проявляется и в синтаксисе, в так называемых рамочных конструкциях, где сказуемое обрамляет предложение, создавая строгую и завершенную структуру. Композит, как и рамочная конструкция, представляет собой замкнутую, упорядоченную систему.

Немецкие сложные слова отличаются высокой степенью семантической прозрачности. Их значение часто напрямую выводится из значений компонентов (*die Waschmaschine* = *waschen* + *Maschine*). Эта прямолинейность соответствует стилю коммуникации, который в немецкой культуре ценится за прямоту и отсутствие двусмысленностей. Язык стремится к максимальной точности, а сложное слово является идеальным инструментом для достижения этой цели, позволяя избежать пространных описаний.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что сложное слово является не просто одним из элементов словообразовательной системы немецкого языка, но и ее системообразующим стержнем, во многом определяющим его специфику. Высокая продуктивность моделей словосложения, их структурное разнообразие и семантическая емкость находятся в прямой связи с ключевыми характеристиками немецкого менталитета. Системность мышления находит отражение в логичной и иерархической структуре композитов. Прагматизм и стремление к порядку проявляются в их номинативной функции и экономии языковых средств. Прямолинейность коммуникативного стиля соответствует семантической прозрачности многих сложных слов.

Таким образом, немецкие сложные слова можно считать своего рода «лингвистическими формулами», которые кодируют не только информацию о предметах и явлениях, но и об особенностях мировосприятия нации.

Список использованных источников

1. Иванова, Т. К. Сложное слово как элемент словообразовательной системы русского и немецкого языков [Электронный ресурс] Т. К. Иванова // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, Кн. 6. – С. 143–151. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnoe-slovo-kak-element-slovoobrazovatelnoy-sistemy-russkogo-i-nemetskogo-yazykov>. – Дата доступа : 25.10.2025.
2. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1953. – 376 с.
3. Павлов, В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В. М. Павлов. – Л. : Наука, 1985. – 299 с.
4. Ясенко, И. П. Взаимовлияние менталитета, языка и культуры (на примере немецкого языка) [Электронный ресурс] / И. П. Ясенко // SciPress.ru. – 23.08.2019. – Режим доступа : <https://scipress.ru/philology/articles/vzaimovliyanie-mentaliteta-yazyka-i-kultury-na-primere-nemetskogo-yazyka.html>. – Дата доступа : 15.10.2025.

Abstract. The article examines complex words (composites) in the German language as an element of the word-formation system. The structural, semantic and functional features of composites are analyzed. Classifications of complex words are described. A connection is being made with the mentality of the German people.

Keywords: compound word, composite, word formation, German language.

УДК 81'373.611

В. А. Яковлева

Научный руководитель – **Е. В. Карпова**,
канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДИКАТОВ СОСТОЯНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Аннотация. В качестве материала исследования выбран информационный портал «Такие дела». В центре внимания – анализ языковых средств, передающих семантику состояния. Они используются для реализации прагматических целей социальной журналистики. В настоящей статье выявлены и классифицированы ядерные и периферийные средства выражения состояния, определена частотность их употребления и функции.

Ключевые слова: категория состояния, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, социальная журналистика, языковое воздействие, предикаты состояния.

Актуальность данного исследования обусловлена сразу несколькими факторами. С одной стороны, мы можем говорить о неугасающем интересе лингвистов к изучению категории состояния. Вопрос о существовании категории состояния как отдельной части речи в лингвистических исследованиях всегда стоял остро. Настоящее исследование – попытка внести свой вклад в уточнение статуса категории состояния. С другой стороны, исследование выполнено в русле функциональной грамматики, что отвечает современным подходам в языкознании. Мы не только изучаем язык как систему, но и роль человека в этой системе. Актуальность исследования обусловлена также изучением роли языка социальной журналистики в формировании картины мира человека. Важно отметить, что сама по себе социальная журналистика является малоизученным феноменом.

Цель работы – исследовать функционирование предикатов состояния в социальной журналистике.

В лингвистике объем и содержание семантической категории состояния понимают неоднозначно. Это объясняется отсутствием постоянных способов выражения. Состояние может быть выражено на лексическом уровне словоформой, высказыванием или целым текстом [1, с. 105]. К семантическим категориальным признакам состояния относят статичность, длительность, инактивность, перцептивность, ориентированность на субъект, фазовость, неконтролируемость [2, с. 92]. К ядру категории состояния принято относить безлично-предикативные конструкции (*Мне скучно и как-то особенно неловко*). К центру поля состояния также относят безличные модально-деагентивные глаголы (*не спится*) и субстантивные конструкции (*был в забытии*), но их не причисляют к прототипу состояния [1, с. 110–111].

Движение к периферии обусловлено отсутствием типичных семантических признаков. К периферии состояния ученые относят адъективные конструкции, пропозитивные существительные, прилагательные, наречия [1, с. 112–113], глаголы [3], фразеологизмы [4]. Такие средства способны передавать значение состояния только при доминировании лексической категоризации.

Все предикаты состояния можно разделить на две большие группы – состояние человека и природы. Состояние человека, в свою очередь, – на подгруппы: физиологическое состояние (сон, усталость, болезненность), психическое состояние (настроение, волнение, стыд, удивление, страх и т. д.), социальное (имущественное, зависимое и независимое, социальное угнетение) и функциональное состояние [5].

В рамках исследования нам важно обратиться к теории социальной журналистики. Социальную журналистику иногда называют «журналистикой участия» [6]. Главная её функция – гуманистическая, направлена на человека и его проблемы. Помимо этого, социальная журналистика выполняет и классические функции журналистики – коммуникативную и информационную. Сюда же относят и специфические: внедрение новых проектов, реальное участие в социальных проектах [6].

В качестве материала исследования будет выступать информационный портал «Такие дела» [7]. Он относится к социальной журналистике, так как в основе всех публикаций лежит социальная проблема. Об этом команда «Таких дел» заявляет в описании портала: «Медиа о социальных проблемах и людях, которые с ними сталкиваются». Журналисты портала ставят перед собой определенную задачу, четко представляют свою целевую аудиторию и всегда преследуют одну цель – помочь нуждающимся людям. «Нашими статьями мы собираем деньги на работу благотворительных фондов по всей России», – указано в разделе «О нас».

Авторы «Таких дел» в статьях используют различные средства выражения состояния. Безлично-предикативные конструкции, которые исследователи относят к ядру категории состояния, чаще всего встречаются в прямой речи героев. В предложениях *Мне было грустно, я ничего не ждала / Я первый раз, страшно немного / Мне так жалко, что я рано родилась* выражены признаки инактивности и перцептивности. Субъект не совершает активного действия, а лишь передает свои ощущения. В высказываниях присутствуют признаки процессной статичности и длительности конкретного состояния. Чаще всего с помощью безлично-предикативных конструкций герои передают свое психическое состояние. Ядро состояния авторы также используют при описании окружающей обстановки. В предложениях *В забое жарко: 30 градусов / Внутри оказалось жутко: помещение было наполовину затоплено грязной водой / Темно так, что не видно даже очертаний человека на соседнем стуле, и очень тихо* присутствуют все ключевые признаки состояния.

Среди высказываний с предикатами состояния встречаются и субстантивные конструкции. Предложения *Маша рассказывает, в каком отчаянии была в то время / Он*

вышел в слезах / Дети всё ещё в шоке содержат признаки статичности и вербально не выраженной длительности. Признаки инактивности и перцептивности могут быть слабо выражены или отсутствовать. Конструкции с безличными модально-деагентивными глаголами в статьях «Таких дел» не встречаются.

В статьях информационного портала «Такие дела» доминирует не ядро состояния, а периферия. Авторы выражают состояние с помощью глаголов (*И печалится, что воспринимать людей после 70 как новых работников работодатели явно не дозрели / Меня это веселит / Расстроилась, не знала, что делать*), пропозитивных существительных (*Дорога, снег, темнота – все располагает к дремоте / То, что раньше приносило радость, потом отзывается сильной болью / Очнулась от оцепенения, в котором была два года*), прилагательных (*Никогда еще поход в кафе не был для всех участниц этого обеда таким волнительным / На самом деле мир холодный. Местами жестокий*), наречий (*Никита то обнимался, то что-то восторженно говорил*). В таких предложениях не выражены ключевые признаки состояния. Доминирующим признаком выступает лексическое значение. В статьях встречаются и адъективные конструкции, в которых прослеживаются признаки состояния, но не в полной мере. В предложении *Никита – высокий и внешне взрослый молодой человек – был счастлив оттого, что он сегодня «как все»* ярко прослеживается немаркированная статичность и ориентированность на субъект.

Если классифицировать все высказывания по группам, то доминирующим значением выступает психологическое состояние человека. Чаще всего можно наблюдать значения радости, печали и страха. Наряду с предикатами психологического состояния, авторы также используют предикаты физиологической группы. Частотным при этом является значение болезненного состояния.

Активное употребление предикатов состояния в социальной журналистике, более конкретно – в информационном портале «Такие дела», объясняется главной задачей СМИ – сбором средств для благотворительной помощи. Обилие слов, характеризующих, в первую очередь, состояние человека, использовано с определенной целью – воздействия на читателя. Для того, чтобы разбудить в читателе желание помочь героям, авторы погружают его в особую обстановку. Герой, чаще всего, чем-то сильно болен (об этом свидетельствует обилие слов с семантикой болезненного состояния). В материалах акцент также делается на эмоции: описываются страхи, радости и печальные моменты. Читатель невольно хочет посочувствовать герою, так как становится участником этой истории, переживает события его жизни вместе с ним. Авторы, воздействуя на читателя при помощи предикатов, и побуждают его к определенным действиям – финансовой помощи. То есть обилие предикатов состояния в социальной журналистике используют для реализации прагматической функции.

Таким образом, авторы социальных материалов активно используют в текстах предикаты состояния. Семантика состояния присуща разным частям речи. Набор категориальных признаков, отличающих состояние от других явлений, в рамках высказывания может быть разным. Предикаты состояния, взаимодействуя со средой, выполняют две функции – информационную (передача состояния природы и человека как такового) и прагматическую (воздействие на читателя). Прагматическая помогает авторам реализовать главную цель – собрать деньги на благотворительность. А за ней стоит и реализация главной функции журналистики – помощь конкретному человеку.

Список использованных источников

1. Матханова, И. П. Поле состояния в современном русском языке : прототип и его окружение / И. П. Матханова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – М. : Наука, 2005. – С. 103–113.
2. Камалова, А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах / А. А. Камалова. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 1998. – 325 с.

3. Санжеева, Н. Р. Функционирование глаголов эмоционального состояния в повествовательном тексте / Н. Р. Санжеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 29 (320). – С. 130–132.
4. Шведова, Н. В. Синтаксические свойства и функция фразеологизмов категории состояния / Н. В. Шведова // Вестник Курганского государственного университета. – 2010. – №1 (55). – С. 142–144.
5. Васильев, Л. М. Системный семантический словарь русского языка. – Т. 1 : Предикатная лексика / Л. М. Васильев. – Уфа : Гилем, 2005. – 464 с.
6. Панферова, В. В. Гуманистическая функция социальной журналистики / В. В. Панферова, Т. Н. Владимирова // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – №2. – С. 246–255.
7. Такие дела – медиа о социальных проблемах и жизни людей в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://takiedela.ru/> – Дата доступа : 18.10.2025.

Abstract. The information portal “Takie dela” was chosen as the research material. The focus is on the analysis of linguistic means that convey the semantics of state. These means are used to achieve the pragmatic goals of social journalism. This article identifies and classifies the nuclear and peripheral means of expressing state, determines the frequency of their use, and identifies their functions.

Keywords: category of state, functional grammar, functional-semantic field, social journalism, linguistic influence, state predicates.

Научное электронное издание

МОЛОДЕЖНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей

Основан в 2021 году

Выпуск 5

Подписано к использованию 12.11.2025.

Объем издания 7,06 МБ.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

<http://conference.gsu.by>